

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

XIX

1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

Т о м XIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1961

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Академик *М. Н. Тихомиров* (отв. редактор),
Б. Т. Горянов, член-корреспондент АН СССР *П. В. Ернштедт*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*, *Е. Э. Липшиц*,
Г. Г. Литаврин (отв. секретарь), член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*,
Е. Ч. Скржинская, *М. Я. Сюсюмов*,
Э. В. Удальцова (зам. отв. редактора).

Г. ЦАНКОВА-ПЕТКОВА

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА В БОЛГАРСКИХ ЗЕМЛЯХ ПОД ВИЗАНТИЙСКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ

Согласно древней традиции, номинальным верховным собственником земель в Византии считалось государство. Всякий подданный считался владельцем земли лишь постольку, поскольку он выполнял свои обязанности по отношению к государству и был в соответствии с этим занесен в податные списки. Принадлежащее государству право феодальной собственности на землю реализовалось в форме централизованной ренты, которая совпадала с налогом¹. После перехода Болгарии под власть Византии в болгарских землях постепенно получила распространение византийская фискальная система. В первые десятилетия, однако, налоговая система не менялась. Рассчитывая удержать в повиновении болгарский народ, покорившийся только после продолжительной и героической борьбы, Василий II оставил неизменной налоговую систему в завоеванных областях. К концу его правления обнаружили признаки упадка, имевшего в своей основе глубокие экономические причины. Продолжительные войны Василия II разорили мелких свободных собственников, из числа которых рекрутировались рядовые воины, и ускорили процесс обезземели-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1957, стр. 803—804. Выводы Маркса относятся не только к отдельным странам Востока, но характеризуют феодализм вообще в средневековой Европе: «Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, крепостная зависимость [Hörigkeit] в настоящем смысле этого слова. Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь верховный собственник земли». Ср. А. П. К а ж д а н. Особенности феодальной собственности в Византии. ВВ, X, 1956; стр. 60; Г. Г. Л и т а в р и н. Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв. УЗ Ин-та славяноведения, т. XIV, 1956, стр. 247; М. Я. С ю з ю м о в. Некоторые проблемы истории Византии. ВВ, 1956, № 3, стр. 114. Сюзюмов намечает три возможных пути развития феодальных отношений в Византии: 1) превращение ее в феодально раздробленную страну, управляемую провинциальной феодальной аристократией. Этот «континентальный» путь развития, по его мнению, не полностью отвечал особенностям Византии — морской страны, являвшейся связующим звеном в торговле между Востоком и Западом; 2) распад Византии на ряд самостоятельных городских республик; 3) превращение ее в централизованное государство восточноазиатского типа, где налог отождествлялся с поземельной рентой. Автор считает, что в отдельные периоды развития брал верх то тот, то другой путь, пока в конце XI в. не победил «континентальный» путь развития, в результате чего провинциальная аристократия захватила государственный аппарат в свои руки (там же, стр. 115).

вания свободных крестьян и превращения их в зависимых людей. Вместе с этим понизилась и обороноспособность государства, сократились доходы казны, обострились классовые противоречия. Платежеспособность налогоплательщиков упала, и в последние годы правления Василия II налоги не были собраны за два года². Дальновидный политик, Василий II понимал, что главной опорой финансовой и военной мощи империи были свободные мелкие собственники. Поэтому он покровительствовал им, защищая как от домогательств династов, так и от притеснений со стороны государственных финансовых органов. Таким образом, ему удавалось сглаживать до известной степени внутренние противоречия и сохранять сильной центральную власть³. При его наследниках наступили значительные перемены. С усилением процесса феодализации усиливались и центробежные силы и разложение среди правящих кругов.

Государство беднело, его доходы падали, а господствующий класс тонул в роскоши и искал новых путей для увеличения своих богатств. Начали прибегать к принудительному взысканию недоимок, к замене натуральных податей денежными, к увеличению старых и введению новых податей⁴.

Так, Константин VIII приказал собрать подати, оставшиеся не собранными за последние два года правления Василия II. Кроме того, он взыскал налоги еще за три первых года своего царствования, так что населению пришлось платить в течение двух-трех лет подати за пять лет⁵. Особенно тяжело отразилась на налогоплательщиках налоговая реформа, проведенная Михаилом IV Пафлагонцем, по которой натуральные подати заменялись денежными⁶. К сожалению, летописец не говорит точнее, на каких условиях произошла замена, или, другими словами, сколько номисм должно было платить каждое хозяйство. Мы знаем, однако, на основании того же сообщения Кедрина, что одно зевгаратное болгарское хозяйство при Василии II платило тот же налог, что и при Самуиле, — один модий жита, один модий проса и один кувшин вина⁷. Во всяком случае эта реформа отрицательно отразилась на положении болгарских крестьян и мелких земельных собственников в городах. Всякое мелкое хозяйство в значительной степени само удовлетворяло свои нужды, поэтому его собственник, чтобы выплатить налог в золотых номисмах, должен был продать по более низким ценам излишки сельскохозяйственного производства.

Кроме того, в 1039 г. Орфанотроф вновь ввел подать азрикон, взимавшуюся в Византии во времена Льва VI⁸.

Налоги в Византии взимались не с урожая, а с земли — в зависимости от ее количества и качества⁹. Государство определяло общую сумму на-

² Georgii Cedreni Compendium, II. Bonnæ, 1839, p. 484. 2—5: «Щадя бедных, император Василий временно не собирал государственные налоги, но давал отсрочки и откладывал обложение. Когда он умер, налоги остались не собранными за два года».

³ G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 271—272.

⁴ Cp. D. Xanatalos. Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte Makedoniens im Mittelalter. . . München, 1937, S. 36—37; G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 283—310.

⁵ См. Cedr., II, p. 484. 5—10: «Так были разорены, выплачивая в продолжение трех лет подати за пять лет, не только бедные и неимущие, но и состоятельные люди».

⁶ Ibid., p. 530. 12—13: «Ορφαντροφός αντί των εις των νομισμάτων ἐπέλεγε διδόναι... («Орфанотроф приказал вместо продуктов давать номисмы»).

⁷ Ibid., p. 530. 10—12.

⁸ Leonis Philosophi Tactica. PG, t. 107, cap. 20, § 71, col. 1032.

⁹ Cp. D. Xanatalos. Beiträge. . ., S. 36—37.

лога для каждого села (*ρίζα χωρίου*), которая распределялась между налогоплательщиками согласно размерам и виду находившейся в их владении земли (так называемая *эпиболе*)¹⁰. Обложению не подлежали так называемые «излишние земли» и не вписанные в податные списки (неплатежные, лишние) крестьяне¹¹.

При исполнении своих служебных обязанностей государственные органы совершали большие злоупотребления. Они привыкли получать «подарки» (*μερίσματα*) и, получив их, становились еще более дерзкими, до тех пор пока не получали новых даров¹².

Практоры отвечали за налоговый сбор своим собственным имуществом. Если они не успевали собрать фиксированный государством налог, имущество их конфисковалось¹³. Поэтому они действовали крайне грубо при исполнении своих служебных обязанностей. Служба их обычно продолжалась в течение одного года¹⁴, и они очень мало заботились о том, что будет после истечения этого срока. Их помощниками были представители местного населения, хорошо знавшие возможности налогоплательщиков и крайне беззастенчивые при сборе налогов. Государственный контроль был слаб, а судебные органы и высшие чиновники действовали в союзе со сборщиками¹⁵.

Особенно усилился налоговый гнет во второй половине XI в. Для того, чтобы пополнить казну, Константин Мономах заменил военные наборы денежным налогом¹⁶. При Константине X Дуке (1059—1067) значительно возросли существующие налоги¹⁷. В это же время была возобновлена практика отдавать право сбора налогов откупщикам¹⁸. За предоставляемое государством право на сбор налогов в какой-либо области откупщик платил государству определенную сумму, которая иногда значительно превосходила установленную для этой области сумму налогов¹⁹. Откупщик же стремился взыскать с налогоплательщиков гораздо больше, чем сам затратил на откуп налогов. В 1074 г., при Михаиле VII Парасинаке, известный своей алчностью логофет дрома Никифора ввел монополию на торговлю зерном в Родосто и обложил непосильными налогами земледельческие продукты²⁰. Так «былое изобилие покинуло государство, и [стоимость] зерна с 18 модиев за номисму поднялась до одного модия за номисму»²¹.

¹⁰ G. Rouillard. L'Epibolé au temps d'Alexis Comnène. Byz., vol. X, 1935, p. 81—82.

¹¹ Cp. F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Leipzig—Berlin, 1927, S. 114—115; G. Rouillard, P. Collomp. Actes de Lavra, I. Paris, 1937 (далее — Lavra), p. 168.

¹² Theophylacti archiepiscopi Bulgariae Epistolae. PG, t. 126, col. 316. C—D, 516. B, 517. D, 532. B. Cp. Cecaumeni Strategicon et incertiscriptoris De officiis regis libellus. «Записки ист.-филол. фак-та С.-Петербургского университета», ч. XXXVIII, 1896, p. 6. 13—15; 15. 15—22 etc.

¹³ Cecaumeni, Strat., p. 39. 20—27. Cp. D. Xanatalatos. Beiträge. . ., S. 53—54.

¹⁴ F. Dölger. Beiträge. . ., S. 76.

¹⁵ D. Xanatalatos. Beiträge. . ., S. 53—56.

¹⁶ Cp. Cedr., II, p. 608. 20.

¹⁷ См. Cecaumeni, Strat., p. 70. 13; 98. 11; Michaelis Attaleiote Historia. Bonnae, 1853, p. 283. 9—20; Ioannes Zonaras. Epitome historiarum, III. Bonnae, p. 676. 9 sq.

¹⁸ Zon., p. 676. 11; 677.4: «Император (Константин Дука. — Г. Ц.) проявлял свое усердие главным образом в двух направлениях: увеличение государственных податей, для чего он продавал должности налоговых сборщиков желающим и предоставлял им на основании договора право собирать подати, и ведение судебных процессов» Cp. Cecaumeni, Strat., p. 40. 8.

¹⁹ F. Dölger. Beiträge. . ., S. 57.

²⁰ См. Attali., p. 201. 18—203.5.

²¹ Ibid., p. 203. 4—7.

После 1040 г. налоговое обложение в болгарских землях осуществлялось в полном соответствии с византийской фискальной системой. При классификации налогов буржуазные византисты обращают прежде всего внимание на государственные подати и налоги, которые рассматриваются при этом в отрыве от развития феодальных отношений в Византии. Поэтому предложенные ими категории налогов являются неполными — они охватывают только централизованную государственную ренту и не затрагивают повинностей частновладельческих париков по отношению к их феодальным владельцам²². Кроме того, вследствие недостатка сведений или их неполного использования и неправильного освещения имеется много необоснованных гипотез.

Общий обзор налоговой политики Византии на завоеванных землях бывшего Болгарского государства был сделан в последнее время советским византинистом Г. Г. Литавриным²³.

Изучение феодальной ренты в болгарских землях под византийской властью дает возможность установить две ее главные категории: 1) денежная рента, 2) натуральная рента.

1. ДЕНЕЖНАЯ РЕНТА

Одним из основных налогов был зевгологий. Он уплачивался как крестьянами — государственными подданными, так и париками, сидевшими на землях феодалов, которые не располагали полным финансовым иммунитетом. Частновладельческие крестьяне обыкновенно платили регулярные государственные налоги, но были освобождены от всех других натуральных и отработочных повинностей по отношению к государству²⁴.

В письменных памятниках от этой эпохи не упоминается никакого другого земельного налога, кроме зевгология. Несмотря на это, некоторые исследователи считают, что основной поземельный налог назывался зевгарий или зевгаратикий, а зевгологий был налогом на рабочий скот или на пару волов²⁵. По мнению других, отношение между так называемым зевгарием (зевгаратикием) и зевгологием точно определить нельзя, так как недостаточно ясно значение зевгология²⁶. В своих более ранних работах Ф. Дэльгер пришел к заключению, что зевгологий — это поземельная подать, которая идентична с известным из поздневизантийских памятников зевгаратикием²⁷. Кроме зевгология, согласно Дэльгеру, крестьяне в Византии платили поземельный, или основной налог (*Grundsteuer*) в соответствии с видом и качеством находившейся в их владении земли. В позднеримское время этот налог был известен под названием *jugatio*, а в византийское время не имел специального названия²⁸. Позднее тот же

²² Ср. F. Dölger. Beiträge..., S. 47—62; D. Xanlatos. Beiträge..., S. 40—53.

²³ Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии (1018—1185 гг.), ВВ, X, 1956, стр. 84—92.

²⁴ Lavra, № 39. 48—52, p. 106.

²⁵ D. Xanlatos. Beiträge..., S. 40.

²⁶ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 122—123. М. Андреев и Д. Ангелов считают, что зевгаратикий тождествен зевгологии («История на българската държава и право». София, 1959, стр. 142).

²⁷ F. Dölger. Beiträge..., S. 53.

²⁸ Ibid., S. 54—55. В сущности, в названии «зевгологий» совершенно ясно усматривается *jugatio terrena*: *jugum* соответствует ζυγόν. К тому же нельзя считать достаточно убедительным предположение, что при наличии в Византии множества налогов, имеющих специальные названия, основной налог не имел его. Более вероятным пред-

автор изменил свое мнение относительно зевгология и причислил его к пошлинам — денежным взносам, уплачиваемым государству в особых случаях ²⁹. Уточняя значение терминов *βιολόγιον* и *καπνολόγιον* как пошлин, уплачиваемых финансовыми органами за оценку имущества какого-либо хозяйства, Ф. Дэльгер считает, что зевгологий был также пошлиной, уплачиваемой за фиксацию количества рабочего скота и за внесение его в практики ³⁰.

Предположение это, однако, недостаточно аргументировано. Прежде всего, при определении значения зевгология незачем прибегать к аналогии с *καπνολόγιον* и *βιολόγιον*, которые редко встречаются в документах и значение которых еще не установлено. Кроме того, согласно имеющимся сведениям, зевгологий — это основной налог (*τέλος*), уплачиваемый с обрабатываемой земли каждым хозяйством. Мы не можем также согласиться с мнением Д. Ксаналатоса, что зевгологий — налог с пары волов, уплачиваемый париками, которые соответственно с количеством принадлежащих им волов делились на дизевгаратов, зевгаратов и воидатов. Автор исходит из буквального значения термина «зевгарийон» — пара волов. Однако, как это принимается почти всеми исследователями, зевгарь означал не только пару волов, но и хозяйственную налоговую единицу. Парики записывались в практики соответственно с имущественным состоянием данной семьи, при этом принималось во внимание количество и качество обрабатываемой земли, а также количество скота ³¹. Мнение о зевгологии как о налоге на скот находит, кажется, подтверждение в некоторых документах. Так, в хрисовуле императора Алексея Комнина, выданном монастырю Богородицы Милостивой на Струмице, зевгологий упомянут наряду с другими налогами, которые уплачиваются со скота: «Дарую ему экскуссию на 150 овец, 40 волов, выгоняемых на пастбище (*βοῶν τε ἀγελαίων*), 10 кобыл (*φορβάδων*) и 6 пар волов. Пусть монастырь навсегда имеет экскуссию на это количество скота от зевгология, азрикона, энномия и всякой другой подати, взимаемой с обрабатывающего землю тяглогового скота и со скота, выгоняемого на пастбище» ³². В этом тексте перечислены налоги зевгологий, азрикон, энномий как подати с рабочего скота и скота, выгоняемого на пастбище (*ἀπό τε τῶν ἐργαζομένων τῇ γῇ τῶν ζευγῶν καί ἀπό τῶν νεμωμένων ζῶων*).

Так как известно, что энномий взимался за право пользоваться пастбищами, а азрикон — за всякого рода ущерб, нанесенный в данном случае скотом ³³, то легко предположить, что под зевгологием здесь подразумевается налог на рабочий скот. Но исчерпывается ли этим содержание зевгология и не имеет ли он, подобно азрикону, более широкого значения?

В другом хрисовуле, которым монастырю Богородицы Милостивой дарятся 12 париков, говорится: «Передаем этих париков упомянутому святому монастырю, чтобы он владел ими и распоряжался как свободными от налогов и тягот и от всяких государственных повинностей, т. е. от

ставляется, что он не всегда упоминался под своим именем или что в различных по времени документах он назывался по-разному: иногда как зевгаратикий, иногда как зевгарий, иногда как зевгологий.

²⁹ F. Dölger. Zum Gebührenwesen der Byzantiner. «Etudes dédiées à la mémoire d'André Andréades». Athènes, 1939, p. 5, 26.

³⁰ Ibid., p. 23—26.

³¹ См. ММ, IV, p. 182: καὶ ἀναθεωρήσης τοὺς προσκαθημένους παροίκους καὶ ἀναγράφης ἐλαστον τῶν παροίκων ἢ ζευγαρικὴν ἢ βοϊδοτικὴν κατὰ τὴν ἐκάστου εὐπορίαν καὶ δύναμιν καὶ ἐποκαταστήσης αὐτοὺς δίδοναι τὸ ἀναλογεῖν τῷ ζευγαράτῳ καὶ τῷ βοϊδάτῳ παροικικόν τέλος. Ср. Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, ч. 240, 1885, стр. 49.

³² ИРАИК, VI, 1 (1900), стр. 29. 15—20.

³³ Подробнее об азриконе см. ниже, стр. 10—11.

зевгология, энномия, ампелопакта, мелиссоэнномия, аэрикона и от других податей, взыскиваемых государством»³⁴. И здесь, так же как и в предыдущем хрисовуле, зевгологий поставлен на первое место среди государственных налогов. При этом в хрисовуле ясно сказано, что 12 париков должны быть освобождены от всяких государственных повинностей, т. е. что они не должны платить никаких налогов ни с земли, ни со скота. Для нас в данном случае важно, что в экскussionной формуле, которая утверждает освобождение париков от всяких государственных налогов, не упомянут никакой другой налог с обрабатываемой земли. Кроме зевгология, в хрисовуле перечисляются поименно: энномий (налог на выгоняемый на пастбище скот), ампелопакт (налог на виноградники), мелиссоэнномий (налог на пчел) и аэрикон. Упоминание ампелопакта отдельно от зевгология свидетельствует, по нашему мнению, о том, что зевгологий взимался только с пахотной земли (γῆ ἀρόσιμος)³⁵, обрабатываемой тяглым скотом. Если бы с этой земли крестьяне платили какой-нибудь другой налог, кроме зевгология, например зевгаратикий, то он был бы упомянут, как упомянут в хрисовуле ампелопакт — налог с земли, занятой под виноградниками. Поэтому мы предполагаем, что зевгологием облагался не только рабочий скот, но и земля, которую этот скот обрабатывал, или, другими словами, зевгологий — это основной налог, уплачиваемый одновременно и за обрабатываемую землю, и за тот скот, который ее обрабатывал³⁶. В письмах Феофилакта о зевгологии говорится как о поземельном налоге. Так, жалуюсь в своем письме к Иоанну Дукe на отмену хрисовула, утверждавшего права архиепископа на с. Могила, «которым церковь владела с древних времен»³⁷, Феофилакт в конце концов согласился, что его крестьяне, освобожденные от других повинностей в пользу государства, будут платить зевгологий за обрабатываемую ими землю. «Но так как [земля] не считается нашей, мы будем платить зевгологий на общих основаниях, [ибо], как известно твоему величию, это касается всех»³⁸.

Согласно другому свидетельству Феофилакта, его парики в Пологе должны были платить только зевгологий, но освобождались от всяких других налогов³⁹. Крестьяне Феофилакта освобождались от поземельного налога только с одного зевгария; те из них, которые имели больше, платили поземельный налог с остальной земли. «Он добавил и то, — пишет Феофилакт о практоре, — что подаренным церкви парикам... он даст только по одному зевгарию, и угрожал, что все другие виды налогов будет взимать сам, что противоречит приказу о передаче»⁴⁰. В действительности, однако, даваемая хрисовулом экскуссия не всегда соблюдалась. Кроме того, как уже отмечалось, при измерении и описании земли допускались большие непорядки. Чиновники фиска не обладали необходимыми познаниями для измерения земель и, кроме того, были заинтересованы во взыскании

³⁴ ИРАИК, VI, 1, стр. 38. 24—39. 1.

³⁵ В зависимости от назначения и способа обработки земля делилась обычно на пахотную (γῆ ἀρόσιμος, χωραφαία), виноградники (γῆ ἀμπτελος, ἀμπτελοφύτεια), плодовые сады (γῆ κηπεύσιμος) и луга (γῆ λυβδαία) и соответственно этому делению облагалась налогами. Ср. F. Dölger. Beiträge... S. 54—55.

³⁶ В османской налоговой системе мы находим точное соответствие зевгологии в налоге *resm-i çift*, который буквально означал «налог на пару», но уплачивался за землю, обрабатываемую одной и более парами (быков) и причислялся к поземельным налогам. Ср. В. Мутафчиева. Феодална рента, присваивана от ленния държател с оглед на нашите земи през XV—XVI в. ИИБИ, т. VI, 1957, стр. 179—181.

³⁷ PG, t. 126, col. 533. D.

³⁸ Ibid., col. 536. B.

³⁹ Ibid., col. 516. D. В тексте «зевголеои», вероятно, ошибочно вместо «зевгологий» или «зевгологон». Ср. об этом *ibid.*, col. 536. B, где упоминается *zeugolōgion*.

⁴⁰ Ibid., col. 452. A.

как можно больших налогов. «Большинство из них (парики Феофилакта. — Г. Ц.) не только не пользовалось экскусией на один зевгарь. . . , но, смешно сказать, те, кто составляют опись, приписывают им большее количество зевгарей, так что налагают подать не только на то, с чего парики должны были быть освобождены, но и требуют даже сверх должного»⁴¹.

Сведения, содержащиеся в переписке Феофилакта, подтверждают предположение, что основной налог, платимый крестьянами, назывался зевгологий. Пользующиеся экскусией парики Феофилакта были освобождены от налога только с одного зевгаря, за остальную землю (более одного зевгаря) они должны были уплачивать установленный налог.

Сигиллием, выданным деспоту Славу в 1220 г., его владения освобождались от ἐξέλασις (набора воинов) и от ζευρολόγιου δόσις (уплаты зевгология)⁴². Владения деспота, таким образом, имели экскуссию от двух основных повинностей — военного и поземельного налогов. Из рассмотренных материалов видно, что зевгологий платили как государственные крестьяне, так и парики во владениях феодалов, пользовавшихся частичным иммунитетом. При полном иммунитете феодальных владений частновладельческие парики получали экскуссию от всех государственных налогов, включая и зевгологий.

Из сопоставления этих данных явствует, что зевгологий идентичен с известным из других источников зевгаратикием. *Это основной налог, уплачиваемый крестьянами государству в эту эпоху.* При определении размеров зевгология учитывался прежде всего зевгарий как хозяйственная и фискальная единица, причем крестьяне разделялись, в соответствии с размером, видом и качеством своих владений, на зевгаратных (имеющих один зевгарий земли, обрабатываемой одной парой волов), двузевгаратных (которые имели два зевгария), воидатных, которые имели менее одного зевгария, или, образно говоря, земля которых могла быть обработана только одним волом. В соответствии с этим делением они были внесены в налоговые списки и обложены зевгологием. В некоторых случаях при наличии частичного иммунитета зевгаратные парики освобождались от зевгология, а ~~двузевгаратные платили зевгологий~~ за землю, которой у них было более одного зевгария. Размер зевгология, следовательно, зависел от количества и качества обрабатываемой земли, а также от количества тяглого скота.

Итак, приведенные данные подкрепляют высказанное некоторыми авторами⁴³; ~~но недостаточно аргументированное предположение, что зевгологий — это основной налог, уплачиваемый одновременно и со скота, и с обрабатываемой им земли.~~ При этом рассмотренные материалы показывают, что зевгологий ~~уплачивался~~ только за пахотную землю. В более поздних документах этот налог встречается под названием зевгаратикий или зевгарий.

Другим налогом, ~~уплачиваемым~~ государству крестьянами, был амелопакт — налог на виноградник⁴⁴. Он взимался отдельно от зевгология, так как в ~~податные списки~~ виноградника (ἀμπελοφύτεία) записывались

⁴¹ Ibid., col. 448. С.; см. col. 493. С. Согласно иммунитетной привилегии, которой располагала Охридская архиепископия, парики Феофилакта должны были платить государству налог только в том случае, если они владели более чем одним зевгарием земли, но были освобождены от всяких других налогов и повинностей (ibid., col. 516. D; 536. B). Этот иммунитет, однако, не всегда соблюдался финансовыми властями.

⁴² Ср. Ив. Дуйчев. Из старата българска книжнина, II. София, 1944, стр. 32.

⁴³ Ср. F. Dölger. Beiträge. . . , S. 53; Г. Г. Литаврия. Налоговая политика. . . , стр. 110; Ив. Дуйчев (МП, г. 12, № 2, 1940, стр. 139).

⁴⁴ Ср. F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 66/67. 11—12, S. 194.

отдельно от пахотных земель. Засаженная виноградником земля называлась также γῆ ὑπόφυλλος (земля под виноградником) или γῆ κολλοθεῖσα (земля, глубоко перекопанная) ⁴⁵.

Одним из государственных налогов была так называемая декатея — десятина на нетяглый скот — коз, овец, свиней и др. ⁴⁶

Парики Теофилакта имели экскуссию от десятины ⁴⁷. Эта экскуссия, однако, на практике не соблюдалась ⁴⁸.

Налогом, сходным с десятиной, был энномий, уплачиваемый крестьянами за пользование государственными пастбищами, и мелиссоэнномий — налог на пчел ⁴⁹. Энномий обычно налагался на всю крестьянскую общину, а затем общая сумма распределялась между всеми ее членами ⁵⁰.

К регулярным налогам, собираемым фискальными органами, принадлежал капникон. Капникон уплачивали как зевгаратные и воидатные, так и лишенные обрабатываемой земли, но имеющие свое самостоятельное хозяйство крестьяне ⁵¹. Последние называются в некоторых документах капникариями. В Византии капникон взимался с каждого дома или очага (καπνός) ⁵². По своему характеру он может сравниться с упоминаемой в староболгарских и сербских источниках дымниной ⁵³.

Одним из государственных налогов был аэрикон. Вначале аэрикон представлял собой судебную пошлину — штраф, который виновный должен был платить в пользу пострадавшего и в казну ⁵⁴. Позднее, под влиянием славянского права, согласно которому индивидуальная ответственность за отдельные преступления заменялась коллективной ответственностью всей общины, аэрикон превратился в постоянный дополнительный налог, который налагался на всю сельскую общину наряду с другими налогами и должен был уплачиваться всеми ее членами ⁵⁵.

⁴⁵ Cp. F. Dölger. Beiträge. . ., S. 41—42.

⁴⁶ Cp. D. Xanalatos. Beiträge. . ., S. 41—42.

⁴⁷ PG, t. 126, col. 448. B, 448. C.

⁴⁸ Ibid., col. 449. B.

⁴⁹ MM, VI, p. 15. 29. 8—10; ИРАИК, VI, стр. 1 —20.

⁵⁰ MM, VI, p. 15. 5—10; F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 35. 92, S. 102.

⁵¹ F. Dölger. Beiträge. . ., S. 54.

⁵² Предполагают, что капникон заменил поголовную подать, уплачивавшуюся колонами Римской империи (capitatio humana). Cp. F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 1/2, S. 27; № 30.

⁵³ Cp. F. Dölger. Beiträge. . ., S. 57; М. Андреев, Д. Ангелов. Указ. соч., стр. 142.

⁵⁴ Cp. Б. А. Панченко. О тайной истории Прокопия. ВВ, III, 1950, стр. 507—511; F. Dölger. Das αερικόν. ВЗ, 30, 1930, S. 450; idem. Aus den Schatzkammern. . ., № 1/2. 31, S. 27; М. Ласкарис. Ватопедската грамота на царь Иван Асеня II. София, 1930, стр. 47—48; Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. BS, IX (2), 1948, стр. 299—302; А. П. Каждан. Аграрные отношения. . ., стр. 146. Как судебная пошлина аэрикон упоминается в опубликованных Ф. И. Успенским и В. Н. Бенешевичем «Вазелонских актах» (Л., 1927, № 55. 10, стр. 31; № 58. 12, стр. 33; № 128. 8, стр. 94; № 128. 20, стр. 96; № 129. 7—8, стр. 96). О возмещении убытков за нанесенный рабом или скотом ущерб имеются сведения и в Земледельческом законе (см. W. Ashburner. «Journal of Hellenic Studies», 10, 1930, § 38, 45, 46, 48, p. 102—103). Cp. G. Rouillard — A. Soloviev. Το φοινικόν. Une influence slave sur le droit pénal byzantin. — Mnemosyna Pappalia, 1934, p. 221 sq. Cp. также Г. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. ВВ, XIII, 1958, стр. 122.

⁵⁵ Как постоянный добавочный налог, сверх основных государственных налогов, аэрикон упомянут в Тактике Льва VI: ἀρκεί γε αὐτοῖς телеῖν τοὺς τε δημοσίους φόρους καὶ τὰ ἐπιχεῖμενα αὐτοῖς ἀερίκα καὶ μηδὲν πλέον («Достаточно платить государственные налоги и наложенный на них аэрикон и ничего больше»). PG, t. 107, cap. 20, § 71, col. 1032; Торнаритис ((Τορναρίτις. Το αἰνίγμα τοῦ βυζαντινοῦ ἀερίκου.

В письменных памятниках от этого времени аэрикон упоминается наряду с другими налогами, которые уплачиваются государству⁵⁶. Аэрикон платили и клирики Феофилакта⁵⁷.

Согласно сообщению Кедрина, аэрикон был восстановлен Иоанном Орфанотрофом около 1039 г.: «В 6547 г. Иоанн определил, чтобы каждое село давало дополнительно сверх государственных налогов, соответственно с состоянием и возможностями каждого, в качестве аэрикона одно — четыре номисмы, другое — шесть и т. д. до 20 номисм»⁵⁸. Сведения, сообщаемые Кекавменом, дают некоторое представление о методах взыскания этого налога. Кекавмен советовал своему сыну, чтобы тот не становился государственным чиновником или сборщиком податей, так как «те, с которых ты несправедливо взыщешь аэрикон или что-либо другое, будут таскать тебя по фемным судам 10—15 лет»⁵⁹.

В одном из своих писем Феофилакт жаловался, что его клирики были несправедливо обложены аэриконом и отрочиной, и требовал, чтобы им были возвращены взятые в качестве этих налогов суммы⁶⁰.

Приведенные сведения позволяют сделать вывод, что при взыскании аэрикона не всегда соблюдался один и тот же критерий, но нельзя сказать, тем не менее, что аэрикон взимался совершенно произвольно со всех крестьян. Кроме имущественного ценза, при взимании этого налога принимали, конечно, во внимание характер совершенного крестьянином правонарушения (убийство, нанесение телесных повреждений, кража, обольщение девушки и т. д.). Поэтому аэрикон вряд ли можно причислить к поземельным государственным налогам, как считают некоторые ученые⁶¹.

Рассмотренный материал подтверждает предположение, что аэрикон в XI—XII в. был постоянным дополнительным налогом, налагаемым на все село и взыскиваемым с его жителей в соответствии с совершенными ими правонарушениями. В болгарских памятниках XIII—XIV вв. аэрикон встречается под названием «арико», «тварико»^{61а}.

«*Ἀρχαῖον βοζαντινὸν δικάριον*», I, 1930) считаем, что аэрикон — это чрезвычайный военный налог. Однако более приемлемым представляется мнение, что аэрикон в одних случаях употребляется в значении судебной пошлины, а в других случаях означает постоянный добавочный налог (см. А. Соловьев, В. Мошине. Гръцке повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 383—384).

⁵⁶ См. ИРАИК, VI, стр. 38. 26—28: «... всякая государственная повинность, т. е. зевгологий, энномий, ампелопакт, налог на пчел, аэрикон и остальные налоги, взимаемые государством». Ср. там же, стр. 29. 17—20: «пусть монастырь имеет навсегда экскуссию на это количество скота от зевгология, аэрикона, энномия и всякой иной подати, взимаемой с обрабатывающего землю тяглого скота и со скота, выгоняемого на пастбище». Здесь аэрикон упомянут как налог на животных, что и дало некоторым ученым повод рассматривать его исключительно как налог на скот (см. L. Petit. Le monastère de Notre Dame de Pitié. ИРАИК, VI, стр. 55; ср. М. Ласкарис. Ватопедската грамота... стр. 46). Но, как уже указывалось, аэрикон имел более широкое содержание. Он взимался вначале за различные нарушения, среди которых был и ущерб, нанесенный скотом. Определить аэрикон как налог на скот — это значит абсолютизировать одно его частное значение, ибо, согласно другим сведениям, аэрикон был не только налогом на скот.

⁵⁷ PG, t. 126, col. 517. A.

⁵⁸ Cedr., II, p. 521. 12—15.

⁵⁹ Сес., Strat., p. 40. 25—26.

⁶⁰ PG, 126, col. 517. A.

⁶¹ А. Монье (H. Monnier. L'Epibolé. «Nouv. revue historique de droit français et étranger», 16, 1892, p. 508 sq.) рассматривает аэрикон как налог на дома. П. Безобразов («*Ἀερίκον*». Сборник в честь Кареева. СПб., 1914, стр. 93—94) относит аэрикон к поземельным налогам.

^{61а} Ср. Ив. Дуйчев. За първообразността и достоверността на Рилската грамота. — Известия на Архивния институт, I (1951), стр. 67.

При взыскании налогов взимали также дополнительные пошлины, или подати (дикератоэксафол, синифию, элатикон), одни из которых шли в государственную казну, а другие — в пользу чиновников фиска. Дикератоэксафол взимался в размере двух кератиев ($1/_{12}$ номисмы) и шести фоллов ($1/_{48}$ номисмы), т. е. по $5/_{48}$ с каждой номисмы, или примерно около 10% от общей суммы налога ⁶².

Вместе с основным налогом взыскивали также синифию ⁶³ ($1/_{12}$ или $1/_{10}$ номисмы) в пользу высших налоговых чиновников и элатикон (называемый также подокопия — «утомление ног», равный $1/_{24}$ номисмы) в пользу их помощников.

Величина всех этих дополнительных податей достигала $11/_{48}$ номисмы и составляла почти 25% от суммы основного налога ⁶⁴.

Общим названием для уплачиваемых государству основных постоянных налогов вместе с указанными пошлинами было *δημόσιον τέλος* или *ἄπαν τελοῦμενον* ⁶⁵. Мы не имеем точных данных о том, какие налоги включались в телос.

Насколько можно судить по сохранившимся материалам, в телос, кроме пошлин, связанных с налоговым обложением, входили прежде всего поземельный налог и капникон ⁶⁶. В телос входили также и остальные денежные сборы — ампелопакт, азрикон, энномий, десятина и др. По мнению некоторых авторов, в него были включены также коммутированные государственные ангарии — кастроктисия, гефире и др. ⁶⁷

До нас дошел один документ из Ивирского архива ⁶⁸, содержащий ценные сведения о налогах, уплачиваемых жителями села Радолуб (*χρῆσιον* *Ῥαδολύβ[ου]*), — Радулево, теперь с. Радолиово, Серский округ, близ Филидос [Зияховско (в Беломорской Македонии) в Струмицкой феме] ⁶⁹.

В этом документе дано прежде всего описание земельных владений села с точным указанием их границ. Затем сообщаются общие размеры совокупного налога (*ἄπαν τελοῦμενον*), из которого вычтены подати разорившихся крестьян (так называемая *συμπάθεια*). Вместе с дикератоэксафолом, синифией и элатиконом налоговый сбор со всего села составлял $9\frac{1}{2} + \frac{1}{6} + \frac{1}{24}$ номисмы ($9\frac{34}{48}$) ⁷⁰.

Затем в акте перечислены поименно отдельные крестьянские хозяйства (так называемые *στίχοι*) и платимый ими налог (в номисмах):

⁶² Дикератон был введен Львом III (717—741) как дополнительный налог на восстановление городских стен (см. *Theophanes. Chronographia*, ed. C. De Boor. Lipsiae, 1883, p. 412. 20. Ср. *F. Dölger. Beiträge...*, S. 58). Эксафол был также введен Львом III (*F. Dölger. Beiträge...*, S. 59). После этого указанные налоги превратились в регулярные дополнительные подати.

⁶³ Ср. MM, VI, p. 15: «В качестве синифии, епискептита одна номисма на 10 номисм».

⁶⁴ *F. Dölger. Beiträge...*, S. 60.

⁶⁵ PG, t. 126, col. 448. D; Lavra, № 46. 17—18, p. 124; № 42. 12, p. 113; *F. Dölger. Aus den Schatzkammern...*, № 65. 13—14, S. 182.

⁶⁶ Ср. MM, VI, p. 15. 10—15.

⁶⁷ Ср. Д. Ангелов. Принос към поземелните отношения във Византия през XIII в. ГСУ, ист.-филол. фак-тет, 2, 1952, стр. 47.

⁶⁸ Извлечение из кадастра (искодика) с. Радолуб от месяца августа 1098 г. См. *F. Dölger. Aus den Schatzkammern...*, № 65. 3, S. 182.

⁶⁹ *Ibid.*, № 65. 3, S. 182. Ср. В. Трайков. Список на населените места в Тракия и Македония под гръцка власт. София, 1946, стр. 48, 105.

⁷⁰ *F. Dölger. Aus den Schatzkammern...*, № 65. 12—13. S. 182. Хрисовулом и питтакием Алексея Комнина этот налог «зачислялся (*ἐλογίσθη*) в пользу монахини Марии Куропалатиссы Василикины», которой и должен был выплачиваться (*ibid.*, № 65. 13—15, ср. *idem. Beiträge...*, S. 144).

С Иоанна, жены его Анастасии, сына его Стефана и его супруги Марии	$1/2 + 1/3 + 1/24 + 1/48$
С Никифора, сына Иоанникия, жены его Анны и сына его Феодора	$1/2 + 1/3 + 1/24 + 1/48$
С Станилы	$1/2 + 1/8 + 1/24 + 1/48$
С Иоанна Кавады	$1/2 + 1/3 + 1/24 + 1/48$
С Иоанна Анилы и дочерей его Добраны и Елены	$1/2 + 1/3 + 1/24 + 1/48$
С Феодора . . . зятя Верховлавия	$1/2 + 1/3 + 1/24 + 1/48$
С Косьмы, сына Аникита, внука Владислава . .	$1/2 + 1/3 + 1/24 + 1/48$
С Василия	$1/2 + 1/3 + 1/24 + 1/48$
С пресвитера Николая	$1/2 + 1/3 + 1/24 + 1/48$
С Димитрия	$1/2 + 1/3 + 1/24 + 1/48$
С Лазаря, сына Иоанна Сундии тоб Σιδωμάχου (Сиромаха?), жены его Екатерины и сыновей его Феодора, Недения и Евстафия	$1/2 + 1/24$
С сапожника (τσαγγαρίου) Иоанна Болгарина, сына его Николая, жены его Димитрии, дочерей Кали, Анны, Варвары и Марии	$1/16 + 1/48$
С Павла Саропота, сына его Ираклия и дочери его Агафы	$1/16 + 1/48$

Общий размер налогов, уплачиваемых 13 хозяйствами, равнялся $9^{32}/48$ номисмы ⁷¹.

Эта кадастровая опись, содержащая не использованный до сих пор материал, очень важна для изучения налогового обложения в селе с болгарским названием и со смешанным болгаро-греческим населением. Она показывает, что в конце XIX в. налоговое обложение в болгарских землях осуществлялось целиком по византийской налоговой системе ⁷².

Сумма налога определялась для всего села, после чего она распределялась между отдельными членами сельской общины по системе эпиболе ⁷³. Сумма налогов, уплачиваемых каждым крестьянским хозяйством, состояла из регулярных государственных налогов (ἄπαν τελοῦμενον) вместе с дикератоэксафолом, синифией и элатиконом (без натуральных поставок и ангарий). Размер налога зависел прежде всего от количества обрабатываемой земли. Первые 10 хозяйств платили, согласно описи, одинаковый налог $1/2 + 1/3 + 1/24 + 1/48$ номисмы. По всей вероятности, это были зевгаратные хозяйства. После них на 11-м месте идет графа некоего Лазаря (δὴς Λαζάρου υἱὸς Ἰωάννου Σουυδέα τοῦ Σιδωμάχου), который платил только $1/2 + 1/24$ номисмы. На 12-м месте в описи помещен Иоанн Болгарин, сапожник. Он имеет четырех сыновей, двух дочерей и платит только $1/16 + 1/48$ номисмы. На последнем месте упомянут Павел Саропот, который имел сына и дочь и платил также $1/16 + 1/48$ номисмы. Наименьший налог уплачивали две последние семьи. Вероятно, сапожник Иоанн не имел обрабатываемой земли. Он добывал средства существования для своей многочис-

⁷¹ Налог с села — $9\frac{1}{2} + \frac{1}{6} + \frac{1}{24}$ номисмы — составляет $9^{34}/48$ номисмы, т. е. в подсчете имеется разница в $2/48$ номисмы, относительно которой издатель полагает, что она происходит от ошибки в расчетах с последней дробью от общей суммы; иначе говоря, что $1/24$ написана, вероятно, ошибочно вместо $1/12$ номисмы (F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . . , № 65. 12, 15). Но возможно, что между общей налоговой суммой (βίσα χωρίου), равной $9^{34}/48$ номисмы, и размером налоговых поступлений ($9^{32}/48$) существовала небольшая разница в самой практике (в данном случае $2/48$ номисмы или 1 кератий), появившаяся в результате распределения подати между членами общины.

⁷² Этот документ проливает также некоторый свет и на поставленный Дэльгером вопрос о влиянии византийской налоговой системы на болгарскую (F. Dölger. Beiträge. . . , S. 96).

⁷³ G. Rouillard. L'Epibolé au temps d'Alexis I Comnène, p. 80—86; А. П. Каздан. Особенности феодальной собственности в Византии, стр. 61—64; P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. — RH, CCXIX, 1958, p. 262.

ленной семьи только своим ремеслом и поэтому с него взимался меньший налог. Такой же налог платил и Павел Саропот, о котором не сказано, был ли он ремесленником или бедным крестьянином. Очевидно, крестьяне, записанные в последние две графы, платили только капникон — налог с очага. О имущественном состоянии свидетельствует, может быть, и странное наименование *Σιδωράχοο*. Возможно, имея небольшое хозяйство, этот крестьянин занимался еще каким-либо ремеслом⁷⁴. Поэтому его налог ($\frac{1}{2} + \frac{1}{24}$ номисмы) был меньшим, чем налог с первых десяти хозяйств. Кроме имущественного положения, при определении размера налога принимался во внимание и состав семьи, количество рабочих рук. Упомянутый только что сапожник Иоанн Болгарин имел шестерых маленьких детей (четырех сыновей и двух дочерей), и, вероятно, поэтому с него взималась меньшая сумма.

Итак, средний регулярный годовой налог с одного обычного — зевгаратного хозяйства составлял $\frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{24} + \frac{1}{48} = \frac{43}{48}$ номисмы, или около 0,9 номисмы⁷⁵.

Крестьяне были обязаны, кроме того, платить определенную подать церкви, известную под названием каноникон. Церковные и монастырские парики платили каноникон не константинопольской церкви, а своему феодалу. Так, согласно грамоте Василия II, клирики и парики всей Охридской архиепископии должны были платить каноникон Охридской архиепископии⁷⁶. Парики во владениях Григория Бакуриани освобождались от всех повинностей по отношению к императору и патриарху⁷⁷.

В одном из писем Феофилакт Охридский решительно отклоняет какие бы то ни было притязания патриарха по отношению к Охридской архиепископии⁷⁸.

Согласно новелле императора Исаака Комнина (1057—1059), село, имеющее 30 хозяйств (*χαλνός*), платило ежегодно в качестве каноникона одну золотую номисму, две серебряные монеты, одного барана, шесть модиев ячменя, шесть мер вина, шесть модиев муки и 30 кур. Село, имевшее 20 хозяйств, уплачивало половину золотой номисмы, одну серебряную монету, одного барашка, четыре модия ячменя, четыре меры вина, четыре модия муки и 20 кур. С села, которое состояло из 10 хозяйств, взималось в качестве каноникона пять серебряных монет, один ягненок, два модия ячменя, две меры вина, два модия муки и 10 кур. Из этой новеллы следует, что каноникон, как и остальные налоги, налагался сразу на все село, а после этого распределялся между отдельными хозяйствами⁷⁹. Таким же образом, вероятно, собирались и пошлыны за рукоположение в духовный сан⁸⁰.

⁷⁴ Ср. F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . . , № 65. 15, S. 182—183.

⁷⁵ Эти цифры не одинаковы для различных областей империи. Они изменялись и в зависимости от налоговой политики различных императоров. Наиболее высокими были налоги при Константине X Дуке и Михаиле VII Парасинаке. Согласно описи имения Вари в Малой Азии (1073 г.), зевгаратные владения платили в качестве годового налога от 3 до $2\frac{1}{2}$ номисм, а актимоны (неимущие) вносили в качестве капникона по $\frac{1}{2}$ номисмы (MM, VI, p. 7—8).

⁷⁶ Ср. И. И в а н о в. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 500.

⁷⁷ Ср. L. Petit. Typicon de Grégoire Psourianos pour le monastère de Petritzos. BV, XI. 1904. Приложение № 1, стр. 3. 23—26; 15. 6—8.

⁷⁸ PG, t. 126, col. 418. А: «Что общего со страной болгар у константинопольского патриарха, который не имеет ни права рукополагать в ней, так как у нее есть автокефальный архиепископ, ни какого-либо другого преимущества?».

⁷⁹ См. Jus, I, p. 725. Ксаналатос (D. X a n a l a t o s. Beiträge. . . , S. 39), толкуя не совсем точно эту новеллу, считает, что она определяет, сколько должно платить в качестве каноникона всякое отдельное хозяйство (Haushalt).

⁸⁰ В той же новелле Исаак Комнин постановляет: «Рукополагающий епископ или архиепископ не должен брать за рукоположение ничего большего, чем семь золотых номисм с принятым изображением моего царства» (Jus, I, p. 725).

Приведенные сведения дают возможность уточнить весьма общие данные Кедрина о размерах годового налога после 1040 г. «Орфанотроф вместо продуктов приказал давать номисмы»⁸¹. Как видим, после 1040 г. регулярный годовой налог с одного крестьянского хозяйства составлял около одной номисмы⁸².

Михаил Атталиат, рассказывая о государственной монополии, введенной Михаилом VII Парапинаком на продажу зерновых продуктов в 1074 г., добавляет: «Былое изобилие покинуло государство, и зерно с 18 модиев за номисму поднялось до одного модия за номисму»⁸³.

В «Законе судном людям» говорится, что военнопленные должны были работать, чтобы выкупить себя. При этом плата военнопленному за год составляла три сталенз (сталенз равен номисме)⁸⁴.

Итак, средняя годовая заработная плата равнялась двум-трем номисмам, а на одну номисму при нормальных обстоятельствах можно было купить от 12 до 18 модиев зерна.

Согласно Кедрину, болгары при Василии II платили такой же налог, что и при Самуиле: каждое хозяйство, которое имело пару волов, уплачивало государству по одному модию проса, одному модию зерна и одному кувшину вина⁸⁵. Следовательно, при переводе натуральной ренты в денежную в 1040 г. эта подать была увеличена в несколько раз⁸⁶. Вместо двух модиев зерна и кувшина вина одно хозяйство должно было отдавать фиску сумму стоимостью примерно в 12—18 модиев зерна.

Действительно, при Михаиле IV налоги повысились не только в болгарских землях, но и по всей империи. Рассказывая о восстании Петра Деляна в 1040 г., Кедрин сообщает, что к восстанию примкнули и жители Никопольской фемы, которые взбунтовались не столько из солидарности с Деляном, «сколько из-за ненасытности Орфанотрофа и повышения налогов»⁸⁷.

Эти слова Кедрина недвусмысленно показывают, что превращение натуральных податей в денежные сопровождалось повышением налогов. Особенно обременительными для крестьян были дополнительные поборы. Так как значительная часть этих пошлин шла в пользу сборщиков и их помощников, они стремились взыскать как можно большую сумму, чтобы соответственно возросло и их процентное вознаграждение. Вот почему при измерении земли они «уменьшали размер веревки, приписывая крестьянам большее количество зевгариев по сравнению с тем количеством, которым они в действительности владели»⁸⁸.

Дополнительные пошлины взымались и при назначении государственных чиновников⁸⁹, при ведении судебных процессов⁹⁰ и при рукоположении епископов и митрополитов⁹¹. Постоянным термином для обозначения таких пошлин (в особенности судебных) было *ἐκταγμένα*. Поскольку большинство пошлин не имело характера регулярных налоговых

⁸¹ Cedr., II, p. 530. 12—13.

⁸² MM, VI, p. 15. Византийские местные чиновники часто получали не очень высокую плату. Вместо этого правительство обеспечивало им питание.

⁸³ Attal., p. 203. 5—7.

⁸⁴ С. С. Бобчев. Старобългарските правни паметници. София, 1903, ст. 14, стр. 90.

⁸⁵ Cedr., II, p. 530. 9—15.

⁸⁶ Ср. также Г. Г. Литаврин. Налоговая политика..., стр. 86.

⁸⁷ Cedr., II, p. 530. 2—9.

⁸⁸ Ср. Г. Цанкова-Петкова. Феодалното землевладение в южните и югозападни български земи под византийско владичество. ИИБИ, VIII, 1960, стр. 281 сл.

⁸⁹ F. Dölger. Zum Gebührenwesen..., S. 5.

⁹⁰ Ibid., p. 6.

⁹¹ Jus, I, p. 725.

поступлений, их размер чаще всего определялся специальными постановлениями — *προστάξεις ἢ ἐκταχαί* ⁹². При этом часто налагались новые пошлины или увеличивались старые. Особенно чувствительным рост пошлин стал при Константине Дуке (1059—1066) ⁹³. Сумма чрезвычайных поборов превышала размеры регулярных налогов (*ἐκταγήν μείζονα τῶν κεφαλαίων*) ⁹⁴. Известно, что эта политика Константина Дуки привела к болгаро-валашскому восстанию 1066 г., в результате которого император обещал отменить проведенное им увеличение налогов ⁹⁵.

К налогам, уплачиваемым их сборщикам, принадлежали также *βιβροπάχτων* (пошлина за пользование рыбными ловлями) и *μυλοπάχτων* (налог или пошлина на мельницы). Необходимо, однако, отметить, что эти налоги взимались не со всех. Они уплачивались только теми лицами, которые пользовались указанными источниками дохода. Виваропактон платили, например, некоторые из париков Феофилакта ⁹⁶, а милопактон вместе со своими париками платил и сам Феофилакт ⁹⁷. Здесь следовало бы поставить вопрос, платили ли феодалы налоги. Вопрос этот, однако, недостаточно изучен; данные для его решения чрезвычайно скудны. Некоторые из них свидетельствуют, что сами феодалы, как и их парики, имели экскуссию от некоторых повинностей (ангарий и эпирий) ⁹⁸, но основные налоги они должны были платить на общих основаниях ⁹⁹.

В своих письмах Феофилакт неоднократно жалуется, что с него взыскивают больше, чем следует ¹⁰⁰. В одном из хрисовулов Алексея Комнина, изданном в 1089 г., говорится об освобождении Лавры от некоторых налогов, в то время как другие налоги она должна была платить на общих основаниях ¹⁰¹.

Из другого хрисовула от 1079 г. следует, что одно из владений Лавры должно было платить «установленный годовой налог в две номисмы, а больше ничего» ¹⁰².

Можно предполагать, что феодал платил только регулярные налоги (*τέλος*) со своего домена (или своего личного имения), которым он владел сам и получал с него все доходы, с остальных же его владений (с так называемой *terra indominicata*) налоги уплачивали его парики ¹⁰³.

В научной литературе высказано предположение, что упоминаемая Феофилактом *ὀτροφίνα* — налог, уплачиваемый феодалом за его право иметь дулопариков ¹⁰⁴. Это предположение не лишено известного основания, ибо термин «отрочина» связывается при этом с термином «отрок»,

⁹² F. Dölger. Zum Gebührenwesen. . . , S. 6—7.

⁹³ Сес., *Strat.*, p. 70. 13; 98. 11: αὐξήσεις καὶ φαναρώσεις — «увеличения [налогов] и декреты».

⁹⁴ Ibid., p. 98.19. О значении *κεφαλαίων* как регулярных налогов ср. PG, t. 126, col. 448. С.

⁹⁵ Сес., *Strat.*, p. 70. 11—14; 71. 12—13. Это обещание не было выполнено. Ср. *ibid.*, p. 71—72.

⁹⁶ PG, t. 126, col. 448. С.

⁹⁷ Ibidem.

⁹⁸ Ср. Г. Цанкова-Петкова. Феодалното землевладение. . . , стр. 293 сл.

⁹⁹ Г. Острогорский. К истории иммунитета в Византии, стр. 70; F. Dölger. Beiträge. . . , S. 60.

¹⁰⁰ PG, t. 126, col. 449. А.

¹⁰¹ Lavra, № 43. 13, p. 118; «Великой Лавре св. Афанасия были оставлены те налоги, которые должны были уплачиваться [практору] Андронику, а те, которые собирал Катафлор, были объявлены государственным достоянием».

¹⁰² Ibid., № 31, p. 83.

¹⁰³ Ibid., № 46. 17, p. 124: μόνα τὰ ἀνέχοντα τέλη.

¹⁰⁴ PG, 126, col. 517. А. Ср. A. Leroi-Molinghen. Trois mots slaves dans les Lettres de Théophylacte de Bulgarie. «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves», t. VI. Bruxelles, 1938, p. 117; Г. Г. Литаврин. Налоговая политика. . . , стр. 109; е г о ж е. Крестьянство. . . , стр. 337.

означающим категорию зависимого населения в средневековой Болгарии. Однако, определяя отрочину как налог, уплачиваемый феодалом за право иметь зависимых отроков, мы сталкиваемся с некоторыми трудностями. Прежде всего, этот налог взимался не с Феофилакта, а с его клириков ¹⁰⁵. Сведения о налоге, уплачиваемом государству *феодалом* за его право иметь зависимых людей, не дошли до нас.

Действительно, монастырь иногда вынужден был платить налоги в связи с задолженностью зависимых от него людей. Это следует из документов монастыря Богородицы Милостивой, который был должен государству δι' ἐπὶ τρεῖς αὐτὰ πρακτορικὴν за подчиненных монастырю владов ¹⁰⁶.

Но здесь речь идет не вообще о налоге на монастырь за право иметь зависимых людей, а об определенной сумме, которую монастырь остался должен государству по системе ἐπιβολή за зависимых от него владов. Кроме того, как уже было сказано, отрочина взималась не с самого Феофилакта, а с его клириков ¹⁰⁷. Вероятно, отрочина, как и аэрикон, была налогом, уплачивать который должны были крестьяне, но за неуплату налога феодал отвечал перед фиском.

Вначале отроки были неимущими и не подлежали периодическому налоговому обложению. Однако феодал снабжал их землей, и они вели свое самостоятельное хозяйство. Являясь держателями земли, отроки занимались главным образом земледелием. Но имелись и отроки, которые занимались ремеслом ¹⁰⁸. Во всяком случае отроки не были полностью свободны от государственных повинностей ¹⁰⁹. По-видимому, отрочина являлась чрезвычайным налогом; Феофилакт считал, что его крестьян неправильно подвергли взысканию, и поэтому требовал возвращения взысканного. Очевидно, Феофилакт стремился освободить своих людей от обязанностей по отношению к государству, чтобы они могли лучше выполнять свои парические обязанности по отношению к нему и чтобы не возникала необходимость платить за них налоги.

2. ОТРАБОТОЧНАЯ И НАТУРАЛЬНАЯ РЕНТА

К обязанностям по отношению к военным властям (логофет дрома) принадлежали так называемые кастроктисия (строительство и восстановление крепостей), гефире (γεφυραί, γεφυρώσεις) (строительство и ремонт мостов), одостросия (ремонт дорог). Вначале эти обязанности относились к числу ангарий — бесплатному принудительному труду крестьян на государство. Почти все экскуSSIONНЫЕ грамоты от времени византийского владычества освобождают частновладельческих париков от этих повинностей ¹¹⁰. Они выполнялись прежде всего государственными крестьянами. Так, например, хрисовулом, данным монастырю Колову при крепости Иериссо, 40 монастырских париков освобождались от повинностей

¹⁰⁵ PG, t. 126, col. 157. A.

¹⁰⁶ ИРАИК, VI, стр. 124. 14—15: ἀλλὰ μᾶλλον καὶ χρέη ἄχρι τῶν τριάκοντα γκελλίων εἶχονεν δι' ἐπὶ τρεῖς αὐτὰ πρακτορικὴν προφάσει ὑποχρέων Βλάχων. Ср. Г. Г. Литаврин. Крестьянство..., стр. 337.

¹⁰⁷ PG, t. 126, col. 517. A: «и прикажи своему представителю освободить клириков от всякой повинности и службы, которые светские подданные выполняют в пользу государства, а также вернуть то, что взыскал с них в качестве аэрикона и отрочины».

¹⁰⁸ Д. Ангелов. Аграрные отношения в Северна и Средна Македония преа XIV в. София, 1958, стр. 111.

¹⁰⁹ См. об этом ст. 67 законника Душана: «отроки и меропси који седе заједно у једном селе, свака плака, којѣ приходи да плакају сви заједно на људи». Ср. Т. Тапановски. Историја српског права у Немањинској држави, I. Историја државне права. Београд, 1931, стр. 78.

¹¹⁰ F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . . , № 36. 60—61. 32; № 56. 3—4, S. 155.

в пользу «турмархов, мерархов, фемных хартуляриев, комитов, отрядов, друнгарокомитов и домашних, а также нашего заместителя (*ἀντιπροσωποῦτος ἡμῶν*)... и всякого другого из наших, который имеет какую-либо службу или кастроктисию. Пусть [эти 40 париков] будут свободны от обязанности давать фураж, просодий и всякую другую эпирию» ¹¹¹.

Одной из наиболее тяжелых повинностей была кастроктисия. Она упоминается как особая повинность в ряде документов. Говорит о ней и Теофилакт Охридский, который сообщает, что начальник кастроктисии (*ὁ καστροκτίστης*) губил имущество бедняков ¹¹². Может быть, и кастроктисия в то время уже была коммутирована, и сбор ее в деньгах был очень обременителен для малоимущих.

Прокорм и содержание войска осуществлялись в значительной степени за счет населения ¹¹³. Необходимо было поставлять для войска пропитание, фураж, материалы, предоставлять по весьма низким ценам помещения под квартиру (так называемый *митатон*). Нужно было также осуществлять бесплатные перевозки грузов (ангарии) и исполнять еще ряд других обязанностей в пользу войска ¹¹⁴.

Во второй половине XI в. некоторые из этих повинностей были уже коммутированы. Так, в некоторых документах встречается термин «антимитатаки» ¹¹⁵, который показывает, что так называемые митаты были заменены денежной уплатой.

Экскуссионные формулы освобождают частновладельческих париков от так называемого просодия. Значение этого термина все еще недостаточно ясно. Предполагают, что просодий — продуктовая рента ¹¹⁶, но это слишком общее определение. Из сохранившихся материалов явствует, что просодий собирался для нужд войска ¹¹⁷ и что он был одной из важнейших повинностей государственных крестьян. Император Михаил VII Дука хрисовулом от 1074 г. запретил правителю фемы Волерон, Стримон и Фессалоника взимать просодий с монастыря Врачива, метоха Лавры, который должен был платить только те подати, которые были вписаны в практики и которые утвердило время ¹¹⁸. Из этого сообщения явствует, что просодий — не подать, а налог, взимаемый, вероятно, в натуре. Возможно, просодий означал и обязанность снабжать провиантом солдат при уходе их из данного населенного места на время совершения ими перехода до другого села ^{118a}. На такое предположение наводит нас и самое значение

¹¹¹ Ibid., № 56. 10—12.

¹¹² PG, t. 126, col. 393. A: *ὁ καστροκτίστης καθαιρεῖ τὰ τῶν ἐλεεινῶν*. Это место неточно истолковано у митрополита Симеона («Писмата на Теофилакт Охридски, архиепископ български. Сб. БАН, 27, 1931, стр. 69): «Строителят на крепостите събаряще всичко на сиромасите». Что эти слова употреблены в абстрактном смысле, вытекает и из следующего текста: «А катепан перепахал даже землю» (PG, t. 126, col. 393. A). В обоих случаях речь идет о сборе непосильных налогов, которые разоряли бедняков.

¹¹³ Различные повинности, которыми было обременено крестьянство в пользу войска и государства, носят общее название — «эпирии». Анализ документов показывает, что к эпириям относились прежде всего натуральные поставки. Ср. D. X a n a l a t o s. Beiträge... , p. 49—50.

¹¹⁴ Lavra, № 31. 30—51, p. 83—84; № 41. 34—40, p. 111; F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern... , № 35, 50—95.

¹¹⁵ Lavra, № 47. 32—33, p. 111.

¹¹⁶ А. П. К а ж д а н. Крестьянские движения в Византии в X в. ВВ, V, 1952, стр. 78.

¹¹⁷ F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern... , № 56. 13, S. 155—156; i d e m. Zur Textgestaltung der Lavraurkunden. BZ, 39, 1939, S. 57.

¹¹⁸ Lavra, № 30. 17—18, p. 81.

^{118a} Ср. Du Cange. Glossarium, s. v. *просодиарис*: P. Lemerle, Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. — RH, CCXX, 1958, p. 84.

термина *προσβδιον*, который соответствует латинскому *viaticum* (продовольствие на дорогу).

Не выяснено значение и так называемой псомодзимии. Некоторые исследователи полагают, что псомодзимия — это вид военного налога ¹¹⁹. Другие считают, что она означает обязанность крестьян месить бесплатно хлеб для воинов ¹²⁰. Третьи думают, что это обязанность доставлять припасы чиновникам и войску по строго установленным низким ценам ¹²¹. В одном из документов той же эпохи, относящемся к малоазийским областям империи, говорится об обязанности крестьян молотить зерно и приготавливать хлеб для войска ¹²². Однако специальное название этой повинности не приводится. Вероятно, именно эту повинность имеет в виду Феофилакт, употребляя термин «псомодзимия». Это предположение подтверждается содержанием следующего отрывка: «А клирики (*ιερεῖς*) в городке (*πολιστατι*) не имеют никакой свободы и спокойствия, несмотря на то, что ты, господин мой, послал многоуважаемое письменное распоряжение наместнику и дал им свободу. Их привлекают к стоянию на страже (*παράνοας*) и к псомодзимии (*ψωμοζυμῖαν*), несмотря на то, что есть хрисовул, согласно которому они должны быть освобождены от унижительных повинностей и псомодзимии» ¹²³.

Правда, из этого сообщения не ясно, одной ли из так называемых унижительных повинностей или особой обязанностью является псомодзимия. Из него следует, однако, что речь идет о двух видах отработочных повинностей — жители города привлекаются к парамони и псомодзимии. Как свидетельствует отрывок, от них требуются не продукты, а бесплатный труд.

В документах монастыря Богородицы Милостивой сообщается об освобождении париков этого монастыря от всякой «эпирии, ангарии, парангарии, псомодзимии» ¹²⁴. Если принять во внимание, что ангария означала обычно обязанность крестьян давать бесплатно скот для перевоза продовольствия и других материалов ¹²⁵, а эпирия — натуральные поставки ¹²⁶, то можно предположить, что под псомодзимией здесь подразумевается бесплатный принудительный труд населения по приготовлению хлеба для государственных нужд.

Кроме того, в упомянутом выше документе (ММ, VI, р. 3) помол зерна и изготовление хлеба также упомянуты вместе с *παράνοας*. Следовательно, в этих двух очень сходных сообщениях речь идет об отработочной ренте — приготовлении хлеба для войска и чиновников и охране урожая от ущерба.

Сопоставление этих сведений подтверждает высказанное митрополитом Симеоном, хотя и недостаточно аргументированное предположение, что псомодзимия означает бесплатное приготовление хлеба для нужд войска. Поставка продовольствия войску по низким ценам известна под термином *χρεῖαι*, который встречается в документах этой эпохи ¹²⁷.

¹¹⁹ П. Мутафчиев. Войници и войнишки земи във Византия през XIII—XIV в. Сп. БАН, 27, 1923, стр. 69.

¹²⁰ Митрополит Симеон. Писмата на Теофилакт Охридски, стр. 211.

¹²¹ D. Xanatalatos. Beiträge. . ., S. 49.

¹²² ММ, VI, р. 3.

¹²³ PG, t. 126, col. 525. A (конец текста поврежден).

¹²⁴ ИРАИК, VI, стр. 36. 21.

¹²⁵ Ср. Сес., Strat., р. 40. 15. Ср. F. Dölger. Beiträge. . ., S. 22; Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 280—281.

¹²⁶ Н. Скабаланович. Указ. соч., стр. 276—280.

¹²⁷ Lavra, № 31. 31, р. 83; № 31. 39, р. 84; № 26. 69, р. 68.

Кроме повинностей в пользу войска, население было обязано натуральными поставками в пользу государственных чиновников. Это были прежде всего так называемые канискии (буквально: корзинки). Каждое крестьянское хозяйство было обязано давать чиновникам ежегодно один хлеб, одну курицу, один модий ячменя и полмеры вина ¹²⁸. Упоминание антиканиския почти везде, где упоминается каниский, показывает, что, кроме натуральной, существовала одновременно и денежная форма этой подати ¹²⁹.

К натуральным поставкам, возможно, нужно причислить и так называемый икомодий, значение которого также остается спорным ¹³⁰. Предполагают, что икомодий — пошлина, взимаемая государственными чиновниками за оценку имущества владеющего землей крестьянина. Однако в первой грамоте Василия II, данной Охридскому архиепископу, икомодий упоминается как эпирия: «пусть будут свободны эти парики от икомодия и других эпирий» ¹³¹.

Особенностью византийской фискальной системы было то, что подати не были строго определены. Каждый император вводил новые налоги и увеличивал прежние. В ряде случаев эти дополнительные поборы или увеличение старых налогов вводили и различные представители центральной власти. В хрисовуле, выданном Лавре в 1109 г., говорится: «Владения монастыря пусть имеют все права на экскуссию и не подлежат никакому виду эпирии, ни общим (*κοινῶν*), ни частным (*ιδιῶν*), ни обыкновенным и обычным, ни обложениям при всевозможных чрезвычайных обстоятельствах (*ἐκ περιστάσεων*)» ¹³². Другим хрисовулом от 1104 г. некоторые владения Лавры освобождались от всякой *регулярной* и *нерегулярной* ангарии и эпирии ¹³³. Как чрезвычайную, налагаемую в определенных случаях, ангарию нужно рассматривать и упоминаемую в ряде документов рядом с ангарией «парангарию» ¹³⁴.

В постоянном возрастании налогового гнета, в увеличении податей и повинностей, пошлин и налогов можно усмотреть действие основного закона феодализма, заключающегося в максимальном росте феодальной ренты.

Рассмотренные материалы показывают, как велико было бремя централизованной ренты, тяготевшей над «свободной сельской общиной». Свободные крестьяне были обязаны в пользу феодального государства не только уплатой податей, но и различными феодальными повинностями. И поскольку эти повинности по мере развития феодальных отношений все возрастали, часть государственных крестьян иногда добровольно при-

¹²⁸ F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . . , № 64. 31, S. 178; № 35, 88, S. 102.

¹²⁹ Ibid., № 1/2. 28, S. 26; № 3. 30, S. 29; № 35. 88, S. 102.

¹³⁰ F. Dölger. Zum Gebührenwesen. . . , S. 23; А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения. . . , стр. 119. В. Васильевский («Материалы к истории крестьянского земле- владения». ЖМНП, ч. 210, стр. 369), основываясь на ошибочном прочтении *οἰκοδομίου* (см. об этом: BZ, 2, 1893, S. 44) вместо *οἰκοδομίου*, объясняет икомодий как «налог с жилья и усадьбы земли»; Острогорский (G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des Byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. VSWG, 20, 1927, S. 54) считает, что икомодий — это налог на постройки. Ему возражает А. Андре- адес (A. Andreadès. Deux livres récents sur les finances byzantines. BZ, 28, 1928, p. 310, n. 1).

¹³¹ И. И в а н о в. Български старини из Македония, стр. 555; М. Л а с к а р и с. Ватопедската грамота, стр. 43. Ласкарис с основанием замечает, что икомодий упомина- нут здесь как эпирия.

¹³² Lavra, № 53. 78—79, p. 149.

¹³³ Ibid., № 51. 83, p. 142.

¹³⁴ Ibid., № 31. 50, p. 84; № 41. 59, p. 111; № 39. 50, p. 106; F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . . , № 35. 91, p. 102. Cp. ИРАИК, VI, стр. 36. 20.

ходила во владения отдельных феодалов с надеждой найти там защиту от притеснения государственных чиновников. Частновладельческие парики не порвали, однако, полностью связей с государством. В большинстве случаев они продолжали платить основной государственный налог или часть его, но были освобождены от ряда других чрезвычайных податей, тягот и повинностей, которые были тем более обременительны, что не были строго регламентированы и могли постоянно увеличиваться и умножаться.

В этом постоянном увеличении фискальных тягот и повинностей нашло свое выражение полное подчинение ранее свободной сельской общины феодальному государству. Положение ее членов мало чем отличалось от положения частновладельческих париков. В надежде улучшить свое положение некоторые государственные крестьяне добровольно становились париками какого-либо монастыря, церкви или светского феодала. Чтобы воспрепятствовать этому явлению, которое грозило государству потерей его подданных, оно вводило ограничения количества зависимых людей в распоряжении отдельного феодала (так называемый *ἀριθμός, ποσότης*)¹³⁵. Таким образом, и государственные крестьяне, если даже они не были полностью закрепощены, были также ограничены в свободе передвижения.

Освобожденные от государственных налогов парики в силу так называемого парического права становились обязанными определенными повинностями в пользу феодала. Поскольку эти повинности регламентировались обычным парическим правом (*παροικιαχὸν δίκαιον*) и носили частноправовой характер, они не зафиксированы в официальных документах (из которых мы черпаем сведения об экскуссии частновладельческих париков от государственных налогов), и только иногда встречаются случайные данные об их обязанностях по отношению к новому феодальному господину. Поэтому сведения об обязанностях париков по отношению к феодалам от рассматриваемого периода всегда общи и неопределенны. Постепенно парики были вынуждены нести в пользу своего господина те же повинности, которые раньше они выполняли в пользу государства¹³⁶. Государство, таким образом, передавало феодалу часть прибавочного труда и продукта крестьян. Парик был обязан выполнять для монастыря, церкви или светского феодала определенную службу (*δουλεία*), а в определенных случаях — уплачивать натуральные или денежные подати.

Первой грамотой Василия II для Охридской архиепископии парики, которые работали на архиепископию, были освобождены от икомодия и остальных эпирий¹³⁷. В типике Бакуриани речь идет о париках, «которые обслуживали монастырь»¹³⁸. Феофилакт сообщает, что обменял имеющиеся у него владения на село, чтобы пользоваться отработочной повинностью париков¹³⁹. Он отклонил предъявленное ему обвинение, что извлекал выгоду из клириков: «Это не кража из казны, а дозволенное царской милостью»¹⁴⁰. Григорий Бакуриани построил монастырь и церковь на свои собственные средства, а не с помощью ангари, принуждения и перегрузки эпириями своих париков¹⁴¹. В хрисовуле монастырю Колову при Иериссо дается экскуссия 40 его парикам, «чтобы они были

¹³⁵ G. Ostrogorski. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 20—36.

¹³⁶ Ср. Д. Ангелов. Аграрные отношения... стр. 159—166.

¹³⁷ Й. Иванов. Български старини из Македония, стр. 550, 555.

¹³⁸ L. Petit. Typicon..., p. 51. 21—23.

¹³⁹ PG. t. 126, col. 424.

¹⁴⁰ Ibid., col. 448. A.

¹⁴¹ F. Dölger. Aus den Schatzkammern..., № 56. 16, S. 155.

в помощь монастырю и достопочтенным монахам»¹⁴². Парики монастыря Богородицы Милостивой освобождались от государственных податей, «чтобы они работали служащим в храме Богородицы монахам»¹⁴³. Об этих париках далее говорится, что монастырь должен извлекать из них всякую пользу»¹⁴⁴.

Из приведенных данных следует, что парики в феодальных владениях имели большие или меньшие обязанности по отношению к феодалам. В чем состояли эти повинности и каковы были их размеры, мы не можем с точностью сказать. Несколько более подробные сведения по этому вопросу содержатся в типике Михаила Атталиата основанному им монастырю в Родосто: «Парики и те, которые арендуют землю (*ἐκλήπτορες*), не должны принуждаться к уплате больших взносов (*πάχτων*) или выполнению больших повинностей (*δουλείων*), чем они платили или выполняли при мне. Не должен меняться порядок и размер их повинностей (*λειτουργίας αὐτῶν*), кроме как если окажется, что кто-либо обрабатывает и использует сверх причитающейся ему земли, или если произойдет что-нибудь непредвиденное, что вызовет увеличение служб и поставок»¹⁴⁵.

Этот отрывок из типика Атталиата, хотя, к сожалению, и очень краткий, чрезвычайно интересен для характеристики повинностей париков. Из него следует, что отношения между париками и феодалами определялись в каждом отдельном случае конкретно, так как принимались в расчет условия, в которых находились парики, степень их зависимости, размер обрабатываемой ими земли и т. д. Эти отношения, вероятно, определялись устным и письменным договором, обязательным для выполнения обеими сторонами, но в действительности соблюдаемым только париками. При чрезвычайных обстоятельствах допускалось изменение договора. Однако обязанности крестьян увеличивались не только «при чрезвычайных обстоятельствах», но и при всяком удобном случае. Эти обязанности состояли, вероятно, из бесплатного труда (обработка земли господина и вообще поддержание его феодального хозяйства) и из натуральных поставок. Атталиат постановляет в своем завещании, чтобы в будущем не увеличивались обязательства его париков, т. е. чтобы не взималась с них отработочная и натуральная рента в большем размере, чем при нем. Это желание Атталиата, отраженное в типике его монастыря, показывает, что общая тенденция этой эпохи состояла в возрастании феодальной ренты. В том же смысле нужно понимать и слова Григория Бакуриани, который сообщает в типике, что построил монастырь и церковь не при помощи ангарий, принуждения и чрезмерного обременения своих париков эпископами, что, по-видимому, широко практиковалось в то время.

Согласно существующему обычаю, крестьяне должны были доставлять феодалу в качестве подарков различные натуральные приношения¹⁴⁶.

Одной из форм феодальной ренты была так называемая *μόρτη* — десятина, уплачиваемая крестьянам за использование господской земли. Сохранившиеся материалы показывают, что в рассматриваемый период уплата морты не была непременным условием феодальной зависимости. Так, например, Лавра получала десятину за свои владения в феме Мог-

¹⁴² L. Petit. *Typicon*... , p. 9. 28—30.

¹⁴³ ИРАИК, VI, стр. 29. 12—13.

¹⁴⁴ Там же, стр. 39. 6—7.

¹⁴⁵ K. Sathas. *Bibliotheca graeca medii aevi*, I. Venetia, 1872, p. 39—40.

¹⁴⁶ Ср. Сес., *Strat.*, p. 56—57: «Доставляй ему и его людям из продовольствия и питья то, что бог тебе дал».

лен как от зависимых владов и болгар, так и от поселившихся там в качестве стратиотов куман ¹⁴⁷.

Из более поздних памятников явствует, что парики должны были работать определенное количество дней во владениях феодала ¹⁴⁸. Мы не знаем, из скольких дней в году состояла барщина в рассматриваемую эпоху. Дошедшие до нас сведения показывают только, что размер парических обязанностей также непрерывно возрастал, как возрастали подати и повинности государственных крестьян. Этим и объясняется бегство париков из феодальных владений.

Рассмотренные выше материалы свидетельствуют о том, что в болгарских землях под византийским господством до 1040 г. преобладала натуральная рента. Основная подать, уплачиваемая каждым хозяйством, взималась в натуре. Кроме этого, крестьяне обязаны были некоторыми отработочными и натуральными повинностями, известными под названием эпирий. Около 1039 г. был восстановлен аэрикон, а с 1040 г. регулярные государственные подати стали взыскиваться в деньгах. Введение денежных налогов, которые не были отменены и после подавления восстания, определенно свидетельствует о том, что около середины XI в. во всех областях империи, включая и болгарские земли, имелись уже элементы товарно-денежных отношений. Это давало возможность перейти к сбору регулярных государственных податей в денежной форме. С другой стороны, необходимость уплачивать налоги в деньгах заставляла крестьян выделять часть произведенных ими материальных благ для продажи на рынке и регулярно посещать городской рынок, что в свою очередь дало новый толчок развитию товарно-денежных отношений. Непосредственный производитель стремился теперь продать не только ту часть своего дохода, которая была ему необходима для уплаты податей государству, но стремился произвести побольше, чтобы вынести на рынок больше продуктов и купить необходимые товары. Так в результате превращения части натуральной ренты в денежную сельское хозяйство перестало быть самодовлеющим. Оно стало утрачивать замкнутый характер и постепенно вовлекалось в товарно-денежные отношения. Во второй половине XI в. денежное обращение проникло уже и в город, и в село ¹⁴⁹. Об этом свидетельствует значительное количество серебряных, медных и золотых монет, которые находились в обращении в то время.

Так, в окрестностях современного города Силистры обнаружено значительное количество медных византийских монет от времени императоров Михаила IV Пафлагонца (1034—1041), Константина IX Мономаха (1042—1054), Константина X Дуки (1059—1067), Романа IV Диогена (1067—1071) и Михаила VII Дуки (1071—1078) ¹⁵⁰. Возле села Хисар Пловдивского округа было найдено большое количество монет, относящихся приблизительно к тому же времени, одна монета из белого золота Михаила VII Дуки, 58 монет из белого золота Никифора III Вотаниата (1078—1081), одна монета из белого золота и пять золотых монет Алексея I Комнина (1081—1118) ¹⁵¹. В Преславе и в Преславске при раскопках обнаружено значительное количество медных, серебряных и золотых монет XI—XII вв. ¹⁵². В окрестностях села Гюргенджик (теперь Попкра-

¹⁴⁷ Larva, № 45. 9, p. 122; № 47, p. 126.

¹⁴⁸ Д. Ангелов. Аграрните отношения. . . , стр. 171—176.

¹⁴⁹ Ср. Л и ш е в. За проникването и ролята на парите във феодална България. София, 1958, стр. 133.

¹⁵⁰ ИБАИ, 17, 1950, стр. 322; С. Л и ш е в. Указ. соч., стр. 121.

¹⁵¹ С. Л и ш е в. Указ. соч., стр. 121.

¹⁵² Там же, стр. 121—122.

лево), в окрестностях Силистры, найден клад из 22 золотых монет Михаила VII Дуки¹⁵³. У развалин города Эскуса (в устье реки Искыр) обнаружено 3 кг серебряных монет Иоанна Цимисхия (969—976) и Константина IX Мономаха. То обстоятельство, что монеты Иоанна Цимисхия найдены вместе с монетами XI в., свидетельствует о том, что монеты X в. продолжали обращаться в болгарских землях и в XI в.¹⁵⁴

У сел Брестово (Старозагорский округ), Мухово (в окрестностях Ихтимана), Дыбово и Енина (блиа Казанлыка), Вырбица (к югу от Преслава) обнаружены крупные клады византийских медных монет XII в.¹⁵⁵ В местности «Селиште» у села Бяла Черква (Тырновский округ) найдены 22 золотые монеты императора Исаака I Комнина (1057—1059)¹⁵⁶. Огромное количество (10 кг) медных византийских монет от XI—XII вв. найдено у крепостной стены села Баткун (в окрестностях Пазарджика)¹⁵⁷.

В археологических музеях Варны, Пловдива и других городов хранятся в большом количестве медные, серебряные и золотые монеты, которые еще не изучены и не опубликованы. Многочисленные медные, серебряные и золотые монеты от времени византийского владычества, повсеместно находимые в селах и городах современной Северной и Южной Болгарии, свидетельствуют об оживленном торговом обмене между деревней и городом. Данные монетных находок дополняются сведениями письменных источников. Из стратегикона Кекавмена известно, что в это время были введены в обращение не только деньги, но и кредитные бумаги¹⁵⁸. Потребность в деньгах заставляла феодальное государство пускать в оборот и неполноценные монеты¹⁵⁹.

Важные сведения о денежном обращении в северо-западных болгарских землях в конце XI в. дают и некоторые западные авторы. Так, Вильгельм Тирский рассказывает, что когда крестоносцы Первого крестового похода под предводительством Вальтера Голяка перешли в 1096 г. так называемую «Болгарскую гору» и дошли до Софии, они заключили там соглашение с местным византийским правителем. По этому соглашению они имели право покупать на местном рынке необходимые съестные припасы по точным мерам (*aequa mensura*) и по установленной рыночной цене (*justo pretio*)¹⁶⁰. Сообщая об этом же, Альберт Аквийский говорит, что после того как Вальтер достиг города Ниша, который расположен «в середине болгарского царства», местный управитель, желая предотвратить дальнейшие грабежи крестоносцев, снабдил их деньгами и оружием в знак миролюбия. Он дал им также проводников, чтобы они могли беспрепятственно пройти через болгарские города Средец, Пловдив и Адриано-

¹⁵³ ИБАД, 2, 1911, стр. 281; ср. С. Лишев, Указ. соч., стр. 123.

¹⁵⁴ С. Лишев. Указ. соч., стр. 122. Ср. ИБАИ, т. 20, 1955, стр. 516.

¹⁵⁵ С. Лишев. Указ. соч., стр. 122—123.

¹⁵⁶ Там же, стр. 124.

¹⁵⁷ Там же, стр. 125.

¹⁵⁸ С е с., *Strat.*, р. 37: «Если найдется кто-либо, кто даст тебе заем, как это часто бывает, он пожелает [взять] дом твой в залог (*εις ὑποθήκην*), а ты добровольно и с готовностью дашь расписку (*χάρτιον*), в то время как он определит срок (*ἔρον*)».

¹⁵⁹ Кекавмен сообщает о перечеканке и порче монет (*παραχάσσειν καὶ φάλιζειν νομίσματα*) как об «опасном, но доходном ремесле» (*ibid.*, р. 51. 20—24).

¹⁶⁰ «*Insuper ab eodem duce, viro egregio et timente deum, humanissime tractatus, commerciorum legem obtinuit communem, ut sibi et populo suo aequa mensura et justo pretio necessaria venderentur*» (*Recueil des historiens des Croisades. Historiens occidentals*, t. 1. Paris, 1844, р. 49. Ср. С. Лишев. Указ. соч., стр. 136—137; В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, т. II. София, 1934, стр. 224).

поль, и разрешил купить себе пищу на срок пути до Константинополя ¹⁶¹. В подвластных Византии болгарских землях обращались только византийские монеты. Западный автор Оттон де Дьой, который проходил через болгарские земли с войсками Второго крестового похода, рассказывает, что при прибытии крестоносцев в северо-западные болгарские земли они разменивали пять динаров на одну медную монету и одну марку на 12 солидов (номисм) ¹⁶². Так как денежный обмен между крестоносцами и местным населением не был урегулирован, договором Исаака II Ангела с крестоносцами от 24 февраля 1190 г. была предусмотрена специальная статья на этот счет: «Одна марка покупается за 5,5 перперов (номисм. — Г. Ц.), а один перпер обменивается на 120 стамин» ¹⁶³.

Приведенные здесь данные показывают, что со второй половины XI в. в болгарских землях существовал регулярный торговый обмен. Болгарский крестьянин периодически выносил на рынок произведенный им продукт, чтобы получить деньги для выплаты налогов. Конечно, в условиях феодального строя наличные деньги сосредоточивались главным образом в руках феодального класса, а средние и мелкие собственники были под угрозой разорения ¹⁶⁴.

Следовательно, превращение натуральной ренты в денежную не следует рассматривать как обыкновенную налоговую реформу, проведенную законодательным актом от 1040 г. Это превращение представляет собой в сущности определенный этап в процессе феодализации. Этот этап знаменовал более высокий уровень развития производительных сил, который привел к известным переменам в способе производства: «Вместо продукта непосредственному производителю приходится здесь уплачивать своему земельному собственнику (будет ли то государство или частное лицо) цену продукта. Следовательно, уже недостаточно получить избыток продукта в его натуральной форме, избыток необходимо превратить из этой натуральной формы в денежную форму. Хотя непосредственный производитель по-прежнему продолжает производить сам, по крайней мере, наибольшую часть своих средств существования, однако часть его продукта должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар. Следовательно, характер всего способа производства более или менее изменяется. Он утрачивает свою независимость, свою отрешенность от связи с обществом» ¹⁶⁵.

Действительно, феодальный базис в общих чертах оставался тем же. Непосредственный производитель, как держатель земли, продолжал отдавать ее верховному собственнику прибавочный труд в натуральной или денежной форме. Однако утверждение товарно-денежных отношений около середины XI в. и превращение части натуральной ренты в денежную свидетельствуют о более высоком уровне развития феодализма, который был связан с более высоким уровнем развития производительных сил.

¹⁶¹ C. Alberti Aquensis. Historia Hierosolimitanae expeditionis, Bon-gars. Gesta Dei per Francos, I. Hannoviae, 1611, p. 186. Ср. В. З л а т а р с к и. Исто-рия... II, стр. 225—226.

¹⁶² MGH, SS, t. XXVI, p. 63.

¹⁶³ Ansbert. Historia de Expeditione Friderici imperatoris. MGH, SS, V, p. 66. Ср. С. Л и ш е в. Указ. соч., стр. 144—145.

¹⁶⁴ Ср. С е с. Strat., p. 37: «Если продашь ему за бесценок свое родовое имуще-ство или имущество, которое приобрел в упорном труде и поту, тогда расплатишься с ним. Если не сделаешь этого, он возьмет с тебя новое обязательство удвоить процент и процент с процента».

¹⁶⁵ К. М а р к с. Капитал, т. III, стр. 810.

Р. М. БАРТИКЯН

**КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
О ЗАВЕЩАНИИ ЕВСТАФИЯ ВОИЛЫ (1059 г.)**

Завещание протоспафария и ипата Евстафия Воилы является одним из интереснейших византийских памятников, имеющим большое значение для изучения истории и социально-экономических отношений не только в Византии, но и в Армении и Грузии, которые, начиная с конца X и в первой половине XI в., вновь стали объектами византийской агрессии.

Прошло уже семьдесят лет с того времени, как французский ученый А. Омон сообщил об обнаруженном им завещании в пергаментном рукописном кодексе Парижской национальной библиотеки Cod. coisl. N 263 ¹. В 1907 г. русский византист В. Н. Бенешевич опубликовал греческий текст завещания Воилы, подчеркивая трудности его понимания ². Он не дал ни перевода, ни исследования памятника, хотя изданный им греческий текст заканчивался словами: «Продолжение следует». Четыре года спустя, в 1911 г., П. В. Безобразов, также подчеркивая трудности понимания текста завещания Евстафия Воилы, писал, однако, что изданный текст вполне доступен пониманию. В своей статье П. В. Безобразов дал пересказ завещания, останавливаясь главным образом на уточнении тех мест, где упоминаются книги библиотеки Воилы и церковная утварь ³.

Много лет спустя, в 1951 г., М. В. Левченко в «Сборнике документов по социально-экономической истории Византии» поместил сокращенный перевод завещания Воилы ⁴. В 1957 г. вышел в свет полный перевод завещания Воилы на английский язык греческого ученого Спироса Вриониса. К переводу было приложено небольшое исследование памятника ⁵.

Можно сказать, что текст завещания Воилы издан В. Н. Бенешевичем хорошо, хотя в нем имеются некоторые неточности, не исправленные и переводчиками текста — М. В. Левченко и С. Врионисом.

Текст завещания ⁶, как об этом уже писал В. Н. Бенешевич, читается легко, хотя сокращений довольно много. Писец руководствовался только произношением звуков; *oi*, *ei*, *η* употребляются безразлично либо заме-

¹ См. H. O m o n t. Facs. des manuscrits grècs datés du IX au XIV s. «Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France», 1890, p. 100—101.

² В. Н. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в. ЖМНП, май, 1907, стр. 219—231.

³ П. В. Безобразов. Завещание Воилы. ВВ, XVIII, 1911, стр. 107—115.

⁴ «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, стр. 169—173.

⁵ Speros V r i o n i s. The will of a provincial magnate, Eustathius Boilas. DOP, vol. XI, 1957.

⁶ Приношу глубокую благодарность Е. Э. Гранстрем за ее помощь в получении микрофильма Коаленовой рукописи № 263.

няются через ι или υ; точно так же нет разницы в употреблении αι—ε, ω—ο и т. д.

В. Н. Бенешевичем были допущены следующие ошибки: Воила в своем завещании писал, что местность, которую он получил, была «зловонной», она была обиталищем змей, скорпионов и диких зверей, которые ὡς μήτε τοῖς ἀντικρὺς ἐνοικήσαντα Ἀρμενίοις παρὰ μικρὸν ἔαν ἡρεμεῖν· τὸ δὲ εἰ συνεχομένους ὡς ἀνεπίβατον τοῖς πολλοῖς εἶναι καὶ ἄγνωστον πελέχει καὶ πυρὶ κατατεφρώσας, ὡς ὁ φάλμῶς.

Чтение τὸ δὲ εἰ, несомненно, ошибочно; ошибочны в связи с этим и переводы этого места у М. В. Левченко и С. Вриониса. У М. В. Левченко читаем: «... которая даже местным жителям казалась непригодной и которую едва сносили живущие неподалеку армяне. Я, как говорит псалом, очистил ее топором и огнем». Врионис же перевел: the Armenians who dwelled opposite here were not able to have even a little rest. If they <the Armenians> were constrained by the fact that the land was inaccessible to most men and unknown. I reduced it to ashes, with fire and axe, as the Psalm sayeth.

Следует читать, однако, не τὸ δὲ εἰ, а τῷ δέεи, что хорошо увязывается со следующим συνεχομένους.

Кроме того, В. Н. Бенешевич допустил еще одну ошибку, поставив точку после слова ἡρεμεῖν, тогда как слова τῷ δέеи συνεχομένους органически связаны с предыдущим предложением. Точка должна быть после слова συνεχομένους.

Следовательно, данное предложение нужно расшифровать так: ὡς μήτε τοῖς ἀντικρὺς ἐνοικήσαντα Ἀρμενίοις παρὰ μικρὸν ἔαν ἡρεμεῖν τῷ δέеи συνεχομένους· ὡς ἀνεπίβατον τοῖς πολλοῖς εἶναι καὶ ἄγνωστον πελέχει καὶ πυρὶ κατατεφρώσας, ὡς ὁ φάλμῶς, т. е. «... что не давало покоя даже живущим рядом и охваченным страхом армянам. Так как [эта местность] для многих была непроходимой и чужой, я, как говорит псалом, топором и огнем превратил [ее] в золу».

Согласно тексту В. Н. Бенешевича, Воила в полученных им имениях построил дом, церковь, мельницы, провел оросительную систему, посадил леса, сады и . . . ζῷα πρὸς τὴν χρείαν καὶ ἀναγκαῖα καὶ εὐχρηστα. Ζῷα — «исправление» В. Н. Бенешевича. В рукописи, как указывал он сам, читается ζῶσα. Переводчиками это слово переведено: М. В. Левченко — «завел домашний скот», С. Врионисом — «(I brought) animals». На самом же деле в завещании в данном случае нет и речи о каких-либо животных. Там просто написано ὅσα. В рукописи знак ὅς встречается неоднократно, в частности еще раз и на той же самой строке в значении καὶ, как его и прочел В. Н. Бенешевич. Здесь же он перепутал этот знак с буквой ζ. Итак, вместо ζῷа В. Н. Бенешевича следует читать καὶ ὅσα (читай καὶ ὅσα), т. е. «и что», «и сколько», «и всякое, что».

Воила говорит, что спустя три года после смерти его сына скончалась и его жена, κατάλυτον ταῖς δυσὶ θυγατράσι καὶ τὸν ἅπαντα βίον ἐμέ. Так в рукописи. Издатель исправил κατάλυτον рукописи на καταλύουσα несомненно, предполагая, что в слове κατάλυτον писцом допущены обычные орфографические ошибки. По мнению В. Н. Бенешевича, верно было бы καταλύων (причастие от глагола καταλύω — оставлять). Однако в таком случае мы столкнулись бы с другой трудностью: ведь καταλύων — причастие мужского рода, а «оставляющее» лицо — жена Воилы. Поэтому В. Н. Бенешевич и принял конъектуру καταλύουσα, причастие женского рода от глагола καταλύω.

М. В. Левченко, принимая «исправление» В. Н. Бенешевича, перевел данное предложение так, что якобы жена Воилы умерла, «оставив мне

(т. е. Воиле. — Р. Б.) все средства к жизни и двух дочерей». Согласно переводу С. Вриониса, жена Воилы умерла, «leaving me with my two daughters for the remainder of my life».

В подлиннике же никакой ошибки нет: *κατάλυτον* — это винительный падеж от слова *κατάλυτος*, образованного от глагола *καταλύω* («причинять большое горе, печаль, сильно огорчать»). Воила писал, что смерть его жены сделала его несчастным на всю жизнь и ничего больше. В самом деле, было бы странным, если бы крупный феодал Евстафий Воила, владевший одиннадцатью селениями и множеством рабов, писал о том, что его жена, умирая, оставила ему «все средства к жизни». Ведь сам Воила подчеркивал в завещании, что все его имущество добыто его собственными трудами.

Перечисляя то, что он завещает церкви св. Варвары, Воила, между прочим, пишет *ῥωσπερα ῥυπόρας*. Так в рукописи. В. Н. Бенешевич расшифровал эти слова так: *καὶ ῥωσπερ εαῤυπόρας* (sic!)⁷. Разумеется, последнее слово ничего не означает. М. В. Левченко перевел: «и сколько можно доставить», а С. Врионис: «and as much fruit». С. Врионис, однако, заметил при этом, что здесь у В. Н. Бенешевича ошибка, и дал свое чтение этих слов: *καὶ ῥωσπερ εα καὶ ὑπόρας*, справедливо указав, что *ὑπόρας* — это corrupt form of *ὑπόρας*. В рукописи, однако, очень ясно читается не *ῥωσπερ εα*, а *ῥωσπερα*, т. е. мы имеем дело не с наречием *ῥωσπερ* и несуществующим словечком *εα*, а попросту со словом «бобы» (*ῥωσπερα*). Воила завещал церкви св. Варвары двенадцать номисм, двести модиев зерна, тысячу литров вина, «а также бобы и фрукты».

Описывая одно драгоценное евангелие своей библиотеки, Воила отмечал, что оно имеет *ἰαστόρην ἐνδυμα ἐξ ἐπίπλεκτα ἀργυροχρυσώστα*. Эти слова С. Врионис перевел: a purple binding and silver—gold plaits, оставив без перевода слово «ἐξ», которое В. Н. Бенешевич понял как предлог. Но *ἐξ* — предлог родительного падежа, а в тексте после него стоят слова в именительном падеже. По нашему мнению, и здесь нет ошибки писца, а есть ошибка издателя и переводчика. Следует читать не «ἐξ», а «ἐξ» — шесть (Воила писал, что на переплете евангелия были шесть заплетений — украшений из серебряных позолоченных ниток).

В передаче названий местностей и имен людей, упомянутых в завещании, издатель также допустил неточности. Нам кажется, что под названием селения *Ἰσαίου* нужно предполагать не имя Исей, как у В. Н. Бенешевича, М. В. Левченко и С. Вриониса, а *Ἰσαίου*, т. е. имя пророка Исаии. В XI в. эти два разных написания звучали совершенно одинаково. Много ошибок в передаче имен сделал и М. В. Левченко. Так, название селения Тандзуги (*Ταντζούγη*) у М. В. Левченко передано как Талмути, а личные имена: Мусесис (*Μουσέσης*, т. е. Моисей) — Муселий, Маркиан (*Μαρκιανός*) — как Мартин; вместо же имени Феодора М. В. Левченко написал Анна.

Выше мы говорили лишь о неточностях, допущенных В. Н. Бенешевичем при расшифровке греческого текста, как и об обусловленных этим ошибках в переводах М. В. Левченко и С. Вриониса. Теперь мы остановимся на ошибках в переводах, не связанных с изданным текстом завещания.

Перевод М. В. Левченко неполон. По словам переводчика, сокращены лишь те части завещания, где перечисляется церковная утварь, а также книги библиотеки Воилы. Однако М. В. Левченко сократил и другие места, представляющие большой интерес с точки зрения исследо-

⁷ Здесь В. Н. Бенешевич еще раз перепутал знак *ς*, означающий *καὶ*, с буквой *ζ*.

вания социально-экономических отношений. Что касается самого перевода, то он в целом неудачен, его неточности весьма значительны.

В апреле 1059 г., т. е. во время составления завещания, из одиннадцати некогда принадлежавших Воиле селений у него оставалось лишь четыре, которые он перечисляет несколько раз, а именно: селения Тандзути (иначе называемое Салим или Дзалима), Вузина, Паравунион и Исаии. Говоря об оставленном им своей дочери Ирине приданом, Воила пишет: *Τὰ δὲ καταλειφθέντα μοι κτήματα καὶ προάστεια τέσσαρα τὸ μὲν Ταντζούτην ἦτοι τοῦ Σαλήμ σὺν τοῖς ὄρειναῖς δέδωκα εἰς προῖκαν τὴν πρώτην καὶ γυναιάν μου θυγατέραν Εἰρήνην καὶ τὸν σύνευνον αὐτῆς.*

Это важное предложение В. М. Левченко перевел: «Оставленные мне четыре имения и усадьбу Талмути и Салим с горными участками я дал в приданое первой и законной моей дочери Ирине и ее мужу».

Из этого перевода следует, что Воила отдал в приданое своей первой дочери и ее мужу шесть селений. В действительности речь идет только об одном. Воила, во-первых, говорит не об «оставленных ему», а об «оставшихся у него» селениях; во-вторых, он пишет не о четырех селениях, а об одном из четырех; в-третьих, «Салим» — это не отдельное селение, а, как уже говорилось выше, лишь другое наименование того же селения Тандзути.

Несколько раз Воила отмечает, что имения, которые принадлежали ему в Кларджии, он получил (*παρέλαβεν*), разумеется, от византийского императора — факт, весьма важный для уяснения политики Византии в занятых ею областях. Политика эта заключалась в переселении в завоеванные районы византийских феодалов из различных областей империи. М. В. Левченко всюду перевел этот глагол словами «я занял», хотя ни одно значение этого русского слова не соответствует греческому *παρέλαβεν*.

Как видно из завещания, Воила был в очень плохих отношениях с дуккой Михаилом и с сыном последнего магистром Василием, в зависимости от которых находились его имения. Говоря об их подстрекательствах, Воила пишет: *τὴν τοῦ ἀλαθῆτου ὀφθαλμοῦ ἐκδεχόμενος ἀμοιβὴν οὐδὲν περὶ τοῦτου ἰλυγγίασα*, т. е. что он, получая помощь всевидящего ока, не растерялся. У М. В. Левченко это место переведено: «но призываю всевидящее око, что не получил за это никакой награды». Неясно, о какой же награде Воила мог писать в данном месте? Перевод, по нашему мнению, неверен.

Воила имел рабов: некоторых он купил за деньги (*ὠνητοί*), другие родились от принадлежавших ему рабынь (*οἰχογενεῖς*). Воила пишет: *ὅσα δὲ παῖδια γένωνται ἀρρενικὰ ἐκ τῶν οἰχογενῶν καὶ ὠνητῶν ἀπελευθέρων μου, ἵνα ἀνατρέφονται εἰς τὸν τῆς θεοτόκου ναόν.*

Слова *οἰχογενῶν* и *ὠνητῶν ἀπελευθέρων* М. В. Левченко переводит неточно: «если у освобожденных рабов».

В завещании написано: *τὰ δὲ περιττεύοντα εἰς τοὺς ἀδελφοὺς καὶ αὐθέντας μου τοὺς πένητας διανεμηθῶσιν· κτηνὰ δὲ καὶ ἕτερα πράγματα κινητὰ τε καὶ ἐκίνητα, εἴ τι ἂν μου εὐρεθῶσιν, ἵνα διανεμηθῶσιν εἰς συγγενεῖς μου καὶ τοὺς εὐρεθέντας οἰκείους μου.*

М. В. Левченко перевел: «оставшееся пусть будет распределено между бедняками — моими братьями и господами, и находящимися там рабами», пропустив целое предложение греческого текста; *εὐρεθέντας* переведено при этом «находящимися там» (неизвестно где!), *οἰκείους* понято, по всей вероятности, как синоним *οἰκετικός* и передано словом «рабы». Но *οἰκεῖος* означает не раба, а близкого человека, родственника и т. п. Как видно из завещания, Воила приказывает поделить неведомое читателям документа «оставшееся» между бедняками, которых он лицемерно называет своими «братьями» и «господами»; реально же существующее у него и перечисляе-

мое имущество (животных и прочее), он завещает не этим «господам» и «братьям», а «своим людям» — *οἰκείους*.

Указывая на налоги, которые должны были платить его наследники, Воила говорит о *τὸν κανονιζόμενον καὶ βασιλικὸν κῆνσον*. М. В. Левченко перевел: «императорские налоги», оставив без перевода слово *κανονιζόμενον*. С. Врионис перевел *the regular and imperial census*. Под словами «*κανονιζόμενον κῆνσον*» нужно видеть, по всей вероятности, уплачиваемый епископу района налог, установленный как раз в эти годы Исааком Комнином (1057—1059) и называвшийся *κανονικόν* ⁸.

Алексей Комнин особым хрисовулом подтвердил порядок взыскания этого налога ⁹.

В завещании дважды упомянуто, что храм богоматери Воила построил «с основания» (*ἐκ βαράθρων ἐδαίματην*), у М. В. Левченко же в обоих случаях стоит «восстановил из развалин», что, разумеется, не одно и то же.

Воила завещал храму св. Варвары для богослужения, поминок и похорон двенадцать номисм, М. В. Левченко же переводит — «двадцать модиев».

Своему рабу Кириаку Воила завещал, между прочим, *καὶ εἶδος ὃ τι ἂν ἐπεχέκτητο προσφορέσιόν τε καὶ ἐγκοίτιον*, т. е. каким бы одением и домашними вещами раб ни владел, все передается этому рабу. У М. В. Левченко читаем: «брачное и им приобретенное». Тот же оборот встречается в завещании еще раз: Воила завещает монахам свои *φορέσιμα ἢ ἐγκοίτια*. Ясно, что это не «брачное и им приобретенное» как во втором, так и в первом случае.

В тексте завещания написано: *τὸν δὲ Σωτήριχον ἐλευθερώσας καὶ ληγατεύσας τὸν [κωδί]κελον ἐπιδέδωκα. τὸν δὲ Γρηγόριον καὶ τὴν αὐτοῦ γυναῖκα Θεοδώραν ἐλευθερώσω ψυχικὸν τῆς ὁσίας ᾠανης τῆς καὶ συμβίου μου*, т. е. «освободив Сотириха и одарив его легатом, я отдал ему кодикелл, а Григория и его жену Феодору освобождаю во спасение души преподобной Анны, моей жены». У М. В. Левченко: «Я освободил Сотириха и одарил его легатом. Выдал освободительную грамоту Григорию и жену его Анну (sic!) делаю свободной во спасение души жены моей Анны».

Из перевода М. В. Левченко следует, что кодикелл (у Левченко — «освободительная грамота») ¹⁰ получил Григорий (тогда как в действительности его получил Сотирих), а во спасение души жены Воилы освобождается только Феодора (а не Анна), тогда как в завещании ясно сказано, что освобождаются оба: и Григорий, и его жена Феодора.

Из Василик и из других памятников мы знаем, что свободные граждане в Византии делились на *εὐγενεῖς*, т. е. на людей, которые никогда не были рабами, родившись от *ἀπελευθέρους*, или от *εὐγενεῖς*, или же от родителей, из которых один был *εὐγενής*, а другой — *ἀπελεύθερος*. Вторая же категория свободных граждан называлась *ἀπελεύθεροι*, т. е. люди, которые когда-то были рабами, но в данное время являются свободными ¹¹. Воила хочет, чтобы освобожденные им рабы (*ἀπελεύθεροι*), а также их дети были *εὐγενεῖς καὶ ἐλεύθεροι*. У М. В. Левченко переведено: «чтобы они были свободными, освобожденными от рабства», что не совсем точно.

⁸ Jus, III, p. 323.

⁹ Ibid., p. 365—366.

¹⁰ Как видно из Василик, «кодикелл» означал такую приписку к завещанию, в которой завещающий добавлял то, что забыл написать в основном завещании. Но «кодикелл» мог употребляться и вместо самого слова «завещание» (см. *Basilicorum lib., XXXV, tit. I, 1, 14*).

¹¹ Ibid., lib. XLVI, tit. I; Jus, VI, tit. XXXIV.

В Каппадокии находилась построенная матерью Воилы церковь, которая была посвящена трем иерархам, т. е. Василию Кесарийскому, Иоанну Богослову и Григорию Чудотворцу. У М. В. Левченко же читаем: «храм тридцати иерархов».

Этим, однако, не исчерпываются неточности перевода М. В. Левченко; на более мелких ошибках мы не будем останавливаться.

Теперь перейдем к переводу С. Вриониса. В целом перевод завещания сделан хорошо, хотя и он не лишен некоторых неточностей. Частично мы о них уже сказали выше, когда говорили о греческом тексте завещания, изданном В. Н. Бенешевичем.

В тексте завещание читаем: τὸν δὲ Γρηγόριον καὶ τὴν αὐτοῦ γυναῖκα Θεοδώραν ἐλευθέρων ψυχὴν τῆς δαίας Ἀννης καὶ τῆς συμβίου μου. У С. Вриониса переведено: «I free Gregory, and his wife Theodora, who <was formerly> the slave of my blessed wife Anna». Переводчик перепутал при этом слово ψυχὴν (дар за спасение души) со словом ψυχάριον — раб. Воила просто указывает, что он освобождает Григория и его жену — обоих во спасение души умершей Анны, и ни о каких рабах здесь нет речи. Воила завещает своей церкви: στολές ἱερέως πέντε καὶ φελόνια τὰ μὲν δύο φελόνια μαῦρα τὰ δὲ ἕτερα τέσσαρα λευκά, καὶ ἕτερον πορφύρεον, ὅπερ ἔκρυπεν ὁ Νικόλαος· ὁμοῦ φελόνια ἑπτὰ. Врионис переводит: «five garments and sacerdotal robes, two of them black, the other four white, and a purple one which Nicholas hid; altogether seven robes».

К слову white своего перевода С. Врионис дает примечание (№ 23): «The scribe's calculations are somewhat erroneous here. В тексте, однако, никакой ошибки нет. С. Врионис думает, что στολές ἱερέως и φελόνια равнозначны, переводя garments and sacerdotal robes. Но это неточно: Воила говорит о пяти στολές и семи φελόνια, причем из семи фелоней две были черного цвета, четыре — белые, а одна — красная, всего же — семь, как и указывает Воила (ὁμοῦ φελόνια ἑπτὰ).

Перед последней страницей рукописи, содержащей текст завещания, имеется лакуна в три строки. До лакуны речь шла о том, что если наследники Воилы исполнят его желания, то да будет с ними благословение божье и богородицы. После же лакуны, в начале последней страницы завещания, читаем следующий фрагмент утерянного предложения: . . . ἐπισπάσεται μόρον καὶ πατραλοίας καὶ ἀδελφοκτόνος ἐπὶ πᾶσι καὶ διὰ πάντων καταγγεληθήσεται. Речь идет о формуле проклятия против тех, кто не исполнит желания Воилы. Вышеприведенный фрагмент С. Врионис перевел: *death shall be his portion, and he shall be denounced by all as a parricide and a fratricide.*

В греческом тексте, однако, нет слова θάνατος («death»). Оно по догадке добавлено Врионисом и, к сожалению, не взято в скобки. Предположение переводчика неверно. Слово μόρος, имеющееся в тексте, показывает, что мы имеем дело с очень распространенной в Византии формулой проклятия: «да будешь ты проклят 318 отцами и да будет у тебя с Иудой одна и та же участь». Конец лакуны должен выглядеть поэтому примерно так: после упоминания имен тех лиц, к которым обращены благословения и проклятия Воилы, — по всей вероятности, дочерей и зятьев Воилы, — следует: ἀναθεματισθήτω ὑπὸ τῶν τριακοσίων δέκα ὁκτώ πατέρων καὶ τὸν τοῦ Ἰούδα. . . Продолжение этого предложения находится в начале последней страницы рукописи завещания — . . . ἐπισπάσεται μόρον и т. д.

В переводе С. Вриониса есть и другие неточности. Например, неизвестно почему καὶ φλάμουλον πέρσιον λευκοπράσινον καὶ σπονδηγήτην подлинника переведено «a green-white silk cloth for the chalice», или

почему слова *ἐπίτροπος* и *διοικητής*, которые в завещании имеют разное значение, переведены одним и тем же словом «administrator».

В конце перевода С. Врионис дает небольшое исследование о завещании. Он не ставит задачи изучить данный памятник с точки зрения его важности для исследования социально-экономических отношений в указанный период, а стремится главным образом выяснить личности, упомянутые в завещании, и локализовать ареал распространения имений Евстафия Воилы.

Решение вопроса о местонахождении имений Воилы очень важно. Без этого нельзя приступить к изучению содержащихся в памятнике сведений. И А. Омон, и П. В. Безобразов, и В. Н. Златарский ошибочно локализовали имения Воилы. С. Врионис, исходя из данных завещания, совершенно справедливо искал имения Воилы на востоке Византии, в захваченных Византией в начале XI в. областях. Указав на название одного из упомянутых в завещании имений — Калмухи, Врионис правильно предположил, что Воила поселился в армяно-грузинской области Тайк (точнее — в Кларджии), которая вошла в состав Византии в начале XI в. С. Врионис локализует и другое селение, принадлежавшее Воиле, — Коптерион, которое он отождествляет с селением Капетру, местом сражения между византийцами и сельджуками в 1049 г., находившимся, по мнению С. Вриониса, на юго-востоке Тайка. Однако, как видно из текста Скилицы, Капетру находился не в Тайке, а около города Арсна, т. е. к югу от Феодисиуполя. Впрочем, в правильности локализации Коптериона Врионис сомневается и сам (*this identification cannot be demonstrated*). Тем не менее можно локализовать еще некоторые селения, названия которых почти не изменились еще в начале нашего века и отмечены на пятиверстной карте Кавказа. Они находятся на территории Кларджии около известного средневекового города Артануджа. Селение Тандзути завещания Воилы, несомненно, современное селение Тандзот близ Артануджа. В Тандзоте находится грузинская строительная надпись, относящаяся к храму св. Марины, датированная 531 годом хроникона (1312 г. н. э.); в надписи назван ктитор храма — Саимдавле Калмахели¹², или Саимдавле из Калмаха, т. е. из селения Калмухи завещания Воилы. Недалеко от Артануджа на пятиверстной карте Кавказа указаны два селения — Вартхел и Вартасхеви, в одном из которых, по всей вероятности, нужно видеть селение Варта нашего документа (окончание -хеви по-грузински означает ущелье).

В житии св. Григория Хандзтийского (умер в 861 г.) говорится об известном монастыре, находящемся в местности Опиза¹³. На пятиверстной карте Кавказа к северу от Артануджа указаны два селения — Опиза и Описчала. Одно из них, вероятно, соответствует селению Офидо-вуни завещания Воилы (окончание -вуни в греческом означает «гора»). Под этим греческим словом «вуни» следует, очевидно, предполагать какое-либо созвучное местное слово. По всей вероятности, основная часть слова — Опиза — осмыслена Воилой по-гречески — «Офидо» от слова «офис», т. е. «змея»; полное же название местности в таком осмыслении (Офидо-вуни) означало по-гречески «змея-гора» («змеиная гора»).

Как мы отметили выше, все эти селения находились на территории Кларджии и стали объектом византийской агрессии после смерти тайк-

¹² См. Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского. Грузинский текст, введение, издание, перевод Н. Марра с дневником поездки в Шавшию и Кларджию. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. VII. СПб., 1911, стр. 105.

¹³ Там же, стр. 103.

ского куропалата Давида III в 1001 г., войдя по договору 1023 г., заключенному между византийским императором Василием II и грузинским царем Георгием I, в состав Византии.

По словам Воилы, местность, которую он получил, была зловонной, она не давала покоя охваченным страхом армянам, ибо была обиталищем змей, скорпионов и диких зверей. С. Врионис понимает эти слова дословно, высказывая предположение, что место поселения Воилы стало таким после грабительских походов сельджукских войск. Врионис верит также словам Воилы, что в своем большинстве его имения до переселения Воилы были пустынными и необитаемыми. Это, однако, обычный оборот в памятниках того времени. Например, в тех же словах описывает земли, купленные им у византийского государства во Фракии, Михаил Атталиат. Именно поэтому и Воила, и Атталиат не забывают затем подчеркнуть, что все эти пустынные территории были превращены ими в цветущие сады. Они желают показать таким образом, что все имеющееся у них — это дело *их* рук, *их* труда. Что касается указания Воилы, что в местностях, которые он получил, скрывались змеи, скорпионы и дикие звери, то нам кажется, что и эти слова не следует понимать дословно, как это делает С. Врионис. В указанный период, по имеющимся данным армянских источников, во всех областях, находящихся в соседстве с Тайком (и в Харке, и в Апахунике, и в Мананали, и в области Екелеац, даже в столице армянских Багратидов в Ани) была широко распространена ересь тондракцев. Кларджия, очевидно, не являлась исключением¹⁴. Ересь тондракцев была особенно распространена именно в первой половине XI в. Помимо своей антифеодальной направленности, ересь тондракцев заключала в себе идеи освободительной борьбы армянского народа против иноземных захватчиков вообще и против византийских захватчиков в особенности¹⁵. Нам кажется, что Воила под змеями, скорпионами и дикими зверями подразумевает еретиков-тондракцев. Последние в армянских источниках XI в. именно так и названы. Так, автор XI в. Аристакес Ластивертци называет тондракцев «человекообразными зверями», тондракского вожда — «упрямым демоном-змеем», центр тондракского движения селение Тондрак — «логовом диких зверей», селение, принадлежащее одному тондракскому вождю, — «местностью, обитаемой змеями», места жительства еретиков — «логовом змеем». В таких же выражениях обращались к тондракцам известный армянский политический деятель и философ первой половины XI в., бывший дукой Месопотамии в царствование Константина Мономаха (1042—1054), Григорий Магистр Пахлавуни, умерший в 1058 г., т. е. за год до составления завещания Воилы, и другие армянские авторы того времени.

Воила пишет, что он огнем и мечом уничтожил этих змеев, скорпионов и диких зверей, превратил в золу их обиталища. Эти слова Воилы С. Врионис и не пытается объяснить. Есть основания, по нашему мнению, полагать, что огнем и мечом Воила уничтожил еретиков-тондракцев, предав огню их обиталища. В подтверждение нашего предположения вспомним слова Григория Магистра. В своем послании сирийскому католикосу

¹⁴ В житии Григория Хандзтийского есть упоминание о существовании в XI в. еретиков в Кларджии, а именно в Описе (см. Георгий Мерчул. Указ. соч., стр. 144—145). Еретики упоминаются также в Анче, находящейся в 2 км от Артануджа (там же, стр. 136). Последние, впрочем, по мнению Н. Марра, были павликианами (там же, стр. XVIII, прим. 3).

¹⁵ Ашот И о а н и с я н. Очерки по истории армянской освободительной мысли, кн. 1. Ереван, 1957, стр. 237, 368, 379 и др. (на арм. яз.).

он писал, что многие военные вельможи и начальники, по указанию Григория Магистра, предали еретиков-тондракцев мечу, а их обиталища — огню. Вполне возможно, что одним из этих военных вельмож и начальников был протоспафарий и ипат Евстафий Воила.

Далее С. Врионис пытается выяснить вопрос об историчности упомянутых в завещании Воилы личностей (дука Михаил и его сыновья — магистр Василий и вестарх Фаресман). Вокруг личности магистра Василия среди византинистов уже полвека идут споры. Решение этого вопроса означало бы в то же время и выяснение вопроса о его отце, дукe Михаиле, и его брате, вестархе Фаресмане.

С упоминанием имени магистра Василия из завещания Воилы мы встречаемся еще раз в памятной записи монаха Феодула (писца текста завещания Воилы), которая находится в той же Коаленовой рукописи Парижской национальной библиотеки, содержащей «Лествицу» Иоанна Климаса и текст завещания Воилы. Во всех изданиях этой записи магистр Василий выступает с прозвищем «Парадунавис» (Παραδούναβις). Византинисты, занимавшиеся вопросом выяснения личности магистра Василия, имели в виду в основном именно эту памятную запись монаха Феодула, которая гласит: ἐτελεῖώθη ἡ πανάρετος κλίμαξ προστάξει Εὐσταθίου πρωτοπαδάρου καὶ ὑπάτου τοῦ Βοήλα διὰ χειρὸς ἐμοῦ Θεοδοῦλου μοναχοῦ καὶ πρεσβυτέρου τῆς ὑπεραρχίας Θεοτόκου Σαλήμ, ἀμφότεροι Καππαδόκαι, ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἰσαακίου τοῦ Κομνηνοῦ καὶ πατριάρχου τῆς βασιλίδος Κωνσταντίνου προέδρου καὶ πρωτοβεστιαρίου καὶ Θεοδοσίου Ἀντιοχείας ἔτει ςφξζ' ἰνδικτιῶνος ιβ' μηνὸς ἀπριλλίου δ', ὥρα ζ', τῷ ἁγίῳ καὶ μεγάλῳ σαββάτῳ, καταπάνω Ἐδέσης Ἰωάννου τοῦ Δουκίτζη, δουκῶν Ἀδριανοῦ Ἀντιοχείας, Ἀαρὼν προέδρου καὶ αὐτοῦ δὲ τῆς Αὐγούστης Μεσοποταμίας, Βασιλείου μαγίστρου τοῦ Παραδούναβι, Ἰωάννου Μοναστηριώτου Ἰβηρίας, Παγκρατίου Βαασπρακᾶ καὶ Ἰωάννου κοροπαλάτου καὶ δομεστίκου τῶν σχολῶν τοῦ βασιλέως Κομνηνοῦ¹⁶.

В 1921 г. В. Бенешевич исправил допущенные им в последних строках неточности: Ἀαρὼν προέδρου καὶ αὐτοδεσπότου τῆς Αὐγούστης Μεσοποταμίας, Βασιλείου μαγίστρου τοῦ Παραδούναβι, Ἰωάννου Μοναστηριώτου Ἰβηρίας, Παγκρατίου Βαασπρακᾶ καὶ Ἰωάννου κοροπαλάτου καὶ δομεστίκου τῶν σχολῶν αὐταδέλφου τοῦ βασιλέως Κομνηνοῦ¹⁷.

В других изданиях этой записи в расшифровке ее концовки допущены и другие неточности, но интересующие нас имена и прозвища у всех даны одинаково: Ἀαρὼν προέδρου καὶ αὐτοδεσπότου τῆς Αὐγούστης Μεσοποταμίας, Βασιλείου μαγίστρου τοῦ Παραδούναβι, Ἰωάννου Μοναστηριώτου Ἰβηρίας.

Кто же этот магистр Василий, что означает его прозвище Παραδούναβις? Византийские историки Атталиат, Зонара и Скилица упоминают о том, что в 1065 г. турки-узы, переходя реку Истр (Дунай), взяли в плен архонтов приистрских (т. е. придунайских) городов — магистра Никифора Вотаниата и магистра Василия Апокапа (τῶν παριστρίων πόλεων ἄρχοντες... ὁ μάγιστρος Νικήφορος ὁ Βοτανειάτης καὶ ὁ μάγιστρος Βασίλειος ὁ Ἀποκάτης¹⁸.

Румынский византинист Н. Бэнеску отождествляет этого магистра Василия Апокапа с магистром Василием «Парадунависом», упомянутым в памятной записи монаха Феодула, и утверждает, что «Παραδούναβις» является не прозвищем, не фамилией Василия, как предполагал греческий

¹⁶ В. Н. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в., стр. 220.

¹⁷ В. Н. Бенешевич. Три Анийские надписи XI в. из эпохи византийского владычества. Пб., 1921, стр. 46.

¹⁸ Michaelis Attaleiotae Historia. Bonnae, 1853, p. 83; Ioannis Zonarae Epitome historiarum, t. III. Bonnae, 1897, p. 678; Georgii Cedreni Historiarum compendium, t. II. Bonnae, 1839, p. 654.

византинист С. Ламброс¹⁹, а эквивалентом слова Παρίστριον²⁰ (т. е. Придунайский).

Болгарский византинист В. Златарский пришел к совершенно другим выводам²¹. Он писал, что Василий Апокап не имеет ничего общего с магистром Василием памятной записи монаха Феодула, ибо первый стал магистром лишь в 1064 г., в 50-х же годах XI в. он имел чин патрикия. Кроме того, продолжает В. Златарский, известно, что в конце 1059 г. и в 1060 г. архонтом придунайских городов был Роман Диоген. В. Златарский принимает предположение С. Ламбрoса, что слово Παράδοναβις «есть просто прозвище, фамилия магистра Василия, а не его титул». Он полагает, что это прозвище говорит о том, что магистр Василий памятной записи монаха Феодула имеет болгарское происхождение, и, не считаясь с данными завещания Воилы, пишет, что он тождествен тому Василию, который в начале царствования Романа Диогена был дукой города Эдессы и у армянского историка XII в. Матфея Эдесского назван «сыном болгарского царя Алусиана»²². Но ведь в завещании Воилы неоднократно указано, что отца магистра Василия (именно того Василия, который упомянут в памятной записи монаха Феодула) звали Михаилом и что он имел чин дуки.

С. Врионис пришел к тем же выводам, что и Н. Бэнеску. Он тоже считает, что магистр Василий завещания Евстафия Воилы и есть магистр Василий Апокап, архонт приистрских городов, который упоминается также в хронике армянского историка Матфея Эдесского в качестве сына Апокапа.

В завещании Воилы упомянуты также вестарх Фаресман, брат магистра Василия, и их отец — дука Михаил. С. Врионис отождествляет дуку Михаила с дукой города Эдессы Апокапом, выступающим в хронике Матфея Эдесского в качестве «отца Василия»²³, а вестарха Фаресмана отождествляет с упомянутым Скилицей вестом²⁴ Фаресманом Апокапом, получившим от императора Романа Диогена в 1069 г. город Гиераполь²⁵.

Но и Н. Бэнеску, и С. Врионис не считаются с данными завещания Воилы и хроники Матфея Эдесского, поэтому их выводы не могут быть признаны убедительными. Апокап, упомянутый Матфеем Эдесским (которого С. Врионис отождествляет с дукой Михаилом завещания Воилы), владел городом Эдессой, а дука Михаил и его сыновья, как убедительно доказал сам С. Врионис, жили в Тайке, точнее — в Кларджии. Мы не располагаем данными о том, что дука Эдессы Апокап имел какое-нибудь отношение к этой области.

Но самым важным обстоятельством, вызывающим сомнение в выводах Н. Бэнеску и С. Вриониса, являются соображения хронологического порядка. По данным завещания Воилы, дука Михаил (согласно С. Врионису, Апокап, дука Эдессы) во время составления завещания, т. е. в апреле 1059 г., был πακαρίτης, т. е. умершим; в хронике же Матфея Эдесского мы

¹⁹ Sp. Lampros. Ἐνθυρήσεων ἤτοι χρονικῶν σημειωμάτων συλλογὴ πρώτη. NE, VII, 1910, σελ. 130—131.

²⁰ N. Bănescu. Les premiers témoignages byzantins sur les Roumains du Bas-Danube. BNJ, Bd. III, 3 und. 4. (Doppel-) Heft, 1922, S. 294—295; i d e m. La question du Paristrion. Byz., vol. VIII, fasc. 1, 1933, p. 294; i d e m. Les duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie. Bucarest, 1946, p. 84—90.

²¹ В. Н. Златарски. Една датирана приписка на гръцки от средата на XI век. BS, vol. I, 1929, p. 28 sq.

²² Մատթեոս Ունշաթեղի, Փամանակագրութիւն, Վաղարշապատ, 1898, էջ 195.

²³ Մատթեոս Ունշաթեղի, էջ 119.

²⁴ С. Врионис по ошибке называет его вестархом.

²⁵ Cedr., II, p. 675—676, ср. Attal., p. 116.

читаем, что дука Эдессы «Апокап, отец Василия», в 1065 г. с радостью встречал своего сына²⁶, т. е. магистра Василия Апокапа, архонта приистрских (придунайских) городов, сумевшего убежать из турецкого плена. Совершенно ясно, что дука Эдессы Апокап не имеет ничего общего с дукой Михайлом завещания Воилы, как, разумеется, и его сын Василий (т. е. Василий Апокап византийских источников), архонт приистрских городов, не может иметь ничего общего с магистром Василием памятной записи монаха Феодула и завещания Воилы.

Поэтому и прозвище «Апокап» стратига Гиераполя Фаресмана, которого С. Врионис хотел отождествить с вестархом Фаресманом завещания Воилы в качестве брата магистра Василия, ничего не дает. Несомненно лишь то, что оба они называются Фаресманами, один из них имеет чин вестарха, а другой — веста.

Итак, *Παραδουναβίς*, вероятно, нельзя считать эквивалентом *Παρίστριον*, и, по нашему мнению, совершенно правильно С. Ламброс и В. Златарский предполагали, что это прозвище. Но оба эти историка не ответили на другой возникающий в связи с этим вопрос. Все лица в памятной записи монаха Феодула упоминаются вместе с принадлежавшими им владениями. Если считать «Парадунавис» прозвищем, то в этом случае только при имени Василия «Парадунависа» его владения не названы. Это обстоятельство и послужило главной причиной того, что исследователи высказали разнообразные, но все же неправильные суждения по вопросу о локализации имений Евстафия Воилы, находившихся под политической властью магистра Василия и его отца дуки Михаила. А. Омон искал владения Воилы в Каппадокии²⁷, П. В. Безобразов — в феме Антиохии²⁸, а В. Златарский — в районе города Эдессы²⁹.

В. Златарский, утверждая, что у магистра Василия «Парадунависа» болгарское происхождение, опирался лишь на его прозвище «Парадунавис» и не обращал внимания на то, что брата Василия звали Фаресман, имя, которое вряд ли встречалось среди болгар. Оно, напротив, показывает, что Фаресман, как и его брат Василий и их отец Михаил, мог быть либо грузинского, либо армянского происхождения (возможно, халкедонитского вероисповедания).

Споры вокруг личности магистра Василия были бы давно решены, если бы исследователи обратили внимание не только на изданный текст памятной записи монаха Феодула, но и на фототипический снимок страницы 1586 Коаленовой рукописи № 263, изданной еще Омоном³⁰. На этой странице кончается «Лествица» Иоанна Климака. Ее концовку монах Феодул, писец «Лествицы», расположил в кресте, которому придал вид лестницы, а на оставшихся по сторонам от креста чистых полях листа и написал свою памятную запись. Слова записи начинаются с полей, находящихся с левой стороны от креста, и продолжаются на полях с правой стороны. Однако нам кажется, что монах Феодул в двух случаях не придерживался этого принципа. Интересующую нас часть записи мы читаем так: на правом поле писец начал: Ἀδριανὸς Ἀντιοχείας Ἀαρόν, затем перешел на левое поле: προέδρου καὶ αὐτοδεσπότης Αὐ, а продолжил на правом поле: γούστης Μεσοποταρίας. Далее же, однако, монах Феодул не перешел на левое поле, как считали все издатели этой записи, а прямо под той же

²⁶ *Παριστριον Π. Ζωγράφου*, 42 153.

²⁷ «Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France», 1890, p. 101.

²⁸ П. В. Безобразов. Завещание Воилы, стр. 107.

²⁹ В. Н. Златарский. Указ. соч., стр. 25.

³⁰ H. O m o n t. Op. cit., pl. XXVI.

последней строкой на правом поле написал: τοῦ Παραδούναβι; затем он перешел к левому полю и продолжил: Βασιλείου μαγίστρου, после чего под той же строкой левого поля написал три последние строки записи (Ἰωάννου Μοναστηριώτου Ἰβηρίας и т. д.), которые, находясь под крестом, уже не были разделены на две части.

Итак, выясняется, что прозвище Παραδούναβις относится вовсе не к магистру Василию³¹, как считалось до сих пор, а к дуке Месопотамии проедру Аарону, который, кажется, никогда не был ἀρχὼν τῶν παριστρίων πόλεων. В. Златарский был совершенно прав, предполагая, что человек, носящий прозвище «Парадунавис» (в данном случае не имеет значения то, что он относил его к магистру Василию), мог иметь болгарское происхождение. Общеизвестно, что дука Месопотамии проедр Аарон был болгарского происхождения. Об этом неоднократно упоминают и византийские, и армянские первоисточники. Аарон происходил из царского рода, его отец Иоанн Владислав был царем Западной Болгарии (1015—1018 гг.). Брат Аарона Прусиан защищал в 1018 г. Болгарию против императора Василия II, сестра же Аарона Екатерина вышла замуж за Исаака Комнина (1057—1059 гг.). Аарон служил в Азии, главным образом в Армении. Он правил Васпураканом, а с 1049 до весны 1057 г. был магистром города Ани, сменив Катакалона Кекавмена, а в апреле 1059 г., как видно из записи Феодула, был дукой Месопотамии³².

Выше мы говорили о том, что если считать Παραδούναβις прозвищем, а не названием местности, то в записи остается лишь магистр Василий, владения которого не указаны монахом Феодулом. При нашем же чтении записи отпадает и это недоразумение. Магистр Василий и Иоанн Монастыриот оба названы монахом Феодулом владыками (дуками) Иверии, что не вызывает сомнения. Имена Евстафия Воилы, находящиеся под политической властью магистра Василия, были расположены в Кларджии, т. е. в области, которая византийцами называлась Иверией. Что касается Иоанна Монастыриота, то он также в одной греческой надписи 1059 г., найденной в фрагментарном виде при раскопках города Ани, назван Ἰωάννης βεστάρχης κατεπάνω Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας Μοναστηριώτης³³.

Итак, интересующие нас строки памятной записи монаха Феодула нужно читать так: Ἀαρὼν προέδρου καὶ αὐτοδεσπότης Αὐγούστης Μεσopotamiᾶς τοῦ Παραδούναβι, Βασιλείου μαγίστρου, Ἰωάννου Μοναστηριώτου Ἰβηρίας.

³¹ Кстати, здесь нужно подчеркнуть, что в завещании Воилы магистр Василий нигде не упоминается с прозвищем «Парадунавис», как и должно было быть, ибо оно ему не принадлежало.

³² См. В. Н. Бенешевич. Три Анийские надписи. . . , стр. 4 сл.

³³ Там же, стр. 19.

К. В. ХВОСТОВА

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
ИММУНИТЕТНЫХ ГРАМОТ
МАКЕДОНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ В XIV в.**

Марксистско-ленинская историческая наука понимает под иммунитетом совокупность судебных, административных и податных привилегий феодала. Иммунитет — явление надстроечное, согласно характеристике Маркса, — атрибут земельной собственности. Под иммунитетом мы понимаем привилегии, не только зафиксированные в жалованных грамотах, но и определяемые обычаем, признаваемым юридической нормой. Податной иммунитет выражается в том, что феодальные владения освобождаются от уплаты всех или части государственных налогов и выполнения государственных повинностей. Эти налоги или повинности после пожалования податного иммунитета или упраздняются, или взимаются феодалом в свою пользу, составляя часть феодальной ренты. Податной иммунитет связан, таким образом, с феодальной рентой. Д. Ангелов склонен отождествлять податной иммунитет с феодальной рентой¹. Однако с таким пониманием иммунитета вряд ли можно согласиться. Прежде всего, далеко не всегда уступленные государством феодалу крестьянские налоги и повинности исчерпывают всю феодальную ренту. Часть ренты взимается феодалом в силу его сеньориального права, по обычаю. Кроме того, — и это главное — податной иммунитет и феодальная рента — вообще не равнозначные понятия. Податной иммунитет — это юридическая категория, означающая освобождение владений феодала от государственных налогов и повинностей, а рента — это экономическая категория, означающая реализацию феодалом монопольного права земельной собственности. Таким образом, податной иммунитет является одним из средств получения полностью или, как правило, частично феодальной ренты. Роль иммунитета в реализации монопольного права феодальной земельной собственности не исчерпывается только тем, что переданные феодалу государственные налоги и повинности составляют известную часть феодальной ренты; административные и судебные права феодала оформляют внеэкономическое принуждение — необходимое условие получения феодальной ренты. Судебные и административные привилегии, заключающиеся в праве иммунитета судить зависимое от него население и в запрещении государственным чиновникам

¹ См. Д. Ангелов. Аграрные отношения в Северна и Средна Македония през XIV век. София, 1958, стр. 133 сл. Автор рассматривает случаи раздела феодальной ренты пополам между главенствующим монастырем и его метохом, которые он квалифицирует как разделение иммунитета. Это тем более странно, что выше Ангелов правильно определяет иммунитет как «совокупность административно-финансовых и судебных прав» (стр. 123).

вступать на территорию иммуниста — главное в иммунитете. Именно это окончательно создает экзимирированность феодального владения.

Таким образом, иммунитет — это ряд привилегий феодального класса, оформляющих внеэкономическое принуждение, являющихся средством извлечения феодальной ренты. Такова классовая сущность иммунитета. Необходимо отметить, что иммунитет как форма внеэкономического принуждения соответствовал определенному этапу развития феодализма. В условиях складывания централизованного государства иммунитетные права сокращаются, а затем исчезают (например, в России). Не существовало иммунитета также в странах второго издания крепостничества (к востоку от Эльбы), когда там сложилось полное крепостное право, являвшееся высшей формой внеэкономического принуждения и пришедшее на смену иммунитету. На Западе иммунитет сокращался по мере формирования вотчинной власти. Не было иммунитета на ранних стадиях феодализма.

Поскольку иммунитет — это совокупность привилегий феодального класса, дающих ему возможность извлекать феодальную ренту, он на определенном историческом этапе в том или ином объеме присущ всякой частной феодальной земельной собственности и неизменно сопровождает всякое земельное пожалование.

Оформляя внеэкономическое принуждение, иммунитет прежде всего отражает взаимоотношения феодалов и крестьян, но, с другой стороны, иммунитет отражает и взаимоотношения между феодалом-иммунистом и государством. Государство отказывается в пользу феодала от части своих прерогатив, феодалы становятся носителями функций публичной власти, что создает характерную для средневековья иерархическую структуру общества.

Темой настоящей статьи является эта вторая, хотя и менее существенная, но тоже важная сторона иммунитета македонских монастырей XIV в., причем преимущественно рассматриваются податные льготы (экссуссия). Статья не претендует на всестороннее освещение этой проблемы. В ней ставятся только некоторые вопросы, связанные с полнотой податных привилегий монастырей.

Источником для изучения иммунитета македонских монастырей этого периода являются прежде всего жалованные грамоты византийских императоров монастырям в Южной Македонии и сербских правителей — в Северной и Средней Македонии.

Жалованная грамота (хрисовул или простагма) содержит перечень монастырских владений, вновь жалуемых или, если это подтвердительная грамота, уже имеющих в распоряжении монастыря. В конце хрисовула имеется более или менее пространная формула (*dispositio*), назначением которой является подтверждение права монастыря на его владения (подробный разбор см. ниже). В эту формулу вклинивается иногда и перечень административно-финансовых привилегий. Необходимо отметить, что в хрисовулах, как правило, содержится далеко не полный перечень владений, иными словами, хрисовулы дают нередко только приблизительное представление о составе монастырской вотчины². Точнее узнать об этом

² Так, нам известен ряд хрисовулов византийских императоров Хиландарскому монастырю, в которых перечисляются монастырские владения на Стримоне [*Actes de Chilandar, I, publiés par L. Petit et B. Korabiev. Actes grecs. BB, XVII, 1911 (далее — Chil., I; см. № 41, 43, 60—63, 70, 71, 138)*]. Однако ни в одном из этих хрисовулов не упомянуты села Худино, Мунзени и др., о принадлежности которых Хиландарю свидетельствует хрисовул Стефана Душана от 1348 г. [*Actes de Chilandar, II, publiés par L. Petit et B. Korabiev. Actes Slaves. BB, XIX, 1912 (далее — Chil., II: см. № 38. 133—135)*].

мы можем только при сопоставлении различных хрисовулов, относящихся к данному монастырю, а также при взаимопроверке данных хрисовулов и практиков. В хрисовулах могут быть не только неполные перечни, но и неточные формулировки³.

Эта неполнота и неточность жалованных грамот должна быть принята во внимание и при использовании хрисовула как источника для изучения иммунитета.

Надо различать два вида податных льгот, зафиксированных в хрисовулах. Мы уже отмечали, что в том или ином объеме иммунитетные привилегии на определенном этапе развития феодализма должны неизменно сопутствовать всякому земельному пожалованию, так как без них феодал не мог бы реализовать свое право земельной собственности. Поэтому дарование определенного круга иммунитетных привилегий подразумевается самим актом пожалования земельной собственности. Из податных льгот это прежде всего те повинности и налоги, которые составляют основу феодальной ренты и которые крестьяне не в состоянии одновременно выполнять как в пользу феодала, так и в пользу государства.

Но ряд налогов и повинностей при пожаловании владения феодалу может быть сохранен за центральной властью, пожалование их иммунитету не обусловлено пожалованием земельных владений. В области податного иммунитета это те повинности и налоги, которыми могут быть обязаны в пользу государства и частновладельческие крестьяне (например, строительство крепостей, дорог). Если центральная власть отказывается в пользу иммунитета и от этих налогов, то это пожалование облекается в форму особой милости.

При изучении иммунитета македонских монастырей в XIV в. необходимо учитывать существование этих двух видов иммунитетных привилегий.

Вторым источником для изучения иммунитета монастырей Южной Македонии XIV в. являются практики этих монастырей⁴. Практик — это опись монастырских владений и доходов; он включает, в частности, сведения о пожаловании монастырю государственных налогов с определенных владений. Если имеются практики и хрисовулы, близкие по времени составления и относящиеся к одним и тем же владениям, то возможна взаимопроверка сообщаемых ими данных. В таком случае можно контролировать данные такого неточного источника, как хрисовул, данными практика. В то же время необходимо учитывать, что и в практике могут быть неточности. Новая опись какого-либо владения составлялась на основе ранее составленной описи. Если к моменту составления новой описи в отношении какой-то части владений не произошло никаких существенных

³ Так, например, в ряде хрисовулов византийских императоров Хиландарю говорится о его праве распоряжаться перечисленными в хрисовулах владениями: производить на них улучшения, извлекать из них доход (Chil., I, № 33, 66—69, F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 7, 92—95), приселять «ксенов, неизвестных казне», и владеть ими «незыблемо и непоколебимо» (Chil., I, № 60, 61—65; 61. 58—62; 70. 71—74). Среди перечисленных в этих хрисовулах владений упомянута и деревня Кутци, хотя из других документов известно, что она находилась в фактическом распоряжении Васильева пирга, Хиландарского метоха, а Хиландарь не имел права распоряжаться ею, сохраняя только право верховной собственности (Chil., I, № 101. 12—16; 65. 64—68; 158. 186—190).

⁴ Имеющиеся в нашем распоряжении сербские практики монастыря св. Стефана у Кончи (А. С о л о в ъ е в. Кончански практик. ЗР САН, кн. XLIV. Византоложки инст., кн. 3. Београд, 1955, стр. 83—109) и практик Хтетовского монастыря (Chil., II, р. 489—488) не содержат сведений об иммунитете.

изменений, то эта часть нового практика может содержать пропуски⁵. Когда мы не располагаем предшествующими описями, мы можем не иметь и точных данных. Сведения относительно иммунитета, которые сообщают практики, касаются только податных льгот. Об административном и судебном иммунитете мы знаем только из жалованных грамот. Поскольку до нас вообще дошло незначительное количество практиков, причем от Ивирского монастыря мы имеем четыре, а от Зографского — только две разновременные описи одних и тех же владений, то основным нашим источником будут жалованные грамоты.

В хрисовулах и простагах византийских императоров монастырям в Южной Македонии от конца XIII—XIV в. после перечисления владений, как при пожаловании, так и при конфирмации, в *dispositio* хрисовула обычно постановляется, чтобы данными владениями монахи распоряжались *ἀναφαίρετως, ἀναποσπάστως καὶ ἀνενοχλήτως*. Далее говорится, что никто не имеет права причинять монастырю какое-либо беспокойство (*ῥήλησις, διενόησις*), совершать насилие или несправедливость (*καταδυναστεία, ἀδικία*) или вызывать какие-либо потрясения (*διασεισμός*) во владениях монастыря. Никто не может взыскивать с этих владений какой-либо налог (*ἐπιήρεα⁶, βάρος, κατάτριβος*), но пусть распоряжается монастырь своими владениями «свободно от всех»⁷. Иногда уточняется, кто подразумевается под «всеми» (*ἅπαντες*): ими могут быть соседи монастыря, государственные чиновники и духовные власти⁸.

Наряду с этой распространенной формулой встречается и другая, в которой не говорится об освобождении монастырских владений от налогов, а только утверждается, что монастырь должен распоряжаться своими владениями *ἀνενοχλήτως, ἀναποσπάστως, ἀναφαίρετως⁹*.

Отличительной особенностью третьего варианта формулы, подтверждающей владельческие права монастыря, является перечисление ряда государственных налогов, от уплаты которых монастырь освобождается¹⁰.

Давно уже было отмечено, что в византийских хрисовулах XIII—XIV вв. перечень налогов значительно более краток, чем в хрисовулах

⁵ Например, практики Ивирского монастыря 1317 и 1321 гг. при описании владений в катепанате Каламария упоминают три дома возле Фессалоник. В практике 1341 г. этот стих опущен (F. Dölger, Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athosklöster Iveron. «Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften». N. F., 18. München, 1949, K. 596/98, P. 583/85). Кроме того, в практиках могут быть ошибки и случайные пропуски. Например, в описи деревни Радоливо от 1316 г. упоминаются две составные части *аира* (пошлина за нахождение клада и фонос), от которых монастырь не освобождался. Общая сумма, причитающаяся монастырю в качестве *аира*, равнялась 18 перперам (*ibid.*, O. 332—333). В практике, относящемся к тому же владению от 1341 г., наряду с *фоносом* и *пошлиной* за нахождение клада упоминается и *парфенофтория*. Эти три статьи, которые монастырь должен уплачивать, квалифицируются как *ἐπισημαὶ κεφάλαια*. Общий доход монастыря от *аира* равнялся 24 перперам (*ibid.*, R. V., 237—238), т. е. возрос по сравнению с 1316 г. Если, с одной стороны, принять во внимание, что в XIV в. наблюдалась тенденция к расширению иммунитетных привилегий, а с другой стороны, учесть, что общий доход монастыря от *аира* в 1341 г. по сравнению с 1316 г. возрос, то может показаться странным, что в 1316 г. монастырь не уплачивал *парфенофторию*, а в 1341 г. стал платить. По-видимому, он ее уплачивал и в 1316 г. и эта статья только случайно пропущена в практике.

⁶ *ἐπιήρεα* в XIV в. означает всякое налоговое обложение. См. А. Соловьев, В. Мошин. Грече повеле српских владара. Београд, 1935, стр. 436.

⁷ См., например, Chil., I, № 16. 16—23.

⁸ См. Chil., I, № 20. 21; 42. 26; 65. 14—16; 64. 25, 26; Actes de Zoographou, ed. W. Regel, E. Kurtz, B. Korabiev, BB., XIII, 1907. Приложение № 32. 51—58; Actes de Esphigménou, ed. R. Petit, W. Regel. BB., XII, 1906. Приложение, № 9. 11—13; 10. 14—17.

⁹ См., например, Chil., I, № 20. 14; 31. 39—43.

¹⁰ См., например, A. Guillou. Les archives de Saint-Jean Prodrome sur le mont Ménécée. Paris, 1955, № 9. 47—48; 10. 51—53.

XI—XII вв. Исследователь византийского иммунитета К. Н. Успенский полагал, что эволюция формулы отражала эволюцию в объеме иммунитета, т. е. эволюцию в социально-экономических отношениях. Он считал, что расцвет византийского иммунитета относится к XI—XII вв., а в XIII—XIV вв. наблюдается «обветшание института»¹¹. К. Н. Успенский и П. А. Яковенко полагали, что имеющееся в конце подтвердительной формулы утверждение, что монастырь освобождается вообще от всех налогов, являлось только «риторическим украшением». А поскольку нет хрисовулов, в которых содержался бы исчерпывающий перечень всех существующих налогов, то Яковенко и Успенский считали, что не существовало и полного освобождения¹².

Г. Острогорский решительно отвергает эту точку зрения Успенского и Яковенко, считая, что общая формула об освобождении монастыря от всех повинностей обладает абсолютной точностью. Если от каких-либо налогов или повинностей монастырские владения не освобождались, то это, по его мнению, всегда специально оговаривается¹³. Перечень же отдельных налогов, от которых монастырь освобождался, носил только иллюстративный характер. Острогорский считает, что иммунитет в Византии в XIV в. вовсе не сокращался, а, напротив, расширялся; к такому же выводу пришел еще раньше Б. Т. Горянов¹⁴.

Нам представляется бесспорным вывод Острогорского относительно того, что монастырь освобождался не только от тех налогов, которые поименованы в перечне, но и от других, которые не указаны. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить перечисление налогов и податей, пожалованных Ивирскому монастырю с деревни Мелинциан в практиках на эту деревню, где фигурируют телос, каниский, скалиатикий, линоврохий, виварий и опсоний¹⁵, и в хрисовулах, выданных этому же монастырю в 1310, 1346 и 1357 гг., где эти сборы отсутствуют, хотя в числе других владений в этих хрисовулах упоминается и деревня Мелинциан¹⁶. Ясно, что было бы ошибочным на основании этих грамот заключать, что с названной деревни уплачивались эти сборы.

Ни один из хрисовулов, относящихся к монастырским владениям в Южной Македонии, не упоминает об освобождении монастырей от основного налога, известного в практиках под названием телос и икуменон, хотя, как свидетельствуют практики, монастыри взимали этот налог в свою пользу¹⁷.

Вывод Острогорского относительно того, что перечень налогов в хрисовуле отнюдь не исчерпывающий, вполне согласуется с общим представлением о хрисовуле как о документе, не отличающемся предельной точностью в перечислениях и формулировках. Выше отмечалось, что перечень монастырских владений в хрисовулах обычно неполный. Спорным, однако,

¹¹ К. Н. Успенский. Эккусия-иммунитет в Византийской империи. ВВ, XXIII, 1923, стр. 80—82.

¹² П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908, стр. 27; К. Н. Успенский. Указ. соч., стр. 84.

¹³ Г. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. ВВ, XIII, 1958, стр. 67.

¹⁴ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. ВВ, XII, 1957, стр. 99.

¹⁵ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika..., A. 30, K. 57—58, P. 55, V. 50—51.

¹⁶ Idem. Aus den Schatzkammern..., № 9, № 37; А. Соловьев, В. Мошин. Грчке повеље..., стр. 46.

¹⁷ Г. Острогорский, исследуя византийские практики, пришел, по-видимому, к совершенно правильному выводу о том, что все перечисленные в практиках сборы поступали только монастырю, а не государству (Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. BS, 1948 (2), стр. 231).

представляется заключение Г. Острогорского, что клаузула об освобождении монастыря от всех налоговых обложений есть свидетельство полного отсутствия налогов с монастырских владений; наличие налогов, по его мнению, всегда специально оговаривалось¹⁸. Если, однако, последовательно придерживаться вывода, что формулировки и перечни в хрисовулах старадают неточностью, то естественно предположить, что и перечень платежей, уплачиваемых монастырем, также мог быть неполным. Неточной может быть и формулировка, гласящая об освобождении от всех повинностей.

Для того чтобы выяснить, насколько формула освобождения от всех повинностей отвечала реальному положению вещей, т. е. установить, являлась ли она простым риторическим украшением, как думали П. А. Яковенко и К. Н. Успенский, означала ли она действительно освобождение от всех налогов, как полагает Г. Острогорский, или под ней подразумевался только какой-то определенный круг налогов, в то время как другие не подразумевались, необходимо сопоставить различные хрисовулы, относящиеся к одним и тем же владениям, а также сопоставить их с практиками. От XIII—XIV вв. не сохранилось центральных кадастровых книг, относящихся к интересующему нас району, не имеем мы от этого времени и такого документа, как Податной устав, на основании которого Острогорский смог неопровержимо доказать наличие в некоторых случаях полного податного иммунитета. Для проверки хрисовулов XIII—XIV вв. у нас имеются только практики. Не всегда используя всю совокупность источников, относящихся к данному монастырю, Острогорский иногда впадает в противоречие. Так, говоря о наблюдаемой в XIII—XIV вв. тенденции к расширению иммунитетных привилегий, Острогорский ссылается на пример метоха св. Николая близ Серр, который вначале был самостоятельным, затем перешел во владение иеромонаха Каллиника, а последним был отдан Хиландарю. В хрисовуле Андроника III Палеолога от 1327 г., подтверждающем владельческие права Хиландаря на этот монастырь, говорится об освобождении данного метоха от всех налогов, в том числе от ситаркии, кастроктисии, орики и митата¹⁹. И только с парических зевгарей монастыря должна взиматься ситаркия²⁰. Острогорский полагает, что не случайно в хрисовуле перечислены именно эти четыре подати. «Можно догадываться, — пишет он, — что эти четыре повинности метох св. Николая ранее должен был нести и что именно поэтому они специально поименованы, тогда как прочие, менее важные повинности опущены»²¹. Но если монастырь св. Николая уплачивал раньше эти четыре подати, то, согласно теории Острогорского, об этом должно было бы быть сказано в дипломах этому монастырю. Однако об этом не говорится ни в простагме Андроника II Палеолога от 1304 г.²², ни в простагме Михаила IX от 1304 г.²³, ни в простагме Андроника III Палеолога от июня 1321 г., в которой сказано, что монастырь должен быть свободен от всякого вмешательства и податей — *μηδενίαν ὑφισταμένους διενόχλησιν ἢ*

¹⁸ Г. Острогорский. К истории иммунитета... стр. 66. Г. Острогорский считает также, что там, где говорится, что монастырь располагал своими владениями *ἀδιασίστως*, *ἀναφαίρετως*, *ἀναποσπάτως*, это также означает полную иммунитетных привилегий (там же, стр. 90). Однако эти выражения имеются и в купчих грамотах, где нет речи об иммунитете и где они означают подтверждение прав собственности (например, *Chil.*, I, № 12. 28; 25—33).

¹⁹ *Chil.*, I, № 113.29—30.

²⁰ *Ibid.*, № 113. 31—32.

²¹ Г. Острогорский. К истории иммунитета... стр. 87.

²² *Chil.*, I, № 20.

²³ *Ibid.*, № 22.

ἐπὶ ῥεῖαν²⁴. Не говорится об обязанности этого монастыря уплачивать четыре упомянутые подати ни в хрисовуле Андроника II от сентября 1321 г.²⁵, которым данный монастырь передается иеромонаху Каллинику, ни в хрисовуле Андроника III с той же датой, подтверждающем эту передачу²⁶, и в акте передачи монастыря Каллиником Хиландарю от 1323 г.²⁷

Тем не менее представляется весьма правдоподобным, что монастырь св. Николая до перехода его под власть Хиландаря уплачивал эти четыре подати, освобождение от которых считалось особой привилегией, даруемой только крупным монастырям. Однако то обстоятельство, что об этом не говорится в перечисленных хрисовулах этому монастырю, ставит под сомнение высказанную Острогорским точку зрения, будто если монастырь имел неполное освобождение от податей, то уплачиваемые им подати должны быть обязательно поименно названы в хрисовулах этого монастыря. Но если обязанность уплаты четырех указанных податей монастырем св. Николая до перехода его Хиландарю хотя и представляется правдоподобной, все же остается проблематичной, то, по-видимому, нельзя сомневаться в том, что и раньше этот монастырь уплачивал ситаркию с парических зевгарей, так как совершенно нелепо предполагать, что эта обязанность стала тяготеть над ним только после того, как он сделался метохом Хиландаря, могущественного монастыря, обладавшего издавна полным податным иммунитетом. Но ни в одном из рассмотренных хрисовулов монастырю св. Николая не говорится об этой его обязанности, а в простагме Андроника III от 1321 г. сказано, что он должен быть свободен от всякого «притеснения или подати». Это обстоятельство наводит на мысль, что общая формула, говорящая об освобождении монастыря ото всех налогов, не обладает той безусловной точностью, которую склонен усматривать в ней Острогорский.

Не могут подтвердить предположение Острогорского документы Зографского монастыря. Так, в хрисовуле Андроника II Палеолога от сентября 1325 г. говорится, что некоторые владения Зографского монастыря освобождаются от всех налогов, кроме ситаркии²⁸. Об этом же говорится и в хрисовуле Андроника II Палеолога от сентября 1327 г., где император по просьбе болгарского царя Михаила Асеня определяет в 50 перперов общие размеры ситаркии с ряда владений Зографского монастыря²⁹. Тем не менее в хрисовуле Андроника II Палеолога от 1289 г., подтверждающем за Зографским монастырем ряд его владений, среди которых упоминается метох св. Николая в Ериссе и земля в месте, называемом Пилорегия³⁰, упоминаемые и в указанных хрисовулах Андроника II Палеолога, говорится, что всеми перечисленными владениями Зографский монастырь должен владеть πάσης καὶ παντοίας ἀνωτέρα διοχλῆσεως καὶ οὐδεῖς αὐτοῖς ἐπάξει τισὺν ὅλον διασεισμὸν ἢ ἐπὶ ῥεῖαν³¹.

Трудно представить, что монастырь только с 1325 г. стал уплачивать ситаркию, а до этого был освобожден от нее, так как именно с конца 20-х годов XIV в. монастырь получил наибольшее количество различного рода привилегий. Мы, конечно, не можем утверждать, что все перечисленные в хрисовуле от 1289 г. зографские владения были обязаны уплатой

²⁴ Chil., I, № 64.18.

²⁵ Ibid., № 74.

²⁶ Ibid., № 75.

²⁷ Ibid., № 94.

²⁸ Actes de Zographou, № 23. 38—42.

²⁹ Ibid., № 26. 46.

³⁰ Ibid., № 11. 37, 46.

³¹ Ibid., № 11. 54.—56.

ситаркии, поскольку только два из этих владений упомянуты в хрисовулах от 1325 и 1327 гг. среди других владений, плативших ситаркию, хотя в хрисовуле от 1327 г. и сказано, что все зографские владения платят ситаркию. Но даже если принять, что только упомянутые два владения из перечисленных в хрисовуле от 1289 г. были обязаны уплатой ситаркии, то и в этом случае, согласно теории Г. Острогорского, в настоящем хрисовуле это должно было бы быть оговорено. Известны документы, в которых только относительно отдельных владений говорится, что с них должны взыскиваться некоторые налоги, в то время как другие владения освобождаются от всех налогов. Так, в хрисовуле Ивирскому монастырю от 1310 г. говорится, что с села Радоливо монастырь должен уплачивать определенную сумму в счет кефалеона, в то время как другие владения монастыря освобождаются от всех налогов³². Отсутствие этой оговорки в данном хрисовуле показывает, что нельзя считать столь безупречной общую освободительную формулу, встречающуюся в хрисовулах, как это делает Г. Острогорский. Несовершенство византийских юридических документов и невозможность в связи с этим придавать большое значение доказательствам *ex silentio* отметил А. П. Каждан³³.

Укажем еще на одно противоречие во взглядах Г. Острогорского. Рассматривая хрисовул Андроника II Палеолога от 1327 г., в котором говорится, что монастырь освобождается от уплаты парфенофтории и фоноса, входящих в состав аира, Острогорский полагает, что по крайней мере до 20-х годов XIV в. монастырь был обязан уплатой этих двух статей аира, так как в практике 1320 г. аир не отмечен³⁴. Однако если последовательно придерживаться теории Острогорского относительно полной точности общей освободительной формулы, то следует признать, что поскольку ни в одном из хрисовулов, относящихся к более раннему времени, и в частности в хрисовуле от 1289 г., не говорится, что монастырь должен уплачивать парфенофторию и фонос, то он был освобожден от этих налогов и ранее. Нам представляется правдоподобной мысль Острогорского об освобождении Зографского монастыря от двух статей аира (сюда, вероятно, следует добавить и пошлину за нахождение клада, упоминание о которой мы встречаем обычно рядом с упоминанием указанных двух статей аира и которая, по-видимому, случайно не названа в данном хрисовуле) только после 1320 г., когда данный монастырь получил и ряд других привилегий (освобождение от пориатикия, а затем ситаркии, последовавшее в 1342 г.). Но в таком случае мы опять видим, что общая освободительная формула не обладала той точностью, которую усматривает в ней Острогорский.

Об этом же свидетельствуют и некоторые документы Ивирского монастыря. Так, практики этого монастыря, выданные ему в 1316 и 1341 гг. на владение в деревне Радоливо, фиксируют уплату монастырем с этой деревни двух, а затем трех статей аира — фоноса, пошлины за нахождение клада, парфенофтории³⁵. Но в хрисовуле этому монастырю Михаила IX Палеолога от 1310 г. об этом не говорится³⁶, хотя упомянуто, что монастырь вносил часть кефалеона, а это показывает, что не всегда в хрисовулах оговаривается уплата монастырем некоторых налогов.

³² F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . . , № 37. 59.

³³ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 151, прим. 3.

³⁴ Г. Острогорский. К истории иммунитета. . . , стр. 83; его же. Византийские писцовые книги. BS, IX (2), 1948, стр. 303.

³⁵ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika. . . , O. 332—338; R. V. 237—238.

³⁶ Idem. Aus den Schatzkammern. . . , № 37.

Итак, на основании общей освободительной формулы нельзя сделать окончательного заключения о полноте податных привилегий монастыря. Для этого необходимо рассмотреть перечень повинностей, содержащийся во многих хрисовулах, и выяснить основную тенденцию составления этих перечней.

В византийских грамотах XIV в., обычно там, где дается перечисление повинностей, от которых освобождается монастырь, поименно называются в первую очередь ситаркия, кастроктисия, орики, митат, энномий, аир (или три статьи аира). Другие подати — десятина со скота, ангарии, харагма и другие (см. таблицу) — встречаются реже. Чрезвычайно редко упоминается каниския (см. таблицу). Никогда не упоминается основной крестьянский налог — телос. Однако из других источников мы знаем, что телос шел в пользу монастырей. Каниский также шел в пользу монастыря, как и ангарии. Эти повинности — ангарии (барщина) и каниский (натуральные подношения) — представляют собой ренту частнопроводного характера. Они, как и телос, всегда присваивались феодалом, составляли основу его феодальной ренты. Без присвоения их право феодальной собственности превратилось бы в простую фикцию. Таким образом, мы видим, что обычно не упоминаются в хрисовулах те налоги, от которых монастырь всегда освобождался, освобождение от которых подразумевается самим актом пожалования. Другие налоги: валанистрон, димоден, пориатикий, харагма, виглиатикий, десятина со скота и прочие, менее важные сборы — могут быть названы, а могут быть и не названы. Что же касается таких податей, как ситаркия, кастроктисия, орики, митат и аир, то они, как правило, присутствуют во всяком налоговом перечне (имеются, конечно, случайные пропуски, особенно в подтвердительных хрисовулах). Эти важные государственные подати реже всего жаловались монастырям.

Как уже было показано выше, ситаркию и аир платил одно время такой влиятельный монастырь, как Зографский. Ситаркию уплачивал монастырь св. Николая — метох другого влиятельнейшего монастыря — Хиландарского. С пожалованной иеромонаху Каллинику части деревни Мамициона взимались три статьи аира³⁷. Как свидетельствует первый эсфигменский практик, владения Эсфигменского монастыря также уплачивали три статьи аира³⁸. И хотя крупные монастыри в конце концов добивались и этих льгот, дарование их всегда облакалось в форму особой милости. В хрисовулах указывалось, что монастырь освобождается не только от других повинностей, но и от ситаркии, орика, кастроктисии, аира, митата³⁹. Неоднократно подчеркивалось, что уплата этих податей носит общеобязательный характер, а освобождение означает особую милость⁴⁰.

Итак, если монастырь в виде особой милости освобождался от указанных повинностей, которые обычно уплачивались, недостаточно было употребить в хрисовуле общую освободительную формулу, необходимо было перечислить эти подати. Конечно, это правило имело исключения. Если какой-либо крупный монастырь издавна был освобожден от ряда податей и это освобождение ни у кого не вызывало сомнений, то упоминание этих податей в хрисовулах было не обязательным. Так, во всех хрисовулах Хиландарскому монастырю, содержащих перечень повинностей, от ко-

³⁷ Chil., I, № 42. 146.

³⁸ Actes de Esphigmenou, p. XIV.

³⁹ См., например, хрисовулы Андроников II и III монастырю св. Иоанна Предтечи близ Cepp: A. Guillou. Op. cit., № 9. 15—17; 20. 7—8.

⁴⁰ Actes de Zographou, № 23. 38—42.

торых освобождается монастырь, отсутствует аир⁴¹. Однако было бы опрометчиво на этом основании заключать, что с этих владений аир уплачивался. Хиландарский практик 1300 г., дающий опись ряда владений монастыря и доходов с них, в числе последних упоминает и аир⁴². Вероятно, и другие владения Хиландаря, крупнейшего и влиятельнейшего монастыря, были издавна освобождены от уплаты аира. Если бы какие-либо его владения не были освобождены от аира, то, вероятно, в хрисовулах, касающихся этих владений, об этом было бы сказано, так как монастырь претендовал на полное освобождение. Так, когда под власть Хиландаря перешел монастырь св. Николая близ Серр, с парических зевгарей которого уплачивалась ситаркия, об этом было особо оговорено в хрисовуле Андроника II от 1327 г. Наоборот, в хрисовулах Зографскому монастырю от 1289 г. не говорится об уплате этим монастырем трех статей аира и ситаркии, хотя до 20-х годов XIV в. монастырь уплачивал эти подати. Поскольку уплата этих податей была общераспространенным правилом, прочно вошла в обычай, а Зографский монастырь до 20-х годов XIV в. не пользовался столь широкими привилегиями, как Хиландарский, поэтому не обязательно было в его хрисовулах записывать, что он платил эти подати. По тем же причинам в дипломах монастыря св. Николая близ Серр, относящихся ко времени, когда он еще был самостоятельным, не отмечена уплата им ситаркии, кастроктисии, орики и митата.

В результате рассмотрения общей освободительной формулы византийских хрисовулов, относящихся к интересующим нас монастырям, можно сделать следующие выводы. Общая освободительная формула, согласно которой монастырь освобождается от всех податей, не являлась столь безусловно точной и определенной, как это считает Г. Острогорский. Она иногда употребляется и в том случае, если монастырь уплачивал государству вышеназванные налоги, имеющие «общественное значение», при этом в хрисовуле может и не содержаться оговорки об их уплате. Не отличаются безупречной точностью и перечни повинностей в хрисовулах. Если монастырь в виде особой льготы освобождался от повинностей, имеющих «общественное значение», они обычно перечислялись в его хрисовулах. Но в случае, если монастырь издавна располагал этими льготами, освобождение могло быть не оговорено. Перечень, имеющийся в первом хрисовуле, обычно механически переписывался при составлении последующих. С другой стороны, если монастырь не освобождался от этих «общественных» податей, то это не всегда специально оговаривалось; такую оговорку было принято делать в отношении крупных и могущественных монастырей, которые претендовали на полное освобождение. В отношении же более мелких монастырей, которые не претендовали на полное освобождение, такой оговорки могло и не быть.

Таким образом, в силу неполноты перечня налогов в жалованных грамотах и в силу неточности общей освободительной формулы составить

⁴¹ Издано 10 хрисовулов Хиландарскому монастырю, в которых имеется перечень налогов. В пяти из них перечисляются ситаркия, кастроктисия, орики, митат, синдосия, виглиатикий, катергоктисия, проватознний, хиродекатия, мелиссоэнный, валанистрон. В двух хрисовулах упомянуты только ситаркия, кастроктисия, орики, митат, а в двух к этим налогам добавлена еще синдосия. В одном хрисовуле перечислены лиминатикий, скалиатикий, эмвлитикий (см. таблицу). Таким образом, в девяти хрисовулах из десяти перечисляются одни и те же налоги, только в четырех этот перечень более краток, чем в пяти других. Это объясняется тем, что каждый последующий хрисовул составлялся на основе предыдущего и перечень налогов заимствовался из предыдущего. Поэтому случайное отсутствие аира в первом хрисовуле могло явиться причиной того, что он отсутствует и в остальных.

⁴² В. М о ш и н. Акти из еветогорских архива, стр. 213.

полное представление об объеме податных привилегий монастырей возможно только при сопоставлении и взаимопроверке данных различных хрисовулов, относящихся к одним и тем же владениям, и данных практиков, в противном случае мы не можем сделать окончательного заключения о размере податных привилегий.

Рассматривая иммунитет монастырей в Северной и Средней Македонии, находившихся под сербской властью, мы будем также преимущественно интересоваться вопросом о широте иммунитетных привилегий. В сербских жалованных грамотах XIII—XIV вв., в отличие от византийских, в *dispositio*, как правило, содержится обширный перечень повинностей, от которых монастырь освобождается. Затем следует общая освободительная формула, гласящая, что монастырь освобождается «от всех работ, малых и великих»⁴³, или «от всех работ и податей, малых и великих»⁴⁴. Сведения о судебном и административном иммунитете встречаются реже, чем о податном. Об административном иммунитете говорится обычно после указания на освобождение от повинностей⁴⁵. Иногда перечисление чиновников, которым запрещается вход на территорию монастыря, вклинивается в перечисление работ и податей, от которых монастырь освобождается⁴⁶. Указание о том, что монастырь взимает в свою пользу судебные штрафы, обычно содержится в той части, где говорится об освобождении от податей и повинностей⁴⁷.

Таким образом, отличительной особенностью сербских хрисовулов является наличие в них более подробных сведений по судебному и административному иммунитету, чем в византийских.

Рассматривая содержащиеся во многих хрисовулах перечисления различных работ и податей, от которых освобождался монастырь, мы видим, что нет оснований сомневаться в правильности высказанного И. Божичем взгляда, согласно которому отнюдь не все повинности, от которых монастырь действительно освобождался, перечислены в его хрисовулах⁴⁸. Об этом свидетельствуют многие данные. Например, в общем подтвердительном хрисовуле Стефана Душана Хиландарскому монастырю от 1348 г., в котором содержится большой перечень владений монастыря, говорится также, что монастырь освобождается от всех царских работ. Однако при перечислении не упоминается ни войско, ни сок, ни повоз, ни позоб⁴⁹, хотя из предшествующих хрисовулов нам известно, что владения Хиландарского монастыря были освобождены от этих повинностей, за исключением, может быть, сока, поскольку массовое освобождение Хиландаря и других крупных монастырей от сока происходило только при Душане⁵⁰. Но возникает вопрос, означала ли общая освободительная формула, по которой монастырь освобождается от «всех работ, малых и великих», действительное освобождение от всех повинностей, т. е. означала ли она полный податной иммунитет? Необходимо прежде всего отметить, что выражение «работы малые и великие» или «подати малые и великие» не подразумевало действительного разделения податей и работ на малые и великие. Источники отнюдь не свидетельствуют, что какие-

⁴³ Ст. Н о в а к о в и ћ. Законски споменици срpsких држава средњег века. Београд. 1912, 415. XXI; 420. IV; 514. XXI; 639. VII; 659. XXI.

⁴⁴ Там же, 448. VII; 639. XXIII; 531. III.

⁴⁵ См., там же, 432. XII; 520. XL.

⁴⁶ См. там же, 435. XI; 424. II; 448. VII.

⁴⁷ Там же, 424. II; 614. XXXII; 671. X.

⁴⁸ И. Б о ж и ћ. Доходак царски. Срpsка Академија наука. Посебна издања, књ. CCLIV. Београд, 1956, стр. 8 сл.

⁴⁹ Ст. Н о в а к о в и ћ. Указ. соч., 420. IV; Chil., II, № 38. 67—71.

⁵⁰ См. Chil., II, № 24. 91—94; № 33. 50—52 и др.

либо определенные повинности и подати назывались великими, а другие — малыми. Кроме того, хотя на основании некоторых источников и создается впечатление, что под выражением «работы великие и малые» подразумевались только отработочные повинности⁵¹ [к такому пониманию этого выражения нас склоняет и ст. 34 Законника Душана (см. издание Новаковича, Б., 1898), где говорится, что села Загорья «не ходят на мерошщину, ни на сенокос, ни на пашню, ни на виноградник, ни на какую работу, ни на малую, ни на великую»], однако другие источники включают в понятие «работы великие и малые» не только отработки, но и подати⁵². В таком же значении, по-видимому, эта формулировка употребляется в ст. 26 Законника, которая провозглашает освобождение церквей «от всех работ, малых и великих». Таким образом, эта стереотипная формула не была предельно точной. Наличие ее, кроме того, еще не означало существования полного податного иммунитета. Так, в ст. 26 провозглашается, что все церкви, которые находятся на земле «царства моего», освобождаются «от всех работ, малых и великих». Но другие статьи Законника показывают, что монастыри освобождались не от всех повинностей. Так, ст. 23 свидетельствует, что монастырские люди были обязаны переносить грузы при проезде царя через данную территорию. Статьи 157—158 говорят о всеобщей обязанности в Сербии выставлять стражу на дорогах⁵³. Эти примеры обнаруживают, что имеющаяся в Законнике Душана общая освободительная формула, говорящая об освобождении монастыря от всех работ, малых и великих, не является совершенно безупречной: она не исключает существования некоторых, хотя и немногих, повинностей, от которых монастырь не освобождался. Хрисовулы сербских правителей македонским монастырям убеждают нас в том же. Например, в хрисовуле Стефана Душана Хиландарскому монастырю от 1354 г., изданном, следовательно, после появления Законника, говорится об освобождении вновь пожалованного села Лесковляне⁵⁴ «от всех работ, малых и великих». О том, что владение не освобождалось от общеобязательных повинностей, ничего не говорится. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что над этим селом в 1354 г. тяготели эти повинности, так как в этот период (еще при жизни Душана) предписания Законника были строго обязательны для выполнения на всей территории Сербского государства. Если бы данное владение было в качестве особой милости освобождено от этих обязательных для других монастырей повинностей, то об этом, надо полагать, было бы обязательно упомянуто в его хрисовуле. Кроме того, монастыри были обязаны платить так называемую крину преводну — часть позоба. Например, в хрисовуле Стефана Душана от 1347—1350 гг. Лесновскому монастырю, в котором при перечислении всех повинностей, от которых освобождается монастырь, упоминается и позоб, а ниже говорится: «И о позобе — пусть дадут одну крину преводну, как и другие церкви»⁵⁵. Таким образом, данный хрисовул свидетельствует, с одной

⁵¹ Ст. Новаковић. Указ. соч., 453. IV.

⁵² Там же, 420. IV.

⁵³ Подробно о всеобщих обязанностях в Сербии, в том числе и монастырских, см. Т. Г а р а н о в с к и. Историја српског права у Немањичкој држави, т. I. Београд, 1931, стр. 91. Об этом же см. И. Б о ж и ћ. Указ. соч., стр. 27 сл.; Д. А н г е л о в. Указ. соч., стр. 130 сл.

⁵⁴ *Chil.*, II, № 45. 27.

⁵⁵ Ст. Новаковић. Указ. соч., 680. XXI, XXII. О размере крины см. И. Б о ж и ћ. Указ. соч., стр. 47, прим. 54. Об уплате крины преводной свидетельствуют также хрисовул Стефана Душана Призренскому монастырю св. Архан-

стороны, о том, что платить крину преводну были обязаны и другие монастыри, т. е. эта подать обычно изымалась из податного иммунитета монастырей; с другой стороны, из данного хрисовула следует, что упоминание в числе повинностей, от которых освобождался монастырь, позоба не означает еще, что монастырь освобождается и от той части позоба, которая называлась «крина преводна». Очевидно, и другие монастыри, не только в Македонии, но и в остальных частях Сербского государства, несмотря на то, что в их хрисовулах было сказано об освобождении от позоба, были обязаны уплатой крины преводной.

Таким образом, монастыри в Сербской Македонии и в собственно Сербии были обязаны уплатой крины преводной. Тем не менее только в очень немногих хрисовулах указывается, что монастырь должен уплачивать крину преводну. Следовательно, общая освободительная формула хрисовулов, согласно которой монастырь освобождается от всех повинностей, «малых и великих», не подразумевает освобождения от крины преводной, а также от обязанности переносить грузы и от некоторых других повинностей.

Рассмотрим еще один пример, показывающий, насколько неточными могут быть формулировки хрисовулов. Дечанский хрисовул 1330 г. говорит о том, что «вражда» — штраф за убийство — идет Дечанскому монастырю (одна половина), а другая половина — наводчим (тем, кто указывает виновного) — «как закон по сербской земле»⁵⁶. О таком же разделении поровну не только «вражды», но и вообще судебной «глобы» (пошлины) говорит и привлекавшийся уже нами хрисовул Стефана Душана Архангелову монастырю⁵⁷. Слово «закон», как указали Ф. Зигель⁵⁸ и Т. Тарановский⁵⁹, иногда употреблялось в значении «обычай». Такой же точкой зрения придерживается и исследователь болгарского средневекового права С. Бобчев⁶⁰. О существовании в Сербии этого времени обычая, который являлся юридической нормой, говорят некоторые документы⁶¹.

Однако мы имеем ряд документов, которые не говорят о таком разделении «вражды» и вообще «глобы», а в них утверждается, что «вражда» и прочая церковная «глоба» идет церкви⁶². Но, как показывает хрисовул Душана Архангелову монастырю, утверждение хрисовула относительно того, что церкви принадлежит вся судебная пошлина, еще не означает, что часть не уплачивалась наводчому. Так, в данном хрисовуле сначала в общей форме утверждается: «И гдѣ любо боудѣ соудѣ, глоба прѣкви»⁶³. Далее, однако, говорится: «И ако се обрѣте на црковном чловѣкоу вражда,

гела от 1348—1353 гг. (там же, 698. CLXXV), хрисовул Стефана Дечанского Дечанскому монастырю от 1330 г. (там же, 649. XX), и хрисовул Стефана Душана Хиландарскому монастырю, изданный, когда Душан был еще кралем (Chil., II, № 27).

⁵⁶ Ст. Новаковић. Указ. соч., 652. XLVI.

⁵⁷ Там же, 699. CLXXXIX.

⁵⁸ Ф. Зигель. Законник Стефана Душана. СПб., 1872, стр. 10.

⁵⁹ Т. Тарановски. Указ. соч., т. II, стр. 44.

⁶⁰ С. Бобчев. История на старобългарското право. София, 1910, стр. 83.

А. Соловьев, однако, безосновательно утверждает, что после издания Законника обычай перестал признаваться юридической нормой в Сербии и вновь возродился только после смерти Душана. Об этом, по его мнению, свидетельствует отсутствие упоминания об обычае в Законнике Душана, а также в сокращенном переводе синтагмы Матвея Властыря, приспособленном для сербских нужд (А. Соловьев. Законодавство Стефана Душана. Београд, 1928, стр. 220, 203).

⁶¹ А. Соловьев. Хиландарева повеља великог жупана Стефана Првовенчаного. Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, књ. V, св. 1—2. Београд, 1926, стр. 16.

⁶² Ст. Новаковић. Указ. соч., 614. XXXII; 671. X; 680. XXIV.

⁶³ Там же, 699. CLXXXVIII.

половина наводъчи, а половина църкви и вражде и глоба»⁶⁴. Следовательно, не вызывает сомнения тот факт, что высказанное в общей форме утверждение означает только то, что судебная пошлина, взимаемая с монастырских людей, не уплачивалась государству⁶⁵, а поступала монастырю, который, в соответствии с обычаем, делился ею с наводчим.

Исключение в этом отношении представляет хрисовул Стефана Уроша II от 1300 г. монастырю св. Георгия возле Скопле. В нем сначала говорится, что всякая глоба идет церкви⁶⁶, а ниже специально подчеркивается, что ряд судебных пошлин идет церкви, а наводчому ничего не поступает⁶⁷. По-видимому, в данном случае имеется в виду исключение из общего правила, и это специально оговаривается. «Вражда» в данном перечислении не фигурирует. Однако ниже говорится: «От вражде и от дѣвичка разбои и от конского провода глоба вса църковна»⁶⁸. Неясно, действительно ли вся вражда целиком поступала данному монастырю, как и другие пошлины, о которых говорилось выше, или выражение «глоба вса църковна» означает здесь, как и в других хрисовулах, только то, что государство отказывается от своей доли судебных пошлин в пользу монастыря, а не то, что церковь не отдает половину наводчим. Ниже в этом хрисовуле сообщается о пожаловании монастырю панагира, доход с которого и судебные пошлины должны поступать монастырю, в том числе и половина вражды⁶⁹. По-видимому, вся вторая половина вражды, хотя об этом и не говорится, поступала наводчому. Об этом не упомянуто в данном случае так же, как и в ряде других хрисовулов, в которых вообще содержится лишь утверждение, что «глоба вся» идет церкви, поскольку это было общеизвестным явлением и регулировалось обычным правом.

Тарановский считает, что это правило было отменено Законником Душана, где в ст. 194 утверждается, что все церковные пошлины идут церкви, что ни царь, ни кефалия ничего не получают. Относительно уплаты половины наводчому ничего не сказано⁷⁰. Однако это никак не может свидетельствовать об отмене этого правила. Умолчание о нем в Законнике объясняется только тем, что эта сторона дела регулировалась обычаем.

Рассмотренные примеры показывают, насколько нечеткими являются иногда формулировки хрисовулов. Показанные нами неточности и неустойчивость формулировок хрисовулов относятся к тем случаям, когда фиксируются общеизвестные отношения, прочно вошедшие в обычай, некоторые из которых закреплены Законником Душана.

Неточность общей освободительной формулы хрисовулов, под которой не подразумеваются такие повинности, как крина преводна и другие обязанности, выполняемые непосредственно в пользу царя, наводит на мысль, что могли существовать еще и другие повинности или подати, от которых не освобождались некоторые или все монастыри, о чем также не оговаривается в хрисовулах, поскольку это также было общеизвестно и регулировалось обычаем.

⁶⁴ Там же, 699. CLXXXIX.

⁶⁵ О том же свидетельствует Светостефанский хрисовул Милутина 1313—1318 гг., в котором сначала утверждается: «и где годе се соудь чини всака глоба църкви» (там же, 628. LXXVII), а ниже говорится, что половина судебных пошлин (следует перечисление) шла церкви, а половина наводчим (там же, 628. LXXVIII).

⁶⁶ Там же, 614. XXXII; ср. 619. LXV.

⁶⁷ Там же, 617. XLVII.

⁶⁸ Там же, 617. XLVIII.

⁶⁹ Там же, 620. LXXIV.

⁷⁰ Т. Т а р а н о в с к и. Указ. соч., т. II, стр. 16.

Есть основания полагать, что монастыри в Сербии, в том числе и в Сербской Македонии, не были освобождены от основного государственного налога, взимаемого или в натуре, или в деньгах, — сока⁷¹. От этого налога освобождались, возможно, только в порядке исключения, некоторые наиболее крупные монастыри. Так, из хрисовула Стефана Душана мы узнаем, что монастырь св. Николая на Пшпинь до 1353 г. платил сок⁷². В хрисовуле Стефана Душана Хиландарскому монастырю от 1348 г. говорится о пожаловании монастырю «сока сел церковных»⁷³. В Законнике Душана не говорится специально об освобождении монастырей от уплаты сока. Правда, ст. 26 говорит об освобождении церквей от «всех работ, малых и великих», но мы старались выше показать, что нельзя безусловно доверять этой формулировке. До провозглашения Душана царем сок редко встречается в хрисовулах. Мы имеем упоминание о нем только в хрисовуле Милутина Баньскому монастырю от 1313—1318 гг.⁷⁴, Дечанскому, монастырю от 1330 г.⁷⁵ и в хрисовулах Душана Хиландарю от 1343 и 1345 гг.⁷⁶ В других документах того же времени, даже в таких, в которых имеется довольно подробный перечень повинностей, сок не упоминается. И. Божич полагает, что монастыри все-таки были в это время, как и позже, освобождены от сока. Это освобождение будто бы подразумевается под общей освободительной формулой, гласящей об освобождении монастыря «от всех работ и податей моего королевства»⁷⁷. Нет оснований предполагать, считает Божич, что монастырские владения в большинстве случаев платили этот налог⁷⁸. Ниже Божич пишет: «Нигде, ни в Законнике, ни в дипломах не зафиксировано, что фискальный иммунитет монастырских владений был ограничен уплатой сока»⁷⁹. Пытаясь возразить Т. Флоринскому, полагавшему, что монастыри только в порядке исключения освобождались от уплаты сока, поскольку он фигурирует лишь в очень немногих перечнях повинностей⁸⁰, Божич ссылается на то, что «нигде... при освобождении от всех повинностей не взимается сок, как это имеет место с позобом (имеется в виду крина преводна. — К. Х.)»⁸¹. Однако не исключено, что если сок прямо не назван в перечне повинностей, то наличие общей

⁷¹ Ст. 198 Законника Душана определяет сок наряду с харачем как царский доход. Сок, как свидетельствует эта же статья, мог взиматься в денежной и натуральной форме (иперпер или кабал жита). О происхождении названия этой подати, а также о том, какая единица обложения при этом была принята, существуют различные мнения. Историография вопроса подробно изложена И. Божичем (указ. соч., стр. 19 сл., 34 сл.). См. также К. Јиреček. Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien, t. II. Wien, 1912, S. 69; Z. Herkov. Hrvatski finansisko-pravni rječnik, t. II. Zagreb, 1956, str. 379. См. также рецензию Г. Острогорского на указанную работу И. Божича. — ВЗ, 53 (1), 1960, S. 143 f.

⁷² Ст. Новаковић. Указ. соч., 704. XV.

⁷³ Chil., II, № 38. 63—65: «доход моего царства от сел церковных — сок. И его дало царство мое церкви Хиландарской». Неясно, имеется ли в виду сок хиландарских сел или сок других церквей. Но для нас важно в данной связи констатировать, что ряд церковных владений уплачивал сок.

⁷⁴ Ibid., 628. LXXXIV.

⁷⁵ Ibid., 655. LXI.

⁷⁶ Ibid., 415. XXI.

⁷⁷ И. Божич. Указ. соч., стр. 18.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, стр. 28.

⁸⁰ Т. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Стефана Душана, царя Сербов и Греков. Киев, 1888, стр. 43—44.

⁸¹ И. Божич. Указ. соч., стр. 28. Божич здесь же справедливо возражает Флоринскому, что замечание последнего относительно редкости упоминания сока справедливо только для времени, когда Душан не был провозглашен царем.

освободительной формулы не означает еще освобождения от него. Действительно, если многие монастыри, как правило, уплачивали сок и если это прочно вошло в обычай, то вовсе не было необходимости в хрисовулах отдельным монастырям специально оговаривать обязанность его платить. Кроме того, аргументация Божица не в состоянии опровергнуть вывод Флоринского еще и потому, что сербский ученый, доказывая прямо противоположное тому, что утверждает Т. Флоринский, строит свой вывод на принципиально той же логической основе, что и последний. Так, свой вывод об обязанности монастырей платить сок Флоринский основывает на том, что сок редко встречается в перечне повинностей, от которых монастырь освобождается. И. Божиц, стремясь доказать обратное (т. е. освобождение монастырей от уплаты сока), ссылается на отсутствие в хрисовулах упоминания о том, что монастыри уплачивают сок. Следовательно, выдвигая противоположные точки зрения, и тот и другой исследователь исходят из одного и того же критерия — отсутствия упоминания об этом налоге в хрисовуле. Однако, принимая во внимание неточность перечней и формулировок хрисовулов, следует признать этот принцип явно недостаточным. Для того чтобы решить вопрос, уплачивался ли данный налог монастырями, находящимися под сербской властью, необходимо рассмотреть всю совокупность хрисовулов, относящихся к этим монастырям, чтобы проследить общую тенденцию в составлении перечня повинностей: какие повинности обычно назывались, какие, как правило, опускались. Было ли принято перечислять большое количество тех повинностей, от которых монастырь освобождался, или наблюдалась тенденция отмечать те повинности, которыми монастырь был обязан? Именно с этой точки зрения нужно подойти к вопросу о том, платил ли монастырь сок или освобождался от него. Мы видим, что крина преводна и другие повинности, выполняемые непосредственно в пользу царя, которыми были обязаны все сербские монастыри, очень редко упоминаются в хрисовулах. Что же касается повинностей, от которых монастырь освобождался, то в сербских хрисовулах, начиная с 30-х годов XIV в., содержится если зачастую не исчерпывающий, то во всяком случае очень подробный перечень их. Причем мы замечаем, что освободительные формулы сербских хрисовулов отличаются во многом от рассмотренных нами освободительных формул византийских хрисовулов. Во-первых, мы наблюдаем совершенно противоположную тенденцию развития сербской освободительной формулы по сравнению с византийской. Если освободительная формула византийских хрисовулов становится в XIV в. значительно более краткой по сравнению с предшествующими столетиями, особенно с XI в., то в сербских хрисовулах, наоборот, наибольшее по сравнению с XIII в. расширение освободительной формулы приходится на XIV в. Кроме того, в византийских хрисовулах, как мы уже отмечали, принято было перечислять те повинности, освобождение от которых не подразумевалось самим актом пожалования. В сербских же хрисовулах перечисляются и повинности, освобождение от которых было неизбежно, поскольку данные владения жаловались монастырю: посев, жатва, молотьба, работа на винограднике, косьба и другие обработочные повинности крестьян, выполняемые ими в пользу государства до тех пор, пока они сами принадлежали государству, и в пользу монастыря — после того как они перешли под его власть. Эти повинности составляли основную и обязательную часть феодальной отработочной ренты, присвоение которой феодалом неотделимо от его права феодальной собственности на землю и сидящих на ней крестьян. Наряду с этими повинностями в сербских

хрисовулах перечисляются и другие, аналогичные тем, о которых в византийских хрисовулах говорится, что они имеют общественное значение: приселица, воинская повинность, повоз, понос, позоб, градостроение и многие другие.

Таким образом, для сербских хрисовулов был характерен очень подробный перечень повинностей, от которых монастырь освобождался. Такие же чрезвычайно важные государственные повинности, как сок, войско, приселица, градостроение, почти никогда не опускались в хрисовулах.

В связи с вышеизложенным нам представляется вероятным, что поскольку в большинстве хрисовулов начала XIV в. сок не упоминается, монастыри платили его⁸². Если бы сок не упоминался только в одном хрисовуле, то это можно было бы считать случайным. Но упоминание о соке отсутствует во многих хрисовулах, относящихся к разным монастырям. Поэтому, принимая во внимание указанную тенденцию сербских хрисовулов давать подробный перечень повинностей, от которых освобождается монастырь, и называть особо важные государственные подати, к которым принадлежал и сок, можно заключить, что до провозглашения Душана царем монастыри действительно только в порядке исключения освобождались от сока.

Это же, возможно, относится и к «войско», так же не встречающемуся во многих дипломах до 40-х годов XIV в. Таким образом, не исключено, что в этот период монастыри несли некоторые государственные повинности, а общая освободительная формула означает лишь освобождение от основных сельскохозяйственных работ. Что касается последующего периода, то и тогда освобождение от сока может быть не было общим правилом. Об этом говорят не только данные об уплате сока монастырем св. Николы на Пшиньи и упоминание о «соке сел церковных», но и отсутствие постановления об освобождении монастырей от сока в Законнике Душана. Конечно, Законник Душана содержит распоряжения, относящиеся далеко не ко всем случаям, но поскольку сок был основным государственным налогом и в первой половине XIV в. монастыри его уплачивали, то, надо полагать, для отмены этого правила и провозглашения освобождения монастырей от сока не было бы достаточно ст. 26, утверждающей в общей форме, что монастыри освобождались от всех работ, малых и великих — об этом должно было бы быть особо сказано.

В конце XIV в. появились в сербских владениях новые государственные налоги — унче, воишатник, харац. Это были новые повинности, введенные под влиянием турецкой угрозы. Как свидетельствуют монастырские хрисовулы, только некоторые монастыри в виде исключения освобождались от этих повинностей⁸³.

Особо встает вопрос о судебных и административных привилегиях. Ст. 33 Законника Душана содержит постановление о судебном иммунитете монастырей. Но судебный иммунитет монастырей, по Законнику, был неполным. Ряд статей свидетельствует об участии царского суда

⁸² Chil., II, № 26. 91—94; № 27. 73—80; № 28. 175—180. Не упоминается сок и в хрисовулах монастырю св. Георгия близ Скопле от 1301 г., Тресковацкому монастырю от 1337 г., монастырю св. Дмитрия у Кочан от 1337 г., монастырю св. Богородицы близ Охрида от 1342—1345 гг., где также имеются значительные перечни повинностей (Ст. Новаковић. Указ. соч., 407, III; 671. IX; 662, II; 673. XVI).

⁸³ Об этом подробно см. Д. Ангелов. Указ. соч., стр. 137.

в совершении правосудия на монастырских владениях⁸⁴. В ст. 192 говорится, что в компетенцию царского суда входят дела об убийстве, измене, краже, разбое, приеме людей. Если судебный иммунитет монастыря был неполным, то судебные пошлины, как свидетельствует ст. 194, все равно шли монастырю.

Но если судебный иммунитет сербских монастырей, согласно Законику Душана, не был полным, то на практике, однако, многие сербские монастыри, в том числе и расположенные в Македонии, вершили суд и по тем преступлениям, которые входили в компетенцию царского суда. Эту привилегию имел Хиландарь, во всяком случае на часть своих владений⁸⁵, а также монастырь св. Георгия близ Скопле⁸⁶ и Архангелов монастырь близ Призрена⁸⁷.

Если в хрисовуле не говорится о праве игумена судить зависимое население за вышеназванные преступления, то, по-видимому, он этим правом в соответствии с Законом не обладал⁸⁸.

О наличии административного иммунитета мы знаем по имеющемуся во многих хрисовулах обширному перечню чиновников, которым запрещалось вступать в пределы монастыря. Прямых данных относительно ограничения административного иммунитета мы не знаем, так как ни в одном из имеющихся хрисовулов не говорится, что какие-либо чиновники вступали на территорию монастыря. Вероятно, те монастыри, которые не обладали всей полнотой судебной власти (т. е. их население в отношении важнейших преступлений было подсудно царскому суду), не обладали и полным административным иммунитетом. На их территорию имели доступ, очевидно, царские судьи. Те монастыри, которые не были освобождены от уплаты сока, возможно, также не имели полного административного иммунитета. На их территорию мог иметь доступ соответствующий чиновник.

Итак, некоторые крупные македонские монастыри в Сербии обладали с конца 40-х годов XIV в. и до последней четверти этого столетия полным судебным, административным и податным (кроме повинностей, указанных выше) иммунитетом. Некоторые более мелкие монастыри должны были платить сок, некоторые обладали ограниченным судебным и, вероятно, административным иммунитетом.

Поскольку общая освободительная формула сербских хрисовулов страдает неточностью, реальную основу для заключения о степени полноты иммунитетных привилегий могут дать те непосредственные сведения об иммунитете, которые имеются в хрисовулах (перечни чиновников, повинностей, данные о судебном иммунитете). Там, где в хрисовуле перечень неполный, иногда можно установить действительное положение вещей путем сопоставления хрисовула с другими относящимися к данному владению; иногда же можно лишь с большей или меньшей степенью вероятности строить предположения относительно объема монастырских прав. При этом необходимо принимать во внимание характер данного налога, а также общую тенденцию хрисовулов — включать эту подать в перечень или опускать ее. В некоторых же случаях (там, где перечень страдает неполнотой) нельзя сделать даже приблизительного вывода

⁸⁴ Подробно см. там же, стр. 135 сл.

⁸⁵ *Chil.*, II, № 46. 80—82.

⁸⁶ Ст. Новаковић. Указ. соч., 608. VIII; 616. XXXIX.

⁸⁷ Там же, 699. CLXXXIV.

⁸⁸ Вопрос о том, кто исполнял судебные функции в монастырях, подробно рассмотрен Т. Тараховским (указ. соч., т. II, стр. 91 сл.) и Д. Ангеловым (указ. соч., стр. 140).

о степени полноты иммунитетных привилегий. Например, в ряде хрисовулов второй половины XIV в. Русскому монастырю св. Пантелеймона в перечне повинностей, от которых освобождался монастырь, опущено «войско»⁸⁹. В хрисовуле княгини Милицы и деспотов Стефана и Вука от 1395 г. в перечне упоминается «войско»⁹⁰. Обычно крупные монастыри в Сербии освобождались от этой повинности. Однако в подобных перечнях, как в данном случае, она обычно присутствует. Поэтому трудно сказать, имеем ли мы здесь случайный пропуск или Русский монастырь действительно был обязан этой повинностью до 1395 г. Во второй половине XIV в. вполне возможно, что монастырь под влиянием турецкой угрозы в течение некоторого времени был обязан какой-либо повинностью, потом мог быть освобожден от нее, а затем снова был вынужден исполнять ее. Так, сербский деспот Стефан Лазаревич, как свидетельствует его хрисовул Милешевскому монастырю, освободил этот монастырь от ряда повинностей, в том числе и от военной, только на пять лет⁹¹.

Итак, необходима осторожность в подходе к формулам и перечням сербских хрисовулов. Нельзя не учитывать, что они могут быть не полностью адекватны действительности. В них могут быть случайные пропуски и неточности. Кроме того, определенная сфера отношений регулировалась обычным правом, и она не всегда учитывалась документами.

Таблица

Налоги и подати с монастырских владений, расположенных в Македонии, упоминаемые в жалованных грамотах византийских императоров и сербских правителей

Налоги и подати	Жалованные грамоты византийских императоров и сербских правителей монастырям на владения, находящиеся в Македонии
Ситаркия Настроктисия Орики Митат	Хиландарскому от 1319 (Хил., I, № 41, 42, 45); от 1321 (Хил., I, № 60, 61, 62, 63, 70, 71); Меникейскому от 1318 (Les archives, № 8) ¹ ; от 1321 (Les archives, № 9 ¹ , 10 ¹); Зографскому от 1325 (Зогр., № 23) ² ; Меникейскому от 1326 (Les archives, № 19 ¹ , 20 ¹); Зографскому от 1327 (Зогр., № 27) ² ; Меникейскому от 1329 (Les archives, № 24) ¹ ; от 1332 (Les archives, № 26); Зографскому от 1342 (Зогр., № 31 ¹ , 32, 33, 34); от 1346 (Грч. пов., № 9); Ивирскому от 1346 (Грч. пов., № 7) ³ ; Филофейскому от 1346 (Грч. пов., № 8) ³ ; Ватопедскому от 1346 (Грч. пов., № 11) ⁴ ; Ксиропотамскому от 1346 (Грч. пов., № 12) ³ ; Эсфигменскому от 1346 (Грч. пов., № 13) ^{1,3} ; Меникейскому от 1346 (Грч. пов., № 2); Русскому от 1346—1347 (Грч. пов., № 17) ^{3,4} ; Ватопедскому от 1348 (Грч. пов., № 18) ⁴ ; Дохиарскому от 1349 (Грч. пов., № 22) ^{3,4}

¹ Митат не упоминается.

² Относительно ситаркии говорится, что она должна уплачиваться.

³ В значении ситаркии употребляется зевгаратий. Исключение составляют хрисовулы Ватопедскому монастырю от 1346 и 1348 гг. (№ 11, 18), где упомянуты, по-видимому случайно, и ситаркия, и зевгаратий.

⁴ Орики не упоминается.

⁸⁹ Ст. Новаковић. Указ. соч., 507. VI; 508. VI; 512. X; 514. XXI; 516. III.

⁹⁰ Там же, 520. XXXIX.

⁹¹ Там же, 607. II.

Продолжение

Налог и подати	Жалованные грамоты византийских императоров и сербских правителей монастырям на владения, находящиеся в Македонии
Эпномий (мелиссоэнномий, проватоэнномий, хироэнномий)	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37); Хиландарскому от 1319 (Хил., I, № 45); от 1321 (Хил., I, № 60, 61, 70, 71); Меникейскому от 1321 (Les archives, № 9, 10); Зографскому от 1325 (Зогр., № 23); от 1327 (Зогр., № 26); от 1328 (Зогр., № 27); Меникейскому от 1329 (Les archives, № 24); от 1332 (Les archives, № 26); Зографскому от 1342 (Зогр., № 32, 33, 34); от 1346 (Грч. пов., № 9); Филофейскому от 1346 (Грч. пов., № 8); Ватопедскому от 1346 (Грч. пов., № 11); Ксиропотамскому от 1346 (Грч. пов., № 12); Эсфигменскому от 1346 (Грч. пов., № 13); Меникейскому от 1346 (Грч. пов., № 2)
Аир (иногда и его части — фонос, парфенофтория и нахождениеклада)	Иверскому от 1310 (Schatzkamm., № 37); Меникейскому от 131. (Les archives, № 8); Кутлумушскому от 1321 (Кутл., № 10); Зографскому от 1327 (Зогр., № 26); от 1328 (Зогр., № 27); от 1342 (Зогр., № 32, 33, 34); от 1346 (Грч. пов., № 9); Эсфигменскому, без даты (Эсф., № 14); Ивирскому от 1346 (Грч. пов., № 7); Филофейскому от 1346 (Грч. пов., № 8); Ксиропотамскому от 1346 (Грч. пов., № 12); Эсфигменскому от 1346 (Грч. пов., № 13); Меникейскому от 1346 (Грч. пов., № 2)
Ксилахир	Меникейскому от 1332 (Les archives, № 26); Зографскому от 1342 (Зогр., № 32, 33, 34); Меникейскому от 1345 (Грч. пов., № 2); от 1346 (Грч. пов., № 9); Ивирскому от 1346 (Грч. пов., № 7); Ксиропотамскому от 1346 (Грч. пов., № 12); Эсфигменскому от 1347 (Грч. пов., № 15); Ватопедскому от 1348 (Грч. пов., № 18); Ксенофонтону от 1352 (Грч. пов., № 25)
Ангария (иногда вместе с парангарией)	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37); Кутлумушскому от 1321 (Кутл., № 10); Зографскому от 1342 (Зогр., № 32); от 1346 (Грч. пов., № 9); Ватопедскому от 1346 (Грч., пов., № 11); Эсфигменскому, без даты (Грч. пов., № 14); от 1347 (Грч. пов., № 13); Ватопедскому от 1348 (Грч. пов., № 18); Дохиарскому от 1349 (Грч. пов., № 22); Меникейскому от 1355 (Грч. пов., № 27)
Псомодзия	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37); Кутлумушскому от 1321 (Кутл., № 10); Зографскому от 1342 (Зогр., № 32); от 1346 (Грч. пов., № 9); Эсфигменскому, без даты (Эсф., № 14); от 1347 (Грч. пов., № 13); Ватопедскому от 1346 (Грч. пов., № 11); от 1348 (Грч. пов., № 18); Меникейскому от 1355 (Грч. пов., № 27)
Харагма	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37); Зографскому от 1325 (Зогр., № 23); от 1327 (Зогр., № 26); от 1342 (Зогр., № 32, 33, 34); от 1346 (Грч. пов., № 9); Ксенофонтону от 1352 (Грч. пов., № 25); Филофейскому от 1346 (Грч. пов., № 8)
Хиродекатия, проватодекатия	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37); Хиландарскому от 1319 (Хил., I, № 45); от 1321 (Хил., I, № 60, 61, 70, 71); Зографскому от 1342 (Зогр., № 32); Меникейскому от 1345 (Грч. пов., № 2); Зографскому от 1346 (Грч. пов., № 9)

Продолжение

Налоги и подати	Жалованные грамоты византийских императоров и сербских правителей монастырям на владения, находящиеся в Македонии
Синдосия	Хиландарскому от 1319 (Хил., I, № 45); от 1321 (Хил., I, № 60, 61, 62, 63, 70, 71); Эсфигменскому от 1347 (Грч. пов., № 15)
Зевгаратикий	Эсфигменскому, без даты (Грч. пов., № 14); от 1347 (Грч. пов., № 15); Зографскому от 1378 (Зогр., № 50); от 1342 (Зогр., № 32); от 1342 (Зогр., № 33); общий хрисовул Стефана Душана святогорским монастырям от 1345 (Грч. пов., № 5); Ксенофонт-ову от 1352 (Грч. пов., № 25)
Виглиатикий	Хиландарскому от 1319 (Хил., I, № 45); от 1321 (Хил., I, № 60, 61, 70, 71); Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37); Ватопедскому от 1346 (Грч. пов., № 11); от 1348 (Грч. пов., № 18)
Катергокти- сия	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37); Хиландарскому от 1319 (Хил., I, № 45); от 1321 (Хил., I, № 60, 70, 71); Эсфигменскому от 1347 (Грч. пов., № 15)
Кастрокти- сия	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37); общий хрисовул Стефана Душана святогорским монастырям (Грч. пов., № 5); Зографскому от 1378 (Зогр., № 50); Меникейскому от 1355 (Грч. пов., № 27); Ксенофонт-ову от 1352 (Грч. пов., № 25); Дохиарскому от 1349 (Грч. пов., № 22)
Димоден	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37); Зографскому от 1325 (Зогр., № 23); Филофейскому от 1346 (Грч. пов., № 8); Дохиарскому от 1349 (Грч. пов., № 22); Ксенофонт-ову от 1352 (Грч. пов., № 25)
Валанистрон	Хиландарскому от 1319 (Хил., I, № 45); от 1321 (Хил., I, № 60, 61, 70, 71)
Пориатикий	Зографскому от 1327 (Зогр., № 26); от 1328 (Зогр., № 27); от 1342 (Зогр., № 33, 34)
Митат	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37); Кутлумушскому от 1321 (Кутл., № 10); Зографскому от 1327 (Зогр., № 26); Дохиарскому от 1349 (Грч. пов., № 22)
Алат	Зографскому от 1342 (Зогр., № 32); от 1346 (Грч. пов., № 9)
Катастар- ская ревизия	Ивирскому от 1346 (Грч. пов., № 7); Ксиропотамскому от 1346 (Грч. пов., № 12); Эсфигменскому от 1346 (Грч. пов., № 13)
Дзимия	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37); Кутлумушскому от 1321 (Кутл., № 10); Ватопедскому от 1346 (Грч. пов., № 11)
Апликтос	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37); Кутлумушскому от 1321 (Кутл., № 10)
Скалиятикий	Хиландарскому от 1299 (Хил., I, № 13); Зографскому от 1342 (Зогр., № 32)
Авиотикий	Ивирскому от 1346 (Грч. пов., № 7); Филофейскому от 1346 (Грч. пов., № 8)

Окончание

Налоги и подати	Жалованные грамоты византийских императоров и сербских правителей монастырям на владения, находящиеся в Македонии
Плоимон	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37); Эсфигменскому, без даты (Грч. пов., № 14)
Зевгологий	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37)
Алопий	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37)
Икомодий	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37)
Контаратийский	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37)
Ксилофирма	Ивирскому от 1310 (Schatzkamm., № 37)
Инометрий	Ивирскому от 1346 (Грч. пов., № 6)
Каниский	Общий освободительный, хрисовул Стефана Душана Святогорским монастырям от 1345 (Грч. пов., № 5)
Диаватос	Меникейскому от 1332 (Les archives, № 26); Ватопедскому от 1348 (Грч. пов., № 18)
Лиминатикий	Хиландарскому от 1299 (Хил., I, № 13)
Эмвлиатикий	Хиландарскому от 1299 (Хил., I, № 13)
Эквлиатикий	Хиландарскому от 1299 (Хил., I, № 13)

В ы в о д ы. Итак, мы видим, что из 44 документов, рассмотренных в статье, ситаркия, кастроктисия, орики и митат упоминаются в 32 (в 8 из них митат опущен; в 6 вместо ситаркии назван зевгаратикий; в 3 пропущено орики). Кроме того, эти четыре важные подати встречаются по отдельности в ряде документов. Кастроктисия встречается в 6 документах, митат — в 4. Зевгаратикий, который иногда в греческих хрисовулах сербских правителей заменяет ситаркию, встречается, кроме указанных случаев, где он упомянут вместе с кастроктисией, орики, митатом, еще в 7 документах. В 22 документах упомянут энномий. Аир фигурирует в 15 документах, ксилахир — в 11, ангария — в 10, хиродекатия и провамодекатия — в 9, харагма и псомодзимия также в 9; остальные встречаются реже. Совсем редко (один-два раза) упоминаются такие подати, имеющие характер баналитетов, как скалиатикий, лиминатикий, эмвлиатикий, а также каниский — натуральное подношение, размер которого определялся обычаем (встречается один раз). Сравнительно часто (10 раз) встречается ангария, однако преимущественно в греческих хрисовулах сербских правителей. По-видимому, это влияние сербской юридической практики, для которой характерно перечисление значительного количества повинностей, в первую очередь отработочных.

Сокращения, встречающиеся в таблице

Schatzkamm. — F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1952.

Les archives — A. G u i l l o u. Les archives de Saint-Jean Prodrom sur le mont de Ménéce. Paris, 1955.

Кутл. — P. L e m e r l e. Actes de Kutlumus. Paris, 1945.

Грч. пов. — А. С о л о в њ е в, В. М о ш и н. Грчке повеље српских владара. «Зборник за историју језик и фолклор», књ. 7. Београд, 1936.

Зорг. — Actes de Zographou. BB, XIII, 1907.

Ю. А. ЩАПОВА

**ДРЕВНЕРУССКИЕ СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИИ
РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ в XI—XII вв.**

Проблема русско-византийских отношений на протяжении долгого времени была и остается одной из серьезнейших при изучении ранних этапов истории древнерусского государства. Тем не менее разработка этой проблемы, по справедливому замечанию М. В. Левченко, «представляет до настоящего времени один из темных разделов русской историографии»¹. Одна из причин сложившегося положения кроется в скудости источников; другая, не менее важная причина заключается в самом характере источников: наличие фактов, отражающих политические и культурные связи, и отсутствие фактов о конкретных взаимоотношениях в других областях, будь то производственная или общественно-политическая деятельность.

Долголетние сборы и изучение письменных источников оставляют мало надежд на открытие новых письменных документов. Только скрупулезный анализ прежних материалов приносит нам новые открытия и находки. В связи с этим нельзя проходить мимо любой, даже самой незначительной возможности получить новые сведения из нового источника.

Совершенно неожиданным оказалось открытие такого источника в результате изучения коллекции из стекла, собранной за время работ Новгородской археологической экспедиции.

На базе лаборатории кафедры археологии Исторического факультета МГУ при изучении материалов этой коллекции были применены новые для археологии методы изучения материала: микроскопический и спектральный анализы², которые в сочетании с традиционными методами и приемами археологического изучения позволили наметить пути решения многих принципиально важных вопросов по истории стеклоделия древней Руси.

Например, гипотеза генетической зависимости древнерусского стеклоделия от стеклоделия Византии, на наш взгляд, получила некоторые бесспорные подтверждения³. Кроме того, открылась целая группа

¹ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 3.

² Б. А. Колчин и А. Л. Монгайт. Археология и методы естественных наук. «Вестник АН СССР», № 12, 1959, стр. 32—36.

³ Ю. Л. Щапова. О применении качественного спектрального анализа стекла при изучении истории стеклоделия древней Руси. СА, 1960, № 1, стр. 91—101; е е ж е. Стекланные изделия древнего Новгорода (в печати).

изделий, которая до сих пор была скрыта от внимания исследователей и поэтому не находила своего отражения в печати. Речь идет о небольшой группе изделий, которая во всех своих характеристиках следует греческим образцам, нормам, приемам. Изделия этой группы абсолютно одинаковы с греческими по технологии изготовления, по принципам построения форм и декора и, наконец, по времени бытования. Единственное отличие, заставляющее нас говорить об этой группе изделий как об особой, это химический состав стекла, из которого эти изделия изготовлены: вместо классического состава стекла типа натрий—кальций—силиций греческих изделий применено стекло состава натрий—калий—кальций—силиций ⁴.

Честь открытия стеклянных изделий такого состава среди русских домонгольских древностей принадлежит М. А. Безбородову ⁵. Рассмотрение большого количества хорошо датированного новгородского материала помогло нам правильно понять значение открытия, сделанного им.

Дело в том, что изделия из стекла состава Na—K—Ca—Si оказались известными не только в Киеве, Вышгороде, Белой Веже и Новгороде. Они встречаются, кроме того, в Смоленске, Любече, Новогрудке, Вщиже, Друцке, в Пирове городище (под Вязниками Владимирской области), Белоозере ⁶; видимо, со временем этот список можно будет продолжить.

Замечательно, что стеклянные браслеты, столь распространенные на Руси, на 1—1,5% изготовлены из стекла состава Na—K—Ca—Si ⁷. Это, как правило, синие, реже черные и желтые браслеты гладкие или мелкокрученые. Качество стекла браслетов высокое: применена, например, окись марганца в качестве физического обесцвечивателя. Применение окиси марганца имело как одно из следствий получение окраски чистого тона. В качестве красителя применялась окись кобальта, иногда медь, марганец. Если применение последних двух материалов в качестве красителей было широко известно и распространено на Руси, то применение марганца для обесцвечивания и кобальта в виде красителя совершенно не было известно древнерусским стеклоделам.

Стеклянные перстни — несравненно более редкая находка на Руси, чем браслеты. Тем не менее и среди них мы наблюдаем около 3% находок, которые должны быть отнесены к этой же группе (к сожалению, мы располагаем сведениями, полученными только из новгородских материалов, однако, на наш взгляд, невозможно считать их в какой-то степени соответствующими общему правилу).

Трудно вычислить процент находок бус, которые нужно было бы отнести к этой группе изделий. Изучение состава стекла бус только еще начато. Первые же наблюдения позволяют считать часть золоченых и серебряных бус, часть лимонок второго варианта ⁸ относящимися к этой группе. Со временем выводы определятся точнее.

⁴ Для краткости впоследствии мы будем именовать стекла по их главным стеклообразующим, например Na—Ca—Si, подразумевая выражение $m \text{ Na}_2\text{O} \cdot n \text{ CaO} \cdot p \text{ SiO}_2$ и т. д.

⁵ М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, анализы № 128, 137, 156, 133, 134, 199, 200, 126, 101.

⁶ В конце статьи в виде приложения приводятся таблицы результатов качественных спектральных анализов стеклянных изделий, о которых идет речь в тексте.

⁷ Речь идет лишь о перечисленных пунктах.

⁸ З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, стр. 325. Автор ошибочно понял общепринятое название. Обычно речь идет об однослойных бусах непрозрачного (глухого) желтого стекла и о бусах двухслойных вкуче.

Об истории производства стеклянной посуды мы располагаем сведениями более определенными и точными, так как, кроме состава стекла, мы располагаем данными о формах сосудов, об их технологических и художественных особенностях.

В Новгороде в домонгольских слоях найдены осколки от 108 сосудов, из которых семь относятся к интересующей нас группе, т. е. около 7% от общего числа находок. Найденные фрагменты очень невелики по размерам, однако они представляют собой довольно хороший материал,

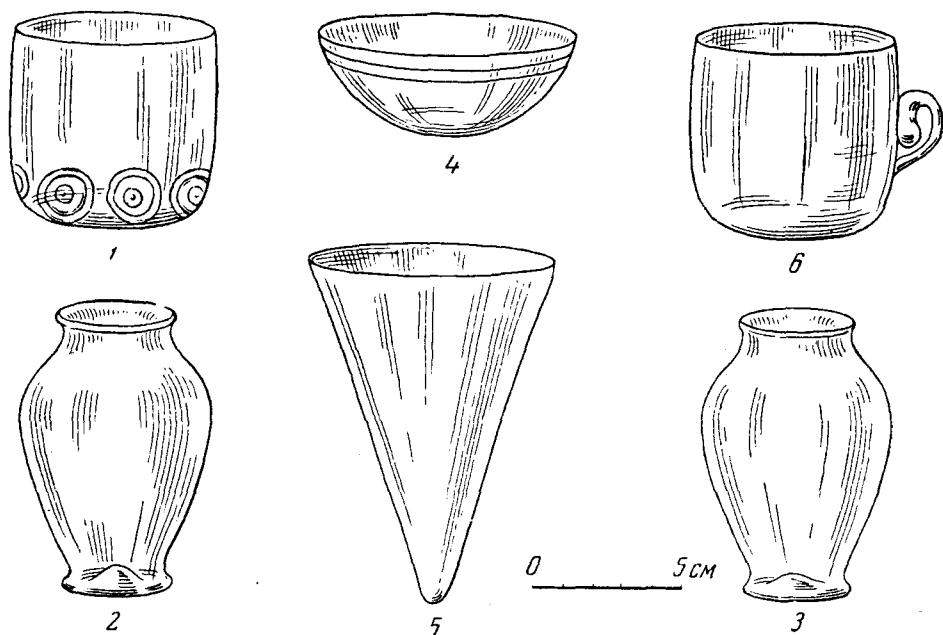

Рис. 1. Реконструкция стеклянных сосудов XI—XII вв. (производство греческих мастерских Киева)

который можно использовать для реконструкций некоторых форм (рис. 1).

Степень приближения в наших реконструкциях разная. Для реконструкций одних форм, например рис. 1, 1 и 1, 2, мы располагали в каждом случае венчиком и дном⁹, в остальных случаях — только обломками венчиков или ручки.

Сосуд 1 на рис. 1 (ан. № 97:10; 102:3) изготовлен из стекла оливкового цвета. На днище сосуда и на нижней части стенок располагается вдавленный орнамент в виде кругов (маленькие на дне, большие с выпуклостью в центре на стенках). Сосуд, видимо, невысокий, с вертикальными, может быть, чуть вздутыми стенками. Аналог нашему сосуду известен среди находок в Терской области¹⁰.

Второй сосуд (рис. 1, 2) (ан. № 102:5; 102:15) следует отнести к типу узкогорлых сосудов на поддоне, который составляет единое целое с телом сосуда. Сосуды на поддоне аналогичного типа известны из раскопок

⁹ Тожественность фрагментов устанавливалась на основании абсолютного сходства стекол по составу, фактуре, внешнему облику в целом, при соблюдении неременного топографического и хронологического совпадения.

¹⁰ ОАК за 1897 г., стр. 146, рис. 285. Стакан из темно-зеленого стекла.

стеклоделательной мастерской в Коринфе¹¹, в Киеве¹² в мастерской, раскопанной В. А. Богусевичем в Лавре¹³. Замечательно, что в этой же мастерской найден аналог другой детали реконструируемого сосуда — венчик с желтым валиком по краю устья¹⁴. Находка подобного сосуда в горне стеклоделательной мастерской Киева снимает все вопросы о месте и времени изготовления сосуда, найденного в Новгороде, и позволяет точно отнести его к Киеву конца XI в. Правда, в Новгороде этот сосуд был разбит и выброшен богатым боярином, владельцем усадьбы на перекрестке Великой и Холопней улиц (усадьба «Б» по топографии Неревского раскопа) в 30—40-х годах XII в., т. е. через 40—50 лет после того, как мастерская в Лавре прекратила свое существование. Однако такой длительный срок сохранения в быту хрупкого стеклянного сосуда был, видимо, редкостью, и вряд ли это объяснение может удовлетворить нас. Хочется думать, что прекращение производства стекла и смальты в мастерской Лавры не означало прекращения этого производства в целом. Может быть, стеклоделы из Лавры переселились в какой-нибудь другой район древнерусской столицы и там продолжили свою работу? Может быть, новгородскую находку следовало бы связать со вторым этапом в жизни и деятельности бывшей мастерской Лавры?

Третий сосуд (рис. 1, 3) (ан. № 115:15), вернее, венчик его, по профилю похож на венчик предыдущего сосуда. Сосуд не имеет декоративного валика по краю устья. У нас нет никаких, даже малейших, оснований для восстановления формы нижней части сосуда. Нам кажется естественной предлагаемая форма. Расширение сосуда в плечиках предполагает имеющийся фрагмент. Цилиндрическая форма сосуда (рис. 2) для такого венчика менее гармонична, чем сужающаяся книзу; последняя легче и изящнее и более выгодно подчеркивает неширокое раскрывающееся устье (рис. 1, 3). Однако настаивать здесь ни на чем нельзя.

Четвертый сосуд (рис. 1, 4) (ан. № 102:8) принадлежит к типу кубков с широким устьем (от сосуда сохранился только небольшой обломок венчика). Однако очертания венчика позволяют предположить, что он завершал собою неглубокий сосуд с плавным переходом линии стенки в днище. По краю устья нанесена золотая полоса. Она еле заметна на желтоватом фоне стекла самого сосуда, но создает замечательный эффект игры светотени в верхней части сосуда и делает приземистую форму более стройной и приятной для глаза.

Еще один сосуд (рис. 1, 5) (ан. № 111:16) относится к наиболее распространенным на Руси формам стеклянных сосудов в виде опрокинутого конуса.

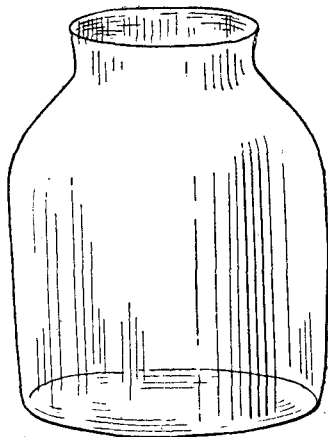

Рис. 2. Реконструкция формы стеклянного сосуда

¹¹ G. R. Davidson. «Corinth», XII. The minor objects. 1952 (далее G. R. Davidson.), p. 111; рис. 724, 725.

¹² В. Ф. Рожанківський. Українське художнє скло. Київ, 1959, стр. 26, рис. 4д.

¹³ В. А. Богусевич. Мастерские по изготовлению стекла и смальты в Киеве. «Краткие сообщения Института археологии АН УССР», вып. 3, 1954.

¹⁴ Раскопки В. А. Богусевича в Киеве. Лавра, 1951. Раскоп 1, горн № 1, инв. № 39.

От одного сосуда сохранилась только ручка яркого сине-фиолетового цвета (ан. № 102:6). Ручка очень маленькая (на рис. 3 дана ее натуральная величина). В силу своих малых размеров она не могла служить никаким утилитарным целям и играла роль украшения. О подобной манере украшения сосудов цветными ручками сообщает Теофил, рассказывая о византийском стеклоделии ¹⁵.

Еще от одного сосуда сохранились остатки широкого плоского дна (ан. № 111:13). Видимо, сосуд также принадлежал к типу кубков.

Таким образом, мы исчерпали описание сосудов, включенных в рассматриваемую группу изделий. Прежде чем перейти к анализу форм и их особенностей, хотелось бы обратить внимание на название этих сосудов, которые нам сообщает все тот же Теофил ¹⁶. Сосуды 1, 4—6 назывались кубками (*cuppes-scurphus*), сосуды с удлинненным горлышком — склянками (*fioles-fiala*) ¹⁷.

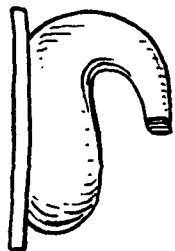

Рис. 3. Ручка

Все рассмотренные нами сосуды изготовлены путем дутья в форму. Мастера, их изготавливавшие, применяли разные виды украшения сосудов: цветные валики и ручки, роспись золотом, рельефный декор, полученный в результате выдувания в форму с узором (обратным тому, который получен на сосуде).

Все вещи созданы подлинными мастерами своего дела — настолько они технически совершенны. Мастера были не только стеклодувами, но и художниками. Даже небольшие сохранившиеся фрагменты создают законченные художественные образы, стройные, лаконичные, но в то же время легкие и изящные. Лаконизм находит свое выражение и в выборе форм, и в выборе декора для них. Так называемые склянки чаще лишены декора, сама их форма очень декоративна. Кубки, имея очень простую форму, напротив, чаще украшены. Украшается какая-нибудь одна деталь кубка — скуп, но умело и очень художественно.

Эта особенность сосудов рассматриваемой группы особенно примечательна. Именно она специфична для этих изделий наряду с особенностями состава, отличающими их от изделий собственно греческого производства. Декоративная манера последних богаче, ярче, насыщеннее (иногда без меры), но, несомненно, по-своему красива. Форма их сложнее и нередко вычурна ¹⁸. Таким образом, сосуды этой группы тесно связаны с греческими образцами и технологически, и художественно, но в понимании стиля, в художественной манере, в эстетических взглядах их создателей произошли изменения, благодаря которым их изделия стали отличаться от греческих и сделались более похожими на русскую средневековую посуду.

К сожалению, ни один из авторов, писавших о древнерусском стеклоделии, кроме Б. А. Рыбакова ^{19—20}, не избежал ошибок. Первая ошибка в трактовке найденных стеклянных сосудов была сделана И. А. Хойнов-

¹⁵ «L'art de la Verrerie par Gerspach». Edition nouvelle. Paris, p. 86.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ W. Teobald. Technik des Kunsthandwerks im zehnten Jahrhundert. Das Theophilus Presbyter Diversarum Artium Schedula. Berlin, 1933.

¹⁸ K. J. Lamm. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Berlin, 1930. Taf. 41 : 27, 28; 43 : 10, 11; 42 : 3,5; 3,6; 6 : 6,7; 12 : 7; 27 : 1; 28 : 18. G. R. Davidson, fig. 727, 728, 750, 751, 756, 757, 776, 793, 794, 798, 801, 802, 813.

^{19—20} Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 396—400.

ским²¹. Впервые усомнились в правильности хронологических определений этих находок Ханенки²², но на это почему-то никто не обратил внимания. И вот уже 60 лет из издания в издание перекочевывают вещи, давно пропавшие из музея и очень сомнительные на вид (рис. 4)²³.

Для доказательства последнего обратимся снова к новгородской коллекции. Вся домонгольская стеклянная посуда, независимо от места производства, тонкостенна и по формам близка к приводимым в этой статье. Кроме того, существует еще ряд форм, например кубки на поддоне, подобные найденному в Галиче в женском погребении. Нам кажется, что внешние отличия изделий бесспорно древнерусских от тех, которые принято считать древнерусскими, настолько очевидны, что нет надобности

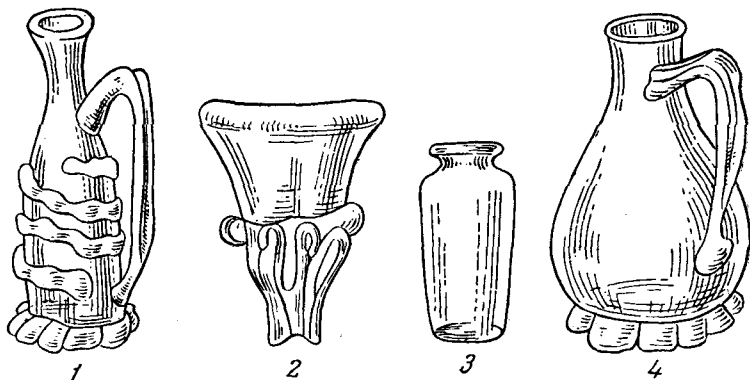

Рис. 4. Стеклянные сосуды XVI—XVII вв.

останавливаться на этом. Существенные различия вскрываются при сравнении составов стекол, употребленных для изготовления обоих вариантов русской домонгольской посуды. Исследовано только одно «гофрированное» днище²⁴; стекло принадлежит к группе стекол Na—K—Ca—Si.

Следовательно, по составу стекла «гофрированные» сосуды должны быть объединены с сосудами, рассматриваемыми в нашей статье, а не с теми, которые изготовлены из русских стекол²⁵. Все же остальные характеристики — форма, стиль, декоративная манера, техника изготовления (сосуды с «гофрированными» деталями изготовлены путем свободного дутья) — резко отличны и не допускают подобного сближения, во-первых, и не согласуются с общепринятым мнением об их изготовлении на Руси, во-вторых; таким образом, мы должны, признав эти сосуды русскими, принять для них новую дату. Б. А. Шелковников неправ, считая, что «возможность датировать его (стекло. — Ю. Ш.) временем, начиная от монгольского завоевания до XVII в., видимо, отпадает...»²⁶. В. Ф. Рожанковский

²¹ И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего города Киева, произведенные весной 1862 года. Киев, 1893, стр. 20.

²² Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, стр. 59.

²³ К. J. Lamm. Op. cit., Bd., I, S. 41, 91; J. R. Vavra. Das Glas und die Jahrtausende. Prag., 1954, S. 70—72; М. А. Безбородов. Указ. соч., рис. 32—34; В. Ф. Рожанківський. Указ. соч., стр. 25. рис. 2, б—е; рис. 4, а—в; Б. А. Шелковников. Стекло Киевской Руси. ВВ, XVI, 1959, рис. 2—5.

²⁴ М. А. Безбородов. Указ. соч., анализ № 110.

²⁵ Там же, стр. 260, 261.

²⁶ Б. А. Шелковников. Указ. соч., стр. 119.

показал ²⁷, что в украинских «гутах» XV—XVII вв. изготавливалось именно это стекло, о котором говорит Б. А. Шелковников. Удивительно и досадно только, что В. Ф. Рожанковскому в работе над главой «Древнерусское стеклоделие» при анализе посудных форм того времени отказало его безупречное во всех остальных случаях «чувство стиля» ²⁸. «Гофрированные» сосуды нужно перенести из XI—XIII вв. в XV—XVII вв., и тогда не будет двух противоречивых характеристик изделий, созданных в одно и то же время, в одном и том же производственном центре, одним и тем же народом.

Итак, закончив рассмотрение стеклянной посуды, мы пришли к следующим выводам:

- 1) сосуды изготовлены из стекла состава Na—K—Ca—Si, которое резко отличается от русского стекла состава Pb—Si или K—Pb—Si;
- 2) сосуды выдуты в форму;
- 3) формы и декор сосудов очень сходны с греческими;
- 4) декоративные мотивы, однако, более простые и лаконичные, что позволяет говорить о стремлении соответствовать русскому вкусу;
- 5) находка одного подобного сосуда в Лаврской мастерской Киева позволяет считать, что рассматриваемые сосуды бесспорно производились в Киеве в XI в.

Рассмотрение небольшого числа оконных стекол, изготовленных из стекла состава Na—K—Ca—Si, привело нас к следующим выводам:

- 1) оконное стекло изготовлено по греческому способу путем развертки цилиндра в лист ²⁹; русские оконные стекла изготавливались иначе ³⁰ и имели форму диска;
- 2) «греческое» и русское оконное стекло в Новгороде ни разу не было употреблено вместе ³¹.

Осталась без внимания еще одна категория изделий из стекла — смальта. Однако мы не считаем себя вправе заниматься вопросами производства смальта, так как новые материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, очень невелики и не позволяют прибавить ни слова к тому, что сказано об истории смальта и мозаики на Руси ³². Мозаичная живопись на Руси появилась под несомненным византийским влиянием вместе с началом строительства культовых зданий. Смальта для киевских мозаик отчасти привозилась из Византии, отчасти делалась греками на месте ³³; у последних, видимо, и переняли русские некоторые секреты стекловарения и изготовления изделий из стекла.

Таким образом, мы подошли к бесспорному факту: значительная часть смальта изготавливалась в Киеве и греками, и русскими. Материалы из раскопок стеклоделательной мастерской в Лавре показали, что наряду со смальтами в той же самой мастерской делали посуду, перстни, бусы. Объединение производства разных видов изделий в одной мастерской, возможно, было характерно не только для мастерской Лавры. Кроме того,

²⁷ В. Ф. Рожанківський. Указ. соч., стр. 35—53, рис. 6—8.

²⁸ Там же, стр. 15—28.

²⁹ Н. Н. Качалов. Стекло. М., 1959, стр. 376.

³⁰ Там же, стр. 377; В. Ф. Рожанківський. Указ. соч., стр. 21, рис. 1. Реконструкция, правда, не совсем верная.

³¹ Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия (в печати).

³² В. Н. Лазарев. Новые открытия в Софии Киевской. М., 1955; А. В. Вийнер. Материалы и техника мозаичной живописи. М., 1953; его же. История русского искусства, т. I. М., 1954. В. И. Левицкая. О производстве набора мозаик Софии Киевской. ВВ, XV, 1959; М. А. Безбородов. Указ. соч., стр. 148—185.

³³ В. А. Богусевич. Указ. соч.

объем производства смальты был велик, но до известного предела: его определял объем декоративных работ. Отходы смальтового производства утилизировались: видимо, из них изготавливали бусы ³⁴, перстни ³⁵, реже посуду ³⁶. Мы склонны считать эти изделия скорее греческими, чем русскими, на основании особенностей технологии изготовления, которая не практиковалась русскими мастерами: литье в форму, дутье в форму, формовка бус с помощью каких-то дополнительных приспособлений. Кроме того, эти изделия все вместе составляют ничтожный процент от всех стеклянных изделий, что-то порядка 0,01% (15 находок на 10 тысяч всех остальных стеклянных изделий, найденных в Новгороде). Вполне вероятно, что со временем на базе мастерских по производству смальты выросло производство бытовых вещей — мелких украшений и посуды.

Теперь перед нами стоит задача определения времени существования греческого стекольного производства в Киеве ³⁷. Путь решения этой задачи довольно сложен: так как в Киеве нет непо потревоженного культурного слоя большой площади с хорошим стратиграфическим членением, то мы должны по необходимости обратиться к стратиграфии Неревского раскопа Новгорода, откуда происходят все находки, о которых мы ведем речь.

Как известно, все находки имеют свои координаты на площади и глубину залегания в культурном слое.

Можно с уверенностью сказать, что ни один древнерусский город не имеет более четкой стратиграфии, позволяющей точно датировать ярусы новгородского культурного слоя. Хронология ярусов разработана подробно и опубликована не раз ³⁸. Издание новгородской хронологии вызвало дискуссию ³⁹, в ходе которой была доказана правильность хронологической схемы А. В. Арциховского и Б. А. Колчина, поэтому мы считаем себя вправе принять эту схему и не аргументировать специально ее правильность ⁴⁰.

На основании материалов спектрального анализа посуды, оконного стекла, перстней и браслетов мы построили следующий график, отражающий распространение вещей рассматриваемого вида производства во времени (рис. 5). По оси абсцисс отложены отрезки, каждый из которых равен времени существования одного яруса. По оси ординат отложены отрезки, каждый из которых равен одной находке.

Определив положение точек пересечения перпендикуляров, восстановленных от осей, и соединив крайние точки между собой, мы получим одновершинную кривую. Начало кривой — уровень 26-го яруса, вершина — 16-го, конец — уровень 12-го яруса. В абсолютных датах это означает, что начало греческого производства в Киеве приходится на самый конец X в. Наивысшей точки развития оно достигает к концу XII в. Конец существования

³⁴ Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, стр. 168, 169; табл. 1, 8, 14.

³⁵ Е. Олчак. Производство стеклянных перстней на славянской территории в средние века. СА, 1959, № 3, стр. 87, рис. 4, 5 — тип. «Д». Подобные перстни — литые из многосвинцового стекла — есть и на Руси.

³⁶ В Новгороде найден один зеленый кубок на поддоне, изготовленный из свинцового стекла.

³⁷ О существовании подобного производства в других городах у нас нет сведений, да и вряд ли оно имело место.

³⁸ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953; Б. А. Колчин. Указ. соч.; его же. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 92—111.

³⁹ Б. А. Рыбаков. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. СА, 1959, № 4, стр. 82—106.

⁴⁰ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии. СА, 1959, № 4, стр. 107—128.

греческих стекольных мастерских в Киеве совпадает по времени с разгромом последнего татарами в 1240 г. Такова только самая общая схема развития. Картина значительно более сложная обнаруживается, если мы составим два вспомогательных графика (рис. 6). Первая (сплошная жирная) линия соответствует количеству находок так называемых сортовых изделий — посуды, оконного стекла, перстней, вторая (сплошная тонкая) соответствует количеству находок стеклянных браслетов. В результате оказывается, что производство сортовых изделий и изделий массовых имеет каждое свою историю.

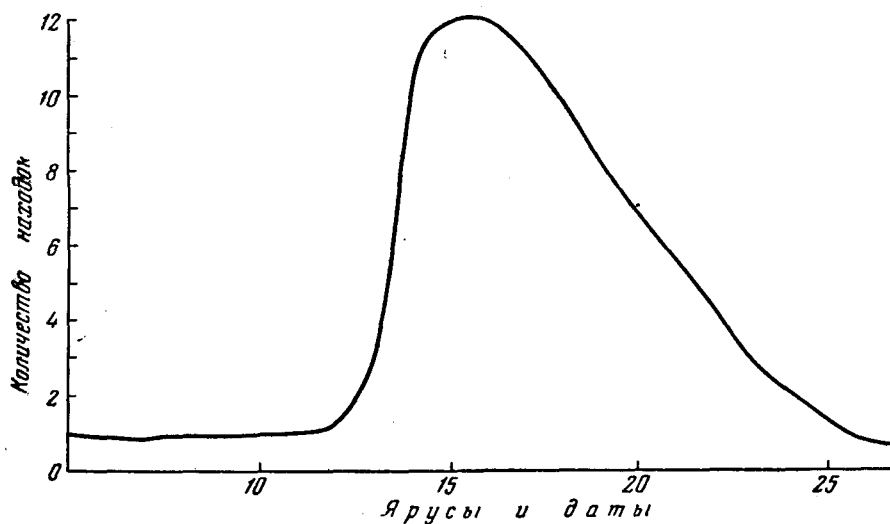

Рис. 5. График распространения во времени стеклянных изделий производства греческих мастерских Киева

Мы не включили в нашу основную схему данных о бусах, потому что изучение бус с точки зрения химического состава стекла и технологии только начато. Предварительные результаты изучения нанесены пунктиром (на вспомогательном графике). Можно надеяться, что со временем можно будет составить представление о раннем этапе производства стеклянных изделий на Руси более полное и точное, чем сейчас.

Итак, появление первых изделий греческого производства (бус и браслетов) в конце X в. может быть связано с появлением первых греческих мастеров, смальтоваров и мозаичистов, приглашенных для украшения первых христианских церквей в Киеве. Их производство бус и браслетов было очень мало заметно на общем фоне импорта этих изделий из-за границы ⁴¹.

В середине XI в. мы замечаем новые черты в производственной деятельности греческих мастеров: они изготавливают перстни, посуду, оконное стекло и, как прежде, бусы и браслеты. Этот этап длится вплоть до 60—70-х годов XII в. Чем же было вызвано к жизни это производство и какие причины привели его к гибели?

В 30—40-х годах XI в. князь Ярослав Мудрый предпринимает крупное городское строительство и приглашает самых лучших (и самых разных)

⁴¹ М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. «Труды ГИМ», вып. 33. М., 1959, стр. 165—168.

мастеров и художников. Но это ведь только внешняя форма событий. Действительные причины лежат гораздо глубже. В процессе экономического развития древнерусского государства сложились условия, в которых оказалось возможным появление новых отраслей производства, среди которых оказалось и стеклоделие (появление первых сортовых изделий русского производства приходится на это же время). Продукция нового производства была призвана удовлетворять новые потребности развивающегося общества, с одной стороны, и удовлетворять его эстетические

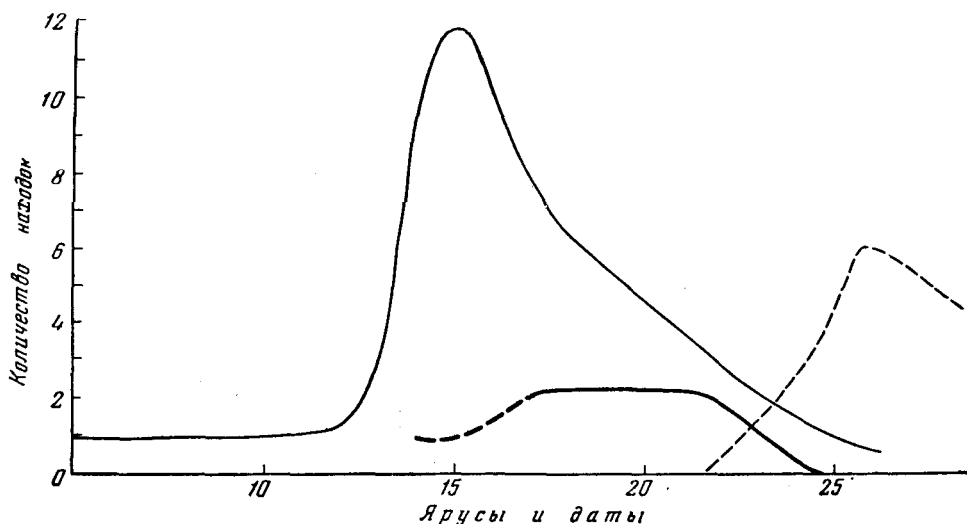

Рис. 6. Вспомогательные графики

вкусы и требования, с другой. Следовательно, появление греческих стеклоделательных мастерских в Киеве было обусловлено внутренними закономерностями развития экономики, культуры и государственности на Руси (приглашение иноземных мастеров Ярославом Мудрым явилось актом государственного значения). Но это только одна сторона дела, может быть, самая главная. Другая важная причина появления греческих стеклоделательных мастерских состоит в том, что развитие собственно греческого ремесла в Византии достигло такого уровня, что некоторая часть мастеров могла быть высвобождена из производственной жизни страны. Это означает в то же время, что уровень развития производства превысил покупательную способность византийского общества XI—XII вв., в результате чего для ремесленников оказывалось выгодным покинуть родину и найти обеспеченные рынки сбыта за ее пределами. Оба факта тесно связаны с развитием феодальных отношений внутри византийского общества ⁴².

Не менее важным для развития деятельности греческих ремесленников в Киеве был и характер русско-византийских отношений на протяжении XI—XII вв. ⁴³

Как мы видели, греки-стеклоделы, обосновавшись в Киеве, стремятся отвечать требованиям своих новых заказчиков и покупателей. На протяжении всего периода их существования в Киеве они сохраняют верность своим производственным принципам и навыкам, остаются в какой-то

⁴² М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 429—471.

⁴³ Там же.

степени верными своим эстетическим нормам. Кроме того, они сохраняют и свои производственные секреты: дутье в форму, роспись золотом по стеклу, способ изготовления оконного стекла и бус и, наконец, рецепт варки стекла, способы нейтрализации действия вредных примесей, способы получения краски стекла чистого тона, некоторые красители, например окись кобальта или трехокись сурьмы.

Существуя самостоятельно и, видимо, независимо от русских мастеров, греки в течение долгого времени с честью выдерживали конкуренцию на внутреннем рынке. Их продукция заметно отличалась от русской большей чистотой рисунка, большим изяществом и мастерством исполнения, удовлетворяя самому строгому вкусу.

В таком неизменном виде греческое стекольное производство в Киеве существовало вплоть до 70—80-х годов XII в., когда в его развитии наступил резкий перелом. Этот перелом был обусловлен прежде всего и главным образом тем, что русские стеклоделы к этому времени овладели многими приемами, позволившими им получать изделия лучшей, чем прежде, формы: они начали применять шаблоны и формы. Осуществление этих нововведений лишило греческие изделия их преимуществ и, следовательно, отчасти устранило причины, благоприятствовавшие их развитию.

С другой стороны, осложнение внутриаполитической обстановки в древнерусском государстве, борьба за Киев между князьями, переход его из рук в руки, частые осады и разгром его Андреем Боголюбским в 1169 г.⁴⁴, видимо, привели к тому, что часть греческих мастеров покинула Киев. Таким образом, сочетание этих двух факторов послужило серьезной причиной упадка прежнего греческого производства в Киеве. Реставрация его стала невыгодной и, видимо, затруднительной в силу международной и внутренней ситуации в Византии, сложившейся в последней трети XII в.

Однако упадок в развитии греко-киевского стеклоделия не означал еще его полного исчезновения из истории производства стеклянных изделий в древней Руси. Начиная с этого времени, т. е. с 80-х годов XII в., оно вступает в новую стадию развития. Производство сортовых изделий — посуды, оконного стекла, перстней, бус — теряет свое самостоятельное значение и почти прекращается; лишь иногда встречаются отдельные вещи. Теперь главное место в греко-киевском производстве занимают стеклянные браслеты, на которые был широкий и обеспеченный спрос. Оставшиеся мастера-греки изготавливают синие и черные мелкокрученые или гладкие стеклянные браслеты. Линия развития этого производства подобна линии развития производства древнерусских стеклянных браслетов в домонгольское время⁴⁵. Иными словами, часть греческих мастеров, видимо, утратила связь с родиной и целиком включилась в жизнь Киева. Направление и развитие их производства диктуются условиями древнерусского государства; мастера целиком приспосабливаются к новым требованиям и стремятся их удовлетворять.

Связь греков с их новой родиной была настолько крепкой, что они разделили ее трагическую судьбу, погибнув вместе с киевлянами в 1240 г. Этим можно объяснить абсолютное отсутствие изделий греческого типа из стекла состава Na—K—Ca—Si в послемонгольских слоях Новгорода и других древнерусских городов⁴⁶.

Перейдем к общим выводам.

⁴⁴ ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стр. 545.

⁴⁵ Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей, рис. 9.

⁴⁶ См. график.

1. Первые греческие мастерские в Киеве появились в конце X в. В них варилось стекло для смальт, получивших применение для украшения интерьеров первых русских церквей. Отходы стеклянной массы шли на мелкие поделки, главным образом бусы. В это же время появляются первые мастера, видимо не связанные с производством смальт.

2. Новый толчок развитию этого так называемого греко-киевского производства был дан в середине XI в. Он связан с большим строительством, начатым Ярославом Мудрым, который пригласил множество мастеров и художников, в том числе и стеклоделов. К этому времени в древней Руси сложились такие условия, что новое ремесло было принято и получило возможности быстрого и успешного развития. Новые мастера, безусловно, сохраняли связь с метрополией, что обеспечивало им подвоз необходимого сырья (натриевых солей, красителей и других материалов). Новые мастера, сохраняя верность всем своим нормам и традициям, делали уступки местным вкусам. Эти уступки не обедняли греческого искусства и мастерства, а, напротив, делали его более ясным, выразительным, если так можно сказать, более народным. Греки старались сохранять некоторые свои производственные секреты.

3. Успехи развития древнерусского стеклоделия лишили материальных основ развития греко-киевское производство сортовых изделий. Это производство постепенно заглохло бы само по себе, но разгром Киева Андреем Боголюбским ускорил события. С конца XII в. этот вид производства становится очень мало заметным в общем объеме продукции древнерусских стеклоделательных мастерских.

4. Некоторая часть греческих ремесленников в период с 80-х годов XII в. до 1240 г., сохраняя свои отдельные производственные навыки, утратила всякую самостоятельность и целиком влилась в древнерусское стеклоделие. Это слияние почти не сказалось на дальнейшем развитии русского стеклоделия (хотя возможно, что это мнение основывается только на ограниченности наших знаний).

5. Общение с Византией было благоприятным и плодотворным для зарождения и развития древнерусского стеклоделия. Однако в своем развитии русское стеклоделие не только использовало чужие влияния, но и дало образцы очень смелого самостоятельного творчества. В течение всего времени сосуществования русского и греческого стеклоделия в Киеве оба вида производства выступают самостоятельно и выдерживают взаимную конкуренцию. Изделия русского производства превосходят греческие количественно, уступая последним в качестве. Русские стеклоделы, видимо, были очень серьезными конкурентами, если греки считали нужным скрывать от них секреты своего производства.

6. В XI—XII вв. русские мастера смело отбирали из византийского наследия только то, что им было нужно, что способствовало их собственному развитию, отвечало уровню этого развития и его потребностям. По тем возможностям, которые были в русском стеклоделии, по смелости и новаторству, которые отличали его от всех тогдашних стеклоделательных школ, мы могли бы ждать от древнерусского стеклоделия блестящих результатов. К несчастью, развитие русского стеклоделия, равно как и многих других ремесел, было прервано татаро-монгольским нашествием. Где-то под спудом в условиях татарского ига древнерусское стеклоделие продолжало жить и накапливать силы, чтобы возродиться в украинском гутном стеклоделии в XV—XVIII вв.

Результаты спектрального

№	№ анализа	Название	Паспорт	Cr	K	Mn	Ca
1	97:10	Обломок днища	22— 982—20	4	3	3	4
2	102: 3	Венчик	20— 505—21		3		
3	102: 5	Обломок венчика	20— 918—18	4	3	3	4
4	102: 6	Ручка	22—1019—19	4	3	3	4
5	102: 8	Обломок венчика	19— 286—14	4	3	3	4
6	102:15	Днище	21—1099—18	4	3	2	4
7	111:13	»	19— 553—20	4	2	3	4
8	111:16	Обломок венчика	23— 270—19	2	1	3	4
9	115:16	»	27—1257—22	3	3	3	
10	171: 9	Браслет	14—1346— 7	3	3	4	3
11	174:10	»	19—1269—14	4	3	5	2
12	174:15	»	23—1337—16	4	3	4	2
13	177:24	»	21—1138—15	6	2	4	4
14	178: 3	»	22—1282—18	5	3	3	2
15	178: 4	»	22—1328—14	4	3	6	3
16	178: 5	»	19—1293—15	4	3	6	2
17	178:22	»	22—1293—18	3	3	6	3
18	179: 3	»	21—1190—16	3	3	4	2
19	179: 7	»	19—1023—17	3	3	4	3
20	179: 8	»	19— 240—15	3	3	4	3
21	179: 9	»	14— 966—13	4	3	3	2
22	179:10	»	14— 986—15	4	3	4	3
23	179:11	»	18—1023—17	4	3	4	3
24	179:12	»	9— 475— 9	4	3	4	3
25	179:13	»	22— 131—17/18	4	3	4	2
26	179:14	»	22— 221—17	4	3	4	2
27	180: 1	»	21—1124—15	4	3	6	3
28	180: 4	»	14— 995—15	4	3	6	3
29	180: 5	»	19—1277—14	4	3	4	2
30	180: 9	»	19—1035—17	4	3	4	3
31	180:16	»	10— 439— 9	4	3	6	3
32	180:19	»	26— 742—16	4	3	3	3
33	180:21	»	24— 171—20	4	3	5	4
34	180:24	»	20— 894—18	4	3	4	4
35	181:10	»	15— 953—13	4	3	5	3
35a	181:10	»	6/п	4	3	5	3
36	181:11	»	10— 434	4	3	3	2

* В приложении даны результаты спектрального анализа стеклянных изделий, созданных в греческих мастерских Киева.

В таблицах отражены:

1) номер анализа: цифры перед двоеточием означают номер пластинки, цифры после двоеточия — номера спектра на ней (как правило, на одной пластинке помещается 24 спектра);

2) название предмета;

3) паспорт предмета. Под номерами 1—66 даны результаты исследования составов стекол находок, сделанных в Новгороде. Первая группа цифр паспорта означает номер пласта, вторая — номер квадрата, третья — номер яруса. Находки под номерами 67—70 сделаны в Смоленске: Ус-5 — номер раскопа, первая группа цифр — пласт,

Приложение*

анализа стеклянных изделий

Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	As	P	Инв. №
4		6	7		2		5	6	6			3		3	4			
4		6	7		3										6			
4	4	5	5	5	2	7	5	6		6		3		3	7			
4		6	6		2		5	5		5		3	7	3	4			
4		66	7		2		5	6		7		3		2	6			
					2	6		6	6	6		3			5			
		6	6		2	6		6		5		3			6			
		5	5		2	6	4	4	5	5		3		2	5			
3	3	5	6		2		5	6		6		3		2	6			
3	4	6	6		2		5	6		7		3		2	6			
4	4	6	7		2	5	5	6	7	6		3		3	6			
6			5		2	5	4	5		6		3		2	5			
3	3	6	7		2	7	4	5		6		3		3	6			
5	4	6	7		2	7	4	5		6		3		3	5			
4	4	7	7		2	7	4	6		6		3		2	5			
5	5	6	6	7	2	7	4	5		5		2		2	5	7	6	
4	3	6	6		2	7	4	4	7	5		2		2	5		6	
4	3	5	6		2	7	4	4	7	5		2		2	5		6	
4	3	5	6		2	7	4	4	7	5		2		2	5		6	
3	3	5	6		2	7	4	4	7	5		2		2	5		6	
3	3	5	7		2	7	4	5	7	5		3		2	5		7	
4	4	6	7		2	7	4	6	7	5		3		2	5		7	
4	4	6	6	7	2	5	4	4	7	5		2		2	5		6	
4	3	5	6	7	2	5	4	4		5		2		2	5		6	
4	3	5	7		2		4	5		7	5	2		2	7		7	
4	4	6	6		2		4	5		6		3		2	7		7	
4	4	7	5		2		5	5		7		3		2	7			
3	4	7	6		2		5	5		6		3		2	6		7	
4	4	6	7		2		5	4	6	7		3		2	5		7	
4	4	6	6		2		4	4	5	6		2		2	4		7	
4	4	5	6		2		4	4	5	6		3		2	5		7	
4	4	6	7		2		5	6		7		3		2	7			
4	4	7	7		2		4	5		6		3		2	5		7	
4	4	6	5		2	5	4	4		5		2		2	6		7	
4	4	6	7		2		4	5		6		3		2	5		7	
3	4	5	5		2	5	4	4		5		2		2	6		7	

вторая — квадрат. Паспорт находок в Любече содержит номер раскопа и коллекционный номер. Для находок во Вщиже (№ 73—76) имеются указания на номер раскопа, глубину залегания находок (в см) и инвентарный номер. Паспорт находок в Пирове (№ 77—78) включает указание на пласт, квадрат и инвентарный номер находки по коллекционной описи.

Цифровые индексы в таблице имеют следующее значение:

- 1 — наибольшее содержание элемента в пробе;
- 2 — значительное содержание, примесь;
- 3—4 — постоянно убывающее количество примесей;
- 5 — следы;
- 6—7 — следы следов.

№	№ анализа	Название	Паспорт	Cr	K	Mn	Ca
37	181:12	Браслет	б/п	4	3	5	3
38	181:14	»	б/п	4	3	5	2
39	182:17	»	15— 539	4	2	3	4
40	183:10	»	21—1271—17	4	3	5	4
41	183:13	»	16—1116—10	4	3	5	4
42	183:19	»	15—1275—10	4	3	4	2
43	191: 1	»	20— 911—17	4	2	5	4
44	191: 2	»	25— 152—20	4	3	5	4
45	191: 3	»	10—1068—8/9	4	3	5	4
46	191: 8	»	11— 705—14	4	3	5	3
47	191: 9	»	22— 830—15	4	3	5	4
48	191:10	»	23—1337—15	4	3	5	4
49	191:11	»	21—1445—13	4	3	5	4
50	194: 1	»	11— 670—15	4	3	3	3
51	194: 7	»	21— 774—14	4	3	3	3
52	195: 1	»	21—1180—15	5	3	5	4
53	195: 3	»	21—1118—15	5	3	4	4
54	195:17	»	21— 842—13	4	3	4	3
55	195:18	»	24— 806—18	4	3	4	3
56	197: 1	»	27— 844—20	3	3	3	3
57	197: 3	»	20—1262—15	3	3	3	3
58	100: 6	Оконное стекло	б/п	5	3	3	3
59	100:12	»	б/п	4	3	3	3
60	100:16	»	17—1114—16	4	2	4	2
61	100:20	»	18— 409—17	4	2	3	3
62	100:14	»	20— 224—14	5	3	3	3
63	105:11	Перстень	22—1023—18	6	3	3	3
64	105:14	»	23— 654—27	6	3	3	3
65	105:16	»	15— 1—10	6	3	3	3
66	105:21	»	25— 721—19	6	3	3	3
67	145: 7	Браслет	Ус-5, 15—59	3	3	3	2
68	145:13	»	Ус-5, 15—65	3	3	5	2
69	147: 4	»	Ус-5, 14—17	3	3	5	3
70	147: 9	»	Ус-5, 16—50	3	3	4	3
71	159: 1	»	Зам XX	4	3	4	3
72	198:20	»	Зам XX	4	3	5	4
73	187: 7	»	Раск. V, гл. 20 см	5	3	4	3
74	187:11	»	Раск. V, гл. 20 см	3	2	4	4
75	188:10	»	Раск. V, гл. 20 см	4	3	4	4
76	188:19	»	Раск. V, гл. 20 см	3	3	3	3
77	154:11	»	2—250	3	3	2	5
78	154:15	»	3—258	3	3	3	5

Продолжение

Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	As	P	Инв. №
4	4	7	7		2		4	5		6		3		2	4		7	
4	4	5	6	7	2		4	5		5		2		2	4		6	
4		6	7		2	7	5	5		5		3		2	5		7	
3	4	7	6		2	7	5	5				3		3	6			
3	4	7	6		2		5	5		7		3		3	6		7	
3	4	6	6		2	7	5	5		7		3		2	6		7	
3	4	7	5		2	7	5	5		7		3		3	6			
3	4	7	5		2	7	5	5		7		3		3	7			
4	4	7	5		2	7	5	5		7		3		3	6			
3	4	6	4		2	6	4	4	7	6		3		3	7			
4	4	6	5		2		4	4	7	6		3		3	5			
4	4	6	5		2	4	4	4		6		3		3	5			
4	4	6	5		2		4	4		6		3		3	5			
4	4	6	6		2		4	5		6		2		2	7			
4	4	6	6		2		4	4	6	7		3		2	5			
4	4	7	6		2		5	6		7		3		2	6			
4	4	6	6		2		5	6		7		2		2	6			
4	4	6	7		2		5	5		6		3		2	5			
4	4	6	6		2		5	5	6	6		3		2	5			
3	6	4	6		2	5	4	5	5	5		3		2	4			
3	6	4	5		2	6	4	5	5	5		3		2	4			
4		6	5	7	3	7	4	5	6	5		3		3	5		5	
4	7	5	6	6	3	7	5	5	6	5		3		3	5		5	
4		5	6	7	3	7	5	5	6	6		3		3	6		5	
4		5	5	7	3	6	5	5	6	7		3		3	5		5	
4	7	5	6	7	3	7	4	5	6	6		3		3	5		5	
4	4	5	6		2	5	5	5		5		3		5	5			
4	5	6	6		2		5	5		5		3		5	5			
4	4	6	6		2		5	5		5		3		5	6			
4	4	6	6		2		5	5		5		3		5	5			
3	3	6	6		2		4	5		5		3		3	6			
3		5	5		2		5	5		4		4		3	3			
3		6	6		2	4	2	4	2			3		3	4			
3		6	6		2	4	2	4	2			3		2	4			
4	4	7	7		1		5	6		7		3		3	7			171
5		5	7		2		5	6		5		3		3	6		7	162
3	4	7	7		2		5	5		7		3		2	6		6	1501
3		6	7		2	6	4	5	5	5		3		2	5		5	1505
4	5	5	6		2	7	5	5		6		3		3	5		6	1528
3	4	5	5		2	7	4	5	7	6		2	7	2	5		6	1547
3	5	5	5		1	6	5	5	7	5		2		3	5		6	46
4		6	6		1	6	4	5		5		2		3	5			55

А. П. КАЖДАН

ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ХРОНОГРАФИИ X в.*

**1. О СОСТАВЕ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ
„ХРОНИКИ ПРОДОЛЖАТЕЛЯ ФЕОФАНА“**

Под условным названием «Хроника Продолжателя Феофана» известно историческое сочинение, сохранившееся в единственной рукописи XI в. (Vatic. 167)¹. Ватиканская рукопись была скопирована в XVI в., и издание Комбефиса осуществлено именно по этой поздней копии (Barber. 232)². Издание Комбефиса, перепечатывавшееся несколько раз³, обладало существенными недочетами, которые объясняются как тем, что он работал по поздней копии, так и особенно тем, что он, слишком свободно относясь к издаваемому тексту, допустил ряд излишних конъектур и интерполяций (наряду с некоторыми бесспорными поправками)⁴. Ряд исследователей, работавших как над рукописью хроники, так и над изданным ее текстом, предложил значительное число эмендаций⁵, впрочем, не затрагивающих существа изложения Продолжателя Феофана. Американский филолог Г. Никлс уже в 1937 г. объявил, что он предполагает дать новое издание этой хроники⁶, — однако, насколько нам известно, эта задача так и осталась невыполненной; сравнительно недавно к подготовке нового (критического) издания хроники Продолжателя Феофана приступил польский ученый О. Юревич.

Хроника Продолжателя Феофана охватывает период от 813 до 961 г. и, согласно надписанию и предисловию, является продолжением хроники Феофана Сигрианского⁷. Комбефис разделил ее на шесть книг, однако

* Продолжение см. в следующем томе ВВ.

¹ J. Mercati et P. Franchi de' Cavalieri. *Codices Vaticani Graeci*, vol. I. Vat., 1923, p. 191 (нам недоступно). См. H. G. Nickles. *The Continuatio Theophanis*. «Transactions and Proceedings of the American Philological Association», vol. 68, 1937, p. 24, n. 22.

² Другая поздняя копия Vatic. 167, охватывающая лишь V книгу нашей хроники, принадлежала некогда Христиане Шведской, а затем перешла Ватиканской библиотеке (H. G. Nickles. *Op. cit.*, p. 225 f.).

³ Мы пользовались изданием *Theophanes Continuatus*, rec. Imm. Becker. Bonnæ, 1832 (далее — ThC).

⁴ См. критические замечания: C. de Boor. *Weiteres zur Chronik des Skylitzes*. BZ, Bd. 14, 1905, S. 440 f. Cp. idem. in: «Sitzungsberichte der preuß. Akad. der. Wiss. zu Berlin. Philos.-hist. Cl.», Bd. 51, 1899, S. 928 f.

⁵ См., помимо указанных выше работ: C. de Boor. *Ein falscher Bischof*. BZ, Bd. 13, 1904, S. 433; М. Крашенинников. *Varia*. ЖМНП, т. 45, 1913, май, стр. 187 сл.; Gy. Moravcsik. Рецензия на кн. Г. Сойтера. BZ, Bd. 29, 1929—1930, S. 287 f.; K. Kumaniéski. *Notes critiques sur le text de Théophane Continué*. Byz., vol. 7, 1932, p. 235 sq. Конъектуры К. Куманьецкого основаны на сопоставлении с хрониками Логофета, Кедрина и Зонары.

⁶ H. G. Nickles. *Op. cit.*, p. 227.

⁷ До сих пор единственной работой, дающей детальный анализ хроники Продолжателя Феофана, остается книга Ф. Гирша (F. Hirsch. *Byzantinische Studien*.

в действительности деление на βιβλία или λόγοι присуще лишь первой части хроники; в дальнейшем же формального разделения на книги в рукописи нет — лишь простая черта отделяет каждый раз рассказ о правлении нового императора⁸.

Хроника распадается на четыре части: первая из них включает четыре книги и завершается известием о смерти Михаила III (867 г.); вторая часть соответствует V книге по делению Комбефиса и посвящена истории Василия I; третья часть охватывает время до начала самостоятельного правления Константина VII и является одним из вариантов хроники Логофета (в ее второй и третьей части); наконец, завершается хроника историей Константина VII и Романа II. Уже самое надписание хроники: ἀρχομένη ὅπου ἔληξε Θεοφάνης [...] τῷ βασιλεῖ Μιχαὴλ υἱοῦ (sic!) Θεοφίλου τοῦ κουροπαλάτου, ἡγούν ἀπὸ τῆς βασιλείας Λέοντος τοῦ Ἀρμενίου (ThC, p. 3.7—10), несмотря на лагуну, позволяет предположить, что первоначально хроника охватывала период от начала царствования Льва V Армянина (813—820) до смерти Михаила III; соответствующие разделы уже Ф. Гирш выделил как первую часть хроники. Это предположение подтверждается тем фактом, что вторая часть хроники (история Василия I) имеет особое надписание: Ἱστορικὴ διήγησις τοῦ βίου καὶ τῶν πράξεων Βασιλείου τοῦ αἰοιδίμου βασιλέως⁹. К тому же, как уже было сказано, только первая часть хроники разделялась в рукописи на книги.

Надписание и предисловие к первой части хроники Продолжателя Феофана показывают, что эта хроника была написана при Константине VII, возможно, даже по его повелению (ἐκ προτάγματος). Автор посвящает свой труд императору и прибавляет, что император сам писал эту хронику, пользуясь только рукой хрониста (ThC, p. 4.15—16). В какой степени мы можем доверять этому замечанию, сказать трудно: оно вполне могло быть объяснено лестью автора. Ф. Гирш, однако, полагает, что Константин VII принимал активное участие в составлении хроники: в доказательство он приводит фразу автора, который замечает, что он дни и ночи проводит в заботах о Крите¹⁰. Такая фраза, необычная в устах хрониста, действительно могла принадлежать Константину VII, готовившему поход на Крит.

Эта фраза могла быть написана — даже если она не принадлежала Константину VII — лишь до 961 г., когда полководец Романа II Никифор Фока Младший взял Крит. Более естественным, однако, было бы считать, что хроника была завершена еще до смерти Константина VII, т. е. не позднее 959 г., и связывать эти слова с подготовкой экспедиции Гонгилы на Крит в 949 г.¹¹ Дж. Бьюри, отметив тот факт, что хроника не содержит намеков на события, имевшие место позднее 949 г., предположительно отнес ее составление ко времени до 950 г. Он, впрочем, справедливо отметил, что у нас нет возможности определить какой-либо формальный terminus ante quem¹².

Leipzig, 1876). См. также краткие характеристики хроники: К. Кrumpholtz. Geschichte der byzantinischen Literatur. München. 1897, S. 347f. (русский перевод: В. Н. Бенешевич. Очерки по истории Византии, т. III, СПб., 1913, стр. 95 сл.); G. Ostrogorsky, in: RE, 2. R., Hlbbd. 10, 1934, Sp. 2131 f.; Gy. Moravcsik Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 540 f.

⁸ H. G. Nickles. Op. cit., p. 222.

⁹ ThC, p. 211. 12—14. Cp. F. Hirsch. Op. cit., S. 225.

¹⁰ ThC, p. 81. 14—15. Cp. F. Hirsch. Op. cit., S. 179 f.

¹¹ F. Hirsch. Op. cit., S. 180; J. B. Bury, The Treatise De administrando imperio. BZ, Bd. 15, 1906, p. 571.

¹² J. B. Bury. Op. cit., p. 572.

Итак, хроника Продолжателя Феофана была завершена около 950 г. или во всяком случае в период самостоятельного правления Константина VII (945—959).

Ф. Гирш выдвинул предположение, что первая часть хроники Продолжателя Феофана была пересмотрена позднее, при Никифоре Фоке (963—969). Он считал, что имя этого императора упоминается в тексте первой книги, а именно там, где рассказывается о смерти патриарха Игнатия (877 г.) и приводится этимология названия монастыря Сатир, иначе Анателлонта¹³. Хотя это место действительно можно рассматривать как вставку, все же предположение Ф. Гирша следует признать недостаточно обоснованным: император Никифор, о котором здесь идет речь, скорее всего, не Никифор II Фока, а Никифор I Логофет (802—811)¹⁴.

Итак, хроника Продолжателя Феофана, строго говоря, представляла собой произведение в четырех книгах, охватывающее историю 813—867 гг. Она была составлена в придворных кругах при Константине VII. Эти четыре книги были единым произведением: недаром автор кое-где ссылается на предыдущую книгу (см., например, ThC, p. 174.16).

Продолжатель Феофана пользовался различными источниками, которые он в некоторых случаях упоминает: ему, например, известны надписи, сделанные на стенах при Феофиле (829—842) (ThC, p. 95.1—2); рассказывая о сицилийских событиях (о бегстве турмарха Евфимия в Африку и вторжении в Сицилию арабов в 827 г.), Продолжатель Феофана отмечает, что источником ему послужило сочинение некоего Феогноста, автора книги об орфографии¹⁵. Менее определенна другая ссылка: говоря о перевороте Льва Армянина, хронист ссылается на письменные источники вообще (ThC, p. 15.17).

В некоторых случаях, хотя источник и не назван, мы тем не менее можем о нем догадываться; так, можно предполагать, что пространный рассказ Продолжателя Феофана о падении Амория заимствован из «Жития 42 аморийских мучеников», ибо оба повествования содержат значительное число текстуальных совпадений. Детальный анализ этого жития, сделанный В. Г. Васильевским, позволил установить, что Продолжатель Феофана пользовался двумя редакциями этого жития: как более ранней, составленной, скорее всего, Софронием Кипрским, так и более поздней, возникшей, по всей вероятности, при Василии I, автором которой был монах Еводий¹⁶. В. Г. Васильевский даже предположил, что у Продолжателя Феофана в соответствующем месте (ThC, p. 132.13) содержится «ссылка на какое-то списание», т. е. на «Житие 42 аморийских мучеников», однако это предположение убедительно оспаривает П. Ни-

¹³ ThC, p. 21.6. Cp. F. Hirsch. Op. cit., S. 178. Об этимологиях у Продолжателя Феофана см. A. Diller. Excerpts from Strabo and Stephanus in Byzantine Chronicles. «Transactions and Proceedings of the American Philological Association», vol. 81, 1950, p. 252.

¹⁴ E. W. Brooks. On the date of the first four books of the Continuator of Theophanes. BZ, Bd. 10, 1901, p. 416 f.

¹⁵ ThC, p. 82.17—19. Сочинение Феогноста об орфографии, посвященное императору Льву, сохранилось. Ф. Гирш ошибочно считал Феогноста современником Льва VI (F. Hirsch. Op. cit., S. 196 f.), тогда как хронист говорит о нем как о современнике вторжения арабов в Сицилию; следовательно, его сочинение по орфографии было посвящено Льву V Армянину. См. K. Krumpholtz. Geschichte... S. 586; A. A. Васильев. Византия и арабы, т. I. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900, стр. 57, прим. 1.

¹⁶ В. Г. Васильевский и П. Никитин. Сказания о 42 аморийских мучениках. «Зап. АН, VIII сер. Ист.-филол. отд.», т. VII, 1905, № 2, стр. 109.

китин¹⁷. Во всяком случае Продолжатель Феофана, как показал П. Никитин, пользовался оригинальными текстами жития, а не метафрастовой переработкой его, возникшей в конце X в.¹⁸

Остановимся в этой связи на одном частном вопросе — на вопросе о соотношении первой части хроники Продолжателя Феофана с хроникой Георгия Монаха и ее продолжением — хроникой Симеона Логофета. По-видимому, соответствующие разделы первоначального текста первой редакции хроники Симеона Логофета возникли независимо от хроники Продолжателя Феофана: оба эти памятника отличаются друг от друга как самим содержанием, так и подходом к историческому материалу.

Однако вторая и третья редакции хроники Симеона Логофета содержат иногда общие с хроникой Продолжателя Феофана места. Таков, прежде всего, рассказ об иконоборческом патриархе Иоанне (Яннисе) и православном патриархе Мефодии, который мы находим и в хронике Продолжателя Феофана (ThC, p. 149 sq.), и в третьей редакции хроники Логофета (ThC, p. 647 sq.). В несколько отличном (сокращенном) виде этот рассказ содержится и во второй редакции хроники Логофета.

Поскольку этот рассказ отсутствует в первой редакции, мы вправе предположить, что во второй и третьей редакциях он был заимствован из какого-то источника. Однако этим источником вряд ли могла быть хроника Продолжателя Феофана, ибо в последней мы находим некоторые дополнительные детали (разъяснения), отсутствующие в третьей редакции хроники Логофета. Псевдо-Симеон, например, только упоминает друнгарию виглы Константина (ThC, p. 647.20), тогда как Продолжатель Феофана (ThC, p. 150.10—12) поясняет, что Константин был сыном логофета дрома патрикия Фомы.

Таким образом, можно предполагать, что третья редакция хроники Логофета заимствует этот рассказ о патриархах не из хроники Продолжателя Феофана, но из третьего источника, общего для обеих хроник.

По-видимому, из общего источника заимствован и рассказ о монастыре Сатир и строителе дворца Вриант при императоре Феофиле. Эта вставка помещена Псевдо-Симеоном в книге, посвященной императору Василию I (ThC, p. 690.14 sq.), тогда как Продолжатель Феофана излагает этот эпизод явно не на месте (в книге о Льве Армянине), в результате чего ему приходится забежать вперед, упоминая патриарха Игнатия (ThC, p. 20.17—19) и императора Феофила (ThC, p. 21.4).

Кроме общедоступных письменных памятников, автор первой части нашей хроники имел возможность пользоваться материалами, собранными Константином Багрянородным и использованными также в сочинениях самого Константина¹⁹. Наконец, Продолжатель Феофана использовал и устную традицию, в том числе и совершенно недостоверную: особенно часто обращается он к слухам и маловероятным историям в книге о царствовании Михаила III²⁰.

Доверчиво повторяя недостоверные анекдоты, автор первой части хроники Продолжателя Феофана следовал обычным традициям византий-

¹⁷ Там же, стр. 102 и особенно прим. 1.

¹⁸ Там же, стр. 279.

¹⁹ J. В. Вигу. *Op. cit.*, p. 570 f. Дж. Бьюри полемизирует здесь с Ф. Гиршем, считавшим, что Продолжатель Феофана попросту пользовался книгой «Об управлении империей».

²⁰ F. Hirsch. *Op. cit.*, S. 218 f. А. Васильев («Византия и арабы...», т. I, стр. 48, прим. 2) обратил внимание на сходство в описании вторжения арабов на Крит в 825 г. у Продолжателя Феофана и арабского писателя ал-Хумаиди. Не лежит ли в основе обоих рассказов общий источник?

ского летописания своего времени. Однако наряду с этим мы встречаем в его хронике попытки — пусть очень робкие — исторической критики, которой были, как правило, чужды его современники. Эти попытки исторической критики заключаются в сопоставлении различных версий одного и того же события; однако разрешить противоречия этих версий хронист оказывается не в состоянии.

Отметим некоторые случаи, когда Продолжатель Феофана передает разноречивые версии одного и того же события. Рассказав о поражении византийцев в сражении при Версиникии 22 июня 813 г., Продолжатель Феофана называет виновником поражения Льва Армянина, который бежал с поля битвы в Константинополь, чтобы захватить императорскую корону (ThC, p. 15.6). После этого хронист продолжает: «Некоторые пишут (ἡρῶν ἐγγράφως παραδεδώκασι), что битва происходила таким образом. Но есть и такие, кто приписывает Льву спасение войска и [организацию] упорного сопротивления, [говоря], что царские тагмы, а вовсе не отряды Льва, струсили и предали собственный строй»²¹. Далее Продолжатель Феофана отмечает, что существуют две версии (διττός λόγος — ThC, p. 50.3—4) рассказа о Фоме Славянине, а так как со времени этих событий прошло уже много лет, то истину теперь нельзя установить; поэтому приходится излагать обе версии. Рассказывая о гибели полководца Феофоба, он также указывает на наличие двух противоречивых версий (ThC, p. 136.18—20).

Такие же робкие попытки критического отношения к преданию мы могли бы наблюдать и у другого византийского писателя X в. Феодора Дафнопата²². Дафнопат отмечает, что «древние» по-разному повествуют об Иоанне Предтече; но тут же, испугавшись собственной дерзости, он спешит добавить, что все эти отклонения незначительны и не уводят авторов далеко от истины, ибо все они придерживались единой веры²³.

Исторические приемы Продолжателя Феофана, таким образом, до известной степени отличаются от механического склеивания разнородных источников, которое мы наблюдаем в хронике Симеона Логофета. Продолжатель Феофана стремится разделить различные версии и тем самым избежать противоречий.

Другое чрезвычайно важное обстоятельство, характеризующее исторические приемы Продолжателя Феофана, это его стремление вскрыть причину (αἰτία) явлений. «Только это, — пишет хронист, — сказал бы я, является истинно поучительным для политических дел. . . Не знаю, принесло бы читателям пользу историческое сочинение, не вскрывающее причин» (ThC, p. 21.19—22.2). «Историческая плоть, — говорит он в другом месте, — бессодержательна и пуста, если она лишена причинности событий» (ThC, p. 167.18—19).

Таким образом, Продолжатель Феофана не смотрит на исторические события как на хаотический поток, но стремится выяснить причину того или иного события, того или иного явления. Разумеется, в большинстве

²¹ ThC, p. 15.16—21. Анализ известий о битве при Версиникии см. В. Н. З л а т а р с к и. История на Българияската държава през средните векове, т. I, ч. I. София, 1918, стр. 268 сл.; Щ. А т а н а с о в и др. Българското военно изкуство през феодализма. [София], 1958, стр. 175 сл.

²² См. о нем. Н. Г. В е с к. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 552 f. Станным образом Г. Г. Бекк утверждает, что Дафнопат «занимал сперва должность магистра (das Amt des Magistros), затем стал протасикритом и патрикием». Магистр в X в. — не должность, а титул, к тому же более высокий, чем патрикий. См. В. В. Л а т ы ш е в. Две речи Феодора Дафнопата. ППС, т. IX, 1910, стр. II сл.

²³ В. В. Л а т ы ш е в. Указ. соч., стр. 25.16—19.

случаев он делает это очень примитивно: по его мнению, роль такой причины могут сыграть какие-нибудь предсказания, которые поднимают дух одного человека и приводят другого в смятение (ThC, p. 22 sq.); Продолжатель Феофана допускает и вмешательство божественной воли в ход исторических событий ²⁴.

Однако в некоторых случаях он приходит к гораздо более глубокому пониманию причинности. Особенно интересно истолкование Продолжателем Феофана причин арабской экспансии. Нападение испанских арабов на Крит в 825 г. объясняется, по его словам, бедностью страны, в которой они жили, и ростом населения: их понуждала многочисленность жителей и нехватка продуктов (ThC, p. 74. 5—6).

Эта трактовка арабской экспансии у Продолжателя Феофана коренным образом отличается от традиционного объяснения византийских хронистов и агиографов, видевших в арабах бич божий, карающий за грехи ²⁵. Сходно с Продолжателем Феофана, однако, гораздо примитивнее трактовал причины арабской экспансии и Генесий, который писал, что арабы «негодовали на свою страну за то, что она не была изобильной и плодородной» ²⁶.

Таким образом, индивидуальность автора проступает в хронике Продолжателя Феофана гораздо более отчетливо, нежели в хронике Симеона Логофета. Вместе с тем и политические тенденции автора выступают в ней весьма отчетливо. Автор, вышедший из придворных кругов, близких к Константину VII, хроники стремился прежде всего прославить Македонскую династию: с этой целью Продолжатель Феофана старался представить в возможно более невыгодном свете императоров — предшественников Василия I ²⁷. Все четыре книги Продолжателя Феофана должны были предшествовать истории императора Василия I, о котором уже упоминает хроника (ThC, p. 83.15; 174.11).

В хронике Продолжателя Феофана мы находим не только тенденцию к прославлению Македонской династии, но и определенную концепцию императорской власти. Автор, например, с сочувствием подчеркивал, что у персов был закон, по которому царем мог стать лишь человек царской крови (ThC, p. 110.11—12). Поддержанный Продолжателем Феофана принцип легитимной императорской власти получил развитие в кругах, близких к Константину VII. В то же время Продолжатель Феофана осуждал жестокость императоров и хотел видеть в них поборников справедливости и защитников гражданских законов ²⁸.

²⁴ ThC, p. 33. 13; 40.9—10. Вопрос о роли божества в исторических судьбах людей по-разному трактовался византийскими писателями XI—XII вв.: мы встречаем наряду с ортодоксальной точкой зрения, представленной Атталиатом и Никитой Хониатом, и элементы скептического отношения (особенно у Пселла) к тезису, будто каждое земное событие определяется божественной волей. Этот вопрос заслуживает специального рассмотрения.

²⁵ Георгий Амартол. Хронограф, изд. Э. Г. фон-Муральт. СПб., 1859, стр. 699.17—20. Эта точка зрения последовательно проводится в «Житии 42 аморийских мучеников», известном, как мы видели, Продолжателю Феофана.

²⁶ Genesius, rec. C. Lachmann. Bonnæ, 1834, p. 46.5.

²⁷ F. Hirsch. Op. cit., S. 224.

²⁸ ThC, p. 85.1—2. Тенденция к ограничению византийского деспотизма намечена в произведениях ряда византийских публицистов конца IX—X в., начиная от Фотия (см. А. П. Каждан. Социальные и политические взгляды Фотия. «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. 2, 1958, стр. 127 сл.) и Николая Мистика (см. J. G a y. Le patriarche Nicolas Mystique et son rôle politique. «Mélanges Ch. Diehl», vol. I. Paris, 1930, p. 91 sq.) Эта тенденция еще более отчетливо обнаруживает себя в византийской хронографии XI—XII вв., особенно у Михаила Пселла и Никиты Хониата.

Некоторые, правда, очень скудные данные хроники Продолжателя Феофана позволяют нам поставить вопрос об отношении ее автора к различным классам византийского общества. Особенно важен следующий эпизод.

Однажды, будучи за городом, император Феофил увидел подошедший к берегу большой корабль. Он сразу же обратился к морякам, спросив, кому принадлежит этот корабль и что он привез съестного. Ему ответили, что корабль принадлежит его жене, августе Феодоре. Тогда император приказал кораблю идти к Влахернам и там пристать к берегу.

Некоторое время спустя Феофил вместе со свитой явился на корабль и, став на корме, обратился к сопровождавшим его членам синклита, спрашивая, не испытывает ли кто-нибудь из них нужды в съестных припасах: в хлебе, вине или в чем-либо еще, что потребляется в доме. Синклитики дружно отвечали, что под властью такого государя они не испытывают нужды в продуктах.

Выслушав это, император сказал: «Меня, бывшего от бога императором, супруга-августа превратила в корабельщика (*ναύκληρος*)». «Кто видел, — продолжал он с горечью, — чтобы император ромеев или его жена были торговцами (*ἐμπόρος*)?». И он приказал сжечь этот корабль, а императрицу бранил (ThC, p. 88 sq.).

Продолжатель Феофана излагает этот эпизод очень подробно. Его сочувствие принадлежит императору Феофилу, вместе с которым он считает немислимым не только для императора, но и для синклитиков заниматься торговлей.

Эта же аристократическая гордость определяет и отрицательное отношение Продолжателя Феофана к императору Михаилу II (ThC, p. 42 sq.), который, прежде чем достиг власти, вел бедственное существование, «пребывая в грубости и необразованности». Аристократическая гордость Продолжателя Феофана проявляется и в его стремлении изобразить Михаила III, которого он особенно не любил, человеком вульгарным, вступившим в связь с женщиной из народа²⁹ и проводившим время среди колесничих и любителей ристаний (ThC, p. 172 sq.; 198 sq.).

В то же время Продолжатель Феофана отрицательно относится к верхушке столичной бюрократии. Он заставляет императрицу Феодору заявить, что сторонниками иконоборческой ереси были синклитики и высшие должностные лица (*οἱ ἐν τέλει*), равно как и митрополиты из окружения Яниса (ThC, p. 149.19—22). Естественно, что особую ненависть у приверженца Константина VII вызывают временщики, подобные Варде, который, по-видимому, напоминал ему Романа Лакапина. Варда изображен Продолжателем Феофана в самых черных тонах: охваченный жаждой императорской власти, он совершает предательское убийство Феоктиста (ThC, p. 168 sq.); он отправляет в монастырь Феодору с дочерьми (ThC, p. 174. 5—7); он незаконно прогоняет свою жену и вступает в связь с племянницей (ThC, p. 193.14—15). Для осмеяния Варды Продолжатель Феофана находит иной раз удачные сравнения: Варда, говорит он, например, менял почетные титулы, «как молодой щеголь и честолюбец — пеструю одежду для наслаждений» (ThC, p. 184.14—15).

В этом отношении Продолжатель Феофана расходится с хроникой Логофета, которая осуждает противника Варды — Феоктиста. Логофет рассказывает, что после битвы у Мавропоса (Мавропотама) в 844 г., где

²⁹ ThC, p. 199 sq. См. об этом эпизоде: H. Grégoire. *Études sur l'épopée byzantine*. «Revue des études grecques», vol. 46, 1933, p. 46 sq. На наш взгляд, А. Грегар не учитывает тенденциозности передаваемого хронистом анекдота.

войска Феокиста потерпели поражение, он свалил всю вину на Варду³⁰; надменность Феокиста была ненавистна многим и вынуждала ромеев иной раз искать спасения у арабов³¹; ненависть к Феокисту была настолько велика, что он должен был выстроить во дворце железные двери для собственной безопасности³².

Любимые герои Продолжателя Феофана — полководцы. В IV книге он подробно и с явной симпатией останавливается на описании победы Петроны над арабами (ThC, p. 181 sq. Ср. ThC, p. 167.6—7). Особенно много внимания он уделяет полководцу Феофила Мануилу. Он рассказывает в III книге о мужестве Мануила, который спас императора, окруженного врагами (ThC, p. 116 sq.); о заговоре против Мануила, который был вынужден бежать к арабам (ThC, p. 118); о подвигах, совершенных им у арабов и возвращении на родину (ThC, p. 119 sq.). Наконец, в IV книге Продолжатель Феофана рассказывает о подвиге Мануила, спасшего от плена императора Михаила III (ThC, p. 178 sq.). В III книге хронист останавливается, кроме того, на истории знатного перса Феофоба, бывшего полководцем императора Феофила³³.

Благожелательно относится Продолжатель Феофана и к монахам, подобным патриарху Мефодию или патриарху Игнатию.

Таким образом, у нас есть известные основания предполагать, что Продолжатель Феофана, выступавший против торговли и в то же время против столичной аристократии, человек, близкий к Константину VII и прославлявший военных командиров, был выразителем интересов провинциальной феодальной знати. С этим связана и его концепция императорской власти: с одной стороны, императорская власть должна быть ограничена и император превращен в стража гражданских законов, с другой — императорская власть должна стать наследственной, должна, иначе говоря, принадлежать одному из знатных византийских родов.

Пятая книга хроники Продолжателя Феофана (если пользоваться этим названием в широком смысле) — это самостоятельное произведение («Житие Василия»), написанное либо самим Константином VII, либо каким-то его помощником, работавшим под непосредственным наблюдением императора³⁴.

«Житие Василия» — это светская биография, написанная, с одной стороны, по позднеантичным образцам³⁵, с другой — по образцам византийской житийной литературы³⁶. Для датировки «Жития Василия» первостепенное значение имеет рассказ о бесплодной осаде императором Василием I арабского города Адаты: в это время один из местных жителей

³⁰ Георгий Амартол. Хронограф, стр. 722.12—13.

³¹ Там же, стр. 722. 6—7.

³² Там же, стр. 722. 18—20.

³³ ThC, p. 110 sq. См. об этом также: H. Grégoire. Manuel et Theophobe. Byz., vol. 9, 1934, p. 201 sq.

³⁴ H. G. Nickles. Op. cit., p. 224.

³⁵ Р. Дженкинз пришел к выводу, что автор «Жития Василия» широко пользовался биографиями Плутарха (R. J. H. Jenkins. Constantine VII' portrait of Michael III. Acad. de Belgique. Bull. de la cl. des lettres», 5e sér., t. 34, 1948, p. 72). П. Аликсандер показал, что в «Житии Василия» использована риторическая схема так называемого βασιλικός λόγος, описанная Менаандром Ритором, — хотя и с известными отклонениями (P. J. Alexander. Secular biography at Byzantium. «Speculum», vol. 15, 1940, p. 198 f.). По-видимому, те «жития» (βίαι) полководцев и императоров, о которых говорит наша хроника (ThC, p. 314.12—13), были античными произведениями, а не памятниками византийской литературы.

³⁶ «Житие Василия» обнаруживает текстуальную близость к агиографическим памятникам IX в., особенно к «Житию Игнатия». См. P. J. Alexander. Op. cit., p. 201 f. Промежуточным звеном между агиографией и «Житием Василия» П. Аликсандер (ibid., p. 204 f.) считает энкомий Льва VI в честь Василия I.

предсказал, что город будет взят потомком Василия по имени Константин (ThC, p. 281.17—19). «Это и совершил в наше время Константин Багрянородный, сын мудрейшего Льва и внук Василия» (ThC, p. 282.15—17).

Адата (арабское наименование: al-Hadat)³⁷ была взята Львом, сыном Варды Фоки, полководцем Константина VII, в 947—948 г.³⁸ Следовательно, «Житие Василия» было написано после 948 г.³⁹

С этим хорошо совпадает и наблюдение Дж. Бьюри, который пришел к выводу, что события в Южной Италии были описаны параллельно в книге Константина VII «Об управлении империей» и в «Житии Василия» (а частично и в книге «О фемах»); при этом Дж. Бьюри предположил, что соответствующие главы книги «Об управлении империей» (написанные около 948—949 г.) были составлены раньше, чем «Житие Василия»; следовательно, для «Жития Василия» terminus post quem — это 949—950 г.⁴⁰ Все это делает вероятным его предположение, что «Житие Василия» писалось примерно в одно и то же время с первыми четырьмя книгами хроники Продолжателя Феофана⁴¹.

«Житие Василия» представляет собою тенденциозный памятник, прославляющий деятельность императора Василия I. Тем самым он резко отличается от того жизнеописания Василия, которое легло в основу первой части хроники Логофета⁴².

Уже во введении автор указывает, что он рассматривает своего героя как образец добродетели, достойный подражания (ThC, p. 212.12—13). Жизнь Василия представляется ему подобной лучшим образцам славного прошлого (ThC, p. 315.10—11). Фракийского крестьянина, выросшего в болгарском плену, житие превращает в потомка парфянских царей (ThC, p. 212.20); его мать, по словам панегириста, происходила от потомков Константина Великого и Александра Македонского (ThC, p. 216.2—4); божественная воля возвела его на престол (ThC, p. 257.14—15) и пр.

В этом прославлении Василия любопытен один момент: подобно Продолжателю Феофана, и автор «Жития Василия» не склонен примириться с незнатным происхождением императора. Знатность, родовитость становится в X в. одним из важнейших качеств, составляющих добродетель (*ἀρετή*): основатель Македонской династии не может быть простым крестьянином, даже если он на самом деле был им.

Легенда о происхождении Василия I от парфянских (армянских) царей возникла еще в конце IX в. Антифотианский памфлет, использованный затем при составлении хроники Псевдо-Симеона, рассматривает эту генеалогию Василия как выдумку (*πλάσμα*), пущенную патриархом Фотием в корыстных интересах (ThC, p. 689.6). То же самое подтверждает и Никита Пафлагон, автор «Жития патриарха Игнатия» (PG, t. 105, col. 565.D—568.A). Эта легенда развита и детализирована в «Житии Василия»⁴³.

³⁷ E. Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1935, S. 86 f.

³⁸ А. А. Васильев. Византия и арабы, т. II. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902. Приложение, стр. 65. А. А. Васильев. Byzance et les arabes, vol. II. Bruxelles, 1950, p. 95. Скилица утверждает, что Адата (*'Aḍala*) была взята domestиком Вардой (Sedgenus, vol. II. Bonn, 1839, p. 336.1—3). Ср. А. А. Васильев. Византия и арабы..., т. II, стр. 268.

³⁹ J. B. Burg. Op. cit., p. 551.

⁴⁰ Ibid., p. 549 f.

⁴¹ Ibid., p. 571 f.

⁴² См. А. П. Каждан. Хроника Симеона Логофета. ВВ, XV, 1959, стр. 139.

⁴³ Сыном незнатных родителей называет Василия I и хронист XII в. Зонара (Ioannis Zonarae Epitome historiarum, ed. L. Dindorf, vol. IV. Lipsiae, 1871, p. 17.21).

Прославляя Василия I, Константин, с другой стороны, всячески стремится очернить его предшественника — Михаила III⁴⁴. Как показал Р. Дженкинз⁴⁵, образ Михаила составлен из черт, заимствованных из плутарховой биографии Антония и, по-видимому, из другой биографии Плутарха — из не дошедшего до нас «Нерона»: упоминание Нерона, несомненно, не случайное, имеется в «Житии Василия» (ThC, p. 250.17).

Общая характеристика, которую дает своему герою Константин Багрянородный, очень хорошо отражает то бурное время, когда было написано «Житие Василия», — время ожесточенной борьбы за землю, отразившейся, в частности, в новеллах императоров Македонской династии. В соответствии с требованиями момента Константин изображает своего деда защитником бедняков; он приписывает Василию постоянную заботу о благе подданных и о том, чтобы никто не совершал насилия (ThC, p. 315.12—13); говорит о его милости к беднякам и справедливости ко всем (ThC, p. 315.16—17). Программа социального мира изображается Константином как заповедь Василия I: бедняк не должен подвергаться насилию со стороны знати, но и сам он пусть не порицает богатых, не клеветает на них — динат, как брата, пусть обнимает убогого, а бедняк да прославит могущественного (τὸν ὑπερέχοντα) как спасителя и отца (ThC, p. 315.17—21. Ср. ThC, p. 344 sq.).

Политика Василия I, по словам Константина, оказалась успешной: «Слабые до сих пор члены бедняков укрепились, ибо он дал каждому возможность в безопасности обрабатывать свою пашню и возделывать виноградник, и никто не осмеливался отнять у бедняка отцовские оливы и смоковницы» (ThC, p. 258.17—20).

Таким образом, если верить Константину, Василию I удалось выполнить то, чего так бесплодно добивались современники царственного панегириста или, точнее говоря, о чем постоянно говорилось в императорских новеллах: решить аграрную проблему. Естественно, что читатель Константина должен был задуматься над тем, каким образом это удалось Василию: шел ли он тем же путем, что и правительство Романа Лакапина, или он нашел лучшие средства для решения этой проблемы. Константин Багрянородный следующим образом объясняет этот успех своего деда: Василий прежде всего приказал назначать на высшие должности «самых

⁴⁴ Именно на основании данных Продолжателя Феофана историография рисовала образ Михаила «Пьяницы». «В характеристике Михаила как человека, безнадежно испорченного и утратившего благородные качества души, не может быть двоякого мнения, все писатели порицают этого царя-пьяницу», — утверждал Ф. И. Успенский [«История Византийской империи», т. II, ч. I. Ленинград, 1927, стр. 345. А. А. Васильев (A. Vasiliev. The Russian attack on Constantinople in 860. Cambr., 1946, p. 153) писал о Ф. Успенском как о стороннике иной точки зрения, но приводимые им места говорят лишь о благоприятной оценке Ф. Успенским окружения Михаила III, но не его самого]. Однако с начала 30-х годов делаются попытки пересмотреть традиционную оценку Михаила III. См. Н. Grégoire. Michel III et Basile le Macédonien dans les inscriptions d'Ancyre. Byz., vol. 5, 1930, p. 344 sq.; i d e m. Études sur l'épopée byzantine, p. 36; i d e m. Études sur le neuvième siècle. Byz., vol. 8, 1933, p. 515, 534; i d e m. Du nouveau sur le patriarche Photius. Acad. de Belgique. Bull. des lettres, vol. 20, 1934, № 3, p. 39. В частности, изгомилый Фотия встает совершенно иной образ Михаила III — см. F. Dvornik. Lettre à M. Henri Grégoire a propos de Michel III et des mosaïques de Sainte-Sophie. Byz., vol. 10, 1935, p. 5 sq. Ср. также R. J. H. Jenkins, C. A. Mango. The date and significance of the Xth homily of Photius. DOP, vol. 9—10, 1956, p. 128 f. М. В. Левченко («А. Грегуар и его работы по византиноведению». ВВ, III, 1950, стр. 232), polemизуя с попыткой А. Грегуара переоценить роль Михаила III, все же признает, что историография Македонской династии стремилась сознательно очернить память этого императора».

⁴⁵ R. J. H. Jenkins. Constantine VII' portrait of Michael III, p. 73 f.

лучших людей» (τοὺς πάντων ἀρίστους); эти люди сохраняли «чистые руки», воздерживались от взяток и из всех добродетелей более всего ценили справедливость — они-то и не давали богатым притеснять бедняков (ThC, p. 257.21—258.5).

Далее Константин рассказывает о судебной реформе Василия, который облегчил крестьянам возможность лично искать справедливости в константинопольских судах и сам принимал активное участие в разборе крестьянских тяжб, защищая тех, кто пострадал от сборщиков податей (ὁπὸ τῶν εἰσπραττόντων τοὺς δημόσιους φόρους — ThC, p. 260.15—16); он приказал упорядочить податные списки, переписав их большими буквами, чтобы сами крестьяне могли их читать (ThC, p. 261.11—12). Константин не устает расхваливать податную политику Василия I, утверждая, что на всем протяжении счастливого правления этого императора все жители фем пользовались податными льготами и могли владеть без уплаты податей выморочными наделами соседей (ThC, p. 348.2—6). В то же время Константин порицает податных чиновников, которые стремятся к увеличению бремени налогов (ThC, p. 346.8—9).

Хотя, само собой разумеется, вся эта картина безмятежного счастья и полного благоденствия далеко не соответствовала реальной действительности, эти слова Константина все же представляют большой интерес, ибо они раскрывают, в чем писатель и император видел решение аграрного вопроса. При этом нельзя не заметить, что программа, отраженная в «Житии Василия», коренным образом отличается от той аграрной программы, которая вызвала к жизни законодательство Романа Лакапина. Если Роман Лакапин объявлял виновником тяжелого положения в деревне дината, своекорыстно захватывающего земли «убогого», то «Житие Василия» перекладывает ответственность на чиновничий аппарат, прежде всего на податных сборщиков. По мнению автора жития, разрешение аграрной проблемы может дать упорядочение сбора податей, организация справедливого суда, уничтожение взяточничества и пр. Короче говоря, он ищет причину зол не в деятельности феодалов, захватывающих крестьянские земли, но в деятельности чиновничества⁴⁶.

Резко неприязненное отношение Константина к чиновничеству проступает и в его нападках на евнухов (ThC, p. 318.8—10), игравших столь значительную роль в византийской бюрократической машине.

Подводя итоги, мы можем видеть, что автор «Жития Василия» (а это был, по всей вероятности, Константин VII Багрянородный), осуждавший чиновничество за взяточничество и вымогательство при сборе податей, нападавший на евнухов и в то же время защищавший принцип знатности, был выразителем интересов провинциальной феодальной знати.

Коль скоро «Житие Василия» оказывается чрезвычайно тенденциозным памятником, встает вопрос о достоверности его данных.

Есть круг фактов, сообщаемых Константином, относительно которого мы можем ожидать от царственного историка большой достоверности: мы имеем в виду сведения о самой императорской семье. Так, Константин —

⁴⁶ Аграрное законодательство X в. было в недавнее время предметом специального исследования (см. P. L e m e r l e. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue historique», vol. 219, 1958, p. 265 sq.). П. Лемерль полагал, что все византийские императоры от Романа Лакапина до Василия II осуществляли одинаковую аграрную политику и что динаты в новеллах X в. — не крупные земельные собственники, а чиновники. См. наши возражения: А. П. К а ж д а н. Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV—XI вв. ВВ, XVI, 1959, стр. 92 сл. Если принять точку зрения П. Лемерля, останется непонятным то враждебное отношение к податной политике Романа Лакапина, которое мы встречаем как в новеллах Константина VII, так и в нарративных памятниках, составленных в его царствование (там же, стр. 112).

единственный из всех греческих историков, сообщающий о дочерях Василия. В «Житии Василия» сказано, что у императора было дочерей столько же, сколько и сыновей (ThC, p. 264.17), т. е. четверо. В «Книге церемоний» он называет их имена: Анастасия, Анна, Елена и Мария⁴⁷. Это известие подтверждается еврейской хроникой Ахимааза из Ории (850—1054), где рассказывается о взрослой дочери Василия, которую в самом начале его правления вылечил от тяжелой болезни рабби Шефатья⁴⁸.

Другие известия Константина о семье императора подтверждаются византийскими хрониками. И Константин, и хроника Логофета рассказывают о размолвке, которая возникла между Василием и Львом в результате интриг Сантаварина⁴⁹.

Но в некоторых случаях хроника Логофета дает иные сведения о семье Василия, нежели Константин. Так, «Житие Василия» называет Константина сыном Василия и даже любимым его сыном (ThC, p. 345.4—5, 348.12—13), тогда как хроника Логофета считает его сыном Евдокии Ингерини от Михаила и, только «по мнению людей», сыном Василия. «Его, — добавляет впрочем хроника Логофета, — Василий горько оплакивал, так как весьма любил»⁵⁰.

Доверять в данном случае известию хроники Логофета нет никаких оснований. Прежде всего, сам Логофет подтверждает, что Василий горячо любил Константина. Константин был венчан на царство и принимал активное участие в руководстве военными действиями. Уже одно это заставляет нас усомниться в справедливости суждения хроники Логофета, высказанного так решительно.

Далее, можно заметить, что автор хроники Логофета (или его источник) был вообще плохо осведомлен о семейной жизни Василия. Так, о крещении Стефана, младшего сына Василия, он рассказывает прежде, чем о рождении его старшего брата Александра⁵¹. Это связано с тем, что автор жизнеописания Василия, положенного в основу пратекста хроники Логофета, не принадлежал к числу сторонников этого императора. К тому же, будучи противником его, он мог сознательно раздувать сплетни, связанные с Евдокией Ингерининой.

Константин Багрянородный был, бесспорно, хорошо осведомлен о семейной истории своего деда. Он, естественно, мог бы не упомянуть, что его старший дядя был сыном Михаила, как не упомянул он о том, что его бабка была любовницей этого императора (о Евдокии Ингерине он отзывается с похвалой, хотя и мимоходом — ThC, p. 235.5—8); но автор обладал достаточным тактом, чтобы не называть несколько раз сына Михаила III «возлюбленным сыном» своего деда. У нас нет оснований не доверять Константину в этом.

Однако далеко не обо всем Константин был так хорошо осведомлен, как о семейных делах своего деда. Отсутствие осведомленности прояв-

⁴⁷ Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae byzantinae, vol. I. Bonnae, 1829, p. 648.20—649.6.

⁴⁸ D. Kaufmann. Die Chronik des Achimaaz über die Kaiser Basilios I. und Leon VI. BZ, Bd. 6, 1897, S. 102.

⁴⁹ ThC, p. 348. 10 sq. Cp. Георгий Амартол. Хронограф, стр. 763. 3 сл.; ThC, p. 697. 3 sq.

⁵⁰ Георгий Амартол. Хронограф, стр. 761. 6—8; ThC, p. 693. 5.

⁵¹ ThC, p. 688. 12. Н. Адонц (N. Adontz. La portée historique de l'oraison funèbre de Basile I par son fils Léon VI le Sage. Byz., vol. 8, 1933, p. 505) был склонен принять точку зрения Логофета и считал Александра младшим из сыновей Василия; он, однако, не учел прямого известия «Псамафийской хроники» (P. Karlin-Hayter. Vita S. Euthymii. Byz., vol. 25—27, 1955—1957, p. 10. 20); G. T. Kolias. Βιογραφικά Στεφάνου Α' οἰκουμένου πατριάρχου. «Προσφορά εἰς Στ. Κυριακίδην». Θεσσαλονίκη, 1953, σελ. 362, ὑπομ. 18.

ляется прежде всего в раздвоении некоторых событий. Такова, например, судьба рассказа о мятеже патрикия Симбатия.

Армянин Симбатий, патрикий и логофет дрома, был, как рассказывает Константин, зятем кесаря Варды (ThC, p. 237.4). Он принимал участие в убийстве Варды⁵² и после этого получил пост стратига Фракийской фемы. Когда же Василий был провозглашен соправителем императора, Симбатий вместе с патрикием Пигани, занимавшим пост стратига Опсикия, поднял восстание и стал жечь поля константинопольской знати. Восставшие, говорит Константин, провозглашали императором Михаила (*εὐφροδυντες μὲν τὸν Μιχαὴλ ὡς βασιλέα*), а Василия всячески поносили. Мятеж Симбатия и Пигани был подавлен, сами они ослеплены, а Симбатий к тому же еще и лишен руки (ThC, p. 240 sq.). Здесь, следовательно, мятеж отнесен ко времени совместного правления Михаила III и Василия I (866—867).

В другом месте Константин снова рассказывает о восстании Симбатия. «Ибо благие дела, — начинает Константин свой рассказ, — всегда порождают зависть» (ThC, p. 263.3). И благие дела Василия, полагает он, вызвали восстание Симбатия и Георгия, которые заслуживали крайнего наказания, но по милости императора были только подвергнуты ослеплению (ThC, p. 263.16—18). В этом случае восстание Симбатия и Георгия Константин относит уже ко времени единовластия Василия I.

Вслед за ним и поздние хронисты поместили это восстание в начале правления Василия. Скилица говорит о «заговоре» Симбатия и Георгия уже после восстановления патриарха Игнатия и прямо датирует его первым годом правления Василия (Cedrenus, vol. II, p. 205.16). Вслед за Скилицей и Зонара относит восстание к началу правления Василия⁵³.

Однако на самом деле имело место лишь одно восстание Симбатия. Данные хроники Логофета позволяют прежде всего установить, что Пигани и Георгий в версии Константина — одно и то же лицо, ибо Логофет называет соратника Симбатия «стратилатом Георгием Пигани» (ThC, p. 833.13). Далее, Логофет ведет свой рассказ в соответствии с первой версией «Жития Василия» и относит восстание ко времени совместного правления Михаила и Василия. Особенно большое место Логофет уделяет победе Никифора Малейна над Симбатием⁵⁴.

Итак, рассказ о восстании Симбатия и Георгия Пигани в «Житии Василия» раздвоился, превратился в повествование о двух мятежах, оканчивающихся, впрочем, одинаково ослеплением их вождей.

В других случаях в «Житии Василия» два события сливаются в одно. Уже давно было отмечено недоразумение, которое имеется у Константина в рассказе об италийских событиях⁵⁵. Константин сообщает, что арабы в начале правления Василия осадили Дубровник, но, узнав о движении византийского флота на помощь Дубровнику, отплыли в Италию и заняли город Бари (ThC, p. 290.19—22). Аналогичный рассказ имеется и в книге «Об управлении империей»⁵⁶.

⁵² См. А. А. Васильев. Византия и арабы. . . , т. I, стр. 205.

⁵³ Zonaras Epitome, vol. IV, p. 24. 21.

⁵⁴ ThC, p. 833 sq. Псевдо-Симеон передает сокращенную версию (ThC, p. 680 sq.) А. Фохт, упоминая о мятеже Симбатия (A. Vogt. Basile Ier, empereur de Byzance. Paris, 1908, p. 40, 152 sq.), правильно относит его ко времени вслед за убийством Варды, однако не останавливается на противоречивой трактовке этого вопроса в «Житии Василия».

⁵⁵ F. Hirsch. Op. cit., S. 253 f.

⁵⁶ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, cap. 29. 88—102. См. J. B. Bury. Op. cit., p. 547. Дж. Бьюри указал также, что этот эпизод использован и в книге «О фемах»; он считал, что Константин трижды независимо переработал один документ: сперва он иало-

Однако западные хронисты датируют взятие Бари арабами не 868 г., как вытекает из «Жития Василия», но 841 г. Противоречие это объясняется тем, что в сочинениях Константина произошло слияние рассказов о двух различных походах арабов на Дубровник, оба эти похода отмечены в «Кэмбриджской хронике»: первый относится к 840 г., второй — к 867—868 гг.⁵⁷

В других случаях автор «Жития Василия» не соблюдает хронологической последовательности событий. Так, он рассказывает о походе Насара и Прокопия в Италию (ThC, р. 302—308) и лишь затем переходит к описанию осады и взятия арабами Сиракуз (ThC, р. 309 sq.). На самом же деле последовательность была обратной: Сиракузы пали 21 мая 878 г., тогда как экспедиция Насара и Прокопия относится к 879—880 гг.⁵⁸

Далее, Константин, рассказав о первом походе ромеев против павликиан (весна 868 г.), отмечает, что после недолгой осады Тефрики Василий двинулся против Самосаты и Мелитины (ThC, р. 267 sq.). Однако арабские хронисты ничего не знают об этом походе, но сообщают зато о взятии ромеями Самосаты и об осаде Мелитины под 873 г. Этот поход ромеев в Сирию произошел уже после окончательного разгрома Тефрики в 871—872 гг.⁵⁹

Константин откровенно признает, что его рассказ о войнах излагает события не в той последовательности, в какой они происходили, точное время каждого события ему было неизвестно, поэтому изложение он вел не в хронологическом порядке (ThC, р. 313.17—20). В другом месте он подробно объясняет причину этого: «Если о столь великих событиях мы рассказали коротко, просто, так сказать, бегло, не следует этому удивляться, ни порицать [нас] за это. Ведь, с одной стороны, рассказ как бы подражает быстроте этих событий и поэтому он так прост и бегл. . . С другой стороны, из-за того, что с тех пор прошло много времени и детали событий (τὰ κατ' ἐκαστά τῶν ἐργῶν) как бы помрачились из-за молчания промежуточного времени (διὰ τῆς μετὰξὺ σιγῆς), мы не можем ни знать, ни рассказать ни о характере боевого строя, ни об атаках, ни о развертывании и свертывании фаланг, ни о своевременности применения военных хитростей. Невозможно остановиться и на частностих, за счет которых [обычно] разрастается рассказ» (ThC, р. 279.14—280.2).

В этом замечании обращает на себя внимание утверждение Константина о том, что он не пользовался письменными источниками, что детали событий и их последовательность к его времени были забыты «из-за молчания промежуточного времени». Это обстоятельство и привело к тому, что мы уже могли наблюдать: хотя основные эпизоды истории Василия I не выдуманы Константином, все же последовательность событий произвольна, а из-за пороков устной традиции отдельные факты могли раздваиваться или, наоборот, два факта могли слиться в один.

жил его в сокращенном виде в книге «О фемах»; затем в «Житии Василия» придал рассказу литературную форму; версия книги «Об управлении империей» наиболее близка оригиналу (ibid., р. 550 f.).

⁵⁷ А. А. Васильев. Византия и арабы. . . , т. I. Приложение, стр. 82 сл. См. А. А. Васильев. Византия и арабы. . . , т. II, стр. 13; J. G a y. L'Italie méridionale et l'Empire byzantin. Paris., 1904, р. 92. Ж. Гэй пытается объяснить рассказ Константина тем, что пираты, напавшие на Дубровник в 867 г., опирались на поддержку в Бари. Имена арабских полководцев, приведенные Константином, относятся к разным походам: султан Муфарег ибн-Салем начальствовал во время второго похода, тогда как Кальфун и Саба действовали в 840—841 гг. (А. А. Васильев. Византия и арабы. . . , т. II, стр. 13, прим. 3; J. B. В и г у. Op. cit., р. 547, п. 3).

⁵⁸ А. А. Васильев. Византия и арабы. . . , т. II, стр. 65 сл., 75 сл.

⁵⁹ Там же, стр. 38 сл. и особенно стр. 42 сл.

Итак, мы можем видеть, что «Житие Василия» представляет собою памятник тенденциозный, отражающий интересы феодальной знати из окружения Константина VII; автор, по-видимому, опирался в основном на устную традицию⁶⁰, что приводило иногда к искажению событий или, правильнее сказать, к смешению фактов.

Третья часть хроники Продолжателя Феофана охватывает время правления Льва VI и Александра, малолетство Константина VII, царствование Романа Лакапина и первые годы самостоятельного правления Константина — до смерти и погребения низложенного Романа в 948 г. (ThC, р. 441.11—14). Эта часть хроники заканчивается там же, где заканчивается хроника Логофета, и текстуально чрезвычайно близка к ней, особенно ко второй ее редакции⁶¹.

Хроника Симеона Логофета, как мы старались показать⁶², возникла в аристократических кругах, близких к Роману Лакапину, т. е. в иной среде, нежели первые две части хроники Продолжателя Феофана. В дальнейшем она подверглась переработке в кругах феодальной знати, близких к дому Фок, результатом чего явилась вторая редакция. После этого она вновь подверглась переработке: в нее были внесены две группы вставок, имеющих у Продолжателя Феофана и отсутствующих во второй редакции хроники Логофета.

С одной стороны, это вставки, имеющие отношение к Роману Лакапину, которые Ф. Гирш характеризует как благоприятные для этого императора⁶³. Более осторожным, однако, было бы воздержаться от определения отношения автора вставок к Роману I: он говорит о благорасположении Романа к монахам⁶⁴, о сие, который Роман видел, уже будучи сосланным⁶⁵, но все эти вставки слишком неопределенны, чтобы из них делать какие-либо далеко идущие выводы. К тому же Гирш допускает прямую ошибку, утверждая, что рассказ о завещании Романа отсутствует в ватиканской рукописи Георгия: на самом деле он там имеется⁶⁶.

Более существенное значение имеет вторая группа вставок, автор которых передает ряд подробностей относительно двух знатных феодальных родов X в.: Аргиров и Куркуасов. При этом можно видеть, что автор благорасположен к этим родам, заинтересован в их судьбе.

Говоря об Аргирах, автор вставок называет их «прекрасным и добрым родом» (ThC, р. 368.22); Романа Аргира он считает мужем, отличавшимся телесной красотой, внешним обликом и разумом (ThC, р. 399.9); Пофа

⁶⁰ Дж. Бьюри полагал, что Константин Багрянородный еще до 945 г. приступил к собиранию материалов, которыми он не только сам пользовался в своих сочинениях, но и предоставлял своим сотрудникам (J. B. Bury. Op. cit., p. 576 f.). Однако эти материалы, если они действительно существовали, сами основывались по большей части на устных преданиях, а не на документах — только этим можно объяснить характер ошибок автора «Жития Василия».

⁶¹ Сопоставление было проделано уже Ф. Гиршем (F. Hirsch. Op. cit., p. 41 f.). А. Рамбо (A. Rambaud. L'empire grec au Xe siècle. Paris, 1870, p. 545 sq.) ошибочно полагал (не аргументируя своей точки зрения), что если не вся VI книга (по делению Комбейса) хроники Продолжателя Феофана, то по крайней мере история царствований Романа Лакапина, Константина VII и Романа II принадлежит одному автору; на основании этого он неверно датировал эту часть хроники, считая, что она в с я возникла в правление Никифора Фоки. См. критические замечания: F. Hirsch. Op. cit., S. 273 f.

⁶² См. А. П. Каждан. Хроника Симеона Логофета, стр. 142 сл.

⁶³ F. Hirsch. Op. cit., S. 272.

⁶⁴ ThC, р. 433.15—434.2. Ср. В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия Мниха, т. II, Пг., 1922, стр. 63.21.

⁶⁵ ThC, р. 438.10—440.14. Ср. В. М. Истрин. Указ. соч., стр. 65.18.

⁶⁶ В. М. Истрин. Указ. соч., стр. 64.4—9. См. F. Hirsch. Op. cit., S. 270.

Аргира — мужем прекрасным и опытейшим (ThC, 400.3). С еще большей похвалой он отзывается об Иоанне Куркуасе, рассказывая о его многочисленных победах над арабами, послуживших предметом специальной «Истории во восьми книгах» некоего Мануила (ThC, p. 427.20—428.2).

Аргир и Куркуасы принадлежали к той группе феодальной знати, которая была близка к Роману Лакапину: Роман Аргир был даже зятем императора (ThC, p. 399.8); Иоанн Куркуас с 923 г. занимал высшую командную должность доместика схол⁶⁷. Это могло бы объяснить нам интерес и осведомленность автора вставок относительно Романа I; но тем более интересно, что сам он занимает, собственно говоря, нейтральную позицию и отнюдь не испытывает по отношению к этому императору того восторга, который выказывал Симеон Логофет.

Аристократическая переработка второй и третьей частей второй редакции хроники Логофета, дошедшая до нас в виде третьей части хроники Продолжателя Феофана, была составлена в правление Никифора Фоки, ибо она называет его императором, тогда как его приемника Иоанна Цимисхия знает только как частного человека⁶⁸.

Четвертый и последний раздел хроники Продолжателя Феофана охватывает основную часть самостоятельного правления Константина VII и начало царствования его сына Романа II; повествование доведено до завоевания Крита (961 г.) и обрывается на середине фразы. Естественно, что в неповрежденной рукописи четвертая часть хроники Продолжателя Феофана не завершалась этими событиями, однако до какого момента доходило в ней изложение, мы судить не можем.

Четвертая часть хроники Продолжателя Феофана написана современником событий, хорошо знающим действующих лиц и живо заинтересованным в той политической борьбе, которая разворачивалась в это время. Об этом свидетельствуют, например, ожесточенные нападки автора на некоего Зонару, незначительного чиновника ведомства градского эпарха, которого он называет «чумой и болезнью государства ромеев» (ThC, p. 442.7—8). Такая ненависть к второстепенному чиновнику может быть понятна только в сочинении современника. Точно так же описание похорон Константина VII, подробное и яркое (ThC, p. 466 sq.), и рассказ о подготовке критской экспедиции, к которому мы еще вернемся, могли быть написаны только очевидцем событий.

Текст хроники позволяет также догадываться, что автором ее был человек, близкий к олимпийскому монашеству и бывавший на Олимпе. Описывая путешествие Константина VII на Олимп (ThC, p. 463 sq.), он чрезвычайно детально рассказывает о местности, об окрестных городах и горах, о грамотах, хранящихся в архиве монастырей.

Давно уже высказывалось предположение, что автором этой части был известный византийский писатель Феодор Дафнопат (см. о нем выше, стр. 80). Основанием для такого предположения послужило замечание Скилицы во введении к его хронике: Скилица называет Дафнопата среди авторов известных ему тенденциозных сочинений, посвященных описанию узкого периода времени⁶⁹.

Впрочем, уже Ф. Гирш обратил внимание на то, что части хроники Скилицы, посвященные истории Константина VII и Романа II (т. е. те,

⁶⁷ G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 240.

⁶⁸ F. Hirsch. Op. cit., S. 271 f. Это обстоятельство подтверждает догадку о времени составления второй редакции хроники Симеона Логофета, которая возникла до смерти Никифора Фоки (см. А. П. К а ж д а н. Хроника Симеона Логофета, стр. 131).

⁶⁹ Ф. И. У с п е н с к и й. Охридская рукопись Иоанна Скилицы Куропалата. ИРАИК, т. IV, 1899, вып. 2, стр. 3.

которые соответствуют четвертой части хроники Продолжателя Феофана), взяты Скилицей не из этой хроники, а из другого источника⁷⁰. Основываясь на этом наблюдении, В. В. Латышев отвергал возможность считать Феодора Дафнопата автором последней части хроники Продолжателя Феофана. К тому же он указал, что некоторые черты этой хроники прямо противоречат такому допущению. В. В. Латышев отметил, что в хронике совершенно не упомянуто то церковное торжество, которому Феодор Дафнопат посвятил свое слово на перенесение в Константинополь «руки св. Иоанна Предтечи»; далее, В. В. Латышев указал, что неодобрительный отзыв хроники о патриархе Феофилакте, сыне Романа Лакапина, не мог быть высказан Дафнопатом, ибо он противоречит отзыву, который мы находим в письмах и речи к митрополитам подлинного Феодора Дафнопата⁷¹.

Возражения В. В. Латышева были поддержаны М. Я. Сюзюмовым, который, однако, приходит к выводу, что Феодор Дафнопат был автором первой части хроники, ибо этой хроникой Скилица как раз пользовался⁷². Развивая этот взгляд, венгерский историк Геза Фехер утверждал, что Феодор Дафнопат был редактором первых пяти книг хроники, куда он вставил различные упоминания о Никифоре Фоке (!?); он же присоединил сюда и первую половину VI книги, заимствованную из хроники Симеона Логофета⁷³.

Противоположная точка зрения была высказана казанским византистом С. Шестаковым; по его мнению, стиль хроники Продолжателя Феофана имеет определенные черты сходства со стилем слов Дафнопата, изданных В. В. Латышевым⁷⁴. Однако С. Шестаков не приводит текстологически близких отрывков из хроники и слов, тогда как только с помощью такого приема можно было бы с безусловной убедительностью доказать авторство Дафнопата; он ограничивается лишь указанием на сходные выражения, которые, кстати сказать, встречаются и у других византийских авторов. Кроме того, мы ни в коей мере не можем согласиться с попыткой С. Шестакова рассматривать всю хронику как цельное произведение, принадлежащее одному автору: мы уже видели, что она отчетливо распадается на четыре части.

Последняя часть хроники Продолжателя Феофана обладает определенными стилистическими особенностями: особенно характерно для нее пристрастие к штампам, к повторяющимся выражениям. Автор любит, например, сравнение с птицей; *πτηνὸν ταχύτερον* (ThC, p. 445.8), *ὥσπερ πτηνός* (ThC, p. 448.22), *ὥς αἰετός* (ThC, p. 444.2)⁷⁵. Для характеристики градских эпархов он находит почти совершенно одинаковые выражения: эпарха Феофила он называет *ἄνδρα λόγιον καὶ πρὸς τοὺς πολιτικούς νόμους ἱκανόν* (ThC, p. 444.7), эпарха Феодора — *ἄνδρα ἱκανόν καὶ λόγιον, πρὸς τοὺς νόμους πολυπειρίαν καὶ εὐφροίαν ἔχοντα* (ThC, p. 461.6—7), эпарха Сисиния — *ἄνδρα λόγιον καὶ πρὸς κοινὸν ἐπιτήδειον* (ThC, p. 470.5).

⁷⁰ F. Hirsch. Op. cit., S. 279 f., 284, Anm. 1.

⁷¹ В. В. Латышев. Указ. соч., стр. XV—XVII.

⁷² М. Сюзюмов. Об историческом труде Феодора Дафнопата. ВО, т. 2, 1916, стр. 297 и сл.

⁷³ Работа Фехера нам недоступна — см. заметку R. V(ari). BZ, Bd. 24, 1924, S. 138.

⁷⁴ С. Шестаков. К вопросу об авторе Продолжения Феофана. «Deuxième congrès international des Études byzantines». Belgrade, 1929, стр. 35 и сл.

⁷⁵ Ср. у Феодора Дафнопата: *ἵα πτηνός* (В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 21. 5). Впрочем, аналогичные сравнения встречаются и у других авторов, например у Никиты Хониата.

Особенно резко эта склонность к штампам, к «общим местам» проступает в характеристике внутренней политики Константина VII и Романа II, для чего автор использует буквально одни и те же выражения:

О Константине VII

(ThC, p. 456.13—19)

καὶ τοὺς ἐξ εὐγενοῦς φύντας ἐκλογὴν ἐποιεῖτο. καὶ τοὺς μὲν ἀξιωματῶν καταλαμπρύνει τιμαῖς, τοὺς δὲ μεγαλοπρεπέσι φιλοτιμεῖται δωρεαῖς, καὶ συνεστίους καὶ ὁμοδιαίτους ποιεῖται καὶ τὸ φίλτρον μᾶλλον ἐπηρύξει τῆς ἐκεῖνου (I) εὐνοίας καὶ ἀντὶ πολλῶν σωματοφυλάκων καὶ φρουρῶν καὶ σωτήρων τούτους μᾶλλον προέκρινεν.

О Романе II

(ThC p. 471. 5—10)

καὶ τὰ εὐγενῇ καὶ καθαρὰ τῶν γενῶν ποιεῖται δι' ἐκλογῆς, καὶ οὓς μὲν ἀξιωματῶν καταλαμπρύνει τιμαῖς, οὓς δὲ μεγαλοπρεπέσι φιλοτιμεῖται δωρεαῖς. ἐσθ' ὅτε συνεστίους ποιούμενος, ἀργύρια παρέχων, τὸ φίλτρον μᾶλλον ἐπηρύξει καὶ ὑπανεφλέγεν καὶ τὴν ἐκεῖνων εὐνοίαν ἀντὶ πολλῶν φρουρῶν καὶ φυλάκων προέκρινεν.

В то же время мы не находим подобных общих мест в других частях хроники — даже там, где мы могли бы их ожидать. Например, первая и четвертая части хроники содержат сходный эпизод: пострижение сестер императора. Однако изложение этих эпизодов в разных частях хроники лишено каких-либо черт параллелизма и по стилю принадлежит разным авторам:

О Михаиле III

(ThC, p. 174.6—7)

ἀποκείρουσί τε ταύτην (Φεοδору) μετὰ τὰς θυγατέρας ὁμοῦ, καὶ τοῖς κατὰ τὰ Καριανοῦ ἀνακτόροις τότε μὲν περιορίζουσιν.

О Романе II

(ThC, p. 471.11—18)

τὰς δὲ ἀδελφὰς αὐτοῦ... ἐκ τῶν βασιλικῶν δόμων εἰς τὰ Κανικλείου... κατήγαγεν καὶ μοναχὰς ἀπέκειρεν, πολλὰ καὶ τῆς Ἑλένης τῆς μητρὸς Ῥωμάνου καὶ αὐτῶν ἀπολοφυρομένων καὶ ἀποκλαιουσῶν καὶ τῇ χειρὶ παρ' ἀλλήλων σφιγγουσῶν καὶ τῷ τραχήλῳ ἐπικειμένων, πλεον οὐδὲν ὠφέλησαν ἢ κωφοῖς καὶ κενοῖς δάκρυσι.

Таким образом, предложенная С. Шестаковым гипотеза о том, что автором в с е й хроники Продолжателя Феофана был Феофор Дафнопат, не представляется достаточно убедительной. Однако некоторые особенности ч е т в е р т о й части хроники получили бы хорошее объяснение, если допустить, что эта часть хроники написана Дафнопатом. Мы имеем в виду прежде всего тот специальный интерес к делам ведомства градского эпарха, который отличает последнюю часть хроники.

Эта часть хроники, охватывающая короткий хронологический период (948—961), отмечает всех четырех эпархов, которые сменились за это время, и дает им (особенно Сисинию) развернутые, хотя и однообразные, характеристики; она упоминает, далее, двух помощников эпарха Сисиния: симпона Феофилакта Мацицика и логофета претория Иосифа (ThC, p. 470. 13—17). Автор хроники с горячей ненавистью говорит, как мы уже знаем, о чиновнике ведомства градского эпарха Зонаре, называя его вором и даже чумой государства ромеев.

Этот особый интерес к делам ведомства градского эпарха был бы вполне естествен в хронике, написанной Дафнопатом, который сам был градским эпархом — преемником Сисиния⁷⁶. При этом хроника, обычно подробно характеризующая каждого эпарха, воздерживается от каких-

⁷⁶ ThC, p. 470. 7—8. Эпархом назван Дафнопат и в надписании одного из его частных писем (В. В. Л а т ы ш е в. Указ. соч., стр. VIII).

либо суждений о Дафнопате: о нем даже не сказано, что он был ἀνὴρ λόγιος, что говорится о каждом епархе⁷⁷.

Наиболее существенное возражение, выдвигаемое Ф. Гиршем и поддержанное Латышевым и Сюзюмовым, а именно то обстоятельство, что Скилица не пользовался последней частью хроники Продолжателя Феофана, также не может ни в коей мере отвергнуть возможность авторства Дафнопата: ведь Скилица нигде не говорит о том, что он п о л ь з о в а л с я сочинением Дафнопата, но лишь порицает его за панегирический тон в отношении императора. Скилица не пользовался и некоторыми другими сочинениями, названными им в предисловии к хронике, и в частности «Житием Игнатия» Никиты Пафлагона. Сочинения, которые Скилица называет в предисловии, отнюдь не являлись для него образцом — он ссылается на них как на пример неверного подхода к историческому материалу. Поэтому отсутствие у Скилицы данных, почерпнутых из четвертой части хроники Продолжателя Феофана, позволяет считать, что хронист конца XI в., зная труд Дафнопата, отдал при написании своей хроники предпочтение другому историческому сочинению.

Итак, мы можем считать возможным авторство Дафнопата, хотя это предположение, разумеется, остается в настоящее время весьма гипотетичным.

Если автор последней части хроники может быть установлен лишь предположительно, то зато сравнительно точно можно определить время ее составления. Она, разумеется, не могла быть написана ранее 961 г., ибо автор довел свое повествование, по крайней мере, до этого года. В то же время сомнительно, чтобы эта часть хроники была написана позднее 963 г., ибо автор, сочувственно пишущий о Никифоре Фоке, нигде не называет его императором, что было бы вполне естественно, если бы хроника была составлена в правление Никифора или еще позднее.

Это соображение подтверждается и отношением автора к Иосифу Вринге, бывшему временщиком в правление Романа II. Он называет Врингу мужем умным, прямым и верным (ThC, p. 466.16), честным, прямым и недремлющим умом (ThC, p. 475.2; ср. еще p. 445.7—10). Такое отношение к Иосифу Вринге было бы, кстати сказать, вполне естественным со стороны Дафнопата, ибо последний был назначен на пост градского епарха Романом II, а правильнее сказать, — Врингой; иначе говоря, патрикий Феодор Дафнопат принадлежал к ближайшему окружению Иосифа Вринги. С приходом к власти Никифора Фоки Дафнопат был отстранен от этой должности, по-видимому, за близость к Вринге⁷⁸.

Как бы то ни было, хроника отличается панегирическим в отношении Вринги тоном, столь противоположным тону других историков — Льва Диакона и Скилицы. Однако сочетание панегирического тона по отношению к Вринге с прославлением Фок, и в частности Никифора, могло иметь место лишь до летних событий 963 г., когда Вринга, арестовав родственников Фоки, открыто перешел к подготовке гражданской войны⁷⁹.

Таким образом, время составления последней части хроники Продолжателя Феофана может быть определено с большой точностью: она была

⁷⁷ В. В. Латышев, обративший внимание на это обстоятельство, сделал из него, однако, другой вывод: он считал, что подобная характеристика Дафнопата свидетельствует против гипотезы о его авторстве, ибо он не мог написать о себе так сухо. Напротив, нам кажется, что в произведении, вышедшем под именем Дафнопата, трудно было бы ожидать иной его характеристики.

⁷⁸ М. Я. Сюзюмов. Об историческом труде Феодора Дафнопата, стр. 298, прим. 1.

⁷⁹ F. Hirsch. Op. cit., S. 276 f.

составлена между мартом 961 г. и летом 963 г. Предполагая, что утерянная часть хроники повествовала о некоторых событиях, совершившихся после взятия Крита византийцами, мы могли бы даже ограничить это время 962—началом 963 г.

Переходим теперь к рассмотрению политических взглядов автора последней части хроники Продолжателя Феофана.

Последняя часть хроники представляет собою чрезвычайно тенденциозный памятник, автор которого нередко сознательно искажает действительность. Для тенденции автора чрезвычайно характерна симпатия к аристократическим родам и прежде всего к роду Фок. Он называет Никифора Фоку мужем, отличившимся во многих войнах (ThC, p. 459.17—18), а его брата Льва — мужем лучшим и способнейшим для войны с агарянами (ThC, p. 462.7—8); о Никифоре он говорит далее как о вожде честном и прямом (ThC, p. 473.19).

Несколько сдержанней, но все же с сочувствием говорит он о тех знатных родах, которые играли выдающуюся роль при Романе Лакапине: Иоанна Куркуаса он называет мужем разумным и опытным (ThC, p. 443.7); останавливается на судьбах Аргиров, рассказывая об удачном походе Мариана Аргира в Южную Италию в 955 г.⁸⁰, об успешной борьбе Пофа Аргира с венграми (ThC, p. 463.1), о походе Мариана Аргира на венгров (ThC, p. 480.14); говорит о таких близких к Роману Лакапину людях, как Роман Саронит (ThC, p. 443.18—19), зять Лакапина, как Василий, побочный сын Лакапина, о котором он отзывался с большой похвалой (ThC, p. 442.22), как эпарх города Феофил, «муж разумный и знающий гражданские законы».

Аристократизм автора последней части хроники Продолжателя Феофана особенно резко проявился в одном случае искажения исторической действительности. Говоря о Феофано, жене императора Романа II, он заявляет, что она происходила от благородных родителей (ThC, p. 458.9). Это сообщение — прямое извращение фактов, которое противоречит рассказу Льва Диакона о низком происхождении дочери лавочника Кратера⁸¹, ставшей затем последовательно супругой трех императоров. Известие Льва Диакона подтверждает и Скилица⁸². Автор последней части хроники Продолжателя Феофана извращает действительность, ибо аристократизм не позволяет ему примириться с низким происхождением жены императора.

Любимый герой последней части хроники — Константин VII. Хронист называет его самым философским умом (ThC, p. 446.3—4), мудрецом (ThC, p. 447.19), изображает судьей праведным (ThC, p. 448.3—14). «Он ценил добродетель и знание, — говорит хронист, — как никто другой из правивших» (ThC, p. 447.8—9). По словам хрониста, Константин любил сограждан больше, чем свое родное потомство, и был любим ими (ThC, p. 456.12—13). Такая характеристика Константина VII была бы, кстати сказать, вполне естественной в сочинении, написанном Феодором Дафнопатом, ибо, говоря словами Латышева, «Дафнопат, как видно из речи его на перенесение руки св. Иоанна Предтечи, произнесенной в первую годовщину этого события в 957 г., сохранил чувства глубокой верноподданнической преданности к императору»⁸³.

⁸⁰ ThC, p. 453. 20 sq. См. об этом S. R u n c i m a n. The emperor Romanus Lecapenus and his reign. Cambridge, 1929, p. 193.

⁸¹ L e o D i a c o n u s. Historia. Bonnae. 1828, p. 31. 11.

⁸² C e d r e n u s, II, p. 329. 8—10. Cp. G. S c h l u m b e r g e r. Un empereur byzantin au Xe siècle., Nicéphore Phocas. Paris, 1890, p. 6 sq.

⁸³ В. В. Л а т ы ш е в. Указ. соч., стр. VII.

При этом автор подчеркивает аристократический характер правления Константина VII, указывая, что опорой правительства являлись знатные лица (ThC, p. 456.14), которым Константин раздавал чины и подарки. Из представителей этой знати состояло ближайшее окружение императора, которого они любили более, чем самих себя (ThC, p. 456.18).

Социальная программа автора, перекликающаяся — что вполне естественно — с программой «Жития Василия», особенно отчетливо проступает при характеристике аграрной политики Константина VII. «Император слышал, — говорит он, — о несправедливостях и поборах, которым подвергались несчастные «убогие» со стороны стратигов и протонотариев, стратиотов и всадников при тесте его Романа; и он послал благочестивых и добродетельных людей для того, чтобы они облегчили бремя поборов, взимавшихся с несчастных бедняков» (ThC, p. 443.13—18).

Таким образом, по мнению автора хроники, именно податное бремя, а не наступление феодалов оказывалось наиболее тяжким гнетом, ложившимся на «убогих»; и разрешение проблемы он видит в облегчении податного бремени и назначении добродетельных чиновников — по-видимому, из представителей знатных родов.

К преемнику Константина VII Роману II хронист относится несколько иначе. Он, правда, одобрительно подчеркивает, что Роман II опирался на знатные роды (ThC, p. 471.5), и поэтому утверждает, что государство при Романа процветало (ThC, p. 473.3—4). Однако хрониста смущает, что молодой император совершенно отстранился от власти и отдает все свое время охоте (ThC, p. 472.7—13; ср. еще ThC, p. 472.15—21). Но если личное поведение Романа II смущает хрониста, то он полностью одобряет политику царствования Романа, руководителями которой были Иосиф Вринга и Фоки. Это отношение к политике Иосифа особенно отчетливо выражено в рассказе о подготовке похода на Крит, когда, как рассказывает хронист, члены синклита выступили противниками активной внешней политики и стали указывать на непреодолимые трудности опасного морского похода (ThC, p. 474.14—16). Все симпатии автора — на стороне Вринги, призывавшего смело выступить против арабов (ThC, p. 475.3—10).

Мы рассмотрели политическую программу последней части хроники Продолжателя Феофана и можем видеть, что это сочинение возникло в аристократических кругах, близких к Иосифу Вринге. Автор ее был сторонником провинциальной феодальной знати, недовольной политикой Романа Лакапина: он осуждал деятельность податных сборщиков, высмеивал трусость членов синклита и, наоборот, прославлял представителей знатных родов, подобных Фокам. Наконец, он выступал в защиту активной внешней политики, в защиту феодальной экспансии, которую осуществляли Фоки. Тем самым политические взгляды автора оказываются весьма близкими к политическим взглядам Константина VII, выраженным в «Житии Василия».

Итак, хроника Продолжателя Феофана представляет собой чрезвычайно сложный по составу источник, объединяющий ряд исторических сочинений, возникших в разное время и отражающих различные тенденции. Последняя часть хроники написана современником событий и представляет бесспорный интерес; третья часть является лишь пересказом хроники Логофета с рядом иногда довольно существенных дополнений. Сложнее вопрос о значении двух первых частей хроники: он может быть выяснен только в результате сопоставления их с «Книгой царей» Генесия, охватывающей тот же период времени — от Льва Армянина до Василия Мадеконянина. Но это уже предмет особой статьи.

А. Я. СЫРКИН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВИЗАНТИЙСКОГО ЭПОСА

1. ДИГЕНИС И ИМПЕРАТОР

Интереснейшим историческим свидетельством поэмы о Дигенисе Акрите является упоминание в ней имен византийских императоров — современников Дигениса. Говоря о ссылке деда Дигениса Антакина, Гротта-Ферратская версия поэмы (ГФ) IV, 55—56 сообщает, что тот был сослан по приказу императора Василия: βασιλέως Βασιλείου τοῦ εὐτυχοῦς, ἀκρίτου τοῦ μεγάλου. Трапезундская версия (Т) 836 и Андросская (А) 1369 называют императора Романом: Ῥωμανοῦ τοῦ πανευτυχοῦς [ср. Андросская прозаическая версия (А₁) 342] ¹. Эти два варианта последовательно прослеживаются, с одной стороны, в ГФ, с другой — в Т, А, А₁, и в Оксфордской версии (О) [в Эскуриальской версии (Э) император не упоминается]. В сцене встречи Дигениса с императором ГФ (IV, 971—1089) снова называет царя: Βασίλειος ὁ εὐτυχῆς καὶ μέγας τροπαιοῦχος, ὁ καὶ συνδάψας μεθ' ἐαυτοῦ τὴν βασιλείον δόξαν (973—974). Оказавшись во время своего похода «на персов» ² в тех местах, где жил герой, император изъявил желание встретиться с ним. После обмена посланиями они встречаются у Евфрата. Дигенис почтительно принимает гостя, хотя с явной недоверчивостью относится к его воинам (997—1000). Он призывает императора быть милостивым и справедливым с подданными и обещает освободить его от дани Иконию (1043 — очевидный след поздней редакции). В ответ Василий возвращает юноше все имения его сосланного деда и разрешает ему править на границах; он обещает скрепить это хрисовулом и дарит Дигенису царские одежды. Затем на глазах царя герой укрощает дикого коня, убивает льва и подносит царю мертвого зверя. После этого они прощаются, и царь возвращается к войску, а Дигенис — к супруге.

В соответствующем эпизоде Т (1476—1546), А (2342—2422), А₁ (363—365) и О (2153—2182) император снова назван Романом (Т 1476, А 2343 и др.; ср. соответствующее упоминание в начале пятых книг этих версий — Т 1098, А 1663, где царь назван λαμπρόν Ῥωμανόν). Здесь Роман — великий царь, ὁ πανευτυχῆς καὶ ἀριστος τροπαιοῦχος (Т 1477); ὁ πλούσιος καὶ νικητὴς ὁ μέγας (А 2343). Император оказывается в Каппадокии — он совершает поход κατὰ τοὺς Μαγουλίους (Т 1481—1482 — монголов?) — также позднее напластование ³. Как и в ГФ, он обменивается письмами с Дигенисом,

¹ Указаны страницы по изданию Д. Пасхалиса (Λ, IX, 1928, σελ. 305—440).

² О вероятном употреблении здесь Πέρσαι в значении арабского войска в целом см. А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита». ВВ, XVIII, 1961, стр. 149.

³ Ср. S. Kyriakides. Forschungsbericht zum Akritas-Epos. «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress». München, 1958, S. 5.

который приглашает его к Евфрату. И здесь император предлагает герою дать ему, что угодно ἐξ ἐμῆς βασιλείας (Т 1518), а тот отвечает ему нравов-учением; герой не говорит здесь о дани Иконию, а обещает лишь обратиться в рабство врагов императора. Слыша это, тот предлагает Дигенису владеть всей Романией и разгуливать по всей стране со своими спутниками, встречая везде почет (Т 1541 сл., А 2407 сл.). Он обещает вернуть ему в двойном размере конфискованные владения деда и сулит другие дары. Вслед за этим они расстаются — царь отправляется на войну στὰ μέρη Ἀχαΐας... καὶ νικητὴς ἐφάνη (А 2419—2420; в Т здесь лакуна), а Дигенис возвращается на границы. Победа императора в Ахαιе — возможный намек на битву при Пелагонии в 1259 г.; в таком случае это — еще одно свидетельство редактирования А во второй половине XIII в.⁴

В ГФ император больше не упоминается. А 3857—3858 сообщает еще о податях, которые Дигенис собирал с язычников (τὰ ἔθνη — в поэме так часто называются арабы) для императора τῷ Ῥωμαῖν τῷ μέγῃ τροπαιοῦχῳ. Наконец, Т 3106—3110 и А 4343—4347 говорят в конце IX книги (незадолго до рассказа о смерти героя), что, узнав о подвигах Дигениса, император Никифор, ὁ λαμπρός, ὁ μέγας τροπαιοῦχος, ὁ τῶν Ῥωμαίων τὴν ἀρχὴν καλλίστως διοικήσας, стал посылать ему день за днем богатые подарки.

Оригинальную трактовку сцены с императором содержит Тихонравовская редакция (Тих) «Девгениева деяния» (стр. 145—148 изд. Сперанского⁵; в других редакциях повести эпизод этот отсутствует). Здесь говорится о царе Василии, который «всю страну Каппадокейскую стерегль». Слухи о храбрости Девгения привели его в ярость, и, желая «добыти» Девгения, он послал ему грамоту «с ласканием». Содержание писем, которыми они обмениваются, примерно соответствует греческому тексту. Предложение Дигениса придти к нему на Евфрат приводит царя еще в больший гнев, и он посылает к герою посла, который получает тот же самый ответ. Тогда царь с большим войском подходит к Евфрату. На следующее утро Девгений «подіреся копиемъ и скочи чрезъ рекъ». Он побивает войско царя, около принадлежащего царю города нагоняет бегущего Василия и захватывает его, а затем «вниде во градъ и начать царствовати»⁶.

Постараемся дать наиболее вероятные для приведенных отрывков уточнения — прежде всего идентифицировать упоминающихся здесь императоров. Следует иметь при этом в виду, что такая попытка неизбежно носит гипотетический характер — ознакомление с поэмой показывает, как тесно переплетаются в образах отдельных персонажей «Дигениса Акрита» история и вымысел. Уже при беглом ознакомлении с приведенными здесь сценами видно, что места эти, быть может, в большей мере, чем какие-либо другие эпизоды поэмы, подвергались осовремениванию — мы находим здесь в разных версиях намеки на самые разновременные события — от IX до XIII веков.

Ясно, что перед нами здесь две различные редакции, и каждая из них вполне последовательна в выборе имен⁷. Под Василием могут подразу-

⁴ S. Kyriakides. Op. cit., S. 5—6.

⁵ М. Сперанский. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. «Сборник ОРЯС Росс. АН». т. ХСІХ, № 7, Пг., 1922.

⁶ Детальный анализ этой сцены содержится в подготовленной к печати монографии В. Д. Кузьминой «Деяние прежних времен и храбрых человек (Девгениево деяние)».

⁷ Дж. Маврогордато (J. Mavrogordato. «Digenes Akrites». Oxford., 1956, p. XLIII) совершенно неосновательно допускает, что имя Василий в ГФ IV, 973 — результат ошибки или непонимания переписчика, назвавшего так императора под влиянием Т 1476 сл. и А 2342 сл., где после упоминания об императоре Романе, говорится

меваться или основатель Македонской династии Василий I (867—886), или Василий II Болгаробойца (976—1025). К ним обоим вполне применимы эпитеты, которыми наделяет их ГФ, точно так же как не подходят ни к одному из них такие, например, более поздние реминисценции, как упоминание о дани Иконию, или о «персах» (если видеть здесь вместе с С. Кириакидисом⁸ турок). Предположение о том, что здесь могут подразумеваться сразу два Василия, из которых первый изгнал деда, а второй чествовал внука⁹, совершенно излишне. Разумеется, эпическое творчество вполне может допустить такой прием, но вряд ли есть необходимость исходить из этой предполагаемой вольности в ущерб правдоподобию изложения. В самом деле, между ссылкой деда Дигениса, случившейся, по всей вероятности, несколько раньше похищения его дочери эмиром (ср. А 285 сл.), и визитом императора к Дигенису, которому, согласно ГФ V, 24, было тогда, по-видимому, не больше 14, а согласно Т 1610 и А 2497, — 18 лет, должно было пройти примерно около двадцати лет. Срок этот укладывается не только в полувековое царствование Василия II, но и в 20-летнее Василия I — так или иначе в последнем случае натяжка гораздо меньше, чем при 90-летнем интервале между двумя Василиями.

Какой из них имеется в виду, поэма не говорит, и исследователи в этом вопросе расходятся. Ряд исторических лиц сопоставлявшихся с отдельными персонажами поэмы — Хрисохир, Карвеас, Омар, Муселе, Судалис, Андроник Дука¹⁰ — заставляет вспомнить, скорее, время Василия I — современников Василия II мы среди таких лиц не найдем. Отмечались уже некоторые биографические параллели между Дигенисом и Василием I (эпизод с укрощением дикого коня, охота)¹¹. В характеристике эмира

о Дигенисе: Βασιλειος δ' ὁ θαυμαστὸς ἔτυχεν εἰς τὰς ἄκρας (Т 1483, ср. А 2349) — «a careless copyist might easily suppose that it referred to the emperor». Заметим, однако, что Т и А называют Дигениса Василием и несколькими строками выше — сразу же после упоминания о Романе (Т 1477—1478, А 2343—2344), а это делает ошибку (или тем более непонимание) совершенно неправдоподобной. При этом ГФ ничуть не реже других версий называет Дигениса Василием — и до встречи его с императором (II, 48; IV, 49, 66, 75, 109, 323), и после этой встречи (IV, 1088; VI, 190; VII, 1; VIII, 220, 302). Совершенно непонятно, почему Маврогордато пишет, что, согласно ГФ, Digenes Akrites was only called Basil after the Emperor Basil's visitation (ibidem.). Ведь стихи ГФ IV, 1088—1089, которые он здесь имеет в виду, объясняют (и не первый раз — ср. IV, 53) употребление имени Акрит, а не Василий. Весьма сомнительна, наконец, возможность того, что ГФ следует в данном месте Т и А. Существенное отличие ГФ IV, 971—977 от Т 1476—1485 и А 2342—2351 говорит скорее о самостоятельном характере этих стихов, а Μαγούλιος в Т 1482, А 2348 — по своему terminus post quem — наверняка позже соответствующих Персών в ГФ IV, 975. Мы не говорим уже о том, что Маврогордато вступает здесь в противоречие со своей же собственной гипотезой о замене в более поздней редакции поэмы Василия II Романом Лакапином (ibid., р. LXXXIII). Предположение Маврогордато, естественно, затрудняет объяснение имени «Василий» в *Tux*, и он (ibidem) прибегает к новой натяжке, предлагая видеть здесь результат ошибки: русский переводчик принял будто бы βασιλεὺς... Ῥωμανός за «Василий... ромеец». Но, во-первых, в русском тексте здесь вообще ничего не сказано о «ромейце», и предполагать соответствующее упоминание в неизвестном нам архетипе повести у нас нет никаких оснований. Далее, хотя *Tux* и следует здесь ближе всего к Т (в сравнении с другими версиями поэмы), но все же отнюдь не настолько близко, чтобы в известном нам тексте этой версии можно было видеть оригинал древнерусского перевода. Наконец, даже и этот текст вряд ли мог ввести переводчика в заблуждение: император здесь совершенно ясно назван сначала ромеем, а потом Романом: βασιλεὺς ὁ μέγας τῶν Ῥωμαίων, Ῥωμανός ὁ πανευτυχής (Т 1476—1477, ср. А 2342—4343). Эти предположения Маврогордато представляют самое слабое звено в его заслуживающей внимания аргументации против павликианской теории Грегуара.

⁸ S. Kyriakides. Op. cit., S. 7.

⁹ G. Wartenberg. Die Kaisernamen in Digenisepos. BNJ, XI, 1935, S. 58—59.

¹⁰ А. Я. Сыркин. Об историчности... стр. 132 сл., 140 сл.

¹¹ Там же, стр. 130. Ср. H. G r é g o i r e. Le tombeau et la date de Digenis Akritas. Byz., VI, 1931, p. 491.

(ГФ, IV, 27 сл.) повторен прием, примененный Генесием в 40-х годах X в. в отношении Василия I — то же сравнение с древнегреческими героями, которых затмили император и эмир. Наконец, середина X в., в наибольшей мере отразившаяся в поэме, — это время прославления и возвеличивания основателя Македонской династии; свидетельством тому является биография Василия, вошедшая пятой книгой в труд Продолжателя Феофана. Последний, так же как и Генесий, использовал, по-видимому, общие с поэмой источники¹². Вероятно, этому культу обязан герой поэмы своим именем¹³. Жену Дигениса, так же как и жену Василия I, зовут Евдокия — быть может, результат преднамеренного параллелизма. Заметим, что *Тих* упоминает о господстве Василия над Каппадокией — это гораздо в большей степени сопоставимо с деятельностью Василия I, нежели Василия II¹⁴.

Все это заставляет нас склоняться, скорее, к тождеству императора Василия в ГФ с основателем Македонской династии. Однако полностью доказать это пока нет возможности, и высказанное предположение является лишь более вероятной, на наш взгляд, гипотезой. Тем самым мы отнюдь не думаем датировать жизнь Дигениса 870—880 годами — историческая реальность предстает в поэме в самом обобщенном и опозитизированном виде, и искать здесь точные хронологические соответствия, как это делали исследователи в прошлом веке (К. Сафа, Э. Легран, А. Милиаракис), нельзя. Излишне напоминать, что ряд исторических параллелей к биографии Дигениса и его предков (ссылка Андроника Дуки, переход к грекам Абу Хафса и т. д.) сталкивает нас уже с детьми и внуками Василия I.

Указанные обстоятельства делают вполне правомерным и другое сопоставление — с Василием II. В пользу этого говорит, как нам кажется, меньше доводов. Так, А. Хадзис, в сущности, исходит в этом предположении из своей теории об авторстве Евстафия Макремволита; по его мнению, Дигенис — современник Романа IV Диогена (1067—1071), а дед его — современник Василия II¹⁵. Однако даже если допустить, что Роман в *Т*, *А*, *А*₁ и *О* — это Роман IV, то не надо забывать, что ссылку деда Дигениса эти версии приписывают тоже Роману (*Т* 836, *А* 1369, *А*₁ 342)¹⁶. С другой стороны, ГФ ничего не говорит о Романи, и предполагать, как это делает Хадзис, что в прототипе ГФ упоминались два разных императора — Василий (IV 56) и Роман (IV, 971 сл.), а затем под влиянием первого упоминания посетивший Дигениса император также был назван Василием, у нас нет никаких оснований. С таким же успехом можно было бы предположить, что речь шла, например, соответственно о Василии I и Романи I (или II) или Романи I (или II) и Василии II.

С. Кириакидис также склонен остановиться на Василии II¹⁷, видя здесь следы редакции сделанной при Никифоре III Ватаниате (1078—1081), который гордился своим происхождением от этого

¹² Ср. S. Impellizzeri. Il Digenis Akritas. L'epopea di Bizanzio. Firenze, 1940, p. 66; F. Dölger, in: BZ, 31, 1931, S. 127.

¹³ Ср. N. Adontz. Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digenis Akritas. BZ, 29—30, 1929/1930, p. 214.

¹⁴ Ср. М. Сперанский. Указ. соч., стр. 96; П. Καρολίδης. Σημειώσεις κριτικά, ιστορικά και τοπογραφικά εις τὸ μεσαιωνικὸν ἔπος. Ἐπετηρίς τοῦ ἐθν. πανεπιστημίου. Ἀθήναι, 1905—1906, σελ. 245.

¹⁵ А. Χατζής. Εὐσταθίου Μακρεμβολίτης καὶ Ἀκριτῆς. BNJ, IX, 1932/33, S. 270 f; idem. Εἰς τὴν τοῦ Εὐσταθίου Μακρεμβολίτου Ἀκριτῆδα. BNJ, X, 1933, S. 378.

¹⁶ Ср. G. Wartenberg. Op. cit., S. 60.

¹⁷ В своей рецензии на работы А. Грегуара (*А*, X, σελ. 653 ἐξ.), оставшейся нам недоступной. Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXXII; R. Goossens. Les recherches récents sur l'épopée byzantine. «L'Antiquité classique», II, 1933, p. 452.

императора; вместе с тем, как и Хадзис, он считает первичным упоминание о Романе. Без каких-либо серьезных оснований склоняется к Василию II и Г. Вартенберг¹⁸. Другие доводы приводит в защиту Василия II Дж. Маврогордато. В походе против «персов» он видит упоминание о походе Василия II в Грузию 1021 г. — отождествление, которое решительно ничем не доказывается. Далее он говорит, что Василий II — один из немногих императоров, который мог изгнать деда, а затем чествовать внука¹⁹. Вряд ли, однако, этого достаточно, чтобы говорить о тождестве Василия в ГФ с Василием II с такой уверенностью, как это делает Маврогордато²⁰. В то же время вариант с именем Василия представляется ему первоначальным, а имена Романа и Никифора (по его мнению, Романа I Лакапина и Никифора II Фоки) — более поздней редакцией²¹.

Как мы видим, проблема эта остается нерешенной по сей день. Каждая из гипотез имеет свои уязвимые стороны, хотя, на наш взгляд, доводы в пользу Василия I в большей мере опираются на самый текст памятника, тогда как сторонники другой точки зрения чаще исходят из более общих, зачастую предвзятых суждений. Следует, впрочем, сказать, что такой предвзятости не чужд и А. Грегуар, последовательно отстаивающий сопоставление с Василием I²² (что является необходимым условием его «павликианской» теории). В частности, приводимая им параллель ГФ IV, 974, где о Василии говорится: *ὁ καὶ συνδάσας μεθ' ἑαυτὸν τὴν βασιλείαν δόξαν*, с отрывком из жития Феоктисты Лесбосской, где об императоре Льве VI говорится: *βασιλέως . . . τοῦ εὐτοχοῦς ὄντος καὶ εὐτοχίαν Ῥωμαίων τῷ τάφῳ συνδάσαντος*²³, вряд ли является убедительным аргументом в защиту такого сопоставления. Житие Феоктисты, как известно, было написано Никитой Магистром вскоре после смерти Льва VI (912 г.) и вошло в слегка измененном виде в агиографический сборник Симеона Метафраста, составленный, видимо, в конце X в.²⁴ Симеон сохранил манеру повествования Никиты в первом лице, не упомянув, однако, имени автора, что приводило в свое время к недоразумениям²⁵. Авторство Никиты служит для Грегуара достаточным доказательством того, что приведенные слова именно в его, а не в Метафрастовской, передаче вдохновили автора «Дигениса», писавшего до 944 г. и имевшего, следовательно, в виду Василия I²⁶.

Заметим прежде всего, что совпадение в приведенных отрывках не полное — совпадают лишь три слова, и здесь можно говорить, скорее, об одном и том же риторическом приеме. Мы, таким образом, не можем быть даже полностью уверены, заимствовал ли автор поэмы эту фразу из жития Феоктисты (где, кстати, речь идет отнюдь не о Василии I),

¹⁸ G. Wartenberg. Op. cit., S. 64, 57.

¹⁹ J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXXII.

²⁰ The emperor Basil . . . is clearly Basil II (ibidem)

²¹ Ibid., p. LXXXIII.

²² См., например, H. Grégoire. Le tombeau . . . , p. 486—490; idem. Note sur le Digénis slave. Byz., X, 1935, p. 335; idem. Notes on the byzantine epic. Byz., XV, 1940, p. 95; idem. Le Digénis russe. Russian epic studies, ed. by R. Jacobson and S. Simmons (= «Memoirs of the American Folclorosociety», vol. 42, 1947). Philadelphia, 1949, p. 156 sq.

²³ AASS Nov., IV. Bruxelles, 1925, p. 225 D; ср. ibid., p. 221—224; В В а с и л ь е в с к и й. О жизни и трудах Симеона Метафраста. ЖМНП, ч. 212, 1880, стр. 398 сл.

²⁴ В. В а с и л ь е в с к и й. О жизни и трудах Симеона . . . , стр. 398; ср. К. К е л л и д з е. Симеон Метафраст по грузинским источникам. «Труды Киевской духовной академии», 1910, кн. 2, стр. 187 сл.; А. П. К а ж д а н. Хроника Симеона Логофета. ВВ, XV, 1959, стр. 128, прим. 24.

²⁵ H. Delehaye. La vie de sainte Théoctiste de Lesbos. Byz., I, 1924, p. 191 sq.

²⁶ H. Grégoire. Le tombeau . . . , p. 490; ср. P. Kalonagos. Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας, т. II. Ἀθήναι, 1941, σελ. 67—68.

из какого-либо другого источника, оказавшего влияние и на поэму, и на житие, или, наконец, просто следовал распространенному литературному штампу²⁷. Но если даже считать влияние жития на поэму доказанным, все же непонятно, почему автор (или, принимая *terminus ante quem* Грегуара, редактор) «Дигениса» не мог ознакомиться с этим житием по сборнику Метафраста, который немало способствовал популярности этого произведения. Вообще, не вполне ясно, почему Грегуар столь упорно настаивает на факте дометафрастовского заимствования. Ведь и написанный или вставленный редактором в конце X в. или даже позже стих вовсе не обязательно должен был иметь в виду современника, а вполне мог относиться и к Василию I. Сама по себе эта строка отнюдь не решает еще вопроса о первичности или вторичности варианта ГФ по сравнению с группой Т и А. При этом ничто не указывает на то, входила ли она в первоначальную редакцию поэмы или является поздним добавлением. Создается впечатление, что Грегуаром владела здесь не столько трезвая оценка этого совпадения, сколько увлечение предложенным им несколькими страницами раньше *terminus ante quem* (944 г.)²⁸.

Пожалуй, с большей уверенностью можно уточнить свидетельство Т, А, А₁ и О о Романе. Среди византийских императоров нам известны четыре носителя этого имени: Роман I Лакапин (920—944), Роман II (959—963), Роман III Аргир (1028—1034) и Роман IV Диоген (1068—1071). Приведенные выше эпитеты применимы, по-видимому, лишь к Романами I и IV — недолго правившие Роман II и Роман III отнюдь не прославились военными подвигами²⁹. Это подтверждается и упоминанием о Никифоре, которым мог быть или Никифор II Фока (963—969), или Никифор III Вотаниат (1078—1081)³⁰: первый не очень далек от Романа I, а второй — от Романа IV. Однако Никифор Фока гораздо в большей степени мог заслужить расточаемые ему в Т 3106 сл. и А 4343 сл. похвалы, нежели Никифор Вотаниат; в то же время судьба Романа IV, чье кратковременное возвышение закончилось тяжелым поражением, пленом и мучительной смертью, вряд ли могла дать основание называть его *πανευτυχής* (Т 1447) или *νικητής ὁ μέγας* (А 2343). При этом кратковременное правление Романа IV не дает возможности приписать ему ссылку деда и чествование внука — интервал между этими событиями, как уже говорилось, должен был составлять примерно двадцать лет. Предположить же, что Т 836 и А 1369 имеют в виду Романа III Аргира, а затем говорят о Романи IV, значит, как нам кажется, допустить излишнюю натяжку. Не случайно А. Хадзис, придерживающийся этой точки зрения и предлагавший лишь следовать вместо Т 836—ГФ IV, 55—56 (Василий II?), не мог привести здесь сколько-нибудь убедительных аргументов³¹. Вряд ли помогут нам в этой связи такие упоминавшиеся уже анахронизмы, как *Μαγούλοι* (Т 1481—1482) или победа в Ахαιе (А 2419—2420) — они одинаково несовместимы ни с одним из Романов.

²⁷ Сходные мотивы содержит, например, и оплакивание Дигениса в VIII книге ГФ. Ср. также слова Михаила Пселла о смерти Константина VIII (Michel Psellos. Chronographie, ed. E. Renauld. t. II. Paris, 1928, p. 8).

²⁸ H. Grégoire. Le tombeau..., p. 486—487.

²⁹ Ср. G. Wartenberg. Op. cit., S. 59.

³⁰ Предположение А. Эберхарда (A. Eberhard. Ueber ein mittelgriechische Epos vom Digenis. «Verhandlungen der 34 Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Trier. Vom 24 bis 27 September 1879». Leipzig, 1880, S. 53) о том, что *Νικήφορος* представляет собой лишь эпитет Романа I, вряд ли основательно — слово это в качестве прилагательного в «Дигенисе Акрите» не встречается. Ср. G. Wartenberg. Op. cit., S. 62—63.

³¹ A. Χατζής. Εἰσαγωγή..., S. 275.

Все сказанное заставляет нас остановиться на Романа I: он и Никифор II в большей степени, чем кто-либо другой из византийских императоров, носивших эти имена, ознаменовали свое правление крупными победами над арабами. При этом продолжительность правления Романа I делает излишним предположение о двух разных лицах — нет никакой надобности, например, предполагать, что Дигенис встретился с Романом II, хотя по смыслу тот также должен был быть его современником. Единственное затруднение здесь, с одной стороны, двадцатилетний промежуток, отделяющий Романа I от Никифора II, а с другой, непродолжительность жизни Дигениса, умершего, согласно *T* 767 и *A* 1299, на 33-м году жизни. Следует вспомнить, однако, что, согласно тем же версиям, когда герой встречается с Романом, ему не больше 18 лет, а Никифор упоминается уже незадолго до смерти Дигениса. Получается неувязка в 5—10 лет, которая вполне допустима в подобном произведении ³², и вряд ли стоит ставить ее в упрек автору или редактору поэмы, писавшему уже явно после смерти этих императоров (во всех версиях поэмы о Василии, Романе, Никифоре неизменно говорится в прошедшем времени). Наибольшая вероятность упоминания в поэме Романа I признается почти всеми исследователями ³³.

Здесь перед нами встает весьма существенный вопрос, который, к сожалению, пока не может быть окончательно разрешен из-за отсутствия архетипа поэмы: какие версии представляют первоначальный вариант поэмы — *ГФ* и *Тих* с именем Василия или *T*, *A*, *A*₁ и *O* с именем Романа?

При рассмотрении этого вопроса нам кажется мало вероятным, чтобы редактор поэмы заменил упомянутого в оригинальной редакции императора одним из его преемников, а не преемников. Именно такое предположение делает Дж. Маврогордато, считая в соответствии со своей датировкой первоначальной версии «Дигениса» (середина XI в.), что Василий II был впоследствии заменен Романом I ³⁴. Теоретически это, конечно, не исключено, но весь характер исторических свидетельств поэмы говорит, скорее, о противоположном. В то время как одни из таких реминисценций — исторических, географических, литературных — доносят до нас отзвуки IX—X вв., часто искаженные и, очевидно, непонятные уже самому диаскевасту, другие представляют собой более поздние свидетельства (от XI, XII, XIII вв.), мало совместимые с основным историческим фоном поэмы и явно имевшие целью оживить, осовременить повествование ³⁵. Так появляются в поэме турки, монголы, Иконийский султанат и т. п. Это стремление к модернизации окружающих Дигениса деталей характерно решительно для всех версий поэмы. Несколько отлично в этом отношении «Девгениево деяние», в большей мере, чем какая-либо из греческих версий, носящее фольклорный характер. Таким образом, предположение Маврогордато трудно совместить с отмеченной особенностью поэмы.

Отсюда наиболее вероятными нам представляются две возможности: 1) первоначально поэма имела в виду Василия I и позже заменила его Романом I; 2) сначала имелся в виду Роман I, а в более поздней редакции — Василий II. Иначе говоря, если предположить тождество Василия в *ГФ* и *Тих* — с Василием I, то в таком случае версии эти должны отражать,

³² Cp. J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXXIII.

³³ Cp. A. Eberhardt. Op. cit., S. 53; G. Wartenberg. Op. cit., S. 63 — 64; H. Grégoire. Le tombeau... p. 487; idem. Le Digénis russe, p. 156; J. Mavrogordato. Op. cit., p. XLI и др.

³⁴ J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXXIII.

³⁵ Cp. предисловие Э. Лерана ко 2-му изданию *ГФ* («Les exploits de Basile Digénis Acritas. épopée byzantine». Paris, 1902, p. XXII).

как нам кажется, оригинальную редакцию; сопоставление же с Василием II должно тем самым свидетельствовать, скорее, о более поздней замене. Первой точки зрения склонны придерживаться, например, А. Грегуар³⁶, П. Калонарос³⁷; второй — С. Кириакидис³⁸. К сожалению, имеющиеся пока в нашем распоряжении тексты не дают возможности с точностью установить, какая версия отражает в данном эпизоде оригинальную редакцию. Приведенные выше доводы в пользу Василия I, в большей мере основанные на свидетельствах текста ГФ, нежели доводы в пользу Василия II, заставляют нас считать, что в данном случае ГФ, скорее, следует оригинальной редакции — первоначально в поэме говорилось о Василии I, а более поздние редакторы заменили его Романом I, добавив еще и Никифора II. Разумеется, это всего лишь вывод из наиболее вероятных, по нашему мнению, предположений; важно, однако, что он подкрепляется сопоставлением отдельных мест ГФ, Э, Т и А, свидетельствующим о более позднем характере двух последних версий³⁹. В пользу этого же говорит и отмеченное уже разночтение в интересующем нас эпизоде: ГФ IV 975 упоминает о «персах», которые, если даже и подразумевать здесь турок-сельджуков, могли появиться в поэме уже с конца XI в., тогда как Μαγούβλοι (Т 1482, А 2348) переносят нас в XIII век⁴⁰.

Большое значение для разрешения этой проблемы представило бы доказательство оригинального характера сцены битвы Девгения с Василием в Тих — сцены, древность которой вызывает споры среди исследователей. Уже были отмечены различные, зачастую прямо противоположные суждения на этот счет⁴¹. М. Сперанский, В. Д. Кузьмина, А. Грегуар, А. Стендер-Петерсен, А. Шмаус считают сцену победы Девгения над императором первоначальной. Для Грегуара сцена эта является краеугольным камнем его павликианской теории⁴². А. Шмаус, сопоставляя два схожих описания — битвы Девгения с императором и битвы Девгения с Филиппапом и Максимианой, — настаивает на оригинальности первой сцены и подражательном характере второй⁴³. Однако уже неоднократно отмечавшийся исследователями фольклорный характер «Девгениева деяния» (здесь, например, совершенно отсутствует ряд важных исторических реминисценций поэмы, связанных с византийско-арабскими отношениями) серьезно затрудняет поиски в нем следов первоначальной редакции греческой поэмы, если даже согласиться с недоказанным на сегодняшний день тезисом о том, что именно такая редакция была перед русским переводчиком. При этом мы не можем даже с полной уверенностью назвать его переводчиком: хотя сопоставление древнерусской повести с наиболее схожими местами Т, А, ГФ свидетельствует, что перед нами, скорее всего, перевод какого-то неизвестного текста⁴⁴, не исключен и другой вывод — повесть эта могла быть также пересказом⁴⁵. Следует отметить и отсутствие упомянутой

³⁶ Н. Grégoire. Le tombeau... p. 495.

³⁷ P. Kalonaros. Op. cit., т. I, сел. κ', т. II, сел. 37, 290.

³⁸ В. Кузьмина упоминавшейся нами рецензии (Δ, X, сел. 653 εξ.).

³⁹ S. Kyriakides. Op. cit., S. 3 f; ср. А. Я. Сыркин. К истории изучения «Дигениса Акрита». ВВ, XVII, 1960, стр. 219.

⁴⁰ S. Kyriakides. Op. cit., S. 5.

⁴¹ История этого вопроса излагается в упомянутой монографии В. Д. Кузьминой. См. также А. Я. Сыркин. К истории..., стр. 212 сл., 216 сл., 220, 222.

⁴² См. Н. Grégoire. Note sur le Digenis slave, p. 335—339; idem. Le Digenis russe, p. 131 sq. и ряд других его работ.

⁴³ A. Schmaus. Philopappos-Maximo-Szene und Kaiser-Episode in altrussischen Digenis. ВЗ, 44, 1951, S. 505.

⁴⁴ М. Сперанский. Указ. соч., стр. 41, 81—85.

⁴⁵ W. Entwistle. Bride-snatching and the «Deeds of Digenis». «Oxford Slavonic papers», vol. IV, 1953, p. 2 sq.

сцены во всех остальных редакциях повести, в том числе в Мусин Пушкинской (восходящей к одному тексту с *Тих*)⁴⁶ и Титовской, отличающейся, как убедительно показала издавшая этот текст В. Д. Кузьмина, значительной архаичностью лексики и вместе с тем полнотой⁴⁷. *Тих* (145—146) содержит в этом эпизоде ту же несообразность, что и *Т*, вряд ли имевшуюся в первоначальной редакции, — сочетание Каппадокии (*Т* 1481; в *ГФ*, кстати, эта деталь отсутствует) и Евфрата (*Т* 1499, 1511)⁴⁸. Следует сказать, что наиболее близкую к «Девгениеву деянию» *Т*, судя по ряду мест, отнюдь нельзя назвать наиболее архаичной версией памятника. Возвращаясь к отмечавшемуся уже отсутствию исторических реминисценций в «Девгениевом деянии»⁴⁹, любопытно отметить, что этот непосредственный, если верить Грегуару, отзвук павликианства не сохранил даже тех скудных реминисценций греческих версий, которые лишь и позволяют делать предположения об участии павликиан в византийском эпическом творчестве. Здесь нет ни Кароеса, ни Хрисоверга, ни Судалиса.

Ряд ученых — Г. Вартенберг, П. Калонарос, А. Вайян, А. Мазон, Дж. Маврогордато, С. Кириакидис — подвергают серьезному сомнению оригинальный характер указанного эпизода. Уже отмечалось более удачное композиционное построение греческой поэмы в сравнении с «Девгениевым деянием»⁵⁰ — факт, признанный и самим Грегуаром⁵¹. Сомнение вызывает аргументация Грегуара там, где он предполагает обработку павликианской поэмы в лояльном, проимператорском духе и сохранение ее в первоначальном виде благодаря болгарским павликианам, через которых она будто бы проникла на Русь⁵². Никакими свидетельствами такого посредничества мы не располагаем. При этом весьма трудно предположить, как замечает Дж. Маврогордато, деятельность, направленную на то, чтобы разыскать все рукописи антиимператорской поэмы, бытовавшей в пограничных областях, и заменить эти тексты ученым произведением, годным для столицы. Трудно представить себе, чтобы подобная деятельность оказалась эффективной⁵³. Справедливо и другое сомнение Маврогордато: если такая деятельность имела место, то как мог сохраниться в поэме дерзкий ответ Дигениса царю — угроза уничтожить его неразумных воинов (*ГФ* IV, 997—999); кроме того, вряд ли такая цензура разрешила бы Дигенису поучать императора его обязанностям (*ГФ* IV, 1032 сл., *Т* 1525 сл., *А* 2391 сл.)⁵⁴. Укажем в этой же связи еще на один не особенно лояльный стих — о том, как, увидя льва, император обратился в бегство — καὶ πρὸς φυγὴν δὲ καὶ αὐτὸς ὁ βασιλεὺς ἐτρέπη (*ГФ* IV, 1069). Все эти примеры, разумеется, можно истолковывать и в ином смысле — как остатки еще более враждебного отношения к императору. Нам представляется, однако, более осторожным опираться при подобных

⁴⁶ М. Сперанский. Указ. соч., стр. 28.

⁴⁷ В. Д. Кузьмина. Новый список «Девгениева деяния». ТОДРЛ, IX, 1953, стр. 343, сл.; ср. J. Mavrogordato. Op. cit. p. XXV, XXVI.

⁴⁸ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. XLIV.

⁴⁹ Вряд ли разумно относить без каких-либо доказательств эту фольклорную черту повести за счет ее древности (H. Grégoire. Le Digenis russe, p. 158). Достаточно сопоставить хотя бы *ГФ* с записанными в новое время акритскими песнями, чтобы увидеть, насколько произвольно установление подобной зависимости.

⁵⁰ G. Wartenberg. Geht der slavische Digenis auf ein älteres Original zurück als die griechischen Epen? Byz. XI, 1936, S. 321 ff.

⁵¹ H. Grégoire. Notes on the byzantine... p. 92—93.

⁵² H. Grégoire. Note sur le Digenis Slave, p. 337; idem.: Le Digenis russe, p. 157.

⁵³ J. Mavrogordato. Op. cit., p. XLIV.

⁵⁴ Ibidem.

толкованиях на известный текст, чем на предполагаемый. В данном же случае важно, по нашему мнению, иметь в виду следующую особенность текста. Поэма заведомо ставит главного героя выше всех остальных. Однако, принижая всех, кто сталкивается с Дигенисом, она в то же время отдает им должное, зачастую не скупясь на похвалы. Такое сочетание отваги, а вместе с тем трусости по сравнению с Дигенисом мы найдем в образах Филопаппа, Мелемендзиса, Максимо; таков здесь и образ императора. Существовала ли когда-нибудь греческая редакция со сценой победы Дигениса над императором или нет, та двойственность, которая прослеживается в сохранившихся греческих вариантах этого эпизода, вполне отвечает приемам характеристики действующих лиц поэмы.

Различные толкования вызывает сходство в «Девгениевом деянии» эпизодов столкновения Девгения с императором и Девгения с Филиппапом и Максимианой. В отличие от А. Шмауса, А. П. Каждан считает последний эпизод первичным, а первый сделанным по его образцу⁵⁵. Впрочем, если даже эпизод с императором независим от других сцен повести, это еще не доказывает принадлежности его к греческому архетипу. С. Кириакидис, например, предполагает, что поводом для *Тух* послужило здесь своеволие и недоверчивость Дигениса, которые он проявляет перед императором в греческих текстах, — это и получило развитие в русской повести, вообще придающей герою более воинственный характер⁵⁶. Отметим, что мотив враждебных отношений между героем и царем известен и современным греческим песням. Так, в трапезундской песне о Порфирисе⁵⁷ царь посылает войско против героя, желающего жениться на царевне. Порфирий побеждает войско противника, но самого царя не трогает. Трудно судить, насколько характерен был этот записанный в новое время сюжет для эпического творчества IX—X вв. Г. Дестунис, например, считает этот мотив более поздним сравнительно с мотивом борьбы между греками и сарацинами и относит его к периоду турецкого ига, когда «в народной фантазии под именем царя и стратига рисовались султан и паша, а в богатые чествовала она независимого клефта»⁵⁸.

Следует остановиться и на одном из основных аргументов М. Сперанского в защиту оригинальности этой сцены⁵⁹. Он ссылается на уже рассматривавшийся нами (см. выше, стр. 101—102) стих *ГФ IV 974*, где об императоре Василии говорится: *ὁ καὶ συνδάψας μεθ' ἑαυτοῦ τὴν βασιλείαν δόξαν*. Сперанский переводит: «он, который вместе с собой похоронил и царское достоинство» (лучше бы перевести: «царскую славу»). — А. С.), и поясняет: «т. е. потерпел неудачу, погубил достоинство царя», видя в этом намек на эпизод поражения императора, сходный с русским текстом, и выдающий

⁵⁵ См. его рецензию на книгу А. Грегуара «*Ὁ Διγενὴς Ἀκρίτας*» (New York, 1942) в ИАН СССР, сер. ист. и филос., т. V, № 2, 1948, стр. 212; ср. S. Kyriakides. Op. cit., S. 14—15. Не случайно, быть может, в этой связи упоминание в *Тух* об отпуске Дигенисом пленных после победы над императором, в том числе «Канама со Иа-акимом» (147), упоминающихся в греческой поэме лишь в связи с Филопаппом и Максимо.

⁵⁶ S. Kyriakides. Op. cit., S. 14. С другой стороны, *Тух*, довольно близко следующая в начале этой сцены за греческим текстом, сохраняет и характерные для него уничижительные нотки, звучащие в ответе Дигениса императору: «удѣмалъ еси хѣдобѣ мою видети» (145) — *ἰδεῖν ἀχρηστον ἄνδρα* (Г 1498); «дивлюся, како потрудися царь твой к моеи хѣдости» (146). Ср. A. Vaillant. Le Digénis slave. «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», књ. 21, 1955, р. 215.

⁵⁷ Σ. Γωαννίδης. Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζούντος... Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1870, σελ. 288—290; ср. Г. Дестунис. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. СПб., 1883, стр. 79 сл.

⁵⁸ Г. Дестунис. Указ. соч., стр. 86.

⁵⁹ М. Сперанский. Указ. соч., стр. 97, прим. 1.

«первоначальный текст поэмы». Такое толкование, однако, представляется нам результатом явного недоразумения. Текст этот, если подходить к нему без всякой предвзятости, естественнее всего понять как «унесший с собой в могилу царскую славу», что отнюдь не подразумевает какую-либо неудачу, а, напротив, содержит высшую похвалу, вполне соответствующую предыдущей строке, где царь назван: *εὐτυχὴς καὶ μέγας τροπαιοῦχος* (иначе приходится допустить нелепое противоречие). Перед нами здесь, как уже говорилось выше (стр. 101—102), характерный для византийской (Никита Магистр, Михаил Пселл), да и не только для византийской, литературы риторический прием, перекликающийся к тому же со всем настроением сцены оплакивания самого Дигениса (ГФ VIII; А X).

Свидетельством о существовании в греческом тексте эпизода, представленного *Тих*, склонны иногда считать и стих *Т* 1541 (А 2407)⁶⁰. Здесь император в ответ на наставление Дигениса и на обещание его сделать всех врагов рабами императорской власти, говорит ему: *ἔχε... ὃ τέκνον μου, ὅλην τὴν Ῥωμανίαν* — «владей... дитя мое, всей Романией». Подобное предложение, конечно, вполне может исходить из уст побежденного соперника, хотя вряд ли естественно называть своего победителя *τέκνον μου*. У нас нет оснований с уверенностью считать, что эта строка точно отражает оригинальную версию, а не искажает ее. Между тем последнее отнюдь не исключено — достаточно сопоставить этот стих с ГФ IV, 1023—1025 (первые слова императора при встрече с героем):

ГФ IV, 1023—1025

Т 1541 (А 2407)

*Ἐχεις, λέγων, ὃ τέκνον μου, ἀπόδει-
ξιν τῶν ἔργων...
Εἶθε τοιοῦτους τέσσαρας εἶχεν ἡ Ῥω-
μῖα.*

*Ἐχε, φησὶν (λέγει), ὃ τέκνον
μου, ὅλην τὴν Ῥωμανίαν.*

Прибавим, что двумя строками ниже (IV, 1027) император предлагает Дигенису: *ὅπερ βούλει λάμβανε τῆς ἐμῆς βασιλείας*, что по смыслу не так уж отличается от *Т* 1541.

Но если даже этот стих не является результатом более позднего редактирования и без изменения перешел в *Т* и *А* из более старого оригинала, ясно во всяком случае, что редакторы этих версий были далеки от подобного толкования — вряд ли иначе император был бы назван несколькими стихами ниже *νικητῆς* (А 2420, в *Т* здесь лакуна). И это недоразумение не единственное. Будучи истолкован как слова побежденного в сражении императора, уступающего победителю всю свою страну, стих *Т* 1541 (А 2407) вступает в полное противоречие со всем содержанием этих эпизодов в *Т* и *А*. Следует признать тогда, что император всерьез дарит герою свое царство после того, как тот в почтительнейших выражениях обещал сделать рабами императора его врагов. Подарив же Дигенису Романию, император сразу же (*Т* 1544—1546, А 2410—2412) жалуется ему в двойном размере конфискованные раньше владения деда Дигениса — дар, совершенно несоизмеримый с предыдущим, — причем обещает скрепить это хрисовулом, т. е. лишним раз подтверждает тем самым свою верховную власть, которую он только что уступил. Затем он заверяет «властителя Романии», что никто у него не отнимет этих владений (*ἔχε ταῦτα ἀφαίρετα*). В *Т* следует лакуна, а *А*, почти дословно повторяющая ее в этом эпизоде, говорит, что исполнив все это (*ταῦτα πάντα... πληρώσας*), император жалуется

⁶⁰ Ср. А. П. К а ж д а н. Указ. рец., стр. 212.

Акриту драгоценные ткани (χάρις πολύτιμα κοσμάσια) и отправляет (ἐπρότεμε) его (2413—2415), после чего Акрит возвращается на границы.

Очевидно, что в угоду предполагаемому содержанию неизвестного нам текста мы допускаем явные несообразности в двух сохранившихся версиях — несообразности, странным образом пропущенные или непонятые редакторами. Не надежнее ли будет исходить в толковании этого стиха из окружающего его текста, а не из априорных предположений? При таком подходе, как нам кажется, все противоречия исчезают. Предложение «владеть всей Романией» легко понять как ни к чему не обязывающую поэтическую гиперболу, естественную в устах восторгающегося Дигенисом императора; можно вспомнить здесь ΓΦ IV, 1027, где он же предлагает герою взять у него все, что тот пожелает, или ΓΦ, IV, 1080—1082, где Василий славит господу, удостоившего его увидеть мужа, который превзошел силой всех ныне живущих (ἐν τῇ παρούσῃ γενεᾷ ἰσχυρόν παρὰ πάντας). Подобные и куда более фантастические гиперболы — не редкость в нашей поэме. В таком понимании стих этот вполне укладывается со своим контекстом (Γ 1542 сл., А 2408 сл.). «Владей всей Романией, дитя мое, — говорит император и продолжает, — можешь проходить (διέλθε) по ней с севера и по всем ее землям (μερῶν τῶν πάντων) и встречай теперь почет со своими людьми (καὶ ἔσο υῶν τιμώμενος μετὰ καὶ τοῦ λαοῦ σου); я пожалуй тебе хрисовулом в двойном размере все владения твоего деда. . .», и т. д. В приведенном отрывке первые слова императора, если не рассматривать их изолированно, звучат уже, скорее, как предоставление герою права разгуливать по всей стране и пользоваться повсюду почетом. Здесь, как нам кажется, по смысловому оттенку подошел бы, скорее, такой перевод, как «вся Романия — твоя (в твоём распоряжении; у твоих ног). . .», «вся Романия перед тобою. . .» и т. п. Отметим, что оттенок этот удачно, на наш взгляд, передан во французском переводе Э. Леррана: «Mon enfant, la Romanie tout entière est à toi; parcours-la au nord et dans toutes ses provinces. . .»⁶¹ Слова эти не вызывают здесь никакого недоумения.

Приведенные соображения, разумеется, отнюдь не доказывают еще отсутствия в недошедших до нас редакциях поэмы эпизода, представленного *Тих*; не исключают они и возможности существования этого эпизода именно в первоначальной версии «Дигениса Акрита». Цель их — показать неизбежную шаткость подобных гипотез, не находящихся, как нам кажется, подтверждений в сохранившихся греческих текстах. Что же касается текста «Девгениева деяния», то, не считая себя достаточно компетентными для специального его анализа, позволим себе отметить лишь следующее. Пожалуй, наиболее убедительным следом сравнительной древности оригинала *Тих* относительно *Т* и *А* служит, по нашему мнению, упоминание Василия вместо Романа в сочетании с Каппадокией (отсутствие тех или иных реминисценций как более ранних, так и более поздних — в данном случае служить доказательством не может).

Отразилась ли эта сравнительная древность в других частях русской повести? Следуй «Девгениево деяние» во всех своих эпизодах, за исключением одного этого, содержанию греческого памятника, мы еще могли бы с известной вероятностью заключить о существовании соответствующего греческого текста, более раннего, чем оригинал *Т* и *А*. Но сцена победы Девгения над царем — не исключение. Не говоря уже о Погодинской (и схожей с ней Титовской) редакции, представляющей собою более

⁶¹ Les exploits de Basile Digénis Acritas, épopée byzantine du dixième siècle, publiée. . . par C. Sathas et E. Legrand. Paris, 1875, p. 129.

поздний, обрусевший вариант повести ⁶², такие неизвестные греческим текстам детали встречаются и в Тихонравовской, — по мнению М. Сперанского, более близкой к архетипу русской повести ⁶³ — редакции. Так, Девгений убивает здесь трехглавого змея, прилетевшего к источнику, у которого он совершал омовение (137); он сталкивается с самим стратигом (отцом стратиговны) и ударом по плечу сбрасывает его с коня (142 — несколько аналогичное с интересующим нас эпизодом отклонение, также делающее героя более воинственным, чем в греческой поэме); после своей свадьбы Девгений дарует свободу находившимся у него пленникам, в том числе Филиппе и Максиму (144) — о пребывании их в плену у героя сообщает и более поздняя Погодинская редакция (163), но ничего не говорят греческие тексты. Схожим образом после победы над Василием отпускает он на свободу среди прочих пленных «Канама со Иаакимом» (147), о пленении которых греческие версии также не упоминают. Если сопоставить все это с ярко выраженным фольклорным, сказочным характером «Девгениева деяния» и принять во внимание, что мы располагаем лишь более поздними редакциями повести, отделенными от предполагаемого времени ее возникновения (XII—XIII вв.) ⁶⁴ четырьмя-пятью веками, то станет ясно, насколько трудно определить при современном состоянии источников, каким из этих расхождений мы обязаны утраченному греческому оригиналу и какие являются результатом творчества русского переводчика и редакторов.

Итак, окончательное решение вопроса о том, входила ли сцена единоборства Девгения с императором в греческий оригинал «Девгениева деяния», а если входила, то отражала ли она архетип поэмы, представляется нам невозможным до тех пор, пока мы не знаем ни архетипа древнерусской повести, ни ее греческого оригинала, ни, наконец, первоначальной редакции эпоса о «Дигенисе Акрите». Это лишает нас важного аргумента в пользу того, что первоначальная редакция «Дигениса Акрита» имела в виду императора Василия, а не Романа. Тем не менее гипотеза о первичности Василия (и, скорее всего, Василия I) по приведенным выше соображениям представляется нам наиболее вероятной.

2. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Как мы видели, отдельные персонажи поэмы, окружающие Дигениса, историчны в большей степени, чем он сам, и в ряде случаев допускают сопоставление с теми или иными лицами византийской и арабской истории ⁶⁵. Такие сопоставления, хоть и не дают возможности поместить нашего героя в какие-либо определенные хронологические рамки, тем не менее весьма существенны для датировки возникновения поэмы и составления отдельных ее редакций. Ниже мы затронем отдельные важные для этой датировки историко-географические реминисценции поэмы и проблеме ее хронологии.

ГФ III, 236 сл. сообщает о том, как после проповеди эмира о преимуществах христианской веры родичи его и все собравшиеся тогда в Рахабе (Эдессе) мусульмане приняли христианство (ср. VIII, 8 сл.). Хотя нет возможности связать этот эпизод с каким-либо определенным событием, он представляется весьма характерным для 30-х годов X в. Так, около 928 г. на сторону греков перешел эмир Мелитины Абу Хафс. Несколькими

⁶² Ср. М. Сперанский. Указ. соч., стр. 120.

⁶³ Там же, стр. 28.

⁶⁴ Там же, стр. 130.

⁶⁵ А. Я. Сыркин. Об историчности. . . , стр. 132.

годами позже, по-видимому, под влиянием военных успехов Куркуаса, захватившего в 934 г. Мелитину, а затем и Самосату, на сторону греков перешло целое арабское племя — Бени-Хабиб. Около 12 тыс. человек вместе со своими слугами приняли христианство и, поселенные на пограничных землях империи, сделали ее верными защитниками; они в свою очередь склоняли к подобному переходу своих сородичей, продолжавших хранить верность исламу⁶⁶. Такие случаи не были в те годы исключением⁶⁷, и, надо думать, именно они сделали возможным упомянутый эпизод поэмы.

Другое свидетельство, правда, в довольно широких хронологических рамках дает неоднократное упоминание в различных версиях Евфрата как пограничной области (ГФ IV, 994, 1006; VI, 727, 844; VII, 7 и др.). Византийские войска вышли на Евфрат при Романе I в результате походов Иоанна Куркуаса и примерно в 928—1071 гг. берега этой реки служили границами Византии⁶⁸. Тем не менее не исключено, что название это могло употребляться и в связи с более ранними событиями, например в связи с рассказом о переходе через Евфрат Василия I⁶⁹. Вместе с тем, как мы отмечали уже (см. выше, стр. 97—98), в сцене встречи с императором Т, А и Тих говорят также и о Каппадокии, что, возможно, свидетельствует о двух разновременных редакциях этого текста⁷⁰.

Обращаясь к эмиру, мать его, защищая ислам, говорит: οὐ παρ' ἡμῶν τὸ Νέεσμα ὑπάρχει τὸ μανδίλιον (ГФ, III, 150). Здесь имеется в виду какая-то реликвия, связанная с легендой о сирийском военачальнике Неемане, излеченном от проказы пророком Елисеем (4 кн. Царств, 5; ср. Евангелие от Луки, 4, 27). По мнению А. Грегуара, следующего за П. Каролидисом, Нееман тождественен здесь с царем Эдессы Абгаром V, согласно легенде, исцеленным от проказы Иисусом Христом, а μανδίλι — это τὸ τοῦ Χριστοῦ ἄγιον ἑμάτευον — платок, сохранивший изображение Иисуса, который будто бы осушил им свое лицо, а затем послал этот платок Абгару⁷¹. Реликвия эта находилась в Эдессе до 944 г., когда она была торжественно перенесена в Константинополь. Отсюда А. Грегуар выводит terminus ante quem первоначальной версии поэмы — 944 г. Несмотря на свою заманчивость, гипотеза Грегуара все же вызывает сомнения. Прежде всего, почему Нееман спутан с Абгаром? Не могла ли находиться в Эдессе, славившейся «чудесными исцелениями», какая-то неизвестная нам реликвия, связанная с именем Неемана? ⁷² Далее, строго говоря, мы не можем даже быть полностью уверенными, что под ἡμῶν здесь подразумевается Эдесса, а не вообще: «у нас, мусульман». Ведь несколькими стихами выше (ГФ III, 139 сл.) мать эмира говорит о другой святыне — гробнице пророка, находящейся в Мекке.

⁶⁶ И б н Хаукаль (in: «Bibliotheca geographorum arabicorum, 2 ed., ed. J. Kramers, 1 fasc., Leiden, 1938), p. 211—213 (цит. по кн.: А. А. Васильев. Byzance et les arabes, t. II, 2 part. Bruxelles, 1950, p. 419—421); И б н З а ф и р. — Ibid., p. 121.

⁶⁷ А. А. Васильев. Византия и арабы, т. II. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902, стр. 236—237.

⁶⁸ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXX; S. Impellizzeri. Op. cit., p. 7.

⁶⁹ Ср. Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838, p. 269. 1—7, H. Grégoire. Ὁ Διγενής Ἀκρίτας, σελ. 289.

⁷⁰ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. XLIV.

⁷¹ Ср. П. Каролидис. Op. cit., σελ. 229 ἐξ.; H. Grégoire. Le tombeau... p. 486—487; idem. Ὁ Διγενής Ἀκρίτας, σελ. 108—110. Подробнее об этой реликвии см. E. Dobschütz. Christusbilder. Leipzig, 1899, Kap. V: Das Christusbild von Edessa, S. 102—196. Ср. M. Canard. Histoire de la Dynastie des H'amdaniides de Jazira et de Syrie, t. I. Paris, 1953, p. 748—752.

⁷² J. Mavrogordato. Op. cit., p. XXXV, LXXVIII.

Допуская, что здесь действительно имеется в виду Абгар, Маврогордато (*ibidem*) считает возможной ошибку в тексте — *μαυτῆρι* вместо *μαυτῆρ* — тогда, по его мнению, речь может идти о другой знаменитой эдесской святыне — письме Христа к тому же Абгару. Письмо это находилось в Эдессе, по-видимому, до 1031 г., что разрушает все построения Грегуара. Вряд ли, однако, есть необходимость в подобной конъектуре, ибо она не разрешает основного сомнения — в тождестве Неемана Абгару. При этом Маврогордато не учитывает и того, что обе реликвии могли быть перенесены в Константинополь одновременно — в 944 г., а это не исключено ⁷³. Вполне возможным в этой связи представляется предположение С. Кириакидиса, склонного видеть здесь добавление редактора ГФ, желавшего показать свою начитанность и знание Библии ⁷⁴. Так или иначе, стих ГФ III, 150, вопреки мнению А. Грегуара, не может считаться надежным хронологическим свидетельством.

Упомянув о Мусуре Тарсийце и о его походах ⁷⁵, поэма, по-видимому, имеет в виду время до 965 г., когда Тарс был взят Никифором Фокой ⁷⁶. Вместе с тем событие это, как и другие походы Никифора, было, очевидно, уже знакомо автору, который говорит о взятии Дигенисом Тарса (ГФ IV, 969) и о покорении «маврохионитов» (ср. Т 3107, А 4344) ⁷⁷. Трудно судить, свидетельствует ли стих Э 236, где мать говорит эмиру о его *τοῦ χαλέτε κοράσια*, о времени до взятия Никифором Алеппо (967 г.) ⁷⁸. Значительно достовернее упоминание в разных версиях поэмы Рахаба (Эдессы) как мусульманского укрепления — это наверняка свидетельствует о времени до 1031 г., когда город этот был взят Георгием Маниаком ⁷⁹.

Не особенно надежными представляются слова о прочном мире, установленном Дигенисом на границах, когда не слышно было ни слова о войне (ГФ VII, 221 сл., VIII, 227; Т 3092; А 4329). Вряд ли стоит непременно исходить из этой предпосылки при датировке «Дигениса Акрита». Прежде всего следует различать здесь время, о котором писал автор поэмы, и время, в которое он писал. Второе далеко не обязательно должно быть периодом мира — восхвалять мир автор мог и во время войны. Поэтому аргументация Дж. Маврогордато, видящего в этом указании довод в пользу предлагаемой им датировки первоначальной редакции памятника — при Константине Мономахе (1042—1055), когда на восточных границах империи «царил почти полный мир», выглядит не очень убедительно ⁸⁰. Но если даже согласиться с этой предпосылкой, то таким периодом могли, например, быть и годы, предшествовавшие взятию Никифором Алеппо (967 г.) ⁸¹, что, пожалуй, больше соответствует периоду формирования византийского эпоса. Не более надежны с точки зрения упоминаний о мире и поиски

⁷³ См. об этом: В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883, стр. 392—398; В. Васильевский. Синодальный кодекс Метафраста. ЖМНП, ч. 311, 1897, июнь, стр. 399—400; ср. рецензию С. Кириакидиса на указ. соч. Маврогордато (ВЗ, 50, 1957, С. 142).

⁷⁴ S. Kyriakides. Op. cit., S. 21; ср. S. Impellizzeri. Op. cit., p. 79.

⁷⁵ А. Я. Сыркин. Об историчности... , стр. 142 сл.

⁷⁶ S. Kyriakides. Op. cit., S. 20. Не исключено, что соответствующий стих Э (263) намекает на действия Куркуаса в Армении в 940 г. (*ibid.*, S. 20, п. 84), но считать это доказанным нельзя. Поводом к этому упоминанию могла послужить и деятельность эмира Тарса Али ибн Яхьи в Армении (ср. А. Я. Сыркин. Об историчности... , стр. 144).

⁷⁷ А. Я. Сыркин. Об историчности... , стр. 126—127.

⁷⁸ S. Impellizzeri. Op. cit., p. 79.

⁷⁹ *Ibidem*.

⁸⁰ J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXX, LXXXI, LXXXIV; ср. указ. рец. С. Кириакидиса (ВЗ, 50, 1957, С. 143).

⁸¹ S. Kyriakides. Forschungsbericht... , S. 22.

времени, о котором писал автор. Можно предположить здесь и последние годы правления Никифора, что находит себе подтверждение в *T*, *A*, *A*₁, *O*, но не исключено, что автор поэмы имел в виду какую-либо другую передышку — мирные договоры и обмены пленными в IX—XI вв. не были редкостью⁸².

Выше были отмечены некоторые реминисценции, которые вполне могли входить в первоначальную редакцию поэмы и в той или иной мере существенные для ее датировки⁸³. Вместе с тем разные версии поэмы содержат и отдельные более поздние напластования, имевшие, по-видимому, целью осовременить повествование. На некоторых из таких «модернизмов» мы уже останавливались⁸⁴.

На существование Иконийского султаната намекает, по всей видимости, стих *ΓΦ* IV, 1043, где Дигенис обещает императору освободить его от дани *ὁ ἐδίδου κατὰ καιρὸν τέλος τῷ Ἰκόνιῳ* (в других версиях это свидетельство отсутствует). Стих этот переносит нас в конец XI—XIII в.⁸⁵ Вряд ли следует прибегать здесь к каким-либо конъектурам с целью привести это место в соответствие с именем Василия⁸⁶ — ведь такой анахронизм не является в поэме исключением, а речь идет отнюдь не о первоначальной версии памятника, а о его более поздней редакции⁸⁷. Кроме этого, Иконий (*Ἰκόνιον*, *Κόνιον*) встречается и в других местах поэмы — там, где говорится о завоеваниях отца эмира (*Э* 258; ср. *T* 3058, *A* 4294), самого эмира (*ΓΦ* I, 295, *Э* 732) и, наконец, Дигениса (*ΓΦ* I, 8); но здесь, очевидно, речь идет не о султанате.

Большее сомнение вызывает стих *Э* 924, говорящий о птицах, пьющих *εἰς τὴν Ἰχέαν τὴν λίμνην*. Здесь, по-видимому, имеется в виду залив Аскания близ Никеи, но совершенно неясно, следует ли отнести это упоминание ко времени Никейской империи, т. е. к XIII в.⁸⁸

Интересно обещание стратига Дуки Дигенису дать ему в приданое *κεκτηνάρια εἰκοσι νομίσματα παλαῖα*, которые он заранее отобрал и сохранил для дочери — *ἃ πρὸ καιροῦ ἐχώρισα καὶ ἐθέμην ἰδίως* (*ΓΦ* IV, 706—707; *T* 1307 и *A* 2416 не приводят последних слов; в *Э* упоминание о «старой монете» вообще отсутствует). Слова эти вполне подходят к периоду с середины XI в., в особенности ко времени Комнинов, когда в результате порчи монеты деньги ценились тем дороже, чем старше была чеканка⁸⁹.

Упоминающиеся в поэме *Πέρσαι*, как уже говорилось, не обязательно должны обозначать турок-сельджуков⁹⁰; так могли называться и арабские

⁸² Ср. G. Vismare. *Bizanzio e l'Islam*. Milano, 1950, p. 29 sg. (n. 82—84).

⁸³ Во избежание повторений мы не останавливаемся здесь на ряде таких реминисценций, затронутых в предыдущей статье («Об историчности...»).

⁸⁴ См. выше, стр. 97—98.

⁸⁵ Ср. Nicetae Choniatae *Historia*. Bonnae, 1835, p. 481. 12—14; Georgii Pachymeris *De Michaelis et Andronico Palaeologis*. Bonnae, 1835, vol. I, p. 15. 16—17.

⁸⁶ Так, A. Грегар (H. Gregoire. *Le sultanat l'Iconium dans l'épopée byzantine*. Byz. IX, 1934, p. 361—365) предлагает читать это место: *ὁ ἐδίδου κατὰ καιρὸν τέλος τὸ τῶν οἰκείων*; ср. S. Kyriakides. *Forschungsbericht...*, S. 6—7; A. Χατζής. *Εἰς τὴν τοῦ Εὐσταθίου...*, σελ. 369 ἐξ.

⁸⁷ P. Kalonaros. *Op. cit.*, т. II, σελ. 167.

⁸⁸ Так полагает С. Кириакидис (*Ἀχρῖτικαὶ μελέται*. *Miscellanea G. Mercati*, III, 1946, p. 428—429; *idem*. *Forschungsbericht...*, S. 6.).

⁸⁹ Ср. Ph. Grierson. *The debasement of the bezant in the XIth century*. BZ, 47, 1954, S. 384; G. Ostrogorsky. *History of the Byzantine State*. Oxford, 1956, p. 315, 327 sq. Это же характерно и для времени Палеологов (G. Ostrogorsky. *Op. cit.*, p. 430 sq.). Ср. S. Kyriakides. *Forschungsbericht...*, S. 7.

⁹⁰ S. Kyriakides. *Forschungsbericht...*, S. 7; ср. А. Я. Сыркин. *Об историчности...* стр. 149.

войска, в которых наряду с арабами служили персы и турки. Последние, кстати, названы в поэме (*ГФ* I, 45; *А* 308, *Э* 728) среди разноплеменных воинов эмира, отца Дигениса, и вряд ли поэтому следует считать, что соответствующий стих *Э* мог появиться лишь с конца XI в.⁹¹ Об этом времени, скорее, свидетельствуют «турецкие мечети» — *μασγίδια τούρκικα* (*Э* 102), а также титул «султан», который *Э* 727, быть может, под влиянием последующего (728) упоминания о турках дает отцу Дигениса⁹². Другие версии не называют его так, зато *Т* 3064 и *А* 4300 называют деда эмира — Амбронна — *ὁ μέγας ὁ Σουλτάνος*⁹³. Однако и здесь мы не можем с уверенностью видеть связь с сельджуками. Известно, что титул султана существовал в халифате еще в IX в.; его носил, в частности, полководец Мутасима Ашнас, турок по происхождению⁹⁴. Этот Ашнас, кстати, был участником разграбления Анкиры, на которое, по-видимому, намекают несколько выше *Т* 3059 и *А* 4295, называющие Анкиру среди других городов и областей, которым *Ἀγαρηνῶν τὸ γένος... πολλὴν βλάβην ἐποίησεν* (*Т* 3055—56)⁹⁵. Не исключено, таким образом, что и этот титул — отголосок IX в.

Интересно свидетельство о *Μαγούλῳι* (*Т* 811, 1482; *А* 1343, 2348; *А*₁ 342, 363). Вряд ли это искаженные *Γουλάβῳι* (*ГФ* I, 47)⁹⁶, так как *Т* и *А* упоминают их не только в связи с войском эмира. Скорее всего, здесь имеются в виду монголы, что свидетельствует о времени после 1242 г.⁹⁷

Другое свидетельство — упоминание в *ГФ* I, 29 о скифах, под которыми, вероятно, подразумеваются куманы (половцы)⁹⁸. Место это, однако, существенно для датировки не самой *ГФ*, а вступления к этой версии, которое, как уже говорилось, составлялось отдельно от нее⁹⁹.

Весьма важно для датировки *А* (и соответственно *Т*) упоминание об Ахайе, где император одержал победу после встречи с Дигенисом (*А* 2419—2420, *А*₁ 364, в *Т* здесь лакуна). По-видимому, тут имеется в виду Ахейское княжество, основанное крестоносцами, а победа эта, — вероятнее всего, битва при Пелагонии 1259 г., где Михаил VIII Палеолог (1259—1282) в союзе с куманами и сельджуками нанес сокрушительное поражение коалиции, во главе которой стояли Манфред (Сицилия), Михаил II (Эпир) и Вильгельм Виллардуэн (Ахейя)¹⁰⁰. Это свидетельство вполне согласуется с упоминающимися несколько выше в тех же эпизодах версий *Μαγούλῳι*. Заслуживает внимания и отмеченная С. Кириакидисом близость этого стиха *А* к тексту Пахимера¹⁰¹.

⁹¹ S. Kyriakides. *Σημειώματα*. BZ, 44, 1951, S. 358.

⁹² Ibidem; P. Kalonaros. Op. cit., т. II, σελ. 157.

⁹³ Cp. M. Canard. Un personnage de roman arabo-byzantin. «Deuxième Congrès national des sciences historiques». Alger, 14—16 avril 1930. Alger, 1932, p. 96.

⁹⁴ A. A. Vasiliev. Byzance et les arabes, t. I. Bruxelles, 1935, p. 4.

⁹⁵ Любопытно, что ниже (*Т* 3061, *А* 4297) «первым стратигом» этих «агарян» назван Хосрой (см. А. Я. Сыркин. Об историчности... , стр. 144); это лишний раз свидетельствует о смешении в поэме персов с арабами.

⁹⁶ H. Grégoire. L'épopée byzantine et ses rapports avec l'épopée turque et l'épopée romane. BCLSMF, ser. 5, t. 17, 1931, p. 481 sq.; cp. P. Kalonaros. Op. cit., т. I, σελ. 76; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 5.

⁹⁷ Pachym., I, p. 344. 15; II, p. 620. 10; cp. S. Kyriakides. *Ἀκριτικά...*, p. 400—405; idem. Forschungsbericht..., S. 5.

⁹⁸ Georgii Acropolitae Opera, rec. A. Heisenberg, I. Lipsiae, 1903, p. 18₂₆, 21₂₄ sq.; cp. S. Kyriakides. Forschungsbericht..., S. 7.

⁹⁹ А. Я. Сыркин. Об историчности... , стр. 126.

¹⁰⁰ G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 398, 399; cp. S. Kyriakides. *Ἀκριτικά...*, p. 405—408; idem. Forschungsbericht..., S. 6; P. Kalonaros. Op. cit., т. I, σελ. 133—134.

¹⁰¹ Pachym., I, p. 106₁₇ sq; 107₂₀; cp. S. Kyriakides. Forschungsbericht..., S. 6.

Мы останавливались уже на некоторых существенных в историческом отношении географических реминисценциях поэмы (Евфрат, Рахаб, Тефрика, Анкира, Иконий, Тарс и др.)¹⁰². Отдельные имена не поддаются пока точному отождествлению. Такова, например, Лаккопетра (ГФ II, 101, 140), сопоставляемая то с Запетрой, то с Λακάπη — родиной Романа Лакапина¹⁰³. Нет полной уверенности в отождествлении Халкургии (ГФ V, 238, 257)¹⁰⁴, Эксакоми (ГФ II, 78)¹⁰⁵. Неясно, являются ли «троглодиты» в войске эмира (ГФ I, 46) данью античной географии или они связаны со свидетельством Льва Диакона, согласно которому таковым было старое название каппадокийцев¹⁰⁶. Трудно сказать, отразилась ли малоазийская топонимика в упоминании «великия рекомыя рѣки Багряницы» в Погодинской редакции «Девгениева деяния» (стр. 150, изд. Сперанского). А. Грегуар делает довольно проблематичное сопоставление с Галисом: он производит название этой реки от тюрского al (= écarlate, ср. русск. «алый»), не учитывая почему-то традиционной этимологии этого названия (от греч. ἄλς)¹⁰⁷.

В целом, несмотря на отдельные неясности, действие византийского эпоса может быть локализовано достаточно точно. Это в основном районы Каппадокии, Киликии, Ликанды, Месопотамии. Поэма содержит ряд географических названий, вошедших в историю греко-арабских войн, — Аморий, Иконий, Ираклия, Тарс и т. д. Одни из них служат местом действия, другие приводятся в связи с воспоминаниями о старых походах — как арабов, так и греков. Очень трудно установить, какие из этих имен входили в первоначальную редакцию поэмы; особенно осложняется это значительными расхождениями в географических названиях между разными версиями¹⁰⁸. По-видимому, каждый редактор вносил сюда свои изменения. Так или иначе кругозор автора поэмы в основном ограничивался Малой Азией. Ссылки на Европу за единичными, вряд ли характерными, исключениями (например, более позднее упоминание об Ахайте в *T* и *A*) отсутствуют. Не выходит поэма и за восточные границы Сирии и Месопотамии, если не считать эллинистической реминисценции о «землях брахманов», откуда Александр Македонский привел будто бы амазонок (ГФ VI, 386—387, *T* 2769—2770, *A* 3357—3358).

* * *

Отмеченные свидетельства дают возможность подойти к проблеме хронологии византийского эпоса. Наиболее надежно определяют они время, послужившее для автора поэмы фоном, на котором разворачивается повествование.¹⁰⁹ В этой связи, разумеется, не следует принимать во внимание литературных реминисценций, относящихся к древнему миру и к раннему средневековью (например Хосрой — ГФ IV, 912, *T* 3061); следует откинуть и более поздние напластования, явно противоречащие основным

¹⁰² См., напр., А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 126 сл., 137 сл., 142, 148.

¹⁰³ H. Grégoire. Notules. Byz., VIII, 1933, p. 572—574; idem. Etudes sur l'épopée byzantine. REG, 46, 1933, p. 65; idem. L'épopée byzantine..., p. 492; P. Kalonagos. Op. cit., т. I сελ. 47.

¹⁰⁴ См. P. Kalonagos. Op. cit., т. I, сελ. 150; H. Grégoire. 'Ο Διγενής..., сελ. 105—106.

¹⁰⁵ А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 142.

¹⁰⁶ Leonis Diaconi Caloensis Historiae... Bonnae, 1828, p. 35₆₋₈: Τρωγλοῦται τὸ ἔθνος τὸ πρόσθεν κατονομάζετο. Ср. S. Kyriakides. Указ. рец. S. 143; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 5.

¹⁰⁷ H. Grégoire. Notules, p. 569—570; ср. RE, 7. Bd., S. 2286.

¹⁰⁸ Ср., напр., А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 138, 140.

¹⁰⁹ S. Kyriakides. Forschungsbericht..., S. 19—21.

историческим реминисценциям поэмы и важные лишь для датировки отдельных ее версий. Вряд ли следует принимать здесь во внимание и сомнительную гипотезу А. Грегуара о турмархе Диогене (788 г.)¹¹⁰. Мы видим, что события, прямо или косвенно отразившиеся в поэме, относятся к IX—X вв. Наиболее ранние из них — это, пожалуй, воспоминания о военных действиях Мутасима в 838 г.¹¹¹ Затем идут воспоминания о походах эмира Мелитины Омара, о Карвеасе и Хрисохире, отзвуки истории Андроника Дуки. Все это связано с предками Дигениса. История рождения героя содержит уже больше ассоциаций с 20—30-ми годами X в. Как видим, поэма соблюдает известное хронологическое соответствие¹¹², но оно весьма относительно, и попытки датировать жизнь героя, например 934—967 гг., как это представляется наиболее вероятным С. Кириакидису¹¹³, следует считать условными. Так, приведенная выше дата не согласуется ни с одним из Василиев, не сходится она и с посещением Дигениса Романом Лакапином. Отодвигая ее назад, мы получим несоответствие с Тарсом (965) и вообще с походами Никифора II, явно отразившимися в поэме¹¹⁴; передвигая же эту дату вперед, мы получим чересчур большой разрыв во времени с предками Дигениса. Ясно, что к такому памятнику, как «Дигенис Акрит», подобная датировка неприменима.

Указывают еще на одно свидетельство о времени после 30-х годов X в. Правда, здесь перед нами *argumentum ex silentio* — отсутствие упоминания о важном центре мусульман Мелитине, захваченной и разрушенной в 934 г. Куркуасом¹¹⁵. Так или иначе, действие поэмы в большей мере современно событиям 30—60-х годов X в. Не исключено, что действие захватывает и более поздний период, но судить об этом уже трудно. Во всяком случае период этот ограничен, по-видимому, 20-ми годами XI в. — правлением Василия II (в случае, если его имеет в виду ΓΦ) и взятием греками Эдессы в 1031, которому явно предшествует содержание поэмы. О событии этом, по всей вероятности, автор первоначальной версии поэмы не знал, так же как знал он, по-видимому, о взятии Мелитины. Не столь надежно и более расплывчато свидетельство о Евфрате — здесь проходили византийско-арабские границы в 928—1071 гг. Конец этого периода вряд ли имеет отношение к интересующему нас времени; начало же его, как уже говорилось выше (стр. 110), не обязательно должно рассматриваться как *terminus post quem* для такого упоминания.

Итак, события, отразившиеся в поэме, сосредоточены в основном вокруг середины X в.; вместе же с историей предков нашего героя и с возможными отзвуками последующих лет конца X—начала XI в. исторический фон памятника охватывает около двух веков византийской истории — начиная от Феофила и кончая Василием II Болгаробойцей.

Мы не ставим себе задачей останавливаться на вопросе о генезисе «Дигениса Акрита» как эпического произведения — это выходит за рамки настоящей статьи. Как и большинству исследователей, нам представляется, что основным источником для поэмы послужили народные песни¹¹⁶,

¹¹⁰ Н. Grégoire. Le tombeau. . . , p. 498 sq.

¹¹¹ А. Я. Сыркин. Об историчности. . . , стр. 143.

¹¹² R. Goosens. Les recherches. . . , p. 450.

¹¹³ S. Kyriakides. Forschungsbericht. . . , S. 21; ср. А. Eberhardt. Op. cit., S. 53; С. Иоаннидис ("Επος μεσαιωνικόν ἐκ τοῦ χειρογράφου Τραπεζοῦντος... Κωνσταντινουπόλεως, 1887, σελ. 18) предлагал 936—969 гг.

¹¹⁴ А. Я. Сыркин. Об историчности. . . , стр. 126—127.

¹¹⁵ Ср., например, R. Goosens. Op. cit. p. 450.

¹¹⁶ Тезис этот убедительно проводится в упомянутой монографии В. Д. Кузьминой, которая уделяет пристальное внимание характеристике фольклорных источников народного эпоса.

слагавшиеся на материале исторических событий: о существовании их могут в известной мере свидетельствовать песни «О сыне Армуриса», «О сыне Андроника» и т. д. Надо полагать, что в IX—X вв. в основном и был создан цикл песен, легших в основу «Дигениса Акрита»¹¹⁷; уже Г. Дестунис предполагал, что песни о Дигенисе предшествовали созданию поэмы¹¹⁸. Существовали, по-видимому, отдельные песни о похищении эмиром дочери византийского стратига и о его крещении, о подвигах Дигениса на охоте, о битвах его с апелатами и с Максимо, о похищении Дигенисом дочери стратига Дуки, о встрече Дигениса с императором: герой проявлял перед ним свою отвагу (как юный Василий перед Михаилом III), а может быть, и побеждал его в сражении; наконец, существовали, по-видимому, и песни о смерти Дигениса. Современные песни акритского цикла, группирующиеся в основном вокруг тем сватовства Дигениса и его смерти¹¹⁹, совершенно отличны по содержанию от соответствующих сцен «Дигениса Акрита» и вряд ли могут дать нам представление о тогдашних песнях, отделенных от них почти тысячелетием¹²⁰.

Перед составителем поэмы были и другие литературные и фольклорные источники (разбор их не входит сейчас в нашу задачу). Ему были, вероятно, известны какие-то произведения (может быть, также песенного характера), повествовавшие об эмире Мелитины Омаре, о вождях павликиан, об Андронике Дуке и т. д.; поэма сохранила здесь лишь отдельные отзвуки, не дающие возможности судить о характере этих текстов. Вместе с тем отдельные песни вошли не во все версии поэмы: таковы история рождения матери эмира (А, А₁, О) и рассказ об Анкиле (Т, А, А₁, О), возможно, отсутствовавшие в архетипе поэмы¹²¹; эпизод с Судалисом (Т, А, Э).

Когда же была создана первоначальная версия? Текст ее нам неизвестен; ее содержание, структура, язык вызывают самые различные догадки у исследователей. Поэтому датировка по необходимости весьма условна. Выше (стр. 110) мы говорили о ненадежности *terminus ante quem* Грегуара. Представляется весьма вероятным, что автору поэмы были известны не только походы Куркуаса, но и походы Никифора Фоки¹²². Таким образом, гипотеза о возникновении первоначальной редакции в первой половине X в.¹²³ представляется недоказанной. Разумеется, мы предполагаем при этом редакцию, соответствующую в основных своих эпизодах и реминисценциях содержанию известных нам версий, и не ставим здесь вопроса о каких-либо вполне возможных промежуточных стадиях между песнями и дошедшей до нас поэмой. С другой стороны, манера, в которой говорится в поэме об Эдессе, ясно показывает, что автор первоначальной редакции писал до взятия этого города византийцами (1031 г.)¹²⁴. Эти полвека

¹¹⁷ С. Импеллицери (Op. cit., p. 58—59) предполагает, что для «Дигениса Акрита», так же как и для гомеровского эпоса и «Песни о Роланде», понадобился трехвековой период, необходимый, по его мнению, для оформления эпоса из отдельных песен и сказаний. Таким образом, он относит начало соответствующего эпического творчества в Византии к VII—VIII вв., привлекая в этой связи упоминавшегося турмарха Диогена. Такой подход к византийскому эпосу представляется нам совершенно априорным и лишенным каких-либо убедительных доказательств.

¹¹⁸ Г. Дестунис. Указ. соч., стр. 65.

¹¹⁹ См. N. Πολιτης. 'Ακριτικά ἄσματα. Ὁ θάνατος τοῦ Διγενῆ. Α, I, 1910, σελ. 169 ἐξ.

¹²⁰ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. XXVIII.

¹²¹ H. Grégoire. Notes..., p. 98 sq.

¹²² Ср. S. Kyriakides. Forschungsbericht..., S. 22.

¹²³ Ср., например, P. Kalonaros. Op. cit., т. I, σελ. λβ' — λε'; S. Imbellizergl. Op. cit., p. 79 sq.; O. Schissel. Der byzantinische Garten, seine Darstellungen im gleichzeitigen Romane. SAWW, Bd. 221, Abh. 2, 1942, S. 9 и др.

¹²⁴ Этого не учитывает Дж. Маврогордато, предлагающий датировать первоначальную редакцию 1042—1054 гг. (op. cit., p. LXXXIV; ср. нашу рецензию на его

(70-е годы X в. — 20-е годы XI в.) кажутся нам наиболее вероятным периодом, когда «Дигенис Акрит» получил такое оформление, о котором дают примерное представление ГФ, Т, А. Не исключено, что уже в эти годы появились различные варианты поэмы: так, вполне возможно, что вошедшее сюда из песен и хроник IX—X вв. имя Василия (I) было еще в X в. заменено именем более близкого по времени Романа I, а к последнему добавлен и Никифор II (о Василии II в то время нельзя было говорить *τηνικαὶτα и συντάφας* — ГФ IV, 972, 974). Вряд ли в этой связи следует видеть *terminus ante quem* в сравнении Продромом Мануила Комнина с Акритом¹²⁵. Сравнение это свидетельствует лишь о популярности во второй половине XII в. образа Акрита; оно могло с одинаковой вероятностью основываться как на одних народных песнях, так и на поэме, существовавшей уже в нескольких вариантах. Ненадежны здесь и характерные для династии Комнинов женские имена поэмы (Анна, Ирина)¹²⁶ — у нас нет оснований утверждать, что ГФ, не дающая этих имен, отражает в данном отношении более старую редакцию памятника. Вообще, на наш взгляд, уже со второй половины X в. крайне трудно провести грань между действительными или предполагаемыми историческими реминисценциями, приписывая одни из них архетипу, а другие более поздним редакциям¹²⁷. С точки зрения предлагаемой датировки первоначальной редакции, все такие свидетельства, начиная со второй половины XI в., лучше рассматривать как результат более позднего редактирования. Следует еще раз подчеркнуть, что окончательное решение вопроса об оригинальном или более позднем характере ряда свидетельств X—XI вв. невозможно, пока отсутствует архетип поэмы. В связи с этим весьма затруднительным представляется установление генеалогического соответствия между известными версиями поэмы — отдельные попытки такого рода¹²⁸ нами уже рассматривались¹²⁹. В целом, как показывают сопоставления текстов отдельных версий (например ГФ I, 171 сл.; Э 32 сл.; А 362 сл.)¹³⁰, Т и А следуют в ряде случаев за ГФ и Э. Особенно характерны в этом отношении стихи ГФ VII, 85 сл., явно искаженные в Т 2816 сл. и А 4020 сл. (загадочные *Ἀλλελαγᾶ* и *Ῥόληγς*)¹³¹. Вместе с тем Т и А во многом следуют и независимой от ГФ редакции, оригинальный или более поздний характер которой

книгу — ВВ, XII, 1957, стр. 344). Недостаточно убедительна, на наш взгляд, и датировка Д. Хесселинга (*La plus ancienne redaction du poème épique sur Digénis Akritas*. MAWL. D. 63, sér. A, № 1, p. 2) — от 1025 г. до 1261—1282 гг. Чтобы принять его *terminus post quem*, надо (так же как и в случае с Маврогордато) доказать, что архетип поэмы имел в виду именно Василия II, а не Василия I и не Романа I. Доводить же *terminus ante quem* до Михаила VIII Палеолога, уничтожившего институт акритов, представляется совершенно излишним.

¹²⁵ S. Kyriakides. Forschungsbericht. . ., S. 22, 25; Ср. А. Я. Сыркин. Об историчности. . ., стр. 127—128.

¹²⁶ А. Я. Сыркин. Об историчности. . ., стр. 136—137.

¹²⁷ Мы упоминали уже об А. Хадзисе, настаивающем на создании «Дигениса Акрита» Евстафием Макремволитом. Исходя из этого, Хадзис безоговорочно относит написание поэмы ко второй половине XII в. (см., например, «Εὐσταθίου. . .», сел. 256 и др.), вообще не проводя грани между реминисценциями IX—X и XI—XII вв. и не приводя каких-либо убедительных доказательств в защиту своей теории. Ср. А. Я. Сыркин. К истории. . ., стр. 208.

¹²⁸ Ср. H. Grégoire. Notes. . ., p. 103; P. Kalonaros. Op. cit., т. I. сел. λατ'; см. также: А. Χατζής. Εἰς τὴν τοῦ Εὐσταθίου. . . Ἀκριτῆϊδα, сел. 388.

¹²⁹ А. Я. Сыркин. К истории. . ., стр. 212, 215.

¹³⁰ S. Kyriakides. Forschungsbericht. . ., S. 3 ff; ср. idem. Ἀκριτικά. . ., p. 409 sq; H. Grégoire. Ὁ Διγενής. . ., сел. 49, 87 ἐξ.

¹³¹ A. Heisenberg. Ein angeblicher byzantinischer Roman. «Silvae Monacenses». München, 1926, S. 28 ff. Ряд ошибок Т и А, исправляемых с помощью ГФ, приводит Д. Хесселинг («La plus ancienne redaction. . .», p. 6 sq.).

не может быть пока с точностью установлен. Суждения об Э весьма затрудняются крайне плохим состоянием этой версии, которая, несмотря на свой фольклорный характер, не чужда и ученых реминисценций¹³². Доводы Д. Хесселинга, объясняющего народный язык Э более поздней обработкой¹³³, представляются нам заслуживающими внимания. Что же касается первоначальной редакции поэмы (понимание этого выражения см. выше, стр. 116), то в качестве литературной обработки народных песен она должна была, по нашему мнению, нести явные следы образованности автора¹³⁴, что, конечно, не исключает отдельных вульгаризмов, перешедших в нее из фольклора — ее основного источника. Именно к такому типу, как нам кажется, и стоит ближе всех ГФ¹³⁵.

Оценка эта, конечно, условна, ибо она основывается на отношении той или иной версии к неизвестному нам оригиналу. Мало что дает она и для датировки дошедших до нас редакций. Последняя задача, однако, представляется более легкой в сравнении с предыдущей. Здесь важны более поздние добавления редакторов, естественно, не связанные с близостью того или иного текста к оригиналу. Напластования эти, уже отмечавшиеся выше, свидетельствуют о примерно одновременном и сравнительно позднем появлении ГФ, Т, А. Свидетельства ГФ о дани Иконии и об обесценивании монеты говорят, по всей видимости, о возникновении этой редакции в XII—XIII вв.¹³⁶ Более позднего происхождения, по-видимому, Μαγούλοι и Ἀχαῖα, свидетельствующие о редактировании Т и А не раньше второй половины XIII в.¹³⁷ (мы не останавливаемся здесь на отражившихся в тех или иных версиях следах более раннего редактирования — при Дуках, Комнинах)¹³⁸.

Заслуживает внимания ряд дословных совпадений ГФ, Т и А с поэмой Мелитениота Εἰς τὴν σωφροσύνην¹³⁹, созданной, по-видимому, в конце XIII — начале XIV в.¹⁴⁰ Порядок стихов у Мелитениота представляется более вероятным, и С. Кириакидис утверждает на этом основании, что именно текст Мелитениота явился прототипом для ГФ, Т и А¹⁴¹. Но, поскольку совершенно одинаковые заимствования разных редакторов мало вероятны, следует полагать, что общие с Мелитениотом места содержались уже в общем протипе ГФ, Т и А, а тогда выходит, будто этот прототип был создан не раньше XIV в. Последнее весьма сомнительно, и, как нам кажется, лучше допустить иные возможности; 1) прототип ГФ, Т и А влиял на Мелитениота, который передал соответствующие стихи лучше, чем

¹³² Cp. D. H e s s e l i n g. Le roman de Digénis Akritas d'après le manuscrit de Madrid. A, III, 1912, p. 564 sq; idem. La plus ancienne. . . , p. 15—16.

¹³³ D. H e s s e l i n g. Le roman. . . , p. 549 sq.

¹³⁴ Cp. D. H e s s e l i n g. La plus ancienne redaction. . . , p. 18 sq.; A. H e i s e n b e r g. Ein angeblicher byzantinischer Roman., S. 30 ff.

¹³⁵ Cp. A. H e i s e n b e r g. Ein angeblicher byzantinischer Roman. . . , S. 30; H. G r é g o i r e. Le problème de la version «originale» de l'épopée byzantine de Digénis Akrites. REB, VI, 1948, p. 33; P. K a l o n a r o s. Op. cit., т. I, с. 194.

¹³⁶ S. K y r i a k i d e s. Forschungsbericht. . . , S. 6—7.

¹³⁷ Ibid., S. 5—6, idem. Ἀχαικαί. . . , p. 400 sq. Датировка этих версий XII в. А. Грегуюром («Autour de Digénis Akritas. Les cantilènes et la date de la récénsion d'Andros-Trébizonde»). Byz., VII, 1932, p. 299—301), основывающимся на произвольном сопоставлении Аарона-Андроника с Радомиром Аароном, мало убедительна (ср. А. Я. Сыркин. Об историчности. . . , стр. 134—135).

¹³⁸ Cp. J. M a v r o g o r d a t o. Op. cit., p. LXVII.

¹³⁹ Ibid., p. 265—266.

¹⁴⁰ Cp. K. K r u m b a c h e r. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 782 ff.; F. D ö l g e r. Die Abfassungszeit des Gedichtes des Meliteniotes «Auf die Enthaltbarkeit». AIPHOS, II, 1934 (Mélanges Bidez), p. 315 sq.

¹⁴¹ S. K y r i a k i d e s. Forschungsbericht. . . , S. 7—8.

редакторы этих версий; 2) Мелитениот и прототип ГФ, Т, А могли использовать какой-то общий неизвестный нам источник.

Заметим также, что отсутствие этих совпадений в Э, как нам кажется, отнюдь еще не говорит о более раннем характере ее редакции ¹⁴². Вообще с датировкой Э дело обстоит сложнее. Упоминания о Никее, турках, султанах, по мнению С. Кириакидеса, также свидетельствует о XIII в. ¹⁴³, но свидетельства эти, как уже говорилось выше (стр. 112—113) не столь очевидны и вполне могли появиться в более раннее время.

Так или иначе, около второй половины XIII в. появляются новые редакционные обработки поэмы. Старые тексты были в известной мере осовременены. Это обстоятельство — наличие в тексте, восходящем в своей основе к X в., значительно более поздних напластований — весьма важно для правильной оценки тех сведений о византийской жизни, которые дает исследователю «Дигенис Акрит».

¹⁴² S. Kyriakides. *Forschungsbericht*... , S. 8.

¹⁴³ S. Kyriakides. *Ἀκριτικά*... , p. 428 sq.; *idem*. *Σημειώματα*, S. 358; *idem*. *Forschungsbericht*... , S. 6.

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

**К ИСТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ СЛАВЯН
НА ВИЗАНТИЙСКИХ ЗЕМЛЯХ**

Византийская империя занимала совершенно особое место среди феодальных государств средневековой Европы. Эта особенность определяется тем, что Византия была прямым и непосредственным наследником Восточной Римской империи, и ее история является прямым и непосредственным продолжением истории последней. Если Западная Римская империя была уничтожена в V в. и ее развитие было решительно прервано вторжением варваров (главным образом германцев), то Византия устояла и, частью отразив, частью ассимилировав варварские полчища, угрожавшие ей так же, как и Западному Риму, сумела сохранить себя в качестве политического организма, хотя и изменила свой социальный строй, превратившись из рабовладельческого государства в феодальное.

Проблема крушения рабовладельческого строя и генезиса феодализма в Европе в последнее время привлекает пристальное внимание исследователей. Ярким свидетельством этого интереса является дискуссия о характере социально-экономических отношений в поздней Римской империи, проведенная «Вестником древней истории»¹. В настоящее время активно обсуждается вопрос о генезисе византийского феодализма. Он был вновь поставлен в статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана², где выдвинут ряд узловых вопросов социально-экономической истории Византии, и в первую очередь вопросы, связанные с проблемой перехода Византийской империи от рабовладельческой формации к феодализму.

В литературе эта проблема получает различное освещение, причем расхождение во взглядах отдельных исследователей является довольно существенным. Достаточно сказать, что нет единого мнения даже по вопросу о времени перехода Византии к феодализму: в то время как одни авторы считают, что вся история Византии — начиная с IV в. — целиком относится к эпохе феодализма³, другие склонны рубежом, знаменующим начало феодальной формации, считать VII в.⁴ В то же время в зарубежной литературе мы нередко встречаем прямое отрицание византийского феодализма⁵.

¹ ВДИ за 1953—1955 гг.

² З. В. Удальцова и А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. ВИ, 1958, № 10.

³ Е. Э. Липшиц. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. ВДИ, 1955, № 4.

⁴ М. Я. Сюзюмов. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. ВДИ, 1955, № 1.

⁵ P. L e m e r l e. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue historique», t. 219, 1958, p. 32—74, 254—284; t. 220, 1958, p. 43—94.

Главная причина дискуссионности этого вопроса таится в состоянии источников по ранней византийской истории, которые, несмотря на кажущееся обилие и разнообразие, обнаруживают ряд серьезных лакун и ставят перед исследователями труднопреодолимые проблемы.

Одной из таких основных проблем является вопрос о соотношении общественных систем, которые существовали в Византии до конца VI в. и после IX в.

Имеется мнение, что колонатные отношения, получившие в III—IV вв. н. э. очень широкое развитие в поздней Римской империи, являлись зародышами будущего феодального строя, ибо им было присуще сочетание обеих необходимых черт, характеризующих феодальные производственные отношения: наделения непосредственного производителя основным средством производства — землей, составлявшей, однако, собственность господина, и личной зависимости первого от второго. Эти отношения уже никоим образом не могут рассматриваться в качестве рабовладельческих, ибо, как подчеркивает К. Маркс, крепостническое хозяйство «тем и отличается от рабского или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно»⁶.

Как справедливо замечают З. В. Удальцова и А. П. Каждан, несмотря на то, что древнейшие юридические данные о закреплении колонов относятся лишь к IV в. н. э., в действительности имеется ряд фактов, указывающих на прикрепление колонов к земле по крайней мере во II—III вв. н. э.⁷ А. Р. Корсунский утверждает, что к IV в. н. э. колоны (либо лица, по своему положению близкие к ним), представляли собой основной тип непосредственного производителя в Восточной Римской империи⁸.

Это дает многим авторам основание именно в колонате видеть начало византийского феодализма и тем самым Византийскую империю IV—VI вв. считать обществом раннефеодальным⁹.

Однако проблема чрезвычайно усложняется в связи с вопросом об изменениях в области социально-экономических отношений Византии, происходивших на протяжении VII—VIII вв. — в бурную эпоху социальных потрясений, нашедших свое внешнее выражение, в частности, в иконоборческом движении. Этот период — наиболее темный в истории Византийской империи, ибо после поражения иконоборчества основная масса документов погибла вследствие вполне сознательного и планомерного уничтожения.

Среди уцелевшего основной интерес представляют юридические документы иконоборческой эпохи — как бесспорно государственные, именные акты (Эклога Льва III и Константина V), так и документы анонимные, ни авторство, ни условия возникновения которых нам доподлинно не известны. Среди последних совершенно исключительное место принадлежит так называемому «Земледельческому закону», который представляет собой документ не просто анонимный, а псевдонимный, т. е. сознательно приписанный лицу, которое отнюдь не было его автором — императору Юстиниану (I).

Гипотеза, связывающая возникновение «Земледельческого закона» с деятельностью тех же Льва и Константина¹⁰, несмотря на свою распро-

⁶ К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1954, стр. 803.

⁷ З. В. Удальцова и А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 80—81.

⁸ А. Р. Корсунский. О колонате в Восточной Римской империи. ВВ, IX, 1956.

⁹ Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. ВВ, 1960, № 2, стр. 91—103.

¹⁰ В. Г. Васильевский. Законодательство иконоборцев. Труды, т. IV. Л., 1930.

страненность, продолжает оставаться не более, чем предположением. Никаких данных относительно государственного, официального значения этого документа в нашем распоряжении нет; более того, ни в одном из официальных документов — как современных «Земледельческому закону», так и более поздних — нет ни малейшего упоминания об этом памятнике.

«Земледельческий закон» — подлинный сфинкс раннего византийского средневековья, ибо отображенная им система социальных отношений знает классовое деление общества лишь в самых зародышевых формах. Это дает основание исследователям утверждать, что «Земледельческий закон» был «ориентирован на регламентацию жизни сельских поселений, имеющих ярко выраженные черты высшей ступени варварства — и именно стадии сельской территориальной общины-марки»¹¹.

В частности, «Земледельческий закон» не знает категории зависимых крестьян-париков, работающих на чужой земле и не могущих ее покинуть (иными словами, прикрепленных к ней) — категории непосредственных производителей, хорошо известных по памятникам как более раннего (IV—VI вв.), так и более позднего (IX—X вв.) времени. Γεωργοί «Земледельческого закона» — это, несомненно, свободные общинники, обязанные лишь государственным налогом, положение которых самым решительным образом отличается от γεωργοί документов времени до VII столетия, т. е. колонов.

Исходя из этого, исследователи вынуждены говорить об архаизации общественного строя Византии VII—VIII вв., о полном (или почти полном) уничтожении здесь крупного землевладения, основанного на принудительном труде, о господстве в это время мелкого индивидуального землевладения, о возрождении общинных порядков и т. д.¹², что как будто бы находит себе подтверждение в некотором общем упадке общественной жизни страны — в известном свертывании ремесла и торговли, упадке городской жизни в целом, политической разрухе и т. п. В таком случае вопрос о непосредственной и прямой преемственности между римским колонатом и феодальными отношениями IX—X вв. становится весьма проблематичным.

Но тогда возникает новый вопрос: в чем причины этих столь существенных и принципиальных изменений в общественном строе Византии, происшедших в начале VII в.? К сожалению, этот вопрос до сих пор остается наиболее трудным в ранневизантийской истории. Как известно, распространенным объяснением архаизации аграрного строя Византии VII—VIII вв. н. э. является концепция, выработанная русскими византинистами прошлого века (В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, А. С. Павлов¹³ и др.), усматривавшими главную причину этих изменений в славянской колонизации византийских земель. По мнению названных исследователей, община, описанная «Земледельческим законом», была принесена в Византию славянами: именно широкий приток свободного славянского населения повлек за собой архаизацию византийской деревни и установление здесь новых, общинных порядков, причем индивидуальная (или

¹¹ Е. Э. Л и п ш и ц. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. ВВ, I, 1947, стр. 161.

¹² «Земледельческий закон», очевидно, имел назначение фиксировать результаты стихийных изменений, происшедших в аграрном строе империи в VI—VII вв. и сказавшихся в широком распространении общинных порядков» (Е. Э. Л и п ш и ц. ВВ, I, 1947, стр. 162).

¹³ В. Г. Васильевский. Указ. соч.; Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, ч. 225, 1883; А. С. Павлов. Книги законные. СПб., 1885.

частная) собственность вынуждена была уступить место собственности коллективной.

Однако и эта гипотеза встречает возражения со стороны многих авторов. В связи с этим вопрос о славянской колонизации Балкан и ее значении для внутреннего развития Византийской империи приобретает первостепенное значение; он является одним из основных вопросов, связанных с проблемой генезиса византийского феодализма. Каким образом протекало освоение славянами византийских земель, какие области империи и в какой степени были затронуты этим процессом, каковы были те общественные отношения, которые славяне принесли с собою на Балканы — без выяснения всего этого, думается, вопрос о происхождении феодализма в Восточной Римской империи вряд ли сможет получить окончательное разрешение.

* * *

Начало славянского движения на юг, в придунайские земли, относится к первым векам н. э. Если принять мнение О. В. Кудрявцева о славянском происхождении костобоков¹⁴, то первое надежно засвидетельствованное в источниках славянское вторжение в пределы Римской империи будет отнесено к 170 г. н. э.¹⁵

Имеются несомненные данные, говорящие об участии славянских отрядов в так называемых готских (или скифских) войнах III в. н. э.¹⁶ В частности, об этом свидетельствуют находки на древнеславянских землях монет, чеканенных в первой половине III в. в некоторых придунайских городах, которые подвергались осаде и даже взятию «готскими» войсками (Маркианополь, Филиппополь, Анхиал и др.)¹⁷. Эти монеты могли быть получены славянами во время названных событий в виде военной добычи или контрибуции. Об участии славян в «готских» войнах говорит и состав некоторых кладов, найденных на территории славянских земель (Оболонский и др.)¹⁸. Именно в это время римский император Волюзиан (251—253 гг. н. э.) за победу над славянами получил титул «венедского»¹⁹: известны два медальона с легендами: «Vendico Volusiano Augusto» или «Οὐένδικος Οὐόλουσιανός».

Движение восточно- и центральноевропейских племен на границы империи в III—IV вв. сопровождалось в той или иной степени оседанием славянских переселенцев в области Прикарпатья и на Левобережье Дуная. Археологическим свидетельством этого процесса является появление в III—IV вв. на территории современной Румынии памятников черняховской культуры, связываемой обычно со славянами²⁰. Такие памятники

¹⁴ О. В. Кудрявцев. Костобоки, их расселение и этническая принадлежность. «Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период римской империи и статьи по общим проблемам древней истории». М., 1957, стр. 11—100.

¹⁵ О. В. Кудрявцев. Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954.

¹⁶ А. М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954.

¹⁷ М. Ю. Брайчевский. Некоторые данные об участии восточных славян в событиях на Дунае 248—251 гг. н. э. КСИА АН УССР, вып. 3, 1954.

¹⁸ М. Ю. Брайчевский. К вопросу о происхождении Оболонского клада. КСИИМК, вып. 66, 1956.

¹⁹ А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. ВДИ, 1939, № 1, стр. 300—301.

²⁰ Правда, в последнее время в специальной литературе возникла дискуссия об этнической принадлежности черняховской культуры (см., например, Л. А. Голубев а. Совецание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян. СА, № 4, 1957, стр. 274—277).

известны в настоящее время как в Трансильвании (Марошсентанна ²¹, Тыргу-Муреш ²², Лекинда-на-Муреше ²³ и др.), так и в Подунавье (Гогошари и Какалеци ²⁴, Альдени ²⁵, Спанцов ²⁶ и т. д.).

Материалы могильника в Спанцове, датируемого IV в. н. э. и расположенного непосредственно над Дунаем, позволяют полагать, что уже в это время древнеславянские переселенцы достигли Дуная.

Письменные источники, однако, в это время славян под их собственным именем в Подунавье еще не знают, если не считать сомнительного упоминания Псевдо-Кесарии, называющего славян (Σκλαυηνοί) среди населения придунайских земель ²⁷. Это упоминание принято относить к IV в. н. э., хотя эта дата не бесспорна. Первое достоверное упоминание имени славян (Sclavus) содержится в одном из стихотворений Авита (V в.) ²⁸, но географически оно не локализовано, хотя можно предполагать, что сталкиваться римлянам со славянами приходилось в это время именно в области Подунавья.

Но зато на основании многочисленных показаний византийских источников VI—VII вв. можно утверждать, что к началу VI в. славяне заселили Левобережье Дуная довольно основательно — настолько, что в глазах византийских авторов середины I тыс. они представляли собой коренное население этих земель. Феофилакт Симокатта утверждает, что именно славяне в древности назывались гетами ²⁹. Многие исследователи в связи с этим считают, что в ряде случаев, где византийские источники VI и последующих веков говорят о гетах и их нашествиях на империю, под гетами следует разумеать славян ³⁰.

Главное, однако, заключается не в этом: считать гетов славянами древние авторы могли лишь в том случае, если имелось твердое убеждение в исконности славянского населения в области Дунайского Левобережья. Но такое убеждение не могло бы возникнуть в середине VI в., если бы продвижение славян к Дунаю и освоение ими земель к северу от реки началось где-то около рубежа V и VI вв., как это принято считать в литературе. Несомненно, этот процесс должен был начаться раньше и в основном уже завершиться к V в. В этом мы видим подтверждение того, что осваивать левый берег Дуная славяне начали во всяком случае не позже III—IV вв. н. э.

К первым десятилетиям VI в. относится начало движения славян, известных в источниках под именем антов и склавинов, за Дунай, в пределы балканских владений Восточной Римской империи.

²¹ J. Kovács. A marosszentannai népvandorlaskori temető. Dolgozatok, v. III, Koloszvar, 1912.

²² J. Kovács. A marosvásárhelyi őskori telep skutha-es népván-dorlaskori temető. Dolgozatok, v. VI. Koloszvar, 1915.

²³ Şantierul aşezari slave în regiunile Mureş şi Cluj. Studii şi cercetări de istorie veche, An. III, 1952, p. 320—327.

²⁴ B. Mitrea şi C. Preda. Săpăturile de salvare de la Gogoşari şi Cacaletii. St. şi cercet. de ist. veche, 1955, № 3—4, p. 638—640.

²⁵ Ch. Ştefan. Une tombe de l'époque des migrations à Aldeni, Dacia VII—VIII. Bucureşti, 1941, p. 217—221.

²⁶ B. Mitrea. Şantierul Spanţov. St. şi cercet. de ist. veche, 1953, № 1—2, pp. 228—236.

²⁷ «Bibliotheca veterum patrum», t. 1, 1624, p. 614.

²⁸ Alc. Aviti Versus Martini Dumiensis episc. in basilica, 11—15.

²⁹ Theophylacti Simocattae Historiae, VII, 2, 5.

³⁰ А. А. Васильев. Славяне в Греции. ВВ, V, вып. 3, 1898, стр. 407—408; М. Б. Левченко. Византия и славяне в VI—VII вв. ВДИ, 1938, № 4, стр. 37; В. Т. Тупкова-Займова. Нападения «варваров» на окрестности Солуни в первой половине VI в. ВВ, XVI, 1959, стр. 3 и др.

К этому времени славяне стояли на пороге классового общества. В первой половине и середине I тыс. н. э. экономическое развитие древнеславянских племен достигло относительно высокого уровня. Основной отраслью производства у них было сельское хозяйство и прежде всего — земледелие. Некоторые, очень скудные сведения о земледелии у антов и склавинов имеются в письменных источниках: сюда относятся упоминания об антских и склавиновских полях у Менандра³¹, а также о плодах земли (пшенице, просе и т. д.), сохраняемых на древнеславянских поселениях, — у Псевдо-Маврикия³². О древнеславянском земледелии свидетельствуют археологические данные: земледельческие орудия (наральники, серпы, косы, жернова и др.), остатки культурных злаков, нередко встречаемые при раскопках древнеславянских поселений первой половины и середины I тыс. н. э. Совокупность материалов, имеющих в настоящее время в распоряжении науки, позволяет утверждать, что анты и склавины во II—VII вв. н. э. уже знали пашенное земледелие с применением железной сохи. В середине I тыс. н. э. был изобретен широколезвийный плуг, способный не только разрыхлять почву, но и переворачивать пласты, с помощью которого стало возможным освоение под пашни степных почв, представлявших большие трудности для обработки³³.

Большой прогресс наблюдается в это время и в развитии древнеславянского ремесла. Примерно к рубежу нашей эры относится начало второго крупного общественного разделения труда, а в начале нашей эры уже по крайней мере три вида ремесла выделились в самостоятельные отрасли производства — добыча и обработка железа, гончарное и ювелирное искусство³⁴. На территории древнеславянских земель известен ряд ремесленных мастерских, рассчитанных на сбыт продукции в пределах более или менее значительной округи. Грандиозные для своего времени масштабы железоделательного производства эпохи первых веков н. э. обнаружены в последнее время польскими археологами в районе Гор Свентокжизжских (Келецкое воеводство, Польша)³⁵, где уже сейчас зафиксированы остатки многих тысяч плавильных горнов. Мощный промышленный гончарный округ IV—VI вв. н. э. исследуется на территории Польши в районе Кракова — Новой Гуты³⁶. На территории южной части СССР также известен ряд мастерских первой половины и середины I тыс. — железоделательных (Остров-Варковецкий на Волыни³⁷, Иванковцы в Поднестровье³⁸ и др.), гончарных (Лепесовка на Волыни³⁹, Неслухов близ

³¹ Menandri Protectoris Historiae fragmenta (ВДИ, 1941, № 1, стр. 247).

³² Pseudomauricii Strategicum, IX, 5.

³³ В. И. Довженко. К истории земледелия у восточных славян в I тыс. н. э. и в эпоху Киевской Руси. «Материалы по истории земледелия СССР», т. 1. М., 1952.

³⁴ А. Т. Брайчевская. Отделение ремесла от земледелия и развитие торговли в раннеантском обществе (автореферат диссертации). Киев, 1952; е е ж е. К вопросу о ремесле культуры полей погребений. КСИА АН УССР, вып. 2. Киев, 1953.

³⁵ L. Rauhut. Studia i materiały do historii starożytnego i wczesnośredniowiecznego hutnictwa żelaza w Polsce. Studii z dziejów górnictwa i hutnictwa, t. I, 1957, str. 224—258.

³⁶ T. Reymann. Problem ceramiki siwej na kole toczonej na tle odkryć w górnych dorzeczu Wisły. Wiadom. Archeol., t. XIV. Warszawa, 1936; i d e m; Nove odkrycia w Igołomi. Sprawozd. z czynn. i pos. PAU, t. LII, 1951, nr. 9, Kraków, 1952; Igołomia, Warszawa, 1953; L. Gajewski. Badania nad organizacją, produkcji pracowni garniearskich z okresu rzymskiego w Igołomi. Archeologja Polski, t. III, z. I. Warszawa—Wrocław 1959, str. 101—158.

³⁷ М. Ю. Брайчевський. Розвідка слов'янських пам'яток на Волино-Подільському прикордонні. Арх. Пам. УРСР, т. III. Київ, 1952.

³⁸ Раскопки ИА АН УССР, отчет В. И. Довженка за 1952 г. («Архив ИА АН УССР»).

³⁹ Я. В. Яроцкий. Некоторые памятники древности близ с. Лепесовка, Кременецкого у. ИАК, вып. 29. СПб., 1908.

Львова ⁴⁰, Никольское на Днестре ⁴¹ и т. д.), ювелирных (Грищинцы близ Канева ⁴², Пастырское городище ⁴³ и т. п.).

Развитие ремесла определяло возникновение и развитие торговли. Вещественными следами этой торговли являются многочисленные находки римских монет на древнеславянских землях ⁴⁴. Эти монеты были получены древними славянами в результате торговых сношений с Римской империей, но использовались они для нужд не только внешней, но и внутренней торговли.

В первой половине и середине I тыс. н. э. славяне, по-видимому, были организованы в территориальные общины, основанные на индивидуальном землепользовании ⁴⁵. Пахотные земли, составлявшие еще собственность общины, для обработки уже делились между отдельными семьями. Этот индивидуальный характер землепользования прослеживается на основании данных раскопок раннеславянских поселений, представлявших собой открытые села, слагавшиеся из более или менее значительного количества домохозяйств (жилой дом и окружавшие его хозяйственные сооружения: сараи, погребя, помещения для скотины, производственные комплексы и т. д.) ⁴⁶.

При индивидуальном землепользовании продукт труда составлял уже частную собственность отдельных семей и мог быть источником их обогащения. Имущественное неравенство, накопление богатств в руках отдельных семейств у славян в первой половине и середине I тыс. н. э. засвидетельствовано богатыми кладами римских монет (насчитывающими иногда по несколько тысяч экземпляров) или золотых и серебряных вещей, находимых на древнеславянских землях; на основании различия в погребальном инвентаре, а также на основании находок ключей от дверных запоров на славянских поселениях этой эпохи ⁴⁷.

В это время у славян определенное развитие получает эксплуатация человеческого труда. В произведениях византийских писателей VI—VII вв. содержится немало данных о военнопленных, захватываемых славянами во время военных действий на Балканах и обращаемых в рабство ⁴⁸. Есть сведения о том, что рабов анты и склавины использовали в собственном хозяйстве ⁴⁹, однако формы рабской зависимости у них были значительно мягче, нежели в Византии. Псевдо-Маврикий считает, что рабы у антов и склавинов находились на положении «свободных и друзей», но в действительности они, конечно, не обладали полной свободой, ибо

⁴⁰ K. Hadaček. Z badań archeologicznych w dorzeczu Bugu Grabarka Niesłuchowska, Teka konserwatorska, R. III. Lwów, 1900; Grabarka Niesłuchowska, Teka konserwatorska, R. III, Lwów. 1901.

⁴¹ А. Т. Брайчевська. Найдавніші гончарські горни на східнослов'янських землях. «Нариси з історії техніки». вип. 3. Київ, 1956, стор. 146—147.

⁴² А. Т. Брайчевская. К вопросу о ремесле культуры полей погребений. КСИА АН УССР, вып. 2. Киев, 1952.

⁴³ М. Ю. Брайчевський. Пастырське городище. «Вісник АН УРСР», № 10, 1952.

⁴⁴ М. Ю. Брайчевський. Римська монета на території УРСР. Київ, 1959; О. В. Фенін. Знахідки римських монет у Прикарпатті. «Археологія», т. V, 1951; В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4.

⁴⁵ М. Ю. Брайчевський. Антський період в історії східних слов'ян. «Археологія», т. VII, 1952.

⁴⁶ А. Т. Брайчевская, М. Ю. Брайчевский. Раскопки в Лесках близ Черкасс. КСИА АН УССР, вып. 8. Киев, 1959.

⁴⁷ М. Ю. Брайчевський. Антський період в історії східних слов'ян.

⁴⁸ P. Gossop, De bello Gothico, III, 29; III, 38; III, 40; IV, 25; i d e m. Anecdota, XVIII, 17 и др.

⁴⁹ P. Gossop, De bello Goth., III, 14.

тут же отмечается, что для возвращения на родину этих «свободных и друзей» требовался выкуп⁵⁰.

У византийских писателей VI—VIII вв. имеется довольно много упоминаний о славянских царях, вельможах, военачальниках и т. д., осуществлявших политическую власть — владеющих страной⁵¹, имеющих подданных⁵² и т. д. Вместе со сведениями о народном собрании, также осуществлявшем политическую власть⁵³, эти данные заставляют думать, что анты и склавины в IV—VII вв. н. э. были объединены в сильные политические организации типа межплеменных союзов⁵⁴.

Данные, сообщаемые византийскими авторами, свидетельствуют, что антское и склавинское объединения были способны выставить войско в несколько десятков и даже сотню тысяч воинов⁵⁵.

Таким образом, древние славяне к тому времени, когда они обосновались на Северном берегу Дуная и готовились к движению за Дунай, в пределы Восточной Римской империи, достигли той ступени исторического развития, на которой совершается переход от доклассового общества к классовому и возникают первые примитивные государственные объединения.

* * *

Начало движения славян за Дунай знаменовало новый этап в развитии их экспансии на юг, против рабовладельческого мира. По мнению А. В. Мишулина, характерной особенностью этого второго этапа было выступление славян в качестве самостоятельной исторической силы под их собственным именем⁵⁶. Разумеется, это ни в коей мере не исключает временных союзнических отношений славян с другими племенными объединениями, например с гунно-болгарскими племенами Северного Причерноморья.

На первых порах наступающие еще не стремились осесть на землях к югу от Дуная, но ограничивались частыми набегами, во время которых они наносили удары византийским войскам, захватывали добычу и военнопленных, но затем неизменно возвращались обратно за Дунай. Такая ситуация сохранялась на протяжении всей первой половины VI в.

Наиболее ранним зафиксированным в источниках столкновением славян с Византией (если не считать похода гетов в 517 г., который некоторыми исследователями также гипотетически связывается со славянами)⁵⁷ был поход антов, приуроченный Прокопием к первому году правления Юстиниана, т. е. к 527 г.⁵⁸ Анты, перейдя Дунай, вторглись в пределы империи, но понесли поражение от византийского полководца Германа⁵⁹.

Начиная с правления Юстиниана, набеги славян на балканские владения Византии происходят чрезвычайно часто и систематически. По утверждению Прокопия, «с того времени, как Юстиниан принял власть над

⁵⁰ Pseudomaur., Strat., XI, 5.

⁵¹ Theophyl., Hist., VI, 7, 5.

⁵² Ibid., VI, 9, 1.

⁵³ Procop., De bello Goth., III, 14.

⁵⁴ «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ, 1957, стор. 343—346.

⁵⁵ Menand. Prot., Hist. fr., p. 247.

⁵⁶ А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. ВДИ, 1939, № 1.

⁵⁷ М. В. Левченко. Византия и славяне в VI—VII вв. ВДИ, 1938, № 4, стр. 37.

⁵⁸ Ф. И. Успенский, правда, на основании косвенных данных приурочивает данное событие к первому году правления Юстина I, т. е. к 519 г. (Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., стр. 464—465), однако эта поправка так и осталась не более, чем догадкой.

⁵⁹ Procop., De bello Goth., III, 40.

Римской империей, [склавины и анты], совершая почти ежегодные набеги, причиняли жителям этих областей нестерпимое зло»⁶⁰.

В 530 г. имело место новое нашествие «гетов» на Иллирик, отраженное иллирийскими войсками⁶¹. Как предполагают исследователи, под гетами и здесь следует разумеать славян (возможно, в союзе с гунно-болгарами)⁶².

Усиление славянской экспансии в первые годы правления Юстиниана заставило его принять специальные меры по усилению дунайской границы империи. В 531 г. стратигот Фракии был назначен активный и способный полководец Хильбудий, которому удалось наладить оборону рубежей от славянских набегов и в течение трех лет сохранять во Фракии относительный покой. В 534 г. Хильбудий с византийским войском перешел Дунай и вторгся в пределы славянских земель, но потерпел решительное поражение и сам пал в битве⁶³. Это поражение вновь открыло границу империи для славянских набегов, в результате чего византийская администрация вынуждена была пойти на уступки: славянам был отдан город Туррис с его областью на левом берегу Дуная⁶⁴. Этим славянское господство на землях к северу от Дуная было закреплено формально и юридически. Одновременно империя обязывалась выплачивать победителям дань.

Однако славяне не удовлетворились достигнутым и предприняли попытку выдвинуть в качестве стратига Фракии (на место убитого Хильбудия) своего ставленника — некоего анта, носившего то же имя и выдававшего себя за византийского полководца, который якобы не погиб, но попал в плен к славянам. Этот самозванец был разоблачен и арестован лишь в 546 г.⁶⁵

Троекратное нападение славян (в союзе с гунно-болгарами) на Византию относится к 540—542 гг.⁶⁶ Согласно данным Иоанна Эфесского, варвары дошли до Константинополя и даже захватили некоторые его предместья. В 547 г. зафиксировано вторжение славян в Иллирию, во время которого было взято несколько крепостей⁶⁷.

Однако все эти набеги имели, так сказать, сезонный характер: до 550—551 гг. нет ни одного свидетельства о том, что славяне оставались зимовать в пределах империи. Даже война 540—542 гг. имела характер троекратного набега: трижды славяне подходили к стенам Константинополя и трижды уходили назад, на свою территорию.

Интересными археологическими памятниками этих походов являются клады, зарытые на территории восточнославянских земель и имеющие в своем составе драгоценные вещи византийского происхождения, захваченные антами и склавины. Серия интересных византийских вещей имеется, например, в составе знаменитого Перещепинского клада (Полтавская обл., УССР)⁶⁸. Это — преимущественно золотая и серебряная утварь (рукомойник, амфоры, кубки), в числе которой особое место занимает серебряное блюдо с надписью, содержащей имя епископа Патерна, жившего в г. Томи на рубеже V и VI вв.⁶⁹ Известно, что в 544 г.

⁶⁰ Про с о р., *Anecdota*, XVIII, 20.

⁶¹ Marcellini Comitibus Chronicon ad anno 505.

⁶² В. Т ы п к о в а - З а и м о в а. Нападения «варваров» на окрестности Солуни, стр. 3.

⁶³ Procop., *De bello Goth.*, III, 14.

⁶⁴ Ibid., III, 14, 32—33.

⁶⁵ Ibid., III, 13—14.

⁶⁶ А. Д ь я к о н о в. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв. ВДИ, 1946, № 1.

⁶⁷ Про с о р., *De bello Goth.*, III, 29.

⁶⁸ А. А. Б о б р и н с к и й. Перещепинский клад. МАР, № 34. СПб., 1914.

⁶⁹ М. Ф. Ф а р м а к о в с к и й. К изучению Перещепинского клада. Блюда епископа Патерна. ИАК, вып. 49. 1913.

епископам городов Томи и Одисса было разрешено продавать церковное имущество с целью выкупа пленных, захватываемых варварами (в первую очередь гуннами и славянами). Очевидно, и блюдо Патерна попало в виде выкупа в руки какого-либо антского военачальника⁷⁰. Замечательной находкой является Вознесенский клад (Надпорожье), в составе которого были два серебряных навершия знамен в виде скульптурных изображений льва и орла⁷¹. В с. Кучур-маре на Буковине найдены серебряная ситула и семь чаш с византийскими клеймами VI—VII вв.⁷² Отдельные драгоценные вещи византийского происхождения были найдены в составе кладов из Мартыновки (Поросье)⁷³, Крылоса (Поднестровье)⁷⁴ и др.

В это время славяне выступали либо в роли внешнего врага, угрожающего империи с севера, либо же в роли союзника в ее столкновениях с другими племенами (готами, персами и т. д.).

В литературе распространено мнение, что в это время славяне играли весьма значительную роль во внутренней истории Византии, что на византийской службе появлялись славянские отряды и отдельные лица, которые якобы нередко занимали там выдающиеся должности⁷⁵.

Несомненно, некоторые данные, свидетельствующие о том, что византийцы стремились привлечь славян на свою сторону и время от времени пользовались их услугами в качестве союзников (а в ряде случаев, может быть, и наемников), действительно имеются. Так, Прокопий упоминает всадников — гуннов, антов и склавинов, которых византийские полководцы Мартин и Валериан в 537 г. привели в Рим во время его осады войсками готского короля Витигеса⁷⁶. Имеются данные об участии славян в войне Византии с остготами и позже — в 539—540 гг.⁷⁷, в 546—547 гг.⁷⁸ и т. д. О том, что анты были в составе византийских войск, действовавших против персов в 555 г., сообщает Агафий⁷⁹.

Однако утверждение, что славянам принадлежала выдающаяся роль в истории Византии этого времени, является преувеличением. Мнение Б. А. Рыбакова о том, что Хильбудия можно рассматривать как представителя антской верхушки, занявшего одну из высших административных должностей в Византии⁸⁰, основано на недоразумении. Хильбудий, который действительно занимал должность стратига Фракии (*magister militum per Thracias*), был, согласно данным Прокопия, византийским полководцем, притом человеком, близким к императорскому двору (*ἐκ τῆς Ἰουστινιανοῦ βασιλέως οἰκίας* — «из дома императора Юстиниана») и к тому же знатым (*ἀνὴρ ἐπιφανής*)⁸¹. Считать его антом нет никаких оснований (хотя само имя его можно считать славянским)⁸². Что же

⁷⁰ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, стр. 330.

⁷¹ В. А. Гринченко. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. «Археологія», т. III. Київ, 1950.

⁷² I. Agneth. Die Antiken Gold- und Silber-Monumente kk. Münz- und Antiken-Cabinettes in Wien. Wein, 1950.

⁷³ Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, т. XVII, 1953, стр. 76—89.

⁷⁴ І. Свенціцький. Ілюстрований провідник по Національним музеєві у Львові. Жовква, 1913.

⁷⁵ Б. А. Рыбаков. Начало русского государства. «Вестник МГУ», № 4—5, 1954.

⁷⁶ Procop., De bello Goth., I, 27.

⁷⁷ Ibid., II, 26.

⁷⁸ Ibid., III, 22.

⁷⁹ Agathiae Historiae, III, 6—7; III, 21; IV, 20.

⁸⁰ Б. А. Рыбаков. Начало русского государства.

⁸¹ Procop., De bello Goth., III, 14, I; 13, 26.

⁸² «Византийский извори за историју народа Југославији» т. I. Београд, 1955, стр. 23, прим. 17.

касается подлинного анта Псевдо-Хильбудия, то он был самозванцем, и его роль в истории Византии никоим образом не может считаться закономерной или типичной.

В одной из своих ранних статей Б. А. Рыбаков упоминал, между прочим, анта Доброгаста, «таксиарха греческого флота», и анта Всегорда, византийского полководца ⁸³. В. В. Мавродин именует Доброгаста «командующим византийской черноморской эскадрой», а Всегорда — «военачальником византийского войска» ⁸⁴.

Оба эти лица упомянуты Агафием ⁸⁵ (кстати, в связи с событиями после 550—551 гг., когда уже началось оседание славян на византийских землях), однако его текст не дает оснований для далеко идущих выводов названных исследователей. Агафий действительно пишет о двух варварах (одного из них он прямо именует антом), занимавших командные должности в византийском войске, действовавшем в Колхиде. Один из них — Дабрагез (Δαβραγέζας, Доброгаст или, по другой транскрипции, Доброезд) — назван таксиархом, но «таксиарх черноморского флота» представляет собой плод недоразумения. Греческий термин *taxiarchos* отнюдь не являлся высоким титулом; он означал воинского начальника вообще (т. е. близок по смыслу к современному слову «офицер»). В Византии он использовался обычно для обозначения лиц, занимавших низшие командные ступени, возглавлявших небольшие соединения (Феофилакт, например, упоминает таксиарха Александра, командовавшего отрядом из 200 солдат) ⁸⁶.

Так было и в настоящем случае, и из текста Агафия это видно как нельзя лучше. Общее число воинов, бывших в подчинении у Дабрагеза и Усигарда (Ὀβσιγάρδος, Всегорд, по другой транскрипции — Усиярд), составляло 600 человек ⁸⁷. В другом месте Агафий пишет, что отряды Дабрагеза и гунна Эльмингейра на десяти судах охраняли переправу через р. Фасис ⁸⁸ (не отсюда ли происходит утверждение, что Дабрагез был начальником черноморской эскадры?). Поскольку по реке плавали лишь небольшие суда, вряд ли можно думать, что оба названных отряда в совокупности насчитывали более нескольких сотен человек. До командующего флотом отсюда еще очень далеко.

Итак, высший начальник и адмирал Дабрагез превращается в командира маленького отряда численностью в двести-триста человек, бывшего союзником или наемником византийцев. Аналогичная метаморфоза происходит и с другим гипотетическим ⁸⁹ антом — Усигардом. Он тоже в действительности был командиром небольшого отряда примерно такой же численности.

Таким образом, вряд ли можно говорить о серьезной роли славян во внутренней истории Византии вплоть до середины VI в. н. э. Значение их как фактора политической истории в это время ограничивалось ролью внешней силы, представлявшей одну из серьезнейших угроз граница империи и отвлекавшей на себя большие военные силы, которые, конечно, далеко не компенсировались теми небольшими славянскими отрядами, которые эпизодически участвовали в военных событиях на стороне империи

⁸³ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь, стр. 323.

⁸⁴ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1943, стр. 43.

⁸⁵ Agath., Hist., III, 6—7; III, 21.

⁸⁶ Theophyl., Hist., VI, 9, 8.

⁸⁷ Agath., Hist., III, 6.

⁸⁸ Ibid., III, 21.

⁸⁹ Агафий прямо не называет Усигарда антом или славянином; лишь то, что упомянут рядом с Дабрагезом и носит имя, объясняющееся из славянского, заставляет некоторых исследователей предполагать его славянское происхождение.

Утверждать, что уже в это время славянские отряды, действовавшие на Балканах, оказывали как носители иного, первобытно-общинного строя, существенное влияние на низшие слои населения Византии, вряд ли возможно.

* * *

Иная картина обнаруживается в конце VI и VII в. С середины VI в. начинается третий период в истории славянских столкновений с Восточной Римской империей — период непосредственной колонизации балканских земель, когда славяне не только вторгаются в пределы империи, но и начинают там постепенно оседать⁹⁰. Поворотным моментом можно считать славяно-византийскую войну 550—551 гг., описанную Прокопием, когда славяне впервые остались в пределах империи на зиму.

Война эта началась в 550 г. переправой через Дунай славянского войска численностью около 3 тыс. человек, в дальнейшем разделившегося на две части. Главной целью войны, как выяснилось из показаний пленных, взятых византийцами несколько позже, был захват Фессалоники с ее округой. Выполнение этой основной задачи лежало на одном из отрядов, в то время как другой, выполняя вспомогательную задачу, угрожал непосредственно самому Константинополю. Славяне одержали ряд блестящих побед: при Цуруле была разгромлена византийская конница во главе с Асбадом⁹¹, под Адрианополем — основные силы императора, защищавшие столицу⁹², а на морском побережье был взят город Топер⁹³. Правда, Фессалонику спасло появление свежей византийской армии под командованием Германа, как раз в это время готовившегося к отплытию в Италию против остготского короля Тотилы. Славяне очистили Фракию и, повернув на запад, прошли через Иллирию и заняли Далмацию, выйдя, таким образом, к Адриатическому морю⁹⁴.

Война 550—551 гг. была важным узловым моментом в истории балканских войн. Можно отметить ряд существенных моментов, отличающих ее от предшествующих столкновений, которые также нередко заканчивались крупными поражениями Византии. Новым было в первую очередь то, что славяне действовали теперь по заранее разработанному, хорошо продуманному стратегическому плану, преследовавшему далеко идущие цели. С этим связана и другая существенная черта: война 550—551 гг. имела своей задачей освоение определенного района. Впервые славяне зиму 550/51 г. провели в пределах империи (это специально отмечено Прокопием)⁹⁵. Будучи вынуждены отказаться от немедленного взятия Фессалоники, славяне, тем не менее, не возвратились обратно за Дунай, а заняли Далмацию. Таким образом, именно с войной 550—551 гг. можно связывать начало заселения славянами земель к югу от Дуная, которое в конечном итоге привело к славянизации всей Иллирии и значительной части Фракии.

Можно сказать, что именно в это время определились пределы последующего славянского заселения Балкан и были созданы предпосылки для его практического осуществления.

После событий 550—551 гг. на протяжении некоторого времени никакими сведениями о войнах славян с Византией мы не располагаем. По-ви-

⁹⁰ М. В. Левченко в одной из статей, опубликованной еще до войны («Византия и славяне в VI—VII вв.» ВДИ, 1938, № 1), относил начало колонизации (в полном смысле слова) Балкан славянами лишь ко времени около 602 г.

⁹¹ Procop., De bello Goth., III, 38, 4—9.

⁹² Ibid., III, 40, 30—45.

⁹³ Ibid., III, 38, 9—23.

⁹⁴ Ibid., III, 40, 7—8.

⁹⁵ Procop., De bello Goth., III, 40.

димому, был заключен мир на условиях, выгодных славянам, а именно — на условиях разрешения им селиться на землях южнее Дуная. В конечном счете само византийское правительство, надо думать, усматривало в колонизационном движении славян известные выгоды для себя, поскольку разоренные длительными набегами Фракия и Иллирия настоятельно требовали притока свежего населения, без чего экономическое возрождение этих районов было бы просто немыслимым ⁹⁶. Известно, что и в дальнейшем византийское правительство, не имея возможности противостоять славянскому расселению, поддерживало колонизационное движение славян, хотя, естественно, и после 550—551 гг. процесс заселения славянами Балканского полуострова не мог осуществляться вполне гладко, без вооруженных столкновений. Славянские переселенцы, несомненно, представляли собой и в этот период силу весьма беспокойную; их наступление было чревато для империи немалыми опасностями, поскольку занятые ими земли нередко превращались в плацдарм для дальнейшего наступления.

Действительно, уже события 550—551 гг. создали вполне реальную угрозу непосредственной периферии Константинополя. Именно с ними можно связывать те мероприятия по строительству крепостей, которые Юстиниан проводил на Балканах вскоре после этого времени. Об этих мерах пишет Прокопий, по сведениям которого, например, укрепления Филиппополя и Платинополя (Фракия) были воздвигнуты против варваров, обитавших в районе этих городов ⁹⁷. Тогда же была восстановлена крепость Адина в Мисии, вокруг которой укрывались варвары-славяне, совершавшие набеги на соседние земли ⁹⁸, а также крепость Ульмитон, совершенно разрушенная славянами, постоянно жившими в окрестностях ⁹⁹.

Из этих сообщений следует, что в описываемое Прокопием время славяне не только осели во многих районах Балканского полуострова, но и готовы были использовать эти земли в качестве исходного пункта для дальнейшего продвижения. В связи с этим византийской администрации приходилось принимать меры уже не столько для изгнания переселенцев из занятых ими районов, сколько для предотвращения дальнейших набегов.

В течение трех десятилетий после событий 550—551 гг. славяне обосновались на территории северной части Балканского полуострова настолько, что чувствовали себя в ней хозяевами. Иоанн Эфесский писал: «В третьем году после смерти царя Юстина и воцарения победителя Тиверия совершил нападение проклятый народ славяне. Они стремительно прошли всю Элладу, страны Фессалоники и всей Фракии и покорили многие города и крепости. Они опустошили и сожгли их, взяли пленных и стали господами на земле. Они осели на ней господами, как на своей, без страха. Вот в течение четырех лет и доселе по причине того, что царь занят персидской войной и все свои войска послал на Восток, по причине этого они растеклись по земле, осели на ней и расширились по ней теперь, пока допускает их бог. Они производят опустошения и пожары и захватывают пленных, так что у самой внешней стены они захватили и все царские табуны, много тысяч (голов) и другую разную (добычу). Вот и до сего дня, т. е. до 895 г. ¹⁰⁰, они остаются, живут и спокойно пре-

⁹⁶ P. Lemerle. *Esquisse pour une histoire agraire de Byzance*. «Revue historique», t. 219, p. 64—69.

⁹⁷ Procop. *De aedif.*, IV, 14, 11.

⁹⁸ Ibid., IV, 7, 13.

⁹⁹ Ibid., IV, 7, 17.

¹⁰⁰ 895 г. по сирийскому исчислению соответствует 583—584 гг. н. э.

бывают в странах ромеев — люди, которые не смели (раньше) показываться из дремучих лесов и (мест), защищенных деревьями, и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, т. е. дротиков»¹⁰¹.

Сведения Иоанна относятся к началу 80-х годов VI столетия, и картина, описанная им, отражает последствия массовой славянской колонизации балканских земель. И во второй половине VI в., и в более позднее время источники неоднократно говорят о славянах как о коренном населении в определенной области империи — в первую очередь во Фракии, Македонии, Иллирии, Далмации. По сведениям Евагрия, около 584 г. славяне заняли «всю Элладу»¹⁰².

В документах VII—VIII вв. мы находим упоминание по крайней мере двух десятков славянских племен, обитавших на территории к югу от Дуная¹⁰³. В северо-западном углу этой новоосвоенной территории обитали выходцы из восточнославянского Прикарпатья — хорваты, продвинувшиеся под давлением аваров. К юго-востоку от них основную территорию Иллирии занимали сербы. В Далмации жили неретвяне, захлумцы, травуняне, дукляне. Среднюю часть Северных Балкан по реке Южной Мораве занимали мораване, а севернее, непосредственно на правобережье Дуная, помещались тимочане.

Северо-восточный угол рассматриваемой территории — Добруджу и правобережное низовье Дуная — занимали так называемые семь племен, дунайцы и северяне. В районе Фессалоники жили верзиты, другувиты, сагудаты и ринхины; несколько восточнее их — по реке Струме и Струмице — струменцы, а еще дальше, во Фракии, — смоляне.

Это — территория сплошного славянского заселения, однако этим не исчерпывается состав славянского населения в пределах империи: ряд славянских племен и просто отдельных колоний был размещен в южной части Балканского полуострова, в частности на Пелопоннесе и даже в Малой Азии.

В нашем распоряжении имеется значительное количество сведений о движении славян в коренные греческие области — вплоть до Пелопоннеса. При этом речь идет не только о временных вторжениях славян в Грецию, об осадах ими ряда городов (Фессалоники, возможно, Коринфа¹⁰⁴ и др.). Более существенными являются данные о постоянных поселениях славян в коренных областях Греции.

Так, в Эпире, на побережье Адриатического моря, расселилось племя вакунтов, а в Фессалии, на побережье Эгейского моря, — велегезиты. На самой южной оконечности Пелопоннеса жили милинги и езериты. Обилие топонимики¹⁰⁵, имеющей славянское происхождение, на Пелопоннесе и в других областях Греции является свидетельством того, что славяне на протяжении длительного времени обитали здесь, не будучи ассимилированы местным населением. В Северной Греции (Фессалия) известны находки славянских вещей VI—VII вв. н. э.¹⁰⁶

В Малой Азии мы не знаем конкретных славянских племенных образований, но зато имеется ряд данных, говорящих о крупных славянских

¹⁰¹ А. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского. . . , стр. 32.

¹⁰² E v a g r i i Hitoria ecclesiastica, VI, 10. О датировке похода и о термине «Эллада» см. «Византиски извори. . . », стр. 100, прим. 4 и 101, прим. 6.

¹⁰³ L. N i e d e r l e. Rukovět slovanských starožitnosti. Praha, 1953 (карта Balkansky poloostrov v VII—VIII stol.).

¹⁰⁴ P. C h a r a n i s. On the capture of Corinth by the Onogurs and its recapture by the Byzantines. «Speculum», 27, 1952.

¹⁰⁵ M. V a s m e r. Die Slaven in Griechenland. Abhandl. Preuss. Akad. der. Wissen., philos.-hist. Kl., 1941, № 12.

¹⁰⁶ J. W e r n e r. Slawische Bronzefiguren aus Nordgriechenland. Berlin, 1953.

колониях, основанных там. Так, согласно данным Никифора¹⁰⁷ и Феофана¹⁰⁸, Юстиниан II в 688—689 гг. после победы над славянами в районе Фессалоники значительную часть побежденных переселил в Малую Азию. Общее количество переселенцев не названо, но известно, что из их числа было сформировано войско численностью в 30 тыс. воинов. Следовательно, всего было переселено во всяком случае не менее 100 тыс. человек.

Тот же Никифор рассказывает о добровольном переселении в 762—763 гг. 208 тыс. славян в Малую Азию, где также была основана славянская колония на реке Артане¹⁰⁹.

Славянские поселения, основанные в пределах империи, сохраняли известную автономию и отнюдь не были склонны немедленно признать в полной мере власть императора. Весьма любопытными являются сведения о походе Константа II на славян в 658 г. Войска императора прошли через Фракию и наложили дань на славян, обязавшихся, кроме того, выставять для защиты империи определенные военные силы¹¹⁰. Отсюда следует, что в середине VII в. еще только шла борьба за подчинение славян и использование их в качестве резерва материальных средств и военных сил для империи.

Выше уже говорилось о походе Юстиниана II против славян, живших в районе Фессалоники, в результате которого большое число славян было переселено в Малую Азию. В 758—759 гг., по сообщению Феофана, император Константин V вновь подчинил славян в Македонии¹¹¹. В 782—783 гг. состоялся новый поход против македонских славян под начальством полководца Ставракия¹¹².

Имеются и другие свидетельства о том, что славянские переселенцы, в частности на Балканах, пользовались определенной автономией. Феофан сообщает глухие сведения о семи племенах, по-видимому, объединенных в каком-то политическом союзе на территории позднейшей Болгарии¹¹³. Наконец, образование в VII в. (около 679 г.) независимого от Византии Первого Болгарского царства (этническую основу которого составляли славянские племена придунайских земель), несмотря на незначительность его первоначальных масштабов, является свидетельством того, что эти племена если и входили в состав Византии, то лишь номинально.

К VII—VIII вв. весь север Балканского полуострова представлял собой сплошное море славянских поселений, сохранявших свой специфический характер; среди них отдельными островками были разбросаны крепости и города, являвшиеся административными центрами и местами стоянок византийских гарнизонов, — последний оплот византийского могущества в этих районах¹¹⁴. Но и эти опорные пункты императорской власти в колонизованных областях подвергались непрерывной опасности.

Характерна в этом отношении судьба Фессалоники. Возможно, что впервые славяне появились в области Фессалоники еще до начала массовой колонизации византийских земель¹¹⁵. Во всяком случае с 550—551 гг.

¹⁰⁷ Н и к и ф о р а, патриарха константинопольского, краткая история... ВВ, III, 1950, стр. 364.

¹⁰⁸ Ф е о ф а н. Хронография (ВДИ, 1941, № 1), стр. 278.

¹⁰⁹ Н и к и ф о р. Указ. соч., стр. 378.

¹¹⁰ Ф е о ф а н. Хронография, стр. 277.

¹¹¹ Там же, стр. 279.

¹¹² Там же, стр. 280.

¹¹³ Там же, стр. 278.

¹¹⁴ Е. Э. Л и п ш и ц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, стр. 137—138.

¹¹⁵ В. Т ы п к о в а - З а и м о в а, Указ. соч.

захват Фессалоники становится четко сформулированной задачей славянской экспансии.

Неудача, постигшая славян под стенами этого города в 551 г., отнюдь не разочаровала их, и в дальнейшем они не раз предпринимали попытки овладеть этим городом. Исследователи считают возможным говорить по крайней мере о пяти таких попытках, имевших место в конце VI—начале VII в., когда дело доходило до непосредственной осады города¹¹⁶. Эти попытки славян захватить Фессалоники нашли живое и яркое отражение в анонимном источнике, известном под названием «Чудеса св. Димитрия», где рисуется картина тогдашней обстановки в районе города.

Местное угнетенное население в конце VI—VII в. склонно было видеть в пришельцах-варварах своих избавителей от нестерпимой эксплуатации и поддерживало их в борьбе против византийских порядков и императорской администрации. Если в первой половине VI в. славяне, не собираясь оставаться в пределах империи, во время своих набегов вводили огромное число византийских граждан в рабство, то теперь, оседая на балканских землях, они были заинтересованы в мирных соседских отношениях с местными крестьянами. По свидетельству Иоанна Эфесского, славяне в 584 г. обращались к мисийским крестьянам: «Выходите, сейте и жните, мы возьмем с вас только половину подати»¹¹⁷. Те опустошения, о которых пишут византийские авторы VI—VIII вв., касались главным образом крупных латифундий.

* * *

Все сказанное позволяет сделать четыре главных вывода.

1. Движение славян против Византийской империи носило характер расселения, осуществлявшегося двумя основными волнами с небольшим перерывом между ними: в III—IV вв. н. э. были заселены земли к северу от Дуная, а во второй половине VI—VIII вв. — север Балканского полуострова.

2. Колонизации подверглись преимущественно северобалканские земли (Фракия, Македония, Иллирия, Далмация). Кроме того, существовали отдельные массивы славянского населения в Греции и Малой Азии; имеются некоторые данные, позволяющие предполагать наличие славянских переселенцев в Сирии¹¹⁸.

3. Общественный строй славян в период колонизации соответствовал той ступени общественного развития, которая характеризует переход от первобытно-общинного строя к классовому (территориальная община на стадии крайнего разложения с зародышами классовых отношений в виде примитивного рабовладения и разделением общества на знать и рядовых свободных).

4. Оседая на византийских землях, славяне на протяжении длительного времени сохраняли политическую автономию; зависимость их от императорской власти сводилась к уплате налогов и обязанности выставить военные отряды; да и эти повинности византийской администрации приходилось реализовывать нередко с помощью оружия.

Надо думать, что, оседая на византийских землях, славяне, с одной стороны, в основном сохраняли (по крайней мере до определенного времени) свой общественный строй, принесенный ими со своей родины,

¹¹⁶ Ф. Б а р и ш и н. Чуда Димитрија Солунскаг као историски извор. Београд, 1953.

¹¹⁷ А. Д љ а к о в о в. Известия Иоанна Эфесского. . . , стр. 34.

¹¹⁸ В. И. У с п е н с к и й. История Византийской империи, т. I, стр. 398.

а с другой, неизбежно воспринимали многие элементы византийских порядков. Задачей исследователя в данном случае явилось бы выяснение конкретной картины: что именно было сохранено переселенцами из их общественного строя и что именно было приобретено позже, в результате колонизации? К сожалению, эта проблема до сих пор в науке даже не поставлена, что объясняется отсутствием достоверных источников, которые рисовали бы общественный строй славянских переселенцев на территории Византии.

Можно не сомневаться, что славянское население колонизованных областей сохраняло общинный строй, хотя прямых данных в источниках на этот счет мы не имеем.

Следовательно, славяне, колонизовавшие балканские владения Византии, действительно принесли с собой более архаический общественный уклад, нежели тот, который существовал здесь к VI в., и этот факт не мог не иметь существенного значения для дальнейшего развития империи. В определенном смысле можно утверждать, что подобно тому, как на Западе, по выражению Ф. Энгельса, между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин¹¹⁹, на Востоке, в Византийской империи, между георгом (колоном) и энапографом V—VI вв. и париком IX—X вв. оказался свободный славянский общинник.

Но при этом представляется необходимым иметь в виду два момента. Во-первых, славянская колонизация непосредственно захватила далеко не все области империи; более или менее существенному освоению со стороны славян подверглись лишь северные балканские провинции и в гораздо меньшей степени юг Балканского полуострова. Кроме того, существовали отдельные районы в Малой Азии, где также имелись славянские поселения, роль которых в общественном развитии этих областей, однако, не могла быть значительной; вся остальная территория империи славянской колонизацией вообще не была затронута¹²⁰. К тому же большая часть славянизированных земель довольно скоро отпала от Византии в связи с образованием там первых славянских государств.

Поэтому, думается, вряд ли правильно говорить об архаизации в VII—VIII вв. в результате славянской экспансии аграрного строя всей Византийской империи в целом. Это могло бы иметь место на Балканском полуострове, но не в коренных греческих областях, не в Малой Азии, не в Сирии и т. д.

Во-вторых, развитие отношений классового общества (в том числе феодальных) вовсе не предполагает полной ликвидации общины. Существование последней оказывается вполне возможным в условиях не только раннего, но и развитого феодализма. Соответственно появление на территории Византии больших масс населения, организованных в общины, отнюдь не предполагало необходимой отмены более развитых общественных отношений, существовавших в империи накануне славянской

¹¹⁹ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — В кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. Госполитиздат, 1952, стр. 289.

¹²⁰ Правда, необходимо иметь в виду, что наступление на Византию вели не одни славяне: одновременно с востока двигались закавказские племена, а с юга — арабы. Следовательно, славянская колонизация не исчерпывает собой колонизацию вообще. Однако эти народы по своему общественному развитию существенно отличались от славян, едва лишь начавших переходить к классовому обществу и государству (армяне, например, достигли государственного устройства еще в эллинистическую эпоху). Поэтому последствия их расселения неизбежно должны были иметь результаты, отличные от последствий славянской колонизации.

колонизации, как не мешало развитию этих отношений существование византийской общины и в IV—VI вв., и в более позднее время.

Значение славянской колонизации в процессе развития византийского феодализма, пожалуй, заключалось в ином: возникновение феодальных отношений предполагало широкое развитие мелкого крестьянского производства, и именно этому процессу способствовали славянские вторжения, разрушавшие крупные хозяйства типа латифундий и способствовавшие утверждению мелкого индивидуального землевладения. Но из этого вовсе не вытекает необходимость признания тезиса об архаизации общественного строя Византии.

Из сказанного вполне закономерным представляется вывод, что если славянская община, с одной стороны, не смогла существенно изменить социального строя византийского общества в целом, а с другой стороны, сумела сохранить себя как определенную форму общественных отношений внутри византийского общества VII—VIII вв., то в Византии этого времени (а может быть, и позже) должен был сохраняться своеобразный дуализм общественных отношений, который в значительной степени мог иметь и пространственное значение — в том смысле, что в областях, подвергшихся сплошной колонизации славянами, принесенные извне более архаические отношения, возможно, временно оказались преобладающими. Не в этом ли направлении следует искать решение главной трудности в освещении социального развития Византии VI—IX вв.?

Л. А. МАЦУЛЕВИЧ

МОЗАИКИ БИР-АЛЬ-КУТА И ПИЦУНДЫ*

Объединение мозаик Бир-аль-Кута и мозаик Пицунды в названии настоящей статьи включает само по себе указание на возможность объединения названных памятников — на предполагаемое историческое единство их, на своеобразную связь.

Бир-аль-Кут, где обнаружены интересующие нас остатки древнего мозаического искусства, находится в районе привифлеемских бедуинских кочевий. «Местность здесь, богатая холмами и склонами, образует, по словам Отчета о раскопках, великолепную панораму вокруг Вифлеема». С возвышенных точек перед глазами открывается знаменитая Базилика рождства, восходящая ко времени императора Константина I (306—337). Определяя кратко местонахождение Бир-аль-Кута, можно сказать, что он расположен подле самого Вифлеема.

Что же касается Пицунды (грузинская Бичвинта, античный Питиунт), то она отстоит от Бир-аль-Кута на огромное расстояние. Она лежит на грузинском берегу Черного моря, восточнее города Гагры — следовательно, не только далеко от Бир-аль-Кута, но и совершенно в иной географической среде.

Тем любопытнее, что время раскопок двух столь удаленных один от другого пунктов совпало. Бичвинтская археологическая экспедиция грузинской Академии наук начала исследование под руководством А. М. Апакидзе летом 1952 г. Орден миноритов (францисканцев) приступил к работам под руководством директора палестинских раскопок ордена профессора Виргилио Корбо в конце того же года. Само собой разумеется, одновременность исследовательских работ была случайностью. Грузинские и палестинские ученые действовали независимо друг от друга.

Тем сенсационнее для грузинской науки оказались результаты экспедиции Корбо. Монастырь, остатки которого ему посчастливилось расчистить под Вифлеемом, оказался древним грузинским монастырем, существование которого не отмечено ни одним письменным источником.

Пол помещений обнаруженного профессором Корбо монастыря покрыт узорчатой мозаикой. При этом вымостка монастырской трапезной, внутреннего дворика и портика содержит четыре древнегрузинские надписи, выполненные заглавным хуцури, при высоте букв до 10—11 см. Они-то

* Настоящая статья представляет собой реферат последнего устного выступления покойного Л. А. Мацулевича — его доклада (22 XI 1958) на сессии Отделения исторических наук АН СССР по вопросам византиноведения в Ленинграде. Реферат был написан автором (ред.).

Рис. 1. Мозаичный пол трапезной из Бир-аль-Кута, 3×7 м. Открыт проф. Корбо в 1952 г.

и позволили установить, что монастырь являлся грузинским и был посвящен Феодору Тирону.

Отчет Корбо о раскопках напечатан в «*Publicazioni dello studium biblicum franciscanum*», № 11 (Gerusalemme, 1955). Я пользовался фотокопией отчета, предоставлением которой мне я обязан заботам академика Акакия Гавриловича Шанидзе.

Наиболее крупным и полнее других сохранившимся мозаическим ансамблем Бир-аль-Кута является вымостка трапезной (рис. 1). Ей я отвожу в докладе основное внимание. Мозаичный ковер пола, который расстелется перед глазами, имеет размеры приблизительно 3×7 м. Узор его геометрический. Он образован неизменным повторением одних и тех же звеньев или ячеек величиной около $\frac{3}{4} \times \frac{3}{4}$ м каждое. Звенья расположены в ряд одно возле другого боковыми сторонами. В каждом ряду четыре звена. К первому ряду непосредственно примыкает второй и последующие ряды. Всего рядов восемь, насколько позволяет судить об этом опубликованный в отчете фотоснимок пола, исполненный в ракурсе. Тем самым взор охватывает по крайней мере 32 звена.

Звено, основная ячейка узора, составлено из двух прорезных ромбов или, точнее говоря, из рам ромбической формы, вставленных одна в другую под прямым углом, крест-накрест (лучше даже сказать: не столько

вставленных друг в друга, сколько туго втиснутых). Острые углы ромбов дугообразно срезаны. Узор выполнен из тессер ярко-розового, черного, голубого и зеленого цветов. Из-за сильной изломанности силуэта звена между тессерами образуются при сопоставлении их рядом просветы на *белый фон, имеющие* характерные формы — круглые, ромбические, восьмиугольные. Сочетание между собой таких просветов играет при восприятии узора активную роль: они производят впечатление крестовидных вкраплений.

Присоединенное к отчету Корбо исследование мозаичных надписей, произведенное грузиноведом Тархншвили, датирует их в пределах всего VI в. Между тем сам Тархншвили допускает, что надпись в портике старше надписи в трапезной. А Корбо обращает внимание на то, что обе надписи помещены не по оси общего узора вымостки, а сдвинуты к боковому краю; он отмечает также и частичные реставрации. Не задерживаясь на подробностях, можно допустить, что узорчатые мозаики частично восходят к V в. — во всяком случае они относятся к доюстиниановскому времени.

Декоративная система коврового узора, представленная в трапезной Бир-аль-Кута, сохранилась от какого-то раннего здания и в самом Иерусалиме, в Монастыре креста. Небольшой участок мозаики был сфотографирован Н. П. Кондаковым во время археологического путешествия в 1891—1892 гг. Вымостка, насколько позволяет судить фотоснимок, подверглась давней реставрации и в нынешнем состоянии может быть отнесена к VI в.

Таким образом, в двух памятниках иерусалимско-вифлеемской художественной школы можно наблюдать наследие большого декоративного стиля мозаичных настилов, сохранявшееся вплоть до V—VI вв.

За последние десятилетия в Палестине раскопано несколько зданий, на мозаичных настилах которых мы встречаем спаренные ромбовидные рамы, втиснутые одна в другую. Все эти памятники точно датированы концом первой трети VI в. Показательно то новое качество нашего характерного мотива, с которым мы встречаемся на этих памятниках. Так, в герасской художественной школе нет широкого декоративного узора из составленных рядами звеньев. Новое качество мотива состоит в том, что пара скрещенных рам выделилась в изолированную ячейку. При этом ромбовидные рамы стали короче и шире. Они тем самым могут легко вписываться по диагоналям квадрата. Качественно эта новая ячейка может быть определена как квадрат со спаренными ромбами внутри. Последний не занимает ведущего места в узоре: он обычно вкраплен в орнамент иного построения и рисунка, в котором ему отводится второстепенное, рядовое место где-то в стороне, где он часто почти теряется. Однако доживание мотива даже в таком качестве служит важным свидетельством того, что Сирия и Палестина были в свое время его художественным центром.

Перехожу к мозаической вымостке Пицунды. Предварительное сообщение об «Открытии мозаичного пола в древнем Пятиунте» напечатано мной в № 4 «Вестника древней истории» за 1956 г. Напомню некоторые выводы этой публикации.

1. Сохранившиеся части мозаик пицундской базилики относятся к нескольким строительным периодам.

2. Настил крещальни и повышенной части мартирия принадлежит ко времени не позднее второй половины IV в.

3. Он характеризуется живым эллинистическим наследием и столь тесной связью с местными народными художественными образами, что

закономерно ставить вопрос о местных предшественниках новооткрытых мозаик.

4. Декоративная система мозаичного настила крещальни состоит из повторяющихся геометрических звеньев, состоящих из свободно вставленных крест-накрест рам ромбической формы (не туго втиснутых, как в палестинских школах) (рис. 2). Они тем самым являются вариантом, при этом более ранним, чем палестинские, о которых шла речь в первой части реферата.

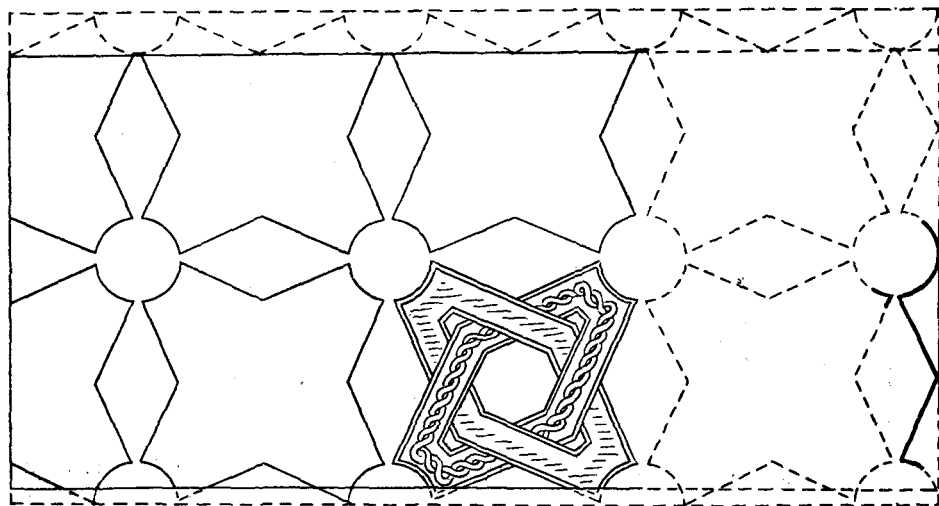

Рис. 2. Схематический рисунок мозаики пола крещальни из Пицунды, открытой в 1952 г.

5. Декоративная система вымостки IV в. пицундской крещальни не представлена на памятниках средиземноморских, римских. Больше того, узор этот принципиально отличен по своему построению от средиземноморско-римской системы. Это тем значительнее исторически и показательнее, так как Питурут был длительное время крупным военным центром Римской империи и местом стоянки римского флота. Нельзя не признать, насколько жизнедеятельны в Пицунде были местные художественные силы и местные культурные связи.

6. Общее направление этих связей на Восток доказывалось выше такими аналогичными памятниками, как мозаика Кауссье 387 г., как отмеченные в докладе фрагменты иерусалимского храма креста, как памятники Герасы.

7. Изучение своеобразных черт акантового орнамента пицундского мартирия также сближало их с Сирией и Палестиной — с цепным рядом разнообразных соцветий, известным там уже на рубеже нашей эры (рис. 3).

8. Для пицундского аканта, в частности, выдвигается особое значение мозаик первоначального октогона вифлеемского храма рождения. Пути от пицундских мозаик указывали на вифлеемский храм.

Вот приблизительно основное, что хотелось напомнить о предварительной публикации мозаик.

До появления на научном горизонте результатов раскопок в Бир-аль-Куте, произведенных Виргилио Корбо, историко-художественное сближение Пицунды с Вифлеемом оставалось все же в плане общих гипотез. Мозаики Бир-аль-Кута вносят существенное дополнение в данный вопрос и

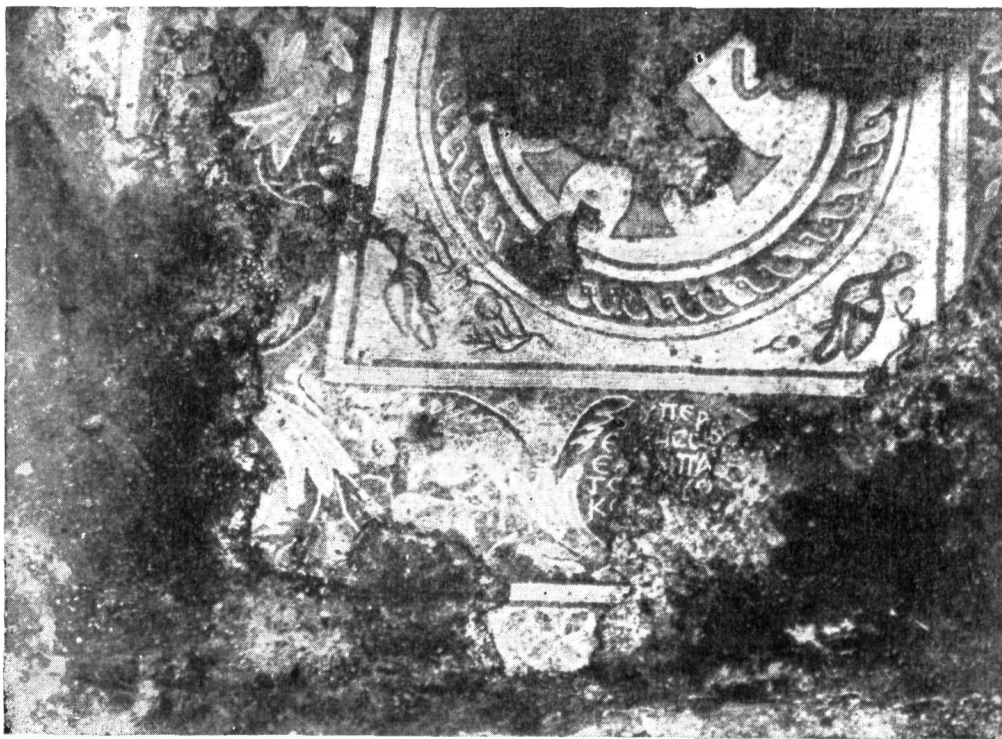

Рис. 3. Мозаика мартырия IV в. из Пицунды, раскопки 1952 г. экспедиции Академии наук Грузинской ССР.

укрепляют почву для продолжения исследований в том же направлении. Они становятся новым, связующим звеном. Не безразлично в этом отношении нахождение интересующего нас монастыря Феодора Тирона подле самого Вифлеема. Оно обеспечивало близкое знакомство с комплексом прославленного храма и постоянные связи. Непосредственно из Вифлеема могли получаться в Бир-аль-Куте или заимствоваться туда образцы мозаичных узоров; возможно, приходили и мозаичисты. Прямое использование вифлеемской базилики приобретало иногда особое значение. В бир-аль-кутский монастырь были перемещены, как показали раскопки, камни от карнизов и другие архитектурные детали с разрушавшихся частей знаменитого храма.

Мозаичный узор в трапезной Бир-аль-Кута, типично ковровый, отмечен сдержанностью и лаконичностью рисунка. Внутри каждого звена и между соседними звеньями выложено по маленькому мозаичному щитку или крестик. Эти столь крохотные украшения кажутся обедненными, будничными; они как бы теряются в неизменной общей торжественности и декоративности мозаичного настила. Мозаика художественно сосредоточена на основном. В ней не намечилось ни признаков изживания художественного мотива, ни перерождения или распада форм. Мозаика Бир-аль-Кута могла почти до юстиниановского времени сохранить наследие большого декоративного стиля, видимо, потому, что за ней стояло не полуизжитое художественное предание, а непосредственный образец выдающегося прославленного здания. Мозаика свидетельствует о том, что иерусалим-

ско-вифлеемская школа была и действительно долго продолжала быть мощным художественным центром с широко идущими связями.

В Пицунде мозаичный слой V в. дает своеобразный сигнал, противоположный указаниям предыдущего слоя. Мозаики, выложенные в это время, при очередной перестройке базилики, свидетельствуют о ближайшем родстве их со средиземноморским искусством.

Художественное родство, конечно, не могло не проявиться в новой обстановке экономических и политических отношений Лазики с Римской империей и в изменившихся общественных условиях. Налицо крупный культурный сдвиг. Для византиноведения и грузиноведения он, само собой разумеется, не звучит призывным набатом. Это скромная лепта, вносимая в советскую историческую науку исследованием художественных связей, в частности связи недавно обнаруженных мозаик Пицунды и Бир-аль-Кута.

В. Д. ЛИХАЧЕВА

**ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЕ XI в.
В СОБРАНИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ**

В Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина хранится византийское Евангелие Гр. № 801.¹ Несмотря на большое мастерство, с которым выполнены его миниатюры, заставки и написан текст, эта рукопись еще ни разу не описывалась². По характеру иллюстраций и палеографическим особенностям, как будет видно из дальнейшего, ее можно отнести к Константинопольской школе конца XI в.

Четвероевангелие содержит 259 листов размером 15,6×11,2 см. Текст написан коричневатými чернилами в 21 строку на листе. На полях имеются незначительные приписки к тексту, относящиеся ко времени конца XI—начала XII в. Рукопись сшита кватернионами. В конце Евангелия находится синаксарь, последние листы которого утеряны. Листы 124—125 об., 201—202 об. окрашены пурпуром. На листах 3, 3 об., 80—81 об., 201—202 об. текст написан золотом. Заставки (листы 3, 80, 124, 201) состоят из растительных орнаментов на золотом фоне. На листах 2 об., 79 об., 123 об., 200 об. изображены евангелисты. Переплет рукописи обтянут красным бархатом. Застежки не сохранились. Время переплета трудно установить, так как бумага, вклеенная в рукопись при ее переплетении, не имеет водяных знаков. Евангелие поступило в собрание Публичной библиотеки из Музея города Ленинграда в 1929 г. Откуда оно туда попало, установить не удалось.

Рукопись написана так называемым средним, или смешанным, минускулом, типичным для XI в.³ При этом ее почерк представляет собой разновидность среднего минускула — книжный минускул, который отличается от литургического небольшим размером букв и малым числом лигатур. Исключение составляет довольно часто употребляемая лигатура: $\chi\psi$ в словах πολλοί (л. 21, л. 18 об.) и ἄλλοι (л. 254 об.). Иногда встречаются характерные для среднего минускула лигатуры $\epsilon\chi$ (л. 11, л. 115) и $\epsilon\chi\theta$ (л. 14) — $\chi\psi$. Как и в литургическом минускуле, в почерке Евангелия Гр. № 801 употребляются унциальные формы в написании букв κ , λ , ν , π , η . В письме Евангелия Гр. № 801 все скромно и сдержанно, но не лишено изящества

¹ Рукопись указана мне Е. Э. Гранстрем, которой приношу глубокую благодарность за помощь в работе.

² Рукопись упомянута: «Краткий отчет рукописного отдела за 1914—1938 годы», под ред. Т. К. Ухмыловой и В. Г. Геймана, 1940, стр. 240. Е. Э. Гранстрем. Греческие средневековые рукописи в Ленинграде. ВВ, VIII, 1956, стр. 201; е е же. Греческие рукописи ГПБ. «Труды ГПБ», т. II (V), 1957, стр. 230.

³ Е. Э. Гранстрем. К вопросу о византийском минускуле. ВВ, XIII, 1958, стр. 227.

и тонкости ⁴. Буквы не имеют таких многочисленных и разнообразных украшений, как в Псалтири Гр. № 214. Просто написанный текст контрастирует с яркими и богатыми заставками в начале каждого Евангелия. Четко очерчены поля, на которые в редких случаях выбиваются один-два коротких хвоста или росчерка от буквы. Письмо строго и просто.

Текст на листах 126—127 об. написан более поздним литургическим минускулом (конец XII в.). Размеры букв здесь больше, и расстояние между ними шире. В письме много лигатур и сокращений: изогнутые хвосты от букв свободно выходят на поля. Очевидно, эти два листа были вставлены в рукопись позднее. Их текст содержит начальные строки Евангелия от Луки (I, 1—19), которые в манускрипте не утрачены. Но эти старые листы написаны золотом на пурпуре и читаются с трудом. Возможно, что два новых листа были вставлены для того, чтобы облегчить чтение.

Тип разлиновки соответствует типу 1.40а у К. Лейка и С. Лейка ⁵. Такой же тип разлиновки листа есть в рукописи лондонского Британского музея Cod. Harl., 5537 (1087 г.) ⁶.

Писец Евангелия Гр. № 801 оставлял широкие четко очерченные текстом поля, которые придают рукописи нарядный вид. Внутреннее поле всегда несколько уже внешнего. Левое поле листа оформлено простыми небольшого размера инициалами, выполненными кармином, контраст которого с темными чернилами текста акцентирует внимание на этих буквах. Эти инициалы иногда имеют скромные украшения. Нередко буква делается более нарядной с помощью неравномерного утолщения очерчивающей ее тонкой линии (Е л. 179 об., О л. 233). Иногда от правого нижнего угла буквы отходит небольшой хвостик, который как бы заканчивает ее (л. 239 Т), а иногда росчерк начинает букву, т. е. располагается в левой верхней ее части (δ л. 236). Иногда одна из палочек, составляющих инициал, украшена точкой (κ л. 50 об.).

На некоторых листах текст выделен расположением строк. Так, например, на листе 78 строки образуют крест из слов: τὸς τὰ κεφάλαια τοῦ κατὰ μαρκον εὐαγγελίου. Но чаще конец главы подчеркивается сужением строк текста книзу (л. 76 об., л. 120, л. 198, л. 254 об.). Существенно и то, что листы сохранились до нашего времени необрезанными — это дает возможность судить о красоте композиционного заполнения листа.

В тексте встречается ряд украшений, принадлежащих самому писцу. Так, начало новой строки автор иногда выделяет крестиками с точками по их углам (л. 1 об., л. 78) — своего рода звездочками. На листе 77 имеется графическая заставка, выполненная, как и текст на этом листе, кармином. Ее орнамент представляет собой плетенку, которая часто встречается в украшениях византийских рукописей. Аналогичный орнамент есть в рукописи Ватикана Cod. gr. 65 (конец XI в.)⁷. Несколько иной тип плетенки представляет орнамент исполненной пером заставки на листе 198 об. Он сходен с орнаментом заставки в рукописи Иерусалима Part. cod., 21 (конец XI в.)⁸.

⁴ В этом отличие почерка Евангелия Гр. № 801 от почерка Псалтири Ленинградской публичной библиотеки Гр. № 214, написанной литургическим минускулом. Псалтирь описана у В. Н. Лазарева («Царьградская лицевая псалтирь XI века». ВВ, III, 1950, стр. 211—217 (со снимками); е го ж е. История византийской живописи, т. I, М., 1947, стр. 109, 113, 313; т. II. М., 1948, табл. 136—137).

⁵ K. and S. L a k e. Dated Greek Minuscule Manuscripts to the Year 1200. Boston, 1934—1936.

⁶ Ibid., Pl. 131.

⁷ Ibid., Pl. 531.

⁸ Ibid., Pl. 12.

На листе 126, относящемся к концу XII в., имеется выполненная киноварью заставка, которая по сравнению с двумя упомянутыми выше выглядит гораздо грубее и неряшливее.

Кроме украшений, принадлежащих писцу рукописи, имеются и украшения, сделанные искусным миниатюристом.

Миниатюрист выполнил четыре изображения евангелистов, заставки и инициалы. На первом листе каждого Евангелия (рис. 1—3) расположены заставка и инициал, которые согласуются друг с другом в своей цветовой гамме. Лист 3 оформлен заглавной буквой В в квадратной формы заставкой, заполненной орнаментом растительного типа. Для него характерны пальметки, окруженные сердцевидными побегами. Такого рода побеги располагались то горизонтально, как в данном случае (аналогии: Евангелие Ленинградской публичной библиотеки Гр. № 67, л. 14, 15. XI в., рукопись Парижской национальной библиотеки Cod. gr. № 550. XII в.⁹), то вертикально, как в Евангелии Ленинградской публичной библиотеки Гр. № 67, л. 14 об., XI в. и в Псалтири Парижской национальной библиотеки № 139, X в.¹⁰ Орнамент этого типа встречается не только в рукописях, но и в монументальной живописи — на одежде императрицы Ирины (мозаики Софии Константинопольской. Начало XII в.)¹¹. Орнаментация инициала В носит растительный характер. Буква и заставка согласованы в цвете. Краски ложатся плотным слоем на золото, составляющее фон. Наложенные на них белильные блики создают переливчатую поверхность. Колорит заставки и заглавной буквы производит яркое впечатление благодаря сочным соединениям красной, синей и зеленой красок.

Начальный лист Евангелия от Марка (л. 80) украшен заставкой, имеющей П-образную форму, и заглавной буквой А. В основе орнамента этой заставки лежит широко распространенный в Византии мотив кругов. От этих кругов отходят ветки с листьями, которые превращают круги в своеобразные цветы. Подобный орнамент встречается в рукописи Ватикана Barb. gr. 449 XII в.¹² Весьма интересно употребление в заставке и инициале фиолетовой краски, которая господствует в общей гамме наравне с зеленой. Соединение фиолетового и зеленого тонов придает колориту своеобразную сдержанность и красоту. Вообще же в XI в. в Византии фиолетовая краска имела довольно ограниченное применение¹³. В миниатюрах Евангелия Гр. № 801 она встречается всего лишь три раза (л. 80, л. 124, л. 201). В рукописях Публичной библиотеки Гр. № 67 и Гр. № 214, относящихся к Константинопольской школе конца XI в., фиолетовая краска ни разу не употреблена.

Мотив соединения кругов диагональными линиями появился в Византии лишь в XI в.¹⁴ В некоторых случаях, как в рукописи Парижской национальной библиотеки Cod. gr. № 550 (XII в.)¹⁵, эти соединительные диагонали расположены параллельно друг другу. Но иногда, как в кодексе Парижской национальной библиотеки Cod. gr. № 49¹⁶, диагональные линии находятся под прямым углом друг к другу. К последней группе можно отнести и орнамент заставки на листе 124 Евангелия Гр. № 801,

⁹ М. А. Frantz. Byzantine Illuminated Ornament. «The Art Bulletin», № 16, 1934, Pl. XVII, 10, 11.

¹⁰ Ibid., Pl. XLVII.

¹¹ D. Talbot Rice. The Art of Byzantine. London, 1959, p. 91, XXIII.

¹² М. А. Frantz. Op. cit., Pl. VIII, 10.

¹³ J. Tikkanen. Studien über die Farbengebung in der mittelalterlichen Buchmalerei. Helsingfors, 1933, S. 103.

¹⁴ М. А. Frantz. Op. cit., p. 57.

¹⁵ Ibid., Pl. XI, 4.

¹⁶ Ibid., Pl. XI, 2, 6.

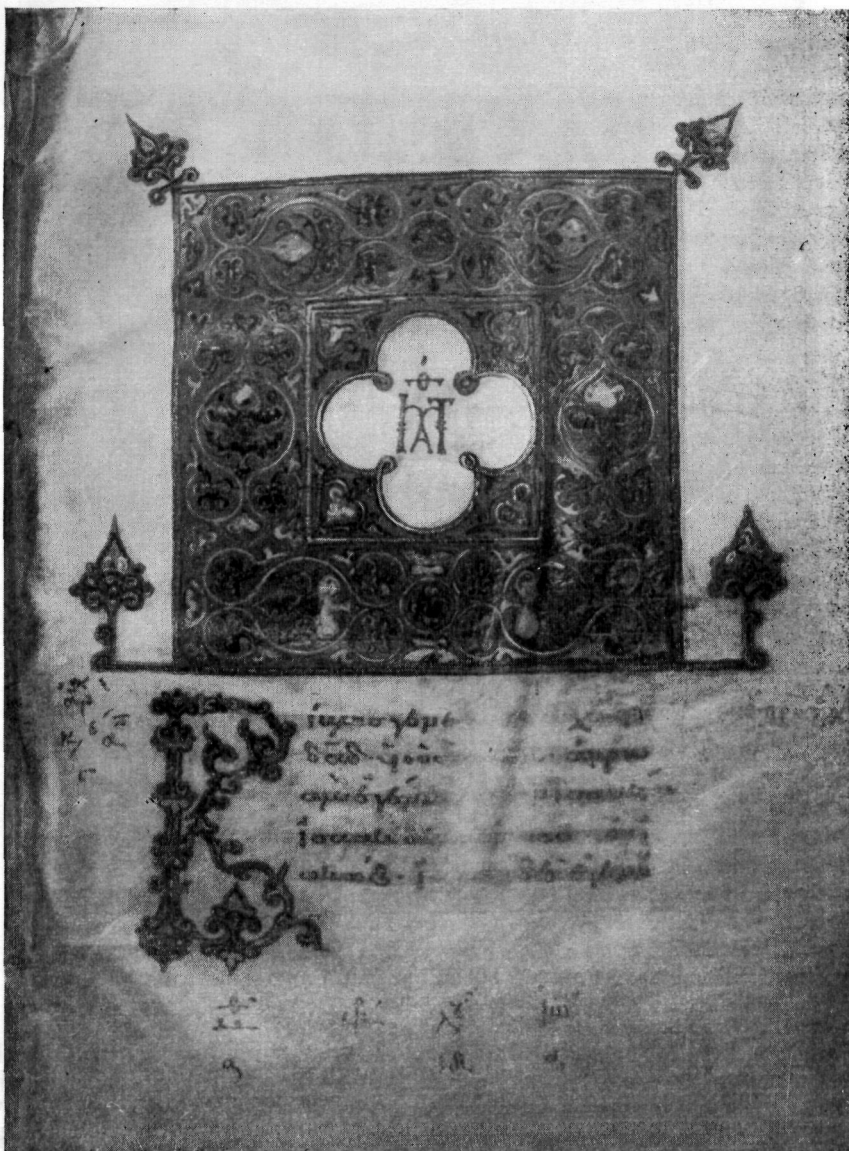

Рис. 1. Евангелие Греч. № 801. Начальный лист евангелия от Матфея (л. 3)

Рис. 2. Евангелие Греч. № 801. Начальный лист евангелия от Марка (л. 80)

где круги соединены непараллельными линиями. Эти расположенные под прямым углом друг к другу диагонали позволяют выделить центр, создавая центростремительную композицию. Находящийся на том же листе инициал Е имеет форму незавершенного круга с поперечной перекладиной, проходящей ровно в центре. Такого же рода буква Е, украшенная растительными побегами, листьями, усиками, встречается в Псалтири Ленинградской публичной библиотеки Гр. № 214 (л. 23, л. 59) XI в., в Евангелии, хранящемся на Патмосе, № 72 (XI в.)¹⁷, и во многих других рукописях XI в. Колористическая гамма заставки и инициала на листе 124 производит впечатление красочности и богатства особенно благодаря окрашенному пурпуром пергамену.

¹⁷ К. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts Berlin, 1935, Abb. 296.

Рис. 3. Евангелие Греч. № 801. Начальный лист евангелия от Луки (л. 124)

Пурпурный пергамен в период после иконоборчества был чрезвычайно редок¹⁸. Применение его в рукописи Гр. № 801 свидетельствует о богатстве отделки и исключительном назначении Евангелия, выполненного, несомненно, в придворной школе и предназначенного для кого-либо из членов царской семьи.

Заставка на листе 201 имеет такую же П-образную форму, как и две предыдущие. Здесь так же, как и в других случаях, заглавия евангелий написаны вязью. Ее орнаментальное заполнение состоит из кругов, соединенных друг с другом с помощью своеобразных растений, параллельные листья которых, верхний и нижний, сильно расходятся в стороны, соединяя таким образом оба круга. Подобный орнамент встречается в рукописи Парижской национальной библиотеки Cod. gr. № 784 (XI в.)¹⁹. Форма

¹⁸ J. Tikkanen. Op. cit., S. 154.

¹⁹ M. A. Frantz. Op. cit., Pl. VII, 10.

инициала Е на листе 201 соответствует заглавной букве Е на листе 124. Окраска заставки и инициала на листе 201 сочетается с пурпуром пергамента, на котором выгодно выделяется зеленый тон орнамента.

Колорит заставок Евангелия Гр. № 801 отличается многокрасочностью. Характерно, что палитра относящегося к тому же времени Евангелия Ленинградской публичной библиотеки Гр. № 67 состоит в основном из таких же красок, однако ее колорит не имеет тех тонких сочетаний, которые присущи Евангелию Гр. № 801.

Не менее замечательны и миниатюры Евангелия Гр. № 801. В передаче легких складок одежды евангелистов, мягко лежащих по форме тела, чувствуются традиции искусства эллинизма. Стулья и традиционные столы, на которых изящно расположены письменные принадлежности, богато украшены. Пюпитры же с лежащими на них открытыми книгами переданы легким коричневым контуром. В миниатюре с евангелистом Иоанном подставка пюпитра изображает стоящую на голове рыбу. Такая форма пюпитра часто встречается в изображениях евангелиста Иоанна. Она имеется в миниатюрах парижского Евангелия Coisl. № 195 (X в.), л. 349 об.²⁰ и рукописи монастыря Ставро-Никиты на Афоне № 43 (X в.), л. 13²¹. Однако возникает мысль, что изображение пюпитров было добавлено несколько позднее. Это можно предположить в связи с тем, что композиционно они плохо вписаны в иллюстрацию. Кроме того, они выполнены в графичной манере, отличающейся от живописной передачи фигуры евангелиста и столика перед ним. Миниатюры, на которых евангелист представлен с лежащей на его коленях книгой и перед столиком без пюпитра, встречаются довольно часто в византийских евангелиях. Так изображены все четыре евангелиста в рукописи Ватикана Cod. gr. 1522²², Лука и Иоанн в кодексе лондонского Британского музея Add. Ms., 28815²³, Матфей в Евангелии Парижской национальной библиотеки Suppl. gr. № 79²⁴.

Фигуры евангелистов рукописи Гр. № 801 несколько вытянуты, что еще больше усиливает впечатление изящества и тонкости, создаваемое изысканным колоритом. Евангелисты представлены пишущими, но Матфей и Марк, держа перья в руках, на мгновение остановились и задумались, склонив голову на руку.

Как считает К. Вейцманн, изображение пишущего евангелиста, который задумчиво сидит, восходит к античному типу статуй сидящего философа. Непосредственными образцами для этого изображения послужили не античные статуи, а живопись²⁵. Для позы евангелистов в византийских рукописях не существует твердо установившегося иконографического типа. Лишь в изображении Луки есть некоторая каноничность. Его обычно представляют либо пишущим, либо сидящим с пером в руке²⁶. Хатч²⁷ различает три типа в изображении евангелистов: 1) стоящий евангелист — Александрийский тип; 2) сидящий и жестикулирующий или читающий вслух святой — Антиохийская традиция; 3) сидящий евангелист, пишущий или размышляющий, — Эфесский тип. К последней группе

²⁰ К. Weitzmann. Op. cit., Pl. XII.

²¹ В. Н. Лазарев, История византийской живописи, т. II, табл. 65.

²² К. Weitzmann. Op. cit., Pl. V.

²³ Ibid., Pl. XXV.

²⁴ Ibid., Pl. XXVIII.

²⁵ Ibid., S. 12.

²⁶ Ibid., S. 23.

²⁷ W. H. Hatch. Facsimiles and Descriptions of Minuscule Manuscripts of the New Testament. Cambridge, 1951, p. 33.

Рис. 4. Евангелие Греч. № 801. Евангелист Лука (л. 123 об.)

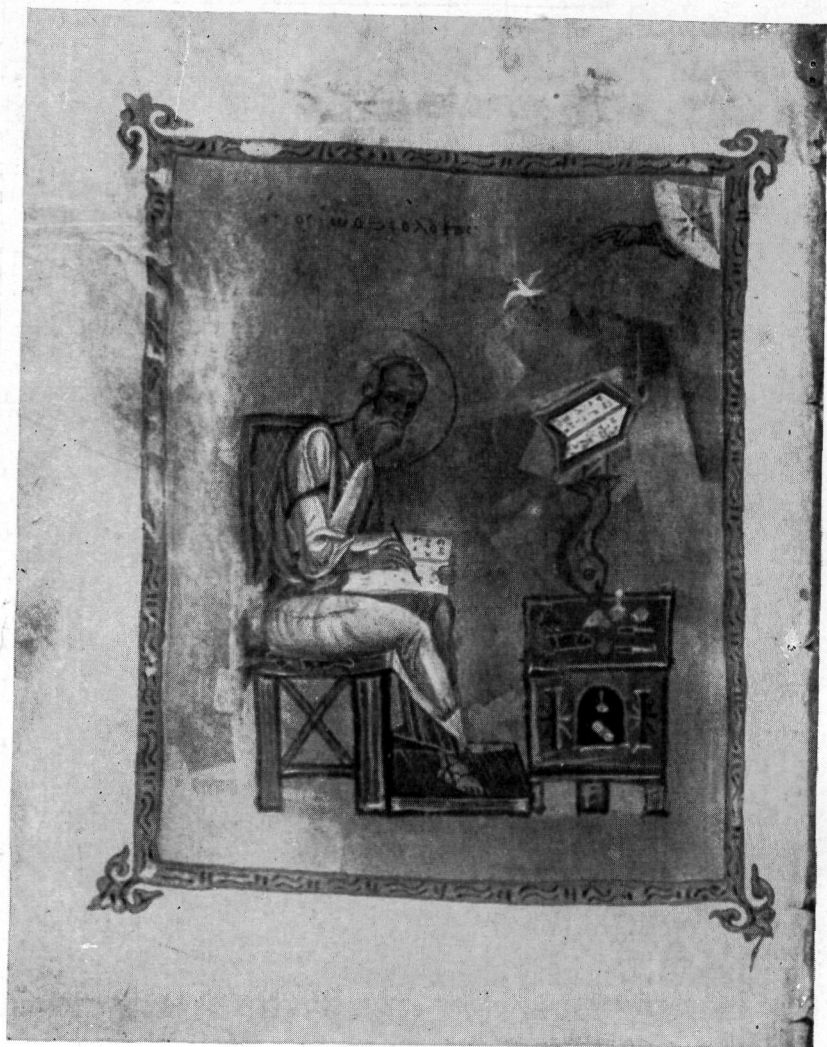

Рис. 5. Евангелие Греч. № 801. Евангелист Иоанн (л. 200 об.)

традиционного изображения евангелиста относятся все четыре святых в рукописи Гр. № 801.

Лица евангелистов рукописи Гр. № 801 отличаются большой жизненностью. Аскетические черты в них отсутствуют. Матфей изображен старцем с седыми волосами и округлой бородой. Марк моложе, его волосы темнее, борода короче. В его лице чувствуется характерный для XI в. восточный тип. Лука представлен совсем иным: слегка наметившаяся борода придает его лицу особую молодость; устремленные вперед в глубокой задумчивости большие выразительные глаза проникнуты грустью; его образ лиричен. Тип Луки Евангелия Гр. № 801 напоминает чертами своего восточного лица евангелиста Луку (рис. 4) в рукописях Парижской национальной библиотеки Cod. gr. № 64 (XI в.), л. 102²⁸ и лондонского Британского музея Add. Ms., 28815 (XI в.), л. 126 об.²⁹ Он имеет большое сходство с молящимся Асафом из фрагмента Псалтири Ленинградской публичной библиотеки Гр. № 266.³⁰ В Евангелии Гр. № 801 Иоанн представлен сосредоточенно пишущим старцем с длинной седой бородой (рис. 5). Его одухотворенное лицо с большим лбом мыслителя имеет много общего с лицом евангелиста Матфея рукописи Парижской национальной библиотеки Suppl. gr. № 905 (XI в.), л. 54 об.³¹ и лицом Григория Богослова рукописи флорентийской лауренцианской библиотеки Cod. Plut., VII, 24(1091 г.)³².

Столь же интересен колорит миниатюр. Нежная по цвету одежда Матфея и Иоанна, состоящая из голубого хитона и розового плаща, в сильной степени напоминает тонкие одеяния легких фигурок инициалов Псалтири Публичной библиотеки Гр. № 214 (XI в.). Необыкновенно живописное и изящное соединение холодных тонов зеленого и голубого в одежде Луки (Евангелие Гр. № 801) перекликается с теми же оттенками в платье Исаи в инициале Псалтири Гр. № 214, л. 311 об. Легкая прозрачность создается с помощью тонкого слоя краски. В одеяниях нет никакой сухости и линейности. Даже обозначенный темно-коричневой линией контур по шее, рукам и по верхней части ноги евангелиста Матфея не уменьшает общего впечатления от мягких складок его сиреневого гиматия. Светлые лица оттеняет нежный румянец щек. Тонкой коричневой линией показаны черты лиц. Седые волосы Луки и Матфея имеют голубоватый оттенок. Миниатюры характеризуются единством палитры. Узкая синяя полоса рамки, ограничивающей иллюстрацию, красиво сочетается с фоном, который нюансирован с помощью розоватого и зеленоватого тонов золота. Геометрические орнаменты этих рамок, состоящие из коротких черточек и волнистых линий, которые в каждом отдельном случае по-разному связаны между собой, нарисованы кинварью.

В связи с тем, что было указано выше, датировка Евангелия Гр. № 801 не может вызывать сомнений. О том, что рукопись относится ко второй половине XI в., говорит ряд особенностей ее миниатюр и палеографии.

Текст Евангелия Гр. № 801 написан средним, или смешанным, минускулом, который употреблялся в кодексах со второй половины X в. до начала XIII в.³³ В XI в. он имел ряд черт, которые наблюдаются и в помете нашего манускрипта. В нем можно увидеть плавность начертания точных и ясных по форме букв, их небольшой наклон, увеличенные раз-

²⁸ «Byzance et la France médiévale. Bibliothèque Nationale», Pl. XI.

²⁹ K. Weitzmann. Op. cit., Pl. XXV.

³⁰ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, табл. 856.

³¹ K. Weitzmann. Op. cit., Pl. IV.

³² K. and S. Lake. Op. cit., Pl. 703.

³³ Е. Э. Гранстрем. К вопросу о византийском минускуле, стр. 227.

меры знаков долготы и ударений³⁴. Почерк нашей рукописи очень близок по своему характеру к письму Псалтири Ватикана Cod. gr. 752 (1052 г.)³⁵, кодекса Ватикана Cod. gr. 2000 (1102 г.)³⁶, рукописи, хранящейся на Афоне, в Лавре, Cod. gr. 6 (1047 г.)³⁷, кодекса лондонского Британского музея Herley 5537 (1087)³⁸ и ряда других произведений конца XI в.

Большое значение для датировки имеет употребление тех или иных форм букв в тексте. Минускульная форма буквы π, как известно³⁹, доминирует в византийских рукописях Нового Завета над унициальной вплоть до последней трети XI в. В Евангелии Гр. № 801 минускульная форма буквы π встречается гораздо больше, чем унициальная. В рукописях, написанных после 1075 г., унициальная λ употреблена чаще, чем минускульная⁴⁰. В Евангелии Гр. № 801 почти исключительно применяется унициальная форма. Поэтому можно отнести Евангелие к концу XI в., когда еще часто встречается минускульная π, но уже широко применяется унициальная λ.

Период с XI по XII в. был кульминационным пунктом в развитии украшений⁴¹. Некоторые орнаментальные формы типичны только для XI в. К ним относится появившийся в XI в. мотив соединения кругов диагоналями⁴², орнамент в виде пальметки, который с XI в. стал наиболее распространенным⁴³, и введенная в это время орнаментация в виде аканфа. Колористический характер исследуемой рукописи, как и палеографические особенности, дает основание датировать ее второй половиной XI в. Общее впечатление от красочной палитры соответствует характеристике, данной В. Н. Лазаревым колориту второй половины XI в., в котором «привсей его определенности нередко доминируют нежнейшие тона, напоминающие свежие цвета земляники, чайной розы и ренклода».⁴⁴ В одеяниях евангелистов отсутствуют линейность и сухость, которые появляются в миниатюрах XII в.

Иконография иллюстраций также подтверждает датировку второй половиной XI в. Так, например, лицо евангелиста Иоанна напоминает лицо евангелиста Матфея рукописи Парижской национальной библиотеки Suppl. gr. № 905, относящейся к 1055 г.⁴⁵

* * *

В. Н. Лазарев различает две группы византийских рукописей второй половины XI в. Одни украшены крохотными миниатюрами и фигурными инициалами на полях (к ним относятся Псалтирь Ленинградской публичной библиотеки Гр. № 214, Евангелие Парижской национальной библиотеки Cod. gr. № 74 и ряд других кодексов). Другие рукописи имеют миниатюры, занимающие весь лист. Последние имеют сходство с монументальной живописью того времени. Рукопись Слов Иоанна Златоуста

³⁴ E. Thompson. An Introduction to Greek and Latin Paleography. Oxford, 1912, p. 235.

³⁵ K. and S. Lake. Op. cit., Pl. 526.

³⁶ Ibid., Pl. 551.

³⁷ Ibid., Pl. 174.

³⁸ Ibid., Pl. 131.

³⁹ E. C. Colwell and H. W. Ploughly. The four Gospels of Karahissar, vol. 1. Chicago, 1936, p. 238.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ M. A. Frantz. Op. cit., p. 57.

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibid., p. 71.

⁴⁴ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 106.

⁴⁵ K. Weitzmann. Op. cit., Pl. IV.

Национальной библиотеки в Париже Coisl. 79 содержит образцы такой монументальной книжной иллюстрации.

Изучаемое Евангелие Гр. 801 занимает промежуточное положение между этими двумя группами. Хотя его иллюстрации сделаны во весь лист, как в рукописях второй группы, они ближе стоят к миниатюрам первой группы: небольшой размер Евангелия Гр. № 801 ($15,6 \times 11,2$ см)⁴⁶, придает его миниатюрам камерный характер.

Мелкое письмо, тонкий орнамент заставок, изящные инициалы делают Евангелие Гр. 801 весьма элегантным. Золото заставок, иллюстраций и начальных строк текста, так же как и пурпур, окрашивающий некоторые листы, придают ему богатый вид. Широкие поля, на которые почти не выбиваются хвосты букв и которые оформлены небольшими и простыми инициалами, производят строгое и спокойное впечатление, которое еще более усиливается благодаря убористому и четкому почерку писца. Простота и благородство в написании текста, хотя и контрастируют с богато орнаментированными заставками и красочными инициалами, но не противоречат им, потому что писец и миниатюрист были тесно связаны в своей работе и создали единое произведение, отличающееся высокими художественными качествами.

Публичная библиотека в Ленинграде, обладающая богатейшим собранием византийских рукописей, вправе гордиться и этим своим маленьким шедевром.

⁴⁶ Ср. размеры рукописи Coisl. 79 Парижской национальной библиотеки — 41×32 см.

А. Л. ЯКОВСОН

**О ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ХЕРСОНЕСА**

Названная в заголовке тема носит частный характер, однако, как мне представляется, она имеет и общее значение, ибо Херсонес-Херсон всем своим обликом и размером характерен не только для Причерноморья, но и для византийских районов северного Присредиземноморья в целом. Исследование численности его населения поможет составить более конкретное представление и о многих других средневековых городах.

Уже давно сложилось мнение о том, что Херсон в средние века продолжал оставаться относительно большим городом, наиболее крупным среди известных городов Таврики того времени (т. е. до конца XIII в.). Представление это исходит не только из того, что Херсон в средние века, по крайней мере до X в. включительно, являлся экономическим и политическим центром края, но и из размера всей территории, которую унаследовал город от античности: центральная улица, прорезавшая город с юго-запада на северо-восток, тянулась почти на 900 м, а вся его территория (в пределах крепостных стен) достигала 339 тыс. кв. м.

Для сравнения напомним, что территория таких раннесредневековых городов, как Юстиниана Прима (Царицын град) в Югославии, вместе с окружающим ее открытым поселением, составляла не более 220,4 тыс. кв. м. Максимальная территория другого византийского города в Македонии — Стоби — была равна 172 тыс. кв. м¹. Эти города по территории превышали Филиппы с площадью около 650 тыс. кв. м (максимальная протяженность города — 1150 м)². Территория раннесредневекового Корикоса (в Киликии — на юге Малой Азии) в пределах крепостных стен равнялась приблизительно 365 тыс. кв. м³. Максимальная протяженность другого крупного малоазиатского города (также в Киликии) — Мериамлика (города, получившего свое начало от святилища св. Феклы) — не превышала 575 м, а наибольшая ширина — 280 м⁴. Территория Сергиополиса (Русафы) в Сирии — в пределах крепостных стен — была еще меньше — всего 211 тыс. кв. м. Как видим, среди названных городов (да и среди многих других византийских городов) средневековый Херсон был не самым большим, но и не самым малым.

С другой стороны, систематические раскопки Херсонеса, которые ведутся с 1888 г., убедительно показали, что город в средние века был

¹ См., например, Ё. Ё о ш к о в и б. Архитектура средњег века. Београд, 1957, стр. 20, 21.

² P. Lemerle. Philippes et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. Album. Paris, 1945, pl. 1.

³ E. Herzfeld und S. Guyer. Meriamlik und Korykos. «Monumenta Asiae Minoris Antiqua», II. Manchester, 1930, Taf. 86. (S. 90).

⁴ Ibid., S. 2, Taf. 2.

довольно густо заселен. Его сплошная жилая застройка прерывалась лишь в некоторых местах: прежде всего площадью агоры в центре города с расположенными на ней храмами, равной по площади двум крупным кварталам, несколькими большими культовыми комплексами (Уваровской, Западной и Восточной базилики) и отдельными храмами с более или менее широкими обходами вокруг них.

Правда, территория Херсона и соответственно его населенность не оставались на протяжении всего средневековья неизменными. Раскопки на северном берегу городища показали, что после X в. площадь города сильно сократилась, значительная западная часть его (целая треть) превратилась в пустырь, но зато оставшиеся районы города начали застраиваться еще плотнее и стали, следовательно, более густо населенными⁵.

Несмотря на то, что Херсонесское городище раскопано далеко не полностью, все же накоплен большой материал, позволяющий судить о жилых кварталах средневекового Херсона — о домах, их планировке, их хозяйственной жизни, о культуре города — как в раннесредневековый период, так и в последующее время, особенно в XII—XIII вв. Однако еще ни разу не делалось попытки установить численность городского населения в отдельные периоды жизни города, а это, разумеется, очень важно для конкретного представления о средневековом Херсоне и для его сравнительного изучения.

Настоящая заметка и представляет собой такую попытку; как она ни трудна, все же настало время ее предпринять. Следует, однако, заранее оговорить, что возможные результаты такого исследования не могут не быть ограниченными — хотя бы потому, что Херсонес, как сказано, раскопан только частично, не более, чем на одну треть. К тому же не все раскопанные кварталы могут дать материал для выяснения численности их населения, так как при старых раскопках — как до начала систематического изучения города в 1888 г., так и при К. К. Коспюшке-Валюжиниче (вел раскопки с 1888 до 1907 г.) — графическая фиксация открытых жилых построек, особенно средневековых, велась совершенно неудовлетворительно, самые же строительные остатки приходилось после раскопок большей частью вновь засыпать. Поэтому мы вынуждены ограничиться анализом лишь некоторых жилых кварталов, относительно планировки которых у нас имеются определенные сведения, а именно кварталов в северо-восточной части городища (кварталы I, II, III) и ряда кварталов на северном берегу.

Мы сосредоточим внимание на позднем периоде жизни города — XII—XIII вв., как более освещенном наличным материалом. В своих статистических выкладках мы будем исходить из основной жилой ячейки — городской усадьбы, включающей собственно дом, двор и дворовые постройки. Несколько таких усадеб и составляют жилой квартал.

Путь нашего исследования будет следующий. Установив с помощью сравнительных данных среднюю населенность жилых усадеб и зная число их в археологически изученных кварталах, мы можем приблизительно подсчитать количество жителей в них. Количество населения остальных кварталов можно будет приближенно принять за величину, пропорциональную соотношению площади изученных жилых кварталов и остальных кварталов города.

Но, повторяем, изученных жилых кварталов, которые мы могли использовать в данной работе, меньшинство (они составляют всего 11,4% общей городской застройки, существовавшей после X в.); некоторое количе-

⁵ См. МИА, № 63, 1959, гл. VI, стр. 283—285.

ство других кварталов лишь определено в своих границах, большинство же их вообще не выявлено. Поэтому нам необходимо реконструировать всю планировку средневекового Херсона, что, разумеется, можно сделать только очень приблизительно и ориентировочно (см. рис. 1).

Прежде всего, какова средняя населенность жилых усадеб Херсона XII—XIII вв.? Как показывают раскопанные жилые дома в северо-восточной части города и в его северной прибрежной части (рис. 2 и 3), в них было от двух до четырех, но чаще два-три жилых помещения, большей частью расположенных, вероятно, на втором этаже и занимавшихся одной семьей. Общая жилая площадь этих помещений в отдельных домах, конечно, различна, но преобладает размер от 30 до 60 кв. м⁶. Соответственно, вероятно, была различна и населенность жилых домов. Однако мы вряд ли сильно ошибемся, приняв среднее число обитателей дома, т. е. состав одной семьи, за 7—8 человек. Такая цифра косвенно подтверждается данными о некоторых старых городах Причерноморья, которые продолжали существовать в XIX в. и еще сохраняли тогда свой средневековый облик.

В Крыму к числу таких городов принадлежал, несомненно, Бахчисарай. Сравнение с Бахчисараем тем более уместно, что самый характер домов этого города, обычно с каменным низом и деревянным или саманным верхом и с эркерами (нависающим вторым этажом), вообще типичен для Юго-Западного Крыма; тип такого дома был широко распространен во многих районах Причерноморья — в Сербии, Македонии, Болгарии, а также Греции, Константинополе, Малой Азии⁷ — и ведет свое происхождение от средневековой городской культуры. В частности, этому типу, несомненно, следовали и жилые дома средневекового Херсона XII—XIII вв. Тип своего городского (да и сельского) дома татары выработали, конечно, не сами, а заимствовали у старого эллинизованного местного населения. Своей городской архитектуры эти кочевники в Крым не принесли, ибо ее у них не было.

В 1864 г. в Бахчисарае насчитывалось 2160 жилых домов с населением в 11 204 чел⁸. Следовательно, на каждый дом приходилось по 5,1 чел. В расположенном на столовой горе поблизости от Бахчисарая Чуфут-кале, существовавшем уже в раннее средневековье⁹ и дожившем до середины XIX столетия, в 1793 г., по словам П. Палласа, было около 200 домов, вплотную примыкающих друг к другу, а населения — около 1200 чел.¹⁰, т. е. в среднем по 6 чел. в доме.

Не менее интересны для нас данные, относящиеся к сельским поселениям Юго-Западного Крыма, где жилые дома соответствовали в основном тому же черноморскому типу. В бывшем Симферопольском уезде

⁶ Из 52 усадеб в указанных частях города в шести жилых помещениях имеют размер в 20—29 кв. м, в десяти — 30—39 кв. м, в шести — 40—49 кв. м, в восьми — 50—59 кв. м, в трех — 60—69 кв. м, в пяти — 70—79 кв. м, в четырех — 80—89 кв. м, в трех — 90—99 кв. м, в одной — свыше 100 кв. м. В остальных шести усадьбах о числе жилых помещений мы судить не можем, так как дома сохранились неполностью.

⁷ См., например, А. Дероко. Стара варошка кућа у Србији, Космету и Македонији у поређењу са кућом у Солуну, Цариграду и у Малој Азији. «Гласник Етнографског Института Српске Академије науке», кн. II—III (1953—1954), стр. 407—412.

⁸ «Список населенных мест Российской империи», XLI. Таврическая губерния, СПб., 1865, стр. 3. В 1793 г. здесь жило всего 5776 чел. в 1561 доме (ЗОИД, XII, 1881, стр. 77); на каждый дом приходилось в среднем 3,7 чел.

⁹ МИА, № 63., 1959, стр. 122—123.

¹⁰ P. S. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, II. Leipzig, 1801, S. 35; ЗОИД, XII, 1881, стр. 81. П. Сумароков в 1799 г. насчитывал здесь 227 домов

Рис. 3. Херсонес. Жилые кварталы XII—XIII вв. в северной прибрежной части городища

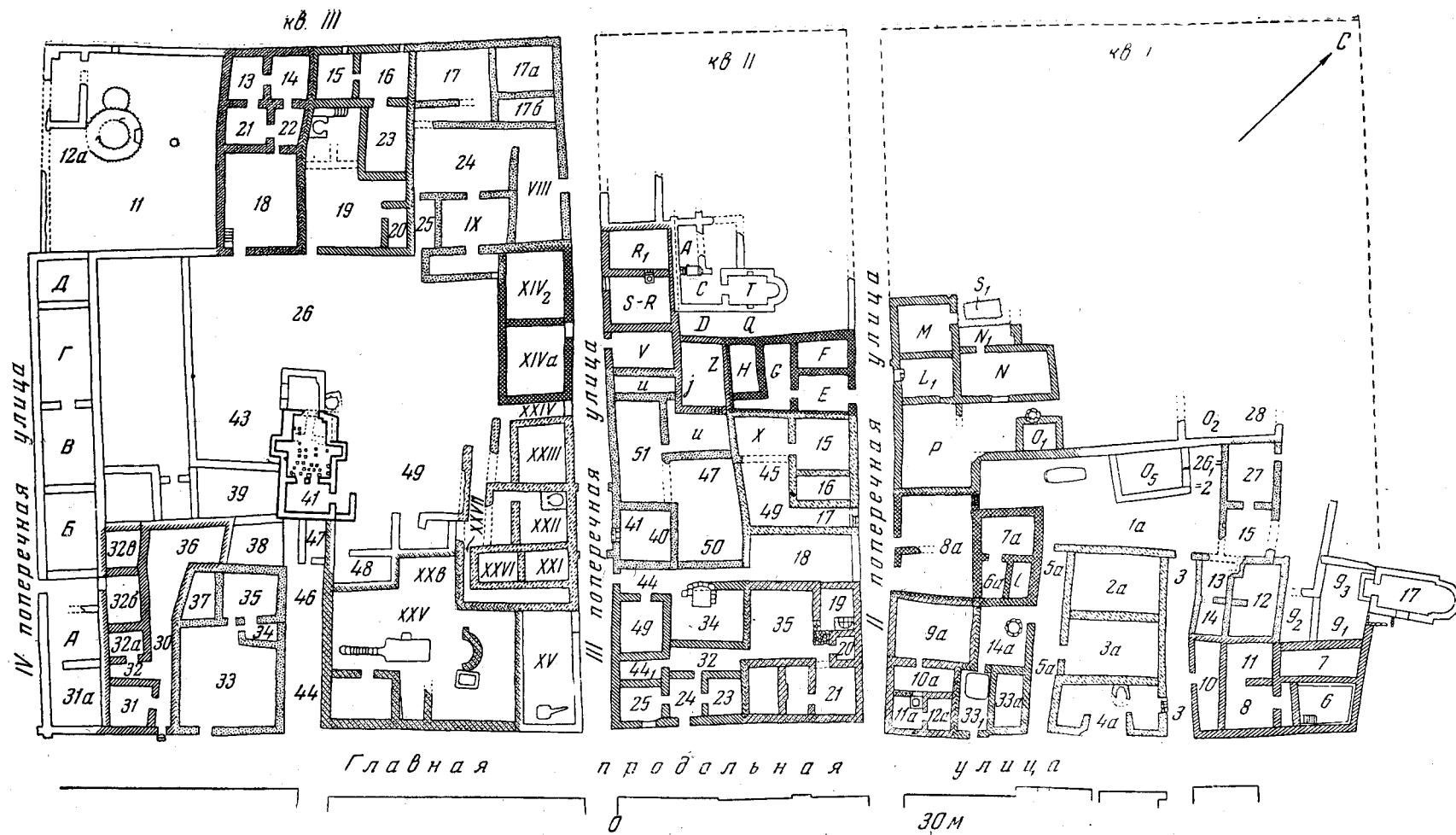

Рис. 2. Херсонес. Жилые кварталы XII—XIII вв., кварталы I—III.

(он охватывал в то время весь Южный Крым, включая юго-западное нагорье и южный берег) в 1805 г. насчитывалось в деревнях 7422 двора с населением в 41 079 чел.¹¹; на каждый двор приходилось по 5,5 чел. Такое соотношение не изменилось и в последующие 60 лет: в 1864 г. в Симферопольском уезде (сократившемся по территории) было 25 915 жителей, домов — 4497; в бывшем Ялтинском уезде — 23 803 чел., домов — 4369¹². В первом из них на каждый дом в среднем приходилось около 5,8 чел., во втором — около 5,5 чел. Данные по городам Восточного Крыма мы не привлекаем, так как облик жилых домов там был иной¹³.

Интересны данные о населенности городских и сельских жилых усадеб в Балканских странах — в Болгарии и Сербии. В таком старом средневековом городе, каким был Тырнов — столица второго болгарского царства, не утратившем свой средневековый облик вплоть до конца XIX — начала XX в. и для которого столь же характерны черноморские двухэтажные дома с эркерами, очень напоминающие крымские, в 1829 г. жило около 3500 чел., а домов было 650¹⁴; на каждый дом здесь приходилось в среднем 5,4 чел. В столь же старом болгарском городе — Несебуре (средневековой Месемврии), с такими же домами черноморского типа, в 1872 г. насчитывалось 2500 чел. населения и 275 домов¹⁵; среднее число жителей в каждом доме — 9 чел. Другой не менее старый болгарский город Охрид (в совр. Югославии), по данным 80-х годов XIX в., населяло 11 854 чел. в 2409 домах; на каждый дом здесь приходилось около 5 чел.¹⁶ В сельских поселениях Охридской округи, по тем же данным, среднее число жителей в каждом доме было — 6,5 чел.¹⁷, в районе Преспы — 7 чел.¹⁸, в Струге — 7,5 чел.¹⁹ и т. д.

Приведенный статистический материал показывает, что средняя населенность жилой усадьбы Херсона, определенная выше в 7—8 чел., не может считаться сильно преувеличенной или тем более — преуменьшенной.

Прежде чем приступить к нашим подсчетам населения средневекового Херсона в поздний период его жизни (в XII—XIII вв.), следует сделать еще одну оговорку: мы отвлекаемся от возможной неравномерности городской застройки и, следовательно, неравномерности густоты населения в различных районах города (состояние изученности херсонесского городища не позволяет это выяснить), а потому мы условно предполагаем густоту заселенности везде одинаковой.

Материал для первого этапа расчета дают, как говорилось, раскопки некоторых жилых кварталов: I, II, и III — в северо-восточной части города (раскопаны Р. Х. Лепером в 1908—1912 г.)²⁰ и ряда кварталов.

(П. И. Сумароков. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. с историческим и топографическим описанием всех тех мест. М., 1800, стр. 143).

¹¹ Ф. Л а ш к о в. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897, стр. 240—252.

¹² «Список населенных мест. . .», XLVII—XLVIII.

¹³ Но населенность городских домов и там была, по данным 1864 г., приблизительно такой же: в Старом Крыму — по 7 чел. на дом, в Феодосии — по 8 чел. на дом.

¹⁴ Полк. Э н е г о л ь м. Записка о городах забалканских, занятых российскими войсками в достопамятную кампанию 1829 г. СПб., 1830, стр. 121.

¹⁵ Ив. И в а н ч е в. Несебър. София, 1957, стр. 38. Отметим, что несколькими десятилетиями до того, в 1829 г., здесь было значительно больше домов — 865 (Э н е г о л ь м. Указ. соч., стр. 128).

¹⁶ «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. IV, 1891, стр. 56 и 89.

¹⁷ Там же, стр. 18 и 92.

¹⁸ Там же, стр. 18 и 43—44.

¹⁹ Там же, стр. 73.

²⁰ Херсонесский сборник (далее — ХСб.), III, 1931, стр. 21—108; МИА, № 17, 1950, стр. 48—78.

на северном берегу (раскопаны Г. Д. Беловым начиная с 1931 г.): кварталы XIII—XVIII (в XII—XIII вв. они слились в один большой квартал) (раскопки 1936—1947 гг.), кварталы XXVI (раскопки 1933 и 1955 гг.), XXX (раскопки 1932 г.; открыта юго-восточная часть квартала), XXXV (раскопки 1931 г.; открыта северо-западная часть квартала)²¹. Необходимые для расчета данные содержатся в приложении I.

В квартале I, сохранившемся лишь частично, открыто 7 жилых усадеб²², а было, судя по размеру утраченной части квартала, вероятно, 12. В квартале II, также не полностью сохранившемся, открыто 6—7 усадеб²³, а было 8. В квартале III было 7 усадеб²⁴. Жилой являлась и маленькая сторожка при церкви, выходящей на главную улицу; но к числу жилых домов ее отнести нельзя. Среди помещений вдоль V поперечной улицы (служивших, возможно, для торговых или складочных целей), вероятно, одно-два использовались также для жилья.

Всего в трех кварталах северо-восточной части городища сохранилось 21—22 усадьбы на площади 6813 кв. м. В первоначальных границах все три квартала занимали площадь 8194 кв. м и могли вместить 28 усадеб.

В большом квартале XIII—XVIII (раскопки 1936—1947 гг.) открыто 14 усадеб; северо-западная часть квартала не сохранилась (размыта морем); весь квартал, исходя из предполагаемых размеров его первоначальной территории, занимали 17 усадеб.

В квартале XXVI (раскопки 1933 и 1955 гг.), сохранившемся больше чем наполовину (лишь северо-западная часть, как и в соседних кварталах, размыта морем), открыто 6 усадеб, но в полном виде квартал вмещал 10—11 усадеб.

В раскопанной южной части квартала XXX (раскопки 1932 г.) открыто 5 частично сохранившихся усадеб, но их было во всем квартале не менее десяти.

Наконец, в раскопанной северо-западной части квартала XXXV (раскопки 1931 г.) открыто 5 усадеб, но, исходя из размеров первоначальной территории, их было не менее восьми.

Площадь перечисленных кварталов северного приморского района Херсона равна в сохранившейся их части 5762 кв. м; на ней размещалось 30 жилых усадеб. В полном виде территория этих кварталов достигала 8406 кв. м и заключала 45—46 жилых усадеб.

Всего на территории названных семи кварталов общим размером в 12 575 кв. м сохранились (хотя и не всегда целиком) лишь 51—52 усадьбы. В первоначальном (полном) виде территория этих кварталов равнялась 16 600 кв. м; на ней могли разместиться 73—74 жилые усадьбы.

В этих усадьбах жило, считая по 7—8 человек в доме, 525—620 человек. Если даже повысить исходную среднюю цифру до 9 человек, то и в этом случае число жителей не превысило бы 670 человек.

Переходим к остальным кварталам — нераскопанным, или только намеченным, или раскопанным, но оставшимся без должной фиксации средневековых домов.

По представленной реконструкции планировки Херсонеса в приблизительно намечаемых границах города в XII—XIII вв., в нем насчитыва-

²¹ МИА, № 4, 1941, стр. 202—267 (отчеты Г. Д. Белова за 1931—1933 гг.); Г. Д. Белов. Отчет о раскопках Херсонеса в 1935—1936 гг. Симферополь, 1938, стр. 288—315; МИА, № 34, 1953, стр. 91—105, 132—159, 224—230 (отчеты Г. Д. Белова и А. Л. Яковсона за 1937—1947 гг.); ХСб., V, 1959, стр. 26—69 (отчет Г. Д. Белова за 1955 г.).

²² Определение жилых комплексов в кв. I, II, III см. МИА, № 17, 1950, стр. 49.

²³ Там же, стр. 57. Возможно, что один из комплексов (пом. II, 40—41, 47, 50, 51) принадлежал двум усадьбам.

²⁴ Там же, стр. 66.

лось 109 кварталов²⁵, занимавших большую часть города. Оставлена «белым пятном» лишь его западная сторона, которая после X в., по-видимому, запустела²⁶. По отношению ко всей территории Херсона в пределах его крепостных стен (339 тыс. кв. м) эта запустевшая территория (117 тыс. кв. м) составляет 31,6%. Кварталы большей частью оставались прямоугольными, они следовали еще античной планировке, которой продолжали почти без изменения держаться до конца жизни города.

Площадь каждого квартала указана в приложении II. Общая площадь всех 109 кварталов равна 145,1 тыс. кв. м²⁷, из которых на семь раскопанных и перечисленных выше кварталов приходится 16,6 тыс. кв. м, т. е. 11,4%; иначе говоря, площадь последних в девять раз меньше всей территории городской застройки Херсона в XII—XIII вв. (145,1 тыс. кв. м: 16,6 тыс. кв. м). Населения в этих семи кварталах было, как мы старались показать, не больше 525—620 чел.

Отсюда мы и можем вывести приблизительную численность населения Херсона в период, к которому относится рассматриваемая жилая застройка, т. е. в XII—XIII вв.

На площади семи кварталов, равной 16,6 тыс. кв. м, число жителей равнялось 525—620 чел. На площади всей городской застройки (145,1 тыс. кв. м) число жителей было в девять раз больше, т. е. 4725—5580 чел.

В сущности тот же результат мы получим, если в основу расчета положим число усадеб в жилых кварталах города. В раскопанных семи кварталах на площади 16,6 тыс. кв. м их размещалось 73—74; следовательно, на каждую усадьбу приходилось в среднем 224 кв. м²⁸. Исходя из этого, можно полагать, что во всех кварталах города того времени с площадью 145,1 тыс. кв. м было около 650 усадеб. Считая по 7—8 чел. в каждой из них, получим общее число жителей Херсона — 4550—5200 чел.

Можно думать, что эта цифра отнюдь не преуменьшена, а скорее, несколько преувеличена, так как мы не только не учитывали (и не могли учесть) возможную неравномерность густоты населения в различных районах города, но и наличие культовых и других общественных построек в нераскопанных кварталах; между тем постройки эти, как и внутриквартальные площади (подобные площади в кв. III), могли занимать немало места²⁹. Наконец, мы не могли учесть и определенное движение населения, несомненно, имевшее место (иммиграция и эмиграция, естественные прирост или убыль населения). Все же результат наших подсче-

²⁵ Кварталы I—CII, Ia, Ib, IXa, LXXIIa, LXXVIIIa, LXXXIVa.

²⁶ Об этом см. К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках Херсонеса в 1901 г. ИАК, вып. 4, 1902, стр. 67—68; Г. Д. Белов. Отчет о раскопках [Херсонеса] в 1931—1933 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 208, 217; е г о ж е. Отчет о раскопках Херсонеса в 1935—1936 гг., стр. 315.

²⁷ Указанная площадь (145,1 тыс. кв. м) включает лишь собственно жилую застройку; площадь улиц, площадей, культовых комплексов и пр. сюда не входит. Размер всей территории Херсона XII—XIII вв. — около 220 тыс. кв. м.

²⁸ Реальность этого размера косвенно подтверждают этнографические данные относительно болгарского города Несебры (древней Месемврии), который сохранил свой средневековый облик, можно сказать, до наших дней. В начале XIX в. здесь насчитывалось 865 домов (точнее — жилых усадеб, т. е. дворовых участков с домами. — Э н е г о л ь м. Указ. соч., стр. 128), а вся территория города равнялась примерно 180 тыс. кв. м. Следовательно, на каждую усадьбу в среднем приходилось около 210 кв. м. Позднее, в конце XIX—начале XX в., средний размер городской усадьбы был 250—300 кв. м. См. И в. И в а н ч е в. Несебър, стр. 53.

²⁹ Правда, большие культовые комплексы средневекового Херсона выявлены более или менее на всей территории города, так как именно они долгое время, начиная с 1888 г., служили чуть ли не основной целью раскопок (см. об этом МИА, № 63, 1959, стр. 11—12), так что трудно ожидать каких-либо крупных открытий в этом отношении.

тов вряд ли сильно отклоняется от истины. Около пяти тысяч человек — таково наиболее вероятное число жителей Херсона в XII—XIII вв.

Но если даже повысить исходную величину — предполагаемую среднюю населенность жилой усадьбы — до 8—9 чел., то и в этом случае возможная численность населения Херсона того времени не превысит 5—6 тыс. человек³⁰.

Значительно хуже обстоит дело с выяснением населенности Херсона в предшествующий период — в X в., в пору его экономического подъема. Исследование жилых кварталов города этого времени показало, что степень их заселенности была меньшей, чем в последующие века. Судя по нескольким домам, которые археологически выявлены в кварталах XV, XVII и XVIII (раскопки 1937 и 1941—1947 гг.), усадьбы были больше, зато сами кварталы — меньше, соответственно кварталам античного времени (образование более крупных кварталов путем слияния нескольких происходило позднее, в XII—XIII вв.)³¹.

Однако усадеб X в., дошедших до нас в таком виде, который позволил бы составить представление об их планировке в целом, сохранилось очень немного³². От остальных уцелели лишь фрагменты в виде отдельных разобраненных стен, послуживших основанием для стен более поздних построек³³. При таких условиях хотя бы весьма приблизительно определить число жилых усадеб X в. в том или ином квартале Херсона пока нельзя. Исключена поэтому возможность проделать тот путь исследования, по которому мы шли, определяя населенность кварталов XII—XIII вв.

Отсутствие массового материала вынуждает нас ограничиться одним общим замечанием. Поскольку размер жилых усадеб X в. был, по-видимому, больше, чем в последующее время, густота застройки кварталов была, вероятно, меньшей. Меньшей была, следовательно, и густота населения. Но зато общая территория городской застройки в X в. была значительно большей, чем после возрождения города в XII в. — больше на 117 тыс. кв. м, составляющих $\frac{1}{3}$ всей территории города в пределах его крепостных стен. Это позволяет думать, что общее количество населения Херсона в X в. было больше, чем в XII—XIII вв., хотя и не на много, и вряд ли выходило за пределы 6—7 тыс. человек.

Для раннего средневековья (V—VI и первой половины VII в. — периода, предшествовавшего упадку Херсона во второй половине VII, VIII и первой половине IX в.) мы не имеем тех ничтожных данных о жилых постройках, которые выявлены, хотя бы фрагментарно, в слоях IX—X вв. Поэтому вопрос о численности населения раннесредневекового Херсона мы вынуждены пока оставить открытым.

Таковы результаты нашей попытки выяснить количество населения средневекового Херсона. Попытка эта, конечно, несовершенна, ибо материал для расчетов, как видели, очень ограниченный. Новый же массовый материал, в ощутимом для нашей темы количестве, появится, конечно, не скоро, лишь после раскопок, по крайней мере, еще нескольких кварталов. Но столь долго ждать хотя бы с постановкой вопроса о населенности Херсона было бы неоправданно.

³⁰ Любопытно, что численность населения средневековой Месемврии (ныне — Несебър) в Болгарии с территорией в 180 тыс. кв. м в период расцвета города принимается за 2—2,5 тыс. чел. Однако обоснование этого расчета не приводится (см. Иван Гълъбов. Несебър и неговите паметници. Пuteвoдитeл. София, 1959, стр. 8).

³¹ См. МИА, № 63, 1959, стр. 296—297.

³² См. там же, стр. 285 сл.

³³ См. там же, табл. Б.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

РАЗМЕРЫ ЖИЛЫХ УСАДЕБ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА (по данным раскопок 1908—1912 и 1931—1955 гг.)

Номер квартала	Общая площадь жилой застройки квартала (в кв. м)		Перечень жилых усадеб (с указанием номеров помещений) *	Количество жилых помещений в каждой усадьбе (с указанием в скобках номеров помещений) *	Общая площадь жилых помещений (в кв. м)	Всего жилых усадеб в квартале		Количество населения в квартале (считая по 7—8 чел. в доме)	
	раск.	полная				сохранилось	было первоначально (предположительно)	в сохранившихся домах	всего (считая и несохранившиеся дома)
I	2021	3102	1) 6, 7, 8, 11 2) 12, 13, 14, 15, 27 3) 2а, 3а ₁ , 4а 4) 14а, 33 ₁ , 33а 5) 7а, 6а, 6, 8а 6) 9а, 10а, 11а, 12а 7) М, N, N ₁ , L ₁ , Р, О ₁	4 (6, 8, 7, 11) 3 (13, 15, 27) 2 (2а, 3а) 2 (33, 33а) 3 (7а, 6, 6а) 3 (10а, 11а, 12а) 3 (N, M, L ₁)	87,3 55,6 96,2 31,4 32,7 29,2 81,2	7	12	50—60	85—100
II	1308	1608	1) S—R, R ₁ , V, I—Z 2) F, E, G, H 3) 15, 16, 17, X, 45, 49 4) 19, 20, 21, 22а, 22б, 35 5) 23, 24, 25, 44, 49, 32 6) 50, 51, 40—41, 47, U	3 (R, V, I—Z) 2 (F, E) 2 (15, 16) 4 (19, 21, 22а, 22б) 5 (23, 24, 25, 44, 49) 3 (40—41, 51, U)	68,5 29,3 38,0 55,1 64,7 88,1	6—7	8	45—50	60—70
III	3484	3484	1) 13, 14, 18, 21, 22 2) 15, 16, 19, 20, 23 3) 17, 17а, 17б, 24, 25, VIII, IX	3 (13, 14, 21—22) 2 (15, 16) 3 (17, 17а, 17б)	56,1 35,3 76,0				

* Согласно обозначению их в дневниках и отчетах о раскопках за соответствующие годы

ПРИЛОЖЕНИЕ I (продолжение)

Номер квартала	Общая площадь жилой застройки квартала (в кв. м)		Перечень жилых усадеб (с указанием номеров помещений) *	Количество жилых помещений в каждой усадьбе (с указанием в скобках номеров помещений) *	Общая площадь жилых помещений (в кв. м)	Всего жилых усадеб в квартале		Количество населения в квартале (считая по 7—8 чел. в доме)	
	раск.	полная				сохранилось	было первоначально (предположительно)	в сохранившихся домах	всего (считая и несохранившиеся дома)
III	3484	3484	4) XIVa, XIVб 5) XX, XXI, XXII, XXIII, XXVI, XXVII 6) 33, 34, 35, 37 7) 30, 31, 32, 32а, 32б, 32в, 36 8) Сторожка при церкви 9) А—D (вдоль V поперечной ул.)	2 (XIVa, XIVб) 2 (XXI—XXVI, XXII) 2 (35, 37) 3 (32а, 32б, 32в) 1 3 (торговые помещения? частично жилые)	70,6 47,1 32,1 34,8 19,0 91,1	8 (не считая сторожки)	8	60—70	60—70
XXXV (северо-западная часть квартала, раскопки 1931 г.)	653	1391	1) 20, 21, 22 2) 1, 2, 7 3) 3, 4, 5, 8 4) 9, 17, 18, 19 5) 10, 11, 12, 16 6) 13, 15 *	2 (20, 21) 2 (1, 2) 2 (3, 4—5) 2 (17—18, 19) 2 (11, 16) 1? (15*)	35,9 25,1 49,6 30,4 30,3 29,0 **				
XXX (северо-западная часть квартала, раскопки, 1932 г.)	246	812	1) I, Ia * 2) II, III, V 3) IV * 4) VI * 5) VII, VIII, IX 6) XI (Сторожка при церкви)	1? (I*) 2 (II, III) 2? (IV *) 2? (VI *) 2? (VII, VIII *) 1 (XI)	17,2** 24,7 11,5 20,3** 24,1** 14,4				

* Остальные помещения не сохранились.

** Сохранившаяся жилая площадь дома.

ПРИЛОЖЕНИЕ I (продолжение)

Номер квартала	Общая площадь жилой застройки квартала (в кв. м)		Перечень жилых усадеб (с указанием номеров помещений) *	Количество жилых помещений в каждой усадьбе (с указанием в скобках номеров помещений) *	Общая площадь жилых помещений (в кв. м)	Всего жилых усадеб в квартале		Количество населения в квартале (считая по 7—8 чел. в доме)	
	раск.	полная				сохранилось	было первоначально (предположительно)	в сохранившихся домах	всего (считая и несохранившиеся дома)
XXVI	1326	1612	1) II, IIa, III, I 2) IX, X, XI, XII, VII, VIII 3) IV, V, VI 4) 1, 2, 3, 4 5) 5, 6, 7, 8, 10 6) 11, 12, 13, 14	2 (II, IIa) 3 (VII, VIII, IX) 2 (V, VI—сохранились частично) 3 (1, 2, 4) 4 (5, 6, 7, 10) 3 (11, 12, 13,)	42,2 47,3 18,1 ** 63,9 104,0 73,8	6	10—11	45—50	70—90
XIII—XVIII	3537	4591	1) 1, 2, 3, 5, 6, 7 2) 4, 8, 9, 10, 11, 12, 14 3) 20, 21, 15, 16, 17 * 4) 1, 2, 4, 5, 6 (баня), 7 5) 29, 29a, 30 6) 11, 12, 13, 14, 15 7) 1, 2, 25 + 3, 8 (раскопки 1937 г.) 8) 3, 4, 5, 6a, 6б, 21, 23 9) 7a, 7б, 8, 9, 15, 19, 20, 22 10) 10, 11, 12, 13, 14 11) 16, 17, 18, 24 12) 2, 2a, 2б, 12—13 13) 10—11, 14, 15—16 14) 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9	3 (1—2, 3, 6?) 4 (11, 12, 14, 10) ? (21 *) 2 (1, 2) 2 (29, 30) 2 (11, 12) 3 (1, 3, 8?) 2 (3—5, 6a—6б) 2 (7a—7б, 8—9) 3 (10—11, 12, 13) 2 (17, 18) 3 (2, 2a, 2б) 2 (14—15, 16) 3 (6, 7, 8)	99,5 86,8 32,3 ** 78,2 42,8 35,1 74,6 46,2 44,0 55,2 24,4 56,8 55,7 55,5	14	17	100—115	120—140
	12575	16600				51—52	73—74	370—425	525—620

ПЛОЩАДЬ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ ГОРОДСКИХ КВАРТАЛОВ ХЕРСОНЕСА, ПРОДОЛЖАВШИХ СУЩЕСТВОВАТЬ ПОСЛЕ X в. (в кв. м)

1. Частично или полностью раскопанные кварталы.

I — 3102 (раскопано 2021)	XIII—XVIII — 4591 (раскопано 3537)	XXX — 812 (раскопано 246)
II — 1608 (» 1308)	XXVI — 1612 (» 1326)	XXXV — 1391 (» 653)
III — 3484		

Итого — 16600 (раскопано 12528)

2. Остальные кварталы, границы которых выявлены раскопками или реконструированы исходя из общей планировки города.

Ia — 2026	X — 4002	XXIX — 1876
Iб — 1496	XI — агора с комплексом храмов	XXXI — 1350
Iв — 1564	XII — 1638	XXXII — 1456
IV — V — комплекс Уваровской базилики	XIX — 1140	XXXIII — 1809
VI — 1872	XX — 1340	XXXIV — 2314
VII — 3644	XXI — 2850	XXXVI — 1290
VIII — 2280	XXII — 3300	XXXVII — 1323
IX — 1260 (часть квартала занимает Северная базилика)	XXIII — 2186 (не считая базилики 1935 г.)	XXXVIII — 1512
IXa — 3588	XXIV — 1425	XXXIX — 2546
XLII — 1269	XXV — 1675	XL — 1944
XLIII — 364 (большую часть квартала занимает базилика 1889 г.)	XXVII — 1400	XLI — 1580 (исключая храм № 9 с обходом)
XLIV — 1456	XXVIII — 1596	XC — 1120
XLV — 1050	LXXIIa — 1050	XCI — 528 (часть квартала занимает храм № 6)
XLVI — 2268 (часть квартала после X в. запустела)	LXXIII — 1242	XCII — 1056
XLVII — 1288	LXXIV — 1584	XCIII — 1100
XLVIII — 1296	LXXV — 1144	XCIV — 1008
XLIX — 1512	LXXVI — 1716	XCV — 1152
L — 1917	LXXVII — 2200	XCVI — 1632
LI—LIII — после X в. запустели	LXXVIII — 2700	XCVII — 588
LIV — 1568	LXXVIIIa — 4325	XCVIII — 1530
LV — 2072	LXXIX — 840	XCIX — 2340 (часть квартала занимает «базилика Крузе»)
LVI—LXX — после X в. запустели	LXXX — 1175	C — 2048
LXXI — 1164	LXXXI — 1269	CI — 1920 (сохранился не полностью)
LXXII — 1464	LXXXII — 1316	CII — 3180
	LXXXIII — 1978	
	LXXXIV — 2206	
	LXXXIVa — 720	
	LXXXV — 1118	
	LXXXVI — 1248	
	LXXXVII — 988	
	LXXXVIII — 1204	
	LXXXIX — 1344	

Итого 128 539 кв. м

Вся площадь жилой застройки кварталов, продолжавших существовать после X в., — 145 140 кв. м

Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН

ДВА СТЕКЛЯННЫХ СОСУДА ИЗ НОВОГРУДКА

При раскопках жилищ окольного города Новогрудка, которые ведутся славяно-литовским отрядом Прибалтийской экспедиции, работающей под руководством Ф. Д. Гуревич, было найдено большое количество обломков высококачественного стекла.

Из многочисленных мелких кусочков М. В. Малевской удалось с большой точностью и убедительностью восстановить облик только двух сосудов.

Первый из них, найденный в 1958 г., представляет собой расширяющийся кверху кубок красно-фиолетового цвета (высота 20 см, диаметр основания 6 см, верхнего борта 9 см). Дно в центре вогнуто внутрь, а снаружи имеет узкий борт (табл. 1 и рис. 1). Внешняя поверхность кубка богато украшена росписью золотом. Верхняя его половина наклонными перекрещивающимися линиями разделена на ромбики, внутри которых помещены изображения веточек или деревьев типа «елочка», они не всегда одинаковы. Некоторые из них отличаются «кудрявостью» и напоминают упрощенное изображение не ели, а кипариса. В средней части обеих сторон кубка в широкой прямоугольной раме помещены геральдические фигуры птиц, вероятно, орлов, с распростертыми крыльями, раскрытым хвостом, расставленными лапами и повернутой вправо головой. Туловище, оперение, хвост и крылья орла разделаны гравировкой по золоту.

Внутри прямоугольной рамы заметны следы овального обрамления, составленного из квадратов, соединенных прямыми линиями. Ниже медальонов с птицами — широкая золотая полоса. Золотая краска сохранилась частично, но там, где золото опало, четко виден его сероватый след.

В 1959 г. в северо-восточной части того же жилища был найден второй сосуд, представляющий собой небольшой плоский флакон с узким горлом из синего стекла, высотой 17,5 см (табл. 2 и рис. 2).

Вся поверхность флакона была украшена росписью золотом и белой эмалью. Горизонтальные и поперечные широкие парные линии белой эмали разграничивают на корпусе сосуда сюжетные и орнаментальные зоны, причем парные линии замыкают роспись сверху и снизу.

Первая зона состоит из трехконечных крестиков, выполненных золотом и эмалью. Вторая зона заполнена зигзагообразными и прямыми линиями, под ней помещен ряд белых кружков.

В сохранившейся нижней половине флакона дано сюжетное изображение, выполненное золотом. Очевидно, тут была помещена какая-то птица. От этой же части сохранились кусочки изображений веток, которые заполняли свободное пространство около птицы.

Полностью можно восстановить лишь одну сторону флакона, от другой же сохранился только небольшой кусок с остатками изображения

зверя или птицы. Судя по толщине стекла этого обломка, можно заключить, что изображение на этой стороне находилось не в нижней, а в верхней части сосуда и что, таким образом, украшения на двух сторонах флакона не были симметричными. Небольшое, но узкое горлышко флакона было покрыто сходящим на нет золотом, ниже на покатых плечиках сохранились четыре золотых лепестка, расположенных вокруг горлышка.

Эти два сосуда — кубок 1958 г. и флакон 1959 г. — по своему внешнему виду и по фактуре стекла резко выделяются среди стеклянных сосудов не только Новогрудка, но и среди известных образцов стеклянной посуды из других городов Древней Руси¹. В то же время они очень напоминают те немногочисленные изделия из тонкого стекла, покрытые золотом и эмалью, которые принято называть «византийским стеклом».

Еще совсем недавно сведения о византийском стеклоделии основывались главным образом на немногочисленных литературных источниках. В XI в. немецкий монах Теофил в своем «Трактате о различных ремеслах»² описал технику изготовления и особенно росписи византийского стекла.

В последнее время археологический материал, подтверждая данные Теофила, дает более широкое представление о стеклоделии Византии.

Известные нам образцы стекла, изготовленные на основе техники, описанной Теофилом, по своему цвету делятся на две группы.

Первая группа — красно-фиолетовые изделия: ваза, хранящаяся в сокровищнице св. Марка в Венеции³, фляга из коллекции Рай Смита в Вашингтоне⁴ и новогрудский кубок.

Ко второй группе сосудов — синего стекла (как наш флакон) — относятся сосуд из Двина⁵ и еще два флакона из Коринфа⁶ и Кипра⁷. Последние похожи на новогрудский и своей уплощенной формой. Флакон из Кипра, кроме цвета и формы, имеет очень много других схожих черт с новогрудским (рис. 3). Высота кипрского флакона 16,9 см, новогрудского 17,5 см, наибольший диаметр первого — 4,5 см, нашего — 5,5. Много общего имеется и в декорровке сосудов. Оба горлышка покрыты золотом; на плечиках новогрудского флакона имеется четыре лепестка, на кипрском сосуде восемь лучей. На обоих экземплярах роспись на корпусе разделяется на две зоны широким пояском, в одном случае заполненным кружочками, а в другом зигзагами и фигурами в виде углов. Двойные белые линии замыкают орнаментацию на плечиках и в нижней части. В одной зоне имеется геометрический орнамент, в другой — изображение птиц, причем на двух сторонах эти изображения помещены асимметрично. При сравнении деталей обоих сосудов выявляется так много общих и схожих черт, что близость их происхождения не может вызвать сомнений.

Принадлежность коринфского и кипрского флаконов к Византии несомненна: первый из них найден в стеклодельной мастерской XI в.

¹ М. А. Безбородов. *Стеклоделие в Древней Руси*. Минск, 1956, Б. А. Шелковников. *Стекло Киевской Руси X—XIII вв.* ВВ, XVI, 1959, стр. 114—126.

² W. Theobald. *Technik des Kunsthandwerks im zehnten Jahrhundert*. Das Theophilus Presbyter Diversarum Artium Schedula. Berlin, 1933, S. 134.

³ A. Passigni. *Il Tesoro di San Marco in Venezia*. Venezia, 1886, p. 82.

⁴ «Glass from the Ancient World». The Ray Winfield Smith Collection. Corning, 1957, № 526.

⁵ Р. М. Джанполадян. *Стекланный сосуд из Двина*. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 120—124.

⁶ G. R. Davidson. *The minor objects. Corinth*, XII 1952, p. 115, № 750; idem. *A Mediaeval Glass-Factory of Corinth*. AJA., XLIV, 1940, p. 320.

⁷ A. H. S. Megaw. *A Twelfth Century Scent Bottle from Cyprus*. «Journal of Glass-Studies», vol. I, 1959, p. 59—61.

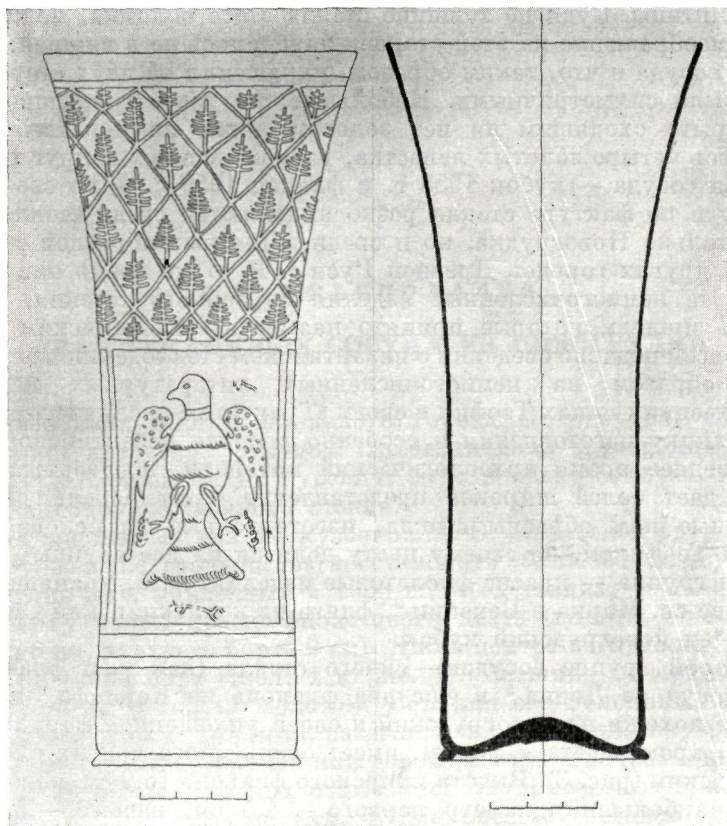

Рис. 1. Реконструкция кубка

в Коринфе, второй — в Византийской крепости на Кипре и датируется тоже XI в.

Несмотря на то, что в наше время образцов этой группы стеклянных изделий стало больше, их все же еще недостаточно для характеристики группы в целом. Но о некоторых общих чертах этих редких стекол уже можно говорить.

Все отмеченные сосуды связаны друг с другом общностью техники росписи, которая совпадает с описанием Теофила; разница только в большей или меньшей степени использования золота и эмали, что можно, однако, объяснить случайными причинами. На венецианской вазе эмаль использована в большом количестве; много эмали и на коринфском флаконе, тогда как на двинском сосуде она украшает только плечики несколькими розетками. На кипрском и новгородском флаконах золото и эмаль использованы равномерно.

Отсутствие эмали на кубке из Новгорода не должно вызывать недоумение — это можно объяснить как плохой сохранностью сосуда, так и индивидуальным вкусом художника.

Однако, кроме общности техники росписи, все сосуды, несмотря на некоторое различие сюжетов, связаны между собой еще и общностью их художественного стиля, характерного для всего византийского искусства (будь то роспись по стеклу, миниатюра или резьба по кости):

Таблица 1. Кубок из Новогрудка

Таблица 2. Флаконт из Новогрудка

Рис. 2. Реконструкция флакона

передача сюжетных сцен, людей, зверей, птиц помещенных в круглые или квадратные медальоны, сочетание их с растительным орнаментом, который, как правило, заполняет свободные поля.

Росписи, — как на новогрудском кубке, так и в особенности на флаконе — в общих чертах отражают принципы этого стиля.

На кубке мы имеем также два мотива: центральная геральдическая фигура орла с распростертыми крыльями в нижней половине и веточки, помещенные в разграфленных ромбиках, — в верхней.

Изображение птиц и, в частности, изображение геральдической фигуры орла получило широкое распространение у разных народов, на широкой территории Азии и Европы. Подобные фигуры орла можно встретить и в древнерусском искусстве, в орнаментах Кавказа, Передней Азии, а также в Византии.

Но здесь хочется подчеркнуть другую, более характерную деталь, имеющуюся на кубке, — разграфленные ромбики с вписанными в них веточками. Такой мотив часто встречается в византийской керамике обычно на дне чаш⁸. Там на полях, разграфленных на ромбики или квадратики,

⁸ Ch. H. Morgan. The Byzantine Pottery. Corinth, XI. 1942, fig. 124, 209.

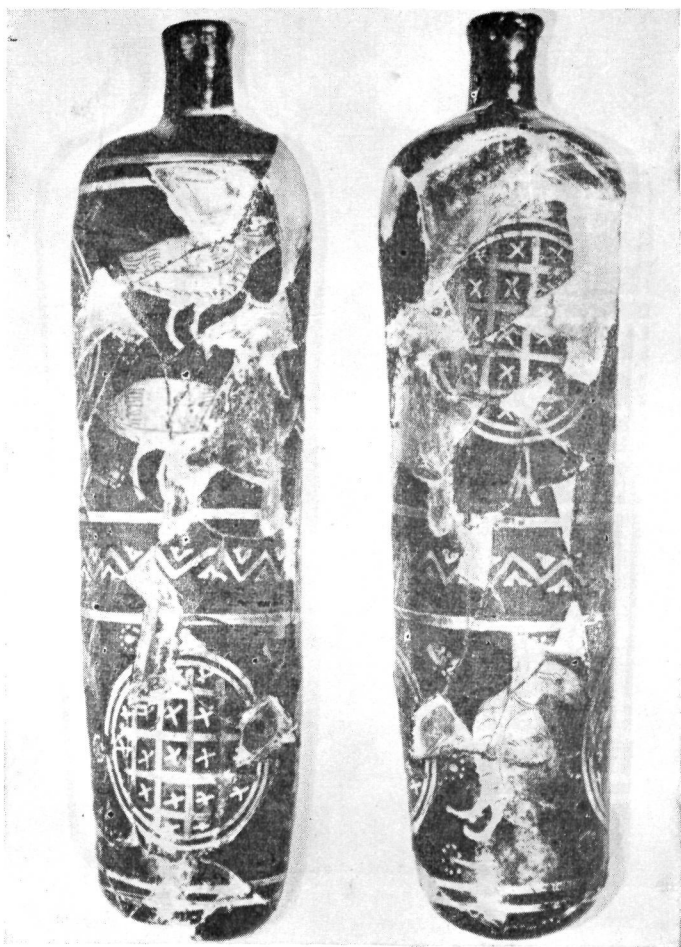

Рис. 3. Флакон из Кипра

вписывались не только веточки, но также крестики и кружочки. Чаши с таким орнаментом были найдены в Коринфе и в несомненной зоне византийского влияния в Армении и Грузии (Двин⁹, Ани, Дманиси)¹⁰; нечто похожее мы находим и на кипрском флаконе.

Все стеклянные предметы, с которыми мы сравнивали наши сосуды, датируются XI—XII вв. К этому времени следует отнести новгородский кубок и флягу. Такая датировка совпадает с датой Ф. Д. Гуревич, установленной для жилищ окольного города Новгорода.

В настоящее время при изучении древнего стекла и особенно для решения вопроса происхождения изделий важное место принадлежит химическому анализу. Химический анализ как красного кубка (лаборато-

⁹ К. Г. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952, рис. 189 (на арм. языке); Б. А. Шелковников. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957, рис. 9, 10.

¹⁰ З. Майсурадзе. Грузинская художественная керамика XI—XII вв. Тбилиси, 1954, табл. 31.

рия МГУ), так и синей фляги (лаборатория Института археологии) и еще некоторых мелких разрозненных обломков из Новогрудка показывает, что эти предметы были изготовлены из натриево-кальциевого стекла с большим содержанием магния. Красно-фиолетовый цвет кубка и мелких фиолетовых обломков получен в результате введения в стекло окиси марганца. Этот состав стекла, как было установлено исследователями ¹¹, характерен для средиземноморских и особенно византийских изделий и отличается от состава европейских и древнерусских стеклянных предметов ¹².

Таким образом мы видим, что и химический анализ кубка и фляги из Новогрудка вслед за технологическими и стилистическими данными указывает на их импортное, вероятнее всего, византийское происхождение.

Относя эту группу стеклянных сосудов к Византии следует подчеркнуть, что под Византией надо понимать средиземноморский мир в широком смысле слова. Дальнейшие исследования и находки могут уточнить особенности отдельных локальных центров. В настоящее же время, называя (вслед за Теофилом) этот небольшой набор однотипных изделий «византийскими изделиями», мы отнюдь не ограничиваем их центральными областями империи. Нет сомнения, что производство этих типов стеклянных сосудов имело широкое распространение во всем Средиземноморье.

Самые древние образцы подобного стекла были найдены в Египте и относятся, по мнению Ламма ¹³, к позднефатимидскому периоду, т. е. к концу IX в. Давидсон ¹⁴, исследователь коринфской стеклоделательной мастерской, считает, что она была основана греками, выходцами из Египта. Мэтсон ¹⁵, произведший технологическое изучение коринфского стекла, также указал на его технологическую близость к египетским стеклам и на отличие от так называемых «исламских», изготовленных в Передней Азии.

Находка красного кубка и синего флакона в Новогрудке не является случайностью. Там же были найдены мелкие обломки других сосудов — фиолетовых и синих, по химическому анализу также близких к византийскому стеклу. Но эти обломки настолько мелки, что форма их не поддается восстановлению, кроме двух фрагментов, которые явно представляют собой остатки другого сосуда, подобного нашему флакону. Следует также упомянуть о фрагменте желтого прозрачного стекла с остатками арабской надписи, несомненно, восточного происхождения.

Таким образом, люди, которым принадлежало раскопанное в окольном городе Новогрудке жилище, пользовались первоклассной стеклянной посудой из различных далеких стран, доставленной торговцами или привезенной рыцарями, участвовавшими в крестовых походах.

¹¹ F. R. Matson. Technological Study of the Glasse from the Corinth Factory. *AJA.*, XLIV, 1940, № 3, p. 325—358.

¹² М. А. Безбородов. Указ. соч.

¹³ K. J. Lamm. *Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten*, Bd. I, II, Berlin, Taf. 42: 4, S. 122—124, 1930, *idem*. *Glass from Iran in the National Museum Stockholm*. Stockholm, 1935, pl. 45 B.

¹⁴ G. R. Davidson. *A Mediaeval Glass-Factory of Corinth*, p. 308.

¹⁵ F. K. Matson, *Op. cit.*, p. 326.

М. И. КАМЕРА, К. В. ГОЛЕНКО

**ЛЕНИНАКАНСКИЙ КЛАД САСАНИДСКИХ
И ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ (1956 г.)**

В 1957 г. Государственному музею изобразительных искусств им. А. С. Пушкина через ГОХРАН было передано несколько сотен монет. Среди них находилась группа сасанидских и византийских серебряных монет, однородный состав и сохранность которых позволили предположить их общее происхождение. Из документов ГОХРАН'а видно, что эти монеты были получены по одному акту из Управления милиции г. Ленинакана (Армянская ССР). В результате дополнительного запроса, посланного в ленинаканскую милицию, удалось установить, что указанные монеты представляют собой клад, найденный в Ленинакане гражданином А. Т. Хачатряном. К сожалению, получить более точные и подробные сведения об обстоятельствах находки не удалось.

С той же партией монет был получен омейядский дирхем 95 (713—714) г., чеканенный в Ат-Таймере ¹. Как известно, совместное нахождение в кладах сасанидских и омейядских монет встречается сравнительно часто. Однако такие клады, как правило, состоят преимущественно из куфических монет с небольшой примесью сасанидских. В данном случае дело обстоит наоборот. Это обстоятельство, а также разрыв между датой позднейшей монеты клада и дирхемом заставляют с большей долей вероятности предположить, что дирхем не имеет к кладу никакого отношения.

Клад состоит из 108 монет — 92 сасанидских драхм и 16 византийских гексаграммов. Наиболее ранняя монета клада — сасанидская драма 30 (518—519) г. правления Кавада I. Позднейшей монетой является византийский гексаграмм совместного правления Константа II и Константина, чеканенный до 659 г. Период чекана составляет, следовательно, около 140 лет.

Время закрытия клада следует отнести ко второй половине VII в. Все монеты клада хорошей сохранности ².

¹ Cp. J. Walker. A Catalogue of the Muhammadan Coins in the British Museum, vol. II. London, 1956, p. 130, № 313.

² Впервые клад был разобран Е. А. Пахомовым (Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. VIII, Баку, 1959 г., № 1947). Случай расхождения в определении монет Е. А. Пахомовым и нашими в настоящей работе не оговариваются.

1. САСАНИДСКИЕ ДРАХМЫ

Кавад I (488—497 гг., 499—531 гг.)

1. ³ 30 (518—519) г. Рей.Л. ст. .

Бюст царя вправо. Голова увенчана трехзубчатой короной с полумесяцем впереди. Рога полумесяца обращены вверх. На высокой тулье вертикальный стержень с укрепленным на нем полумесяцем, внутри которого находится шар, как бы образующийся из отдельных языков пламени. Стержень перевязан лентой с поднятыми вверх концами. Полумесяц с шаром и концы ленты выходят за рубчатый ободок. Диадема в виде двух рядов точек. На затылке царя шар из волос. Над каждым плечом полумесяц. Из-за плеч поднимаются концы другой ленты, над которыми находится по шестиконечной звезде. За ободком симметрично по обеим сторонам и внизу — полумесяц со звездой. Легенда расположена справа, перед лицом царя.

Об. ст. .

В центре алтарь с пылающим огнем. Слева от огня шестиконечная звезда, справа — полумесяц. Колонна перевязана лентой, концы которой опущены. По обеим сторонам алтаря схематично изображенные фигуры стражей. Их головные уборы выходят за точечный ободок, окаймляющий поле монеты. Легенда расположена справа и слева, между фигурами стражей и ободком.

В. 3, 62 г. Д. 29 мм. →. Радуск, р. 207.

2. 40 (528—529) г. Рей.

Л. ст. .

Как № 1, но на шаре две точки.

Об. ст. .

Как № 1, но два зубчатых ободка.

В. 3,90 г. Д. 28,5 мм. →. Радуск, р. 211.

Хосров I Ануширван (531—579 гг.)

3. 12 (542—543) г. Мерв.

Л. ст. .

Бюст царя вправо. Голова увенчана трехзубчатой короной с полумесяцем впереди. Рога полумесяца обращены вверх. Над полумесяцем и задним зубцом по шестиконечной звезде. На высокой тулье вертикальный стержень с укрепленным на нем полумесяцем, внутри которого находится шар, как бы образующийся из отдельных языков пламени. Стержень перевязан небольшой лентой, расположенной вдоль точечного ободка. Полумесяц с шаром выходит за ободок. Диадема в виде двух рядов точек. На затылке царя шар из волос. Видны обозначенные точками серьги, ожерелье с подвесками и украшения на платье. Над каждым плечом полумесяц. Из-за плеч видны концы развевающейся ленты. За ободком симметрично по обеим сторонам

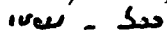
³ Номера монет, приводимые в списке, соответствуют номерам на табл. I—IX. Изображения монет по техническим причинам уменьшены до $\frac{9}{10}$ нат. вел.
Ред.

и внизу — полумесяц. Легенда расположена справа и слева вдоль ободка.

Об. ст.

В центре алтарь, суженный посредине и расширяющийся книзу и кверху тремя ступенями. Узкая часть украшена лентой, концы которой подняты вверх. На алтаре пылающий огонь. Слева от огня шестиконечная звезда, справа полумесяц. С обеих сторон алтаря по стражу. Они стоят лицом к зрителю и опираются руками на мечи. У каждого стража над плечом, находящимся ближе к ободку, виден конец ленты. Поле монеты окружено точечным ободком. Легенда расположена справа и слева, между фигурами стражей и ободком. В. 3, 84 г. Д. 33, 5 мм. ←. Ragusk, p. 216.

4. 33 (563—564) г. Абршахр.

Л. ст.

Как № 3, но на шаре две точки, на плечах украшение в виде звезды и полумесяца.

Об. ст.

Как № 3.

В. 3,94 г. Д. 34 мм. ←. Ragusk, p. 223 (пробита).

5. 46 (576—577) г. Нахчаван.

Л. ст.

Как № 3, но на шаре две точки.

Об. ст.

Как № 3.

В. 3,9 г. Д. 32,5 мм. →. Ragusk, p. 227.

6. 48 (578—579) г. Нахчаван.

Л. ст.

Как № 3.

Об. ст.

Как № 3.

В. 3,96 г. Д. 34 мм. →. Ragusk, p. 228.

Хормизд IV (579—590 гг.)

7. 2 (580—581) г. Зерендж.

Л. ст.

Как № 3, но внутри полумесяцев, расположенных за ободком, шестиконечная звезда. На шаре две точки.

Об. ст.

Как № 3.

В. 3,97 г. Д. 28,5 мм. →. Ragusk, p. 229.

8. 2 (580—581) г. ?

Л. ст.

Как № 7.

Об. ст.

Как № 7, но точки по сторонам от огня.

В. 3,95 г. Д. 31 мм. →. Не издана.

9. 2 (580—581) г. Рей.

Л. ст.

- Как № 7.
Об. ст. *уко - ку* .
Как № 8.
В. 3,76 г. Д. 31,5 мм. ↗. Рагуск, р. 229.
10. 2 (580—581) г. ?
Л. ст. *уш - укуш*
Как № 7.
Об. ст. *уко - уку*
Как № 7.
В. 4,01 г. Д. 32 мм. ↘. Рагуск, р. 229.
11. 3 (581—582) г. Нихавенд.
Л. ст. *уш - укуш*
Как № 7.
Об. ст. *уко - ку*
Как № 8.
В. 4,10 г. Д. 32,5 мм. →. Не издана.
12. 3 (581—582) г. Рей.
Л. ст. *уш - укуш*
Как № 7, но на левом плече звезда с полумесяцем.
Об. ст. *уко - ку*
Как № 8.
В. 3,97 г. Д. 33 мм. →. Рагуск, р. 230.
13. 3 (581—582) г. Рей.
Л. ст. *уш - укуш*
Как № 7, но на левом плече звезда с полумесяцем.
Об. ст. *уко - ку* ⁴.
Как № 7.
В. 3,97 г. Д. 33,5 мм. →. Рагуск, р. 230.
14. 3 (581—582) г. Рей.
Л. ст. *уш - укуш*
Как № 7, двойной удар.
Об. ст. *уко - ку*
Как № 7, но за ободком под алтарем звезда с полумесяцем.
В. 3,92 г. Д. 31,5 мм. →. Рагуск, р. 230.
15. 3 (581—582) г. Рей.
Л. ст. *уш - укуш*
Как № 7, но на левом плече звезда с полумесяцем.
Об. ст. *уко - ку*
Как № 7.
В. 4,00 г. Д. 32 мм. →. Рагуск, р. 230.
16. 3 (581—582) г. Рей.
Л. ст. *а - ку* ..

⁴ Подобное написание числительного «три» отмечается, по-видимому, впервые.

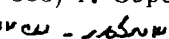
Как № 7, двойной удар.

Об. ст.

Как № 7.

В. 4,00 г. Д. 32 мм. →. Рагуск, р. 230.

17. 4 (582—583) г. Зерендж.

Л. ст.

Как № 7.

Об. ст.

Как № 7.

В. 3,66 г. Д. 30,5 мм. →. Рагуск, р. 230.

18. 4 (582—583) г. Зерендж.

Л. ст.

Как № 7, но над правым плечом нет полумесяца.

Об. ст.

Как № 8.

В. 3,97 г. Д. 31 мм. →. Рагуск, р. 230.

19. 4 (582—583) г. ?

Л. ст.

Как № 7, но над правым плечом нет полумесяца; на левом плече звезда с полумесяцем.

Об. ст.

Как № 8.

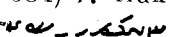
В. 4,03 г. Д. 32 мм. →. Мон. Азерб., стр. 22.

20. 4 (582—583) г.

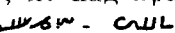
Той же пары штемпелей, что № 19.

В. 4,02 г. Д. 32 мм. →.

21. 5 (583—584) г. Нахчаван.

Л. ст.

Как № 7, но над правым плечом нет полумесяца.

Об. ст.

Как № 7.

В. 3,95 г. Д. 32 мм. ←. Рагуск, р. 230.

22. 6 (584—585) г. Абршахр.

Л. ст.

Как № 7, но на плечах по звезде с полумесяцем.

Об. ст.

Как № 7.

В. 4,05 г. Д. 29 мм. →. Рагуск, р. 131.

23. 6 (584—585) г. Сузы.

Л. ст.

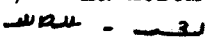

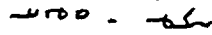
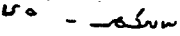
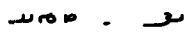
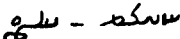

Как № 7.

Об. ст.

Как № 7.

В. 4,02 г. Д. 32 мм. →. Рагуск, р. 131.

24. 6 (584—585) г. Арташир-Хура (?)
Л. ст. *меш - левый*
Как № 7, но на левом плече звезда с полумесяцем.
Об. ст. *меш - 50*
Как № 7.
В. 3,61 г. Д. 31,5 мм. → . Не издана.
25. 6 (584—585) г. ?
Л. ст. *меш - левый*
Как № 7, но на левом плече звезда с полумесяцем.
Об. ст.
Как № 8. *меш - 70*
В. 3,81 г. Д. 30 мм. ↗ . Не издана.
26. 6 (584—585) г. Мерв.
Л. ст. *меш - левый*
Как № 7.
Об. ст. *меш - 50*
Как № 7, но по обеим сторонам верхней плиты алтаря по точке.
В. 4,06 г. Д. 32,5 мм. → . Raguck, p. 230.
27. 6 (584—585) г. Мерв.
Л. ст. *меш - левый*
Как № 7, но на шаре одна точка.
Об. ст. *меш - 50*
Как № 7, но за ободком под алтарем точка.
В. 3,91 г. Д. 32 мм. → . Raguck, p. 131.
28. 6 (584—585) г. Мерв.
Л. ст. *меш - левый*
Как № 7, но над правым плечом нет полумесяца.
Об. ст. *меш - 50*
Как № 7.
В. 3,95 г. Д. 30 мм. → . Mordtmann, S. 127.
29. 6 (584—585) г. Мерв.
Л. ст. *меш - левый*
Как № 7, но над правым плечом нет полумесяца.
Об. ст. *меш - 50*
Как № 7.
В. 4,03 г. Д. 31 мм. → . Mordtmann, S. 127.
30. 6 (584—585) г. Мерв.
Л. ст. *меш - левый*
Как № 7, но над правым плечом нет полумесяца.
Об. ст. *меш - 50*
Как № 7.
В. 4,03 г. Д. 30,5 мм. → . Raguck, p. 131.
31. 6 (584—585) г. Рей.
Л. ст. *меш - левый*

- Как № 7, но концы диадемы длиннее обычного.
Об. ст.
Как № 8.
В. 3,94 г. Д. 32 мм. →. Раруск, р. 231.
32. 6 (584—585) г. Рей.
Л. ст.
Как № 7, но на левом плече звезда с полумесяцем.
Об. ст.
Как № 7.
В. 3,56 г. Д. 32 мм. ←. Раруск, р. 131.
33. 7 (585—586) г. Сузы.
Л. ст.
Как № 7.
Об. ст.
Как № 8.
В. 3,98 г. Д. 31 мм. →. Раруск, р. 131.
34. 8 (586—587) г. Сузы.
Л. ст.
Как № 7.
Об. ст.
Как № 7.
В. 3,97 г. Д. 32 мм. →. Раруск, р. 131.
35. 8 (586—587) г. ?
Л. ст.
Как № 7, но над правым плечом нет полумесяца.
Об. ст.
Как № 7.
В. 4,01 г. Д. 33 мм. ↗. Раруск, р. 132.
36. 8 (586—587) г. Рей.
Л. ст.
Как № 7, но по обе стороны от основания шара по точке.
Об. ст.
Как № 7.
В. 4,02 г. Д. 30,5 мм. →. Раруск, р. 132.
37. 8 (586—587) г. Рей.
Л. ст.
Как № 7.
Об. ст.
Как № 7.
В. 3,89 г. Д. 33,5 мм. →. Раруск, р. 132.
38. 8 (586—587) г. Рей.
Той же пары штемпелей, что № 37.
В. 3,94 г. Д. 34 мм. →.

39. 8 (586—587) г. Зерендж.
Л. ст. *۱۵۵۰ - ۱۵۵۵*
Как № 7, но на плечах по звезде с полумесяцем.
Об. ст. *۱۵۵۰ - ۱۵۵۵*
Как № 8.
В. 3,99 г. Д. 32 мм. →. Радуск, р. 132.
40. 9 (587—588) г. Абршахр.
Л. ст. *۱۵۵۰ - ۱۵۵۵*
Как № 7, но концы диадемы расположены крестом.
Об. ст. *۱۵۵۰ - ۱۵۵۵*
Как № 7.
В. 3,94 г. Д. 32 мм. →. Радуск, р. 232.
41. 9 (587—588) г. Рей.
Л. ст. *۱۵۵۰*
Как № 7.
Об. ст. *۱۵۵۰ - ۱۵۵۵*
Как № 7.
В. 3,92 г. Д. 31 мм. →. Радуск, р. 232.
42. 10 (588—589) г. Нихавенд.
Л. ст. *۱۵۵۰ - ۱۵۵۵*
Как № 7.
Об. ст. *۱۵۵۰ - ۱۵۵۵*
Как № 7.
В. 4,04 г. Д. 32 мм. →. Радуск, р. 233.
43. 10 (588—589) г. Рей.
Л. ст. *۱۵۵۰ - ۱۵۵۵*
Как № 7.
Об. ст. *۱۵۵۰ - ۱۵۵۵*
Как № 7.
В. 3,88 г. Д. 32 мм. ↘. Радуск, р. 233.
44. 10 (588—589) г. Рей.
Л. ст. *۱۵۵۰ - ۱۵۵۵*
Как № 7.
Об. ст. *۱۵۵۰ - ۱۵۵۵*
Как № 7, но под полумесяцем точка.
В. 3,96 г. Д. 30 мм. →. Радуск, р. 233.
45. 10 (588—589) г. Рей.
Л. ст. *۱۵۵۰ - ۱۵۵۵*
Как № 7.
Об. ст. *۱۵۵۰ - ۱۵۵۵*
Как № 7.
В. 3,95 г. Д. 33 мм. ←. Радуск, р. 233.
46. 10 (588—589) г. Рей.
Л. ст. *۱۵۵۰ - ۱۵۵۵*

Как № 7, но по обеим сторонам шара по точке.

Об. ст.

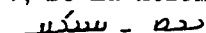
Как № 7.

В. 3,94 г. Д. 31 мм. →. Raguck, p. 233.

47. 10 (588—589) г. Истахр.

Л. ст.

Как № 7, но на левом плече полумесяц.

Об. ст.

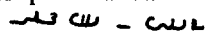
Как № 7.

В. 4,02 г. Д. 32 мм. →. Raguck, p. 233.

48. 11 (589—590) г. Нахчаван.

Л. ст.

Как № 7, но на правом плече звезда с полумесяцем; концы диадемы расположены крестом.

Об. ст.

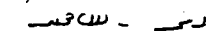
Как № 7.

В. 4,03 г. Д. 32 мм. ←. Raguck, p. 233.

49. 11 (589—590) г. Зерендж.

Л. ст.

Как № 7, но на плечах по звезде с полумесяцем.

Об. ст.

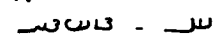
Как № 8.

В. 4,00 г. Д. 32,5 мм. →. Raguck, p. 233.

50. 12 (590—591) г. Абршахр.

Л. ст.

Как № 7.

Об. ст.

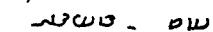
Как № 7.

В. 4,07 г. Д. 32,5 мм. →. Raguck, p. 233.

51. 12 (590—591) г. Арташир-Хура.

Л. ст.

Как № 7, но на плечах по звезде с полумесяцем.

Об. ст.

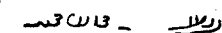
Как №

В. 3,74 г. Д. 30,5 мм. ←. Raguck, p. 233.

52. 12 (590—591) г. Бишапур.

Л. ст.

Как № 7, но на шаре три точки; над правым плечом нет полумесяца.

Об. ст.

Как № 8.

В. 4,14 г. Д. 31 мм. →. Raguck, p. 233.

53. 12 (590—591) г. Бишапур.

Той же пары штемпелей, что № 52.

В. 4,10 г. Д. 31 мм. →.

54. 12 (590—591) г. Бишапур.

Л. ст.

Как № 7, но на плечах по звезде с полумесяцем.

Об. ст.

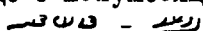
Тем же штемпелем, что № 52.

В. 3,91 г. Д. 32 мм. →. Не издана.

55. 12 (590—591) г. Бишапур.

Л. ст.

Как № 7, но концы диадемы расположены крестом; на плечах по звезде с полумесяцем.

Об. ст.

Как № 7.

В. 3,97 г. Д. 33 мм. →. Raguck, p. 233.

56. 12 (590—591) г. Мерв.

Л. ст.

Как № 7, но концы диадемы длиннее обычного; над правым плечом нет полумесяца.

Об. ст.

Как № 7, но за ободком под алтарем три точки.

В. 3,96 г. Д. 32,5 мм. →. Raguck, p. 233.

57. 12 (590—591) г. Нихавенд.

Л. ст.

Как № 7.

Об. ст.

Как № 7.

В. 3,87 г. Д. 32 мм. →. Raguck, p. 233.

58. 12 (590—591) г. Рам-Хормизд. (?)

Л. ст.

Как № 7.

Об. ст.

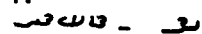
Как № 7.

В. 3,96 г. Д. 33 мм. →. Raguck, p. 233.

59. 12 (590—591) г. Рей.

Л. ст.

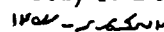
Как № 7.

Об. ст.

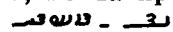
Как № 7.

В. 3,99 г. Д. 32 мм. →. Raguck, p. 233.

60. 12 (590—591) г. Рей.

Л. ст.

Как № 7, но на правом плече звезда с полумесяцем.

Об. ст.

Как № 7.

В. 3,91 г. Д. 31 мм. →. Raguck, p. 233.

61. 12 (590—591) г. Истахр.

Л. ст. (легенда не видна из-за дефекта штампа).

Как № 7.

Об. ст.

Как № 7.

В. 4,10 г. Д. 31 мм. →. Рагуск, р. 234.

62. 13 (591—592) г. Бишапур.

Л. ст.

Как № 7, но шар из волос обозначен четырьмя точками, расположенными крестом.

Об. ст.

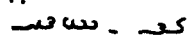
Как № 8.

В. 3,95 г. Д. 32 мм. →. Не издана.

63. 13 (591—592) г. Рей.

Л. ст.

Как № 7.

Об. ст.

Как № 7.

В. 4,04 г. Д. 33 мм. ←. Рагуск, р. 234.

64. ? ?

Л. ст.

Как № 7.

Об. ст.

Как № 7.

В. 3,98 г. Д. 33,5 мм. →. Не издана.

65. ? ?

Л. ст.

Как № 7.

Об. ст.

Как № 7.

В. 3,94 г. Д. 31 мм. →. Мон. Мингеч., стр. 155, № 68.

Хосров II Парвез (590—628 гг.)

66. 2 (591—592) г. Рей.

Л. ст.

Как № 7, но внутри полумесяца, укрепленного на вертикальном стержне шестиконечная звезда; к стержню прикреплены два крыла, выходящие за ободок, как и полумесяц со звездой. Поле монеты окаймлено двумя точечными ободками, за которыми симметрично по обеим сторонам и внизу — полумесяц со звездой. Часть легенды, расположенная слева, написана в две строчки.

Об. ст.

Как № 7, но три точечных ободка, окаймляющих поле монеты, и четыре полумесяца со звездой, симметрично расположенные за ободком.

В. 3,33 г. Д. 29 мм. →. Рагуск, р. 237.

67. 2 (591—592) г. Истахр.

Л. ст.

Как № 66.

Об. ст. -

Как № 66.

В. 4,03 г. Д. 35 мм. →. Рагуск, р. 237.

68. 2 (591—592) г. (?) (сбит).

Л. ст.

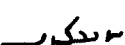
Как № 66.

Об. ст. -

Как № 66.

В. 4,07 г. Д. 32 мм. ←.

69. 3 (592—593) г. Дарабжерд.

Л. ст. -

Как № 66.

Об. ст. -

Как № 66.

В. 3,60 г. Д. 30 мм. →. Рагуск, р. 237.

70. 3 (592—593) г. Мерв.

Л. ст.

Как № 66.

Об. ст. -

Как № 66.

В. 3,36 г. Д. 29 мм. →. Рагуск, р. 237.

71. 3 (592—593) г. Мерв.

Л. ст.

Как № 69.

Об. ст. -

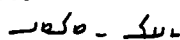

Как № 66.

В. 3,93 г. Д. 30 мм. →. Рагуск, р. 237.

72. 3 (592—593) г. Нахр-Тира.

Л. ст.

Как № 69.

Об. ст. -

Как № 66.

В. 3,93 г. Д. 29 мм. →. Рагуск, р. 237.

73. 3 (592—593) г. Рам-Хормизд.

Л. ст.

Как № 66.

Об. ст. -

Как № 66.

В. 4,01 г. Д. 30 мм. →. Рагуск, р. 237.

74. 3 (592—593) г. Рив-Арташир.

Л. ст.

Как № 66.

Об. ст. *کدو - ک*

Как № 66.

В. 4,05 г. Д. 29 мм. ←. Не издана.

75. 3 (592—593) г. Шираджан.

Л. ст.

Как № 69.

Об. ст. *کدو - ک*

Как № 66.

В. 4,06 г. Д. 35 мм. →. Раруск, р. 237.

76. 4 (593—594) г. Абршахр.

Л. ст.

Как № 69.

Об. ст. *کدو - ک*

Как № 66.

В. 3,50 г. Д. 29,5 мм. ←. Раруск, р. 237.

77. 4 (593—594) г. Бишапур.

Л. ст.

Как № 66.

Об. ст. *کدو - ک*

Как № 66.

В. 4,01 г. Д. 27 мм. →. Раруск, р. 237.

78. 5 (594—595) г. Мерв (?)

Л. ст.

Как № 69.

Об. ст. *کدو - ک*

Как № 66.

В. 4,11 г. Д. 32 мм. ←. Раруск, р. 238.

79. 6 (595—596) г. Нахр-Тира.

Л. ст.

Как № 66.

Об. ст. *کدو - ک*

Как № 66.

В. 4,02 г. Д. 30 мм. →. Раруск, р. 238.

80. 8 (597—598) г. Нихавенд.

Л. ст.

Как № 66.

Об. ст. *کدو - ک*

Как № 66.

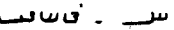
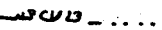

В. 4,02 г. Д. 33,5 мм. →. Раруск, р. 239.

81. 8 (597—598) г. Зерендж.

Л. ст.

Как № 66.

Об. ст. *کدو - ک*

- Как № 66.
В. 3,34 г. Д. 29 мм. → . Raguck, p. 239.
82. 8 (597—598) г. ? (сбит).
Л. ст. (легенда не видна из-за дефекта штампа).
Как № 66.
Об. ст.
Как № 66.
В. 3,51 г. Д. 29,5 мм. → .
83. 9 (598—599) г. Нихавенд.
Л. ст.
Как № 66.
Об. ст.
Как № 66.
В. 4,03 г. Д. 32 мм. ← . Не издана.
84. 10 (599—600) г. ? (сбит).
Л. ст. (легенда не видна из-за дефекта штампа).
Как № 66.
Об. ст.
Как № 66.
В. 3,51 г. Д. 31 мм. → .
85. 11 (600—601) г. Ктесифон.
Л. ст.
Как № 66, но над правым плечом нет полумесяца.
Об. ст.
Как № 66.
В. 3,12 г. Д. 33,5 мм. ↘ . Raguck, p. 240.
86. 12 (601—602) г. Абершахр.
Л. ст. (легенда не видна из-за дефекта штампа).
Как № 66.
Об. ст.
Как № 66.
В. 3,96 г. Д. 33,5 мм. ← . Не издана.
87. 12 (601—602) г. Нихавенд(?).
Л. ст.
Как № 69.
Об. ст.
Как № 66.
В. 3,61 г. Д. 31 мм. ↘ .
88. 17 (606—607) г. Истахр.
Л. ст.
Как № 66, но за ободком ; над плечом нет полумесяца.
Об. ст.
Как № 66.
В. 3,96 г. Д. 33,5 мм. → . Не издана.
89. 27 (616—617) г. Нихавенд.
Л. ст.

Как № 69, но за ободком ; над правым плечом нет полумесяца; на плечах по звезде с полумесяцем.

Об. ст.

Как № 66.

В. 4,07 г. Д. 30,5 мм. →. Ragusk, p. 248.

90. (Год сбит.) Абршахр.

Л. ст. (легенда не видна из-за дефекта штампа).

Как № 66.

Об. ст.

Как № 66.

В. 3,38 г. Д. 32 мм. ←.

91. (Год сбит.) Нихавенд.

Л. ст.

Как № 66, но на тулье стержень заменен

Об. ст.

Как № 66.

В. 3,98 г. Д. 31 мм. ←.

Арташир III (628—630 гг.)

92. 2 (629—630) г. Зерендж.

Л. ст.

Как № 66, но бюст царя дан более крупным планом. Корона состоит из четырех зубцов. Над тульей в полумесяце шар. Поле окаймлено одним точечным ободком.

Об. ст.

Как № 66, но поле монеты окаймлено одним точечным ободком.

В. 3,96 г. Д. 32,7 мм. ←. Ragusk, p. 257.

* * *

Как видно из приведенного выше списка, монеты распределяются по правителям следующим образом:

Кавад I (488—497, 499—531)	— 2 экз.
Хосров I (531—579)	— 4 экз.
Хормизд IV (579—590)	— 59 экз.
Хосров II (590—628)	— 26 экз.
Арташир III (628—630)	— 1 экз.

Сасанидские драхмы охватывают период чекана в 112 лет. Выпуск подавляющего большинства монет (82 из 92) ограничен 28 годами — с 579 по 606 г. Иными словами, эти монеты чеканились на протяжении всего правления Хормизда IV и первой половины царствования Хосрова II. Кстати, преобладание монет Хормизда IV наблюдается и в других закавказскихкладах VII в.⁵

Специфическая особенность сасанидских монет — монограммы на оборотной стороне. Их расшифровка представляет ряд трудностей. Хотя после выхода работ Э. Херцфельда⁶ и Дж. Уолкера⁷ большинство монограмм идентифицировано с соответствующими монетными дворами, однако

⁵ Е. А. Пахомов. Монетные клады. . . , вып. II. Баку, 1938, № 370, 374; вып. IV. Баку, 1949, № 1064; вып. VI. Баку, 1954, № 1570.

⁶ E. Herzfeld. Achaemenid Coinage and Sasanian Mintnames. «Transactions of the International Numismatic Congress 1936». London, 1938, p. 413.

⁷ J. Walker. A Catalogue of the Muhammadan Coins in the British Museum, vol. I. London, 1941, p. cii—cv.

еще многие монограммы остаются нерасшифрованными. Последнее обстоятельство вызвано как особенностями пехлевийского алфавита, так и недостаточной изученностью административного деления Ирана при Сасанидах. Кроме того, нередки случаи, когда одна и та же монограмма имеет несколько вариантов написания.

Прекрасная сохранность монет клада позволяет прочитать монограммы на всех монетах, за исключением трех экземпляров (№ 68, 82 и 84), на которых монограммы не видны из-за дефекта чеканки.

На монетах клада встречается 21 монограмма различных монетных дворов (см. табл. 1)⁸.

Таблица 1

Монограмма	Монетный двор	Количество экземпляров	Процент	Номер монеты
1.8 	Абршахр	7	6,3	4, 22, 40, 50, 76 86, 90
2. 	Сузы	2	1,8	23, 33
2а. 	Сузы	1	0,9	34
3. 	Арташир-Хура	2	1,8	24, 51
4. 	Ктесифон	1	0,9	85
5. 	Бишапур	6	5,4	52, 53, 54, 55, 62, 77
6. 	Дарабжерд	1	0,9	69
7.* 	?	2	1,8	8, 35
8. 	?	1	0,9	25
9. 	Мерв	3	2,7	26, 27, 28
9а. 	Мерв	5	4,5	3, 56, 70, 71, 78 (?)
9б. 	Мерв	2	1,8	29, 30
10.** 	Нахчаван	4	3,6	5, 6, 21, 48
11.*** 	Нахр-Тира	2	1,8	72, 79
12. 	Нихавенд	3	2,7	42, 83, 89
12а. 	Нихавенд	5	4,5	11, 57, 80, 87 (?), 91 (?)
13. 	Рам-Хормизд	2	1,8	58 (?), 73
14. 	Рей	2	1,8	1, 63

* Монограмма № 7 известна Паруку только на монетах 8-го года правления Хормизда IV (Parguck, p. 153).

** Е. А. Пахомов. Монеты Азербайджана, вып. I, Баку, 1959, стр. 17.

*** J. Walker. Op. cit., p. civ, № 44.

⁸ Значение монограмм № 1—6, 9, 12—15, 17, 19 соответствует расшифровке, принятой Р. Гёблем (R. Göbl. Aufbau der Münzprägung. См. F. Altheim und R. Stiel. Ein Asiatischer Staat. Wiesbaden, 1954, S. 83—85).

Таблица 1 (продолжение)

Монограмма	Монетный двор	Количество экземпляров	Процент	Номер монеты
14а. 	Рей	20	18,0	2, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 31, 32, 36, 37, 38, 41, 43, 44, 45, 46, 59, 60, 66
15. 	Рив-Арташир	1	09	74
16. 	?	1	0,9	64
17. 	Истахр	4	3,6	47, 61, 67, 88
18.**** 	Шираджан (?)	1	0,9	75
19. 	Зерендж	7	6,3	7, 17, 18, 39, 49, 81, 92
20.***** 	?	3	2,7	10, 19, 20
21. 		1	0,9	65

**** J. Walker. Op. cit., p. civ. № 49.

***** Предположение Е. А. Пахомова, что этот знак следует относить к Двину и Бердаа, не представляется нам окончательно доказанным (см. Мон. Азерб. вып. I, стр. 15).

Из приведенного списка видно, что наибольший процент (18%) составляют монеты со знаком , который мы находим на 20 экземплярах. Дж. Уолкер рассматривает этот знак как вариант написания знака и отождествляет его с монетным двором Рея⁹. Отнесение монограммы к монетному двору Рея не вызывает сомнения хотя бы потому, что этот знак не встречается на монетах тех лет царствования Хосрова II, когда восставший против него Бистам, находясь в Рее, чеканил собственную монету. Именно поэтому трудно согласиться, что и знак принадлежал монетному двору Рея, так как монеты с этим знаком чеканились в правление Хосрова II без перерыва¹⁰. Правда, не исключена возможность, что написание этой монограммы как и должно читаться по-разному и что только одна из них относится к Рею. К сожалению, в литературе между ними не делалось различия, а материал данногоклада явно недостаточен для разрешения этого вопроса. Предположение, что

⁹ J. Walker. Op. cit., p. civ., № 48, 48а.

¹⁰ Это же противоречие отмечает и Р. Гёбль (R. Göbl. Op. cit., S. 92).

знак следует отнести к Рею, будет полностью подтверждено лишь в том случае, если удастся обнаружить монеты со знаками и , битые одним штемпелем лицевой стороны. Отсутствие уверенности в том, что монограмма принадлежит монетному двору Рея, не позволяет нам, хотя бы предположительно, установить, в какой из частей Сасанидской империи находился монетный двор, знак которого преобладает на монетах клада.

Преобладание монет с этим знаком отмечается впервые для закавказского клада. До сих пор были известны клады, в которых наибольший процент составляли монеты со знаками: (12%)¹¹, (15,5%)¹², (16,4)¹³ и (52,5%, 65,1%, 24,4% и 27%)¹⁴.

Среди сасанидских монет ленинаканского клада обращают на себя внимание 9 неизданных ранее экземпляров, из них: на двух монетах (№ 25 и 64) Хормизда IV присутствуют монограммы и , не отмеченные в литературе. Последняя из них, возможно, представляет собой вариант знака и, следовательно, тоже может быть отнесена к монетному двору Рея; на шести монетах мы находим неизвестные до сих пор сочетания знаков монетного двора и года правления (см. табл. 2).

Таблица 2

	Год правления	Монограмма	Номер
Хормизд IV	2		8
Хормизд IV	13		62
Хосрой I	3		74
Хосрой II	9		83
Хосрой II	12		86
Хосрой II	17		88

Наконец, девятым неизданным экземпляром является монета Хормизда IV (№ 54), на лицевой стороне которой, кроме слова , присутствует .

Следует также отметить, что на оборотной стороне монеты № 65 искажена легенда, а у № 64 искажен год.

Специальный интерес представляют пять сасанидских монет (№ 67, 72, 74, 78 и 82)¹⁵, на которых мы находим граффити, нанесенные острым

¹¹ Е. А. Пахомов. Монетные клады... , вып. III. Баку, 1940, № 815.

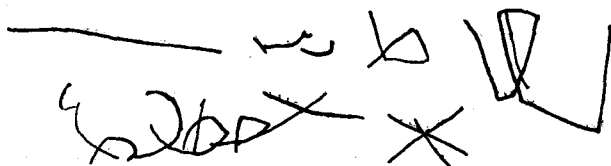
¹² Там же, вып. IV, № 1062.

¹³ Там же, № 1064.

¹⁴ Там же, вып. II. Баку, 1938, № 370, 374 и 375; вып. IV, № 1570.

¹⁵ Сюда же следует присоединить одну византийскую монету (№ 108).

предметом (см. также табл. VIII)¹⁶, причем у № 74, 78 и 82 граффити, вероятно, представляют собой надпись.

Граффити на монетах № 67, 72, 74, 78, 82 и 108.

Вес сасанидских монет клада обычен для драхм этого времени. Преобладают монеты весом 3,90—4,00 г. При этом 3,90 г весят 13 экземпляров, 3,95 — 22 экземпляра, 4,00 — 22 экземпляра. Свыше 4,00 г весят 12 монет. Меньше 3,90 г — 23 монеты. Наибольший вес монеты клада — 4,15 г, наименьший — 3,10 г.

2. ВИЗАНТИЙСКИЕ ГЕКСАГРАММЫ

Ираклий и Ираклий—Константин (615—631 гг.)

93. Л. ст.NNHERACIHERACON

Сидящие на троне Ираклий (слева, с бородой) и Ираклий—Константин (справа, безбородый). Оба в коронах с крестом, в плащах, застегнутых у правого плеча фибулой. В правой руке каждого сфера с крестом, между их головами — крест.

Об. ст. ΔΕΥΣΑΔΙΤΑΡΟΜΑΝΙΣ.

Крест на шаре, на голгофе в три ступени. Справа в поле К

В. 6,81 г. Д. 24 мм. ↙. Типа: Wroth, № 100—105; Толстой, № 216.

94. Л. ст. ΔΝΝΗΡΑΣΙΙΗΙΕΣ

Как № 93.

Об. ст.

Как № 93.ΔΕΥΣΑΔΙΤΑΡΟΜΑΝΙΣ

В. 6,26 г. Д. 24 мм. ↗.

95. Л. ст.ΕΤΗΕΡΑΟΝ

Как № 93.

Об. ст.ΤΑΡΟΜΑΝΙ....

Как № 93, но справа в поле Ε (монограмма имени Ираклия).

В. 6,79 г. Д. 26 мм. ↓. Типа: Wroth, № 96—98; Толстой, № 218.

Ираклий, Ираклий—Константин, Ираклион (632—641 гг.)

96. Л. ст. Стоящие во весь рост в фас Ираклий (в середине, с бородой и усами) и его сыновья. Все в коронах с крестом, в плащах, застегнутых у правого плеча фибулой. В правой руке каждого сфера с крестом.

¹⁶ Граффити на монете № 72 воспроизводится только на рисунке.

Об. ст. **ԾԵՎՏԱԴԻՇԱՐՈՒՄԱՆԻՏ**.

Крест на шаре, на голгофе в три ступени.

В. 6,79 г. Д. 22,5 мм. ✓. Типа: Wroth, № 108; Толстой, № 424.

97. Той же пары штемпелей, что № 96.

В. 6,88 г. Д. 21,5 мм. ✓.

Констант II (641—654 гг.)

98. Л. ст. **ԾՆԿՈՆՏԱՆ ԶԻՆՎՏՐԱՎ**

Погрудное изображение Константа II в фас в короне с крестом, в плаще, застегнутом у правого плеча фибулой. В правой руке сфера с крестом.

Об. ст. **ԾԵՎՏԱԴԻՇԱՐՈՒՄԱՆԻՏ**

Крест на шаре, на голгофе в три ступени.

В. 6,79 г. Д. 24 мм. ✓. Типа: Wroth, № 78—79; Толстой, № 111.

99. Л. ст. **.....ՆԱՆ ԶԻՆՎՏՐԱՎ**

Как № 98.

Об. ст. **.....ԻՇԱՐՈՒՄԱՆԻՏ**

Как № 98.

В. 6,70 г. Д. 25 мм. ✓.

100. Л. ст. **ԾՆԿՈՆՏԱՆ ԶԻՆՎՏՐԱՎ**

Как № 98.

Об. ст. **ԾԵՎՏԱԴԻՇԱՐՈՒՄԱՆԻՏ**

Как № 98.

В. 6,64 г. Д. 23 мм. \.

101. Л. ст. **ԾՆԿՈՆՏԱՆ ԶԻՆՎՏՐԱՎ.....**

Как № 98.

Об. ст. **ԾԵՎՏԱԴԻՇԱՐՈՒՄԱՆԻՏ**

Как № 98.

В. 6,55 г. Д. 23,5 мм. \.

102. Л. ст. **.....ԶԻՆՎՏՐԱՎ**

Как № 98.

Об. ст. **.....ՇԱՐՈՒՄԱՆԻՏ**

Как № 98.

В. 6,56 г. Д. 24 мм. \.

103. Л. ст. **.....ԶԻՆՎՏՐԱՎ...**

Как № 98.

Об. ст. **.....ՄԱՆԻՏ**

Как № 98.

В. 5,71 г. Д. 24,5 мм. \.

104. Л. ст. **.....ԶԻՆՎՏՐԱՎԻ**

Как № 98, но Констант II с усами и небольшой бородой.

Об. ст. **...ԵՎՏԱԴԻՇԱՐՈՒՄԱՆԻՏ**

Как № 98.

В. 5,32 г. Д. 24,5 мм. ✓. Типа: Wroth, № 80—82; Толстой, № 114.

105. Л. ст. *ΒΙΣΘΙΣΤΑΝ ΙΡΗΙ*
 Как № 98, но Константин II с большой бородой.
 Об. ст. *ΘΕΥΣΑΔΙΥΤΑΡΟΜΑΝΙΣ*
 Как № 98.
 В. 6,74 г. Д. 23 мм. \. Типа: Wroth, № 83; Толстой, № 115.
106. Л. ст. *ΒΙΣΘΙΣΤΑΝ ΤΙΥΣΡΡΑΥ*
 Как № 105.
 Об. ст. *ΘΕΥΣΑΔΙΥΤΑΡΟΜΑΝΙΣ*
 Как № 98.
 В. 4,92 г. Д. 23 мм. \.
107. Л. ст. *... ΖΙΥΣΡΡΑΥ*
 Как № 105.
 Об. ст. *ΘΕΥΣΑΔΙΥΤΑΡΟΜΑΝΙΣ*
 Как № 98.
 В. 6,80 г. Д. 22 мм. \.

Констант II и Константин (654—659 гг.)

108. Л. ст. *ΒΙΚΟ ΝΤΙΝΥΣΣΟΝΣΤΑΙ .*
 Погрудные изображения в фас Константа II (слева, с усами и длинной бородой) и Константина (справа, безбородый); оба в коронах с крестом, в плащах, застегнутых у правого плеча фибулой, между их головами — крест.
 Об. ст. *ΘΕΥΣΑ ΥΤΑΡΟΜΑΝΙΣ*
 Крест на шаре, на голгофе в три ступени. В поле, справа **Β**
 В. 6,64 г. Д. 22,5 мм. / . Типа: Wroth, № 87; Толстой, № 266.

Византийская часть Ленинкаканского клада представлена 16 монетами, чеканенными при Ираклии и Константе II и их соправителях:

Ираклий и Ираклий—Константин	3 экз.
Ираклий, Ираклий—Константин и Ираклион	2 экз.
Констант II	10 экз.
Констант II и Константин	1 экз.

Все эти монеты являются гексаграммами, новой серебряной византийской монетой, введенной, как это известно из письменных источников, Ираклием в 615 г. Монеты нового номинала в полтора раза тяжелее (около 6,80 г.) старых милиарисиев и внешне отличаются от последних тем, что на их оборотной стороне вокруг креста вместо пальмовых ветвей помещена легенда: «*deus, adiuta romanis*».

Монеты Ираклия и Константа II можно разбить на отдельные хронологические группы благодаря появлению на них портретов соправителей, а также некоторым особенностям иконографического порядка. Гексаграммы с изображением Ираклия и его сына Ираклия—Константина (№ 93—95) чеканились с 615 г.¹⁷, первого года выпуска монет нового номинала, вплоть до момента объявления соправителем другого сына императора — Ираклиона, который получил титул кесаря в январе 632 г.

¹⁷ Здесь и далее хронология византийских монет дана по В. Росу (W. Wroth, p. 195). Уточнения классификации В. Роса (см. напр., Ph. Grierson. *Solidi of Phocas and Heraclius: the chronological framework*, NC, 1959, p. 138 ff.) нами учтены.

Таблица I. Ленинкаванский клад. Сасанидские монеты: Кавада I (№ 1—2), Хосроя I (№ 3—6) и Хормизда IV (№ 7—12)

Таблица II. Лениваканский клад. Сасанидские монеты Хормизда IV

Таблица III. Ленинаканский клад. Сасанидские монеты Хормизда IV

Таблица IV. Ленинанканский клад. Сасанидские монеты Хормизда IV

Таблица V. Ленинанский клад. Сасанидские монеты Хормизда IV

61

62

63

64

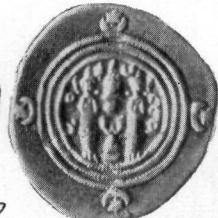
65

66

67

68

69

70

71

72

Таблица VI. Ленинанский клад. Сасанидские монеты. Хормизда IV (№ 61—65) и Хосроя II (№ 66—72)

Таблица VII. Ленинанский клад. Сасанидские монеты Хосроя II

Таблица VIII. Ленинанканский клад. Сасанидские монеты: Хосроя II (№ 85—91) и Арташира III (№ 92). № 67, 74, 78, 82 и 108 — граффити на монетах (увеличено)

Таблица IX. Ленипаканский клад. Византийские монеты: Ираклия (№ 93—97) и Константа II (№ 98—108)

Монеты с изображением Ираклия и двух его сыновей (№ 96—97) чеканились, очевидно, до конца правления Ираклия.

Из 11 гексаграммов Константа II (Константина) 10 экземпляров биты от имени одного Константа II (№ 98—107) и лишь одна монета (№ 108) имеет изображение и соправителя — сына императора Константина. Хронология монет первой группы, намеченная В. Росом на основании иконографических признаков, весьма условна. Но несомненно, что эти моменты чеканились с момента вступления на престол Константа II до объявления августом его сына. Выпуск монет с портретом Константа II и Константина принято относить к 654—659 гг.; эта относительно точная датировка особенно ценна в данной связи, поскольку монета этого типа (№ 108) является позднейшей в Ленинаканском кладе.

Для византийского серебра этого времени, и в том числе для монет клада, весьма характерна крайняя небрежность чекана, значительное колебание веса и наличие мелких вариантов в написании легенды. Все это, несомненно, вызвано напряженной работой константинопольского монетного двора, выпускавшего гексаграммы в огромном количестве. Метрологического единства клада византийские монеты не нарушают, т. к. соотношение веса сасанидской драхмы и гексаграмма определяется как 2 : 3.

Смешанный состав Ленинаканского клада служит яркой иллюстрацией политического положения Армении в VII в. Этот период в истории Закавказья является временем почти непрерывных ирано-византийских войн, которые прекратились лишь с арабским вторжением.

Однако состав нашего клада никоим образом не должен рассматриваться только под углом зрения внешнеполитических событий. Клад прежде всего отражает особенности денежного обращения Закавказья в этот период. На протяжении нескольких столетий сасанидская драхма и золотой византийский солид являлись здесь основным средством обращения. Массовые выпуски тяжелого серебра — гексаграммов, которые были предприняты в VII в. в связи с отливом золота из империи, также поступали в Закавказье. Находки сасанидских и византийских монет как отдельными экземплярами, так и кладами очень часты в Грузии, Армении и Азербайджане. Клады смешанного состава (подобные нашему) являются, видимо, исключением. По крайней мере единственной известной нам аналогией с Ленинаканским кладом может служить клад, найденный в 1904 г. в Тбилиси. К сожалению, сведения об этой интересной находке весьма суммарны; позволим себе привести их полностью: «В г. Тифлисе, в старой части, на Майдане, при земляных работах при постройке караван-сарая Манташева, в 1904 году было найдено 700—800 серебряных монет сасанидских и византийских. Сасанидские состояли преимущественно из драхм Хосроя II (590—628), до 20-х годов его правления, с примесью драхм Ормузда IV (579—590), а византийские принадлежали имп. Ираклию (610—641), частью одному, частью с Ираклием—Константином и др. Мною было просмотрено до 200 экземпляров. Клад разошелся по рукам.»¹⁸

Ленинаканский клад является ценным и интересным памятником денежного обращения и политической истории Закавказья VII в.

¹⁸ Е. Пахомов. Монетные клады... вып. I, № 59; а также Е. Пахомов. Монеты Грузии, ч. I (домонгольский период). ЗВОРАО, т. I, вып. IV (1910), стр. 30.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

**КАТАЛОГ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ ЛЕНИНГРАДСКИХ ХРАНИЛИЩ.
ВЫПУСК 3. РУКОПИСИ XI в.**

Ввиду того, что каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ выходит в свет отдельными выпусками, представляется целесообразным повторить правила описания рукописей.

Описание рукописей включает в себе следующие сведения.

1. Название рукописи; установившиеся в научной литературе для отдельных рукописей названия (например Вазелонские акты, Синайский кодекс и т. п.) приводятся в начале описания в кавычках, после чего дается точное название описываемой рукописи. В случае невозможности точно определить текст ввиду его плохой сохранности после названия поставлен знак вопроса. Для описания евангельских текстов употребляются два названия, соответствующие содержанию описываемых рукописей: а) так называемые четвероевангелия (в русской практике — евангелия «тетр») названы «евангелиями»; б) так называемые евангелия апракос, текст которых расположен в соответствии с ежедневными церковными службами, назван «евангельскими чтениями». Этот же принцип применяется при определении апостольских текстов.

2. Дата.

3. Указание на место написания рукописи, если таковое имеется или может быть установлено на основании косвенных данных (в последнем случае название места помещается в квадратных скобках).

4. Материал.

5. Тип письма и его особенности (в случае необходимости — например большое число итализмов); наличие схолий.

6. Миниатюры и орнамент.

7. Наличие акфонетических знаков и нотных знаков (невм).

8. Запись писца.

9. Тип разлиновки — для пергаменных кодексов (см. K. and S. Lake. Dated Greek Minuscule Manuscripts to the Year 1200, все выпуски).

10. Пометы и записи — современные рукописи и позднейшие.

11. Переплет.

12. Количественная характеристика: число листов; размер листа и размер текста (в сантиметрах); число столбцов, если их больше одного; число строк.

13. Содержание рукописи.

14. Сведения об истории рукописи.

15. Библиография рукописи (но не текста!); указываются важнейшие работы.

16. Сведения о сохранности рукописи.

17. Местонахождение и шифр рукописи.

При описании палимпсестов эта схема усложняется, так как и позднейший, и смытый тексты должны быть охарактеризованы самостоятельно, как отдельный памятник письменности. Над выявлением смытых текстов работает в настоящее время сотрудник Лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук СССР Д. П. Эрастов. Если имеются снимки смытых текстов, в конце описания отдельных палимпсестов помещается указание на наличие этих снимков.

При передаче текста соблюдались следующие правила: написание писца сохраняется; титла раскрываются, причем восстанавливаемая часть слова заключается в круглые скобки. Части слов и буквы, утраченные вследствие каких-либо повреждений или пятен, восстанавливаются в прямых скобках. Слова и буквы, не поддающиеся прочтению, заменяются точками по предполагаемому числу утраченных букв. Строки разделяются чертой (например, Ἰω/άννης).

При описании ветхозаветных и новозаветных текстов в разделе библиографии указываются также индексы, принятые для каждой описываемой рукописи в соответствующей литературе ¹.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Р-сь — рукопись

М-рь — монастырь

ПБ — Государственная публичная ордена Трудового Красного Знамени библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

БАН — Библиотека Академии наук СССР

РАИК — Русский археологический институт в Константинополе

R a h l f s. Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T. — A. R a h l f s. Verzeichniss der griechischen Handschriften des Alten Testaments für das Septuaginta-Unternehmen aufgestellt (Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philol.-hist. Kl., 1914, Beiheft. Mitteilungen des Septuaginta-Unternehmens der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Bd. 2). Berlin, 1914.

G r e g o r y. Textkritik d. N. T. — C. R. G r e g o r y. Textkritik des Neuen Testamentes, Bd. I—III. Leipzig, 1900—1909.

Бенешевич. Описание, т. I — В. Н. Бенешевич. Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае, т. 1, СПб., 1914.

185. Иоанн Златоуст. Беседа десятая на книгу бытия. Отрывок. X в.

Пергамен. Минускул. Сохранился один инициал в красках.

1 л. и маленький обрывок. 26,0×19,8 и 23,0×17,5. 2 столбца. Сохранилось 32 строки.

Текст см. PG, t. 53, p. 81—82. Отрывки подклеены к переплету греческой р-си 1622 г., содержащей Хронику Псевдо-Дорофея Монеувасийского. Текст сохранился лишь на одной стороне листа, сильно пострадал и плохо читается.

БАН, собр. иностранных рукописей,
F. № 240.

¹ C. R. G r e g o r y. Textkritik des Neuen Testamentes, Bd. I—III. Leipzig, 1900—1909; K. T r e u. Die Bezeichnung der griechischen Handschriften des Neuen Testamentes. «Forschungen und Fortschritte», 1953, Jg. 27, Heft 2, S. 62—63; A. R a h l f s. Verzeichniss der griechischen Handschriften des Alten Testaments. Berlin, 1914.

186. Анастасий Синаит. Ὁδηγός. Отрывок. X—XI вв.

Пергамен. Беглый минускул. Тип разлиновки определить не удалось. 4 л. 17,5×14,5 и 15,5×10,0. 23 строки, сохранившиеся неполностью.

Содержание: лл. 78—79 об. Отрывок из главы περί ψυχῆς и из главы περί φθαρτοῦ. Текст см. PG, t. 89, p. 72_C—76_C от слов «ταῦτ' ἐστὶν ἡ λογική» до слов «ὁρθοπериπατητικὸν πλα[τωνυχον]»; л. 80. Отрывок из схолии. Текст см. ibid., t. 89, p. 88_{A-B} от слов «ὡς φησι Γρηγόριος» до конца этой схолии; лл. 80 об.—81 об. Вопросы-ответы богословского содержания. Определить текст не удалось, но содержание сходно с отдельными отрывками из сочинений Анастасия.

Текст читается с трудом, возможно, его пытались стереть с целью вторичного использования пергаменных листов.

Собр. А. А. Дмитриевского.

БАН, собр. Дмитриевского, № 19 лл. 78—81 об.

187. Григорий Богослов. Беседы. X—XI вв.

Пергамен. Минускул. Имеются схолии. Имеются небольшие заставки и инициалы в красках. Тип разлиновки II 24 b. Сохранились доски старого переплета, сделанного до 1388 г. На верхней крышке переплета изнутри имеется плохо сохранившаяся криптографическая надпись, а также русская помета XIX в.: «Поучения св. Григория Богослова». На л. 1 помета Арсения (Суханова) «Арсеніи», который вывез эту р-сь с Афона. На л. 2 помета XVI в. «τοῦ Βατοῦπηδίου». На л. 268 (бумажном, подклеенном к переплету) имеется запись 1388 г.: «† Κ'αὖθ' ὁ ἐν ἱερομονάχοις ἐλάχιστος Κύριλλος, ἦλθα εἰς τοῦ Ἐγροποτάμου τοῦ μάναστῆριν τῷ ἐξακισχίλιστῷ ὀκτακοσίωστῳ ἐννενηκοστῷ ἔκτῳ ἔτος μῆνα νοέμβριον ἡμέραν τρίτην, διὰ συνεργείαν τοῦ πανοσιωτ-(ἀ)τ(ου) καὶ δευτέρου κτήτορος κύρου ἐν ἱερομονάχοις Δωροθέου, καὶ τοῦ καθ' ἡμ(ας) Ἁγίου Ὁρους πρώτου τυγχάνοντος αὐτοῦ, τῷ τοιοῦτῳ ἔτος ἡγεμονεύοντος τοῦ ὁσιωτ-(ἀ)τ(ου) ἐν ἱερομονάχοις κύρου Ἀρσενίου τοῦ Ἀπλοῦ ἐν τῇ ταύτῃ σε(βασμείᾳ) βασιλικῇ(ῃ) μονῇ τοῦ Ἐγροποτάμου, [β]ασιλ[εύοντος] ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει τοῦ Παλαιολόγου Ἰωάννου, ἐν δὲ τῇ Θεσσαλονίκῃ τοῦ αὐτοῦ υἱοῦ κ[υροῦ] Μαν[ουήλ] τοῦ βασιλέως. Τῷ αὐτῷ ἔτος ἀπῆραν οἱ μουσουλμάνοι τὰς Σέερας, ὁμοίως καὶ τὰ Τίχουσι καὶ) ἑτέρα πολλὰ πολύχνια τῶν ἐν Μακαίδ[ονίᾳ] ἀρχι... ἰνδ(ικτίωνος) ἔκτης».

В начале каждой беседы рукой несколько более поздней, чем сама р-сь, помечено число листов, занимаемых данной беседой.

22,0×18,0 и 15,0×12,0. 2 столбца. 32 строки.

Содержание: л. 1 (бумажный). Оглавление рукописи, написанное в XIV в.; л. 1 об. Незначительные пометы, молитвы и т. п.; лл. 2—3 об. Заглавие беседы стерто. Беседа Григория Богослова εἰς τὸ ἅγιον Πάσχα καὶ εἰς τὴν βραδύτητα. Текст см. PG, t. 35, p. 396_A—401_A; к этой беседе на полях имеются схолии XI в., почти совсем стертые; лл. 3 об.—16 об. Εἰς τὸ Πάσχα, τῇ ἐπαύριον μετὰ τὴν κυριακὴν. Текст см. PG, t. 36, p. 624_A—664_C; к этой беседе также имеются на полях схолии XI—XIII вв.; лл. 16 об.—20 об. Εἰς τὴν καὶνὴν | κυριακὴν. Текст см. там же, t. 36, p. 608_A—621_A; к этой беседе на л. 16 об. помещена схолия XI в., начало: «Τὸν παρόντα λόγον προσεφώνη ἐν τῷ ναῷ τοῦ μ(ά)ρ(τυρος) Μάρμαντος)...»; сверх того, к этой беседе имеется лишь небольшое число схолий XI—XIII вв.; лл. 21—28. Εἰς τὴν πεντηκοστὴν. Текст см. там же, t. 36, p. 428_A—452_C; на л. 21 помещена схолия: «Ἰπόθ(εσις).|

^οὗτο(ς) ὁ λόγ(ος) κ(α)τ(ὰ) Κων(σ)τ(αν)τ(ινοῦ)πο(λι)ν ἐξεφωνήθ(η)...»; сверх того, к этой беседе имеются лишь пометы σημ(είωσαι), ὥρ(αῖον); лл. 28—34. Εἰς τοὺς Μακκαβαίους. Текст см. там же, т. 35, р. 912_А—933_А; к этой беседе есть одна небольшая схолия и пометы ὥρ(αῖον), σημ(είωσαι); лл. 34—41 об. Εἰς Κυπριανὸν τὸν | μάρτυρα ἐξ ἀγροῦ ἐπανήκοντα μετὰ μίαν τῆς | μνήμης ἡμέραν. Текст см. там же, т. 35, р. 1169_А—1193_С; к этой беседе имеются пометы σημ(είωσαι), ὥρ(αῖον) ὅλον λίαν и т. п.; лл. 41 об.—48. Εἰς τοὺς λόγους καὶ εἰς τὸν | ἐξισωτήν. Текст см. там же, т. 35, р. 1044_В—1064_В; к этой беседе на л. 41 об. имеется схолия XI в., начало: «Ἰουλιανὸς τις; οὐχ ὁ π(αρα)βάτ(ης), ἀλλ' ἕτερος...»; лл. 48—54 об. Εἰς τὰ Θεοφάνια. Текст см. там же, т. 36, р. 312_А—333_А; число схолий к этой беседе довольно велико, на лл. 48 схолия начинается словами: «Ὁ παρὼν λόγ(ος) εἰ καὶ πανηγυρικόν...»; лл. 54 об.—92 об. Τοῦ αὐτοῦ | ἐπιτάφιος | εἰς τὸν μέγ(αν) | Βασίλειον. Текст см. там же, т. 36, р. 493_А—605_А; к этой беседе на л. 54 об. помещена схолия: «Ἰπόθ(εσις). Τοῦτον τὸν λόγ(ον) ἐξεφώνησεν ἐπὶ τῷ τάφῳ τοῦ μ(ε)γ(άλου) Βα(σιλείου)...», сверх того, к этой беседе схолий мало; лл. 92 об.—99. Τοῦ αὐτοῦ | εἰς τὰ Φῶτα. Текст см. там же, т. 36, р. 336_А—360_А; к этой беседе имеется немного схолий и Ἰπόθε(σις) на л. 92 об.: «Καὶ οὗτ(ος) ὁ λόγ(ος) κ(α)τ(ὰ) Κωνσταντινουπόλιν ὁμοίως ἐξεδόθ(η)...»; лл. 99—120. Εἰς τὸ βάπτισμα. Текст см. там же, т. 36, р. 360_В—425_В; к этой беседе схолий мало, на л. 99 имеется «Ἰπόθ(еσις). Ὁ μὲν τῶν φωτ(ῶν) λόγ(ος) κατ' αὐτ(ήν) ἐξεφωνήθ(η) ἑορτ(ήν)...»; лл. 120—122. Τοῦ αὐτοῦ εἰ, Γρηγόριον τὸν ἀδελφὸν Βασιλείου ἐπιστάνα μετὰ τὴν χειροτονίαν. Текст см. там же, т. 35, р. 832_В—841_В; к этой беседе имеется только на л. 120 «Ἰπόθ(еσις). Ἐπίσκοπος Σασίμων χειροτονηθεὶς...» См. там же, т. 36, р. 969_{В-С}; лл. 123—137. Εἰς Ἀθανάσιον ἐπίσκοπον Ἀλεξανδρίας (I) ἐπιτάφιος. Текст см. там же, т. 35, р. 1081_А—1128_С; к этой беседе имеется только схолия, помещенная на л. 122 об.: «Ἰπόθε(σις) τοῦ εἰς τ(ὸν) μ(ε)γ(αν) Ἀθανάσιον. Οὗτος ὁ λόγ(ος) ἐρρέθη τῷ μεγάλῳ π(α)τ(ρι)...»; лл. 137—148. Συντακτήριος εἰς | τὴν τῶν ρν ἐπισκόπων παρουσίαν. Текст см. там же, т. 36, р. 457_А—492_С; к этой беседе схолий нет; лл. 148 об.—165. Περὶ πτωχοτροφίας. Текст см. там же, т. 35, р. 857_А—909_С; к этой беседе схолий нет; имеются лишь пометы ὥρ(αῖον), σημ(είωσαι), πε(ρι) τοῦ Ἑρμοῦ; лл. 165—174. Εἰς τὸν π(ατέ)ρα σιωπῶντα διὰ τὴν πληγὴν τῆς χαλάζης. Текст см. там же, т. 35, р. 933_В—964_А; к этой беседе схолий нет, на л. 165 помета: «Ἐχει δογματικὰ ὀλίγα, οὐ θεολογικά»; лл. 174—198. Ἀπολογητικὸς τῆς|εἰς τὸν Πόντον φυγῆς | ἐνεκεν, καὶ αὐθις ἐπανόδου ἐκείθεν διὰ τὴν τοῦ πρεσβυτέρου | χειροτονίαν, ἐν ᾧ | τί τὸ τῆς ἱερωσύνης | ἐπάγγελμα, καὶ ὁποῖον εἶναι δεῖ τὸν ἐπίσκοπον». Текст см. там же, т. 35, рр. 408_А—513_С; к этой беседе схолий нет; на л. 183 об. помета: «Αἱ ἀρεταὶ τ(οῦ) ἀπο(στόλου) Παύλου; лл. 198 об.—202. Περὶ δόγματος καὶ καταστάσεως ἐπισκόπων | ἥτοι περὶ θεολογίας. Λόγος α̅». Текст см. там же, т. 35, р. 1065_А—1080_С; к этой беседе схолий нет; лл. 202—206. Πρὸς εὐνομιανοῦς προδιάλεξις, καὶ ὅτι οὐ | παντὸς τὸ περὶ | θ(εο)ῦ διαλέγεσθαι, ἢ πάντοτε. Текст см. там же, т. 36, р. 12_А—25_А; к этой беседе схолий нет; лл. 206 об.—220. Περὶ θεολογίας β̅. Текст см. там же, т. 36, р. 25_С—72_С; к этой беседе схолий нет; л. 220 об.—230. Περὶ υἱοῦ | πρῶτος. Текст см. там же, т. 36, р. 73_А—104_В; к этой беседе есть лишь одна помета на л. 229 об., не поддающаяся прочтению; лл. 230—239 об. Περὶ υἱοῦ | δεῦτερος. Текст см. там же, т. 36,

р. 104_С—133_А; к этой беседе есть отдельные мелкие пометы «σημ(ειω-
τέον)», «Κατὰ Σευήρου» (л. 233); лл. 239 об.—251 об. Περί τοῦ | ἁγίου πν(εύ-
ματος). Текст см. там же, т. 36, р. 133_В—172_В; к этой беседе есть по-
меты «σημειωτέον», «ὥρ(αῖον)», «κακόδοξος»; лл. 251 об.—261 об. Εἰρηνικό(ς) | ᾱ.
Ἐπὶ τῇ ἐνώσει τῶν μοναζόντων. Текст см. там же, т. 35, р. 721_А—752_А;
к этой беседе есть пометы «ὥρ(αῖον)», «σημ(ειωτέον)», «ἴσως Βασίλειον λέγει
ὁπωρήσαντα τότε εἰς τὸν Πόντον» (л. 255 об.); лл. 261 об.—266 об. Εἰρηνι-
κός β εἰς τὴν | σύμβασιν ἣν μετὰ τὴν | στάσιν ἐποιήσαμεθα | οἱ ὁμόδοχοι. Текст
см. там же, т. 35, р. 1152_В—1168_А; к этой беседе есть пометы «ὥραῖον»,
«σημ(ειωτέον)», схолий нет; лл. 266 об.—267 об. Пасхалии в кругах за
годы 6590—6596, позднейшие пометы, пробы пера.

См. М. А. Шангин. Академическая рукопись Григория Назианзина².
«Известия Академии наук СССР», т. XXI, 1927, стр. 997—1008; E. de
Muralt. Beschreibung von Handschriften des Gregorius von Nazianz,
Glykas, Aristoteles und seiner Erklärer nebst Notizen aus der spät-
griechischen Literatur. «Bulletin de la Classe historico-philologique
de l'Académie Imp. des sciences de St. Pétersbourg», т. III, 1847, р. 165—
167.

Листы по краям покоробились.

БАН, собрание иностранных рукописей,
Q. № 9.

188. Иоани Златоуст? Отрывок беседы. X—XI вв.

Пергамен. Минускул. Тип разлиновки не определен ввиду плохой
сохранности листа.

1 л. 29,0×21,3 и 26,0×19,0. Сохранилось 40 строк.

Текст отождествить не удалось. Начало: «ἱερὺς τοῦ θ(εο)ῦ τοῦ ὀψίς-
του...», конец: «...καὶ πολλὴν ἐπιδείκνυται τὴν φιλοσοφίαν».

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Отчет ПБ за 1911 г. стр. 45.

Лист был использован в качестве переплета, измят и разорван.

ПБ, греч. № 681.

189. Ирмологий. Отрывок. X—XI вв.

Пергамен. Минускул. Тип разлиновки I_{40a}. Нотация написана чер-
нилами и кинварью. Пометы Порфирия Успенского, на основании кото-
рых можно предполагать, что этот отрывок — из р-си библиотеки Лавры
св. Афанасия на Афоне № 152 [В 32].³

2 л. 19,5×15,1 и 14,0×10,0. 19 строк.

Содержит отрывок ирмоса на Рождество Христово.

Собр. Порфирия Успенского.

См. А. И. Пападопуло-Керамевс. Принцип церковно-византий-
ского нотного письма по данным славянских и греческих музыкально-
богослужебных памятников. ВВ, XV, 1908, стр. 69, со снимком.

ПБ, греч. № 361.

² В этой статье М. А. Шангина подробно рассматриваются схолии описываемого
кодекса. С соображениями М. А. Шангина по истории византийского минускула, со-
держащимися также в этой статье, я согласиться не могу.

³ См. M. Vogel und V. Gardthausen. Die griechische Schreiber des
Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909, S. 96 (=XXXIII. Beiheft zum Zentral-
blatt für Bibliothekswesen).

190. Минейя на март и апрель. Отрывок. X—XI вв.

Пергамен. Минускул. Мелкие киноварные инициалы. Тип разлиновки I_{2b}. На л. 50 об. грубый рисунок пером и помета «Ο αγιος Νηκολαος», сделанные в XVI—XVII вв. На л. 19 об.—20 об. пометы XVI—XVII вв., плохо читаемые, содержат, видимо, молитвы. В переплете XIX в.

89 л. пергаменных и 18 л. бумажных XIX в., вшитенных при переплете. 18,3×14,5 и 14,0×10,0. 27 строк.

Собр. Антонина Капустина. 'Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Θεοφάνης Σικελός. BZ, Bd. IX, 1900, S. 370—378; его же. Συγείδιασμα περί τῶν λειτουργικῶν μνηαίων. BB, I, 1894, стр. 341—388; его же. 'Αναστάσιος κοιαίστωρ ὁ μελωδός. BB, т. VII, 1900, стр. 43—59; Отчет ПБ за 1899 г. стр. 11.

Многие листы пергамена подклеены бумагой.

ПБ, греч. № 553.

191. Отрывок патристического содержания. X—XI вв.

Пергамен. Минускул. Этот лист вшитен в качестве παράφυλλα⁴ — защитного листа — в начале богослужебного бумажного сборника 1352 г.

1 л. 25,0×16,5 и 22,0×14,0. 2 столбца. 34—35 строк.

Текст отождествить не удалось ввиду плохой сохранности отрывка. Читаются отдельные слова и только один связный отрывок:

«... κατοικεῖν ἐν τῷ τόπῳ | καὶ ἐβόα τοῖς ἑτέροις αὐτοῦ | πνεύμασιν, ἦσαν γὰρ καταντήσαντες ἐκ χώρας μακράς. Τότε λέγει Εὐσέβιος | πρὸς Φίλιππον τὸν τίμιον ἱερέα' π(άτ)ερ τιμιώτατε...»

Лист покороблен, разорван, текст читается с трудом.

БАН, собр. А. А. Дмитриевского, № 20,
лист у верхней крышки переплета.

192. Отрывок какого-то поучения. X—XI вв.

Минускул. Имеется полусохранившийся киноварный заголовок. Тип разлиновки не определен, так как сохранился лишь обрезок листа.

1 л. 13,5×21,4 и 12,0×16,5. Сохранилось 13 строк.

Текст отождествить не удалось. В заголовке читаются только следующие слова: «Οὐ χρὴ τιμᾶς καὶ | ... ἐπιζητεῖν | ... ἀσκητῆν».

Собр. А. Пападопуло-Керамевса. Отчет ПБ за 1911 г. стр. 46. Лист загрязнен, пострадал текст.

ПБ, греч. № 685.

193. Патерик. Отрывок. 1004 г.

Пергамен. Минускул. Заголовки карминные. Тип разлиновки определить не удалось. Из р-си Синайского монастыря № 425 (448). Помета Порфирия Успенского: «Синай, 6512 года. Жития святых. 1004 г. по Рождестве Христове».

1 л. 32,4×22,5 и 23,5×18,5. 2 столбца. 29 строк.

Собр. Порфирия Успенского. В. Н. Бенешевич. Описание, т. 1, стр. 233—234 и 624; его же. Памятники Синая. II. Petropoli, 1912, tab. 44; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum. II. Mosquae, 1913, tab. 8.

ПБ, греч. № 381.

⁴ Παράφυλλα назывались защитные листы, вплетавшиеся между крышками переплета и прилегающими к нему первым и последним листами рукописей для защиты текста от трения деревянных досок, из которых обычно изготовлялся переплет. См. Σπ. Δάμπρος. Περί τῶν παλαιοφύκτων κωδίκων τῶν Ἀγιορειτικῶν Βιβλιοθήκων. Ἀθήνησι, 1888.

194. Евангельские чтения. Отрывок. 1019 г.

Пергамен. Минускул. Инициалы и экфонетические знаки писаны кармином. Тип разлиновки II_{32a}. Из р-си Лавры Саввы Освящ. № 144. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

4 л. 31,2×24,9 и 19,5×15,7. 2 столбца. 20 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1279, индекс I 1399; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla... II, tab. 9; K. and S. Lake. Dated Greek Minuscule Manuscripts to the year 1200. VI. Boston, Mass., 1936, p. 16; I, 1934, p. 10; 'Α. Παπαδόπουλος-Κεραμέυς. Τερροσ. Βιβλιοθήκη, τ. II, σελ. 226—229.

ПБ, греч. № 287

195. Евангельские чтения. 1020 г. Салерно.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы рисованы красками и киноварью. Тип разлиновки II_{4a} и II_{4b}. На л. 168 запись писца: 'Εγρά(φ)η χειρὶ Μιχαήλ | ταπεινοῦ καὶ ἁμαρτωλοῦ μο(να)χ(οῦ) καὶ ἀναξίου ἱερέως | ἐν ἐτει ςφκη' ἰνδ(ικτιῶνος) γ' (ἡλίου) κυ(κλω) δ' | (σελήνης) ια', ἐπὶ τ(ῆς) βασιλείας Βασιλείου κ(αί) Κωνσταντίνου | τῶν ἐκ θ(εο)ῦ ἐστεμμένων | μεγάλων βασιλέων καὶ αὐτωκρατωρων, ἡγεμονεύον(τος) | τῶν Ταλιανων (?) (πρωτο)σπαθ(αρίου) Ἰω(άννου) τοῦ βοθανου, καὶ ἐν ἡμ(εραῖς) Γοατημαρη προηκηπ(ος).

На л. 168 об. хронологические заметки писца Михаила. На л. 169 — имя писца, написанное тайнописью и тахиграфией. На л. 169 об., л. 170 и некоторых других листах р-си имеются латинские пометы XII в., пробы пера, греческий алфавит и т. п. Большая часть этих помет сделана лицом, изучавшим греческий язык и греческий алфавит. Греческие названия букв написаны по-латыни. Переплет из зеленого бархата, поздний.

170 л. (л. 170 наклеен на нижнюю крышку переплета). 19,0×15,0 и 13,5×11,0. 2 столбца, 19—20 строк.

Собр. П. П. Дубровского, чьи пометы «Ex musaeo Petri Dubrowsky» имеются на л. 1 и л. 168. Библиография р-си велика. G r e g o r y. Textkritik d. N. T. S. 408, 1228, индекс I 253; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla... II, tab. 10—10a; K. and S. Lake. Dated Greek... VI, pl. 427—429; M. Vogel und V. Gardthausen. Die griech. Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909, S. 323; V. Gardthausen. Griechische Paläographie, 2. Ausg., Bd. II. Leipzig, 1913, S. 315; idem. Zur byzantinischen Kryptographie. BZ, Bd. XIV, 1905, S. 617—619; K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts. Berlin, 1935, S. 85, taf. 87.

ПБ, греч. № 71.

196. Евангельские чтения. 1033 г.

Пергамен. Литургический минускул. Заголовки и инициалы писаны золотом. Киноварные экфонетические знаки. Тип разлиновки II_{24b}. На л. 397 об. запись писца: «'Ετελειώθ(η) μ(η)νι δεκ(εμβρίω) ᾧ ἰνδ(ικτιῶνος) β' ἔτ(ους) ςφμβ' ἐπὶ βα(σιλείας) Ῥωμ(ανοῦ)». На л. 398 об. две записи XIII—XIV вв., из которых одна запись не читается, а вторая гласит: Σίγ(ον) Καληνίχης αρχ(ι)μανδρίτης). Μη(νι) ιολιω ζ' τοῦ ἑξακῆς χιλιοστου φ' ἔτ(ους) κατὰ Καληνίχης) α(ρ)χ(ι)μανδρίτης) η τὸν ζωπιῶν στ(αυ)ρ(ο)ν τη οικια μου χειρη εγγα(ρα)ξας δέδοκα εἰς τὸν ναόν τοῦ αρχ(ι)στρατιγου Μ(η)χα(ήλ) τὸν ἀνόδινάμενων τήν (далее несколько слов не читается) χάρ(ιν) ψυχῆς μου σωτηρί(ας); конец записи также не читается.

Переплет — доски в коже, обтянутые шелковой тканью; на нижней доске сохранились два серебряных жука, на верхней — два шпенька для застежек.

395 л. $26,0 \times 20,0$ и $20,0 \times 14,5$. 2 столбца. 20 строк.

Поступило в Санкт-Петербургскую Духовную академию в 1865 г. из Костомонидского монастыря на Афоне. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1278, индекс I 1391; А. Родосский. Греческое рукописное евангелие первой половины XI века, хранящееся в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной академии. «Христианское чтение», 1892, январь—февраль, стр. 90—102; его же. Описание 432 рукописей Санкт-Петербургской Духовной академии. СПб., 1894, стр. 12; K. and S. Lake. Dated Greek. . . , VI, pl. 430—432; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla. . . , II, tab. 11.

Утрачено 2 л. в начале и некоторые листы в середине; многие листы выпадают.

ПБ, Собр. Санкт-Петербургской Духовной академии, Б1, № 2.

197. Евангельские чтения. Отрывок. 1033 г.

Пергамен. Минускул. Киноварные акфонетические знаки. Рубрики. Тип разлиновки II_{19d}. Из р-си Синайского м-ря № 231.

1 л. $26,1 \times 20,5$ и $19,0 \times 13,5$. 2 столбца. 25 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, т. 1, стр. 115, 613; его же. Памятники Синая, II, tab. 45; Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1279, индекс I 1400.

ПБ, греч. № 288.

198. Евангельские чтения. Отрывок. 1039 г.

Пергамен. Минускул. Тип разлиновки определить не удалось. Инициалы рисованы красками. Киноварные акфонетические знаки. Из р-си Синайского м-ря № 223.

1 л. $29,0 \times 22,7$ и $22,0 \times 10,5$. 2 столбца. 24 строки.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, т. 1, стр. 614; его же. Памятники Синая, II, tab. 46; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla. . . , II, tab. 12; Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1280, индекс I 1401.

ПБ, греч. № 289.

199. Евангелие от Луки, VIII₈₋₁₄. 1043 г.

Пергамен. Минускул. Листы не разлинованы. Греческий текст с арабским переводом, расположенным в правом столбце. В обложке с пометой Порфирия Успенского о том, что эти листы — из библиотеки монастыря св. Гроба в Иерусалиме. Из р-си Парижской Национальной библиотеки, Suppl. Grec. № 911.

2 л. $17,5 \times 13,8$ и $12,0 \times 9,0$. 2 столбца. 17—18 строк.

Собр. Порфирия Успенского. K. and S. Lake. Dated Greek. . . , IV, pl. 265 и 283; Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1196, индекс e 2152.

ПБ, греч. № 290.

200. Дионисий Ареопагит. Περί οὐρανίου ἱεραρχίας со схолиями св. Максима. 1048. Студийский м-рь.

Пергамен. Минускул. Схолии тем же почерком, что и текст, но с большим числом сокращений. Тип разлиновки определить не удалось. Помета Порфирия Успенского с датой и указанием, что р-сь эта написана при

игумене Студийского м-ря Михаиле. Из р-си Синайского м-ря № 356 (319). 1 л. $29,0 \times 22,0$ и $14,5 \times 11,0$ (без схолий). 20 строк.

Текст см. PG, t. 3, p. 137_C—140_B от слов «... τὸ δὲ, καὶ εἰς τὰς θείας ἀδέσμως ἐξουβρίζειν» до слов «... αἰδεῖσθαι λέγων ἀνατιθέναι τὰ...» Схолии см. PG, t. 4, p. 37_C—40_B от слов «... καὶ τὸ ὀρνιθείας» до слов «... περὶ διαφοράς οὐσίας καὶ ὑποστάσεως».

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, т. 1, стр. 618; его же. Памятники Синая, II, tab. 48.

ПБ, греч. № 327.

201. Миния служебная на март. Отрывок. 1049 г.

Пергамен. Минускул. Тип разлиновки определить не удалось. Из р-си Синайского м-ря № 159 (595). Помета Порфирия Успенского с указанием даты р-си.

1 л. $26,4 \times 19,4$ и $18,5 \times 14,0$. 30 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, т. 1, стр. 129 и 619; его же. Памятники Синая, II, tab. 49; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla. . . , II, tab. 13.

ПБ, греч. № 350.

202. Григорий Богослов. Отрывок из беседы 'Εἰς τὰ ἄγια φῶτα. 1051 г.

Пергамен. Минускул. Инициалы писаны золотом. На л. 1 в нижнем правом углу писцом помечена тетрадь: ΤΘ. Тип разлиновки не определен. Помета Порфирия Успенского с датировкой р-си 999 годом и указанием, что она хранится на Синае. Из р-си Синайского м-ря № 360 (342).

1 л. $28,6 \times 23,3$ и $20,5 \times 15,5$. 2 столбца. 25 строк.

Текст см. PG, t. 36, p. 357_B—360_A от слов «Ἀλλὰ Ναυάτος» до конца беседы.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, т. 1, стр. 618; его же. Памятники Синая, II, tab. 50; K. and S. Lake. Dated Greek. . . , VI, pl. 448, p. 16, с указанием, что определить, к какой именно р-си Синайского м-ря принадлежит этот лист, не удалось.

ПБ, греч. № 330.

203. Чтения из апостола. Отрывки. 1053 г., Город Далисанд в Каппадокии.

Пергамен. Минускул. Инициалы рисованы красками. Карминные экфонетические знаки и заголовки. Тип разлиновки II_{17b}. Помета Порфирия Успенского: «6561 года Синай. 1053 г. по Р. Х.» Из рукописи Синайского м-ря № 125 (293).

2 л. $22,8 \times 16,5$ и $16,1 \times 10,5$. 2 столбца. 21 строка.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1281, индекс Ia 1413; Бенешевич. Описание, т. 1, стр. 122, 615; его же. Памятники Синая, II, tab. 51; K. and S. Lake. Dated Greek. . . , VI, p. 16, pl. 449, с пометой, что принадлежность этих листов к какой-либо р-си Синайского м-ря установить не удалось.

ПБ, греч. № 318.

204. Четвероевангелие. 1054 г.

Пергамен. Минускул. На л. 3, 74, 120 и 196 имеются небольшие заставки и инициалы в красках. Оглавления евангелий и мелкие инициалы писаны кармином. Тип разлиновки близок к типу I_{40c}. На л. 252 запись писца: «† Ἐτελειώθη σὺν θ(ε)ῶ τὸ παρὸν τετρα|ἄγγελον διὰ χειρὸς | Γερμ(ανοῦ) (μονα)χ(οῦ) συνδρο|μῇ δὲ καὶ πόνῳ Ἰωάννου μοναχ(οῦ) | καὶ πρεσβυτέρου. Οἱ ἀναγινώσκον|τες) εὐχεσθ(ε) ἀμφοτέρους διὰ τὸν κ(ύριο)». † | Ἐγράφει δὲ ἐν ἔτει τὸ ςφξβ̄ ἰνδ(ικτιῶνος) ς̄ μ(ηνί) ἰαννουαρίῳ ἸΒ. †» На л. 216 об. к Ев. от Иоанна VIII₁₋₁₁ (притча о блуднице) рукой писца сделана помета: «Τοῦτο τὸ κ(ε)φάλαιον) | εἰς τὰ ἀρχαῖα τετρα|ἄγγελα | εὐρηται». На л. 252 об. отрывок из латинского евангелия, написанный каролингским минускулом XI в. В переплете из тисненой кожи с застежками.

252 л. 17,0×12,8 и 12,0×8,0. 22 строки.

Происхождение рукописи не установлено. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1199, индекс e 2181; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla. . ., II, tab. 14; Отчет ПБ за 1902 г. стр. 181.

Текст в начале рукописи подновлен.

ПБ, греч. № 643.

205. Паремейник. 1054 г.

Пергамен. Минускул. Заставки, заголовки и инициалы карминные. Тип разлиновки II_{4b}. На л. 156 об. запись писца: «Ἐγράφη σὺν θ(ε)ῶ αὐτῇ ἡ προφητεία | εἰς τὴν μονὴν τ(ῆς) | Θ(εο)τόκου τοῦ Καλαμό(νος) | διὰ χειρὸς Σεργίου με(να)χ(οῦ) | ἁμαρτωλοῦ τ(ῆς) σεβασμ(ίας) τοῦ | Ἀνεμᾶ λαύρας τῆς | εἰς τὸν Ὀλομπον Βη|θυνίας ἐπαρχίας | μ(ηνί) ἰουλ(ίῳ) ἰνδ(ικτιῶνος) ς̄ | ἔτους ςφξβ̄. | Οἱ ἐν αὐτῇ ἐντυγχάνοντες, εὐχεσθῆ| με διὰ τὸν κ(ύριο)».

В начале вшитен бумажный лист со следующей пометой Порфирия Успенского: «Эта книга Бытия, притчей и пророчеств, сличена мною с подобною книгою, написанною в X веке и хранящеюся в Солунском монастыре, прозываемом Влантион—Чауш. Разночтения отмечены на полях ея. А что вписано здесь на белом пергамене, то взято из Византийской же рукописи. А. Порфирий. 1864 года 30 ноября. Александроневская Лавра». Встречаются арабские пометы. В переплете XIX в.

156 л. и 20 л. с записями Порфирия, всего 176 л. 24,0×18,0 и 16,5×12,5. 2 столбца. 22—24 строки.

Собр. Порфирия Успенского. Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS. d. A. T., S. 225—226, 440, без индекса; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla. . ., II, tab. 15; K. and S. Lake. Dated Greek. . ., VI, pl. 433.

ПБ, греч. № 217.

206. Псалтирь. Отрывок. 1054 г.

Пергамен. Минускул. Три миниатюры на золотом фоне. Киноварные заголовки. Тип разлиновки I_{26c}. Из р-си м-ря св. Гроба № 53. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

4 л. 18,5×17,0 и 11,5×12,0. 18 строк.

Содержание: Псалом LXXIV₁₀—LXXV₁₂; CXVII₁₅—CXVIII₁₁ и отрывок последования к причащению.

Собр. Порфирия Успенского. Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσόλ. Βιβλιοθήκη, 1, σελ. 130—134; Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS. d. A. T., S. 85, 229, 357, 394, индекс 1074; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1. М., из-во «Искусство», 1947, стр. 303, табл. 85.

ПБ, греч. № 266.

207. Ефрем Сирин. Творения. 1057 г.

Пергамен. Минускул. Тип разлиновки П_{34е}. Рубрики. Небольшие заставки, рисованные чернилами и киноварью. На л. 185 запись писца: «Ἐτελιώθη τὸ βιβλίον πε(ρι) ἔχων λόγους τοῦ ὁσ(ίου) π(ατ)ρ(ὸς) ἡμῶν Ἐφραίμ μηνί | ιουνίῳ εἰς τὰς 1ε ἡμέρα | δευτέρα ὥρα | θ' ἰνδ(ικτιῶνος) 1α ἔτους | ς φε. К(ύρι)ε, φύλαξαι | καὶ σκέπη τῷ καλεεργίσαντι αὐτῷ(ν)». Далее помета другой рукой, также XI в.: «Πέτρου (καὶ) Βασιλείου μοναχ(ῶν) | (καὶ) πρεσ(βυ)τ(έ)ρ(ων) κ(ύρι)ε σῶσον αὐτοὺς πρεσβείαις τοῦ ὁσ(ίου) π(ατ)ρ(ὸς) ἡμῶν Ἐφραίμ (?) ἀμήν». Конец этой записи читается с трудом. Имеются пометы к тексту. На л. 185 об. имеются позднейшие пометы, часть которых не читается. На л. 78 помета «Θεοδοσί(ου) (μονα)χ(οῦ)»; по предположению Бенешевича, эта помета сделана той же рукой, которая подновляла текст.

185 л. 34,7 × 20,5 и 24,5 × 17,5. 2 столбца. 32 строки.

Содержание: л. 1. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸς) ἡμῶν Ἐφραίμ | λόγος ἀσκητικὸς περὶ τοῦ | τέλειον εἶναι τὸν μοναχ(όν). Βιβλίον δεύτερον; л. 10 об. Περί τῆς θείας χάριτος; л. 19. Τοῦ αὐτοῦ περὶ ἀρετῶν καὶ | κακιῶν; л. 20. Περί φόβου θ(εοῦ); л. 20 об. Περί ἀφοβίας; л. 20 об. Περί ἀγάπης; л. 21. Περί τῶν μὴ ἐχόντων ἀγάπην; л. 21 об. Περί μακροθυμίας; л. 22. Περί ὑπομονῆς; л. 22 об. Περί τοῦ μὴ ἐχόντος ὑπομον(ῆς); л. 23. Περί ἀοργησίας; л. 23. Περί ὀξύχολίας; л. 23 об. Περί πραότητος; л. 24. Περί πονηρίας; л. 24 об. Περί ἀληθείας; л. 25. Περί ψεύδους; л. 25. Περί ὑπακοῆς; л. 25 об. Περί ἀνυποταξίας καὶ γογγυσμοῦ; л. 26. Περί τοῦ μὴ ἔχειν ζῆλον ἢ φθόνον; л. 26 об. Περί φθόνου καὶ ζήλου; л. 27. Περί τοῦ μὴ εἶναι λοιδορὸν; л. 27 об. Περί λοιδορίας καὶ λοιδορῶν; л. 28. Περί ἐγκρατείας; л. 28 об. Περί ἀκρασίας; л. 30. Ἐλεγχος αὐτῶν καὶ ἐξομολόγησις; л. 33 об. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς καθαιρεῖσιν ὑπερηφανίας; л. 37. Τοῦ αὐτοῦ λόγος προτρεπτικὸς εἰς μετάνοιαν; л. 45 об. Τοῦ αὐτοῦ λόγος ἀσκητικὸς | πολλὴν ἔχων παράκλησιν | καὶ κατάνυξιν τοῖς σώζεσθαι βουλομένοις; л. 63 об. Τοῦ αὐτοῦ κατὰ μίμησιν τῶν παροιμιῶν; л. 64. Περί φόβου; л. 92. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς διόρθωσιν | τῶν ἐμπαιθῶς διαγόντων | καὶ τιμὰς ἀπαιτούντων; л. 97. Τοῦ αὐτοῦ περὶ τῶν παθῶν; л. 99. Τοῦ αὐτοῦ εἰλεγχος εἰς αὐτὸν | καὶ ἐξομολόγησις καὶ περὶ προνοίας; л. 116. Τοῦ αὐτοῦ περὶ μετаноίας; л. 120 об. Τοῦ αὐτοῦ περὶ κατανύξεως; л. 123 об. Τοῦ αὐτοῦ λόγος κατανυκτικὸς; л. 125. Λόγος ἕτερος; л. 128. Τοῦ αὐτοῦ λόγος παραινετικὸς; л. 132. Τοῦ αὐτοῦ περὶ φόβου ψυχῆς; в конце этого слова вырезан 1 лист и вставлен бумажный лист с текстом XIV в.; текст на л. 133 об. перечеркнут, видимо, тогда же, когда был заменен последний лист этого слова; л. 135. Εὐχὴ ἐκ τῆς διδασκαλίας τοῦ | ἁγίου Ἐφραίμ; л. 135 об. Τοῦ αὐτοῦ ὑπομνηστικόν; л. 139 об. Τοῦ αὐτοῦ περὶ ψυχῆς δ'τ'ἂν | πειράζεται ὑπὸ τοῦ ἐχθροῦ, | πῶς ὀφείλει μετὰ δακρύων | τῷ θεῷ προσεύχεσθαι; л. 143. Τοῦ αὐτοῦ πε(ρι) κρίσεως καὶ κατανύξεως; л. 148 об. Τοῦ αὐτοῦ περὶ ὑπομονῆς; л. 153. Τοῦ αὐτοῦ περὶ ταλανισμῶν καὶ μακαρισμῶν; л. 154 об. Τοῦ αὐτοῦ ἐξομολόγησις ἡ|γουν προσευχῇ πρὸς θ(εόν); л. 156 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὴν δευτέραν | παρουσίαν τοῦ κ(υρίου) ἡμῶν | Ἰησοῦ Χριστοῦ; л. 160. Τοῦ αὐτοῦ περὶ πίστεως; л. 163 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς πατέρας | τελειωθέντας; л. 166 об. Τοῦ αὐτοῦ λόγος ἕτερος εἰς | πατέρας τελειωθέντας; л. 170 об. Τοῦ αὐτοῦ λόγος τετρασύλλαβος; л. 171. Τοῦ αὐτοῦ λόγος ἐπτά | σύλλαβος; л. 172. Διαθήκη τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς | ἡμῶν Ἐφραίμ. Тексты отождествить не удалось, так как в ленинградских библиотеках нет печатного издания творений Ефрема Сирина.

Собр. Порфирия Успенского. Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exemplar..., II, tab. 16.

Чернила потускнели, местами подновлены.

ПБ, греч. № 232.

208. Четвероевангелие с толкованиями. 1061 г.

Пергамен. Минускул. Схолии написаны курсивом с большим числом сокращений, причем подлежащие толкованию фразы евангельского текста выделены тусклой киноварью. Текст связан со схолиями небольшими киноварными значками. Имеются четыре миниатюры с изображениями евангелистов. Заставки и инициалы рисованы золотом и красками. Тип разлиновки близок к типу I_{46a}. Имеются записи писца: л. 4 об. † Τῶι συντελεσθῆι τῶν καλ(ῶν) θ(ε)ῶι χάρις, | κ(ύρι)ε βοήθει τῶι σῶι καὶ ἀχρεῖωι δοῦλωι Νικολά(φ) | μοναχῶι τῶι ταύτην τινι βίβλον γράψαντι; тот же лист, киноварью: † Ἐγράφη ἡ παρούσα βί(βλος) μὴ(νι) νο(εμβρίφ) πρώτῃ ἰνδικ(τιῶνος) ιε ἐν ἔτει ςφο †; л. 344. Θ(εο)ῦ μὲν λόγοι καὶ πόνος Νικολά(ου) | . Θ(εο)ῦ τὰ πάντα καὶ λόγοι τὲ καὶ κτίσ(ις). Также имеются следующие позднейшие приписки: лл. 1—1 об. XIV—XV вв. 1) «Ευ(αν)τ(е)-λ(і)е сѣ тлкованіем»; 2) Тетрѣв(а)нгель крьчскы сѣ тлкованіе. Судя по письму этих приписок писавший был серб, родом из Боснии; л. 5. Ἦσει ἁψνζ-ω ἀπὸ Χ(ριστο)ῦ τὴν δὲ τὴν βίβλον ἐκτίσάμην, | ἀντ' αὐτῆς οἰκοδομῆσαι ὑποσχόμενος τῷ δόντι μοι | αὐτὴν Σωφρονίῳ ἱερομονάχῳ παρακλή. . . ἐν τῇ|κέλλῃ αὐτοῦ, τῇ κατὰ τὴν σκῆτῃν τοῦ ἁγίου Παύλου ἐπ' ὀνό|ματι τοῦ θαυματουργοῦ Σπορίδωνος. Εὐγένιος ἱεροδιάκονος | ὁ Βούλγαρις. Переплет — доски в тисненой коже, XVI—XVII вв.

357 л. 25,6 × 18,0 и 10,0 × 11,0 (измерен размер текста без схолий). 14 строк текста и 51 строка схолий.

Происхождение р-си установить не удалось. Gregory. Textkritik d. N. T. Ss. 204, 1108, индекс е 569; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1, стр. 108, 312, табл. 128; архим. Амфилохий. О миниатюрах и украшениях в греческих рукописях. М., 1870, стр. 19—22; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla. . . , II, tab. 17; M. V o g e l und V. G a r d t h a u s e n, Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig. 1909, S. 362 (-XXXIII. Beiheft zum Zentralblatt für Bibliotheksweisen).

Переплет отстает; листы покороблены; листы в начале и в конце повреждены червями.

ПБ, греч. № 72.

209. Евангелие. Отрывок. 1067 г. Синай

Пергамен. Минускул. Миниатюры: 1) л. 2об. Христос, благословляющий мужчину, над головой которого надпись «Θεόδωρος πατρίκιος καὶ τοποτηρητής ὁ Γαβρᾶς δ(οῦ)λ(ος) Χ(ριστο)ῦ»; 2) л. 3. Богоматерь, ведущая за руку женщину, над головой которой надпись «Θ(εο)τ(е), βοήθ(еи) τῇ σῇ δούλῃ Εἰρήνῃ τῇ Γαβραβας»; 3) л. 3 об. Пять медальонов с погрудными изображениями архангела Михаила (в центре) и апостолов Петра, Павла, Варфоломея и Фомы. Тип разлиновки определить не удалось. Из р-си м-ря св. Екатерины на Синае № 172.

Зл. 21,0 × 15,0 и 14,1 × 9,0. 25 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1196, индекс е 2153; Бенешевич. Описание, т. 1, стр. 94, 614—615; его же. Памятники Синай, II, tab. 53; Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас. Ч. 2. СПб., 1906, № 699; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1, стр. 316.

ПБ, греч. № 291.

210. Иоанн дамаскин. Диалектика и догматика. 1069 г.

Пергамен. Минускул. На л. 2 имеются заставка и инициал, рисованные золотом и красками. Заголовки писаны киноварью. Тип разлиновки II_{24b}. На л. 282 — запись писца: «Ἐτελείωθη σὺν θ(ε)ῶ | ἡ βί(βλος) αὐτῇ μηνὶ μαῖω | κβ̄ ἐν ἰνδ(ικτιῶνι) ζ̄ ἔτει ςφοζ̄ | ἐν τετραδί(ων) ε̄ καὶ λ̄». На том же листе рукой XII в. сделаны пометки: 1) «ὁμοῦ φύλα σπα»; 2) «τῶ μὲν δακτύλοις γράψαν(ες) τῶ κεκτημ(έν)ω...» (конец не читается). На л. 282 об. помета XIII—XIV вв.: «Βιβλίον τοῦ Μετ(εώρου», откуда следует, что эта рукопись принадлежала Метеорскому монастырю. На л. 41 помета XII в. «Νικόλαος» (конец не читается). Встречаются пометы к тексту XII—XIV вв. В бархатном переплете XVIII—XIX вв.

282 л. 31,2 × 23,5 и 23,0 × 16,0. 2 столбца. 22 строки.

Содержание: л. 1—1 об. Πίναξ σὺν θ(ε)ῶ τῶν ρν κε(φαλαίων) | τοῦ ἀγίου Ἰω(άννου) τοῦ Δαμασκηνοῦ; лл. 2—4 об. Предисловие. Текст см. PG, t. 94, p. 521_A—525_A; лл. 4 об.—5 об. Ᾱ. Πε(ρι) τοῦ ὄντος, οὐσίας | τε καὶ συμβεβηκότος. Текст см. там же, p. 537_C—540_A; лл. 5 об.—9 об. Β̄ Πε(ρι) γένους καὶ εἶδους, | τοῦ γενικωτάτου, | καὶ τοῦ εἰδικωτάτου, | καὶ τῶν ὑπαλλήλων. Текст см. там же, p. 568_B—573_A; лл. 9 об. Γ̄. Πε(ρι) ἀτόμου. Текст см. там же, p. 573_{A-B}. Конец утрачен, обрывается на словах «...ὅπερ τέμνεται»; лл. 10—11 об. Πε(ρι) διαιρέσεως. Заголовок и первые слова утрачены, начинается со слов «[Πρώ]τῃ τομῇ τοῦ πρ[ά]γματος». Текст см. там же, p. 549_B—552_B, причем текст описываемой рукописи несколько отличается от печатного текста; лл. 11 об.—12. ΙΕ̄. Πε(ρι) τοῦ φύσει προτέρου. Текст см. там же, p. 552_{B-C}; лл. 12—14. ΙΣ̄. Πε(ρι) ὀρισμοῦ. Текст см. там же, p. 552_D—556_B; лл. 14—14 об. ΙΖ̄. πε(ρι) ὁμωνύμων. Текст см. там же, p. 596_{A-C}; лл. 14 об.—15. ΙΗ̄. Πε(ρι) συνωνύμων. Текст см. там же, p. 600_B; лл. 15—15 об. ΙΘ̄. Πε(ρι) πολυωνύμων. Текст см. там же, p. 600_C; л. 15 об. Κ̄. Πε(ρι) ἐτέρων καὶ ἐτε(ρ)ωνύμων. Текст см. там же p. 600_{C-D}; лл. 15 об.—16. ΚᾹ. Πε(ρι) παρωνύμων. Текст см. там же, p. 601_{A-B}; лл. 16 об.—17. ΚΒ̄. Πε(ρι) τῶν δέκα γενικωτάτων γενῶν. Текст см. там же, p. 601_{B-D}; лл. 17—17 об., 26. ΚΓ̄. Πε(ρι) ὁμογενῶν καὶ ὁμοειδ(ῶν), | ἑτερογενῶν καὶ ἑτεροειδ(ῶν), | ἀριθμῶ διαφερόντων. Текст см. там же, p. 601_D—604_D; л. 26—26 об. ΚΔ̄. Πε(ρι) τοῦ ἐν τινί. Текст см. там же, p. 605_{A-B}; лл. 26 об.—27. ΚΕ̄. Ἐτι πε(ρι) οὐσίας. Текст см. там же, p. 605_{B-C}, причем слова, помещенные в квадратных скобках, в рукописи отсутствуют; л. 27—27 об. ΚΣ̄. Πε(ρι) φύσεως. Текст см. там же, p. 605_C—608_A; лл. 27 об.—28 об. ΚΖ̄. Πε(ρι) μορφῆς. Текст см. там же, p. 608_A—612_A; лл. 28 об.—29 об. ΚΗ̄. Πε(ρι) ὑποστάσεως. Текст см. там же, p. 612_A—613_A; лл. 29 об.—30. ΚΘ̄. Πε(ρι) προσώπου. Текст см. там же, p. 613_{A-C}; л. 30—30 об. Λ̄. Πε(ρι) ἐνυποστάτου. Текст см. там же, p. 616_A—617_A; л. 31. ΛᾹ. Πε(ρι) ἀνυποστάτου. Текст см. там же, p. 617_A; л. 31. ΛΒ̄. Διαίρεσις τοῦ ὄντος καὶ | τῆς οὐσίας. Текст см. там же, p. 617_{A-B}; лл. 31—33. ΛΓ̄. Ἡ οὐσία γενικώτατον γένος ἐστὶ, καὶ διαιρεῖται εἰς σῶμα καὶ ἀσώμα(τον). Текст см. там же, p. 617_B—621_B; лл. 33—34. ΛΔ̄. Ἐτι πε(ρι) ὁμογενῶν καὶ ὁμοειδῶν,

ἐτερογενῶν τε καὶ | ἐτεροειδῶν καὶ ὁμοῦποσάτων, καὶ ἀριθμῷ διαφερόντων. Текст см. там же, р. 621_C—624_A; лл. 34—38. $\overline{\Lambda\Xi}$. Πε(ρι) ποσοῦ καὶ ποσότητος. Текст см. там же, р. 624_B—628_C; лл. 38—40. $\overline{\Lambda\zeta}$. Πε(ρι) τῶν πρὸς τι. Текст см. там же, р. 628_D—632_C; лл. 40—45. $\overline{\Lambda\zeta}$. Πε(ρι) ποιоῦ καὶ ποιότητος. Текст см. там же, р. 632_C—640_A; лл. 45—46 об. $\overline{\Lambda\eta}$. Πε(ρι) τοῦ ποιεῖν καὶ πάσχειν. Текст см. там же, р. 640_{A-C}; лл. 46 об.—47. $\overline{\Lambda\theta}$. Πε(ρι) τοῦ κεῖσθαι. Текст см. там же, р. 641_{A-B}; л. 47—47 об. \overline{M} . Πε(ρι) τοῦ ποῦ. Текст см. там же, р. 641_{B-C}; л. 47 об. \overline{MA} . Πε(ρι) τ(οῦ) πότε. Текст см. там же, р. 641_C; лл. 47 об.—48. \overline{MB} . Πε(ρι) τοῦ ἔχειν. Текст см. там же, р. 641_C—644_A; лл. 48—50. \overline{MT} . Πε(ρι) ἀντικειμένων. Текст см. там же, р. 644_A—645_B; лл. 50—51 об. \overline{MD} . Πε(ρι) ἔξεως καὶ στερήσεως. Текст см. там же, р. 645_B—648_A; лл. 51 об.—52 об. \overline{MC} . Πε(ρι) προτέρου καὶ | ὑστέρου. Текст см. там же, р. 648_A—649_A; лл. 52 об.—53. $\overline{M\Sigma}$. Πε(ρι) τοῦ ἄμα. Текст см. там же, р. 649_{A-B}; лл. 53 об.—55 об. \overline{MZ} . Πε(ρι) κινήσεως. Текст см. там же, р. 649_B—653_A; лл. 55 об.—56 об. \overline{MH} . Πε(ρι) τοῦ ἔχειν. Текст см. там же, р. 653_{A-C}; лл. 56 об.—57. $\overline{M\theta}$. Πε(ρι) ἀποφάσεως καὶ καταφά(σεως). Текст см. там же, р. 653_{C-D}; лл. 57—60 об. \overline{N} . Πε(ρι) ὅρου καὶ προτάσεως καὶ | συλλογισμοῦ. Текст см. там же, р. 653_D—660_C; лл. 61—62. Без номера главы. Πε(ρι) ἐνώσεως. Текст см. там же, р. 661_B—665_A, от слов «ἐνώσις γίνεται» до слов «τὰ νοητά»; лл. 62—64. Без номера главы и без киноварного заголовка. Ὅρι(σμοί) δὲ τῆς φιλοσοφίας εἰσὶν ἕξ. Текст см. там же, р. 669_B—673_A; лл. 64—66. Ἐτι πε(ρι) τῆς | καθ' ὑπόστασιν ἐνώσεως. Текст см. там же, р. 665_A—669_B; лл. 66—282. \overline{NA} . Τοῦ αὐτοῦ Ἰωάννου | ἔκδοσις ἀκριβῆς τῆς | ὀρθοδόξου πίστεως, ὅτι ἀκατάληπτον θεῖον, καὶ ὅτι οὐ δεῖ ζητεῖν | καὶ περιεργάζεσθαι τὰ μὴ παραδεδομένα | ἡμῖν ὑπὸ τῶν ἀγίων | προφητῶν καὶ ἀποστόλων καὶ ἀγίων εὐαγγελιστῶν. Текст см. там же, р. 789_A—1228_A, с незначительными отличиями от печатного текста и пропуском главы Πε(ρι) πελάγων (PG, t. 94, р. 905_B—908_A) и главы Πε(ρι) πίστεως καὶ βαπτίσματος. (PG t. 94, р. 1117_B—1125_B).

Собр. П. П. Дубровского, пометы которого «Ex musaeo Petri Dubrowsky» встречаются на разных листах описываемой р-си. Ранее р-сь хранилась во Франции, в библиотеке герцога Coislin. См. B. de Montfaucon, Bibliotheca Coisliniana olim Segueriana. Paris, 1715, р. 143, № 91; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla. . . , II, tab. 18.

ПБ, греч. № 73.

211. Псалтирь. Отрывок. Около 1074 г.

Пергамен. Минускул. Имеются три миниатюры, одна из которых не закончена. Рубрики. Тип разлиновки I_{38d}. Из р-си Синайского монастыря № 48.

3 лл. 19,3 × 15,0 и 13,0 × 10,5. 16—19 строк.

Содержание: Псалом XXXVI₁₁₋₂₁, XXXVII₂₂—XXXVIII₁₀; LII₂—LIII₈.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, т. 1, стр. 609; его же. Памятники Синая, II, tab. 52 и 54; K. and S. Lake. Dated Greek . . . VI, pl. 450, с указанием (р. 16), что отождествить этот отрывок с какой-либо

псалтирью Синайского м-ря не удалось; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. *Exempla...*, II, tab. 19; R a h l f s. Verzeichniss d. griech. HSS. d. A. T., S. 229, 288, 360, 394, индекс 1198.

ПБ, греч. № 267.

212. Евангельские чтения. Отрывок. 1077 г.

Пергамен. Минускул. Киноварные экфонетические знаки. Тип разлиновки определить не удалось. Имеется помета Порфирия Успенского с указанием, что этот лист взят из р-си, хранящейся в Каире. По Бенешевичу — из р-си Berolin. graec. oct. № 3.

1 л. 13, 7×9,4 и 8,3×6,0. 16 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1280, индекс 1 1402; В. Н. Бенешевич. Памятники Синая, II, tab. 71; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. *Exempla...*, II, tab. 20.

ПБ, греч. № 292.

213. Псалтирь. Около 1080 г. [Константинополь.]

Пергамен. Минускул. Заставки и инициалы рисованы золотом и красками. Заголовки писаны золотом. В некоторые инициалы вписаны маленькие миниатюры. На л. 328 об. — почти целиком стершееся изображение царя Давида. На лл. 295 об. — 296 об. и лл. 151—152 текст расположен в виде креста с лепестками по углам. Тип разлиновки I_{1c}.

Переплет XV—XVI вв., доски в тисненой коже с жуками. На нижнем обрезе листов помета чернилами: *Ψαλτήριον*.

329 л. 17,5×12,5 и 12,5×7,0. 18 строк.

Собр. Н. К. Николаидеса. Литература об этой р-си довольно велика. См. В. Н. Лазарев. Царьградская лицевая Псалтирь XI в. ВВ, III, 1950, стр. 211—217, со снимками; R a h l f s. Verzeichniss d. griech. HSS. d. A. T., S. 224, 359, 393, индекс 1155, с датировкой X веком.

ПБ, греч. № 214.

214. Житие св. Евфимии. Отрывок. 1090 г.

Пергамен. Минускул. Тип разлиновки II_{19b}. Из р-си Πανηγυρικόν, Лавра Саввы Освященного № 259. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

2 л. 24,8×19,8 и 18,0×13,5. 2 столбца. 27 строк.

Текст отличается от текста, напечатанного в PG, t. 115, p. 713—732. Начало: «με τὴν ταπινὴν | καὶ ἀθλήαν σου δουλῆν* | καὶ ἀφάρπασόν με | ἀπὸ τοῦ χάους τοῦ | ἀνοσίου τοῦτου»; Конец: «Καὶ λέγει αὐτοῖς· θύσατε τῷ θε(ε)ῷ Ἀβριεῖ. Οἱ δὲ λέγουσιν αὐτῷ· ἤμεῖς, ἀνθρώποις, πλανηθέντες τὸ πρὶν ὑπὸ τοῦ ἐσχοτῆσμένου ἐχθροῦ».

Собр. Порфирия Успенского. Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Τερον. Βιβλιοθήκη, т. II, σελ. 384—388; M. Vogel und V. Gardthausen. Die griech. Schreiber des Mittelalters und der Renaissance, S. 66 (с неверным шифром 367); Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. *Exempla...*, II, tab. 21.

ПБ, греч. № 376.

215. Апостола Павла послание к евреям. Отрывок. 1099 г. (?)

Пергамен. Книжный курсив. Тип разлиновки не определен ввиду нечеткости сохранившихся линеек. Заголовок и инициалы написаны кармином; заголовок на л. 1 помазан темно-желтой краской. На л. 1 и л. 2 латинские пометы XII в.: «Ad Heb(raeos)». На обложке помета

Порфирия Успенского с датой и указанием, что этот отрывок «из нижней библиотеки Лавры Саввы».

2 л. 20,8×15,5 и 15,8×10,5. 31 строка.

Собр. Порфирия Успенского. Отожествить этот отрывок с какой-либо из рукописей Лавры Саввы Освященного не удалось. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1197, индекс 2163; K. and S. Lake. Dated Greek. . . , VI, pl. 445.

ПБ, греч. № 319

216. Василий Великий. Беседы на псалмы XIV, XXVIII и XXIX. XI в.

Пергамен. Минускул. Заголовки написаны чернилами. Тип разлиновки I_{28c}. На полях встречаются пометы, сделанные, вероятно, рукой писца: Ση(μείωσαι), ὡρ(αῖον), ὄρα, ἔλ(ον) φοβερόν. В переплете XIX в.

22 л. 32,5×23,5 и 21,5×15,5. 20—24 строки.

Текст см. PG, t. 29, p. 268_B—288_C от слов «πρὸς τὴν παροῦσαν ἀνάγκην» до слов «... τὸ τῆς φωνῆς ὄνομα»; p. 292_B—300_C от слов «Διὰ τοῦτο οὐκ ἐν τῷ τοῦόντι» до слов «ὅταν οὖν ἴδωμέν τινα ἀν(θρώπ)ον θ(εο)ῦ τέ[λειον]»; p. 304_A—308_B от слов «τοῦ πν(εύματος): ὄρα μήποτε ἀπέλθῃς» до слов «...καὶ πᾶσαν | δὲ ἀρμόζουσαν τοῖς πράγμασιν ἡμῶν».

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Отчет ПБ за 1911 г. стр. 40—41.

ПБ, греч. № 678.

217. Сборник Бесед Василия Великого и Житий. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Рукопись написана двумя писцами. Заставки и инициалы рисованы чернилами и красной краской. На л. 36 — рисунки пером, добавленные позднее. Тип разлиновки близок к типам II_{38a} и II_{39a}. На л. 33 об. помета XIII—XIV вв.: Ἰω(άννης) ὁ Γραμμαρηνотис (подпись владельца рукописи?). В переплете XIX в.

43 л. 27,8×21,2 и 23,0×15,0. 2 столбца. 32 строки.

Содержание⁵: л. 1. Оглавление сборника. Текст стерт, читаются лишь написанные кармином номера глав и заголовки в начале: Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὶ)ς ἡμῶν Βασιλείου ἀρχ(ι)επισκόπου Καισαρείας Καππαδο(κίας) εἰς τ(ὴν) ἀρχ(ὴν) τ(οῦ) πρώτου ψαλμ(οῦ); л. 1 об. Молитва, написанная небрежным почерком не ранее XIII в.; лл. 2—2 об. Беседа Василия Великого на первый псалом, отрывок. Текст см. PG, t. 29, p. 220_A—221_A от слов «Ἀγαπήσεις τὸν πλησίον σου» до слов «οὐτε τὰ λυπηρά»; лл. 3—3 об. отрывок из той же беседы. Текст см. там же, p. 225_C—228_B от слов «μὴ οὐχὶ ἐπὶ πάντα τοὺς ἐγγίζοντας» до конца беседы; лл. 3 об.—12. Василия Великого беседа Πρὸς εὐχὴ σεαυτῷ. Текст см. PG, t. 31, p. 197_C—217_A; лл. 12 об.—17 об. Василия Великого беседа Περὶ πλεονεξίας εἰς τὸ ῥητὸν | τοῦ κατ(ὰ) Λουκᾶν εὐαγγελίου. Конец утрачен. Текст см. PG, t. 31, p. 261_A—277_A. Обрывается на словах: «τοῦ γυμν[ι]τεύοντος»; лл. 18—23. Василия Великого беседа Πρὸς τοὺς πλουτοῦντας. Отрывок. Текст см. там же, p. 292_C—304_C от слов «τρέφοντες· καὶ περιτρέπεται» до конца; лл. 23—26 об., 29—33 об. Василия Великого беседа Περὶ νηστείας, λόγος α̅. Текст см. там же, p. 164_A—184_C; лл. 27—28 об. Отрывок беседы, которую отожествить не удалось. Начало:

⁵ При переплете порядок листов был спутан. В описании указан правильный порядок листов.

«Τὴν διὰ τοῦ ἁγίου πνεύματος γινομένην τοῖς καθ' ἕνα | τῶν συμπληρούντων | τὸ σῶμα τῆς ἐκκλησίας τοῦ Χ(ριστοῦ)...», конец: «... καὶ ἀνδρείαν ἐκ | τοῦ Περι δεινῶν καὶ οὐ | δεινῶν. Κάλλος δὲ καὶ...»; лл. 34—35 об. Василия Великого беседа Πε(ρι) νηστείας, λό(γος) β. Только начало. Текст см. там же. р. 185_А—189_А. Обрывается на словах «συ|νηδόμεος τῇ ψυχῇ»; л. 36, Конец какого-то жития. Отрывок начинается словами «Παθῶν ἐπιμιξίαις ἀνε|πάφου...», кончается «... καὶ αὐτὸς ἐνώπιον τοῦ π(ατ)ρ(ὸς) κατὰ τὸ ἐπάγγελμα ἐνεκ|ήρυξε, καὶ κοινωνοῦς τῆς δόξης καὶ τῆς βασιλείας | εἰργάσατο... ἀμήν»; лл. 36—42 об. Μαρτύριον τῶν ἁγίων καὶ ἐνδόξων τοῦ Χ(ριστοῦ) μ(α)ρ(τύρων) Πρόβου, Ταράχου καὶ Ἀνδρονίκου. См. Bibliotheca Hagiographica Graeca. 3-е éd., par F. Halkin, t. II. Bruxelles, 1957, p. 218, № 1575; лл. 43—43 об. Μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ | ἐνδόξου μ(α)ρ(τύρος) Λογγίνου τοῦ | ἐκα- τοντάρχου. Только начало, обрывается на словах «τὸν ὅμοιον αὐτῷ ζῆ|λον ὑπὲρ Χ(ριστοῦ) καὶ τῆς ἀληθείας...» См. там же, р. 57, № 989.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Отчет ПБ за 1911 г., стр. 50—51. Листы по краям повреждены; текст на некоторых листах стерт и плохо читается.

ПБ, греч. № 676.

218. Сборник бесед Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. На лл. 32 и 35 об. имеются небольшие заставки в красках. Тип разлиновки близок к типам II_{17а}—II_{19с}. Имеются современные рукописные пометы, написанные мелким унциалом и связанные с текстом специальными значками. В переплете XIX в.

36 лл. 30,0×21,0 и 25,0×14,5. 2 столбца. 30 строк.

Содержание: лл. 2—2 об.,⁶ 5—5 об. Отрывок из беседы Григория Богослова Θεολογικός τρίτος. Περι υἱοῦ. Текст см. PG, t. 36, p. 76_А—80_В от слов «τὰ [λεγόμενα...» до слов «... ὡς μόνας τὰς σχέσεις λείπεσθαι»; лл. 4—4 об., 36—36 об., 1—1 об. Отрывок той же беседы. Текст см. там же, р. 81_В—88_В от слов «θέλων ἐστί» до слов «μόνου θε(ο)ῦ τὸ ἀγέννητον»; лл. 8—11 об. Отрывок той же беседы. Текст см. там же, р. 89_В—97_А от слов «Πῶς οὖν» до слов «καὶ τὸ δοῦλον καὶ το...»; лл. 6—7 об. Отрывок той же беседы. Текст см. там же, р. 100_А—104_А от слов «παρθένου. Τοῦτο» до слов «... Ὁ δὲ ἀναγγέλων»; лл. 12—13 об. Отрывок из беседы Григория Богослова Θεολογικός πέμπτος. Περι τοῦ ἁγίου πνεύματος. Текст см. там же, р. 141_В—145_А от слов «τῶν ὧν ἐξεῖλες» до слов «καὶ τὰ διαφόρως ὑποστάντα»; лл. 14—27 об. Отрывок из той же беседы. Текст см. там же, р. 145_В—172_А от слов «[θεό]τητος; καὶ μὴν οὐδὲ» до слов «ἔλλαμψιν ἐδεξάμην»; л. 35 об. Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου ἐπισκόπου | Ναζιαν- ζοῦ εἰς | τὴν ἁγίαν Πεντηκοστήν. Всего несколько строк, обрывается на словах «καὶ | οὐδὲν οὕτως εὐ[φραίνει]....» Текст см. там же, р. 428_А—429_А; лл. 28—29 об., лл. 3—3 об. Отрывок из той же беседы. Текст см. там же, р. 445_В—452_В от слов «Πρὸς ἡμᾶς· ὁ καὶ | πρότερον...» до слов «Προσίστα | τὴν ἐξήγησιν»; лл. 30—31 об. Конец какой-то беседы, отождествить которую не удалось. Начало: «Ὁ ὢν ἐν τῷ | νῶ· ἐτηρεῖτο γάρ | τῇ τῶν ἀν(θρώπων) ἀπαρχῇ...»; конец: «... τὰς | ὁμοίας ἐλπίδας τρυφήσαντες λέγωμεν πρὸς | αὐτόν· ὡς ἐμεγαλύνθη τὰ ἔργα | σου κ(ύρι)ε· αὐτὸς ἡ | δόξα... ἀμήν»; лл. 32—35 об. ... Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Κων/σταντινουπόλεως τοῦ Χρυσοστό-

⁶ При переплете листы были сплетены неверно; в описании указан правильный порядок листов.

μου· λόγος εἰς τὴν | ἀνάληψιν τοῦ κ(υ)ρί(ο)υ | ἡμῶν Ἰ(η)σοῦ Χ(ρι)στοῦ. Текст см. PG, t. 52, p. 797—800.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Отчет ПБ за 1911 г. стр. 51—53.

Верхний левый и нижний правый края листов повреждены мышами.

ПБ, греч. № 677.

219. Григорий Богослов. Отрывок из беседы Εἰς Καισάρειον τὸν αὐτοῦ ἀδελφὸν ἐπιτάφιος XI в.

Пергамен. Минускул. Инициалы писаны кармином. Тип разлиновки I₄₀₀. На обложке помета Порфирия Успенского с указанием «Из нижней библиотеки Лавры Саввы Освященного». Из р-си Лавры Саввы Освященного № 169.

2 лл. 32,0 × 23,0 и 21,5 × 14,0. 27 строк.

Текст см. PG, t. 35, p. 765_A—769_B от слов «σχεδόν, καὶ τῶν ἐκείθεν ἐπιταγμάτων...» до слов «...καὶ τῶν γονέων τούτων».

Собр. Порфирия Успенского. 'Α. Παπαδόπουλος - Κεραμεύς. 'Ερσο. Βιβλιοθήκη, т. II, σελ. 280—282.

ПБ, греч. № 332.

220. Григорий Богослов. Отрывок из поэмы Πρὸς παρθένους παραινετικός. XI.

Пергамен. Минускул, переходящий в курсив. На л. 1 имеется небольшая заставка, рисованная золотом и красками. Инициалы и заголовок писаны золотом. Тип разлиновки определить не удалось. Из р-си Синайского м-ря № 361 (347).

1 л. 19,5 × 11,3 и 14,5 × 8,0. 36 строк.

Текст см. PG, t. 37, p. 632—640 с начала поэмы до слов «τὸ κάλλος τοῦ νυμφῶνος» (так!); поэма озаглавлена: «Λόγος ΜΕ. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς παρθένον παραινετικός».

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич, Описание, т. 1, стр. 201, 619.

ПБ, греч. № 335.

221. Иоанн Златоуст. Беседы. XI в.

Пергамен. Минускул. Р-сь написана двумя писцами. Заставки и инициалы рисованы красками. Заготовки киноварные. Тип разлиновки II₂₂ в. Имеется несколько незначительных помет к тексту. В переплете XIX в.

172 л. 27,5 × 20,5 и 20,5 × 16,0. 2 столбца. 31 строка.

Содержание: лл. 1—5 об. Слово восьмое против иудеев. Начало утрачено. Текст см. PG, t. 48, p. 934—942, начиная от слов «εἰδῶμεν τοὺς πεσόντας» и до конца беседы; лл. 6—12. ΠΓ. Τοῦ ἐν ἀγίοις π(α)ρ(ό)ς ἡμῶν Ἰω(άν)νου | τοῦ Χρ(υ)στοῦ στόμου πρὸς ἀνομοίους ἀπόντος τοῦ ἐπισκόπου λόγος πρῶτος. Текст см. PG, t. 48, p. 701—710; л. 12 об. ΙΔ. Τοῦ ἐν ἀγίοις π(α)ρ(ό)ς ἡμῶν Ἰω(άν)νου τοῦ | Χρυσοστόμου πρὸ πολλῶν | ἡμερῶν πρὸς ἀνομοίους, εἶτα πρὸς Ἰουδαίους, εἶτα | σιγήσας διὰ παρουσίαν ἐπισκόπων καὶ μαρτύρων | γενομένων πολλῶν νῦν | πάλιν πρὸς ἀνομοίους | περὶ ἀκαταλήπτου. Λόγος δεύτερος. Текст см. PG, t. 48, p. 709, с начала беседы и до слов «...καὶ ἀπαριθμοῦμαι»; лл. 13—20. Третье слово о непостижимом, начало утрачено. Текст см. там же, t. 48, p. 719—728 от слов «ποῦ καὶ γῆ χερσῶνδεῖσα» и до конца беседы; лл. 20—28. ΙΣ. Τοῦ ἀγίου Ἰω(άν)νου τοῦ Χρ(υ)στοῦ στόμου |

περί ἀκαταλήπτου. Λόγος | τέταρτος. Текст см. там же, t. 48, p. 727—736; лл. 28—37 об. IZ. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(α)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰω(άννου) τοῦ Χρ(υσο)στόμου περί ἀκαταλήπτου. Λόγος πέμπτος. Текст см. там же, t. 48, p. 735—748; лл. 38—43. IИ. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(α)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰω(άννου) τοῦ | Χρ(υσο)στόμου ἐρρέθη ἐν καινῇ | πρὸς ἀνομοίους. Λόγος | ἕκτος. Текст см. там же, t. 48, p. 795—802; лл. 43 об. — 53 об. IΘ. Τοῦ ἁγίου Ἰω(άννου) τοῦ Χρ(υσο)στόμου πρὸς | τοὺς ἀπολείφθεντας τῆς συνάξεως καὶ τοῦ ὁμοούσιον εἶναι τὸν υἱὸν τῷ π(α)τρὶ ἀπόδειξις καὶ ὅτι τὰ ταπεινῶς εἰρημένα | καὶ γεγενημένα παρ' αὐτοῦ, οὐ δι' ἀσθένει(αν) | δυνάμει, οὐδὲ δι' ἐλάττωσιν ἐγένετο καὶ ἐλέγετο, ἀλλὰ δι' οἰκονομίας | διαφορῶν. Ἀπὸ τοῦ περί ἀκαταλήπτου. Конец утрачен. Текст см. там же, t. 48, p. 755—767, обрывается на словах «πρὸς τὴν παροῦσαν ἔχει ζῶην»; лл. 53—62. Первая беседа о богатом и Лазаре. Начало утрачено. Текст см. там же, t. 48, p. 970—982, от слов «λαχόντος αὐτῷ τέλους» и до конца беседы; лл. 62—68 об. KB. Τοῦ ἁγίου Ἰω(άννου) τοῦ Χρυσοστόμ(ου) | εἰς τὸν Λάζαρον λόγος β', | καὶ ὅτι αἱ ψυχαὶ τῶν βιοθανάτων οὐ γίνονται δαίμονες, καὶ περί κρίσεως καὶ ἐλεημοσύνης. Конец утрачен. Текст см. там же, t. 48, p. 981—989, обрывается на словах: «λύωμεν αὐτοῦ τὸν λιμόν»; лл. 69—75 об. Третья беседа о богатом и Лазаре. Начало утрачено. Текст см. там же, t. 48, p. 998—1006, от слов «Ἀκουσον τοῦ προφήτου λέγοντος» и до конца беседы; лл. 75 об.—84. KΔ. Τοῦ ἁγίου Ἰω(άννου) τοῦ Χρ(υσο)στόμου | εἰς τὸν πλούσιον καὶ εἰς τὸν | Λάζαρον τὸν πτωχόν, καὶ | εἰς τὴν πράσιν τοῦ Ἰωσήφ. Текст см. там же, t. 48, p. 1005—1016; лл. 84 об.—96. KE. Τοῦ ἁγίου Ἰω(άννου) τοῦ Χρ(υσο)στόμου | εἰς τὸν | σεισμόν καὶ εἰς τὸν πλούσιον καὶ εἰς τὸν Λάζαρον. Текст см. там же, t. 48, p. 1027—1044; лл. 96—104 об. KΣ. Τοῦ ἁγίου Ἰω(άννου) τοῦ Χρ(υσο)στόμου | εἰς τὸ ρῆτὸν τοῦ ἀποστόλου πε(ρὶ) δὲ τῶν | κεκοιμημένων· οὐ θέλω ὑμᾶς | ἄγνοεῖν, ἀδελφοί, ἵνα μὴ | λυπείσθε· ὡς καὶ οἱ λοιποί. Текст см. там же, t. 48, p. 1017—1026; лл. 104 об.—110 об. KΣ. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(α)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰω(άννου) | ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Χρ(υσο)στόμου | ἔπαινος | τῶν ἀπαντησάντων ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ, καὶ περί εὐταξίας τῆς ἐν ταῖς δοξολογίαις καὶ εἰς τὸ «Εἶδον τὸν κ(ύριον)» | καθήμενον ἐπὶ θρόνου | ὕψηλόν καὶ ἐπτημένον». Текст см. там же, t. 56, p. 97—107; лл. 111—116. KИ. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(α)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰω(άννου) ἀρχιεπισκόπου | Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Χρ(υσο)στόμου | εἰς τὸ προφητικόν Ἠσαίου τὸ λέγον· «Καὶ ἐγένετο | ἐν τῷ ἐνιαυτῷ, οὗ ἀπέθανεν Ὁζίας ὁ βασιλεὺς, καὶ | κατὰ τῶν κωλυόντων τὸν | γάμον ἐνθεὸς ἀπόδειξις. Ἀπὸ τῶν τεσσάρων λόγων τοῦ Ὁζίου οὗτος λόγος β'. Текст см. там же, t. 56, p. 119—129; лл. 116—120. KΘ. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(α)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰω(άννου) ἀρχιεπισκόπου | Κωνσταντινουπόλεως) τοῦ Χρ(υσο)στόμου). Καὶ ἐγένετο | ἐν τῷ ἐνιαυτῷ, οὗ ἀπέθανεν Ὁζίας ὁ βασιλεὺς, καὶ ὅτι οὐ δεῖ χρόνον οὐδὲ στοιχεῖον | ἐν παρατρέχειν τῶν Γραφῶν. Λόγος τρίτος. Текст см. там же, t. 56, p. 107—112; лл. 120—126 об. A. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(α)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰω(άννου) ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως) τοῦ Χρ(υσο)στόμου) | εἰς τῶν Παρ(α)λειπομένων τὴν λέγουσαν· Ὑψώθη ἡ καρδία Ὁζίου, καὶ περί | ταπεινοφροσύνης, καὶ ὅτι | οὐ χρὴ θαρρεῖν τὸν ἐνάρετον | καὶ ὅσον κακὸν ἀπόνοια. Λόγος τέταρτος. Текст см. там же, t. 56, p. 112—119; лл. 126 об.—131. AA. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὰ ὑπόλοιπα | τοῦ Ὁζίου. Λόγος πέμπτος. Текст см. там же, t. 56, p. 129—135; лл. 131—136. AB. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὰ ὑπόλοιπα | τοῦ Ὁζίου. Λόγος ἕκτος. Текст см. там же, t. 56, p. 135—142; лл. 136—141 об. AT. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(α)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰω(άννου) ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως) τοῦ Χρ(υσο)στόμου) | εἰς τὴν ρῆσιν Παύλου· Εἰς τοῦτο γὰρ ὑμῖν λέγομεν ἐν λόγῳ κ(ύριον), ὅτι ἡμεῖς οἱ ζῶντες | οἱ περιλειπόμενοι εἰς τὴν | παρουσίαν τοῦ

κ(υρίο)υ, οὐ μὴ φθάσω|μεν τοὺς κοιμηθέντ(ας) καὶ τὰ ἐξῆς. Текст см. там же, t. 62, p. 439—446; лл. 141 об.—152. ΛΔ. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ός) ἡμῶν Ἰωάννου | ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλ(εως) | τοῦ Χρ(υσο)στόμου ὁμιλία εἰς τὸ | τοῦ Ἀβραάμ ῥητόν τὸ λέγον· Θεὸς τὴν χειρὰν σου ἐπὶ τὸν | μῆρόν μου καὶ εἰς διαφό|ρους μαρτυρίας. Текст см. там же, t. 56, p. 553—564; лл. 152—163 об. ΛΕ. Τοῦ αὐτοῦ ὁμιλία εἰς τὸ μὴ | πλησιάζειν θεάτροις καὶ | εἰς τὸν Ἀβραάμ. Текст см. там же, t. 56, p. 541—554; лл. 164—172 об. ΛΣ. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ός) ἡμῶν Ἰω(άννου) ἀρχι|επισκόπου Κωνσταντινουπόλ(εως) τοῦ Χρ(υσοστόμου) εἰς τὰς σφραγίδας τῶν βιβλίων καὶ ὅπως προσφέρει ὁ υἱὸς τῷ π(ατ)ρι καὶ ὁ π(ατ)ὴρ τῷ υἱῷ καὶ εἰς τὴν τοῦ σ(ωτῆ)ρ(ος) οἰκονομίαν. Текст см. там же, t. 63, p. 531—544; л. 172 об. ΛΖ. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ός) ἡμῶν Ἰω(άννου) ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλ(εως) | τοῦ Χρ(υσοστόμου) εἰς τὸν μακάριον Φιλογόνιον γενόμε(νον) ἀπὸ δικολόγου | ἐπίσκοπον, καὶ ὅτι τοῦ προνοεῖν | τῶν κοινῇ συμφερόντων οὐδὲν ἴσον εἰς εὐδοκίμησιν παρὰ τῷ θ(ε)ῷ καὶ ὅτι τὸ ραθύμ(ως) προσ|τίθει καὶ τοῖς μυστηρίοις κόλασιν ἀ|φόρητ(ον) ἔχει, κ' ἂν ἄπαξ τοῦ ἐν|αυτοῦ τοῦτο τολμήσωμεν. Только заглавие и одна строка текста. См. там же, t. 48, p. 747.

Собр. Сарафова. См. Отчет ПБ за 1895 г., стр. 72—76. Начало, конец и некоторые листы утрачены. От некоторых листов сохранились лишь обрывки. Все листы были заклеены в цедях реставрации прозрачной желтой бумагой, что сильно затрудняет чтение текста.

ПБ, греч. № 514

222. Иоанн Златоуст. Беседы. XI в.

Пергамен. Минускул. Заставки и инициалы рисованы золотом и красками. Тип разлиновки близок к типу II_{7b}. Имеются разновременные пометы, часть которых не читается. Из этих помет надо отметить следующие: л. 2. XI—XII вв. Μαρ... ἱερομόναχος; л. 293 об. 1) XIII в. Κ(ύρι)ε, βοήθει μοι τῷ σω δουλῷ Νικόλλῳ τῷ Μεγαλῳα (далее не читается); 2) XIII—XIV вв. Βοηθὶ τὴν δουλὸν σου Θεοδωραν; 3) Рукой писца: Ὁ τοῦ Παύλου στέφανο(ς) ἔγρα[ψε] τε Κωνσταντίνῳ (далее читаются лишь обрывки слов). В переплете XIX в.

293 лл. 27,5×20,5 и 21,0×15,0. 2 столбца. 28 строк.

Содержание: лл. 1—75 об. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ός) ἡμῶν Ἰωάννου | ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλ(εως) | τοῦ Χρυσοστόμου | τὰ περὶ ἱεροσούνης | ἐν λόγοις ἐξ. Текст см. PG, t. 48, p. 624—692; лл. 76—88 об. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ός) ἡμῶν | Ἰω(άννου) τοῦ Χρυσοστόμου | εἰς τὴν ἐπιγραφὴν | τοῦ πεντικοστοῦ ψαλμ(οῦ) | καὶ ὅτε εἰσῆλθεν | πρὸς αὐτὸν Νάθαν ὁ προφήτης. Текст см. там же, t. 55, p. 565—575; лл. 88 об.—101. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὰ ὑπόλοιπα τοῦ πεντικοστοῦ ψαλμοῦ. Текст см. там же, t. 55, p. 575—580, причем между лл. 96 и 97 утрачено 2 листа; лл. 101—165. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ός) ἡμῶν | Ἰωάννου ἀρχιεπισκ(ό)π(ου) | Κωνσταντινουπόλ(εως) τοῦ | Χρυσοστόμου μετὰ τὰς | καλάνδας τῇ ἐξῆς κ(α)τ(ά) μεθούτων, καὶ πε(ρὶ) τῶν εἰς | καπηλεία εἰσιόντων, καὶ | ὅτι τὸν διδάσκα(λον) οὐ χρὴ ἀπογινώσκειν τῷ(ν) μαθητῷ(ν), κ' ἂν πρὸς(ς) τὸ παρὸν μὴ πείθωντ(αι) καὶ εἰς τ(ὸν) Λάζαρον. Текст см. там же, t. 48, p. 965—1026; лл. 165—182. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸ «Χῆρα | καταλεγέσθω μὴ ἐλαττονέτων ἐξήκοντα | γεγονυῖα», καὶ περὶ | παιδων ἀνατροφῆς καὶ | περὶ ἐλεημοσύνης. Текст см. там же, t. 51, p. 321—338; лл. 182—192. Τοῦ αὐτοῦ ἐπαινος τῶν | ἀπαντησάντων ἐν τῇ | ἐκκλησίᾳ καὶ περὶ εὐ|ταξίας τῆς ἐν ταῖς δοξολογίαις, καὶ εἰς τὸ «Εἶδ(ον) τὸν κ(ύρι)ον | καθήμ(ενον) ἐπὶ θρόνου ὑψηλοῦ». Текст см. там же, t. 56, p. 97—107; лл. 192 об.—201 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸ προφητικὸν Ἠσαίου τὸ λέγων | «Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἐν|αυτῷ, οὐ ἀπέθανεν Ὁ|ζίας

ὁ βασιλεὺς», καὶ|κατὰ τῶν κολούντων | τὸν γάμον ἐνθεος ἀπόδειξις. Ἀπὸ τῶν δὲ λόγῳ(ν) | τῶν πε(ρι) Ὁζίου, οὗτος λό(γος) β̄. Текст см. там же, t. 56, p. 119—129; лл. 201 об.—206 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸ «Καὶ ἐγένετο τοῦ ἐνιαυτοῦ, | οὗ ἀπέθανεν Ὁζίας ὁ βασιλεὺς», καὶ ὅτι οὐ δεῖ | χρόνον οὐδὲ στοιχεῖον | ἐν παρατρέχειν τῶν | θείων γραφῶν. Текст см. там же, t. 56, p. 107—112; лл. 206 об.—214 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸ «Υψώθη ἡ καρδία Ὁζίου», καὶ περὶ ταπεινοφροσύνης καὶ|ὅτι οὐ χρῆ|θαρεῖν τὸν ἐνάρετ(ον) καὶ ὅσον κακὸν ἀπόνοια. Текст см. там же, t. 56, p. 112—119; лл. 214 об.—220. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὰ ὑπόλοιπα τοῦ Ὁζίου. Текст см. там же, t. 56, p. 129—135; лл. 220 об.—226 об. Τοῦ ἐν ἀγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶ(ν) | Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπ(ου) | Κωνσταντινουπό(λεως) τοῦ | Χρυσοστόμου εἰς τὰ Σεραφεῖμ. Текст см. там же, t. 56, p. 135—141; лл. 227—238. Τοῦ αὐτοῦ ἀπόδειξις | τοῦ Χρησίμῳ τὰς περὶ | Χ(ριστο)ῦ καὶ ἐθνῶν καὶ τῆς | ἐκπτώσεως ἰουδαίων | προφητείας ἀσαφεῖς εἶναι. Текст см. там же, t. 56, p. 163—175; лл. 238 об.—243 об. Τοῦ ἐν ἀγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ | Χρυσοστόμου εἰς Εὐτρόπιον εὐνοῦχον καταφυγόντα ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ. Текст см. там же, t. 52, p. 391—396; лл. 243 об.—261. Τοῦ αὐτοῦ ὅτε τῆς ἐκκλησίας ἔξω εὐρεθεῖς | Εὐτρόπιος ἀπεσπάσθη, καὶ εἰς τὸ «Παρέστη | ἡ βασίλεισα ἐκ δεξιῶν σου ἐν ἱματισμῷ | διαχρύσω». Текст см. там же, t. 52, p. 395—414; лл. 261—276 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τ(ὸν) Ἀβραάμ καὶ εἰς τὸ μὴ | πλησιάζειν θεάτρους. Текст см. там же, t. 56, p. 541—554; лл. 276 об.—293 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὴν ἀσάφειαν τῆς παλαιᾶς δι|αθήκης καὶ εἰς τὴν τοῦ θ(εο)ῦ φιλανθρωπίαν | καὶ περὶ τοῦ | μὴ κατηγορεῖν. Текст см. там же, t. 56, p. 175—192.

Собр. Порфирия Успенского. См. Отчет ПБ за 1883 г. стр. 91.

Несколько листов в середине утрачено, последний лист поврежден червями и загрязнен.

ПБ, греч. № 234.

223. Иоанн Златоуст. Беседы. XI в.

Пергамен. Минускул. Заставки и инициалы в красках. Тип разливки II_{4a}.

Сохранились доски старого переплета, оклеенные обрывками ткани. На л. 7 об. грубый рисунок пером (мужчина в рясе, без нимба), добавленный позднее. Текст местами подновлен черными чернилами. На л. 149 помета владельца (?) рукописи. XIII—XIV вв.: Μνησθητι κ(ὀρι)ς του δουλου σου Ιω(άννου) ἀμαρ[ωλοῦ] καὶ ἐλεησον τ..... αὐτ[ον], συγχωρησον αὐτοῦ καὶ... κ(αὶ) πασι χριστιανοῖς ἀμήν.

163 лл. 32,5×24,0 и 22,5×17,0. 2 столбца. 35 строк.

Содержание: лл. 1—5 об. Τοῦ ἐν ἀγίοις | π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰω(άννου) Κωνσταντινουπό(λεως) | τοῦ Χρ(υσοστόμου) λόγος εἰς | τὴν ἀρχ(ή)ν τῆς τεσσαρακοστῆς... дальше текст на этом листе почти не читается. Текст этого слова см. PG, t. 54, p. 581—586; лл. 6—10 об. Τοῦ αὐτοῦ περὶ νηστ(είας), καὶ εἰς τὸ | «ἐν ἀρχ(ῇ) ἐποίη|сен ὁ θ(εὸς) τὸν | οὐρανὸν καὶ | τὴν γῆν». Λόγος δευτ(ερος). По изданию Миня текст отождествить не удалось; лл. 10 об.—15. Τοῦ αὐτοῦ | περὶ νηστείας, καὶ εἰς τὸ | «ἐν ἀρχ(ῇ) ἐποίη|сен ὁ θ(εὸς) τὸν | οὐ(ρα)νὸν καὶ | τὴν γῆν», | καὶ εἰς τὸ| φάσκον ῥητ(ὸν) | τοῦ ψαλμοῦ | «ἐν τ(ῷ) φωτ(ί) σου ὁψόμεθα φῶς». По изданию Миня текст отождествить не удалось; лл. 15—20. Τοῦ αὐτοῦ λόγος εἰς τὸ | «Πῶς Ἀδὰμ τὴν ψυχὴν ἔλαβεν, ὅτε ἐπλάσθ(η)», καὶ εἰς|τὸ πάθος τοῦ σ(ωτῆ)ρ(ος) ἐρμηνεία, | καὶ περὶ τῆς νύχθ(η)ς | πλευράς. Эта беседа упомянута в PG, t. 64, p. 1363—1364; лл. 20—24. Τοῦ αὐτοῦ περὶ νηστείας, καὶ εἰς τὸν Ἀδὰμ |καὶ εἰς τὴν Εὐαν. По изданию Миня текст отождествить не удалось; лл. 24—27. Τοῦ αὐτοῦ τί ἐστι τὸ | «καθ'ὁμοίωσιν», καὶ τίνος | ἐνεκεν τοῦ θ(εο)ῦ εἰπόν|τος τῶν θειρίων ἡμᾶς | ἄρχειν

οὐκ ἄρχωμεν, | καὶ ὅτι κηδαιμονίας | τοῦτο πολλῆς. Λόγος ἕκτος. Текст см. PG, t. 54, p. 590—593; лл. 27—33 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸ διὰ τί | τὸ ξύλον γνωστὸν καλῶς καὶ πονηρῶς εἴρεται, καὶ τὸ τίνας εἶται ὃν τὸ | «Σήμερον μετ' ἐμοῦ ἔσῃ | ἐν τῷ παραδείσῳ». Λόγος ἑβδομος. Текст см. там же, t. 54, p. 607—616; лл. 33 об.—36. Τοῦ αὐτοῦ ὁμηλία εἰς τὸ | πρὶν ἢ φαγεῖν τοῦ ξύλου | ἦδι τί καλὸν καὶ πονηρὸν ὁ Ἀδὰμ, καὶ περὶ | τοῦ ἐν οἰκίᾳ μελετᾶν | τὰ λεγόμενα ἐν τῇ | ἐκκλησίᾳ. Λόγος ὄγδοος. Текст см. там же, t. 54, p. 604—607; лл. 36—40. Τοῦ αὐτοῦ | εἰς τὸν Ἰωσήφ. Λόγος ἑνατος. Текст см. PG, t. 56, p. 587—590; лл. 40—45. Τοῦ αὐτοῦ περὶ σωφροσύνης, καὶ εἰς τὴν μακαρίαν Σωσάνναν. Λόγος δέκατος. Текст см. там же, t. 56, p. 589—594; лл. 45—46 об. Τοῦ αὐτοῦ περὶ σωφροσύνης. Λόγος ἐνδέκατος. Текст см. там же, t. 64, p. 15—16; лл. 46 об.—49 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὴν τρυφῶνα, καὶ εἰς τὰ ἄσμα/τα τῶν ἁσμάτων. Λόγος δωδέκατος. Текст см. там же, t. 55, p. 599—602; лл. 49 об.—53. Τοῦ αὐτοῦ εἰς | τὸν Ζαχαῖον. | Λόγος τρισκαίδέκατος. Текст см. там же, t. 61, p. 767—768, с дополнением, отсутствующим в издании Миня; лл. 53—62 об. Τοῦ αὐτοῦ ὅτε οἱ ἐπίσκοποι παρεγένοντο | ἀπὸ Ἀνατολῆς, καὶ | εἰς τὴν Χαναναίαν. Λόγος τέταρτος καὶ δέκατος. Текст см. там же, t. 52, p. 449—460; лл. 62 об.—69 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸ «Οὐδεὶς ἀγαθὸς εἰ μὴ εἰς ὁ θεός», | καὶ εἰς τὴν φιλοξενίαν τοῦ Ἀβραάμ, καὶ | πρὸς καλλωπιζόμενας | γυναῖ-κας καὶ περὶ | γαστριμαργίας. Λόγος πέμπτος καὶ δέκατος. По изданию Миня текст отождествить не удалось; лл. 69 об.—80 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὴν ἐπι-γραφὴν τοῦ πεντηκοστοῦ ψαλμοῦ περὶ μετανοίας, εἰς τὸν βασιλέα | Δα(υ)ῖδ, καὶ περὶ τῆς τοῦ Οὐρίου. Λόγος ἕκτος καὶ δέκατος. Текст см. там же, t. 55, p. 565—575; лл. 80 об.—91. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὰ ὑπόλοιπα τοῦ πεντηκοστοῦ ψαλμοῦ, καὶ εἰς | τὴν ἐπιγραφὴν τοῦ ὁγδόου ψαλμοῦ. Λόγος ἑβδομος καὶ δέκατος. Текст см. там же, t. 55, p. 575—588; лл. 91—96. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸν τέ-ταρτον ψαλμὸν, τὸ «Ἐν | θλίψει ἐπλάτυνάς με,» | διὰ τὴν τοῦ Οὐρίου καὶ | τὴν τοῦ Ἀβессαλώμ ἀνταρσίαν κατὰ τοῦ π(α)ρ(ὸ)ς αὐτοῦ Δα(υ)ῖδ, καὶ περὶ τῶν | ἐπανιστα-μένων ἡμῶν | παρὰ θεοῦ ἐθνῶν, καὶ κατὰ τῶν φιλοφειστών καὶ κακούργων Ἰουδαίων. Λόγος ὄγδοος καὶ δέκατος. Текст см. там же, t. 55, p. 539—544. Эта бе-седа, приписываемая Златоусту, принадлежит Астерию Софисту. См. M. Richard. Le recueil d'homelies d'Astérius le Sophiste. — «Symbolae Osloenses», fasc. XXIX, 1952, p. 28; лл. 96—106 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸν τεσσαρακοστὸν καὶ πρῶτον ψαλμὸν. «Ὅν τρόπον ἐπιποθεῖ ἡ | ἔλαφος ἐπὶ τὰς πιγὰς τῶν | ὑδάτων», καὶ τίνας χάριν ὁ ψαλμὸς εἰς τὸν βίον | εἰσνεχθῆς μετ' ὁδῆς | φάλλεται, καὶ περὶ τῆς τοῦ | θεοῦ μακροθυμίας. Λόγος ἑνατος καὶ δέκατος. Текст см. там же, t. 55, p. 155—167; лл. 106 об.—110 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τ(ὸν) ἑβδομηκοστὸν καὶ πρῶτον ψαλμὸν. | «Ὁ θεός το κρίμα σου τὸ βασιλεῖ | δός», καὶ εἰς τὰ καθ' ἑξῆς | ἐρμινία. Λόγος εἰκοστός. Эта бе-седа упомянута PG, t. 64, p. 1423—1424; лл. 110 об.—115 об. Τοῦ αὐ-τοῦ εἰς Πέτρον | τὸν ἀπόστολον, καὶ | τοὺς λυποὺς ἀλιεύοντας, καὶ εἰς τὸν λεῖπρόν. Λόγος εἰκοστός καὶ πρῶτος. Текст см. PG, t. 64, p. 47—52; лл. 115 об.—123 об. Τοῦ αὐτοῦ κατήχησις πρώτη πρὸς τοὺς μέλλον/τας φωτίζεσθαι, καὶ | διὰ τί λου-τρόν παλιγγενεσίας καὶ ἀφέναιως λέγεται, καὶ ὅτι ἐπικίνδυνον οὐ τὸ ἐφιορκεῖν | μό-νον, ἀλλὰ καὶ τὸ ὁμνῆ/ην κ' ἂν εὖ ὀρκῶμεν. Λόγος εἰκοστός καὶ δεύτερος. По изда-нию Миня текст отождествить не удалось; лл. 123 об.—130. Τοῦ αὐτοῦ κατήχησις δεύτερα | πρὸς τοὺς μέλλοντας φωτίζεσθαι, καὶ ὅτι ὁ στ(αυ)ρ(ὸς) βάπτισμα λέγεται, καὶ τὸ ποτήριον πάθος ἐρμηνεύεται, καὶ τίνας ἔνεκεν οἱ π(ατέ)ρες ὄρισαν τοὺς περι/ερχομένους τῷ βαπτίσματι γυμνοὺς καὶ ἀνυποδέτους ἐν τῇ κατήχησει | πα-ρίστασθαι, καὶ περὶ ὀρκῶν. Λόγος εἰκοστός καὶ τρίτος. Текст см. А. Пападопуло-Керамевс. Varia Graeca Sacra. Сборник греческих неизданных богословских текстов IV—XV веков. СПб., 1909, стр. XXII—XXIII, 154—166; в примечаниях указаны разночтения, даваемые описываемой рукописью; лл. 130—136 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸν προφήτην Ἰωνᾶν καὶ

Δανιήλ, | και εἰς τοὺς τρεῖς παῖδας, | και περὶ μετανοίας. Λόγος εἰκοστός και τέταρτος. Текст см. PG, t. 49, p. 305—314; лл. 136 об.—147. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὴν παραβολὴν τοῦ πλουσίου | και τοῦ Λαζάρου. Λόγος εἰκοστός και πέμπτος. Текст см. там же, t. 48, p. 991—1006; лл. 147—156. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸν πλούσιον και τὸν Λάζαρον τὸν | πτωχόν, και εἰς τὴν πράξιν τοῦ Ἰωσήφ. Λόγος εἰκοστός και ἕκτος. Текст см. там же, t. 48, p. 1005—1016; лл. 156—160 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸ ῥήτὸν | τοῦ ἐνενηκостоῦ και δευτέρου ψαλμοῦ τὸ «Ἐπεῖραν οἱ ποταμοὶ φωνᾶς | αὐτῶν», και περὶ τοῦ ἐν | θαλάσῃ περιπατοῦντος τοῦ Ἰ(ησοῦ), και εἰς τοὺς | δύο ἰχθύας και περὶ τῶν | προτοπλάστων. Λόγος εἰκοστός και ἑβδομος. Текст см. там же, t. 55, p. 611—616; лл. 160 об.—163 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὴν παραβολὴν τοῦ ἐμπροσθέντος | εἰς τοὺς λίστάς. Λόγος εἰκοστός και ὄγδοος. Текст см. там же, t. 62, p. 755—758, причем конец утрачен, текст обрывается на словах «στὶρίζον (!), και πάντα».

Происхождение р-си установить не удалось. Первый и последний листы повреждены, текст на них читается с трудом.

ПБ, греч. № 76.

224. Иоанн Златоуст. Первая беседа на Евангелие от Матфея. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Заголовок был написан тусклой киноварью. Помета П. П. Дубровского «Ex musaeo Petri Dubrowsky».

1 л., обрезанный по краям. 30,0×20,0 и 26,0×18,7. 2 столбца. 31 строка.

Текст см. PG, t. 57, p. 13—15 с начала беседы до слов «Εἰ δὲ καὶ ἐπ' αὐτ[ῶν]».

Собр. П. П. Дубровского.

К этому листу присоединен маленький обрезок листа также из р-си XI в., написанной минускулом, содержание которой определить не удалось. Оба этих листа пергамена были приклеены к переплету р-си, хранившейся ранее в библиотеке Сен-Жерменского аббатства во Франции, а ныне хранящейся в Гос. публичной библиотеке в Ленинграде под шифром греч. № 58.

ПБ, греч. № 78 и № 78а.

225. Иоанн Златоуст. Беседа 51-ая на Евангелие от Матфея. Отрывок. XI в.

Пергамен. Палимпсест. Минускул. Смытый текст был покрыт в XIII в. текстом, содержащим евангелие; поздний текст расположен перпендикулярно по отношению к смытому тексту.

1 л., обрезанный по краям. 20,0×15,0. 2 столбца. Число строк определить нельзя.

Текст см. PG, t. 57, p. 515—516.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса.

В р-си всего 10 л. Текст на л. 10 определить не удалось, вероятно, это также отрывки из бесед Иоанна Златоуста. Текст на л. 1—8 можно определить лишь после выявления его на фотоснимках.

Листы запачканы клеем.

ПБ, греч. № 766 л. 9 и л. 10 смытый текст.

226. Иоанн Златоуст. Беседы на книгу бытия. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Тип разливки II_{34f}. На л. 1 и л. 4 об. имеются небольшие схолии к тексту, частично обрезанные при переплете. В картонном переплете XIX в.

6 л. 30,5×23,0 и 23,0×15,0. 2 столбца. 26—27 строк.

Содержание: лл. 1—1 об., 3—6 об., 2.⁷ Отрывки из беседы 25-ой. Νῶς δὲ ἦν ἐτῶν ἑξακοσίῳ. . . Текст см. PG, t. 53, p. 225—226 от слов «ὥσαντι ἡμεῖς» до слов «τῇ | ἀφόρητον; Πῶς γάρ» и p. 227—229 от слов «καὶ ἕτερα ἄλογα» до конца беседы; л. 2 об. Отрывок беседы 26-ой. Καὶ ἐμνήσθη ὁ θεὸς τοῦ Νῶς. . . с начала до слов «τὰς τιμωρίας ἐπάγει». Текст см. там же, p. 229.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Отчет ПБ за 1911 г. стр. 40.

ПБ, греч. № 691.

227. Иоанн Златоуст. Отрывок из XV-ой беседы на Евангелие от Матфея. XI в.

Пергамен. Минускул. Украшений нет. Тип разлиновки не определен, так как листы измяты.

2 л. 30,5×24,5 и 23,8×16,0. 2 столбца. 28 строк.

Текст см. PG, t. 57, p. 226—227 от слов «τοῖς πνευματικοῖς τὰ αἰσθη- τὰ. . .» до слов «. . . ἔστι | δὲ πολὺ με[ῖζον]» и p. 227—228 от слов «[ὁ] λῶν θ(εο)ῦ. Οὐκ ἔστι. . .» до слов «. . . Ἐπεὶ εἰς μὴ ταῦτα προσή»

Небольшой пропуск текста объясняется тем, что л. 1 оборван внизу и 3 строки утрачены.

Листы эти извлечены из какого-то переплета.

БАН, собр. РАИК, № 69.

228. Иоанн Златоуст? Отрывок какой-то беседы. XI в.

Пергамен. Минускул. Имеются пометы XIX в., почти совсем стертые и не читаемые.

Обрезок листа. 17,5×22,0 и 12,5×18,5. 2 столбца. Сохранилось 15 с половиной строк.

Текст отождествить не удалось. Начало: «Ὅτε δὲ ἐπειδὴ τῆς μὲν πί- στε[ως. . .]; конец: «ἀλλ' ὥστε ἐργάζεσθαι καὶ μεταδιδόναι».

Собр. Сарафова. Отчет ПБ за 1895 г. стр. 76.

ПБ, греч. № 515.

229. Клементины. Отрывок XI в.

Пергамен. Минускул. Киноварные инициалы. Тип разлиновки определить не удалось. В картонном переплете XIX в.

1 л. 31,0×23,7 и 25,0×19,0. 2 столбца. 36 строк.

Текст см. PG, t. 2, p. 560_C—564_A от слов «σκέψαι δεῖξεις. . .» до слов «. . . δοκοῦντες ἀδικεῖν, ἑαυτούς».

Собр. К. Тишендорфа.

ПБ, греч. № 85.

230. Лев Мудрый. Сочинения. XI в.

Пергамен. Минускул. Текст выделен золотом, схолии написаны

⁷ Листы рукописи сплетены неверно. В описании указан правильный порядок листов.

чернилами. Имеются заставки, рисованные золотом и красками. Заголовки и инициалы писаны золотом. Тип разлиновки I_{40a}. В переплете XIX в.

147 л. 15,7 × 13,5 и 9,0 × 7,5. 15 строк.

Содержание: лл. 1—98 об. [Λέοντος ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστοῦ βασιλέως Ῥωμαίων Οἰακιστικῇ ψυχῶν ὑποτύπωσις]. Текст издан: А. Пападопуло-Герамевс. *Varia Graeca Sacra*, стр. XXX—XXXI, 213—253; л. 99—121 об. Λέοντος ἐν Χ(ριστῷ) τῷ | ἀθανάτῳ πάντων | βασιλεῖ εὐσεβοῦς | βασιλέως εἰς τὴν | θεόσωμον ταῖφην τοῦ κυρίου | ἡμῶν Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστοῦ). Текст см. PG, t. 107, p. 76_A—88_B; лл. 122—147 об. Λέοντος ἐν Χ(ριστῷ) τῷ δι' ἀναστάσεως κόσμον ἀφθαρτίσαντι | βασιλέως εἰς | τὸ μέγα καὶ σωτήριον κατὰ | τοῦ θανάτου τρόπαιον. Текст см. PG, t. 107, p. 96_C—113_B; последняя страница утрачена, текст обрывается на словах «...μανίαν σφραγίδων».

В начале рукопись повреждена червями.

ПБ, греч. № 205.

231. Максим исповедник. *Περὶ τῶν πραχθέντων ἐν τῇ πρώτῃ αὐτοῦ ἔξορίᾳ, ἥτοι ἐν Βιζύῃ. Τὰ παρὰ τοῦ Θεοδοσίου ἐπισκόπου Καισαρείας, Βιθυνίας, καὶ αὐτοῦ διαλεχθέντα.* Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Тип разлиновки определить не удалось. В папке с пометой Порфирия Успенского.

4 л. 20,5 × 14,5 и 19,5 × 11,5. 26 строк.

Текст см. PG, t. 90, p. 148_C—153_B от слов «καὶ εἶπε Μάξιμος· Φοβηθῶμεν...» до слов «...ἀνέγνω καὶ αὐτὸς πά[ρας]».

Собр. Порфирия Успенского.

Листы обрезаны по краям и местами разорваны.

ПБ, греч. № 380.

232. Симеон Метафраст. *Избранные слова из сочинений Василия Великого.* Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Рукопись написана двумя писцами. Заголовки и инициалы писаны чернилами. На лл. 1, л. 9 и л. 17 внизу справа помечены рукой писца тетради $\overline{\text{IV}}$, $\overline{\text{VI}}$, $\overline{\text{IA}}$, дальше тетради не помечены. Тип разлиновки I₂₀. Имеются пометы к тексту, современные рукописи. В переплете XIX в.

54 лл. 26,5 × 20,0 и 19,0 × 13,5. 28 строк.

Текст см. PG, t. 32, p. 1265_C—1360_C от слов «[συγχωρη]θέντες ὑπὸ τοῦ πάθους» до слов «Ἀλλὰ καὶ τὸν πε[ρίβλεπτον]».

Собр. К. Тишендорфа.

ПБ, греч. № 93.

233. Феодор Студит. *Житие его и беседы.* XI в.

Пергамен. Минускул. Имеются небольшие заставки и инициалы в красках. Р-сь написана тремя писцами. Тип разлиновки I₂₀. Л. 1 — бумажный, XVI в.—XVII в. Этот лист, вероятно, был добавлен при переиздании р-си заново. Переплет XVI—XVII в., доски в тисненой коже с кожаными застежками. На л. 99 арабская помета, современная р-си: «Раб божий Иоил нечестивый».⁸

⁸ Арабская помета прочитана А. Л. Троицкой.

На л. 133 об. помета XIV в.: «*Ἀὕτη ἡ βιβλος εἶναι τῆς Λαύρας τοῦ ἀγίου Σάβ(α) τῆς Παλεστίν(ης) (καὶ) ἡ τις τὴν ὑστερήσει μετὰ τ(ὸν) Ἰούδα να χρίνετε τ(ὸν) προδότην*». На л. 301 об. помета XII в.: «*Τῆς Λαύρας τοῦ ἀγ(ίου) Σάβα*». 44 тетради, номера которых помечены внизу на первом и последнем листах каждой тетради.

307 лл., из них 6 бумажных чистых. $23,0 \times 17,0$ и $15,5 \times 12,0$. 23 строки.

Содержание: лл. 1 об.—63. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ Θεοδώρου ἡγουμένου μονῆς τῶν τοῦ Στουδίου, ἐγράφη παρὰ Μηχαῆλ μοναχοῦ. Начало утрачено, текст начинается на л. 2 со слов «[πο]λητείας καὶ ἀνοπερθέτως...» Текст см. PG, t. 99, p. 236_c—328_b; на л. 1 об. добавлены в XVI—XVII вв. начальные строки текста, значительно отличающегося от текста, напечатанного в PG, t. 99, p. 233_a; л. 63 об. чистый; лл. 64—70 об. Πίναξ σὺν θ(ε)ῶ τῆς παρούσης πυκτίδος; л. 71 — чистый; лл. 71—92 об. Μικρὰ κατήχησις. Текст см. Theodori Studitis praepositi Parva Catechesis. Ed. Emm. Auvray. Parisiis, 1891, p. 1—40, причем «Κατήχησις Ἰᾶ. Διδασκαλία περὶ εἰρήνης» обрывается на словах «καὶ τὸ μεσότυχον»; конец этой беседы и начало следующей беседы утрачены; л. 93—120. Κατήχησις ΙΓ—ΚΔ. Текст см. там же, p. 44 (со слов «[ἐπί]γνωσιν τῆς ἀληθείας») — 90; лл. 120—122 об. Κατήχησις ΚΕ. Текст см. там же, p. 95—98; лл. 122 об.—124 об. Κατήχησις ΚΣ. Текст см. там же, p. 91—94; лл. 124 об.—137 об. Κατήχησις ΚΖ—ΛΒ. Текст см. там же, p. 99—121; л. 138—138 об. Κατήχησις ΛΓ. Текст см. там же, p. 121—123, причем беседа эта обрывается на словах «Ἀνέτειλεν ὁ ἥλιος σὺν τῷ»; лл. 139—140. Κατήχησις ΛΔ. Начало утрачено. Текст см. там же, p. 124—126, начиная со слов «[ἀπε:]θείας. Τί τοῦτο λέγων»; лл. 140—142. Κατήχησις ΛΕ. Текст см. там же, p. 127—130; лл. 142—144 об. Κατήχησις ΛΣ. Текст см. там же, p. 170—174; лл. 144 об.—164 об. Κατήχησις ΛΖ—ΜΣ. Текст см. там же, p. 135—170; лл. 164 об.—166 об. Κατήχησις ΜΖ. Текст см. там же, p. 452—456, причем несколько последних слов утрачено; л. 167. Отрывок из Κατήχησις ΜΗ от слов «δέ εἰσιν αἱ ἐπαγγελίαι» до конца. Текст см. там же, p. 177—178; лл. 167—173 об. Κατήχησις ΜΘ—ΝΒ. Текст см. там же, p. 178—191; лл. 173 об.—222. Κατήχησις ΟΑ—ΟΘ. Текст см. там же, p. 246—339; лл. 223—230. Τοῦ ὁσίου π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ Θεοδώ(ρου) | ἡγουμένου τῶν Στουδίου Διαθήκη. Текст см. PG, t. 99, p. 1813_a—1824_d; лл. 230—232. Без заглавия, начало «Ἀδελφοὶ καὶ π(ατέ)ρες, ἡσθένησα...» Текст см. Parva Catechesis. Ed. Emm. Auvray. Parisiis, 1891, p. 113—118; лл. 232—236 об. Без заглавия, начало «Μετὰ δὲ τὴν | τετράριθμον τῶν ἡμερῶν...» Текст см. PG, t. 99, p. 324_b—328_b, причем текст рукописи несколько отличается от печатного текста; лл. 236 об.—256. Κατήχησις ΡΙΑ—ΡΚ. Текст см. Parva Catechesis. Ed. Emm. Auvray, p. 377—415; лл. 256—273 об. и л. 275—275 об. Κατήχησις Ρ—ΡΙ (!) Текст см. там же, p. 339—377; лл. 275 об., 274—274 об., 276—276 об. Номер беседы утрачен. «Ὅτι οὐ χρὴ τοῖς ἐσταυρωμένοις (!) τῷ κόσμῳ...» Текст см. там же, p. 415—417; лл. 276 об.—301 об. Κατήχησις ΡΚΒ—ΡΛΕ. Текст см. там же, p. 419—471.

Некоторые листы выпадают, несколько листов утрачено.

ПБ, собр. Санкт-Петербургской Духовной академии, Б II, № 11.

234. Сборник сказаний об апостолах Иоанне Богослове и Фоме. XI в.

Пергамен. Минускул. Рукопись написана двумя писцами. Имеются карминные заставки и инициалы. Тип разлиновки I₂₀. На лл. 120 об.—121 об. имеются латинские пометы, почти стертые. Имеются также пометы к тексту, современные р-си. Переплет—доски в тисненой коже, XVII—XVIII вв.

121 л. 25,5 × 19,0 и 19,0 × 12,5. 24 строки.

Содержание: лл. 1—48. Εἰς τὰς περιόδους καὶ πράξεις τοῦ ἁγίου καὶ | πα-
νευφύμου ἀποστόλου καὶ εὐαγγελιστοῦ Ἰω(άννου) | τοῦ Θεολόγου. Πρόλογος ἀπὸ φωνῆς
Νική|του ἀρχ(ι)επισκόπου Θεσσαλονίκης. См. Bibliotheca Hagiographica Graeca.
3-me éd., t. II. Bruxelles, 1957, p. 28, № 918 p; лл. 48—56 об. Ἐγκώ-
μιον εἰς τὸν εὐαγγελιστὴν καὶ θεολόγον Ἰωάννην. Конец утрачен. См. там же,
t. II, p. 33, № 932 d; лл. 57—114. Περίοδοι τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Θωμᾶ. См.
там же, t. II, p. 301, № 1832. Начало этого текста утрачено, загла-
вие написано рукой XV—XVI вв. на л. 57; лл. 114 об.—121. Βασιλείου
ἐπισκ(ό)π(ου) Σελευκείας | λόγος εἰς τὸν ἅγιον ἀπόστολο(ν) Θωμᾶν. См. Biblio-
theca Hagiographica Graeca, t. II, p. 304, № 1844 b.

Собр. Р. Тишендорфа. Конец и несколько листов в середине утрачены.

ПБ, греч. № 95.

235. Беседа на евангелие от Матфея. Орывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Инициалы писаны золотом. Три миниатюры
в красках: Сон Иосифа, Бегство в Египет и Избиение младенцев
(2 сцены). Тип разлиновки II₃₄₀.

1 л. 32,0 × 25,5 и 19,5 × 15,0. 2 столбца. 27 строк.

По предположению В. Н. Бенешевича, этот лист—из р-си Патри-
аршей библиотеки в Иерусалиме № 14, описание которой см. 'Α. Πα-
παδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσ. Βιβλιοθήκη, т. I, сел. 45—65. Однако мне это
отождествление кажется ошибочным по следующим мотивам: 1) почерк
писца (насколько об этом можно судить по имеющимся в каталоге
Пападопуло-Керамевса двум снимкам) описываемой р-си отличается
от почерка писца, написавшего р-сь Патриаршей библиотеки № 14;
2) хотя в описании Пападопуло-Керамевса указано (сел. 45), что № 14
писан в два столбца, на снимках видно, что р-сь эта писана в один
столбец; 3) согласно каталогу Пападопуло-Керамевса, № 14 содержит
произведения Григория Богослова и Иоанна Дамаскина, однако ни
у того, ни у другого автора не удалось найти текст, содержащийся
в описываемой р-си. Текст этот содержит отрывок из беседы на еван-
гелие от Матфея II₁₃₋₁₈, начало: «Ἀναχωρησάντων δὲ τῶν μάγων, ὡφθη ἄγ-
γελος κυρίου τῷ Ἰωσήφ λέγων...»; конец: «...καὶ οὐκ ᾔθελεν παρακληθῆναι ὅτι
οὐκ εἰσίν».

Собр. Порфирия Успенского. M. Alpatoff und V. Lazareff. Ein byzantin.
Tafelwerk aus der Komnenenepoche. «Jahrbuch d. Preuss. Kunstsammlungen»,
Bd. 46, Heft 2, 1925, S. 149, со снимком.

ПБ, греч. № 334.

236. Беседа духовная. Орывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Тип разлиновки определить невозможно, так
как сохранился лишь обрезок листа.

1 л. 14,5 × 21,0 и 9,5 × 14,3. Сохранилось 13 строк.

Отождествить текст не удалось. Начало: «Τοῖς ἀπὸ τοῦ Βαβυλωνίου...»;
конец «...ἀλλὰ καὶ Σε|ναχερίβου τοῦ βασιλέως τούτου τοσοῦτον στρατοῦ».

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Отчет ПБ за 1911 г. стр. 46.

ПБ, греч. № 684.

237. Поучение о бедности и богатстве. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Небольшие киноварные инициалы. Тип разлиновки II₃₄₆. На л. 1 об помета: «Намерил Лука П. Алексиев. 31 октомврий 1886 г. г. Солун». В переплете XIX в.

1 л. 38,4 × 26,4 и 26,5 × 18,5. 2 столбца. 29 строк

Текст отождествить не удалось. Начало: «[βου]λομένοις· τοῦτοις γὰρ | ἂν ἐγένου· εἰ γὰρ βούλει | εἶναι φοβερός...»; конец: «...ἐπεισάγοντες· καὶ καθάπερ» Поступила в 1910 г. в ПБ от П. Д. Драганова. Отчет ПБ за 1910 г. стр. 64—65 № 10.

Лист загрязнен.

ПБ, греч. № 665.

238. Беседа на книгу бытия(?) Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Текст почти не читается, так как лист покрыт темными пятнами.

Обрезок листа. 19,0 × 16,5. 2 столбца. Сохранились следы 28 строк.

Содержание описано по Муральту, см. Ed. de Muralt. Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque Imp. Publique. St. Pétersbourg, 1864, p. 33—34.

ПБ, греч. № 59.

239. Беседа богословская. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Тип разлиновки II₃₃₆.

1 л. 33,8 × 25,0 и 23,8 × 16,5. 2 столбца. 28 строк.

Текст отождествить не удалось. На л. 1 имеется киноварный заголовок: Ἦθ(ἰκός) ΚΤ. Ὅτι χειρόν τῆς κολάσεως ἐστὶ τὸ ἐκ τῆς βασιλείας ἐκπεσεῖν, καὶ ὅτι ὁ ἐνάρετος βίος λαμπρὸν ἀποτελεῖ, οὐχ ὁ πλοῦτος καὶ ἡ δυναστεία. Эта беседа обрывается на л. 1 об. словами: «...καὶ οὕτως | εἶναι ἐνάρετον παντα|χοῦ· ὥς δύνασθαι ἀπαν|τας ἐν φιλοστοργίᾳ πα|τρικῆς καταστήσαι δια...»

БАН, собр. РАИК, № 147.

240. Сборник. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул, переходящий в курсив. Имеются небольшая заставка и заголовки, писанные золотом. Тип разлиновки определить не удалось. В папке с пометой Порфирия Успенского.

2 л. 19,7 × 14,3 и 13,7 × 10,0. 26 строк.

Содержание: лл. 1—2 об. Ἰππολύτου Θηβαίου ἐκ τοῦ χρονικοῦ συγγράμματος. Об этом тексте см. H. von Soden. Die Schriften des Neuen Testaments, Bd. I. Berlin, 1902, S. 361; л. 2 об. Λογγίνου. Λογγίνος ὁ καὶ ῥήτωρ τὴν τῶν μεγάλων ῥητόρων ἀπαρίθμησιν συνέταξεν οὕτως; всего несколько строк, кончается словами «...καὶ πρῶτον φημὶ προῖστάμενον δόγματος ἀναποδείκτου»; тот же лист. Τοῦ Χρυ(σοστόμου) προοίμιον εἰς τὸ κατὰ Ματθ(αῖον) εὐαγγέλιον. Текст см. PG, t. 57, p. 13. Только начало, обрывается на словах «...καὶ πλάκας· καὶ διὰ τοῦ[των]».

Собр. Порфирия Успенского.

ПБ, греч. № 386.

241. Жития святых на ноябрь месяц. XI в.

Пергамен. Минускул. Небольшие карминные заставки и инициалы. Тип разлиновки II₃₄₆.

178 лл. 31,8 × 21,8 и 23,0 × 15,5. 2 столбца. 30 строк.

Содержание: лл. 1—37. Житие Григория Аграгантского. Текст см. PG, t. 116, p. 280_B—269_B, от слов «Λόγους προσήγον αὐτῷ | παρακλήσεως...»

до конца жития, причем последний лист бумажный, добавлен в XVI в.; лл. 37—41 об. Μαρτύριον τῆς ἁγίας καὶ | καλλινίκου μάρτυρος | τοῦ Χ(ριστοῦ) δ' Αἰκατερήνης. Текст см. там же, р. 276_с—301_в; лл. 41 об.—101. Βίος τοῦ ἁγίου ἱερομάρτυρος Κλήμεντος ἐπισκόπου Ῥώμης μαθητοῦ τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Πέτρου. Текст см. PG, t. 2, р. 25 сл.; лл. 101—110 об. Μαρτύριον τοῦ ἁγίου ἱερομάρτυρος καὶ | ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας Πέτρου. См. Bibliotheca Hagiographica Graeca, t. 2, 3-е éd. р. 198, № 1503; лл. 110 об.—124. Μαρτύριον τοῦ ἁγίου | μεγαλομ(ά)ρ(το)υ Μερκουρίου. Латинский перевод текста см. PG, t. 116, р. 269—276; лл. 124 об.—133. Ἀθληταὶ τοῦ ἁγίου μεγαλομ(ά)ρ(το)υ Ἰακώβου τοῦ Πέρσου. См. Bibliotheca Hagiographica Graeca, t. 1, 3-е éd., р. 256, № 773; лл. 133—176 об. Βίος καὶ πολιτεία καὶ | ἀγῶνες τοῦ ὁσίου π(α)ρ(ὸ)ς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ | Στεφάνου τοῦ Νέου. Текст см. PG, t. 100, р. 1069—1186; в середине добавлен один бумажный лист XVI в.; лл. 176 об.—177 об. Ὑπόμνημα εἰς τὸν | ἅγιον τοῦ Χ(ριστοῦ) ἀποστόλον Ἀνδρέαν τὸν Πρωτόκλητον. См. Bibliotheca Hagiographica Graeca, t. 1, 3-е éd., р. 31 № 101. На л. 177 об. обрывается на словах «...καὶ τῷ ζῳῳι παραμενοῦντας· | ἵνα μὴ τοῦτο γένηται· μὴ | δὲ ἐξ ἀν(θρώπων) αὐτοῦ γενομένου· ταῖς ταπειναῖς...»; л. 178 Отрывок, который отождествить не удалось, начало: «...νοὺς εἰπὼν· καὶ τῆς ἀφειδῆ πίσειν ταῖς αὐτῶν ἐγγράφας ψυχαῖς· καὶ εἶσω τῶν | ιδίων ἡδὴ δικτύων θέμενος», конец: «...καὶ τὸν κα|θ' ἑαυτὸν πολύδακρυν στή|σας πόλεμον· αὐτὰ δὲ | τὰ τῶν εἰδώλων τεμῆ|νη εἰς ἱεροὺς μεταποι|ήσας ναοὺς· κ(αὶ) ἱερεῖς πά...»

Многие листы оборваны по краям.

БАН, собр. Иностранных Рукописей
F. № 4 (старый шифр XX Aa IV).

242. Пролог на месяц ноябрь. Вторая половина XI в.

Пергамен. Минускул. Заставки и инициалы рисованы тусклой киноварью. Тип разлиновки II_{24b}.

Номера тетрадей помечены писцом на первом листе и на обороте последнего листа каждой тетради. Всего 30 тетрадей.

На л. 234 имеется вкладная 1248 г. Ἡ παροῦσα βίβλο(ς) σὺν ἐτέρᾳ Χρυσοστομικῇ βίβλῳ | ἐδόθησαν ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἐν ἁγίοις π(α)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Κλήμεντος(ος), παρὰ τοῦ παναγιωτ(ά)τ(ου) ἀρχιεπισκόπου(ου) Βουλγαρί(ας) κυρ(οῦ) Ἰακώβου, | ὑπὲρ μνήμ(ης) τῶν αἰδίδμων γονέ(ων) αὐτοῦ, Ἡσαίου μοναχοῦ καὶ | Καλ(ῆ)ς, Μιχαήλ, Θεοδώρου καὶ Μαρίας, καὶ Ξεν[οφῶντος?] (μονα)χ(οῦ), καὶ ἐτυπώθη, ἵνα καὶ αἱ μ(εν) ἐν τοῖς ἱεροῖς διπτύχοις | μνημονεύωνται, καὶ ἐτησίως δὲ κατ(ά) μῆνα ὀκτώμβρι(ον) γίνωνται ὑπὸ τοῦ κατ(ά) τ(ὴν) ἡμέρ(αν) καθηγουμένου ὑπὲρ ἀναπαύσε(ως) καὶ μνήμ(ης) τῶν τοιούτων ψυχῶν κόλυβα καὶ λειτουργίαι | ὅσας ἐκ διακρίσε(ως) ἔχει ὁ ἡγούμενος(ς). Ταύτην οὖν τὴν | διατύπωσ(ιν) συνέθετο ὁ πανοσιώτ(α)το(ς) καθηγούμε(ε)νος(ς) τ(ῆς) εἰρημ(έ)ν(ης) | ἁγί(ας) μον(ῆς) καὶ ἀρχιμανδρίτ(ης) κῆρ Βαρνάβ(ας), ἥν ὀφείλουσι | ἐκτελεῖν καὶ οἱ μετ'αὐτόν, εἰδότες ὡς εἰ παραβῶσιν | κρίμα ἑαυτοῖς προξενήσουσι καὶ ἐπὶ τοῦ φοβεροῦ | βήματος(ς) ἀπολογήσωνται περὶ τούτου. Μηνὶ ὀκτωμβρίῳ ἰνδικτιῶνος(ς) ἐβδόμ(ης) ἔτους ςψνζ. | † Ὁ ἀρχιεπίσκοπος(ς) τ(ῆς) ἁγίωτ(ά)της ἀρχιεπισκοπ(ε)ίας Βουλγαρί(ας) κῆρ Ἰακώβος. На л. 1 об. и л. 234 об. пометы, не поддающиеся прочтению. Сохранилась верхняя доска старого переплета; нижняя доска переплета, видимо, присоединена к р-си не ранее XVI в.

234 лл. 29,4 × 22,5 и 20,8 × 15,8. 2 столбца. 29 строк.

Содержание: л. 1. Помета XIX в. Из собрания А. Ф. Гильфердинга; л. 1 об. — пометы, не поддающиеся прочтению; л. 2—2 об. Πίναξ ἀκριβῆς τοῦ παρόντος βιβλ(ο)υ; лл. 3—6 об. Βίος καὶ πολιτεία κ(αὶ) | ἀνάπαυ-

σις τῶν ἀγίων καὶ θαυματουργῶν ἀναργύρων | Κοσμᾶ καὶ Διαμαντοῦ. См. Bibliotheca Hagiographica Graeca, t. I, 3-е éd., p. 127, № 374; лл. 6 об.—19. Ἀθληταὶ τῶν ἀγίων καὶ | ἐνδόξων τοῦ Χριστοῦ μαρτύρων Ἀκινδύνου, Πηγαίου, Ἀνεμποδίστου, | Ἀφθονίου καὶ Ἐλπιδιφόρου. См. там же, t. I, p. 6, № 23; лл. 19—33. Ἀθληταὶ τῶν ἀγίων | καὶ ἐνδόξων τοῦ Χριστοῦ μαρτύρων Ἀκσιψιμᾶ, Ἰωσήφ καὶ Ἀειθαλᾶ. См. там же, t. I, p. 5—6, № 20; лл. 33—59 об. Βίος καὶ πολιτεία καὶ ἀγῶνες τοῦ ὁσίου π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰωαννικίου. См. там же, t. II, p. 35, № 937; лл. 59 об.—67. Βίος καὶ πολιτεία καὶ | μαρτύριον τῶν ἀγίων|καὶ ἐνδόξων τοῦ Χριστοῦ | μαρτύρων Γαλακτίωνος καὶ Ἐπιστήμης. См. там же, t. I, p. 211, № 666; лл. 67—72 об. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ | ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ Παύλου. См. там же, t. II, p. 185, № 1473; лл. 72 об.—77 об. Μαρτύριον τοῦ ἀγίου καὶ | ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος Ἰέρωνος καὶ τῶν σὺν | αὐτῷ ἀγίων, τῶν ἐν Μελιτινῇ ἀθλησάντων. См. там же, t. I, p. 248, № 750; лл. 77 об.—93 об. Βίος καὶ πολιτεία καὶ ἀσκήσεις τῆς ὁσίας Μαρτῶνης. См. там же, t. II, p. 102 № 1222; лл. 93 об.—102. Βίος καὶ πολιτεία τῆς | ὁσίας Θεοκτιστῆς τ(ῆς) Λεσβί(ας). См. там же, t. II, p. 270, № 1726; лл. 102 об.—107. Μαρτύριον τοῦ ἀγίου | καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος τοῦ Χριστοῦ Μηνᾶ | τοῦ Αἰγυπτίου τοῦ ἐν τῷ | Κοτυαεῖῳ μαρτυρήσαντος. См. там же, t. II, p. 111, № 1250; лл. 107—138. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰω(άννου) ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας | τοῦ Ἐλεήμονος. См. там же, t. II, p. 20, № 888; лл. 138—210 об. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἐν | ἀγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰωάννου | ἀρχιεπισκόπου γενομένου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Χρυσοστόμου. См. там же, t. II, p. 9, № 875; конец этого жития Иоанна Златоуста см. там же, № 875 е; лл. 211—215. Ὑπόμνημα εἰς τὸν | ἅγιον ἀπόστολον Φίλιππον. См. там же, t. II, p. 203, № 1527; лл. 215—222 об. Μαρτύριον τῶν ἀγίων ὁμολογητῶν | Γουρία, Σαμωνᾶ | καὶ Ἀβιβου. См. там же, t. I, p. 241, № 736—737; лл. 222 об.—230. Θαῦμα γενόμενον ἐν | Ἐδέσῃ τῇ πόλ(ει) ὑπὸ τῶν | ἀγίων ὁμολογητ(ῶν) Γουρία, Σαμωνᾶ καὶ Ἀβιβου. См. там же, № 738; лл. 230—232 об. Ὑπόμνημα εἰς τὸν ἅγιον ἀπόστολον καὶ εὐαγγελιστὴν τοῦ Χ(ριστοῦ) Ματθαίου. См. там же, t. II, p. 103, № 1226; л. 233 — выше-приведенная вкладная 1248 г.

Собр. А. Ф. Гильфердинга. Отчет ПБ за 1873 г. стр. 9.

Нижняя доска переплета сломана; верхняя доска переплета и первый лист повреждены червями.

ПБ, греч. № 181.

243. Житие Варлаама и Иосафа. Огрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Две миниатюры, снабженные следующими пояснениями: л. 1. Τὸ ὄναρ δ' ἐθεάσατο ὁ Ἰω|άσαφ ἡνίκα ἐκοιμήθη ὁ Βαρ|λαᾶμ πε(ρι) τῆς | λαμπρ(ᾶς) πόλε(ως) | καὶ τ(ῶν) στεφάν(ων), καὶ τ(οῦ) | Βαρ|λαᾶμ ἀνα|δίδ-ξοντο(ς) αὐτόν | πε(ρι) τῶν στεφάν(ων); л. 3 об. Ἡ κοίμησις τοῦ Ἰωάσαφ. Эти пояснения и инициалы писаны красным. Тип разлиновки определить не удалось. Из рукописи Крестного м-ря в Иерусалиме № 42. В папке с пометой Порфирия Успенского.

4 лл. 26,0 × 18,0 и 18,0 × 12,5. 27 строк.

Текст см. PG, t. 96, p. 1233_B—1240_B от слов «κυβερνῶν, καὶ γνωρισόν μοι...» до слов «...δοξάζοντες ἐν πάσι τὸν» См. Ἀ. Παπαδόπουλος—Κεραμεύς. Ἱεροσ. Βιβλιοθήκη, т. III, σελ. 93—98.

Собр. Порфирия Успенского.

ПБ, греч. № 379.

244. Житие Павла Латрского. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Тип разлиновки II_{4a}. В папке с пометой Порфирия Успенского. Из р-си Крестного м-ря в Иерусалиме № 31, после л. 298.

2 лл. $28,7 \times 20,8$ и $20,8 \times 16,0$. 2 столбца. 23 строки.

Текст см. *Analecta Bollandiana*, XI. 1892, p. 169—172, от слов «ὥρας ἐκ τῆς οἰκείας κέλλης...». до слов «...οὐδεμίᾳ τούτων πονηρὸν συνέβη καίτοι τῶν ἄλλων...». См. 'Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. *Γερουσ. Βιβλιοθήκη*, т. III, σελ. 71—72.

Собр. Порфирия Успенского.

ПБ, греч. № 377.

245. Житие св. Спиридона Тримифунтского. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Имеется небольшой инициал, писанный золотом. Тип разлиновки определить невозможно, так как сохранилась лишь половина листа. На верхнем поле имеются наброски орнамента, сделанные не ранее XIV в.

1 л. $22,2 \times 27,8$ и $18,0 \times 24,0$. 2 столбца. Сохранилось 15 строк.

Текст см. PG, t. 116, p. 420_B—421_B от слов «γυναίκε μὲν νομίμω...» до слов «...ἵνα τι καὶ τομῆσω...», с небольшим пропуском в середине этого отрывка.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Отчет ПБ за 1911 г. стр. 53—54.

Пергамен был использован в качестве переплета, измят и загрязнен.

ПБ, греч. № 683.

246. Слово на обретение мощей первомученика Стефана. Отрывок. XI.

Пергамен. Минускул. Тип разлиновки определить не удалось, так как лист использовался в качестве переплета и обрезан по краям. В картонном переплете XIX в.

1 л. $26,6 \times 21,5$ и $22,8 \times 16,2$. 23 строки.

Текст определен по указанию Бенешевича. См. 'Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. *Ἀνάλεκτα Γερουσιολογικῆς Σταχυολογίας*, т. V. 'Εν Πετρούπολει, 1898, σελ. 66—67, от слов «Πιστεῖσαι δύναίτο...» до слов «...πρὸς τὴν τοῦ ἱεροῦ».

Собр. К. Тишендорфа.

ПБ, греч. № 83.

247. Пролог (?). Отрывки. XI в.

Пергамен. Минускул. Имеется киноварный заголовок. Тип разлиновки определить невозможно.

6 обрезков, из которых размер самого большого $22,8 \times 16,0$, а самого маленького $12,8 \times 15,3$. 2 столбца. Сохранилось от 14 до 32 строк.

Содержание: лл. 1а, 1с, 1d (правый столбец), 2—2 об. Μηνὶ τῷ αὐτῷ Κ. Βίος τοῦ ὁσίου π(ατ)ρ(ὸς) ἡμ(ῶν) Εὐδοκίου τοῦ Μεγάλου. Разрозненные отрывки. См. *Bibliotheca Hagiographica Graeca*, t. I. 3-е éd., p. 203, № 647—648; лл. 1d, 1d об. (левый столбец). Разрозненные отрывки из жития Афанасия Александрийского. Текст см. PG, t. 25, p. CCXXII_C—CCXXIII_B; лл. 3—3 об. Разрозненные отрывки из жития св. Трифона. Текст см. PG, t. 114, p. 1325_C—1328_C; текст на лл. 1а об., 1_B—1_B об. и 1с об. не читается.

Листы извлечены из какого-то переплета, запачканы клеем.

ПБ, греч. № 74.

248. Сборник житий. Отрывок. Вторая половина XI в.

Пергамен. Минускул. Тип. разлиновки II_{34e}. Небольшая заставка в красках. На л. 1 помета, современная р-си φύλλ(α) ε̄.

1 л. 34,5 × 27,5 и 25,5 × 20,5. 2 столбца. 30 строк.

Содержание: л. 1 обрывок из деяний св. Димитрия; текст см. PG, t. 116, pars 3, p. 1201_{B-D}, от слов «ἐπιφανείς οὖν ὁ θεὸς αὐτῷ Δημήτριος πᾶσαν ἀδούριαν...» и до конца; л. 1 — л. 1 об. Обрывок из жития св. Анастасии Римлянки (память 29 октября); текст см. PG, t. 115, pars 2, p. 1293_D—1296_D, с начала до слов «οἱ δὲ πρὸς τὸν ἡγεμόνα δραμόντες». На верхнем поле листа к этому житию имеется киноварная помета «μηγὶ τῷ αὐτῷ x[8]».

Собр. Н. П. Лихачева.

Ленинградское отделение Института истории Академии наук. Архив, Западноевропейская секция, № 37/669.

249. Четвероевангелие. XI в.

Пергамен. Минускул. Три миниатюры, изображающие евангелистов Матфея, Марка и Иоанна. Орнаментированные каноны Евсевия. Заставки и инициалы рисованы золотом и красками. Заголовки писаны кармином.

259 л. 21,5 × 17,5 и 14,5 × 9,5. 24 строки.

Содержит также некоторые дополнительные статьи, например предисловие Космы Индикоплова, Ὑπόθεσις κανόνων τῆς τῶν εὐαγγελιστῶν συμφωνίας и т. п.

Листы 1—10 бумажные, добавлены в XVI в.

Подарено Публичной библиотеке Сандрини, консулом острова Сиры. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 204, 1108, индекс e 568; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1, стр. 316.

ПБ, греч. № 67.

250. Новый завет. XI в.

Пергамен. Мелкий беглый минускул. Заставки и инициалы рисованы красками. Киноварные инициалы и заголовки. Тип разлиновки I_{2d}. В переплете XIX в. На полях некоторых листов имеются глоссы.

291 л. 15,2 × 11,0 и 10,8 × 7,2. 30 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1196, индекс e ap. 2147.

В начале были приплетены в XIX в. два чистых пергаменных листа. Листы сплетены неверно, правильный порядок должен быть такой: л. 1—256, 265—272, 257—264, 273—291.

ПБ, греч. № 224.

251. Четвероевангелие. XI в.⁹

Пергамен. Минускул. Заставки и инициалы рисованы золотом и красками. На л. 1—6 об. послание Евсевия к Карпиану и каноны в обрамлении, рисованном золотом и красками. Четыре миниатюры на золотом фоне. На л. 10 над инициалом В поставлена чернилами та же буква, видимо, служившая указанием для художника, какой именно инициал следует нарисовать. Тип разлиновки напоминает типы I 38_{a-b}. На л. 198 помета XVIII—XIX вв. с указанием библиотеки, которой принадлежала

⁹ По Бенешевичу — около 900 г.

р-сь. Название библиотеки прочитывать не удалось. В переплете XIX в. 214 л. $17,5 \times 11,6$ и $13,0 \times 7,0$. 27 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1105, индекс е 399; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1, стр. 316.

Зеленая краска местами повредила пергамен.

ПБ, греч. № 220.

252. Четвероевангелие. XI в.

Пергамен. Минускул. Два писца. Рубрики. Оглавления евангелий написаны киноварью. Имеются мелкие писанные золотом инициалы. Тип разлиновки в издании Lake отсутствует. На л. 197 имеется запись 1676 г., сделанная, видимо, владельцем рукописи; запись эта целиком не читается.

В переплете XV—XVI вв. — доски в тисненой коже, заставки утрачены.

195 л. $22,5 \times 16,8$ и $15,0 \times 9,5$. 21 строка.

Собр. Сарафова. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1198, индекс е 2172. Отчет ПБ за 1895 г. стр. 70.

Часть листов утрачена.

ПБ, греч. № 509.

253. Четвероевангелие. XI в.

Пергамен. Минускул. Имеются заставки и инициалы, рисованные кармином. Оглавления каждого из евангелий также писаны кармином. Тип разлиновки I_{26a}.

На л. 239 записи писца: 1) «† Ὁσπερ ξενοι χαίρουσιν ἡδὴν πατρίδα, οὕτως | καὶ οἱ γράφοντες ἡδὴν βιβλίου τέλος»; 2) «Βουλῆς μαθ... ἡδὴ ταύτην τὴν δέλτων γράφας | Θεόδωρος μάχι(στρος)». В красном сафьяновом переплете XIX в. с застёжками и тиснением.

239 л. $21,0 \times 16,0$ и $12,5 \times 9,8$. На лл. 1—2 по 2 столбца. 22 строки.

Собр. архимандрита Антонина Капустина. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1198, индекс е 2176; Отчет ПБ за 1899 г. стр. 8.

У переплета подклеены чистые листы бумаги, поврежденные червями. На первом бумажном листе имеется экслибрис Антонина Капустина.

ПБ, греч. № 538.

254. Четвероевангелие. XI в.

Пергамен. Минускул. В начале каждого из евангелий имеется миниатюра на золотом фоне с изображением евангелиста, а также заставки и инициалы, рисованные золотом и красками. Лл. 124—125 окрашены пурпуром, текст писан серебром, ныне почерневшим. Лл. 201—202 также окрашены пурпуром, текст на них писан золотом. Лл. 126—127 написаны в XIII в. Тип разлиновки близок к типу I_{40a}. В красном бархатном переплете.

259 л. пергамена и 4 бумажных л. в конце. $15,6 \times 11,3$ и $10,5 \times 7,0$. 20—21 строка.

Поступило в ПБ в 1928 г. из Музея города. Краткий отчет Рукописного отдела (Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) за 1914—1938 гг. Ленинград, 1940, стр. 240—241; Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В кн.: «Труды Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. II (V). Л., 1957, стр. 230, со снимками.

ПБ, греч. № 801.

255. Евангелие толковое. XI в.

Пергамен. Минускул. На лл. 1, 62, 102 и 105 имеются заставки и инициалы, рисованные золотом и красками. Мелкие карминные инициалы. На полях помещены схолии, современные тексту и связанные с текстом цифрами. Тип разлиновки в издании Lake («Dated Greek. . .») не зарегистрирован. В переплете XIX в. При переплете листы рукописи были подклеены обрезками из латинской пергаменной рукописи XI в.

200 л. 28,0×22,0 и 16,0×10,5 (без схолий). 26 строк.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Отчет ПБ за 1911 г., стр. 39; № 10, с указанием, что имеющиеся в этой рукописи толкования не изданы. Конец утрачен, обрывается на Ев. от Иоанна XVII₁₀.

ПБ, греч. № 667.

256. Евангелие толковое. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул, схолии написаны курсивом с сокращениями. Схолии связаны с текстом небольшими красными буквами. Инициалы карминные. Тип разлиновки определить не удалось. На обложке — помета Порфирия Успенского с датировкой этих листов 1317 г. (6825) и указанием, что они хранились в библиотеке монастыря св. Дионисия на Афоне. По указанию М. Рижара, это фрагмент из р-си монастыря св. Дионисия.

2 л. 26,7×19,5 и 9,5×8,5 (без схолий). 16 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1198, индекс e 2166. Gregory принимает датировку этих листов 1317 г., но письменно указывает на XI в. (начало XII в.?)

ПБ, греч. № 326.

257. Евангельские чтения. XI в. (лл. 68—184) и XII—XIII вв. (лл. 1—67).

Пергамен. Минускул. Лл. 68—184 написаны двумя писцами. Лл. 5—65 палимпсест; текст XII—XIII вв. написан по смытому унциальному тексту IX в. и смытому минускульному тексту XI в. На лл. 95 и 162 имеются заставки и инициалы в красках. Имеются киноварные заголовки, инициалы и экфонетические знаки. Тип разлиновки листов 68—184 в издании Lake не зарегистрирован. На лл. 1—67 преобладает тип разлиновки II_{19d}. На некоторых листах имеется рисованный чернилами орнамент, добавленный на полях позднее, чем была написана рукопись. На лл. 35, 80, 89 об., 110 об., 131, 132 об., 135 и 155 находятся пометы (поминальные записи?), почти не поддающиеся прочтению; читаются даты: 1547 год, 1555 год и 1567 год. В переплете XIX в.

184 л. 30,0×22,5 и 19,5×14,5. 2 столбца. На лл. 1—67 по 27—28 строк, на лл. 68—184 по 20 строк.

Смытый текст на лл. 1—35 и 51—52 содержит службы мученикам (см. ниже описание № 275), на лл. 36—50 и 53—67 — паремейник (см. выше, описание № 97).

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Ранее рукопись принадлежала монастырю Иоанна Предтечи (Ἀργυροπόλις, Гюмюшханэ на Черном море). Отчет ПБ за 1911 г., стр. 37, № 4.

Начало и конец утрачены, от некоторых листов сохранились лишь обрывки.

ПБ, греч. № 669.

258. Евангельские чтения. Первая половина XI в.

Пергамен. Минускул. Заставки и инициалы рисованы золотом и красками. Киноварные экфонетические знаки. Тип разлиновки II_{42b}. Имеются пометы к тексту XII—XV вв.

160 лл. 28,0×22,0 и 22,5×16,0. 2 столбца. 20 строк.

Р-сь поступила в Санкт-Петербургскую Духовную академию от профессора Академии И. Е. Троицкого, получившего ее в Константинополе в 1886 г. от Г. П. Беглери (Βηγλέρης). Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1279, индекс I 1393; Н. Н. Глубоковский. Греческий рукописный Евангелистариий из собрания проф. И. Е. Троицкого. СПб., 1898.

Начало, конец, многие листы и переплет утрачены. Листы покороблены, по краям оборваны и испорчены мышами. В заставках краска местами повредила пергамен.

ПБ, собрание Санкт-Петербургской Духовной академии, Б, № 7.

259. Евангельские чтения. XI в.

Пергамен. Минускул. Заставки, заголовки и инициалы рисованы золотом и красками. Киноварные экфонетические знаки. Тип разлиновки I_{17a}. Переплет доски в коже. На л. 3 записи: 1) $\overline{\alpha\omega\nu\beta}$ (1852) ἀπριλίου ΚΒ ἐπισκεψάμενοι τὴν ἱερὰν ταύτην μονὴν τοῦ ἁγίου Γεωργίου ἐλειτουργήσαμεν εἰς τὴν μνήμην αὐτοῦ καὶ παρατηρήσαντες τὸ παρὸν ἱερὸν εὐαγγέλιον, ἀρχαῖον ἀφιέρωμα τοῦ ἱεροῦ τούτου μοναστηρίου ἀπαγορεύομεν ἐν βάρει ἀφορισμοῦ τὴν ἀποξένωσιν αὐτοῦ. Ὁ Ἀντιοχεῖ(ας) Ἱερόθεος ἀποφαίνει; 2) Καὶρὸς πατριάρχης Ἰωακὴμ τῆς Ἀντιοχίας (!) τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον τοῦ ἁγίου Γεωργίου μοναστηρίου ἐν ἔτη 1422 (?) ὁ Χριστός. На бумажных листах имеются также арабские записи, из которых следует, что эта р-сь была пожертвована в церковь св. Сергия, Вакха и Леонтия в Босре в 1344 г. и реставрирована патриархом Иоакимом¹⁰ в 1418 г. Арабские пометы к тексту имеются на разных листах р-си.

311 л., из них 6 л. бумажных. 31,5×21,0 и 24,5×16,0.

2 столбца. 24 строки.

Р-сь была подарена в 1913 г. русскому царю Николаю II антиохийским патриархом Григорием IV по случаю трехсотлетия дома Романовых, а затем поступила в Азиатский музей (ныне Ленинградское отделение Института востоковедения) Академии наук. И. Ю. Крачковский. Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского. Оттиск из журн. «Христианский Восток», т. VII, 1921—1924, стр. 7—8.

Рукописный отдел Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР, Фонд арабской графики, Д. 227.

260. Апостол? Отрывки. XI в.

Пергамен. Палимпсест. Минускул. Смытый текст, покрытый в XIV—XV вв. богослужебным текстом.

1 л. 21,5×14,5.

Собр. К. Тишендорфа.

ПБ, греч. № 38 смытый текст.

¹⁰ Видимо, антиохийским патриархом Иоакимом II (умер в 1425 г.). См. архим. С е р г и й. Полный месяцеслов Востока, т. 2, изд. 2-ое, Владимир, 1901, стр. 688.

261. Евангелия от Матфея и от Марка. Отрывки. XI в.

Пергамен. Мелкий минускул. На л. 1—4 об. каноны Евсевия в арках, рисованных золотом и красками. Заставки рисованы золотом и красками. На некоторых листах имеются схолии, современные тексту. Тип разлиновки близок к типам I_{35a} и I_{36a}. На л. 1 пометы XIX в.: 1) «Χειρόγραφον ἀριθμός 1»; 2) «Περιέχει 110 φύλλα». На л. 42 об. имеется несколько помет, не поддающихся прочтению.

42 л. 14,5×11,0 и 9,0×7,5. 22 строки.

Собр. Н. П. Лихачева. М. А. Шангин. Фрагменты греческих рукописей из Музея палеографии, II. «Доклады Академии наук». В., 1927, стр. 200—201.

Листы р-си не шиты. На л. 36 об.—37 текст поврежден сыростью.

Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР. Архив, Западно-европейская секция, № 38/609.

262. Евангелие от Марка I₁—II₁₆; III₁—17. XI в.

Пергамен. Минускул. На л. 2 была заставка, в настоящее время вырезанная. На том же листе имеются оглавления евангелий от Луки и от Марка, писанные красным. Рубрики. Тип разлиновки I_{40c}.

6 л. 20,0×16,0 и 11,8×9,2. 21 строка.

Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1204, индекс e 2275; K. Aland. Zur Liste d. neutest. Handschriften. VI, S. 189 (=«Zeitschrift für die neutest. Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche», Bd. 48, 1957), с тем же индексом.

БАН, собр. РАИК, № 72 (старый шифр А 9)

263. Евангелие от Марка и от Луки. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Имеются небольшие инициалы, писанные золотом. Тип разлиновки I_{7a}.

73 л. 21,0×15,5 и 15,0×9,5. 19 строк.

Содержит: евангелие от Марка IV₁₉ и до конца; евангелие от Луки с начала до X₁₁.

Листы потемнели по краям и покороблены.

БАН, собр. РАИК, № 73.

264. Чтения из апостола. XI в.¹¹

Пергамен. Минускул. Заставки и инициалы рисованы золотом и красками. Киноварные экфонетические знаки. Тип разлиновки II_{23a}. Имеются позднейшие пометы к тексту. Переплет XVII в., доски в тисненой коже с фигурными середниками и жуками, один из которых утрачен.

178 л. 25,0×20,0 и 18,0×14,0. 2 столбца. 18 строк.

Происхождение рукописи установить не удалось. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 468, 1227, индекс 1^a 173; архим. Сергей. Полный месяцеслов Востока, т. 1, изд. 2-ое. Владимир, 1901, стр. 17, 98, 409—412.

Листы подклеены бумагой.

ПБ, греч. № 57.

¹¹ По Бенешевичу — начало XI в.

265. Евангельские чтения. XI в.

Пергамен. Минускул. Р-сь написана двумя писцами. Заставки в красках. Заголовки и инициалы киноварные. Киноварные экфонетические знаки. Тип разлиновки близок к типам II_{22a}-b. В переплете XIX в. 453 л. 37,5×27,5 и 25,0×19,5. 2 столбца. 18 и 24 строки.

Поступило в 1858 г. из Трапезунтской митрополии. К этой р-си был присоединен отрывок так наз. «Трапезунтского Евангелия» (ПБ, греч. № 21), см. выше, описание № 87 (BB, XVI, 1959, стр. 238); Gregory. Textkritik d. N. T., S. 408, 1228, индекс I 252.

Начало и конец утрачены, многие листы повреждены сыростью и подклеены бумагой.

ПБ, греч. № 69.

266. Евангельские чтения. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Тип разлиновки II_{40a}.

2 л. 25,5×19,9 и 17,3×10,8. 2 столбца. 29 строк.

Содержит Евангелие от Луки VII₄₇—VIII₁₆; X₁₁₋₃₀.

Привезен Н. П. Кондаковым с Синая. Бенешевич. Описание, т. 1, стр. 639; Х. М. Лопарев. Описание р-сей имп. Общества любителей древней письменности, ч. III. СПб., 1899, стр. 173.

ПБ, собр. Общества любителей древней письменности. О. № 153.

267. Евангельские чтения. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Заголовки писаны золотом. Киноварные экфонетические знаки.

3 обрезка пергамена. 1-ый обрезок: 21,0×7,8; 2-ой обрезок: 22,0×3,8; 3-й обрезок: 20,5×3,8. 2 столбца. Сохранились обрезки 20 строк.

Содержит отрывки из евангелия от Матфея XII₃₀, XVII₁₄₋₁₈ и из евангелия от Марка V₃₃₋₃₄, VI₃.

Подарено Публичной библиотеке В. Н. Бенешевичем в 1926 г.

ПБ, греч. № 800.

268. Евангельские чтения с арабским переводом. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. На л. 31 об. небольшая заставка. Заголовки писаны красным (кармином и киноварью). Из инициалов сохранился только один на л. 9; все остальные инициалы вырезаны. Левый столбец занят греческим текстом, правый столбец — арабским текстом. Тип разлиновки близок к типам II_{24a} и II_{24b}. В переплете XIX в.

41 л. 27,0×21,5 и 19,5×13,0. 2 столбца. 25 строк.

Собр. К. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 408, 1228, индекс I 255.

ПБ, греч. № 84.

269. Столпы евангельских чтений. Отрывок из четвероевангелия. XI в.

Пергамен. Текста нет. Многокрасочный орнамент.

2 л. 25,0×17,0 и 21,2×15,0.

Собр. Порфирия Успенского. В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1, стр. 114, табл. 156.

ПБ, греч. № 296.

270. Евангельские чтения. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Киноварные акфонетические знаки, инициалы и заголовки. Тип разлиновки II_{22b}. Внизу л. 1 — помета Порфирия Успенского с указанием, что листы эти — «из нижней библиотеки Лавры Саввы Освященного».

2 л. 34,0×24,8 и 24,0×17,5. 2 столбца. 24 строки.

Собр. Порфирия Успенского. Определить рукопись, к которой принадлежали эти два листа, не удалось. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1280, индекс I 1407.

ПБ, греч. № 304.

271. Евангельские чтения. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Киноварные инициалы и заголовки. Тип разлиновки определить не удалось. В переплете XIX в.

1 л. 34,0×23,0 и 27,0×16,0. 27 строк.

Содержит чтения: Τῇ Β' τ(ῆς) ἀποκρίσεως; τῇ Γ' τ(ῆς) ἀποκρίσεως (только отрывок).

Подарено ПБ П. А. Лавровым в 1900 г. Отчет ПБ за 1900—1901 гг., стр. 208 № 9.

Лист оборван по краям и измят.

ПБ, греч. № 637.

272. Минея на март. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Имеется небольшая заставка, рисованная чернилами. Тип разлиновки близок к типу I_{7a}. В переплете XIX в.

1 л. 24,3×19,0 и 16,5×11,5. 30 строк.

Содержит отрывки служб на 23 и 24 марта.

Собр. М. П. Погодина.

ПБ, греч. № 661.

273. Ирмологий нотный. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Мелкие карминные инициалы. Нотация написана чернилами. Тип разлиновки I_{2b} и I_{2c}. В переплете XIX в.

16 л. 21,8×14,5 и 15,0×10,0. 18 строк.

Содержит ирмосы третьего гласа.

Собр. Антонина Капустина. Отчет ПБ за 1899 г., стр. 11—12.

ПБ, греч. № 557.

274. Синаксарь. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. На л. 1 об. заставка, инициал и миниатюра, рисованные золотом и красками. На миниатюре изображены св. мученики Акиндин, Пигасий, Анемподист, Афтоний и Елпидифор. Тип разлиновки II_{40d}. Помета Порфирия: «Иерусалим».

1 л. $36,8 \times 26,0$ и $27,0 \times 18,0$. 2 столбца. 29 строк.

Содержание: Отрывок из жития св. бессребренников Космы и Дамиана (4 ноября); только конец (см. *Bibliotheca Hagiographica Graeca*, t. I, 3.-е ed., p. 126, № 372d) и начало (всего три строки) мучения св. мучеников, изображенных на миниатюре (2 ноября); см. там же, t. I, p. 6, № 23.

Собр. Порфирия Успенского. Происхождение р-си установить не удалось.

ПБ, греч. № 373.

275. Службы мученикам. Отрывки. XI в.

Пергамен. Минускул. Палимпсест. Смытый текст, покрытый в XII—XIII вв. евангельским текстом.

37 л. $30,0 \times 22,5$. Размер текста приблизительно $20,5 \times 14,5$.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Отчет ПБ за 1911 г., стр. 37, № 4.

Подробно текст можно описать лишь по его выявлению.

ПБ, греч. № 669, л. 1—35 и 51—52.

276. Службы мученикам. XI в.

Пергамен. Палимпсест. Смытый минускульный текст, покрытый в XII в. текстом канонического содержания. Текст XI в. был написан по смытому тексту VIII в. (см. выше, выпуск 1, описание № 37). Тип разлиновки определить невозможно.

4 л. в сборнике. $23,5 \times 16,8$. 23 строки.

Собр. Антонина Капустина. Возможно, отрывки из этих служб имеются и на других листах сборника, но описаны только 4 листа, смытый текст которых выявлен на специальных фотоснимках.

ПБ, греч. № 566, лл. 10—12, 28.

277. Стихирарь. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Инициалы и заголовки писаны кармином. Нотация написана чернилами. Тип разлиновки определить не удалось. В картонном переплете. Из р-си Синайского м-ря № 282 (1219).

1 л. $31,0 \times 23,5$ и $21,8 \times 17,0$. 23 строки.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич, Описание, т. 1, стр. 141 и 622 с указанием, что этот лист — из Триоди постной; К. И. Пападопуло-Керамевс. Принцип церковно-византийского нотного письма по данным славянских и греческих музыкально-богослужебных памятников. ВВ, XV, 1908, стр. 69, со снимком.

ПБ, греч. № 363.

278. Триодь. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Инициал киноварный. Нотные знаки писаны чернилами. Тип разлиновки I_{33a}. На л. 1 об. помечена тетрадь: $\overline{\text{I}\theta}$. Из р-си Синайского м-ря № 220.

1 л. $23,0 \times 18,3$ и $15,0 \times 10,4$. 24 строки.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич, Описание, т. 1, стр. 131 и 621.

ПБ, греч. № 357.

279. Октоих? Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул.

1 л. $19,8 \times 16,2$ и $16,0 \times 10,0$. 21 строка.

Начало: «Τῶν ἁγίων τὰ πάθη δυσωποῦσιν, σε, Χ(ριστ)έ...»; конец: «... παρίσταται ἐνώπιόν σου... μὴ ἀναμάρτητε ὁ θε(ὸς) καὶ τῶν». Найдено среди неразобранных бумаг в Отделе рукописей ПБ в конце 40-х годов XX в. Лист обрезан по краям и поврежден.

ПБ, греч. № 836.

280. Гимны. XI в.

Пергамен. Палимпсест. Минускул. Смытый текст был покрыт в XIII в. богослужебным текстом, расположенным перпендикулярно по отношению к тексту XI в.

Размер листов был приблизительно $34,0 \times 22,0$.

Вероятно, тот же текст имеется и на других листах этого кодекса, но имеются снимки только л. 26 и л. 27 об.

Первоначальный размер листов был больше, так как они перегнуты пополам и по краям обрезаны.

ПБ, греч. № 82 лл. 26 и 27 об.

281. Богослужебный текст? Отрывки. XI в.

Пергамен. Палимпсест. Смытые минускульные тексты, покрытые текстом XIII—XIV вв.

6 л. обрезанных по краям. $23,0 \times 15,8$.

Собр. К. Тишендорфа.

Описать подробно можно лишь по выявлении текста.

ПБ, греч. № 75, смытый текст.

282. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна. XI—XII вв.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы кинноварные. Тип разлиновки II_{12a} и II_{40a}. Переплет старый, доски в тисненой коже. На верхней крышке переплета с внутренней стороны имеются следующие пометы: 1) «† Ἡ θεία καὶ ἱερά βίβλος αὐτῇ ὑπάρχει τῆς ἱεράς καὶ βασιλι(κῆς) μεγάλης μονῆς τῆς παναγίας τῆς ἐν Πρωτοῖανῃ· ἥτις | παλαιὰ οὖσα καὶ σαθρὰ, ἔλαβεν ἑκάστον αὐτῆς τετρασέλιδον | τὸν ἴδιον τόπον (?) δι' ἐξόδου ἐμοῦ τοῦ τάλανος Ἰωάννου τοῦ Παπά|ζογλου ἐν ἔτει αφρε-φ (1595) x μῆνα φεβρουαρί(ου)ν ἱσταμένου»; 2) «Τοῦ Χρυσσοστόμου λόγοι πολλὰ ὀφέλειμοι εἰς τὸ κ(α)τ(ά) Ἰωάννην εὐαγγέλιον». Эта последняя помета может быть датирована XVII или XVIII веком. Имеются также не поддающиеся прочтению пометы, написанные не ранее XV в.

56 лл. $34,5 \times 26,0$ и $25,5 \times 18,5$. 2 столбца. 36 строк.

Текст см. PG t. 69, p. 392—464; беседа 72-ая (71-ая) начинается словами: «Τοῦτο οὖν ἐνόμισαν οἱ μαθηταί»; беседа 85-ая (84-ая) обрывается на словах «Πῶς δὲ οὐδεὶς τῶν δώδεκα προσῆλθεν; οὐκ Ἰωάννης· οὐ Πέτρος οὐκ ἄλλος»; беседа 84-ая (83-я, PG t. 69, p. 455—459) пропущена.

Р-сь сильно потрепана; листы покореблены; верхний правый угол листов сгнил и осыпается; переплет также сильно испорчен.

БАН, собр. РАИК, № 110.

283. Сборник житий. XI—XII вв.

Пергамен. Минускул. На л. 1 — заставка, рисованная золотом и красками, краски заставки пострадали. Тип разлиновки II_{19a}. В картонном переплете XIX в.

309 л. 33,5 × 27,0 и 23,5 × 19,0. 2 столбца. 32—35 строк.

Содержание: лл. 1—9. Βίος τοῦ ἐν ἁγίοις π(α)τρ(ὸ)ς ἡμῶν Συμεῶν τοῦ Στυλίου. См. Bibliotheca Hagiographica Graeca, t. II, 3-е éd., p. 257, № 1684; лл. 9—18. Γέννησις, ἀνατροφή καὶ μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγάλου(ἀρ)τυρος τοῦ Χ(ριστο)ῦ Μάμαντος. См. там же, t. II, p. 72, № 1019 и № 1019 b. лл. 18—23. Μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου ἱερομ(ἀρ)τυρος Βαβυλᾶ ἀρχιεπισκόπου | Ἀντιοχείας καὶ νηπίων τριῶν. См. там же, t. I, p. 74, № 205; лл. 23 об.—28. Διήγησις Ἀρχίππου καὶ | προσμοναρίου τοῦ πάνσεπτου ναοῦ τοῦ ἀρχιστρατήγου Μιχαὴλ τοῦ ἐν ταῖς Χώραις. См. там же, t. II, p. 118, № 1282 и № 1282 c; лл. 28—35 об. Ἱστορία Ἰακώβου εἰς τὸ γένεσιν τῆς ὑπεραγίας θ(εο)τόκου. См. там же, t. III, p. 123, № 1; лл. 35 об.—45 об. Βίος καὶ πολιτεία καὶ | ἀσκήσις τῆς ὁσίας μ(η)τρ(ὸ)ς ἡμῶν | Θεοδώρας τῆς ἐν Ἀλεξανδρείᾳ. См. там же, t. II, p. 271, № 1727; лл. 45 об.—50 об. ... Ἀνδρέου ἀρχιεπισκόπου Κρήτης τοῦ Ἱεροσολυμίτου λόγος σχεδιασθεὶς εἰς τὴν παγκόσμιον ὕψωσιν τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ σ(αυ)ροῦ. Текст см. PG, t. 97 p. 1017_c—1036_A; лл. 50 об.—53 об. Μαρτύριον τοῦ ἁγίου | καὶ ἐνδόξου μάρτυρος | Νικήτα. См. Bibliotheca Hagiographica Graeca. t. II, p. 136, № 1339; лл. 53 об.—61. Μαρτύριον τῆς ἁγίας ἐνδόξου καὶ πανευφήμου | μάρτυρος τοῦ Χ(ριστο)ῦ Εὐφημίας, μαρτυρήσαντος ἐπὶ Διοκλητιανοῦ βασιλέως, ἀνθυπατεύοντος Πρίσκου τῆς Εὐρώπης. См. там же, t. I, p. 189 № 619f; лл. 61—72 об. Βίος καὶ μαρτύριον τῶν | ἁγίων καὶ ἐνδόξων τοῦ | Χ(ριστο)ῦ μαρτύρων Εὐσταθίου, Ἀγαπίου, Θεοπίστου | καὶ Θεοπίστης. См. там же, p. 201, № 641; лл. 72 об.—75. ... Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Χρυσοστόμου λόγος εἰς τὴν στείρωσιν τῆς Ἑλισάβετ καὶ τοῦ Ζαχαρίου τὴν σιωπὴν. Текст см PG, t. 49—50, p. 785—788; лл. 75—86. Πράξις, μαρτύριον | καὶ θαύματα τῆς ἁγίας ἀποστόλου καὶ πρωτομάρτυρος Θέκλης. Начало см. Bibliotheca Hagiographica Graeca, t. II, p. 267, № 1710, конец см. там же, p. 268, № 1716; лл. 86—94. Βίος καὶ πολιτεία τῆς ὁσίας | καὶ ἁγίας Εὐφροσύνης, τῆς | μετακληθείσης Σμαράγδου, καὶ τῶν ταύτης γονέων. Начало см. там же, t. I, p. 191, № 625, конец там же, t. I, № 625b; лл. 94—112 об. Πράξεις καὶ περίοδοι | καὶ θαύματα... Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου... См. там же, t. II, p. 26, № 917p.; конец утрачен, обрывается на словах: «τότε λέγει ὁ Ἀπολλωνίδης | πρὸς τὸν μακάριον Ἰωάννην διδάσκαλε, ὠφέλη»; лл. 113—114 об. Μαρτύριον τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Ἀνανίου μαρτυρήσαντος ἐπὶ Λουκιανοῦ ἐν | Δαμασκῷ. См. там же, t. I, p. 23, № 75 x; лл. 114 об.—119. Πράξις τοῦ ἁγίου Κυπριανοῦ καὶ τῆς ἁγίας Ἰουστίνης. См. там же, t. I, p. 137—138 № 452; лл. 119—121. Μαρτύριον τῶν ἁγίων Κυπριανοῦ καὶ Ἰουστίνης. См. там же, p. 138, № 455; лл. 121—126. Πράξις καὶ θαύματα τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Θωμᾶ. См. там же, t. II, p. 296, № 1800; лл. 126—130 об. Πράξις Θωμᾶ ἀποστόλου | περὶ τῆς πρὸς τὸν βασιλέα Γουνδαφόρον εἰσελεύσεως αὐτοῦ. См. там же, t. II, p. 296—297, № 1802; лл. 130 об.—136 об. Βίος καὶ μετάνοια τῆς ὁσίας Πελαγίας τῆς ποτὲ πόρνης. См. там же, t. II, p. 188, № 1478 d; лл. 136 об.—150 об. Μαρτύριον τῶν ἁγίων | μαρτύρων Πρόβου, Ταράχου καὶ Ἀνδρονίκου. См. там же, t. II, p. 217, № 1574, где совпадает только начало. Конец: «πρὸς τὸ ἀνθίστασθαι μετὰ | πάσης δυνάμεις τοῖς | ἐναντιούμενοις τῇ εὐδότητι καὶ τῇ γνώσει τοῦ | θ(εο)ῦ... ἀμήν»; лл. 150 об.—152. Τελείωσις καὶ ἀνάπαυσις τοῦ ἁγίου ἀποστόλου καὶ | εὐαγγελιστοῦ Λουκᾶ. См. там же, t. II, p. 57, № 990z; лл. 152 об.—170 об. Μαρτύριον τοῦ ἁγίου Ἀβρέθα καὶ τῶν συν αὐτῷ. См. там же, t. I, p. 62, № 166; лл. 170 об.—172 об. Μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ | ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος | τοῦ Χ(ριστο)ῦ Δημητρίου. См. там же, t. I,

p. 153, № 497; конец утрачен, текст обрывается на словах: «αὐτίκα ὑπερέσας | τῷ θυμῷ καὶ) λογισάμενος»; лл. 173—175 об. Βίος καὶ πολιτεία τῶν | ἁγίων ἀναργύρων Κοσμᾶ καὶ Δαμιανοῦ. См. там же, t. I, p. 126, № 372; лл. 175 об.—176. Θαύματα τῶν ἁγίων ἀναργύρων Κοσμᾶ καὶ Δαμιανοῦ. См. там же, t. I, p. 131—135 № 386e, 386i, 389, 389_{a-c}, 389f, 389g, 389h, 390; лл. 173—175 об. Βίος καὶ πολιτεία τῶν | ἁγίων ἀναργύρων Κοσμᾶ καὶ Δαμιανοῦ. Текст см. L. Deubner. Kosmas und Damian. Texte und Einleitung. Leipzig und Berlin, 1907, S. 87—96; лл. 175 об.—176. Θαύματα τῶν ἁγίων ἀναργύρων Κοσμᾶ καὶ Δαμιανοῦ. Предисловие, см. Bibliotheca Hagiographica Graeca, t. I, 3-e éd., p. 133 № 15a; л. 176—177. Ἀνήρ-τις πιστότατος... текст см. L. Deubner. Op. cit., S. 168—170; лл. 177 об.—178. Γυνή δέ τις ἐξ ἐπηρείας... текст см. там же, S. 171—172; лл. 178—178 об. Ἔτερα πάλιν γυνή... текст см. там же, S. 172—173; лл. 178 об.—180. Ἐτερός τις ἀνὴρ ἐπιεικῆς σφόδρα... текст см. там же, S. 173—176; лл. 180—181. Ἐτερός τις ἀνὴρ εὐλαβῆς, | κατὰ θε(ο)ν ζῶν... текст см. там же, S. 176—177; лл. 181—182. Σχολαστικός τις, ἀπόστημα ἐν τοῖς | πλησιάζουσι... текст см. там же, S. 177—178; лл. 182—183. Ἐτερός τις ἀνὴρ ἀσθενεῖα | τινὶ κατεχόμενος... См. Bibliotheca Hagiographica Graeca, t. I, p. 135, № 390c; лл. 183—184. Γυνή τις τῷ ἔθνει ἑβραία... текст см. L. Deubner. op. cit., S. 101—104; лл. 184—184 об. Ἐτερος οὖν ἀνὴρ παραγίνεται... Текст см. там же, S. 107—108; лл. 184 об.—185. Περί τοῦ ἔχοντος ἔσωθεν | ἀπόστημα... Текст см. там же, S. 108—109; лл. 185—186. Ἄλλος τις ἀνὴρ ἐφίσταται τῷ | περιβοήτῳ τῶν ἁγίων... См. Bibliotheca Hagiographica Graeca, t. I, p. 130, № 386f; лл. 186—186 об. Περί τῆς κωφῆς καὶ βωβῆς. Текст см. L. Deubner. op. cit., S. 111—112; лл. 186 об.—187. Πε(ρι) τῆς πασχούσης τὴν μήτραν. Текст см. там же, S. 112—113; лл. 187—189 об. Πε(ρι) τοῦ πιόντος τὴν κεδρέαν. Текст см. там же, S. 122—128; лл. 189 об.—201. Μαρτύριον τῶν ἁγίων | μαρτύρων Ἀκινδύνου, | Πηγάσιου, Ἀφθονίου, Ἐλπιδιφόρου καὶ Ἀνεμποδίστου. См. Bibliotheca Hagiographica Graeca, t. I, p. 6, № 22; лл. 201—205. Ἐγκώμιον εἰς τοὺς ἁγίους τοῦ θε(ο)ῦ ἀρχαγγέλους, ἀγγέλους καὶ πάσας ὁμοῦ | τὰς οὐ(ρα)νίους δυνάμεις. См. там же, t. I, p. 42, № 129e; лл. 205—210. Μαρτύριον τοῦ ἁγίου | μαρτύρος Μητᾶ τοῦ ἐν | τῷ Κονταέω (!) μαρτυρήσαντος. См. там же, t. II, p. 112, № 1254; лл. 210—249 об. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ... Ἰωάννου τοῦ Ἐλεήμονος. См. там же, t. II, p. 19, № 886; лл. 249 об.—291 об. Διήγησις ἀκριβῆς | (два слова вычищено) βίου τε καὶ πράξεως | καὶ θαυμάτων· ἐτι δὲ καὶ | τῆς ἐν ὑπερορία μαρτυρικῆς | ἀποβιώσεως... Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου. См. там же, p. 10, № 876p; лл. 292—299 об. Πράξεις καὶ μαρτύριον τοῦ | ἁγίου ἀποστόλου Φιλίππου | καὶ Βαρθολομαίου καὶ Μαριάμνης. Конец утрачен, обрывается на словах: «τοῖς κακοποιήσασιν | μοι· ἴδε, ὦ Βαρθολομαῖε, ὅπου». См. там же, t. II, p. 203, № 1525; лл. 300—305 об. Μαρτύριον τοῦ ἁγίου Πακώβου · τοῦ Πέρσου. См. там же, t. I, p. 256, № 772 и № 772a; лл. 305 об.—309 об. Μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ | ἐνδόξου ἀποστόλου Ἀνδρέου. Конец почти не читается, последний лист описываемой рукописи поврежден. См. там же, t. I, p. 29, № 93. На л. 305 об. рукой, современной рукописи, сделана поправка к имени Αἰγαῖας: «Γρ(άφε) ὁ Αἰγαίτης».

Тексты описываемой рукописи, посвященные чудесам Космы и Дамиана, несколько отличаются от текстов, напечатанных в книге L. Deubner.

Собр. Н. К. Николаидеса. Отчет ПБ за 1882 г., стр. 19—24.

284. Синаксарь. Отрывок. XI—XII вв.

Пергамен. Минускул. Инициалы и заголовки писаны кармином. Тип разлиновки I₄₀₀. На л. 4 об. имеется следующая помета: † Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Εὐθυμίου τοῦ Μεγάλου, ἐτάξαμεν ἵνα γίνεταί ἀγρυπνία καὶ τράπεζα τοῖς | ἀδελφοῖς κατ' ἔτος εἰς τὴν σεβασμίαν λαῶ-
ραν τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Σάβα τοῦ ἡγιασμένου, μέχρις ἂν εὐρίσκον-
ται | μοναχοὶ εἰς τὴν εἰρημένην ἁγίαν ταύτην μονήν, διὰ τὸν πανιερώτατον καὶ ὁ-
δοξώτατον ἀρχιεπίσκοπον καὶ καθολικὸν | τῆς Ἰβερίας κύριον Εὐθύμιον· ἀλλὰ δὴ
καὶ να μνημονεύεται καθ' ἑκάστην μετὰ τὸ μνημόσυνον τῶν μελλόντων πατριαρχεῦειν |
ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει Ἱερουσαλὴμ· αὐτὸς γὰρ ὁ προρρηθεὶς ἀρχιεπίσκοπος, ἐπεμψεν ἀπὸ
τὴν Ἰβερίαν μικρὰν εὐλογίαν εἰς τὴν | τοιαύτην ἁγίαν λαῶραν εἰς κυβέρνησιν καὶ
ἀναφυγὴν τῶν ταπεινῶν μοναχῶν, καὶ μετὰ τὸ ἀναγνώσθῃναι τὸ συναξάριον τοῦ Με-
γάλου Εὐθυμίου, | ὃς ἀναγινώσκεται καὶ ἡ τοιαύτη | ὑπόθεσις ἀχρωμένων πάντων |
τῶν ἀδελφῶν· καὶ ὁ θεὸς ὁ ἅγιος, | ὁ ἐν τριάδι ὑμνούμενος καὶ ἡ πα|νάχραντος αὐτοῦ μητέρα,
καὶ ὁ | παναγιασμένος Σάβας, δώῃ αὐτῷ τὸν μισθὸν | ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῆς κρίσεως· διὰ |
γὰρ τοῦτο ἐγεγόνει τὸ παρὸν ἡμέτερον | γράμμα, παρὰ τοῦ τότε καθηγουμένου | τῆς
σεβασμίας ταύτης μονῆς, Ἰω|αννικίου ἀμαρτωλοῦ, τάχα καὶ ἱερο|μονάχου ἐν ἔτει τῷ
ϛωμβ' ινδ(ικτηῶνος) β' †. Из рукописи Лавры Саввы Освященного № 156.
В папке с пометой Порфирия Успенского.

4 лл. 29,0 × 21,2 и 19,5 × 14,0. 22 строки.

Содержит памяти святых на 17—20 января, а именно: Иулиана, Саввы, архиепископов Александрийских Афанасия и Кирилла, Маркиана Кипрского, Макария Египетского, Евфимия Великого. См. 'Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσ. Βιβλιοθήκη, т. II, σελ. 244—251.

Собр. Порфирия Успенского.

ПБ, греч. № 374.

285. Житие Варлаама и Иоасафа. Отрывки. XI—XII вв.

Пергамен. Минускул. Заметны следы киноварных инициалов. Тип разлиновки определить невозможно ввиду плохой сохранности отрывков.

7 л. (1 л. и 6 обрезков разного размера). 27,5 × 21,8 и 21,0 × 16,0 (указан размер сохранившегося цельным листа). 2 столбца. 30 строк.

Текст см. PG, t. 96, p. 1188_B и др. Среди этих фрагментов, кроме отрывков из жития Варлаама и Иоасафа, имеются также отрывки ка-кого-то другого жития, которое отождествить не удалось.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Отчет ПБ за 1911 г., стр. 54.

Эти обрезки пергамена использовались в качестве переплета, за-грязнены, текст сильно пострадал.

ПБ, греч. № 682.

286. Житие Св. Севастьяна. Отрывок. XI—XII вв.

Пергамен. Минускул. Небольшие киноварные инициалы. Тип разлиновки II₃₄₀.

8 л. 32,0 × 24,5 и 23,0 × 16,0. 2 столбца. 26 строк.

Текст см. PG t. 116, p. 801_A—812_D от слов «Χρωμάτιος δὲ ὁ τῆς πό-
λεως ἑπαρχος. ἀκούσας πάντας τοὺς ὑποδίκους τῶν δεσμῶν | ἀνεθένας ἐν τῇ τοῦ Νι-
κοστράτου διατριβῇ | οἰκία· περιαλγῆς γεινόμενος, προστάττει Κλαυδίῳ κομηνταρ|σίῳ
ταχεὶ πολλῷ τοῦτον | ἀγαγεῖν» до слов «συλλα|βάνεται καὶ αὐτὸς μετὰ Τιβουρτίου·
τοῦτο γάρ | αὐτῷ βουλομένῳ ἔν· | ἵνα μήτε προδότης | εἶναι δόξη χριστιανοῖς· | καὶ

τὴν προποίησιν ἰκανῶς διαπαίξας οὕτω | κατὰφωρος γένηται· | Φλαβιανὸς οὖν ἑκα-
τέ|ρους τῷ οἰκείῳ παραστῆ|σάμενος βήματι, λέγει| τῷ Κουρτουάτῳ· μὴ καὶ | συ τῷ ἐς-
ταυρομένῳ | προσανέχεις θ(ε)ῶν;

Как можно видеть по этим отрывкам, текст настоящей р-си несколько отличается от текста Миня.

БАН, собр. РАИК, № 108.

287. Псалтирь с параллельным греко-арабским текстом. XI—XII вв.

Пергамен. Минускул. Греческий текст занимает левый столбец, арабский — правый столбец. На л. 93 имеется небольшая заставка в красках. Заголовки и инициалы киноварные. Тип разлиновки близок к типу II_{1a}. Лл. 88—90 бумажные, XIV в. На л. 1 помета владельца-грека, из которой удалось прочитать лишь слово «μητροπολίτης». Переплет XIX в.

171 л. 22,0×16,0 и 16,0×13,0. 2 столбца. 16—17 строк.

Рукопись была подарена в 1913 г. Николаю II антиохийским патриархом Григорием IV, а позднее поступила в Азиатский музей (ныне Ленинградское отделение Института востоковедения) Академии наук. И. Ю. Крачковский. Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского. Оттиск из журн. «Христианский Восток», т. VII, 1921—1924, стр. 9.

Начало, конец и отдельные листы утрачены.

Рукописный отдел Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР. Фонд арабской графики, С. 868.

288. Евангельские чтения. XI—XII вв.

Пергамен. Минускул. Заставки и инициалы рисованы красками. Киноварные экфонетические знаки. Тип разлиновки II_{19b}. Имеются пометы к тексту XII—XVI вв. На л. 194 помета, которую прочитать не удалось. Переплет XVIII—XIX вв., картон, обтянутый кожей.

244 л. 23,7×18,7 и 18,5×13,5. 2 столбца. 20 строк.

Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1279, индекс 1 1394; А. Родосский. Описание 432 рукописей Санкт-Петербургской Духовной академии. СПб., 1893, стр. 11—12.

Начало, конец и некоторые листы в середине утрачены.

ПБ, собрание Санкт-Петербургской Духовной академии, Б № 6.

289. Евангельские чтения. XI—XII вв.

Пергамен. Минускул. Р-сь написана двумя писцами. Заставки и инициалы рисованы золотом и красками. Заголовки, мелкие инициалы и экфонетические знаки киноварные. Тип разлиновки I_{28c}.

В картонном переплете XIX в. 268 л. 26,0×20,0 и 19,0×14,5. 25 строк.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Отчет ПБ за 1911 г., стр. 36—37.

ПБ, греч. № 670.

290. Евангельские чтения. XI—XII вв.

Пергамен. Литургический минускул. Небольшие заставки и инициалы, рисованные золотом и красным. Киноварные экфонетические знаки. Тип разлиновки II_{24c}. Переплет средневековый, доски в тисненой коже; застежки утрачены. Лл. 66 и 69 добавлены, вероятно, в XIII—XIV вв. 130 л. 28,5×22,0 и 21,5×16,0. 2 столбца. 22 строки.

Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1287, индекс I 1488; K. Aland. Zur Liste der neustest. Handschriften, VI. «Zeitschrift für die neustest. Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche», Bd. 48, 1957, S. 191, индекс I 1488.

Конец утрачен, листы покороблены и повреждены сыростью и плесенью.

БАН, собр. РАИК, № 78.

291. Евангелие от Матфея V₆₋₁₉. XI—XII вв.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Тип разлиновки I_{34a}.

1 л. 12,3×10,0 и 9,0×7,0. 23 строки.

Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1204, индекс e 2269.

БАН, собр. РАИК, № 70.

292. Евангельские чтения. Отрывок. XI—XII вв.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Киноварные экфонетические знаки. Тип разлиновки не определен ввиду плохой сохранности. Сохранилась верхняя доска старого переплета византийского времени, обтянутая тисненой кожей.

44 л. 22,5×17,0 и 17,5×13,5. 2 столбца. 25 строк.

Листы покороблены, по краям оборваны и обгрызаны мышами, от многих листов сохранились лишь клочки.

БАН, собр. РАИК, № 75.

293. Евангельские чтения. Отрывки. XI—XII вв.

Пергамен. Минускул. Киноварный инициал. Киноварные экфонетические знаки.

1 л. и обрывок листа. 26,3×21,2 и 17,5×13,7. 2 столбца.

Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1282, индекс I 1432.

Подарены в Библиотеку Академии наук в 1900 г. Н. П. Кондаковым.

Листы использовались в качестве переплета, покрыты пятнами. Текст пострадал.

БАН, собр. иностр. рукописей, F № 5
л. 8 и л. 8a (старый шифр $\frac{XX Aa}{50}$).

294. Евангельские чтения. Отрывок. XI—XII вв.

Пергамен. Литургический минускул. Имеется заставка и инициалы, рисованные киноварью и чернилами. Киноварные экфонетические знаки. Тип разлиновки II_{19d}. В обложке с пометой: «Пожертвовано Г. П. Беглери в апреле 1898 (1895 ?)».

10 л. 29,0×23,0 и 21,8×16,0. 2 столбца. 22—23 строки.

Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1286, индекс I 1484; K. Aland. Zur Liste der neutest. Handschriften, VI. «Zeitschrift für die neutest. Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche». Bd. 48., 1957, S. 191, индекс I 1484.

Последний лист сильно поврежден, пострадал текст.

БАН, собр. РАИК, № 81 (старый шифр А 7).

295. Евангельские чтения. Отрывок. XI—XII вв.

Пергамен. Минускул. Имеется один инициал, рисованный красками, остальные инициалы — кармином. Карминные экфонетические знаки. Тип разлиновки определить не удалось, так как лист по краям обрезан. 1 л. $32,5 \times 23,5$ и $22,0 \times 16,5$. 2 столбца. 23 строки.

Содержит: Евангелие от Матфея IV₁₄₋₂₃; Евангелие от Луки X₁₆₋₂₀.

БАН, собр. РАИК, № 93.

296. Чтения из евангелия и апостола. XI—XII вв.

Пергамен. Минускул. Р-сь написана двумя писцами. На л. 14 — небольшая заставка, рисованная золотом и красками. Заголовки и инициалы написаны золотом и киноварью. Киноварные экфонетические знаки. Тип разлиновки II_{24b}.

41 л. $27,0 \times 20,0$ и $20,5 \times 15,0$. 2 столбца. 23—24 строки.

Собр. А. А. Дмитриевского.

Начало и конец утрачены, листы сильно покороблены.

БАН, собр. А. А. Дмитриевского, № 13.

297. Апостол. Отрывок. XI—XII вв.

Пергамен. Минускул. На л. 1 об. — небольшая заставка, заголовок и инициал, рисованные золотом. Более мелкие инициалы — карминные. Тип разлиновки I_{40c}. На обложке помета Порфирия Успенского с указанием, что в этом отрывке содержится предисловие Александрийского диакона Евфалия. Из р-си Синайского м-ря № 73.

5 л. $15,3 \times 12,5$ и $11,0 \times 8,7$. 33 строки.

Содержит: л. 1. Послание Иуды XII до конца; лл. 1 об.—5 об. Евфалия диакона Πρόλογος Παύλου ἀποστόλου προτασσόμενος τῆς βίβλου с начала до слов «τὸν Λουκᾶν ἱστοροῦντα Παύλου τὸ μαρ[τύριον]». Текст см. PG, t. 85 р. 693_A—713_A.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, т. 1, стр. 90—91, 616, со снимком; Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1197, индекс а 2164.

Правый нижний угол листов поврежден плесенью.

ИБ, греч. № 320.

Д. А. ТАЛИС

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ
ТАВРИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ**

Изучение истории средневековой Таврики имеет значение, выходящее далеко за пределы узколокальной крымской темы. Это объясняется тем, что на территории Таврики в эпоху средневековья сталкивались экономические, политические и военно-стратегические интересы крупнейших государств того времени — Византии, Киевской Руси, Хазарского каганата. Но и помимо этого, изучение чисто внутренних вопросов социально-экономического развития и этнической истории средневековой Таврики помогает во многом уяснить процессы, протекавшие на юге европейской части нашей страны. Поэтому вполне закономерен все более возрастающий интерес к изучению истории средневекового Крыма, который наблюдается в литературе последних лет.

В настоящем обзоре мы рассмотрим работы, вышедшие главным образом в 1958 г. и посвященные социально-экономической и политической истории раннесредневековой Таврики.

Значительные трудности, возникающие при исследовании проблем социально-экономической истории, обусловлены в первую очередь крайней скудостью источников — как письменных, так и археологических. Имеющиеся письменные источники по истории средневековой Таврики освещают по преимуществу, да и то весьма отрывочно, события политической и церковной истории и лишь очень глухо говорят о некоторых фактах социального и экономического развития. Отсутствием должного интереса к решению этих вопросов на протяжении длительного времени объясняется и недостаток археологических данных, так как археологическое изучение средневекового Крыма было в значительной мере односторонним. За исключением Херсонеса, ни один из средневековых памятников Крыма не подвергался систематическому и планомерному исследованию. Относительно большее внимание уделялось изучению могильников, в какой-то мере проводились работы на городищах и почти совершенно не были затронуты раскопками сельские поселения и одиночные укрепления. Лишь сравнительно недавно в результате новых археологических раскопок и разведок¹ наметился определенный сдвиг в изучении сельских поселений средневековой Таврики.

К сожалению, даже тот археологический материал, который был накоплен в течение ряда лет, не привлекался до последнего времени к раз-

¹ См. отчеты о раскопках средневековых поселений, находившихся на месте античных городов Тиритаки и Мирмекия (В. Ф. Г а й д у к е в и ч. — МИА, 25, 1952, стр. 49—52, 67—72, 100—105, 126—131; Д. Б. Ш е л о в. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. КСИИМК, 68, 1957, стр. 98—103; А. Л. Я к о б с о н. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзавиты. КСИИМК, 53, 1954,

работке вопросов социально-экономической истории, как не использовались в полной мере и письменные свидетельства, проливающие некоторый свет на решение этой проблемы.

Только в 1954 г. впервые в советской историографии² А. Л. Якобсоном была предложена концепция развития Таврики в эпоху раннего средневековья, учитывающая все известные факты экономической и социальной истории Крыма этого времени³.

Автор поставил (а отчасти и решил) ряд важных вопросов, выпадавших из поля зрения прежних исследователей. Большое значение этой работы заключается также в том, что А. Л. Якобсон заострил внимание именно на проблемах социально-экономической истории в противоположность чрезмерному увлечению этнической историей, господствовавшему в послевоенной литературе о Крыме.

Прежде чем рассматривать существующие представления о социально-экономической истории Крыма эпохи средневековья в целом, обратимся к работам, в которых исследуется развитие отдельных районов Таврики того времени.

Интересная и смелая попытка реконструкции хода исторического процесса в Юго-Западной Таврике дана в последних статьях Е. В. Веймарна⁴. Сущность его концепции сводится к следующему. Вплоть до III—IV вв. н. э. в предгорьях Крыма, входивших в состав Скифского государства рабовладельческого типа, обитало оседлое скифское и отчасти сарматское население, занимавшееся в основном сельским хозяйством. В IV в. в результате гуннского нашествия поселения были уничтожены, а оставшееся население предгорных и частично степных районов передвинулось в горные долины. Новые географические и экономические условия, все более развивающееся имущественное неравенство, выделение ремесла и распад рабовладельческой системы в Северном Причерноморье ускорили процесс зарождения новых, феодальных отношений. Одним из следствий новой экономической и политической обстановки, сложившейся в Юго-Западной Таврике в V в., явилось строительство здесь крепостей, получивших в историографии название «пещерных городов». Эти города были созданы по преимуществу местными обитателями крымских нагорий — потомками тавров и скифов — и сармато-аланами. Вполне вероятно, однако, что строительство раннесредневековых крепостей производилось под наблюдением или при участии херсонских строителей. Это объясняется тем, что и Херсон (а вместе с ним и Византия) и местное население этой части полуострова были заинтересованы в защите от кочевников, наводнивших в конце IV в. крымские степи. Но все эти крепости жили самостоятельной жизнью и зависели от империи лишь постольку, поскольку совпадали их политические и экономические интересы. Возникшие в V—VII вв. в Юго-Западном Крыму «пещерные

стр. 109—120). В Юго-Западном Крыму (в Байдарской долине) производил раскопки сельских поселений А. Л. Якобсон; разведки так называемых «пещерных городов» и раскопки городища Чуфут-Кале осуществлял Е. В. Веймарн.

² Не считая работы В. И. Равдоникаса «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья» (ИГАИМК, XII, вып. 1—8, 1932, стр. 5—98), в которой известные автору факты были уложены в прокрустово ложе предвзятой схемы, основанной на марровской теории стадийного развития. К тому же автор привлекал не всегда доброкачественные и надежные факты.

³ А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики, СА, XXI, 1954, стр. 148—163.

⁴ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена. В кн.: «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 7—54; е г о ж е. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг. СА, 1958, № 1, стр. 71—79.

города» превратились к IX в. в феодальные города и замки. В дальнейшем, в IX—XIII вв., имел место количественный рост феодальных ячеек — мелких феодальных замков и «пещерных монастырей», — который отражал углубление процесса феодализации. Если в течение V—VII вв. в каждой большой долине горного Юго-Западного Крыма существовала лишь одна небольшая крепость, то в более позднее время (IX—XIII вв.), кроме них, возникает еще несколько новых небольших крепостей-замков. Господство над большой долиной как бы расчленяется, что выявляет, по мнению Е. В. Веймарна, характерную для феодализма раздробленность землевладения.

Изложенная точка зрения во многих отношениях плодотворна и обещает дать при дальнейшей разработке ценные результаты. Весьма важен для изучения позднеантичной истории Таврики установленный автором факт массового перемещения населения предгорных и степных районов Крыма в результате гунского нашествия в горные долины. Значительное увеличение плотности населения, несомненно, интенсифицировало экономическое развитие этой ранее редко населенной области. Не менее важно для выяснения экономических связей и роли торговли и то, что Е. В. Веймарну удалось наметить основные торговые пути, связывавшие поселения друг с другом, или шедшие по направлению к степям Северного Причерноморья за пределы Перекопского перешейка.

Вместе с тем концепция Е. В. Веймарна страдает и некоторыми недостатками. По утверждению Е. В. Веймарна, одним из признаков зарождения феодальных отношений в Юго-Западном Крыму, начиная с V в., явилось строительство небольших крепостей, которые, как он полагает, превратились к IX в. в феодальные города и замки⁵. Однако он не приводит доказательств того, что «пещерные города» были именно феодальными образованиями, а это необходимо было сделать, поскольку само по себе строительство крепостей в равной мере характерно и для первобытно-общинного (на последних этапах его развития), и для рабовладельческого, и, конечно, для феодального строя. Более того, если говорить о феодальном строе, то наличие феодальных крепостей свидетельствует, скорее, о его сравнительно развитой ступени, нежели о начальной стадии формирования. Быть может, в Крыму развитие феодальных отношений отличалось определенной спецификой, но тогда это нужно обосновать, чего автор, однако, не делает.

Уже самое время зарождения в Юго-Западном Крыму феодальных отношений V—VI вв. определяется Е. В. Веймарном без достаточных оснований. Доводы, которыми он при этом оперирует: новые экономические условия, все более развивающееся имущественное неравенство, выделение ремесла и распад рабовладельческой системы в Северном Причерноморье⁶, — не будучи аргументированы, носят характер самых общих социологических соображений, т. е. доказательствами служить не могут. Поэтому автору следовало в этом случае резче подчеркнуть гипотетичность своих построений.

Следующим звеном концепции Е. В. Веймарна является положение о возрастающей с течением времени раздробленности землевладения, которую он усматривает в увеличении в каждой более или менее значительной горной долине числа крепостей, от одной (в V—VII вв.) до трех-четырех (в IX—XIII вв.). Однако это утверждение автора в рассматриваемых статьях никак не обосновывается. А между тем подобного рода утверждение, на основании которого делаются весьма ответственные вы-

⁵ Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма, стр. 78.

⁶ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 52—53.

воды о характере эволюции форм землевладения, нуждается в самой серьезной аргументации. Письменные источники, как известно, не сообщают дат возникновения так называемых «пещерных городов». Поэтому время возникновения укрепленных поселений Юго-Западной Таврики можно определить лишь при помощи археологического материала. Иными словами, для выяснения хронологии памятников нужны раскопки, пусть на первых порах разведочного характера, в результате которых можно было бы установить, хотя бы в самых общих чертах, время возникновения и гибели памятника. Но сложность заключается как раз в том, что подавляющее большинство средневековых городов и поселений не подвергалось археологическому изучению, а потому установить время их возникновения, хотя бы с точностью до одного-двух столетий, пока не представляется возможным. Если же Е. В. Веймарн располагает данными о хронологии памятников, занимающей важное место в его концепции, то их следовало бы привести, иначе читатель вынужден принимать датировки автора на веру. Сделать это, однако, тем труднее, что исследованиями последних лет, в особенности А. Л. Якобсона и самого Е. В. Веймарна, выявлено, что сооружение таких комплексов, как Мангуп и Каламита, которое раньше относили ко времени не ранее X в., в действительности произошло в VI в.⁷ Поэтому весьма вероятно, что возникновение ряда памятников, которые Е. В. Веймарн относит, не располагая надежными данными, к IX—XIII вв., нужно будет датировать более ранним временем. Короче говоря, хронология автора, а вместе с тем его представление об эволюции форм землевладения в средневековой Таврике не имеют под собой твердой почвы.

Это станет особенно ясным, если мы обратимся к предложенной Е. В. Веймарном хронологии крепостных сооружений Эски-Кермена. Эски-Керменское городище — одно из крупнейших в Юго-Западном Крыму к тому же оно частично раскапывалось. Не удивительно, что анализ материалов раскопок и обследований этого городища занимает важное место в рассматриваемых работах. Анализ фортификационных сооружений, тщательно и всесторонне проделанный автором, возражений не вызывает, но в отношении датировки дело обстоит иначе. Прежде всего неясно, почему Е. В. Веймарн относит время возникновения крепости к концу V в.⁸ Материалы раскопок и обследований дают основание датировать сооружение крепости скорее VI в.⁹ Еще менее обоснована дата гибели оборонительных сооружений — конец VIII в. Время гибели оборонительной системы Эски-Кермена Е. В. Веймарн определяет, исходя из данных, полученных при раскопках и обследованиях южного участка, являвшегося основным во всем кольце обороны. Такой метод датировки сам по себе

⁷ А. Л. Якобсон. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа. КСИИМК 29., 1949, стр. 55—63; Е. В. Веймарн. О времени возникновения средневековой крепости Каламита. В кн.: «История и археология средневекового Крыма», стр. 55—62.

⁸ Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма, стр. 77. В другой статье («Оборонительные сооружения Эски-Кермена», стр. 7) он датирует время возникновения крепости концом V—началом VI в.

⁹ Е. В. Веймарн опирается в своей датировке на заключение Н. И. Репникова («Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг.» ИГАИМК, XII, вып. I—8, 1932, стр. 137), который относил сооружение крепостных стен Эски-Кермена к концу V в. (ко времени Зинова) по аналогии с третьим кольцом так называемой «Башни Зинова» в Херсонесе. Однако, как показал А. Л. Якобсон («О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа», стр. 59), сооружение третьего кольца башни Зинова датируется VI в. С другой стороны, основная часть погребений Эски-Керменского некрополя относится к VI в. (Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 150).

вполне правомерен, но дело в том, что время разрушения южного участка обороны не может быть установлено с достаточной точностью. Прекращение функционирования этого участка обороны определяется, исходя из принципа абсолютной несовместимости одновременного существования оборонительных сооружений и находящихся на этом же участке, впереди крепостных стен, пещерных комплексов, церквей, часовен и усыпальниц. Все эти наземные и подземные сооружения возникли после гибели крепости, а следовательно, время возникновения всех этих сооружений дает *terminus ante quem* разрушения обороны. Однако находки, позволяющие датировать названные памятники, крайне немногочисленны. В основном это вещи из усыпальниц и могил. Хуже всего, что дата самих этих вещей достаточно неопределенна, в лучшем случае, время их бытования определяется VIII—X вв., т. е. тремя столетиями¹⁰. Датировка стеклянных браслетов, которым Е. В. Веймарн придает особое значение, также достаточно широка: не ранее конца IX в. и вплоть до позднего средневековья. Следовательно, имеющийся в настоящее время в распоряжении археологов материал определяет время разрушения Эски-Керменской крепости в весьма широких пределах: оно имело место, очевидно, не позднее X в.; дата, принятая Е. В. Веймарном (конец VIII в.), не может быть достаточно строго обоснована.

Таким образом, данные, которыми располагают сейчас исследователи, в том числе и материал из Эски-Кермена, подвергавшегося, в отличие от большинства других городищ и поселений Юго-Западной Таврики, раскопкам, не дают пока возможности выявить ни хронологические вехи, ни существенные этапы развития феодальных отношений в этом районе Крыма.

Мы остановились более или менее подробно на концепции Е. В. Веймарна потому, что при рассмотрении его взглядов выявляются вместе с тем и те недостатки, которые в той или иной степени свойственны и некоторым другим работам, затрагивающим вопросы социально-экономической истории Таврики.

Опубликованные в последнее время исследования А. Л. Якобсона внесли весьма ценный вклад в разработку коренных проблем истории средневековой Таврики¹¹. В его работах рассматриваются важнейшие стороны социально-экономической, политической и этнической истории Таврики и предлагаются решения многих существенных вопросов, насколько они вообще могут быть решены при современном уровне наших знаний и количестве накопленного материала. Взгляды автора в своей совокупности образуют последовательную концепцию развития населения Таврики в эпоху раннего средневековья.

Здесь нас, однако, интересует лишь точка зрения А. Л. Якобсона по затронутым в его работах вопросам экономического и социального строя Таврики. Автор правильно отмечает, что в начале средневековья, после падения Боспора, экономическим центром края стал Херсон. В экономике этого города важнейшее значение приобрели торговые связи с окружающим земледельческим населением и припонтийскими степняками. Очень важным является положение о тесной зависимости между экономическим состоянием Херсона и общей экономической и политической ситуаций в Таврике. Весьма плодотворной является и точка зрения А. Л. Якобсона

¹⁰ Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 118.

¹¹ А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья в V—IX вв. В кн.: «Очерки истории СССР. III—IX вв.». М., 1958, стр. 537—551; е г о ж е. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, 85, М.—Л., 1958, стр. 458—501.

по поводу различий в экономическом развитии Юго-Западной и Восточной Таврики.

Следует, однако, заметить, что имеющийся материал позволяет более полно, нежели это сделал автор, выявить причины, определившие существенные различия в исторических судьбах Херсона и Боспора в начальную пору средневековья. А. Л. Якобсон при объяснении причин указанных различий выдвигает два основных обстоятельства: во-первых, разгром Боспора и его сельскохозяйственной периферии гуннами¹², а во-вторых, превращение Херсона в опорный пункт Византии в Северном Причерноморье¹³.

Ни в какой мере не преуменьшая значение этих факторов, приходится все же искать и другие. Ведь еще задолго до гуннского разгрома в III—IV вв. н. э. боспорские города стали подвергаться рустификации¹⁴, в отличие от Херсона, где подобного явления не было¹⁵. С другой стороны, уже в конце V или в самом начале VI в. Боспор вновь подпадает под власть Византии¹⁶, осуществлявшей здесь довольно интенсивное военное и гражданское строительство¹⁷. Сам Боспор в это время, хотя и уступал Херсону по величине и значимости, все же представлял собой сравнительно большой пункт, в какой-то степени оправившийся от гуннского вторжения¹⁸. Но если это действительно так, то возникает вопрос, почему Боспор в конце V—начале VI в. не достиг того экономического положения, какое занимал Херсон, хотя для этого, казалось бы, имелись объективные предпосылки: экономические связи с окружающим населением¹⁹ и наличие сильной заинтересованности Византии в Боспоре²⁰.

Все это вместе взятое указывает на наличие каких-то других, помимо отмеченных А. Л. Якобсоном, существенных причин, обусловивших различия в развитии Херсона и Боспора. Причины эти, на наш взгляд, сводятся к следующему. Земледелие в Херсонесе античной эпохи не получило такого развития, как на Боспоре²¹, и, в отличие от последнего, экономика античного Херсонеса базировалась в основном на торговле и ремесле и в гораздо меньшей степени на сельском хозяйстве²². Поэтому такие события, как захват в V—VI вв. значительной части херсонской хоры (степные хлебобродные районы Западного Крыма) кочевниками

¹² А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 458—459.

¹³ А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья в V—IX вв., стр. 537.

¹⁴ См. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 468 сл.; В. Д. Блаватский. Земледелие в античных городах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 11.

¹⁵ См. подробнее: Д. Л. Талис. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья. ВВ, XVIII, 1961.

¹⁶ Ргосор., De bello persico, I, 12. См. также Ю. Кулаковский. Керченская христианская катакомба 491 года. МАР, вып. VI, 1891, стр. 24—26.

¹⁷ Ргосор., De aedif., III, 7; В. В. Латышев, Сб. ГИ, стр. 107—109.

¹⁸ Ю. Кулаковский. Указ. соч., стр. 24; В. Ф. Гайдукевич. Памятники раннего средневековья в Тиритаке. СА, VI 1940, стр. 201.

¹⁹ Ю. Кулаковский. К истории Боспора Киммерийского в конце VI века. ВВ, II, 1896, стр. 10, прим. 1.

²⁰ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 460.

²¹ В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 197.

²² Это не значит, конечно, что уровень ремесленного производства был на Боспоре ниже, чем в Херсонесе. Речь идет лишь о пропорционально большем значении торговли и ремесла в экономике Херсонеса, нежели Боспора. В частности, Херсонес, в отличие от Боспора, никогда не вывозил хлеба (В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 165).

и неоднократные опустошения примыкавшей к Херсону части хоры (Гераклейский полуостров)²³, не привели к катастрофическим последствиям для города.

Ведущая роль ремесла и торговли (в основном транзитной) в экономике являлась причиной того, что серьезно подорвать экономику Херсона можно было, лишь взломав оборону города и проникнув за его стены. А это было предприятием весьма тяжелым. На основании имеющихся данных можно утверждать, что с V по X в., т. е. на протяжении шестисот лет, попытки насильственного овладения Херсоном удались лишь один раз — войску Владимира²⁴. Хазары в начале VIII в. были впущены в город с согласия граждан при совершенно особых обстоятельствах²⁵. Ни гуннам, ни восточным тюркам, ни позднее мадьярам, печенегам и половцам взять город так и не удавалось. Печенегов и половцев Херсон видел в своих стенах только в качестве торговцев и послов²⁶.

Характеризуя торговлю Херсона, А. Л. Якобсон, на наш взгляд, несколько преувеличивает интенсивность и значимость экономических связей Херсона с Юго-Западным Крымом и недооценивает роль малоазийских рынков. Он пишет: «В Херсон свозились продукты земледелия из плодородных долин Юго-Западного Крыма, являвшихся ближайшей сельскохозяйственной базой города»²⁷. И далее: «Завладев большей частью Крыма, хазары нарушили связи Херсона с окружающим населением, что привело к экономической изоляции города. . . Отсутствие подвоза продовольствия в Херсон из смежного земледельческого района может быть объяснено только захватом его хазарами, а может быть, и хазарским погромом»²⁸. Таким образом, создается впечатление, что Херсон настолько зависел в получении предметов продовольствия от окружающих районов Таврики, что захват их хазарами привел к экономической изоляции и упадку города. Однако факты говорят о другом.

Константин Багрянородный сообщает, что если не будут привозиться продукты из Аминса, Пафлагонии, Буккелариев и Армениака, то херсониты не смогут существовать. В числе этих предметов он называет хлеб и вино²⁹. Из писем папы Марина явствует, что хлеб и вино доставлялись из Византии³⁰. Наконец, рассказ о событиях IV в., содержащийся в том же произведении Константина Багрянородного, содержит упоминание о присылке в Херсон хлебных пайков (*ἀννωναί*) из Византии³¹. Приведенные факты не оставляют сомнений в том, что сельскохозяйственные продукты первой необходимости — хлеб и вино — Херсон получал из Малой Азии.

Таким образом, и в относительно благоприятных условиях середины IV в., и в пору несомненного упадка и захирения, как это было в VII в., и в период бурного экономического подъема X в. основным хлебным рынком

²³ Iord., *Get.*, ed. Th. Mommsen. MGH, t. V, pars I. Berolini, 1882, p. 63; Menandri Protectori fragmenta. *Historici graeci minores*, ed. L. Dindorf, II. Lipsiae, 1871, p. 85.

²⁴ См. подробно: А. Л. Бертъе-Делагард. Как Владимир осаждал Корсунь. ИОРЯС, XIV, вып. 1. СПб., 1909; Б. Д. Греков. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь. ИТОИАЭ, III, (60), 1929.

²⁵ Nicephori Breviarium, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880, p. 40—48. Theophanis Chronographia, ed. C. de Boor. v. I. Lipsiae, 1883, p. 372—381.

²⁶ Ср. С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. Памятники христианского Херсонеса, вып. III. М., 1908, стр. 57 и сл.

²⁷ А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья, стр. 538.

²⁸ Там же, стр. 545.

²⁹ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, cap. 53, p. 286.

³⁰ PL, t. 87, col. 201—204.

³¹ Constantine Porphyrogenitus. De adm. imp., cap. 53, p. 266.

для Херсона являлись города Южного побережья Черного моря. Ничего удивительного в этом нет. Ведь и в античное время положение с хлебом было в Херсоне достаточно напряженным. Стоит только вспомнить категорическое запрещение «Присяги» (IOSPE I², 401) вывозить хлеб с «равнины» куда-либо кроме Херсона.

К вопросу о хазарах в Крыму нам еще придется вернуться, но уже приведенных фактов достаточно, чтобы утверждать, что их вторжение в Крым не могло явиться ни единственной, ни даже основной причиной экономической изоляции и упадка Херсона. Ведь, как уже было выяснено выше, само по себе разорение кочевниками ближайшей периферии Херсона не имело для города каких-либо катастрофических последствий, пока существовали факторы, благоприятствовавшие развитию его ремесла и главным образом транзитной, посреднической торговли, в которой были заинтересованы сами кочевники. Так, в частности, захват в V в. и, вероятно, в начале VI в. гуннами степных районов Западного Крыма, являвшихся некогда житницей античного Херсонеса, и опустошение ближайших окрестностей³² хотя и усугубили зависимость Херсона в получении предметов продовольствия от малоазиатских городов, но не имели каких-либо губительных последствий для города. Этого мало. Письменные источники и археологические материалы надежно свидетельствуют о том, что V—начало VI в. были временем экономического процветания Херсона³³.

В этой связи было бы крайне важно установить, почему Херсон в эпоху раннего средневековья не мог получать хлеб и вино в более или менее значительных размерах из Юго-Западной Таврики. Ведь Прокопий утверждает, что «жители страны Дори весьма искусны в земледелии, которым они занимаются собственноручно, а земля их очень хороша и приносит самые лучшие плоды»³⁴. С другой стороны, связи Херсона с Юго-Западным Крымом прослеживаются не только по находкам изделий херсонского производства — и письменные источники засвидетельствовали наличие административных, политических и религиозных сношений.

Ответ на поставленный вопрос требовал бы достаточно полного знания экономической структуры Юго-Западной части Таврики эпохи раннего средневековья, что в свою очередь могут обеспечить лишь широко поставленные археологические исследования. Это дело будущего. Сейчас можно лишь отметить разрозненные факты. Так, зерновые ямы и давилы для выжимания виноградного сока, обнаруженные в различных районах горного Крыма, в частности Бакле, Тепе-Кермене, Инкермане, Эски-Кермене, Мангуле, свидетельствуют о выращивании злаков и возделывании винограда. Но, вероятно, хлеба и вина было мало; получали их в количествах, лишь удовлетворявших в основном собственные потребности и, возможно, поэтому эти продукты и не поступали в Херсон.

Не дает ли это право высказать предположение, что хозяйство Крыма рассматриваемого времени было глубоко натуральным, с весьма небольшим количеством товарных излишков? Впрочем, настаивать на этом предположении сейчас, конечно, нельзя, так как оно тесно связано с вопросом, совершенно нерешенным, — об уровне феодализации Юго-Западной Таврики в раннее средневековье. Однако в свете имеющихся в настоящее время весьма скудных источников выдвинутое предположение кажется не лишенным основания.

³² Io d., Get., V, 37.

³³ Д. Л. Т а л и с. Указ. соч.

³⁴ P r o c o p., De aedif., VII, 10.

В связи с высказанными соображениями необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что имеющиеся в литературе мнения по поводу становления феодальных отношений в Крыму совершенно априорны. Уже упоминалась точка зрения Е. В. Веймарна, согласно которой «пещерные города» к IX в. превратились в феодальные города и замки. В. В. Кропоткин считает, что в Таврике на смену разрушенным античным городам по мере формирования феодальных отношений в VI—VIII вв. появились феодальные города³⁵. А. Л. Якобсон указывает на вторую половину VIII—первую половину IX в. как на период становления феодализма в Крыму³⁶.

Таким образом, все названные авторы сходятся (с незначительными отклонениями) во мнении, что к IX в. в Таврике уже существовали феодальные города и интенсивно развивались феодальные отношения. Однако эти исследователи не приводят никаких аргументов в защиту своего мнения; они и не могут их привести, ибо для того, чтобы выдвигать те или иные тезисы о становлении феодальных отношений, отделении ремесла от сельского хозяйства и возникновении городов, нужно располагать данными об уровне производительных сил, о развитии форм собственности, способах землепользования, формах эксплуатации, типах сельских поселений и т. д. Поэтому в настоящее время все подобного рода обобщения об уровне социально-экономического развития раннесредневековой Таврики носят декларативный характер. Возможно, было так, как это утверждают сторонники приведенной точки зрения, но, возможно, было и иначе.

Еще в 1950 г. А. Л. Якобсон выдвинул предположение, что остатки небольших крепостей-поселений на возвышенных местах иногда малодоступные, известные в довольно большом количестве в нагорном Крыму под названием сарджиков, керменчиков, исаров, представляли собой резиденции феодалов-землевладельцев. Эту же мысль, но уже в категорической форме высказал недавно Е. В. Веймарн³⁷. Однако с такой же, если не с большей, степенью вероятности, можно высказать другое предположение. Исары были не феодальными укреплениями, а укрепленными усадьбами большесемейных домовых общин, расселение которых напоминает тип расселения, хорошо известный в ряде преимущественно горных областей Европы и Азии. Таковы среднеазиатские «кеды», башни Северного Кавказа, укрепленные поселения прикарпатских украинцев, балканских славян, арабские «бейты» и т. д.³⁸

Вполне вероятно, что замедленным социально-экономическим развитием Таврики следует объяснить тот факт, что появление здесь сложившихся феодальных образований типа Феодоро и, возможно, Кырк-Иера относится ко времени не ранее XII—XIII вв.³⁹

Говоря о развитии феодальных отношений в Крыму, ссылаются на иммиграцию иконопочитателей как на фактор, ускоривший этот процесс. Сама по себе связь иммиграции иконопочитателей с возникновением или ростом монастырей весьма вероятна⁴⁰, но мнение о роли этих монастырей

³⁵ В. В. К р о п о т к и н. Из истории средневекового Крыма. СА, XXVIII, 1958, стр. 198.

³⁶ А. Л. Я к о б с о н. Города Северного Причерноморья в V—IX вв., стр. 547.

³⁷ А. Л. Я к о б с о н. Средневековый Херсонес. МИА, 17, 1950, стр. 31; Е. В. В е й м а р н. «Пещерные города» Крыма, стр. 79.

³⁸ С р. С. П. Т о л с т о в. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 150—152.

³⁹ С р. А. Л. Б е р т ь е - Д е л а г а р д. Каламита и Феодоро. ИТУАК, 55, 1918, стр. 6; А. Л. Я к о б с о н. Средневековый Херсонес, стр. 30 сл.

⁴⁰ С р. Ю. К у л а к о в с к и й. Прошлое Тавриды, 2-е изд. Киев, 1914, стр. 74—75.

в ускорении формирования феодальных отношений в Крыму⁴¹ нуждается в существенных оговорках и уточнениях.

Это мнение, основанное на общих соображениях, не вполне учитывает конкретную ситуацию, в которой протекала иммиграция, а самое главное, состав иммигрантов.

Исходя из произведений Феодора Студита, следует полагать, что прибывшие в Таврику в конце VIII—начала IX в. иконопочитатели своим идейным вождем считали Феодора Студита, являвшегося вообще крупнейшей фигурой реакционного монашества. Так, например, иерархи Климатов обращаются за разъяснением ряда вопросов к Феодору Студиту; последний дает наставления сугдейскому и херсонскому епископам, обращается с напутствием к отправляющимся в Крым монахам и т. д.⁴²

Монастыри, возникавшие в Крыму, основывались иконопочитателями по общежитийному уставу. Как известно, один из существенных моментов реформы, которую пытался осуществить Феодор Студит, заключался в том, чтобы перевести монахов, живших в одиночку, по отдельным кельям (так называемый идиоритм), на жизнь в монастырях, основанных на уставе киновии. В поучениях Феодора упоминаются различные ремесленники-монахи, жившие в студитских монастырях: кузнецы, гончары, медники, ювелиры, слесари, кожевники, сапожники, ткачи, портные, ножевщики, шорники, каменщики, плстники, столяры, художники, переплетчики и т. д.⁴³

При этом в студитских монастырях не использовали иной рабочей силы, кроме самих монахов. Это особенно ярко видно из письма «К братьям рассеянным» (иначе «Оглашение») Феодора Студита⁴⁴. Поэтому мнение о том, что студитские киновии, основанные в Таврике последователями Феодора Студита, с самого начала своего возникновения, закрепощая крестьян, ускоряли здесь развитие феодальных отношений, не находит подтверждения в имеющихся сейчас данных. К этому необходимо добавить следующее.

Попытка реформ Феодора Студита в самой Византии окончилась неудачей, ибо осуществление ее означало бы необходимость участия в производительном труде значительной части монашества. Но развитие шло в совершенно противоположном направлении, по пути эксплуатации закрепощенных монастырями крестьян. Однако условия для такой эксплуатации созрели не ранее конца IX в.⁴⁵

Вероятнее всего, и в Крыму студитские монастыри в конечном счете стали закрепощать крестьян, но когда это произошло — в X или XII в. или позднее — мы не знаем; а потому, с нашей точки зрения, говорить (во всяком случае в настоящее время) о непосредственной связи между ростом монастырей, дата возникновения которых к тому же во многом остается неясной, и ускорением развития феодальных отношений в Таврике VIII—IX вв., неправомерно.

В связи со сказанным представляется ошибочным мнение А. Л. Якобсона о причинах упадка, который переживал Херсон, как полагает

⁴¹ А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья в V—IX вв., стр. 547—548.

⁴² PG, t. 90, col. 1424, 1520, 1521; «Творения преп. Феодора Студита в русском переводе», т. II, СПб., 1908, стр. 553—555.

⁴³ А. Доброклонский. Преп. Феодор, исповедник и игумен студийский т. 1. Одесса, 1913, стр. 412.

⁴⁴ См. М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборческого движения в Византии. «УЗ Свердловского гос. пед. ин-та», 1948, стр. 77. Это же явствует из жития Евфимии. См. Х. Лопарев. Греческие жития святых VIII—IX вв. Пг., 1914, стр. 470.

⁴⁵ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 77, 96 сл.

исследователь, в VIII—IX вв. Он объясняет этот упадок, относящийся по его мнению, лишь ко времени иконоборчества, тем, что силы города подтачивались ростом монастырей, завладевших основными хозяйственными ресурсами Юго-Западного Крыма⁴⁶. Едва ли есть возможность связывать упадок Херсона специально с периодом иконоборчества или, как это делает А. Л. Якобсон в другой своей работе, с господством в Крыму хазар⁴⁷. Упадок Херсона начался не в VIII в., а во второй половине VI в., т. е. задолго до иконоборчества и до появления хазар, которые могли лишь усугубить этот процесс, а не быть его причиной⁴⁸. Что касается его гипотезы о захвате монастырями господствующих позиций в экономике края, то она не находит никакой опоры в фактах и связана, как отмечено, с преувеличением роли и значения монастырей в жизни Таврики VIII—IX вв.

Экономический спад, начавшийся в Херсоне во второй половине VI в., продолжался и в VII—первой половине IX в., и А. Л. Якобсон совершенно прав, противопоставляя упадку, в каком оказался Херсон, оживление и подъем, наблюдавшийся в поселениях Восточной Таврики в конце VIII—IX в. Это положение было выдвинуто А. Л. Якобсоном еще в 1954 г.⁴⁹ и затем глубже обосновано в 1958 г. в работе «Раннесредневековые поселения Восточного Крыма». Среди рассматриваемых в этом исследовании экономических проблем особенно ценным и важным представляется установление автором факта функционирования в Восточном Крыму, в районе Судака, ремесленного центра с крупным гончарным производством. А. Л. Якобсон убедительно показал, что производимая там керамика была рассчитана не на узко местный рынок, а на широкий сбыт в районе Восточной Таврики. Возникновение такого центра, а он, возможно, был не единственным, автор объясняет тем, что вновь возникшие и развивавшиеся города и поселки в Восточной Таврике в VIII—IX вв. вызвали усиленную потребность в домашней таре и посуде вообще и тем самым дали толчок к развитию местного гончарного ремесла, нашедшего теперь обширный рынок сбыта⁵⁰. Эти выводы имеют существенное значение для изучения процессов, протекавших на территории Таврики в эпоху средневековья.

Заканчивая рассмотрение существующих в настоящее время мнений об основных вопросах социально-экономического развития раннесредневековой Таврики, отметим, что изучение ряда коренных проблем истории Таврики делает только первые шаги, находясь на стадии сбора и классификации материала. К таким проблемам, стоящим перед исследователями, принадлежит прежде всего наиболее важная — проблема возникновения и генезиса феодальных отношений в Крыму. Именно поэтому заключения и выводы, относящиеся к изучению сложного комплекса тем, охватываемых указанной проблемой, должны быть весьма осторожными; гипотезы же могут строиться лишь тогда, когда их допущение диктуется всей совокупностью имеющихся материалов.

Политическая, точнее говоря, внешнеполитическая история представляет собой сравнительно разработанный раздел истории средневековой Таврики. Впрочем, очень неравномерное освещение различных периодов истории существующими источниками оставляет в наших знаниях

⁴⁶ А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья, стр. 548—549.

⁴⁷ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 469.

⁴⁸ См. подробнее: Д. Л. Талис. Указ. соч.

⁴⁹ А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики, стр. 155 сл.

⁵⁰ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 494.

и этого раздела много пробелов, притом весьма существенных. Среди важных тем политической истории следует выделить вызвавший в последнее время дискуссию вопрос о роли Византии в истории раннесредневековой Таврики, являющийся частью более общей проблемы взаимоотношений населения Таврики эпохи раннего средневековья с Византией, Русью и хазарами, с одной стороны, и взаимоотношений между Византией, Русью и Хазарским каганатом на почве Таврики — с другой.

Весьма существенно для выяснения тех целей, которых добивалась Византия в Крыму, установить, кто осуществлял крепостное строительство в Юго-Западном Крыму. Согласно господствующему в настоящее время взгляду, наиболее четко сформулированному А. Л. Якобсоном и М. А. Тихановой, военно-оборонительные сооружения в этом районе были построены Византией для защиты горных проходов к побережью и области Херсона, а также для утверждения господства империи в этом крае⁵¹. Это мнение, в принципиальной своей части совершенно правильное, было подвергнуто недавно критике Е. В. Веймарном, который отрицает политическое господство Византии в Юго-Западной Таврике V—VI вв. и приписывает создание крепостей местным обитателям крымских нагорий — потомкам тавров и скифов — и сармато-аланам⁵². Однако доводы Е. В. Веймарна не представляются убедительными.

Аргументация, которую выдвигает Е. В. Веймарн, заключается в том, что эти крепости, исходя из соотношений их местоположения с рельефом местности, не могли защищать подступы к Херсону, так как находились в отдалении от дорог и проходов к Херсону. Этот факт, несомненно, заслуживает серьезного внимания, хотя он и не доказывает выдвинутого автором тезиса. Во-первых, некоторые крепости, например Инкерманская, все-таки защищали, как это признает и сам Е. В. Веймарн, пути, ведущие в Херсон⁵³. Во-вторых, сходство в общем характере планировки, строительных приемах и формах крепостных сооружений с военно-оборонительными комплексами, безусловно, византийскими, в Северо-Западном Причерноморье, на Южном Дунае, на Пелопоннесе, в Северной Африке настолько очевидно⁵⁴, что едва ли есть какие-нибудь основания отрицать византийское происхождение крепостей Юго-Западной Таврики эпохи раннего средневековья. Вполне аналогична византийской и техника кладки, в частности техника кордонной кладки из крупных панцирных блоков, в наличии которой Е. В. Веймарн почему-то усматривает местную строительную традицию. Подобная система кладки хорошо известна и в Херсоне и в византийских памятниках вне Крыма, в особенности в Ульметуме.

Весьма важным свидетельством является найденный на Мангуле фрагмент строительной надписи с именем Юстиниана I⁵⁵, указывающей на византийское строительство в этой крепости и относящейся, по-видимому, к базилике. Да и самое строительство базилик, в особенности таких, как

⁵¹ М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, 34, 1953, стр. 324; А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики, стр. 150.

⁵² Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 52; его же. О времени возникновения средневековой крепости Каламита, стр. 62.

⁵³ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 50.

⁵⁴ См. Vasile Părvan. Cetatea Ulmetum. Analele Academiei Române, ser. II, t. XXXIV. București, 1912, табл. I, II, V, VIII, IX, XVII; idem. Histria. Monografie arheologică, vol. I. București, 1954; табл. I. рис. 1—20; H. Megaw. Researches at Isthmia. BSA, XXXII, 1934, стр. 70 и сл., рис. 1, 5; Ch. Diehl. Rapport sur deux missions archéologique dans l'Afrique du Nord. Paris. 1894, табл. XI, XIII, XV, XVIII, XXII, XXIV.

⁵⁵ В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. ИАК, 65, 1918, стр. 18—19.

Эски-Керменская и Мангупская, требовавшее затраты значительных средств и высокого мастерства строителей, осуществлялось, скорее всего, Византией в целях идеологического утверждения своего господства.

Все это вместе взятое приводит к убеждению, что то или иное местоположение крепостных сооружений Таврики не может служить аргументом против мнения об их создании византийцами. Вполне вероятно, что при выборе того или иного пункта в качестве объекта для строительства крепости решающее значение имели не соображения узко тактического свойства, т. е. находился ли данный пункт непосредственно на дороге или в проходе, ведущем к Херсону, а более широкие задачи: укрепление стратегически наиболее важных пунктов горной Таврики, контролировавших вообще доступ в этот район⁵⁶. Не исключена также возможность, что выбор места для создания оборонительного комплекса определялся в значительной степени интересами утверждения византийского господства над местным населением. В этой связи важно отметить, что такие крупнейшие крепости, как Эски-Керменская и Мангупская, были созданы на местах существовавших ранее поселений, о чем говорит материал римского времени, обнаруженный при раскопках⁵⁷. О зависимости населения Юго-Западной Таврики от Византии сообщает и Прокопий⁵⁸. Все это указывает на ошибочность точки зрения Е. В. Веймарна, отрицающего политическое господство Византии в Юго-Западной Таврике в V—VI вв.⁵⁹

Вместе с тем Е. В. Веймарн совершенно прав, отмечая неправомерность поправок к тексту Прокопия, предлагаемых А. Л. Якобсоном и М. А. Тихановой. Прокопий, как известно, сообщает, что в стране Дори, локализуемой в Юго-Западной Таврике, Юстиниан I не строил ни городов, ни крепостей; лишь в местах, через которые враги могли легко проникнуть на территорию этой страны, император построил длинные стены (*De aedif.* III, 7). Этот отрывок получил самые разноречивые толкования в связи с тем, что он, на первый взгляд, противоречит факту наличия в Юго-Западной Таврике византийских крепостей.

Пути, которые предлагаются исследователями для преодоления этого противоречия, различны. Е. В. Веймарн признает сообщение Прокопия полностью достоверным⁶⁰, но зато он на основании этого сообщения отрицает строительство Византией крепостей в Юго-Западной Таврике, а это, как указывалось выше, противоречит действительности.

⁵⁶ Этого обстоятельства не может в конечном счете отрицать и Е. В. Веймарн. Он также признает, что местоположение наиболее крупных крепостей (Эски-Кермен, Кыз-Кермен и Чуфут-Кале) находится в определенном соответствии с основными трассами, которые вели из степей в Херсон. См. Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма, стр. 76; его же. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 50—51.

⁵⁷ См. М. А. Тиханова. Указ. соч., стр. 326.

⁵⁸ *Росор.*, *De aedif.*, III, 7.

⁵⁹ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 52. В этой связи необходимо заметить, что одно из соображений Е. В. Веймарна, которое он считает аргументом в пользу своего тезиса о равноправном союзе местного населения с империей, вызывает недоумение. Соображение его заключается в следующем: «Раскопки могильников раннесредневековых «пещерных городов» (Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Мангуп) вскрыли уже сотни погребений, но не дали еще ни одного захоронения византийского воина» (Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма, стр. 78). Во-первых, как об этом сообщает Прокопий (*De aedif.*, III, 7), население Юго-Западной Таврики выступало в качестве так называемых федератов, и сколько-нибудь значительных византийских гарнизонов здесь могло и не быть. Во-вторых, даже если здесь и были византийские воины, то идентифицировать захоронения византийских воинов среди тех христианских погребений, которые принадлежали коренным обитателям Таврики, вообще невозможно.

⁶⁰ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 49.

А. Л. Якобсон и М. А. Тиханова предлагают поправки к сообщению Прокопия. М. А. Тиханова предполагает, что длинными стенами Прокопий называет именно цепь горных крепостей, построенных Юстинианом; а называет он их так для того, чтобы избежать противоречия с собственными словами, которыми он характеризует образ жизни населения страны Дори, утверждая, что оно не желало быть заключенным в стены и что поэтому император не строил там ни городов, ни крепостей ⁶¹.

Такое толкование сразу же вызывает ряд вопросов. Зачем Прокопию нужно было в двух местах своего сочинения, разделенных несколькими строчками, утверждать прямо противоположное, а потом стремиться как-то избежать противоречия, да еще столь странным образом, как применение различных терминов к одним и тем же объектам? Не проще ли ему было попросту не приводить одного из этих утверждений? Если же М. А. Тиханова полагает, что Прокопию это зачем-то было нужно, то свое мнение ей необходимо было обосновать. Сейчас оно представляется крайне искусственным и мало вероятным.

Существует еще один ряд соображений, показывающих ошибочность как приведенного выше взгляда М. А. Тихановой, так и мнения А. Л. Якобсона, согласно которому утверждение Прокопия об отсутствии крепостного строительства в Таврике в эпоху Юстиниана I является попросту ошибкой византийского историка, обусловленной его неосведомленностью ⁶². Никаких других доводов в подтверждение своего мнения А. Л. Якобсон не приводит, за исключением того, что наличие византийских крепостей в Юго-Западной Таврике засвидетельствовано данными археологии.

Совершенно очевидно, что внесение поправок в сведения, сообщаемые источником, особенно таким, как сочинение Прокопия, занимавшего крупные политические посты, находившегося в самой гуще политической борьбы своего времени, имевшего доступ к государственным архивам и превосходно осведомленного, к тому же человека талантливого и широко образованного ⁶³, требует оснований несравненно более серьезных, нежели те, какие имелись у А. Л. Якобсона и М. А. Тихановой.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что Прокопий, употребляя термин «длинные стены», имеет в виду сплошную линию укреплений; это именно стены ⁶⁴. Прокопий не применяет указанного термина в расширительном смысле — по отношению к отдельно стоящим укреплениям, не связанным друг с другом стенами. Это становится особенно ясным из описания Прокопием «длинных стен» в районе Константинополя и Херсонеса Фракийского (*De aedif.*, IV. 9, 10).

Итак, имеется два достоверных факта: один, установленный методами археологии, — это наличие византийских военно-оборонительных сооружений в Юго-Западной Таврике, второй — свидетельство письменного источника об отсутствии строительства крепостей в Юго-Западной Таврике Византией в эпоху Юстиниана I.

Никакого противоречия в этих данных, однако, не заключено. Противоречие между ними возникает лишь при попытках их совмещения в пределах одного отрезка времени. Дело в том, что Прокопий вовсе не утверждает, что Византия не строила в горной Таврике крепостей; он лишь ут-

⁶¹ М. А. Тиханова. Указ. соч., стр. 324.

⁶² А. Л. Якобсон. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа, стр. 62, 63; его же. Византия в истории раннесредневековой Таврики, стр. 148 сл.

⁶³ См. З. В. Удальцова. Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами». В кн.: «Прокопий из Кесарии. Война с готами». М., 1950, стр. 10 сл.

⁶⁴ Это положение было впервые выдвинуто и обосновано в совместном докладе Э. И. Соломоник, О. И. Домбровского и П. А. Шохина, прочитанном в 1959 г. в Институте археологии АН СССР.

верждает, что они не сооружались в эпоху Юстиниана I. Следует обратить внимание еще на один факт, уже отмеченный в литературе⁶⁵. Прокопий, называя, например, укрепления в Алусте и в Горзувитах, ни словом не обмолвился о громадном крепостном строительстве, которое, согласно мнению названных выше исследователей, развернулось в эпоху Юстиниана I в горном Крыму. Если бы подобное строительство действительно имело бы место при Юстиниане I, то в сочинении «О постройках» оно нашло бы отражение. Говорит же Прокопий о восстановлении обороны Херсона и Боспора, о строительстве укреплений в Алусте и Горзувитах, не забывая сообщить даже о сооружении небольших стен, преграждавших доступ в ущелья Лазики (III, 7). Вообще Прокопий упоминает в своем произведении и о строительстве Юстинианом укреплений столь незначительных, что они остались безымянными (II, 9; IV, 2).

Итак, имеющиеся в настоящее время факты позволяют предполагать, что оборонительные комплексы так называемых «пещерных городов» Юго-Западной Таврики (Эски-Кермен, Мангуп) были действительно сооружены византийскими строителями, но не в эпоху Юстиниана I.

Необходимо, однако, остановиться еще на одной стороне вопроса. Как показал А. Л. Якобсон, кладка крепостных стен этих «пещерных городов» (квадровая кладка) всего более близка технике сооружения той части оборонительных стен Херсона и крепостных сооружений на Дунае, на Балканах, в Северной Африке, которые относятся ко времени Юстиниана⁶⁶.

Указываемые А. Л. Якобсоном аналогии представляются вполне убедительными. Но что касается датировки по аналогиям рассматриваемых крепостных сооружений, то необходимо отметить, не входя в подробности, следующее обстоятельство.

Техника квадратной кладки по преимуществу из крупных блоков камня, положенных на растворе, господствовавшая в римской монументальной архитектуре⁶⁷, широко применялась и в последующее время, в частности в строительстве эпохи Юстиниана. Однако такая техника встречается и несколько позднее — в конце VI—начала VII в.⁶⁸ С другой стороны, сведения, сообщаемые Прокопием, не позволяя отнести строительство этих крепостей ко времени Юстиниана I, оставляют, однако, возможность датировать их временем, довольно близким к периоду правления Юстиниана I⁶⁹.

Учитывая, что в средневековой археологии Крыма датировка с точностью, большей, чем до половины, а зачастую, и до целого столетия, невозможна, мы приходим к выводу, что наша гипотеза о сооружениях крепостных стен «пещерных городов» не в эпоху Юстиниана I не противоречит установленным аналогиям в технике кладки. Разумеется, эти различия именно в силу близости в строительных приемах не могли быть слишком значительными, едва ли больше половины столетия. Таким образом, возведение крепостных стен следует, скорее всего, отнести к VI в.,

⁶⁵ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 49.

⁶⁶ А. Л. Якобсон. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа, стр. 59—62.

⁶⁷ См. G. T. Rivoira. Roman architecture. Oxford, 1925, p. 14.

⁶⁸ См. V. Parvan. vol. I, p. 66—111, табл. 1 и сл; рис. 1—20.

⁶⁹ Данные Прокопия позволяют, строго говоря, приурочить возведение оборонительных стен также и к последним пяти годам правления Юстиниана, так как трактат «О постройках», написанный в 560 г., естественно, не мог содержать сведений о строительстве, которое, возможно, было предпринято в 560—565 гг. Однако в свете фактов, характеризующих последние годы правления Юстиниана I, такая датировка кажется мало вероятной.

исключив промежуток времени между 527 и 560 гг. Для более точной датировки положительных данных сейчас нет, но, пожалуй, начало этого отрезка времени более предпочтительно ⁷⁰.

Наряду с Византией и Русью весьма существенную роль в раннесредневековой истории Таврики сыграли хазары, а потому значительного внимания заслуживает предпринятая А. Л. Якобсоном попытка по-новому осветить вопрос о хазарах в Крыму. Свою точку зрения он высказал в 1954 г. и развил в последних работах ⁷¹. Однако эта попытка, несмотря на ряд интересных и правильных положений, представляется недостаточно обоснованной.

Мнение А. Л. Якобсона, коротко говоря, сводится к следующему. Хазары, выделившиеся в середине VII в. из обширного тюркского каганата, к 70-м годам VII в. заняли степи Придонья и Приазовья и примерно в это же время захватили район Боспора, посадив там своих наместников — тудунов. Тогда же или вскоре после этого, но не позднее середины VIII в., хазарский правитель появился и в Сугдее, а к началу или середине VIII в. большая часть Таврики с ее основными городами оказалась под хазарским владычеством. На востоке Крыма хазарское вторжение повлекло за собой запустение тех поселков в районе Боспора, которые существовали еще в VI в. на месте античных городов Тиритаки и Мирмекии. На территории Юго-Западной Таврики хазары разгромили города нагорья, в частности Эски-Кермен и Мангуп, разрушив оборонительные стены, базилики и пр. Хазарское вторжение же послужило также основной причиной упадке Херсона в VII—VIII в., нарушив его тесные связи, прежде всего торговые, с окружающим земледельческим населением и с кочевниками причерноморских степей, в частности с аланами и гунно-болгарскими племенами. Кроме того, хазарское господство в Таврике резко отрицательно сказалось на связях ее городов с Малой Азией, что еще более усилило экономический спад. Однако политическое господство хазар на полуострове продолжалось недолго. Уже к концу VIII в. они утратили какое-либо значение в жизни Таврики; власть их приобрела номинальный характер. Вместе с тем конец VIII—IX вв. были отмечены тесными союзными отношениями между Византией и Хазарским государством, направленными против общей арабской опасности. Одним из проявлений этого союза, обращенного одновременно и против Руси, явилось оказание Византией помощи хазарам в строительстве крепости Саркела. Против Руси же была направлена и такая мера, как образование Херсонской фемы. Ослабление хазар и независимость от Византии привели во второй половине VIII—начале IX в. к возрождению Восточной Таврики.

Основной упрек, который вызывает рассматриваемая концепция, — это недооценка роли хазар в Таврике в IX—начале X в., а отсюда и не совсем правильная характеристика русско-византийских отношений в это время. Вместе с тем трактовку и некоторых существенных моментов

⁷⁰ Что касается так называемых «длинных стен», которые, по словам Прокопия, Юстиниан выстроил в стране Дори, то археологически они еще не выявлены. Е. В. Веймарн, ссылаясь на результаты разведок О. И. Домбровского в 1956 г. («Пещерные города» Крыма, стр. 73), утверждает, что «длинные стены» нужно искать на Яйле. С этим утверждением, однако, трудно согласиться, ибо его следствием является признание того, что страна Дори включала Южное побережье Крыма. Но это положение противоречит тексту Прокопия, который говорит, что в стране Дори Юстиниан крепостей не строил; что же касается Южного побережья, то там, по его сообщению, были построены укрепления в Алусте и Гораувитах.

⁷¹ А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики. СА, XXI, 1954, стр. 148—163; А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья в V—IX вв., стр. 544—549; его же. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 497—500.

предшествующей истории хазар в Таврике также трудно согласовать с показаниями письменных источников и данными археологии.

Прежде всего, появление хазар в Таврике нельзя отнести ко времени ранее середины VII в.⁷²; следовательно, оно не могло явиться причиной прекращения жизни в поселениях Восточного Крыма, в частности на месте Тиритаки и Мирмекия, которое произошло, как отмечает автор раскопок, а вслед за ним А. Л. Якобсон, на рубеже VI и VII вв. или в начале VII в.⁷³ В равной степени хазарское вторжение не могло служить фактором, обусловившим упадок Херсона, ибо он начался задолго до появления хазар: в середине VI в., как считаем мы⁷⁴, или пусть даже в начале VII в., как полагает А. Л. Якобсон⁷⁵. Выше уже отмечалось, что трудности, испытывавшиеся Херсоном в получении продовольствия из Юго-Западной Таврики в середине VII в., которые А. Л. Якобсон склонен объяснять хазарским нашествием, в действительности были хроническим явлением в жизни города на всем протяжении раннего средневековья. Разумеется, появление хазар на полуострове и захват ими городов с неизбежными при этом насильственными действиями могли усугубить те процессы, которые, однако, начались в Таврике еще до хазарского вторжения. Что касается боспорских поселений, в частности на месте Тиритаки и Мирмекия, то они, скорее всего, были разрушены во время кратковременного набега на Боспор в 70-х годах VI в. тюркских кочевников⁷⁶.

Судить сейчас о том, насколько разрушительными были результаты появления хазар на полуострове, довольно трудно: какое-либо окончательное мнение по этому поводу было бы явно преждевременным, особенно в свете фактов, свидетельствующих, что и после установления хазарского господства на полуострове в Херсоне, Готии и на Боспоре наряду с хазарскими тудунами сохранилась и прежняя администрация⁷⁷.

Эти факты находят себе объяснение в наличии союза, который существовал между Византией и хазарами в VIII в., приводя даже к династическим бракам. Это обстоятельство имеет важное значение, ибо резко отрицательное отношение византийского двора к заключению браков с «варварами» хорошо известно⁷⁸. Но даже и в это время, в пору наиболее дружественных отношений с хазарами, византийское правительство едва ли могло возлагать надежды на более или менее длительный союз с ними. Ведь на территорию, которую захватили хазары в Таврике, ранее распространялась власть империи.

Не случайно Юстиниан II в самом начале VIII в. трижды посылал в Таврику экспедиции, вероятнее всего, для возвращения потерянных земель и прежде всего Юго-Западной Таврики с Херсоном, который попал, правда, на короткое время, в сферу влияния каганата. А с IX в. византийско-хазарские отношения в Северном Причерноморье стали крайне неровными, и это обстоятельство не должно затемняться фактом

⁷² Theoph., Chron., p. 357; ср. D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954, p. 45; Хазарский каганат (по материалам М. И. Артамонова). В кн.: «Очерки истории СССР. III—IX вв.», стр. 701.

⁷³ В. Ф. Гайдукевич. Отчет о раскопках Мирмекия и Тиритаки. МИА, 25, 1952, стр. 100, 127; А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 469.

⁷⁴ Д. Л. Талис. Указ. соч.

⁷⁵ А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья, стр. 545.

⁷⁶ Menandri Protectori frag., II, p. 90.

⁷⁷ Theoph., Chron., p. 372—381; Niceph., Breviarium, p. 40—48; В. Г. Васильевский. Житие Иоанна Готского. Труды, II (2). СПб., 1912, стр. 396—400 (текст жития); Vita S. Theodori Studitae, PG, t. 99, col. 252.

⁷⁸ Const. Porphyg., De adm., imp. cap. 13.

некоторого сближения, притом весьма кратковременного, между Византией и каганатом, последовавшим в 30—50-х годах IX в. и отразившимся, в частности, в строительстве Саркела.

В первой четверти этого столетия хазары осаждают Херсон, сидят в Восточном Крыму, обладают Сугдеей, утверждают свою гегемонию в Юго-Западной Таврике. Около 860 г. хазары вновь осаждают Херсон. В это же время в Хазарию была отправлена миссия Кирилла для предотвращения дальнейших гонений на христиан в каганате, которая, однако, окончилась неудачей⁷⁹. И, начиная с 70-х годов IX в., византийско-хазарские отношения становятся враждебными и остаются таковыми вплоть до исчезновения хазар с исторической сцены⁸⁰.

Очевидно, немаловажным фактором, обусловившим изменение к худшему хазаро-византийских отношений в IX в., явилось принятие господствующими верхами хазарского каганата около 800 г. ортодоксального иудаизма⁸¹.

Картина политических отношений в Северном Причерноморье, в частности в Таврике, не учитывающая всей сложности и противоречивости различных устремлений Руси, Византии, Хазарского каганата, будет неизбежно обедненной.

Действительно, IX—X вв. ознаменованы обострением борьбы Руси, в частности с Византией, за выход к морю и упрочение своих позиций в Северном Причерноморье. Но против хазар Византия и Русь выступали совместно. Прямые указания на это содержатся не только в Кембриджском документе, достоверность которого оспаривается рядом исследователей, но и в договоре Игоря с Византией, подлинность которого сомнений не вызывает.

Поэтому точка зрения А. Л. Якобсона, согласно которой Византия в союзе с хазарами противодействовала Руси в ее продвижении к Черному морю, представляется ошибочной. Статьи договора Игоря прямо призывают Русь оказывать помощь Византии в Таврике против хазар (черных болгар) и содержат обязательство византийского правительства оказывать в этой борьбе военную помощь⁸². В равной степени Византия, хотя и заинтересованная в известные моменты в союзе с хазарами против общей арабской опасности, вела с ними в Таврике, начиная с IX в., ожесточенную борьбу, ибо территорией, на которую претендовала Византия в Таврике, владели хазары, а не Русь.

Не случайно, что одно из последних упоминаний в источниках о хазарах в Северном Причерноморье, связано с совместными действиями против них в 1016 г. Византии и Руси⁸³.

Приведенные факты и соображения не позволяют также согласиться с утверждением А. Л. Якобсона об утрате хазарами политического влияния на Таврику к концу VIII в. Это утверждение противоречит источникам (друг от друга независимым), освещающим политические отношения в Таврике IX—первой половины X в. О политическом господстве хазар на полуострове в конце VIII—первой четверти IX в. свидетельствуют факты;

⁷⁹ D. M. Dunlop. *Op. cit.*, p. 194, 195.

⁸⁰ V. Mošin. *Les Khazares et les byzantins d'après l'anonyme de Cambridge. «Byzantion»*, t. VI, 1931, p. 309—325.

⁸¹ D. M. Dunlop. *Op. cit.*, p. 170. Данлоп полагает, что примерно за 60 лет до принятия иудаизма в ортодоксальной, раввинистической форме часть хазарской верхушки приняла модифицированный иудаизм.

⁸² Cp. G. Vernadsky. *The Rus in the Crimea and the Russo-Byzantine Treaty of 945. «Byzantina-Metabyzantina»*, I, 1946, p. 258.

⁸³ Cedrenus, II. *Bonnæ*, 1839, p. 464. 8.

приведенные в житиях Иоанна Готского, Стефана Сурожского, Иоанна Психаита и письмах Феодора Студита. Серьезное влияние хазар на положение дел в Таврике во второй половине IX—первой половине X в. прослеживается по данным, содержащимися в Паннонском житии, договоре Игоря и сочинении Константина Багрянородного. Главы трактата «Об управлении империей», в которых упоминается Херсон и Климаты, пронизывает тревога по поводу беспрерывных нападений хазар; там же Константин указывает сыну на те политические комбинации, которые могут нейтрализовать хазарскую опасность⁸⁴. Таким образом, существенная роль хазар в истории Таврики IX—первой половины X в. устанавливается не только в связи с показаниями еврейско-хазарской переписки, которые А. Л. Якобсон отводит⁸⁵, но и на основе ряда других источников.

В связи со сказанным представляется мало убедительной и попытка А. Л. Якобсона связать возрождение Восточной Таврики во второй половине VIII—IX в. с уменьшением политической роли хазар в жизни края. Поскольку политическая и военная активность хазар в Таврике в конце VIII—IX вв., как было отмечено, не ослабела, нельзя связывать подъем экономики в Восточной Таврике этого времени с сокращением влияния хазар.

Вопрос о судьбах поселений Восточной и Южной Таврики в X в. явился в последнее время предметом дискуссии между А. Л. Якобсоном и В. В. Кропоткиным. Первый исследователь относит гибель этих поселений к концу IX в. и объясняет ее вторжением печенегов⁸⁶. В. В. Кропоткин датирует разрушение поселений серединой и второй половиной X в. и связывает это событие с походами русских дружин на берега Черного моря⁸⁷. К сожалению, ни археологические материалы, ни письменные источники не представляют нам никаких позитивных данных для бесспорного решения вопроса. Поэтому мы сейчас не видим возможности ни сделать выбор между двумя указанными мнениями, ни предложить третье решение. И точка зрения А. Л. Якобсона, и точка зрения В. В. Кропоткина представляются нам в равной мере лишь рабочими гипотезами. Только последующее археологическое изучение поселений Восточной и Южной Таврики, прежде всего установление точной даты их гибели позволит получить твердые данные для выяснения этого вопроса.

Существенное значение для понимания процессов, протекавших в средневековой Таврике, в том числе и политических отношений, имеет изучение проблем этнической истории полуострова. Разработка этих вопросов в исследованиях последних лет внесла немало интересного и ценного в существующие представления об истории средневекового Крыма⁸⁸. Однако

⁸⁴ См. подробно: Д. Л. Т а л и с. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. ВВ, XIV, 1958, стр. 103—115.

⁸⁵ А. Л. Я к о б с о н. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 499. Следует, впрочем, заметить, что основания, по которым А. Л. Якобсон отвел относящиеся к Таврике данные переписки, особенно в свете появившихся в последние годы материалов, отнюдь не являются бесспорными. См. St. Segert. Ein alter Bericht über den Fund hebräischer Handschriften in eine Höhle. Archiv Orientalni, XXI, fasc. 2—3, 1954, p. 263—269; D. M. Dunlop. Op. cit., 116—170; S. S z y s z m a n. Les Khazars. Problèmes et controverses. «Revue de l'histoire des religions», t. 152, 1957, № 2, p. 174—221.

⁸⁶ А. Л. Я к о б с о н. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 500.

⁸⁷ В. В. К р о п о т к и н. Из истории средневекового Крыма СА, XXVIII, 1958, стр. 217—218.

⁸⁸ А. П. С м и р н о в. К вопросу об истоках Приазовской Руси. СА, 1958, № 2, стр. 274—279; А. Л. Я к о б с о н. Города Северного Причерноморья в V—IX вв., стр. 543—545; 549—550; е г о ж е. Раннесредневековые поселения Восточного

проблемы этнической истории Таврики еще далеки от окончательного решения. Они вызывают самые различные, порой противоположные оценки и мнения. Вопросы этнических взаимоотношений в средневековой Таврике требуют специального рассмотрения и выходят за рамки стоявших перед нами задач.

Крыма, стр. 464—465, 470—497; В. В. К р о п о т к и н. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение. СА, 1959, № 1, стр. 181—184; В. П. Б а б е н ч и к о в. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. В кн.: «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 88—146; К. Ф. С о к о л о в а. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма. В кн.: «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 63—87.

М. М. ТРАПШ

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АНАКОПИИ
В 1957—1958 гг.**

В средние века на побережье Абхазии, в районе современного Н. Афона (по-абхазски — Псырцха) существовал город и крепость Анакопия. Остатки этой крепости сохранились на так называемой Иверской горе, на высоте 250—350 м над уровнем моря (рис. 1).

Анакопийская крепость является одним из выдающихся фортификационных сооружений древней Абхазии и всего Черноморского побережья Кавказа. В VII в. н. э. она служила центром и мощным опорным пунктом Западноабхазского княжества абазгов, а позднее, в конце VIII в., вокруг нее образовалось объединенное Абхазское царство, первоначальной столицей которого являлась, по-видимому, Анакопия.

Анакопийская крепость занимает обширную территорию, составляющую более 70 тыс. кв. м. Она состоит из двух основных линий обороны. Первая линия укрепления — цитадель с двумя башнями — располагается на вершине горы (рис. 2). На южной стене этой оборонительной линии на высоте около двух м от поверхности земли имеется входная калитка, указывающая на существование здесь подъемного мостика.

Цитадель занимает небольшую площадь (длина 83 м, ширина 37 м). Ее мощные стены по всей линии обороны сохранились в высоту не менее 4—5 м и имеют толщину более одного м; сложены они из хорошо отесанных известняковых квадров. Квадры кладки стены хорошо пригнаны друг к другу и чередуются между собой то широкой, то торцовой плоскообработанной стороной. Стены возведены на известковом прочном растворе с песком и гравием, местами с кусочками шамота.

Башни крепости — восточная и западная — не имеют в кладке увязки со стенами цитадели, они в ангисейсмических целях — на «скользящем шве», что вызывает у исследователей мнение о поздней их пристройке. Четырехугольная восточная башня — наиболее мощное и высокое сооружение. На внутренних стенах ее сохранились ряды четырехугольных гнезд для балок потолочного перекрытия верхних этажей. Судя по количеству рядов этих гнезд, башня была четырехэтажная, снабженная окнами, а позднее — бойницами. В западной стене имеется пролом.

Техника кладки стен башни характеризуется правильными горизонтальными рядами, но иногда встречаются ряды камней, положенных торцовой узкой и широкой плоской стороной, однако правильного чередования они все-таки не образуют. Раствор, употребленный при строительстве этой башни, почти не отличается от раствора стен крепости, но он положен в ней гуще, чем в стенах цитадели.

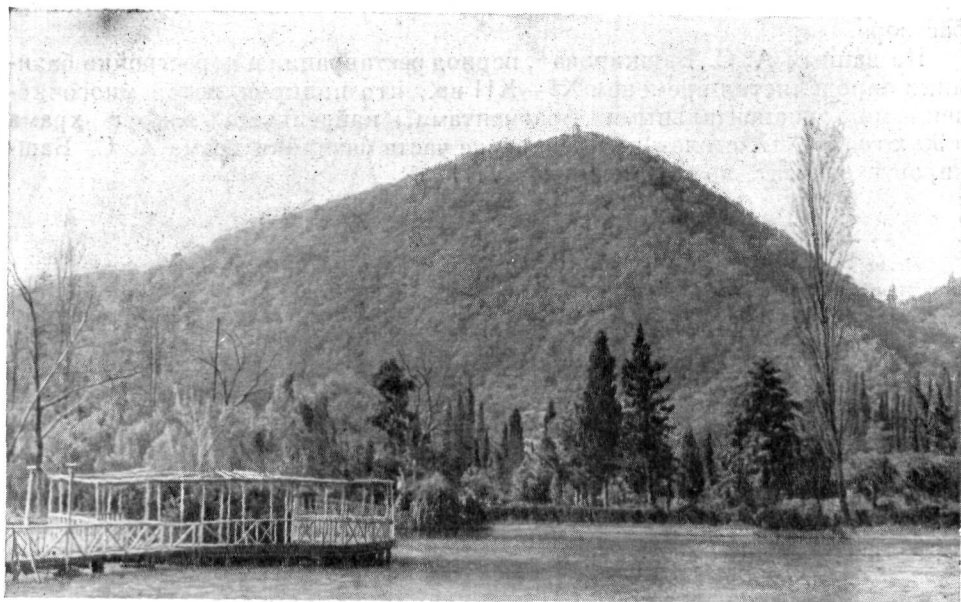

Рис. 1. Общий вид Иверской горы с Анакопийской крепостью (вид с северо-запада и юго-востока)

Западная башня цитадели расположена у входной калитки. Она имеет четырехугольную форму, углы же, обращенные на юг, округлены. Стены башни сохранились на высоту второго этажа с двумя небольшими бойницами, обращенными на юг. В восточной стене имеются две двери одна над другой. Западная стена снабжена широким окном или дверью. Качество кладки этой башни значительно уступает восточной. Наружный панцирь ее состоит из плохо отесанных глыб известняка. Ряды их выдерживаются по горизонтали. Раствор положен не густо, в нем, в отличие от раствора восточной башни и стен цитадели, имеется большое количество гравия. В характере кладки этой башни есть много общего с башнями второй линии обороны.

Внутри крепости расположены «осадный» колодец с питьевой водой и храм.

«Осадный» колодец, примыкающий к храму, построен одновременно с цитаделью. Он глубоко выдолблен в скале и облицован известняковым камнем. Этот колодец до сих пор содержит прекрасную воду. Химическим анализом установлено, что эта вода вполне пригодна для питья. Она, по-видимому, родниково-карстового происхождения.

В середине цитадели у северной стены, на возвышенной площадке скалистого уступа расположен храм, подробно описанный в одной из работ А. С. Башкирова¹. Он представляет собой одноабсидную базилику без нартекса и носит следы перестройки (рис. 3).

Первоначальные стены храма сложены из плохо обработанного местного известняка, выложенного на известковом растворе с морским гравием. Позднее при реставрации базилика была облицована хорошо

¹ А. С. Башкиров. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года. «Известия Абхазского научного общества», вып. IV, 1926, стр. 54.

отесанными известняковыми плитами, плотно пригнанными на известковом растворе.

По данным А. С. Башкирова², период реставрации и перестройки базилики определяется временем XI—XII вв., что подкрепляется многочисленными орнаментальными фрагментами, найденными вокруг храма в 90-х годах XIX столетия. Древние же части базилики храма А. С. Башкиров³ относит ко времени до VIII в.

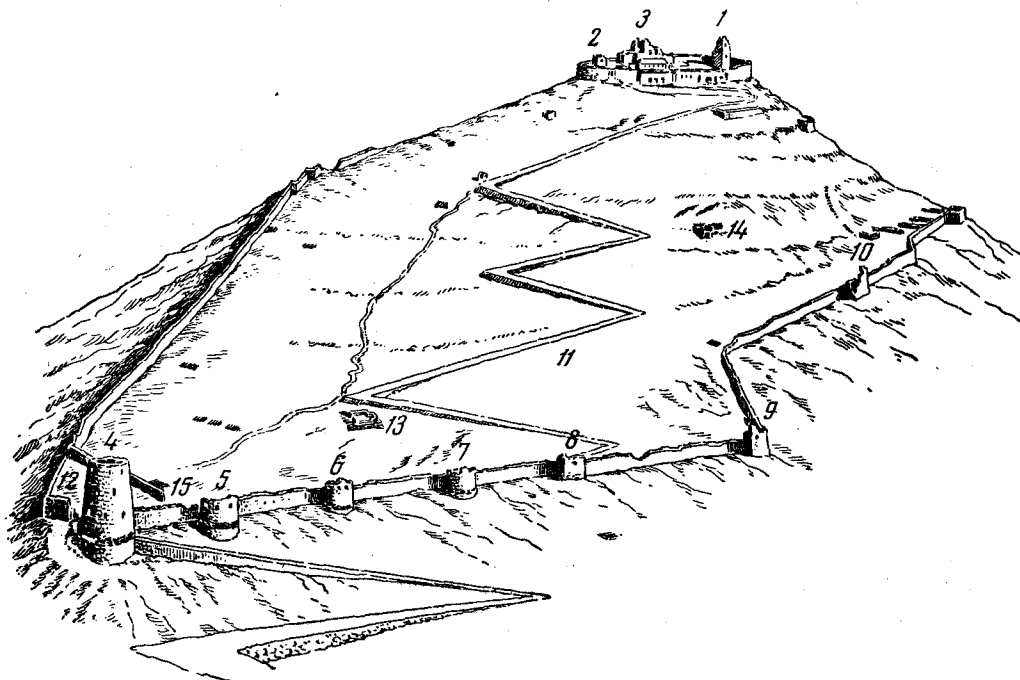

Рис. 2. Перспективный план Анакопийской крепости:

1—2 — восточная и западная башни цитадели первой линии обороны; 3 — храм внутри цитадели; 4—10 — башни южной стены второй линии обороны; 11 — зигзагообразная дорога на вершину Иверской горы; 12 — входные ворота крепости; 13 — храм; 14 — печь для обжига извести; 15 — дополнительная стена второй линии обороны

В начале XX столетия монахи Ново-Афонского монастыря, разбирая стены цитадели, возвели вдоль южной ее стены жилой дом, занимающий значительную часть крепостного двора. С наружной стороны цитадели у южной ее стены было заложено здание гостиницы и выведен нижний этаж. Входная калитка получила лестницу. К наружной стене абсиды храма была пристроена новая водосборная цистерна. Цистерна не прикрыта, вода в ней дождевая и, в отличие от воды древнего «осадного» колодца, быстро портится.

Вторая линия обороны расположена ниже цитадели и состоит из трех крепостных стен: южной, западной и восточной. Самой мощной из них является южная стена с семью башнями, которая начинается от обрыва ущелья р. Псырцха и наискось пересекает пологий склон горы, зигзагами спускаясь к тому месту, где над обрывом ущелья р. Мысра находится большая юго-западная угловая башня (рис. 4). Здесь южная стена второй

² А. С. Башкиров. Указ. соч., стр. 55.

³ Там же.

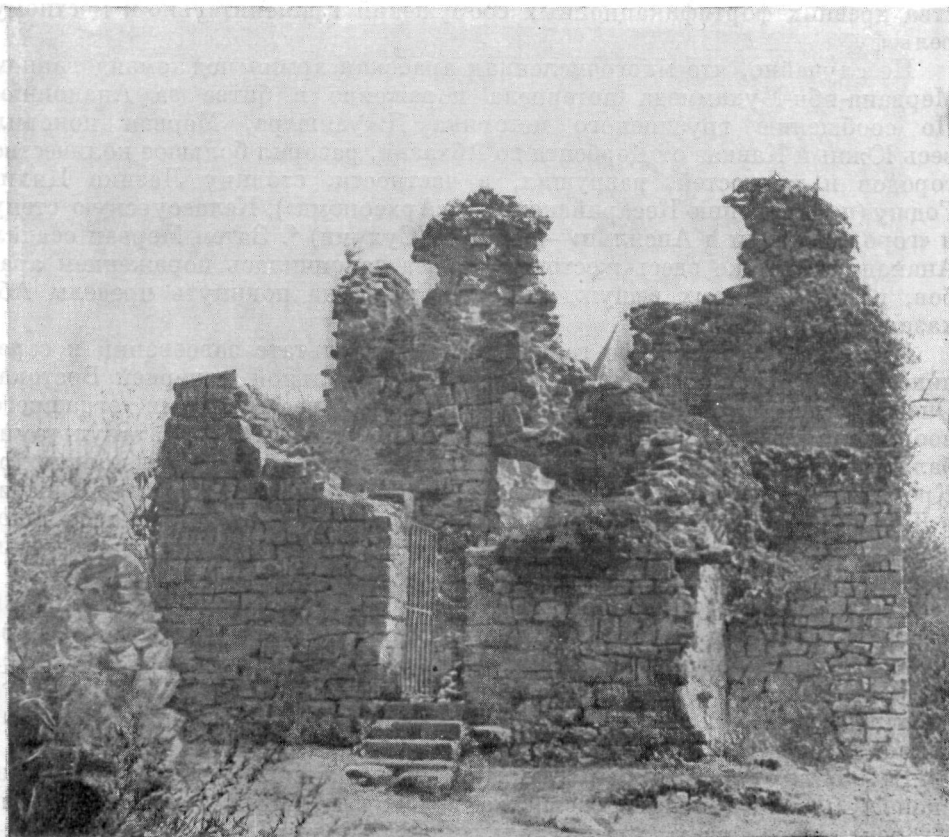

Рис. 3. Анакопийская крепость. Общий вид храма внутри цитадели

линии обороны у стыка с башней имеет пролом позднейшего происхождения.

Входные ворота в крепость расположены у юго-западной угловой башни являющейся самой мощной из всех анакопийских башен. Она надежно защищала ворота крепости. Древняя узкая дорога, подходившая к воротам крепости, шла немного ниже угловой башни, огибая ее слева. Неприятель должен был пройти здесь над крутым откосом, находясь под массированными ударами со стороны защитников башни, поражавших его с правой, не прикрытой щитом стороны. Мало того, обогнув башню, противник попадал на узкую тесную площадку, искусственно созданную перед воротами крепости. Но если бы даже врагу удалось взять ворота, он попал бы не внутрь крепости, а в отдельный треугольный дворик, созданный позади главной башни, где встретил бы перед собой новую мощную стену с дополнительными воротами. Брать крепость со стороны южной стены второй линии обороны прямым ударом тоже представлялось почти невозможным, так как на этом ответственном участке было сконцентрировано семь башен, которые, в отличие от башен цитадели, выступают вперед от стен создавая возможность флангового обстрела наступающего неприятеля.

Как видно, система второй линии анакопийских укреплений была разработана тщательнейшим образом, с глубоким знанием приемов строитель-

ства древних фортификационных сооружений применительно к местному рельефу.

Не случайно, что многочисленная арабская армия под командованием Мервана-ибн-Мухаммеда потерпела поражение в битве за Анакопию. По сообщению грузинского историка Джуаншера, Мерван покорил весь Южный Кавказ от Дербента до Абхазии, разорил большое количество городов и крепостей, разрушил, в частности, столицу Лазики Цихи-Годжу (по Прокопию Кесарийскому — «Археопомк»), Келассурскую стену и «город Абхазии и Апсилии» — Цхуми (Сухуми)⁴. Затем Мерван осадил Анакопию, однако здесь жестокая борьба закончилась поражением арабов, войска которых вынуждены были навсегда покинуть пределы Абхазии⁵.

Известно, что арабское государство в результате завоеваний к середине VIII в. становится могущественной феодальной империей Востока. Оно располагало огромной армией, оснащенной всеми видами тогдашнего вооружения, в том числе тяжелой осадной техникой — катапультами, баллистами, стенобитными машинами, зажигательными снарядами и др. Кроме того, арабское стальное оружие, которое изготовлялось, в частности, в Дамаске, славилось во всем мире. Однако выгодное стратегическое положение Анакопии и ее неприступность дали возможность мужественным защитникам крепости выстоять перед грозной силой арабов.

Специфической особенностью района расположения Анакопийской крепости является значительная обнаженность известнякового массива от рыхлых наносов почвы, размытой атмосферными осадками, благодаря чему на склонах крепости нет значительных накоплений культурного слоя. Мощные культурные слои сохранились лишь в башнях и вдоль южной стены второй линии обороны.

В 1957 г. отделом охраны памятников министерства культуры Абхазской АССР была начата расчистка некоторых древних сооружений на Иверской горе под научным наблюдением Абхазского института языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР. Работы эти велись в районе южной стены нижней линии обороны, в частности в башнях № 3, 4, 5 и на склонах внутри крепости, где тогда же, у конца шестого изгиба современной дороги, были обнаружены остатки небольшого храма.

В 1958 г. археологическая экспедиция Абхазского института, организованная совместно с отделом охраны памятников министерства культуры Абхазской АССР, продолжила работы, начатые в 1957 г.⁶

Основной задачей этой экспедиции являлось исследование башен южной стены второй линии обороны и организация разведок на склонах крепости. Работа экспедиции главным образом была направлена к установлению общей стратиграфии с датировкой культурных наслоений крепости.

⁴ Джуаншер. История царя Вахтанга Гергаслана. Картлис Цховреба. Тбилиси, 1942, стр. 149.

⁵ Там же, стр. 151.

⁶ Состав Анакопийской археологической экспедиции: старшие научные сотрудники Абхазского института Ш. Д. Инал-Ипа, Л. Н. Соловьев (зам. начальника экспедиции), М. М. Трапш (начальник экспедиции), Л. А. Шервашидзе, О. Д. Лордкипанидзе (научный сотрудник Института истории им. И. А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР, канд. истор. наук), В. А. Левинадзе (научный сотрудник Гос. музея Грузии им. С. Н. Джанашиа), В. П. Пачулиа (начальник отдела охраны памятников Министерства культуры Абхазской АССР). В. В. Бжания (научный сотрудник Гос. музея Абхазии). В качестве лаборантов в экспедиции принимали участие В. С. Орелин и Е. Х. Скорнякова.

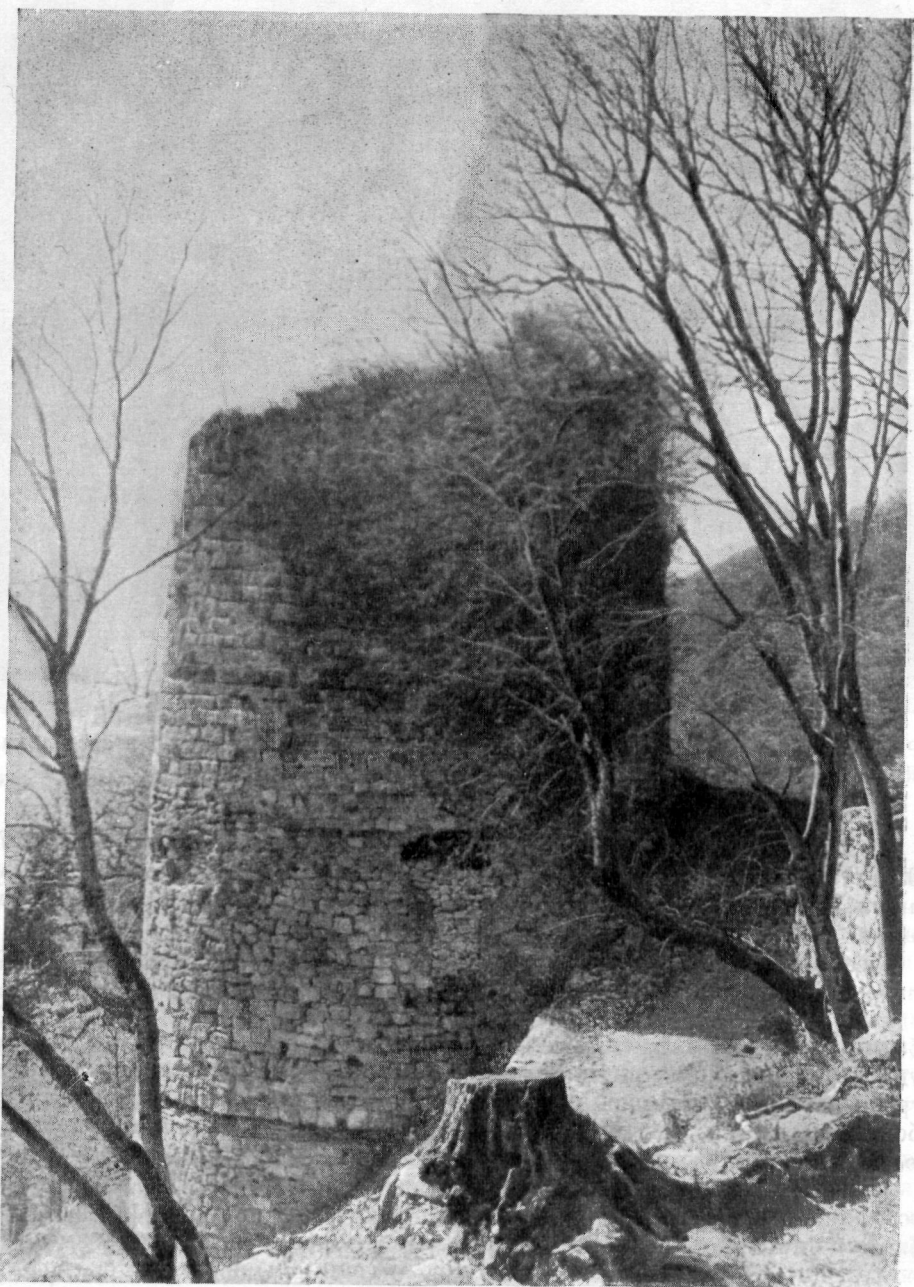

Рис. 4. Анакопийская крепость. Общий вид юго-западной угловой башни № 1 второй линии обороны

Рис. 5. Анакопийская крепость. Общий вид полукруглой башни № 2 второй линии обороны

Анакопийская археологическая экспедиция в период работ 1957—1958 гг. расчистила и раскопала полностью остатки указанного храма, башни № 3, 4, 5, 6, 7 и исследовала ряд других объектов в районе второй линии обороны.

Остатки храма и все названные башни выложены из грубоотесанного камня на известковом растворе с мелким морским гравием.

Разрушенный однефный храм имеет полукруглую выступающую абсиду. Пол был выложен высеченными известняковыми плитами, которые, судя по их профилю, служили прежде кровельной черепицей. Храм построен на скале, имеющей наклон в южную сторону. Юго-восточная часть абсиды почти разрушена до основания. Стены сохранились на высоту до 2 м. По наружному обмеру длина храма — 9,20 м, ширина — 4,50 м.

Расчистка храма была закончена в основном еще в 1957 г. В результате этой работы найдены: фрагменты пилястры от алтарной преграды храма, обломки плоских черепиц-солен и калиптер, черепки желобчатой амфорной посуды, обломки пифосов, горшков, кувшинов, несколько черепков глазурованного сосуда с желтовато-темной поливой, кусочки стеклянных сосудиков, четыре медные византийские монеты X—начала XI в. и другие вещи. Среди монет одна (рис. 16) — периода правления Константина VII (913—959 гг.).

Наряду с перечисленными находками здесь обнаружены восемь погребений с христианским обрядом захоронения. Из них три вскрыты внутри храма, остальные с его наружной, северо-западной стороны. Инвентарь этих погребений состоит из колокольчиковидной подвески из белого ме-

Рис. 6. Анакопийская крепость. Общий вид четырехугольной башни № 5 второй линии обороны

талла с ушком, бронзового зеркала, бронзовых бус сферической формы с ушком, голубых стекловидных пастовых бусин с глазками и т. д.

Археологический материал, добытый при расчистке храма, является разновременным. Это в основном керамические обломки разных изделий, относящиеся к большому периоду времени между VII—XII вв. На основании архитектурных фрагментов пилястры и монеты храм можно датировать X—XI вв. К этому времени, очевидно, относятся и вскрытые внутри храма три погребения. Что касается могил, обнаруженных с наружной стороны храма, то все они в основном относятся к периоду раннего средневековья.

Большая трудоемкая работа была сделана экспедицией по исследованию башен южной стены второй линии обороны, имеющих в плане полукруглую (рис. 5) или четырехугольную (рис. 6) форму, построенных на подсыпке над скалой, снабженных амбразурами, имевшими по три-четыре этажа, использовавшихся одновременно и под жилье, и с кровельной черепицей. Все эти башни дали одинаковые культурные слои. Поэтому оставшимся лишь на некоторых из них, в частности на башнях № 4 и 6.

Башня № 4 имеет полукруглую форму, сильно выдается из стены; сохранился лишь нижний этаж с тремя амбразурами, второй этаж только частично. Наружные размеры башни: ширина — 9,06 м, длина — 7,80 м, толщина стен — 1,90 м. Размеры амбразур: ширина с наружной стороны стен — 15—16 см, внутри (при откосе в стене) — 65—70 см, высота — 90 см. Башня внутри имеет два ступенчатых цоколя. Пол первого боевого этажа

располагается на 1,35 м ниже амбразур. Общая высота сохранившейся части башни — 8,72 м.

Исследование башни, начатое в 1957 г. и законченное в 1958 г., дало следующий разрез культурных наслоений.

Первый слой «а», раскопанный в 1957 г., представляет черную гумусированную землю, содержащую обломки известняка, щебенку и мелкий морской гравий. Большие куски известняка, представленные в слое в беспорядочном скоплении, принадлежат разрушившимся стенам башни. Нижний горизонт слоя «а» содержит мелкую морскую гальку, щебенку, черепки крупной и мелкой глиняной посуды, кости животных. Этот слой является жилым — полом второго этажа башни.

В слое «а» обнаружены: обломки черепицы, черепки пифосов, горшков, кувшинов, обломки желобчатой амфорной посуды, несколько фрагментов глазурованного сосуда с желтой поливой, керамическая солонка, косточки стеклянного сосуда, прислица, два острия из оленьего рога с надрезами, оселки со сквозными отверстиями для подвешивания к поясу, круглопроволочные бронзовые колечки, железные предметы — наконечники стрел, ножи, долота, ножницы, четырехгранные гвозди, одна серебряная монета с именем царя абхазов и грузин Георгия II (1081—1089 гг.) и другие вещи. У юго-восточной стены башни обнаружен один пифос, закопанный в вертикальном положении. Толщина слоя «а» в целом 2,30 м.

Рассматриваемый культурный слой на основании серебряной монеты Георгия II и керамических находок можно датировать X—XII вв.

Второй слой «б», частично пройденный в 1957 г., представляет собой серый супесок, насыщенный морским гравием, щебенкой и многочисленными обломками известняковых камней. В нем найдены: черепки пифосов, горшков, кувшинов, фрагменты желобчатой амфорной посуды, обломки краснолощенного сосуда с темно-бурой росписью, красноглиняная жаровня почти в целом виде (рис. 11, 8), косточки камбалы.

Керамика слоя «б», в отличие от керамики предыдущего слоя, ярко-красная, звонкая, глина более тонкая, лучше промешана.

Третий слой «в» характеризуется черной комковатой землей со щебнем и крупными обломками известняка. Встречаются здесь и отдельные зерна чистого морского гравия. Этот слой представляет навал камня и земли, укрепляющий нижний этаж башни против стенобитных орудий.

В слое «в» обнаружено одно погребение с христианским оорядом захоронения, располагавшееся ближе к южной амбразуре.

При раскопке слоя «в» встречались мелкие кусочки античных амфор, в том числе чернолаковые черепки IV—II вв. до н. э. Вместе с ними попадались обломки кухонной посуды местного производства с гладкой или слегка рифленой поверхностью. Вся эта керамика попала сюда из почвенного слоя при строительстве и засышке нижней части башни.

Башня № 6 имеет четырехугольную форму, занимает угловое положение. Здесь южная стена меняет свое направление, она поворачивает под прямым углом на север, затем на восток и идет по крутому склону. От башни сохранился первый этаж, частично второй и третий этажи. Первый этаж — с одной амбразурой на южной стене.

На втором этаже следы амбразурных проемов прослеживаются на восточной, южной и западной стенах. На внутренних стенах башни сохранились ряды четырехугольных гнезд для балок потолочного перекрытия верхних этажей. Размеры башни: общая высота сохранившейся части — 7,66 м, ширина наружная (зап.) — 5,45 м, длина наружная (южн.) — 7,40 м, толщина стен — 1,35 м. Размеры амбразуры: ширина

с наружной стороны стен — 21 см, внутри — 62 см, высота — 77 см. Высота цоколя западной стены — 1 м, южной и восточной — 50 см.

В башне № 6 выявлен следующий разрез культурных наслоений.

Первый слой «а», начинающийся завалом камней, представляет собой черный рыхловатый гумус, обогащенный большим количеством обломков известняка, щебенкой, морским гравием, костями различных животных. Нижний горизонт этого слоя имеет светловато-серый цвет, без резкого перехода, который более насыщен морским гравием.

Большие обломки крупных колотых камней и мелкого морского гравия, представленные в этом слое, принадлежат разрушившимся стенам башни.

В слое «а» в целом, общая толщина которого достигает почти двух метров, обнаружены: обломки черепицы, черепки пифосов, горшков, кувшинов, фрагменты желобчатой амфорной посуды, половина верхнего жернова ручной мельницы, железные предметы — серповидная пилка с боковой разрезной втулкой длиной 10,5 см, ножи, гвозди, каменные пращи и т. д. В этом слое найден также полированный каменный топорик энеолитической эпохи. В средневековый период он, по-видимому, представлял собой раритет — диковинку и едва ли использовался для какого-либо дела. Рабочая часть топорика изношена.

У самой подошвы слоя «а» обнаружена византийская серебряная монета (рис. 16, 4) с именем Константина X Мономаха (1042—1055 гг.).

Второй слой «б» представляет собой черную уплотненную землю, содержит обломки известняка, щебенку, мелкий морской гравий, кости разных животных. Он имеет слабый уклон к южной стене, является жилым слоем; у своей подошвы он особенно уплотнен и гумусирован. Толщина культурного слоя 65 см.

В слое «б», как и в предыдущем, найдены обломки черепицы, черепки пифосов, кувшинов, горшков, фрагменты желобчатой амфорной посуды, несколько обломков краснолощеного кувшинчика с темно-бурой росписью. Эта керамика, за исключением краснолощенных черепков, в основном не отличается от керамики предыдущего слоя.

В слое «б» вместе с перечисленными находками обнаружены: фрагменты нижнего жернова ручной мельницы, железные предметы — наконечник стрелы ромбовидной формы, фрагменты двух ножей, четырехгранные гвозди и т. д. Часть жернова, найденная в предыдущем слое, оказалась половиной тех фрагментов, которые были обнаружены в слое «б». Они вплотную сошлись друг с другом, и этот жернов удалось восстановить почти в целом виде (рис. 7, Б). Жернов имеет овально-округлую форму (диаметром 35 см) с воронкой в середине для засыпки зерна. Он имеет два отверстия, одно из которых является сквозным. Эти отверстия служили для помещения в них рогатой палки-рукоятки, при помощи которой приводился в движение жернов.

Третий слой «в», начинающийся тонкой известковой прослойкой, представляет собой черную комковатую землю с буроватым оттенком. В ней в большом количестве встречаются обломки известковых камней, щебенка и отдельные вкрапления чистого морского гравия. Можно считать, что на уровне указанной известковой прослойки была строительная площадка для отделки нижнего боевого этажа башни после ее постройки. Этот слой в целом следует считать «основным строительным» слоем башни № 6.

В слое «в» обнаружены обломки местной кухонной посуды, в том числе и импортная керамика, относящаяся к эллинистическому времени. Вместе с черепками посуды найдены: каменные пращи, прясли-

цеvidный костяной предмет, куски пемзы и т. д. В юго-восточном углу башни был зарыт в вертикальном положении красноглиняный пифос, раздавленный тяжестью земли. Дно сосуда массивное, имеет цилиндрическую форму, снабжено сквозным отверстием.

Керамика эллинистического времени, найденная в слое «в», попала сюда случайно при засышке пола нижнего этажа башни.

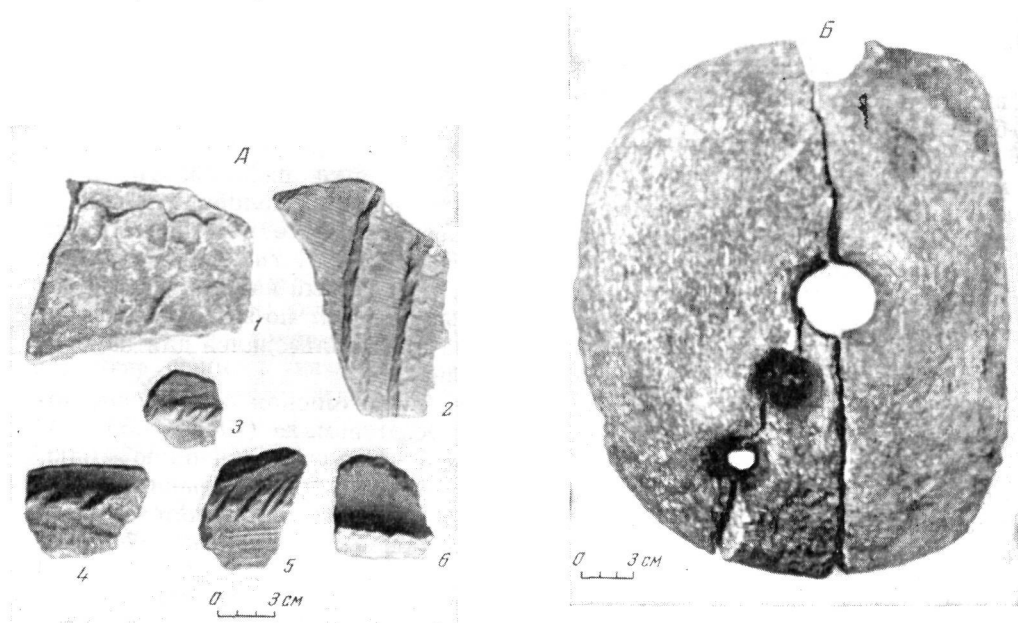

Рис. 7. А. Обломки глиняной посуды. Б. Жернов

Четвертый слой «г», как и предыдущий, представляет собой комковатую черную землю, но с сероватыми оттенками. Он содержит обломки известняковых камней, щебенку и отдельные зерна чистого морского гравия. Толщина культурного слоя «г» до скалы достигает 1,5 м.

В слое «г» обнаружен большой известняковый камень толщиной 53 см, с воронкой в середине, диаметром 16 см, при ее глубине 43 см. Судя по диаметру воронки и ее глубине, этот камень, по-видимому, служил ступой для отделения шелухи от зерна.

Слой «г», в отличие от предыдущего слоя «в», больше насыщен черепками античной посуды, относящейся к эллинистическому времени. Эта керамика встречается вообще в слое «в» и «г» и попала сюда из почвенного слоя при строительстве и засышке нижней части башни.

Следует отметить, что слой «г», судя по керамическим изделиям, синхронен слою «в». Поэтому нужно считать строительным и рассматриваемый слой «г».

Наряду со значительными работами, проделанными в башнях южной стены второй линии обороны, археологическая экспедиция заложила пять раскопов в районе второй линии анакопийских укреплений. Раскопы № 2 и 3 дали в основном такие же культурные слои, что и исследованные башни южной стены второй линии обороны. В раскопах № 1 и 5 обнаружены смешанные материалы различных периодов, начиная с отдельных,

сильно окатанных черепков эпохи бронзы и античного времени до черепков и черепиц X—XI вв.

В раскопе № 4 участниками археологической экспедиции 1958 г., научными сотрудниками Академии наук Грузинской ССР О. Д. Лордкипанидзе и В. А. Леквинадзе была открыта печь для обжига извести. Стратиграфический разрез этого раскопа представляет собой следующее.

Сверху идет почвенно-дерновый слой, толщиной 7—8 см. Под ним залегает черная гумусированная земля, которая в юго-восточной части раскопа имеет толщину 1,20 м и налегает на скалу.

В центральной и западной частях раскопа мощность черного гумуса, достигающего 80—100 см, налегает на прослойку обожженной глины (толщиной 20—30 см). Под ним располагалась обожженная известь толщиной 25—35 см, лежащая на слое угля и золы над скалой. Юго-восточная стена раскопа была завалена камнями от разрушившихся стен известковой печи.

В слое черного гумуса обнаружены; обломки черепиц, черепки пифосов, горшков, кувшинов, фрагменты желобчатой амфорной посуды. У западной и восточной стен раскопа были зарыты в вертикальном положении два пифоса, плохо сохранившиеся.

Значительная часть перечисленных керамических изделий имеет аналогию с материалами раскопок слоя «б» второй линии обороны. Что касается пифосов, то они, по-видимому, были опущены в черный гумусированный слой раскопа № 4 позже, примерно, в XI—XII вв. В этот период здесь стояла, очевидно, жилая постройка с зарытыми в землю сосудами для хранения продуктов.

Печь для обжига извести, обнаруженная в раскопе № 4, имеет в плане круглую форму с отверстием для топки на южной ее стороне (рис. 8). Размеры печи: общая ее ширина (наружная) — 4,20 м, внутренний диаметр с востока на запад — 3 м, с севера на юг — 3,90 м.

Хорошо сохранилась юго-восточная часть печи. Западная и северная стены разрушены. Высота сохранившейся в восточной части стены 1,15 м. До высоты 95 см от уровня пола печь вырублена в скале; скала была облицована известняковыми камнями. Выше же стена выложена в два ряда, причем для второго ряда фундаментом служила уже скала. Толщина этой восточной стены 1 м.

В качестве материала для кладки печи использован известняк. Следует отметить, что облицовочные квадраты, несмотря на близость огня, нисколько не пострадали. Квадры сложены на глине. Между скалой и квадратами кладки имеется подсыпка из мелкой щебенки с глиной. Во всей кладке печи нет следов применения известкового раствора, так как печь предназначалась для обжига извести.

Печь, по-видимому, была построена в период строительства или восстановления некоторых основных сооружений второй анакопийской оборонительной линии. Этому выводу не противоречат как материалы раскопок, так и величина печи; продукция ее могла быть рассчитана на строительные работы крупного масштаба.

Рассмотренная печь для обжига извести является интереснейшей находкой Анакопийской археологической экспедиции 1958 г. Она проливает свет на историю градостроительства одного из самых важных сильно укрепленных городов и крепостей средневековой Абхазии — Анакопии.

Таковы некоторые результаты раскопок Анакопийской археологической экспедиции 1957—1958 гг.

Рис. 8. Печь для обжига извести. Вид с севера

Вещевой материал раскопок в целом состоит из керамических изделий, орудий хозяйственного назначения, оружия, гвоздей, крестов, монет и т. д.

Массовым материалом крепости является преимущественно глиняная посуда, представленная фрагментами античной и средневековой керамики, черепками пифосов, горшков, кувшинов, обломками желобчатых амфор.

Античная керамика состоит из мелких окатанных фрагментов амфор и чернолаковой посуды эллинистического времени (IV—II вв. до н. э.). Часть обломков амфорной посуды — малоазийского происхождения, в частности из Синопа.

Черепки пифосов, как показывают раскопки, встречаются повсеместно на всей территории второй оборонительной линии. По тесту глины, обжигу, технике оформления поверхностей, орнаментальным мотивам они подразделяются на две разновременные группы.

Обломки пифосов первой группы, относящиеся к раннесредневековому времени (VII—X вв.), — ярко-красного цвета, с гребенчатым рифлением; обожжены нормально. Глина с просеянным песком, хорошо перемешана. Гладкий или рифленый корпус пифосов украшен ногтевыми или пальчатыми вдавлениями, косыми вырезами, рельефными кантами (см. рис. 7, А; рис. 9, 1—8).

Вторая группа фрагментов пифосов, возраст которой определяется временем развитого средневековья (XI—XII вв.), имеет темно-красный цвет, часто с буроватым оттенком в изломе. Глина более грубая, плохо перемешана, обжиг недостаточный. Наряду с часто непросеянным песком и шамотом она содержит примеси в виде известковых крупинок и почвенных железистых образований.

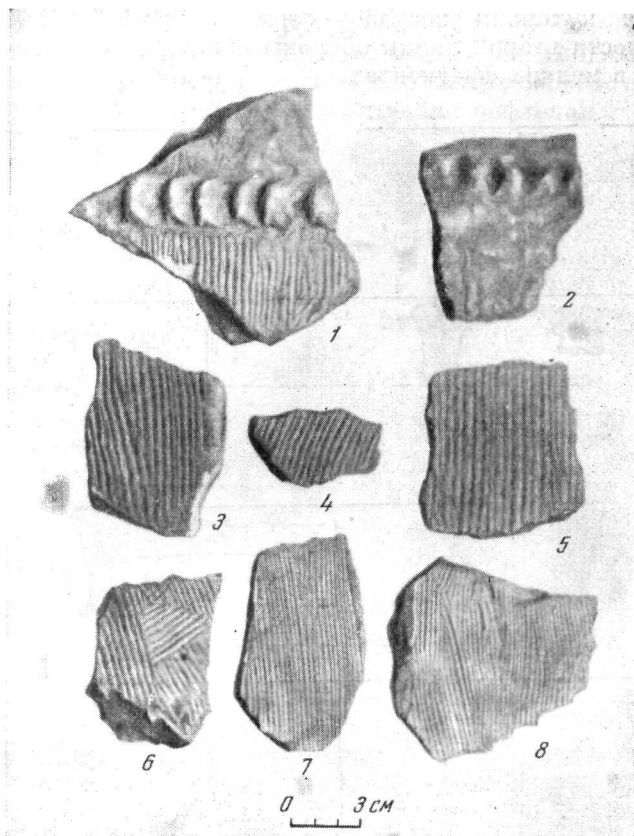

Рис. 9. Черепки пифосов. VII—X вв.

Наружная поверхность рассматриваемой группы черепков пифосов покрыта мелким гребенчатым рифлением. Встречаются среди них и черепки с гладкой поверхностью. Пифосы имели широкое горло с различными венчиками (рис. 10, 1—7), украшенными сосочками, круглыми несквозными отверстиями, косыми желобками, пальчатыми очкообразными вдавлениями и т. д. (рис. 10, 1, 2, 7).

Пифосы преимущественно имеют цилиндрической формы массивные днища.

Судя по некоторым раздавленным сосудам, одни пифосы достигали, по-видимому, высоты до 115 см, при наибольшем диаметре корпуса 80 см; другие, очевидно, имели высоту 75 см при наибольшем диаметре в 50 см. Те и другие по форме шарообразны. Встречаются также фрагментированные пифосы, напоминающие яйцевидную форму. Некоторые пифосы с внутренней стороны были залиты известковым раствором с мелким песком, по-видимому, для придания стенам сосудов прочности.

Черепки пифосов второй группы анакопийской крепости по своему характеру, в частности по формам венчиков, технике оформления поверхностей, орнаментальным мотивам, имеют аналогию с фрагментами пифосов, известными из Сухуми⁷.

⁷ В. И. Сизов. Восточное побережье Черного моря. МАК, вып. II, 1889, стр. 31—32, табл. VIII, 3, 6, 7.

Домашняя кухонная посуда — горшки, миски и кувшины — при раскопе крепости второй линии обороны обнаружена в значительном количестве, но в мелких фрагментах.

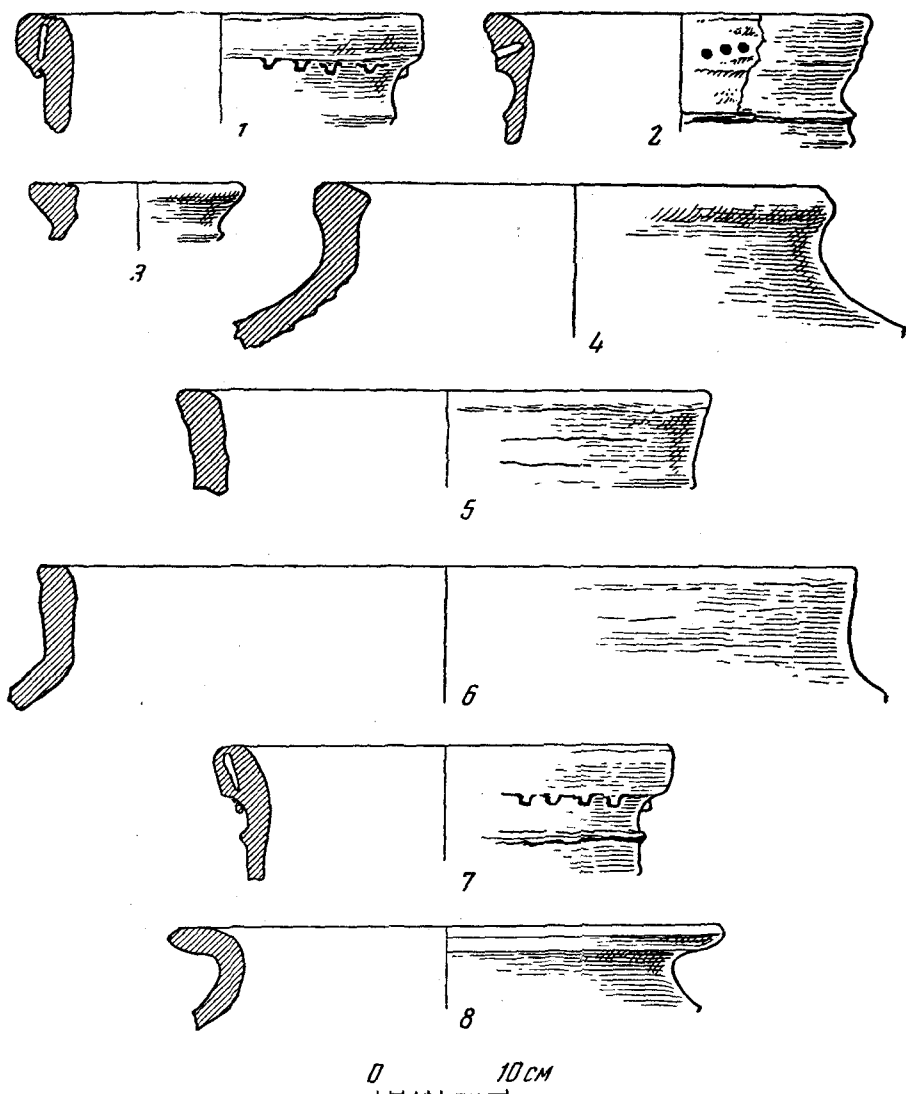

Рис. 10. Закрайны пифосов. XI—XII вв.

Все черепки горшков в основном темно-красного не всегда равномерного обжига, с шарообразным корпусом, широким плоским дном, со слегка или сильно отогнутым венчиком. Глина черная или серая, с большим количеством отощательных примесей — преимущественно морского песка, известковых крупинки и других веществ. Поверхность этих горшков иногда украшена полосами тонкого рифления, косыми ударными насечками, рельефными поясками с надрезами.

Миски сделаны из черной или красной глины. Они расширяются кверху, со слегка округлыми в верхней части стенками. На этих мисках часто встречается орнамент в виде рельефных поясков с ямками или косыми надрезами, в том числе и гребенчатые рифления.

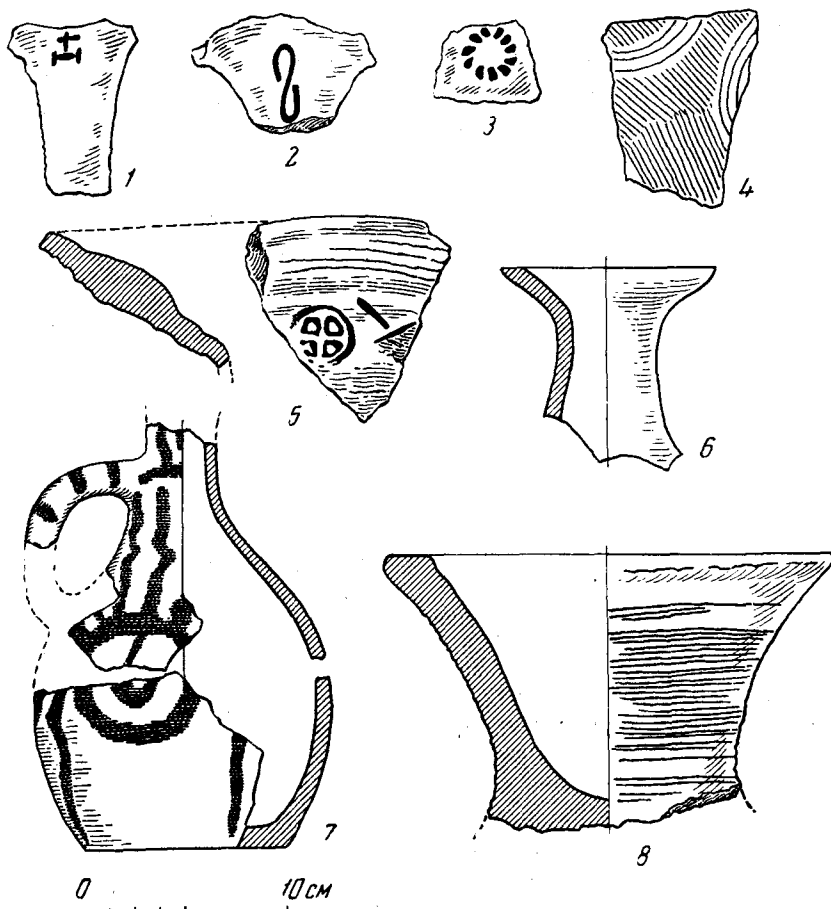

Рис. 11. Обломки керамической посуды и целой жаровни. VII—IX вв.:

1—2 — ручки кувшинов со знаками мастеров; 3 — черепок со штампованной розеткой; 4 — стенка пифоса с гребенчатым рифлением; 5 — черепок сосуда со штампованным крестиком; 6 — горловина краснolощеного кувшинчика; 7 — краснolощенный кувшинчик с темно-бурой росписью; 8 — жаровня

Представление о кувшинах можно получить только по некоторым отдельным фрагментам горлышек, стенок и ручек. Часть черепков, относящаяся к раннему средневековью (VII—IX вв.), нормально обожжена, является ярко-красной, звонкой, глина мягкая, хорошо отмучена. Черепки имеют рифленую или гладкую поверхность, украшены иногда волнистыми линиями, наклепными пуговками с врезным крестиком, растительным орнаментом и т. д. Среди них имеются краснolощенные черепки кувшинчиков. Некоторые из них с темно-бурой росписью, состоящей из разнообразно расположенных полосок (рис. 11, 7). Другая часть черепков, относящаяся к развитому средневековью (XI—XII вв.), темно-красного

обжига, с буроватым оттенком в изломе. Глина нередко грубая, плохо перемешана. Черепки с гладкой или рифленой поверхностью.

Среди фрагментов ручек кувшинов можно выделить три основные формы — плоского, круглого и овального сечения. На некоторых ручках развитого средневековья (XI—XII вв.) встречаются орнаменты, состоящие из продольных желобков, косых насечек, крестиков с кружочками. Ручки с подобными узорами известны из Сухуми⁸ и из многих мест Абхазии.

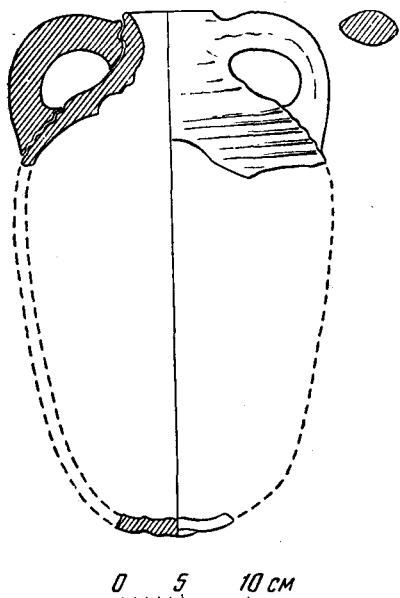

Рис. 12. Желобчатый аморфный сосуд из слоя «б» башни № 7. VIII—IX вв.

В городище второй линии обороны представлены также черепки желобчатых амфорных сосудов, которые имели слегка вытянутый и суживающийся книзу круглодонный корпус с массивными ручками округлого или овального сечения (рис. 12). Они встречаются в культурных слоях крепости, возраст которых в связи с общей стратиграфией крепости определяется VIII—IX вв. Эта посуда сделана из хорошо отмученной и равномерно обожженной глины. Обжиг желтоватого цвета с кремовым оттенком. На поверхности двух черепков сохранились штампованные изображения в виде розетки с 11 лепестками и крестик (рис. 11, 3, 5). На обломках этой посуды встречаются также и знаки мастеров (рис. 11, 1, 2).

Черепки анакопийских желобчатых амфор по своему характеру, в частности по сечениям ручек, технике оформления поверхностей, донышкам, имеют сходство с амфорами средневековых поселений Северного Причерноморья⁹.

Желобчатые амфоры служили преимущественно тарой для перевозки вина и масла, а пифосы — для хранения продуктов.

Наличие большого количества обломков глиняной посуды в районе второй линии обороны указывает на то, что она играла важную роль в хозяйстве населения города Анакопии.

Кроме рассмотренной посуды, в исследованной части крепости в значительном количестве представлены красноглиняные строительные материалы, состоящие из обломков плоских черепиц, соляков и калиштеров и кирпичей. Эти керамические изделия в большинстве случаев сделаны из плохо перемешанной глины и непросеянным отощателем, преимущественно темно-красного обжига.

Обломки черепицы Анакопийской крепости, по предварительным данным, вмещаются в хронологические рамки VII—XII вв. Фрагменты этой черепицы по характеру бортиков имеют сходство с хорошо изучен-

⁸ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 31, табл. VII, 3, 5, 6, 7; VIII, 1, 2.

⁹ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 325—344, рис. 5 и 6; В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепень. В сб.: «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 128—132, рис. 21 и 22.

ной черепицей, известной из средневековых поселений Северного Причерноморья¹⁰.

Кирпичи Анакопийской крепости имеют удлиненную четырехугольную форму.

Нужно отметить, что меньшее количество кирпичей и черепиц сделано из ярко-красной глины с добавкой известняковых крупинок. Они аналогичны кирпичам, употребленным при прокладке керамических поясов в стенах башен южной стены второй линии обороны.

К орудиям хозяйственного назначения принадлежат железные и каменные предметы. К железным изделиям относятся долота, ножницы, проколки, серпы с зубцами (рис. 13, 10—14). Три серпа имеют цалдообразную форму¹¹ (рис. 13, 10, 11); из них два с боковой разрезной втулкой (рис. 13, 10). В состав каменных хозяйственных орудий входят фрагменты жернова ручной мельницы (рис. 7, Б), ступа, пряслица от веретен (рис. 14, 1, 2), оселочки из морской гальки со сквозными отверстиями для подвешивания к поясу (рис. 14, 3—5).

Наличие пряслиц от веретен в крепости свидетельствует о том, что часть населения (женщины), проживавшая здесь, по-видимому, в военное время, занималась приданием и ткачеством.

Железное оружие в Анакопийской крепости ввиду его ценности сохранилось в крайне незначительных размерах. Оно состоит из одного гарпуна с шипами, наконечников стрел и ножей (рис. 13, 1—9).

Наконечники стрел принадлежат к трем основным типам: первый тип — плоский, имеет в разрезе ромбовидную форму, второй — четырехгранный, третий имеет ивоволистную форму с ромбическим сечением. Все наконечники стрел с черешками.

На всей территории второй оборонительной линии нередко встречаются железные кованые четырехгранные гвозди с кнопкообразными шляпками (рис. 15). Они представлены во всех раскопанных культурных слоях городища.

Железные кресты в количестве двух экземпляров (рис. 13, 16—17) обнаружены в башнях № 3 и 5 южной стены второй линии обороны в слое XI—XII вв. Эти кресты с заостренными концами принадлежали, по-видимому, хоругве, т. е. войсковому или церковному знамени.

Количество монет, обнаруженных в Анакопийской крепости в 1957—1958 гг., составляет пятнадцать экземпляров, из них тринадцать медных (см. рис. 16, 1—3) и две серебряных (см. рис. 16, 4, 5). Возраст этих монет определили Д. Г. Капанадзе и К. В. Голенко¹². Все монеты, за исключением одной местной серебряной, являются византийскими. Как в башнях, так и в раскопках они обнаружены в слое «а» и датируются X—началом XI в.

Что касается византийской серебряной монеты (рис. 16, 4), найденной между слоями «а» и «б» башни № 6, то на ней имеется греческая надпись с именем императора Константина IX Мономаха (1042—1055 гг.). На территории Закавказья эта монета, как сообщает Д. Г. Капанадзе, является пока единственной находкой.

Что касается местной серебряной монеты (рис. 16, 5), найденной в башне № 4 в культурном слое «а», то на лицевой ее стороне имеется погрудное изображение «Влахернской богородицы» с воздетыми руками и нимбом

¹⁰ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, 17, 1950, стр. 118—119, рис. 85; В. П. Бабенчиков. Указ. соч., стр. 122—126, рис. 20, 4—9, 11.

¹¹ Цалда в Абхазии — серповидная сечка для вырубki колючки.

¹² Монеты из раскопок Н. Афона будучи изданы К. В. Голенко.

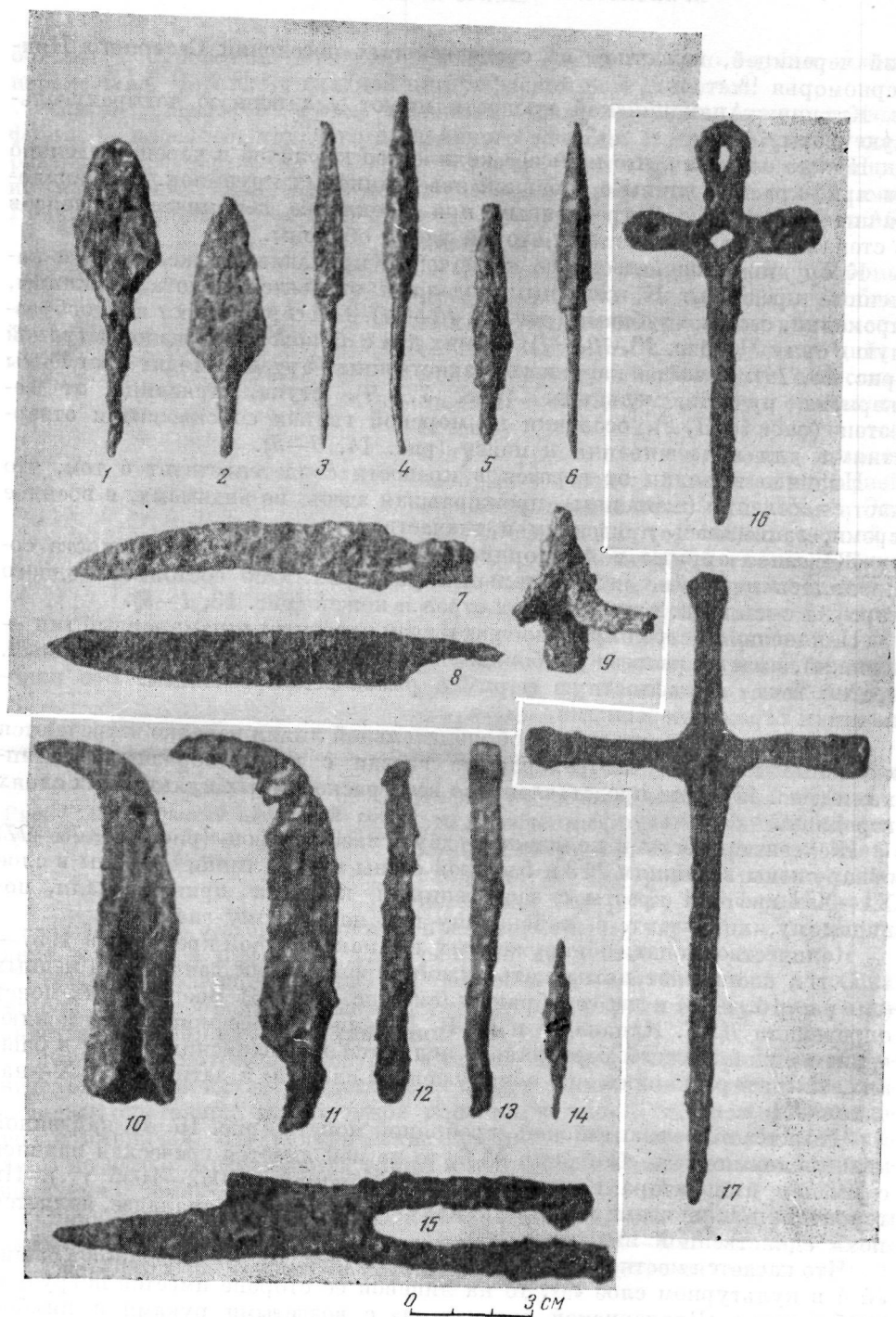

Рис. 13. Железные предметы

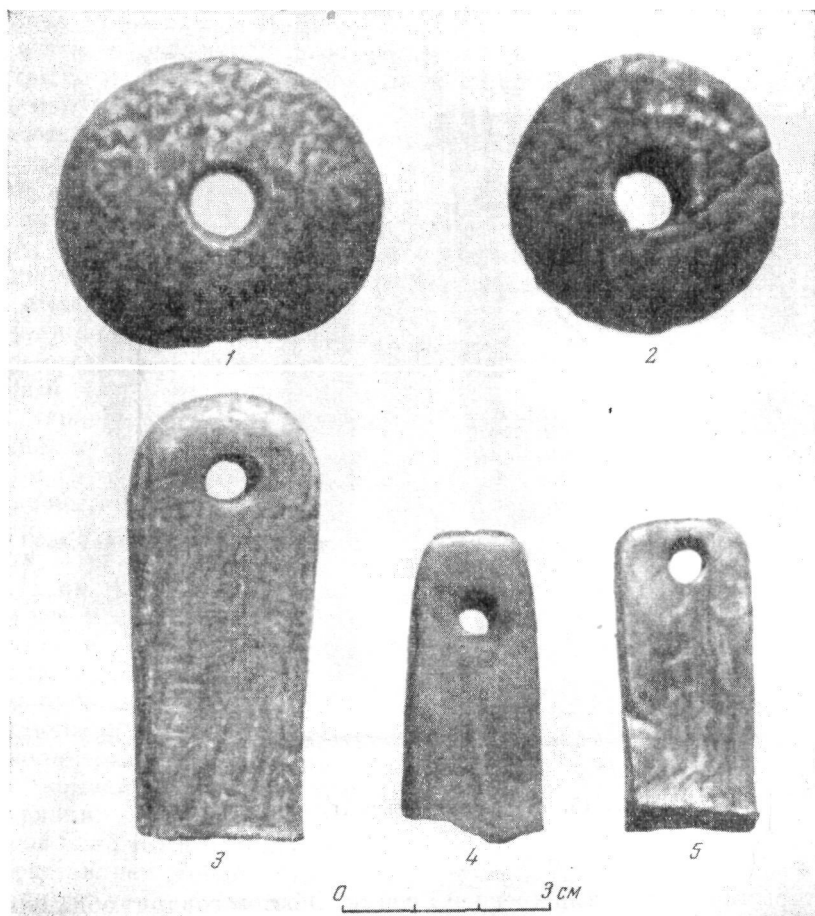

Рис. 14. Каменные орудия хозяйственного назначения

вокруг головы. Обратная сторона монеты с круговой грузинской надписью шрифтом асомтаврули, гласящей в переводе: «Христе! Возвеличь Георгия, абхазцев и грузин царя и кесароса». Монета относится к 90-м годам XI в.¹³

Такова в целом краткая характеристика основного материала раскопок Анакопийской крепости.

В итоге произведенных исследований в районе второй анакопийской оборонительной линии в 1957—1958 гг. можно наметить предварительно следующие выводы.

1. Результатами археологических работ устанавливается, что еще в III тысячелетии до н. э. на южном склоне Иверской горы возникло поселение эпохи позднего неолита. Поселение здесь существовало и в последующие археологические эпохи. В IV—II вв. до н. э. население Иверской горы, как показывают материалы раскопок, имело торговые связи

¹³ Эта монета издана Д. Г. Капанадзе. См. его работу «Неизданный вариант грузинской монеты XI века». «Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории», вып. XXX. Сухуми, 1960, стр. 101—104.

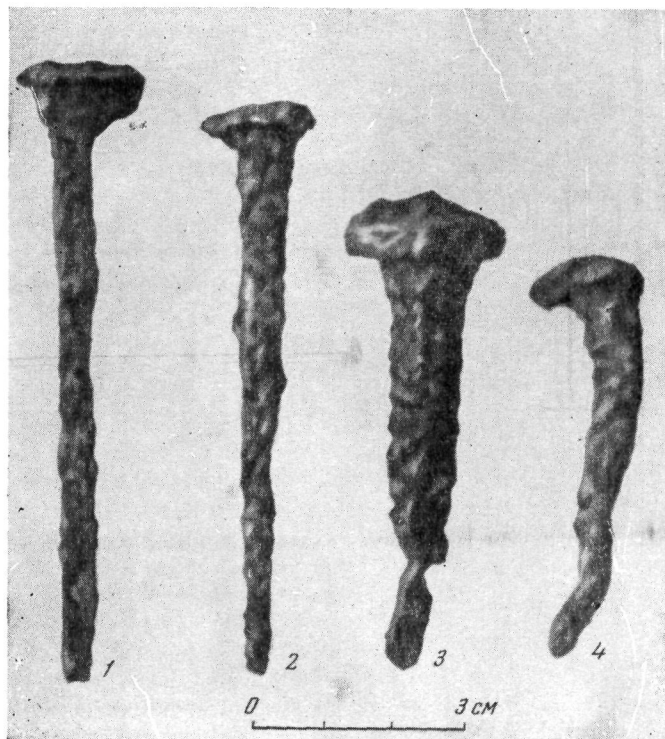

Рис. 15. Железные четырехгранные гвозди

с некоторыми поселениями древней Греции. Об этом говорят обнаруженные в культурном слое крепости черепки привозной керамики от амфор и чернолаковой посуды.

2. Добытый раскопками основной массовый бытовой археологический материал во второй линии обороны крепости Анакопии, принадлежит к местному производству. Изучение данного материала позволяет вместить его в хронологические рамки VII—XII вв. н. э.

3. В VII—XII вв. на склонах крепости, в пределах второй линии анакопийских укреплений, существовали жилые постройки. Об этом говорят довольно многочисленные обломки строительного керамического материала (черепица, кирпич), тесаные камни и отдельные куски штукатурок из известкового раствора с мелким песком, обнаруженные в раскопанных террасах крепости. Жилыми являлись одновременно и все исследованные башни южной стены второй линии обороны, некогда покрытые кровельной черепицей.

4. Вторая оборонительная линия Анакопийской крепости была построена местным населением. Об этом говорит весь добытый здесь раскопками основной археологический материал, в особенности многочисленная и разнообразная в массе своей типично местная глиняная посуда. Кроме того, хронологически период строительства и существования Анакопийской крепости соответствует, согласно историческим данным, времени образования Западноабхазского княжества абазгов (VII в. н. э.) и возникновения объединенного абхазского царства (конец VIII в.).

5. Печь для обжига извести, обнаруженная в раскопе № 4, свидетельствует о том, что в период строительства или восстановления некоторых крепостных сооружений второй анакопийской оборонительной линии известь изготовлялась здесь на месте, на южном склоне Иверской горы, где имеются огромные запасы известняка. Известняковый массив давал прекрасный материал для строительства всех оборонительных сооружений Анакопийской крепости.

6. Археологическими раскопками, произведенными в башнях южной стены второй линии обороны, установлены три основных одновременных культурных слоя.

Первый слой «а», характеризуемый черной гумусной землей, серебряной монетой с именем царя абхазов и грузин Георгия II, медными византийскими монетами, венчиками пифосов, фрагментами черепицы, может быть отнесен к X—XII вв. В этот промежуток времени все исследованные башни южной стены второй линии обороны были подвергнуты и частичному разрушению. На это указывает наличие в данном слое большого количества колотых известковых камней и мелкого морского гравия.

Второй слой «б» в башнях № 5 и 6 представляет собой хорошо уплотненную черную землю, а в башнях № 3 и 4 он характеризуется серым супеском. Слой «б» во всех исследованных башнях, судя по фрагментам желобочных амфор, венчикам пифосов, бортикам черепицы, датируется VIII—IX вв. При этом нужно отметить, что промежуточное время VIII—XI вв., свободное от материалов в башнях № 3 и 4, говорит о том, что эти башни были частично разрушены и находились в ремонте. Об этом свидетельствует наличие в слое «б» указанных двух башен значительного количества песка, морского гравия и колотых известковых камней как строительного мусора.

Третий слой «в» в башнях № 3, 4, 5, 6 характеризуется комковатой черной землей с серовато-бурыми оттенками, содержащей отдельные зерна чистого морского гравия, щебенку, колотые камни. В башне № 7 слой «в» представляет серый супесок с крупнозернистым и мелкозернистым гравием, причем слой «в» в башнях № 6 и 7 начинается с тонкой известковой прослойки. Слой «в» в целом является основным строительным слоем башен и стен второй линии обороны. На основании указанного он относится к VII в. н. э. Ниже этого слоя в башнях установлен еще один

Рис. 16. Монеты последней четверти X — начала XI в.:

1 — 3 — византийские медные (уменьшены);
4 — серебряная; 5 — серебряная с грузинской надписью.

слой, который по существу не является жилым, а представляет собой беспорядочную засыпку землей и камнями для придания прочности и устойчивости башни против стенобитных орудий.

7. Исследования, произведенные в раскопах № 2 и 3, позволили выделить в них в основном те же слои, что и в башнях южной стены второй линии обороны. Раскопками этих объектов установлено также наличие древней мостовой с внутренней стороны южной стены второй линии обороны. В частности, крупные обломки камня и щебенка, обнаруженные в этих раскопках, являются остатками древней мостовой. Камни мостовой, как показали исследованные раскопы № 2 и 3, служили также и для дренажа. Через них грунтовые воды свободно стекали к четырехугольным отверстиям южной стены, служившим для вывода грунтовых вод. Именно этим движением грунтовых вод, обогащенных солями углекислого кальция, объясняется естественная цементация верхних частей слоя «в».

8. Все данные, полученные в результате исследования вышеуказанных башен южной стены второй линии обороны и раскопов № 2 и 3, позволяют считать, что слой «в», а следовательно, в основном и все постройки второй линии обороны относятся ко времени VII в. н. э. Что касается дополнительной стены, имеющейся позади юго-западной угловой башни, то, судя по медным анонимным византийским монетам и керамическим находкам, обнаруженным в раскопе № 5, ее можно датировать второй половиной X — началом XI в.

Названные даты не являются окончательными. В процессе дальнейшего глубокого и всестороннего изучения всех раскопанных материалов в районе второй линии обороны они будут уточнены.

Дальнейшее исследование Анакопии в более широком масштабе даст, несомненно, новые материалы для изучения истории этого города. Работа эта в первую очередь должна быть направлена к выявлению остатков жилых построек, производственных мастерских, древних могильников и т. п.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

З. В. УДАЛЬЦОВА. ИТАЛИЯ И ВИЗАНТИЯ В VI ВЕКЕ.

Издательство Академии наук СССР. М., 1959, 542 стр.

Перед нами аккуратно изданный большой труд с предисловием автора, введением, девятью главами, шесть из которых отнесены к первой части — «Социально-экономические отношения в Италии в период владычества остготов», три последние главы ко второй части — «Завоевание Италии византийскими войсками и политика Византии в завоеванной провинции». К труду присоединен составленный А. Я. Сыркиным подробный указатель имен и географических названий.

Труд З. В. Удальцовой затрагивает проблемы, касающиеся как истории древнего мира, так и истории Византии и Западной Европы.

Проблема падения рабовладельческого строя и генезиса феодальных отношений в Западной и Восточной Европе не сходит со страниц советской исторической литературы. Появление труда З. В. Удальцовой представляет собой важный вклад в дело изучения этих проблем.

Некоторые разделы рецензируемой книги знакомы читателям: статьи по частным проблемам истории остготского государства были уже опубликованы в «Византийском временнике» (вып. IX, X, XI, XIII, XV), а также в сборнике «Средние века» (вып. VIII). Однако все разделы пересмотрены автором, и рецензируемая книга представляет собой новое, объединенное единой концепцией исследование.

В задачу З. В. Удальцовой входило пересмотреть с марксистских позиций весь круг вопросов, связанных с остготским королевством в Италии. Автором использованы все известные источники — нарративные, юридические, агиографические, литературные, акты и документы. Особенно важно глубокое изучение такого недостаточно исследованного источника, как равеннские папирусы. В труде фактически заново представлена вся внутренняя история остготского королевства. Пересмотрена детальнейшим образом история войны остготов с Византией в свете классовой борьбы в Италии. При этом автором внесена четкость в историю участия народных масс во время двадцатилетней войны остготов с византийцами, выделены отдельные этапы нарастания и спада революционных настроений. З. В. Удальцова критически использовала всю советскую и сколько-нибудь имеющую значение зарубежную научную литературу по данной теме. Это дало возможность автору выступить со своей концепцией остгото-византийских отношений.

Историки, изучающие внутренний строй и внешнюю политику остготского королевства, обычно дают положительную оценку роли остготов — как в укреплении хозяйства Италии в VI в., так и в области социальной политики. Остготам повезло в историографии: основные источники — Кассиодор, Иордан, Прокопий — идеализируют основателя

остготского королевства — Теодориха. Мало того, Прокопий, будучи в лагере врагов Тотилы, тем не менее так тепло и сочувственно изобразил его, как вообще трудно было бы ожидать от врага!

Германская историография вплоть до сегодняшнего дня превозносит господство остготов. В советских учебниках подчеркивалась прогрессивная роль остготов как носителей новых производственных отношений в противовес «реакционной» Византии, которая стремилась «возродить» рабовладельческий строй в Италии, напад на готов.

Автору приходилось преодолевать установившуюся традицию и в то же время тщательно, критически выявлять то действительно прогрессивное, что было внесено в развитие Италии во время византино-готской войны выступлением народных масс. Нельзя, однако, сказать, что автору удалось полностью преодолеть установившуюся в литературе традицию. Судя по заглавию, монография имеет в виду не историю готов, а историю Италии в VI в. Однако при определении общественно-правовых отношений в монографии повсюду на первом плане не население Италии, а готы. Исследование начинается не с изложения положения народных масс в Италии, а с завоевания готами Италии. Анализ аграрных отношений начинается с вопроса о распределении земель между готскими воинами. Это выдвигание на первый план готского элемента создает преувеличенное представление о роли готов в изменениях в общественном строе Италии в VI в.

С первой фразы своего труда З. В. Удальцова определяет свое отношение к дискуссии о характере позднеримской империи, считая, что начальная стадия формирования феодальных отношений в Италии падает на конец V и VI в., тем самым всю предшествующую историю Италии относя к рабовладельческой формации. Некоторым диссонансом, однако, звучит утверждение, что в конце V в. в Италии оставались только «остатки рабовладельческого класса» (стр. 5). Это очевидная неувязка. Все приводимые в дальнейшем изложении факты свидетельствуют о том, что позиции рабовладельцев в остготской Италии были еще достаточно прочными.

Первая глава монографии посвящена вопросам, связанным с завоеванием Италии остготами. Каков был общественный строй остготов до завоевания ими Италии, в монографии не раскрывается. Автор присоединяется к выводам И. А. Дворецкой, фактически не подвергая детальному анализу тех общих положений, которые приняты нашей исторической литературой по этой проблеме. Однако для выяснения внутренней политики Теодориха следовало бы более тщательно разобрать проблему общественного строя готов в середине V в. З. В. Удальцова считает, что рабство у готов до их появления в Италии носило «патриархальный характер» (стр. 10). Но это утверждение приведено без аргументации, без пояснения, что означало «патриархальное рабство» в то время. А между тем для понимания политики Теодориха в отношении рабов проблема стадии развития рабовладельческих отношений у самих готов является основной: была ли рабовладельческая политика Теодориха результатом влияния той общественной среды, в какую попали завоеватели — готы, являлась ли эта политика слепым заимствованием римских отношений или же естественным развитием тенденций к рабовладельческому строю в готской экономике?

В свете дальнейшего изложения можно было бы задать вопрос, вправе ли мы безоговорочно признавать, что общественное развитие готов проходило прямо от первобытно-общинного строя к феодальному? Ведь история готов III—IV вв. складывалась иначе, чем история многих дру-

гих германских и славянских племен; готы уже в IV в. имели свою письменность, что свидетельствует о значительном развитии классового строя.

З. В. Удальцова разбирает вопрос о причинах и обстоятельствах похода остготов в Италию. Однако подлинные причины похода остаются неясными. Приводятся слова Иордана о недостатке земель в Паннии (стр. 11), но непонятно, каким образом в обширной, плодородной Паннии оказалось мало земель для 100 тыс. готов?

Автор изобличает измышления германских историков, которые с начала XIX в. вплоть до Энслина считают движение остготов «величайшим завоеванием германской нации». На самом деле, как ясно показано в труде Удальцовой, налицо была борьба германских племен между собой при благосклонном отношении к готам со стороны коренного населения Италии, местной знати и даже католической церкви.

Во II главе автор изучает аграрные отношения, установившиеся в Италии после готского завоевания. На основании данных папирусов автор приходит к бесспорному выводу, что полученные готами «терции» находились в их полной частной собственности (стр. 33). Это означало, что в сущности собственность в остготском королевстве не имела особых отличий от полной частной собственности, узаконенной в юстиниановской Византии (Cod. Just., VII, 25). Автор убедительно доказывает, как в результате готского завоевания значительно возрос удельный вес свободного мелкого и среднего землевладения, показывает некоторую устойчивость его в результате привилегий, которые получили готские землевладельцы. Совершенно правомерен также вывод автора (стр. 34) о росте социальной дифференциации среди готов, что было естественным следствием передачи терций в полную частную собственность и последующей мобилизации земельных участков.

З. В. Удальцова справедливо, в полном соответствии с источниками, говорит о значительном подъеме производительных сил Италии в период правления Теодориха. Однако она напрасно приписывает это влиянию увеличения свободного мелкого землевладения готов. Подъем хозяйства особенно ощущался на юге страны, в Апулии, Калабрии, Сицилии, где вообще готского населения почти не было.

Автор переходит далее к важной проблеме наличия у готов общины-марки (стр. 44). Критикуя положения И. А. Дворецкой, которая стремилась доказать существование остготской общины, З. В. Удальцова, опираясь на четкий анализ имеющихся в источниках данных, так формулирует свой вывод: «... весьма вероятно, что остготы и их союзники в период расселения в Италии еще сохраняли (пусть в пережиточной форме) элементы семейной общины. Однако влияние частнособственнического римского права и интенсивность процесса имущественной и социальной дифференциации... сопровождались не формированием общины-марки, а образованием свободно отчуждаемой собственности в духе римского права» (стр. 45). Можно считать, что это — исчерпывающее, окончательное разрешение спорной проблемы!

Считая, что свободные землевладельцы — готские воины — имели солидный политический вес, З. В. Удальцова усматривает некоторые особенности законодательства Теодориха как результат влияния этой прослойки. Однако не со всеми положениями автора можно согласиться. Вряд ли можно говорить, что римское право не знало противопоставления бедных богатым. «Бедные», т. е. те, чье имущество расценивалось ниже 50 номисм, в Византии были правоограничены — не могли быть свидетелями и т. д. (ср. Dig., 48, 2, 10 и др.). В законе Зенона, например, говорится: при нарушении постановления следует штраф с виновных

в десять литров золота, — а не имеющий возможности вследствие бедности это уплатить, подвергается телесному наказанию и ссылке... (Cod. Just., VIII, 10, 12, 5e). Вряд ли можно серьезно относиться к запретам произвольных арестов свободных людей. Подобные же запреты мы находим и у Юстиниана (например, Cod. Just., IX, 4, 6).

Целый ряд мероприятий остготских властей находит полную аналогию у Юстиниана (запрет отчуждения церковных земель, борьба против патроната, против установок «титулов» и т. д.). Пути роста крупной земельной собственности, частной и церковной, те же, что и в Византии. Автор не делает выводов о почти полной тождественности социального и политического строя остготской Италии и юстиниановской Византии. Но выводы сами напрашиваются: завоеватели-готы устанавливали в Италии те же социально-экономические нормы, которые существовали и в Византии.

Глава III, трактующая о формах эксплуатации в остготской Италии, является центральной в труде З. В. Удальцовой. Путем самого детального исследования автор устанавливает, что все положения законодательства Теодориха — как в Эдикте, так и в Вариях Кассиодора — полностью отражали позиции рабовладельцев, что рабство в остготском государстве имело довольно большое распространение как в сельском хозяйстве, так и в ремесле (стр. 91). На основании данных равеннских папирусов автором показано широкое распространение практики передачи рабу пекулия — участка земли. Но в то же время отмечается, что остготское законодательство ст. 142 Эдикта Теодориха не стремилось закреплять эти связи раба с земельным участком, как это было в Византии, но предоставляло рабовладельцам право, в противовес предшествующему законодательству, продавать сельских рабов и без земли, т. е. «разорвать сложившуюся в реальной действительности связь раба с его пекулием, с тем участком земли, на котором он жил и который он обрабатывал» (стр. 88). Таким образом, интересы остготской знати, нуждавшейся в рабочей силе, направили ее на путь реакционнейшего законодательства, которое даже в Византии было уже пройденным этапом. Положение рабов, согласно выводам автора (стр. 89), значительно ухудшилось. Правда, автор тут же смягчает свое положение, утверждая, что предписание ст. 142 не могло иметь особой силы на практике. Однако это утверждение ничем не аргументировано и только искусственно сглаживает ту остроту социальных противоречий, которую внесли в Италию остготские завоеватели.

Переходя к разделу о колонате, З. В. Удальцова исходит из совершенно бесспорного положения о широком распространении этого института в Италии. Однако неудачными являются попытки усмотреть в остготском законодательстве иную направленность, чем в византийском. Напрасно З. В. Удальцова признает специфически готским, свидетельствующим о широком значении колоната в Италии, распространение на колонов запрета укрывать беглого раба. Это мы встречаем и в законодательстве Аркадия и Гонория (Cod. Just. XI, 48, 11). Напрасно автор считает результатом чисто готских условий требование к укрывателю беглого раба давать добавочного раба без права альтернативной выплаты 20 солидов. Это мы находим и в римском праве (Cod. Just., XI, 48, 12, 2). Следовало бы резко выступить против Дана, которому везде мерещилось влияние германского права. Указания на особенности статуса оригинариев (95), якобы характерные для остготского эдикта, неубедительны: в таком же духе сохранились и положения римского права (Cod. Just., XI, 48, 6, 7, 16).

Положение автора, что мероприятия Теодориха в отношении колонов и других групп имели целью закрепить трудовое население за поместьями

крупных собственников, правильно, но не совсем точно. Дело не столько в прикреплении к земле, сколько в сближении со статусом рабов.

Статья 142 эдикта, которой посвящена колоссальная литература, в свете исследования Удальцовой получает совершенно ясный смысл: рабовладельческая реакция стремилась сблизить, нивелировать на уровне рабского статуса все зависимое население Италии. З. В. Удальцова правильно критикует положение Дворецкой о том, что предоставление права продавать без земли рабов и наследственных колонов-оригинариев будто бы означает невыгодность рабского труда. Ведь эта же тенденция избавиться от колонов-оригинариев имела и в римское время: владельцы поместий стремились избавиться от колонов, исстари сидящих на земле, и на место их поставить рабов или других колонов (Cod. Just., XI, 63, 3). Грациан и Феодосий это запрещали, Теодорих же разрешил.

Некоторые положения З. В. Удальцовой о колонах недостаточно точны: нельзя говорить о колонах как о единой прослойке зависимых крестьян. В эдикте Аталариха колоны — свободные, наподобие куриалов. Обязанность «не покидать своих пенатов» не была в то время критерием несвободного состояния.

Неубедительно звучит положение З. В. Удальцовой о том, что, предоставляя колону право на использование пекулия, «...остготское законодательство подтверждало некоторые права колона на распоряжение своим имуществом». Но ведь любой раб по римскому праву тоже имел право в пределах своего пекулия совершать сделки! Мы знаем, кроме того, из закона Анастасия, что имущество не всех земледельцев приравнивалось к пекулию! Подобное, безусловно, было и в Италии. Ни в коем случае нельзя считать собственностью всех прослоек колонов пекулием.

Совершенно непонятно утверждение автора о «двойственном положении» рустиков в период остготского господства. Все материалы и ссылки на источники свидетельствуют о том, что не было особой прослойки рустиков, что это — собирательное название, которым обозначалось сельское население вообще: рустиками могли называться и рабы, и зависимые, и свободные. В ст. 150 Эдикта явно говорится о рустике-рабе, пекулием которого мог распоряжаться господин на общем праве! (То обстоятельство, что рустики имели рабов, не имеет особого значения: ведь любой раб, получивший пекулий, мог иметь рабов «викариев».) Вывод, что существовала особая прослойка рустиков, которая вследствие наличия у них рабов стояла выше оригинариев и рабов (стр. 108), неправилен.

В заключении к главе III З. В. Удальцова говорит о наличии двух тенденций в остготском государстве. Само собой разумеется, в остготском государстве, как и в Византии того времени и вообще в позднем Риме, новые производственные отношения рождались в недрах господствующих рабовладельческих. Но все, что свидетельствует о рабовладельческих отношениях, автором изложено с привлечением неопровержимых данных, элементы же феодальных отношений представлены очень спорными аргументами (например, право распоряжаться пекулием). Более логичным был бы вывод об отсутствии в источниках данных о таких мероприятиях остготского правительства, которые способствовали бы развитию феодальных отношений.

В главе IV (о городе и товарном обращении) мы не находим отличий города остготского королевства от позднеримского V—VI вв. Как положение курий, так и муниципального землевладения является типичным для того времени. Мероприятия Теодориха в отношении города, как явствует из изложения Удальцовой, направлены были тоже на закрепление

существовавшего общественного строя. З. В. Удальцова рассматривает разные причины упадка городов, но как бы скидывает со счета упадок торговли, вызванный варварскими нашествиями и грабежами. Разумеется, не политика Теодориха, а относительно мирный период в Италии сразу же дал возможность народным массам города восстановить хозяйство.

З. В. Удальцова ярко показала, как под влиянием римских отношений власть Теодориха, военного вождя племени, превращалась во власть сильного монарха централизованного по римскому образцу государства и как военно-племенная знать готов становилась классом землевладельцев, фактически стоящим во главе государства. На мой взгляд, однако, недостаточно уделено внимания анализу института *tuitio*. Отвечая, что генетически этот институт восходит ко времени военной демократии и что в условиях остготского государства он сделался средством ограждения интересов римской и остготской знати, автор не развивает и не аргументирует своего утверждения. От кого приходилось защищать эти интересы? Имелось ли в виду создание нового сословия, изъятых из обычного законодательства? Насколько жизненным был институт *tuitio* в условиях господства римского права?

В главе о законодательстве З. В. Удальцова пришла к выводу, что, несмотря на чисто римскую основу, Эдикт Теодориха исходил из интересов остготских завоевателей. На социальной почве позиции римской и остготской знати сходились. Автор убедительно показывает, что расхождение интересов той и другой знати первоначально наблюдалось только в отношении политической власти, но что в дальнейшем разгорелась борьба за землю.

Вряд ли можно считать положения Эдикта Теодориха о защите мелкого землевладения результатом влияния германского права. И в византийском законодательстве есть сколько угодно положений демографического характера о защите *minores* (например *Cod. Theod.*, II, 16, 3 и I, 16, 4).

Автор резонно критикует И. А. Дворецкую за ее попытку рассматривать систему материального вознаграждения потерпевшего как результат влияния германского права: и в римском праве имелось выраженное начало двукратного и четырехкратного вознаграждения потерпевшего! Раздел о налогах носит несколько суммарный характер. Остается непонятным, чем же отличается освобождение готских воинов от налогов от римской системы освобождения от налогов *limitaneos milites* (*Nov. Theod.*, 24, 4—443). Здесь мы видим со стороны автора некоторую уступку германистам.

Противоречивые данные источников по вопросу, платили ли готы налоги за землю, автор объясняет, предполагая, что готы вносили налоги только за те земли, которые в дальнейшем приобрели от посессоров; это звучит убедительно, но не проще ли допустить, что освобождены были полностью от налогов только те земли, которые получали рядовые воины-готы в порядке *agri limitanei*, а с крупных владений, пожалованных остготской знати, налоги собирались. Сведения Кассиодора о том, что остготское правительство грозило готам, не вносившим налоги, конфискацией земель, говорит скорее за это.

Недостаточно исследована, по нашему мнению, налоговая система остготского государства в отношении товарного обращения и городского населения. Так, например, не затронут вопрос о *siliquaticium*, пошлине на каждую торговую сделку в размере 4,5%, которая существовала при остготах, но не была известна в Византии.

Следовало бы указать на политическую сторону факта передачи сбора налогов римским чиновникам: ненависть населения направлялась не столько против захватчиков-готов, сколько против их агентов-римлян — сборщиков налогов! В дальнейшем это дало возможность народным массам Италии выступать совместно с готами против византийцев, которые в сущности ничего нового не вводили ни в общественный строй, ни в налоговую систему!

Наиболее тщательной является глава V (о классовой борьбе при господстве готов). Автор полностью разбивает все утверждения о классовом мире во время правления остготов. Правление готов было военным террором захватчиков над населением, причем с захватчиками временно находились в союзных отношениях и представители сенаторской знати. Однако автор преувеличивает роль рабов в выступлениях. Наиболее яркие выступления, для подавления которых требовалась посылка целых армий, связаны были не восстаниями рабов, а с протестом широких масс итальянского населения против реакционных мероприятий остготов.

Глава «Остготы и римско-итальянская знать» (стр. 221) посвящена главным образом взаимоотношениям римской знати и остготского правительств. Автор видит расхождения между представителями той прослойки знати, которая стала «верой и правдой» служить захватчикам «во имя сохранения своего привилегированного положения» (стр. 223). Это представители провинциальной знати — Кассиодор, Фавст, Эннодий. Другая часть римской знати — старая сенаторская аристократия — перешла в оппозицию, когда среди готской знати наметилась агрессивная политика в отношении земель итальянской аристократии. Но вряд ли аргументировано положение о симпатиях деятелей типа Фавста и Кассиодора к «феодализирующейся» остготской знати. Из сочинений Кассиодора можно вывести лишь, что он ценил готов за то, что они восприняли римскую культуру, т. е. за их рабовладельческую политику! Можно думать, что лица типа Кассиодора надеялись на то, что сильная власть готов лучше сможет сохранить рабовладельческие отношения и общественный строй Римской империи, чем власть далекого константинопольского императора! Несколько неаргументированно звучит деление остготской знати на «служилую» и провинциально-землевладельческую, которую автор считает «феодализирующейся». Вряд ли можно говорить о «служилой» знати остготов в первую половину правления Теодориха: ведь весь государственный аппарат в основном обслуживался римскими чиновниками.

Совершенно естественно, что по мере укрепления остготского государства у завоевателей появилось стремление оттеснить итальянскую знать от управления и захватить земли римской аристократии. Союз с римской знатью, по мнению автора, был только временным, борьба была неотвратимой. Но автором недостаточно четко очерчена другая сторона отношений — совершенно явственное наличие среди готской высшей знати сторонников сближения с Византией. Если часть готской знати замышляла после смерти Теодориха перейти на сторону Византии, то, разумеется, не из любви к Платону и греческому языку. Автор недостаточно отделил то обстоятельство, что масса рядовых готов-воинов по мере увеличения их численности требовала все больших *donativa* и что для удовлетворения их appetitov требовалось не только эксплуатировать местное население, но и ущемлять интересы готской знати. Не внешние интриги, а *внутренние противоречия в связи с существованием особого привилегированного сословия завоевателей были причиной неустойчивости остготского государства.* Следовало бы отметить, что социально-эконо-

мические требования «национальной партии» ничего общего с интересами широких масс местного населения не имели: воины-завоеватели требовали за счет народных масс увеличивать свои *donativa*. Только византийское завоевание и поражение готов, лишившее их положения господ-завоевателей, временно приблизило их к народным массам Италии.

З. В. Удальцова считает причиной побед Велизария исключительно то, что византийцы имели союзниками рабовладельческую знать и католическое духовенство. Между тем на первом этапе войны широкие массы населения Сицилии, Рима, Средней и Северной Италии были явно враждебно настроены против захватчиков-готов. Приводимые автором факты показывают, что часто высшая прослойка италийской знати и верхушка духовенства вовсе не проявляли достаточной энергии в борьбе против готов (стр. 318).

Напрасно на стр. 320 З. В. Удальцова пишет о «героическом сопротивлении» населения Неаполя византийцам. Она сама на стр. 270—271 признавала, что массы отнюдь не склонны были защищать город, но что город находился в руках привилегированной прослойки, которая отчаянно защищала его.

Некоторую непоследовательность автор проявляет и в оценке поведения широких масс населения Рима. С одной стороны, говорится о патриотизме населения, о том, что возмущение было вызвано нерешительностью Велизария в борьбе против готов (стр. 291, 297); с другой стороны, утверждается, что население города «на короткий срок поддалось агитации католического духовенства и сенаторской аристократии». Неужели у широких масс патриотизм в борьбе против чужеземных захватчиков-готов мог возникнуть только в результате агитации знати?

В главе II автор утверждает, что внедрение в Италию Юстинианова законодательства ухудшило положение народных масс. Это утверждение в некотором отношении тенденциозно. Так, на стр. 325 автор говорит о строгом требовании возвращения к господам не только рабов, но и адскриптициев, забывая, что и в Эдикте Теодориха было подобное же постановление. На стр. 93 оно служило аргументом для признания прогрессивности общественного строя остготского государства, на стр. 325 подобное же постановление расценивается как реакционное мероприятие, введенное византийцами! В качестве аргумента указывается на некоторые не столь важные постановления, ухудшившие положение рабов (отмена права освобождения рабыни, бежавшей 20 лет назад), и в то же время упускается наиболее существенное: по византийскому праву нельзя продавать деревенских рабов и адскриптициев без земли, тогда как по ст. 142 остготские владельцы имели право продавать рабов и оригинариев без земли! Нельзя не признать, что византийское законодательство было в этом отношении, пожалуй, и мягче, и прогрессивнее (с точки зрения приближения к феодальным порядкам), чем остготское!

Нужно полностью отказаться от мысли, что нововведения в связи с принятием Юстиниановых добавлений к римскому праву, бытовавшему в Италии, могли сколько-нибудь настроить против Византии италийское население. К тому же вопрос о времени внедрения Юстинианова кодекса и новелл в Италию очень спорен и требует дополнительного исследования. Другое дело — грабительская политика византийских чиновников, считавших себя завоевателями и полными хозяевами, недальновидная политика в отношении местного населения, подвергавшегося унижениям, религиозные преследования и т. д., а самое главное, предоставление византийской армии права кормиться за счет завоеванного населения при почти полном прекращении выдачи денег! Об этом единогласно говорят

все источники; это были временные явления, но именно они и послужили стимулом для выступления против византийцев, развязывая тем самым революционные силы угнетенного населения.

В своем труде З. В. Удальцова детально останавливается на вопросе о роли Тотилы и его окружения в социальной борьбе народных масс против угнетателей. Автор окончательно разбивает существовавшее представление о Тотиле как о сознательном героическом вожде народных масс. По мнению автора, Тотила был выразителем интересов более широкой прослойки остготской знати, опиравшейся на рядовых воинов-готов; но ни Тотила, ни его окружение не имели никаких стремлений уничтожить рабство и колонат. Нигде нет указаний, что Тотила проводил массовое освобождение рабов и оригинариев. Народные массы явочным порядком, независимо от готов, сами уходили от господ, сами срывали законы о браках — как византийские, так и готские; они сами себя освобождали в бурные годы войны.

Единственное, на что решился Тотила, находясь в трудном военном положении, — это допустить в свои войска рабов и не выдавать их византийцам. Нет сведений и о снижении налогов на трудящихся; наоборот, есть и прямые указания на то, что налоги были оставлены в прежнем размере, но что вместо знати колонны должны были платить их готскому правительству. Поскольку не изменились размеры налогов, то в прежнем виде оставались и сборы налогов со всеми вытекающими из этого последствиями! Естественно, автор пришел к выводу о том, что при Тотиле обогатились представители чиновной, военной и гражданской администрации (стр. 348).

Автор подчеркивает важность сообщения Прокопия о том, что Тотила приказал колонам платить налоги государству, а не господам. Хотя, по мнению автора, это нельзя относить ко всем колонам, тем не менее это постановление делало юридически свободными громадное число зависимых, санкционировало результаты народного движения 40-х годов!

Но тут же автор отмечает и противоположную тенденцию — «пожалования» Тотилой земель в пользу как остготской, так и части римской знати. Эти «пожалования» в сущности были о б р а т н ы м з а к р е п о щ е н и е м освобожденного населения! З. В. Удальцова совершенно правомерно считает поворотным пунктом в политике Тотилы начало 50-х годов, момент второго взятия его войсками Рима, когда он стал чувствовать себя «как гордый властелин». Тогда он перешел к политике защиты интересов крупной готской знати без всякой военной необходимости, вступая в дружественные сношения с римской сенаторской знатью. Без возвращения знати власти над колонами и рабами нельзя было проводить эту политику. Естественно, что этот поворотный момент в политике Тотилы стал также переломным в отношении к нему народных масс! Именно с этого момента начинается рост антиготских настроений, что отмечает автор на стр. 397.

Автор несколько идеализирует социальную базу Тотилы — рядовых воинов-готов. Не вызывает удивления то, что во время тяжелой борьбы против византийцев в 40-х годах они проявили колоссальную энергию и способность идти вместе с широкими народными массами. Но как только появился призрак полной победы, рядовые готы стали чувствовать себя привилегированной прослойкой и стали поддерживать политику знати, поддерживать систему «пожалований» и вместе с тем обратного закрепощения народных масс.

Этот поворот в политике неизбежно привел готов к полному поражению!

Переходя к последствиям византийского завоевания, З. В. Удальцова подвергает детальному анализу Прагматическую санкцию Юстиниана. Четко отмечается реакционность этого документа в отношении тех перемен, которые произошли во время войны в социальном строе страны. Однако автор несколько сгущает краски, словно забывая, что и сам Тотила, и его окружение встали на путь социальной реакции. В некоторой части Прагматическая санкция имела в виду не столько социальные изменения, сколько мероприятия против сторонников Тотилы из состава знати. Неубедительно мнение о готской знати как о носительнице феодального способа производства. И среди византийской, и среди готской знати сохранились рабовладельческие традиции.

Нет оснований трактовать ст. 10 санкции как отмену каких-то налоговых льгот, сделанных Тотилой мелким посессорам. Если следовать буквальному смыслу статьи, то речь идет лишь об отмене налоговых тягот вообще.

В отношении ст. 26 санкции — вряд ли передача *coemptio* купечеству являлась каким-то ущемлением его интересов. Ведь купечеству *coemptio* передавалось лишь тогда, когда было удобно закупать продовольствие (даже из заморских стран). Нужно иметь в виду, что во время издания Прагматической санкции Византия была полной хозяйкой морских путей на Средиземном море и что возможности торговли расширились. По нашему мнению, ст. 26 имеет целью развитие нормальной торговли продовольствием и по возможности замену тяжелой для населения системы *сипоне* (*συνωνή*).

Всюду, где идет речь о возвращении старых римских владельцев, автор не вносит ясности, кого же можно разумеать под этими старыми владельцами — тех ли, которые бежали в Византию после 541 г., или же тех, которые покинули Италию после 476 г. Проводимая неоднократно аналогия с вандальским государством неудачна, так как в Вандальской Африке не санкционировались имущественные отношения, существовавшие до византийского завоевания, как это сделано было в Италии Прагматической санкцией. Анализ Прагматической санкции дополнен З. В. Удальцовой глубоким изучением равеннских папирусов. Целый ряд проблем в труде автора получил окончательное разрешение. Установлено, что готское землевладение вовсе не исчезло после окончательной победы византийцев в Италии. Тем самым блестяще опровергается теория о том, будто все готы были превращены в колонов. Интересные данные приведены о наличии в конце VI и в начале VII в. у готских землевладельцев рабов готского происхождения. Говоря о значении рабского труда в византийской части Италии, З. В. Удальцова приводит сведения из папирусов о том, что для обработки виноградников господа поручали колонам своих рабов (стр. 465).

Равенские папирусы в исследовании З. В. Удальцовой, с одной стороны, дают доказательства развития феодальных отношений в византийской Италии, а с другой, свидетельствуют о наличии тенденции сохранить существовавший общественный строй.

Мы не можем солидаризоваться с утверждением, что византийское завоевание принесло с собой раздробленность Италии. Те области, которые длительно находились под властью Византии, и в дальнейшем оставались объединенными (Королевство обеих Сицилий). Наоборот, местности лангобардского завоевания стали центрами раздробленности.

Очень ценны изыскания относительно ремесла (главным образом по равеннским папирусам). Но неожиданным, не вытекающим из источников,

является вывод относительно перемещения ремесла из города в деревню (стр. 482). Это можно сказать о тех районах, где города были сметены лангобардами, но нельзя переносить это на те местности, которые еще длительный срок находились в руках византийцев.

Общий вывод автора о том, что события 541—555 гг. оказали колоссальное влияние на дальнейшую судьбу Италии, совершенно правомерен. Прогрессивность событий византино-остготской войны, как правильно отмечает в разных местах своей работы З. В. Удальцова, — именно в выступлениях широких масс против того общественного строя, который, независимо от того, в какой он был редакции — готской или византийской, — одинаково представлял собой попытку знати ввести пробивающиеся новые производственные отношения в рамки рабовладельческого права, подвести любого зависимого к юридическому статусу раба.

Остготская и византийская знать, в одинаковой мере реакционные, истощили свои силы во взаимной борьбе и дали возможность в дальнейшем лангобардам произвести в Италии полный социальный переворот.

Подводя общую оценку труда З. В. Удальцовой, мы должны признать исключительную его важность для освещения истории Италии и Византии в VI в. Это единственный марксистский труд по истории остготского королевства, который в столь полной мере использует данные всех источников того времени, дает глубокий анализ как внутреннего строя остготского государства, так и политической и военной истории. Автору удалось блестяще опровергнуть многие ходячие, заимствованные от германистской историографии неправильные представления о прогрессивности правления Теодориха, дать критическую оценку личности и деятельности Тотилы. В центре внимания автора постоянно находились не Тотила и его войны, а широкие массы трудящихся. Хотя в некоторых частных выводах, отдавая дань старой традиции, автор все еще иногда противопоставляет «прогрессивные» моменты строя Остготского королевства реакционной Византии, но в целом исследование З. В. Удальцовой вскрыло истинное направление внутренней политики готов. Все прогрессивные сдвиги в общественном строе Италии VI в. объясняются в рецензируемой книге в основном не спецификой готского завоевания и влиянием германского права, а героическим сопротивлением масс против стремлений как готов, так и византийцев задержать закономерный ход развития страны, включить новые производственные отношения в рамки рабовладельческой системы. Тем самым, по нашему мнению, научная история Италии VI в. приобретает более убедительный характер.

В книге имеется обстоятельный подстрочный аппарат (около 750 примечаний), посвященный главным образом критике буржуазной историографии по частным проблемам. Текст иллюстрирует приложенная 21 карта-схема. Рецензируемый труд читается легко и с большим интересом. Драматически описываются события войны 541—555 гг., этой самой опустошительной войны в истории Италии. Особенно ярко описывается дикий погром и грабеж итальянского мирного населения торговшими в Италию союзниками готов — франкскими полчищами. Книга тщательно проверена; погрешности и опечатки редки (например, на стр. 32 «продавец» вместо «покупатель»; стр. 242 — «тот» вместо «гот»).

Мы уверены, что книга З. В. Удальцовой найдет массового читателя среди научных работников, студентов, учителей и всех интересующихся исторической наукой.

М. Я. Сюзюмов

А. Л. ЯКОБСОН. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХЕРСОНЕС.

Очерки истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 63.

Академия наук СССР. М.—Л., 1959, 364 стр., 187 рис. в тексте, 21 таблица.

Вопросы истории византийских городов последнее время все больше привлекают внимание как советских, так и зарубежных исследователей. В большинстве случаев это, правда, небольшие статьи, посвященные преимущественно наиболее темной поре в жизни города, времени его захирения, упадка — VII—VIII вв. В этом плане недавно вышедшая работа А. Л. Якобсона стоит в известной мере особняком, не только из-за того, что ее автор работает не над письменными, а над археологическими источниками, но также и потому, что тема ее значительно шире и охватывает длительный период в жизни города — с V по X в.

Труд А. Л. Якобсона представляет собой объемистый том, богато иллюстрированный — планами, чертежами, фотографиями, рисунками и таблицами, в том числе двумя цветными, и состоит из восьми глав, различных по своим размерам, задачам и содержанию: Очерк истории Херсона V—X вв. Крепостные стены. Монументальная архитектура. Мозаичные полы. Некрополь. Жилые кварталы. Ремесло. Художественная культура. Введение и заключение.

Рассматриваемый том неразрывно связан с уже опубликованным трудом А. Л. Якобсона, посвященным последующему периоду в жизни города («Средневековый Херсонес. XII—XIV вв.», МИА, № 17. М.—Л., 1950) и составляет с ним, по замыслу автора, одно целое, объединенное единой исторической концепцией. Связан он с ним, кроме того, и конструктивно. Как и первый, он открывается историческим очерком, которому, правда, в отличие от предыдущего, предпослано во введении изложение истории раскопок, характеристика их методики и состояния добытого материала. Как и в первом томе, историческая глава представляет собой очерк преимущественно внешнеполитической истории города, в данном случае с V до X в. включительно. Основана она главным образом на письменных источниках, но, как указывает автор, скорректированных вещественными материалами, лежащими в основе исследования. Следующие за исторической частью главы располагаются, как подчеркивает автор, в определенной хронологической и смысловой последовательности, несколько отличной в силу самого характера и состояния материала от предыдущего тома. Главы II—V (Крепостные стены, Монументальная архитектура, Мозаичные полы и Некрополь) охватывают в основном раннее средневековье — V—VI, отчасти VII в.; главы VI—VIII (Жилые кварталы, Ремесло и Художественная культура) относятся преимущественно к IX—X вв.

Оба вышедших тома должны, по замыслу автора, составить «единую монографию» «Средневековый Херсонес», посвященную истории города, «преимущественно истории его материальной культуры, рассматриваемой по возможности на широком фоне истории всего Северного Причерноморья» (стр. 5).

Несомненной и большой заслугой А. Л. Якобсона является то, что он, десятилетиями работающий над исследованиями средневекового Херсона, Юго-Западного Крыма и Таврики в целом, взял на себя труд, во многом тяжелый, сложный и неблагодарный, обобщить и подытожить многолетние исследования Херсона, идя от более известного и лучше археологически представленного позднего периода в жизни города вглубь — в раннее

и зрелое средневековье. Состояние вещественного материала, особенно для раннесредневекового периода, в целом очень неблагоприятно, несмотря на то, что территория городища вскрыта не менее чем на треть (т. е. на таком большом пространстве, на каком вряд ли вскрыт любой из средневековых городов Византии, Востока или Запада). Материалы, добытые старыми, дореволюционными раскопками, когда основное внимание археологов привлекали античные слои города, большей частью не паспортизованы, стратиграфия слоев не уточнена, фиксация находок отсутствует, почему комплексы (в том числе и погребальные) трудно или почти не восстановимы. Жилые комплексы раннесредневекового Херсона разрушены или вовсе уничтожены последующим городским строительством. Богато и полно представлены, наоборот, храмовая архитектура, отчасти крепостное строительство. Лучше, разумеется, обстоит дело в отношении стратиграфии слоев и фиксации находок с раскопками советского периода, но и здесь массовый раннесредневековый материал очень недостаточен. Все это делает почти невозможной полную картину раскрытия и показа жизни города в этот период — его экономики, социального лица и этнографического облика.

Нельзя, разумеется, забывать также и другого. У каждого специалиста (исключения редки) неизбежен ярко выраженный уклон, определенный, так сказать, профиль, что, естественно, не может не сказаться на направленности самого исследования и что в известной мере сказалось и на построении, и на неравномерности отдельных разделов уже ранее опубликованного тома (на это указывали автору его рецензенты). Этот уклон отчетливо чувствуется и в настоящем томе, в котором автор выступает в двух своих аспектах — как историк архитектуры и как керамист, в полной мере владеющий материалом, литературой предмета и мастерством обработки. Огромной заслугой А. Л. Якобсона является кропотливое собирание материалов, тщательное и весьма убедительное исследование архитектурных памятников и их декоративного убранства (в том числе и мозаичных полов), керамики (амфорной тары, строительных черепиц и поливной посуды), а также раскрытие керамического производства и форм. В то же время другим сторонам жизни города и его культуры — этнографический облик населения, его быт и археологически связанные с ним материалы, предметы повседневного обихода, украшения, орудия производства и т. п. (особенно раннего, переходного от античности к средневековью периода) — автор уделит меньше внимания. Отсюда некоторая диспропорция в объеме отдельных разделов и в степени их разработки.

Историческая концепция автора в общем не вызывает возражений. Правильной представляется и периодизация истории Херсона: V—VI вв. — раннее средневековье, период расцвета города; VII—VIII вв. — время захирения, упадка в жизни города, период натурализации, феодализации; IX—X вв. — период нового подъема города. Периодизация эта, правда, требует некоторых уточнений, которые, впрочем, делаются самим автором не в подзаголовках глав, а в тексте, где это членение уточнено следующим образом: I период охватывает время со второй половины или конца V в. до начала или даже первой половины VII в.; II — вторую половину VII в. — первую половину IX в., наконец, III (последний) период, — вторую половину IX и X в.

Несомненным представляется и вывод автора о том, что раннесредневековый Херсон не был по существу ремесленным центром. Вывод этот сформулирован, правда, с чрезмерной осторожностью: «Можно сомневаться, стал ли Херсон в V—VI вв. ремесленным центром. По крайней мере наличный археологический материал не содержит в этом отношении ничего

определенного» (стр. 360). Правильно ставится А. Л. Якобсоном вопрос о роли Византии в отношении крепостного строительства — как в самом Херсоне, так и в Таврике вообще, особенно в ее юго-западном нагорье, что встречало и встречает возражения в нашей археологической литературе (Е. В. Веймарн и др.), равно как и в вопросе о насаждении христианства, как дополняющего господство военной силы идеологического воздействия на местное население Таврики. Вряд ли может вызвать сомнение и определение раннесредневекового Херсона как военно-политического форпоста Византии в Северном Причерноморье, и то, что зависимость от Византии была преимущественно основана на политическом господстве последней, опиравшемся на военную силу. Убедительными представляются и те причины, которые обусловили, по мнению автора, глубокий упадок, угасание города во второй половине VII—первой половине IX в.: нашествия хазар, общий упадок городской жизни в самой Византии и как общая и основная причина — формирование феодальных отношений. Что касается более позднего периода (IX—X вв.), когда Херсон снова оказался под властью Византии, то он, оставаясь административно-политическим центром и рассадником христианства и византийской культуры, был, по словам автора, и центром крупной транзитной торговли. Положение это, утверждавшееся автором и в ранее опубликованном томе, хотя по существу и не вызывает серьезных возражений, конкретно не раскрывается и поэтому остается недоказанным. Думается, что А. Л. Якобсон несколько переоценивает роль печенегов в развитии северночерноморско-малоазиатской транзитной торговли: он слишком доверяет в этом вопросе¹ и в оценке их военной роли (печенежские разгромы Таврики)² Константину Багрянородному. Но, преувеличивая торговое значение Херсона, А. Л. Якобсон в общем правильно оценивает степень развития его ремесла в IX—X вв., говоря (и это показывает археологический материал), что оно не занимало заметного места в жизни города: «Как видно ремесло вряд ли господствовало в экономике города» (стр. 361). «Больше всего здесь был развит рыболовческий промысел: каждый херсонец был рыбаком» (там же), причем в основном рыбаком для себя, а не на вывоз. Некоторое удивление вызывает поэтому итоговая оценка автором значения Херсона в X в.: «Снова византийская крепость и снова людный город, город торговый и полуремесленный, где вели торг свой печенежские и заморские, а может быть, и русские купцы, куда приезжали (?—М. Т.) греческие корабли из Малой Азии, привозя продовольствие и увозя шкуры и меха³, велась торговля и с византийской столицей, откуда, в частности, привозились многочисленные изделия художественного ремесла (имеется в виду белоглиняная поливная керамика. — М. Т.). Город IX—X вв. продолжал оставаться очагом христианизации окружающего аланского населения. . . Таким нам представляется Херсон в X в. — большой средневековый город Восточной Европы» (стр. 361—362). С последней мыслью вряд ли можно согласиться. Ведь и в плане социально-экономическом Херсон не был, как отчетливо показывает всем своим исследованием автор, типичным средневековым городом. К тому же этот город — не столько восточноевропейский, сколько в основном византийский, и в этом аспекте вряд ли может быть назван большим; да и за пределами Византии, на рубежах Восточной Европы и Азии — в Закавказье, в Армении

¹ М. В. Левченко. Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в первой половине X в. ВВ, VI, 1953, стр. 24.

² Ср. В. В. Кротова. Из истории средневекового Крыма, СА, XXVIII, 1958, стр. 217.

³ Явная ошибка, — имеется, очевидно, в виду воск. Ср. стр. 59 — текст Константина Багрянородного. |

и Грузии — в это время известны действительно большие города и притом ремесленные центры.

Что касается конструкции труда А. Л. Якобсона, то ее как в целом, так и в частностях (полнота содержания, состав и распределение глав, их внутреннее построение — во всяком случае некоторых из них) вряд ли можно признать достаточно удачной.

При изучении любого средневекового города должны быть рассмотрены все основные его элементы — население, этнический и социальный состав, ремесло, сельское хозяйство, составляющее неотъемлемую часть жизни каждого средневекового города, торговля, жилые кварталы, оборонительные сооружения и оружие, памятники архитектуры, быт городского населения (предметы повседневного обихода и украшения, наиболее ярко выступающие в городских некрополях), культура. Археологический материал Херсона V—X вв., при всей его ограниченности, в сочетании с письменными источниками (правда, еще более скудными) дает все же возможность осветить ряд сторон жизни города, свести во всяком случае воедино сведения, разбросанные в письменных источниках, и использовать возможно полно вещественный материал. Этого автор не сделал в полной мере, ограничившись в отношении торговли, сельского хозяйства, домашних промыслов и состава населения беглыми упоминаниями, и тем самым обеднил картину жизни города, не дав читателю сколько-нибудь отчетливого представления об этих сторонах городской жизни. Между тем это было в его силах. Отсутствие специальных глав о населении города, его торговле и сельском хозяйстве — безусловный минус исследования, тем более, если подходить к нему с той меркой, с которой подходит сам автор, поставивший своей целью дать «монографию о средневековом Херсонесе» (стр. 5), «развернутую (sic!) историю Херсона в V—X вв.» (стр. 359).

Распределение имеющихся глав также представляется не вполне удачным. «Очерк истории Херсона V—X вв.» должен был не открывать работу, а, наоборот, ее заключать, дабы, излагая исторические судьбы Херсона и Таврики в целом, можно было использовать результаты проведенных перед читателем исследований отдельных сторон материальной культуры города, разработанных на основе археологического материала. Это дало бы ответ, значительно более обоснованный и аргументированный, и на некоторые вопросы экономики города, и на основной вопрос, чем же был Херсон и в раннем средневековье, и в IX—X вв.

Начав же свое исследование с изложения исторических судеб города, основанное на данных письменных источников, которые, вопреки утверждению автора, слабо скорректированы вещественными материалами (такое корректирование чрезвычайно незначительно), автор взял тем самым на себя ряд обязательств, которых он в дальнейшем не выполнил.

Лучшим доказательством неправомерности того, что книга открывается историческим очерком, является те противоречия, в которые впадает сам автор в оценке роли города, его ремесла и торговли, в частности в отношении сельскохозяйственной округи Херсона в Юго-Западной Таврике. В историческом очерке торговля, а особенно ремесло, выступают в сильно гиперболизированном виде. Создается впечатление, будто ремесленными изделиями, во всяком случае в IX—X вв., Херсон мог снабжать не только ближайшую округу, но и далекую периферию — печенегов и даже Малую Азию (Заморье, как ее называет А. Л. Якобсон⁴). «Херсонесские ремеслен-

⁴ Термин вряд ли уместный. Для греков и византийцев Заморьем, или отдаленным краем (*Περαιή*), была как раз Таврика, а для херсонитов, напротив, Малая Азия не казалась далекой.

ники, говорит автор, утратив связи с Малой Азией и столицей, утратили наиболее важный для них рынок сбыта», а между тем утрачивать ремесленникам было нечего, как справедливо показывает автор в главе о ремесле и в заключении, так как ремесло никогда не было сколько-нибудь значительно развито в Херсоне — ни в V — начале VII в., ни в IX—X вв. В другом месте говорится, что херсонцы продавали печенегам *ткани*, в том числе местного изготовления (курсив наш. — М. Т.), а в главе о ремесле ни единым словом не упоминается о сколько-нибудь развитом ткачестве, умалчивается даже о находках пряслиц, которые явно свидетельствуют о наличии прядения, правда, домашнего. Тут же указывается (в отношении ранней поры) на снабжение окрестных земледельческих племен изделиями металлообрабатывающего ремесла, в том числе и сельскохозяйственными орудиями. В главе же о ремесле отмечается, что до сих пор не обнаружено ни одной мастерской, ни одной кузницы (хотя последних, разумеется, не могло не быть), и даже опускаются сведения о находках орудий кузнеца. Лишь походя упоминаются находки (правда, число их не указывается) сельскохозяйственных орудий — сошников, серпов, жерновов. О каком же снабжении этими орудиями может идти речь при таком положении?

Второе, что также косвенно подтверждает неправильность вынесения исторического очерка «вперед», это, как уже отмечалось, те обязательства, которые взял на себя автор (хотел он того или нет) и потом их не выполнил — или потому, что не смог из-за отсутствия достаточного материала, или потому, что не успел или не захотел. Вот почему нельзя вполне согласиться с автором, что он «всегда всматривался в народную жизнь города, в основном в вещественный материал». Некоторые группы материалов (ранняя бытовая керамика V—начала VII в. и крупная тара — пифосы того же времени, сельскохозяйственные орудия, домашнее производство, кроме рыболовческого промысла, монетное дело, стеклоделие, художественная кость) почему-то ускользнули от внимания автора, причем, повторяем, именно те, наличие которых он признает и отмечает в историческом очерке, тем самым принимая на себя обязательство рассказать о них читателю.

Особенно ясно это видно в отношении этнического состава населения Херсона. Обязавшись его показать, автор от этого, по существу, уклонился. Разбросанные в отдельных местах книги указания на этнический состав населения Херсона (стр. 5, 17, 21, 24, 25, 52, 258, 281, 360, 361) все же недостаточно четки, а подчас и противоречивы. То говорится просто о коренном населении города, которое «варваризовалось» (стр. 17), то о его «огреченности и византизированнойности» (стр. 24), то о том, что «заметный элемент в городе (V—начала VII в.) составляло сармато-аланское население, в той или иной степени огреченное» (стр. 258), то «этнически город (в VI в.) продолжал оставаться полуварварским» (стр. 360). Лишь в одном случае автор отчетливо говорит о том, что «этническая пестрота вообще характерна для Херсона во все времена его жизни, особенно же в IX—X вв.» (стр. 52), и далее, в следующем абзаце (стр. 58) указывает, что основное население — *греческое* (курсив наш. — М. Т.), «помимо которого здесь несомненно жили и аланы».

Все эти замечания не дают ясного и четкого представления о том, каково же было население города (да и не могут дать, если не попробовать детальнее разобраться в материалах некрополя и более пристально приглядеться к бытовой керамике и к некоторым другим материалам, прежде всего к украшениям). Признавая (стр. 258), что вопрос об этническом составе населения требовал специального рассмотрения не только в связи с некрополем, автор к нему не обратился. Сделать же это было тем более

необходимо, что в советской исторической литературе высказывались самые различные мнения по этому вопросу, в частности, и то, что часть постоянного населения Таврики (в том числе и в Херсоне) составляют славяне, а затем русские (Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий, А. П. Смирнов, Б. А. Рыбаков, А. Н. Насонов и др.). Правда, эта точка зрения встречала возражения (М. А. Тиханова, М. В. Левченко и др.), но автору большого подытоживающего труда, специально посвященного истории Херсона и Юго-Западной Таврики, нельзя было обойти молчанием этот важнейший вопрос и не высказать своей точки зрения.

Вернемся, однако, к конструкции тома. Не вполне оправданной является и последовательность глав, тем более что хронологический принцип все равно не выдерживается: главы VI (Жилые кварталы) и VII (Ремесло) в начальных своих частях касаются раннесредневекового материала, главы же II (Монументальная архитектура) и V (Некрополь) «заходят» в поздний период. Перестановка их не нарушила бы временного принципа, в смысловом же отношении была бы более оправданной и придавала бы большую стройность архитектонике исследования. Что касается внутреннего их построения, то мы коснемся его при рассмотрении отдельных глав, к которому и переходим, в той последовательности, в какой они излагаются автором. Естественно, что как археолог я остановлюсь на основных археологических главах, ограничившись в конце лишь некоторыми дополнительными замечаниями по историческому очерку.

Главу II (Крепостные стены) автор совершенно правильно начинает с рассмотрения техники кладки, различия в характере и приемах которой дают ему возможность и основание с большей точностью и вполне аргументированно определить время постройки и перестройки крепостных сооружений Херсона и прийти к выводу о двух (точнее, трех) строительных периодах в раннесредневековом Херсоне при Зиноне (474—491) — «кордонная кладка», в начале VI в. и при Юстиниане (527—565) — «квадровая», когда была воссоздана и завершена вся оборонительная система Херсона, в том числе и цитадель. Автор последовательно прослеживает участок за участком оборонительные сооружения (куртины и башни) Херсона, устанавливая с полной убедительностью дату строительства или перестройки каждого отдельного участка. Дополнительно им рассматривается и византийское крепостное строительство в юго-западном нагорье Таврики (Эски-Кермен — с уточнением датировки последнего VI в. против предложенного Н. И. Репниковым V в., Мангуп, Кучук-Сюрень, Чуфут-Кале, в котором автор продолжает видеть древние Фуллы, несмотря на нерешенность вопроса о локализации последних; следы крепостного строительства в VI в. в Каламите, обнаруженные Е. В. Веймарном). Отметим, что в данной главе, где основные положения и выводы не вызывают сомнений, не ставится вопрос о том, кто же был реальным исполнителем этого проводившегося Византией военного строительства. Смущает лишь утверждение А. Л. Якобсона, что «наличие кордонной кладки в крепостных стенах Херсона может указывать на устойчивость местных ремесленных навыков каменщиков», — оно все же малоубедительно.

Глава III (Монументальная архитектура), являющаяся одной из центральных, если не центральной, в исследовании, столь же полно, как и предыдущая, иллюстрирована планами и фотографиями отдельных объектов и их деталей. Открывается она анализом декоративных мраморов, за которым следует изучение собственно архитектурных памятников — их отдельных групп.

Вынесение в начало главы анализа декоративных мраморов вполне оправдано. Автор ограничивается, по существу, исследованием лишь

наиболее массового материала — капителей (их известно около 200). Другие декоративные элементы — части алтарных преград, куски амвонов — лишь упоминаются, что вполне объяснимо: они стандартны и к тому же почти не сохранились. Капители же рассматриваются детально, с подробным описанием по группам, начиная с самых ранних, так называемых феодосианских капителей V в. При этом очень подробно, почти исчерпывающе, привлекаются многочисленные аналогии из всего византийского мира и даются твердо обоснованные датировки. Все капители составляют одну цельную группу конца V—VI в. и являются изделиями широко известных императорских проконнесских мастерских (в Мраморном море, недалеко от Константинополя). Здесь в массовом количестве заготавливались и барабаны колонн, и базы последних, а также все другие архитектурные детали из мрамора и развозились отсюда во все концы византийского мира. Подробный анализ столь точно датированных декоративных мраморов позволяет А. Л. Якобсону опираться на них при датировках памятников храмовой архитектуры раннесредневекового Херсона. Анализу последних посвящен следующий, основной раздел главы. Детально рассматриваются все памятники, образующие, как убедительно показывает автор, три численно неравновеликие группы — большие трехнефные базилики (в Херсоне их насчитывается 28 и 4 за его пределами — в нагорье, на южном побережье Таврики и в Тиритаке), крестообразные храмы-мемории (5) и одна крещальня Уваровской базилики — центральной композиции; все они датируются концом V—VI, некоторые — самым началом VII в. Каждый памятник рассматривается отдельно с подробным описанием его архитектурной композиции, форм и обоснованием датировки. Как и в отношении капителей, в данном разделе широко и полно привлекаются многочисленные аналогии и убедительно показывается тесная связь архитектурной композиции и форм не со столичным, константинопольским зодчеством, а с архитектурой Малой Азии. Мало вероятным представляется лишь постоянно высказываемое и повторяемое в настоящей работе утверждение автора, что строителями херсонских храмов были местные артели вольнонаемных каменщиков. Основание для него он видит в сочетании приемов столичной строительной техники (чередование в кладке слоев камня и кирпича) с явно выраженными малоазиатскими формами. Думается, что однородность, повторяемость, если можно так выразиться, стандартность композиции, плана, строительных приемов и массовость самих памятников с их богатейшим мраморным убранством (некоторые дополнительно украшены великолепными мозаичными полами) заставляет полагать обратное — считать их строителями именно пришлых мастеров, не отвергая, однако, мысли о возможности использования и местных каменщиков, но только в качестве подсобной рабочей силы.

Глава заканчивается разделом, посвященным памятникам IX—X вв. новой формы — крестовопольным храмам, приходящим на смену ранней базиликальной композиции.

Высоко оценивая данную главу, не можем не сделать нескольких замечаний. Возражение чисто методического порядка вызывает прием датировки крестообразного храма № 19 (так называемый храм с ковчегом). Автор устанавливает время его постройки по широко известному в литературе и точно датированному ковчежцу юстиниановского времени, который был найден заложенным в гробничке под полом в алтарной части храма. А. Л. Якобсон считает постройку храма абсолютно синхронной с ковчежцем. Такой способ датировки малоубедителен. Дата ковчежца может служить только *terminus post quem*, временное расхождение даже

в столетие вполне возможно. Время постройки храма нужно обосновывать его композицией и техникой и лишь в качестве дополнительного аргумента приводить серебряную мощехранительную. В обратной последовательности следовало устанавливать дату и второго крестообразного херсонского храма, так называемого загородного, — не от монетных находок в склепах под зданием (самая поздняя — Льва I) и в водоеме дьяконика (самая поздняя — Юстиниана I), в чем А. Л. Яковсон следует за К. К. Косцюшко-Валюжиничем, на которого он и ссылается, а опираясь на всю совокупность данных — архитектурную композицию храма-мемория, его мозаичный пол, строительную технику и, наконец, на монетные находки. Между прочим, обоснование датировки загородного храма значительно отчетливее в главе о мозаичных полах (стр. 240). Чувство неудовлетворенности вызывает и то, как сформулированы возражения против недавно выдвинутых попыток передатировки херсонских архитектурных памятников раннего средневековья — с V—VI вв. на X в. (О. И. Домбровский). Следовало отвести эти попытки не только в отношении загородного храма, как это делает А. Л. Яковсон, но и храма с ковчегом, Уваровской базилики и базилики, открытой в 1935 г.; иначе может сложиться впечатление, что автор не располагает достаточными аргументами против соображений, выдвинутых противниками ранних датировок.

Композиционно представляется малооправданным рассмотрение в данной главе поздней группы архитектурных памятников (IX—X вв.), тем более, что этот весьма небольшого объема раздел начинается с характеристики исторической обстановки нового периода и рассмотрения внехерсонских храмов VIII в. — базилик Партенита и Тепсеня. Нарушается хронологический принцип, рассекаются ранние архитектурные комплексы — от них отрывается их мозаичное убранство, неразрывно с ними связанное. К тому же, если затрагивать в этой главе новый исторический период, нужно было не только показать характерный для него тип крестово-купольного здания, но также доживание в Херсоне и перестройку ранних трехнефных базилик, что широко практиковалось здесь в X в. К сожалению, и в этой главе, как и в предыдущей, совершенно не затронут вопрос об «инструментарии». Между тем в Херсоне находили орудия каменщиков — железные кирки для добывания камня и зубатки.

Большой удачей А. Л. Яковсона является глава IV (Мозаичные полы). Она относительно кратка; это определяется, как указывает автор, тем, что подготавливается специальное исследование мозаичных полов Херсона основным противником А. Л. Яковсона в вопросе о датировке ранних архитектурных комплексов — О. И. Домбровским. Тем не менее глава эта, посвященная замечательным произведениям византийского искусства конца V и главным образом VI в. — датировки автора вполне убедительны, — насыщена сравнительным материалом и дает тонкий иконографический и стилистический анализ памятников, подмечает в них то новое, что при сохранении античных традиций характеризует раннесредневековые мозаики: отход от живописности, геометризация, схематизация композиции и развертывание христианской символики. Все это вводит, как правильно указывает автор, херсонские мозаичные полы в широкий круг собственно византийских мозаик V—VI вв. Греции, Македонии, Фракии и Малой Азии. Одно маленькое замечание: почему-то осталась нераскрытой надпись (сохранился только правый ее конец) на мозаичном полу юго-западного центрального нефа базилики 1889 г. («базилика в базилике») — рис. 119 и 120. А. Л. Яковсон не коснулся даже ее палеографии, что могло бы только подкрепить его датировку мозаичного пола.

Значительно слабее глава V (Некрополь). Если в предыдущих главах автор выступал во всеоружии профессионального мастерства и тонкого наблюдения (к тому же материал, которым он в них оперировал, несравнимо богаче и выразительнее), то в настоящей главе автор чувствует себя гораздо менее уверенно. По существу эта глава должна была явиться основной для решения вопроса о социальном и этническом составе населения Херсона, а также значительно помочь раскрытию ремесла и торговли. Между тем, в связи с состоянием материала (депаспортизация находок), а также, без сомнения, в силу меньшей проработанности автором материала, он вынужден был крайне сузить задачу исследования — ограничиться рассмотрением топографии некрополя, типов погребальных сооружений, погребального обряда и погребального инвентаря. Но и эти задачи выполнены не в полном объеме. Глава содержит лишь некоторые наблюдения, правда, интересные, над топографией раннесредневекового некрополя, краткий и внешний обзор основных типов погребальных сооружений и погребального обряда, описание нескольких погребальных комплексов и некоторых групп личного убора погребенных (фибулы, пряжки, единичные образцы поясных наборов).

Казалось бы вполне убедительно устанавливаемое автором сокращение площади раннесредневекового некрополя (рис. 131), сосредоточившегося в основном у загородного храма и к югу от цитадели (на небольшом участке на берегу Карантинной бухты) и наслонившегося здесь на некрополь римского времени — первых веков н. э. Между тем некоторые из рассматриваемых автором склепов с раннесредневековыми захоронениями располагаются вне этой территории — у западной стены Херсона (склеп № 14, раскопки 1914 г.), в углу бывшего монастырского двора (склеп № А, раскопки 1909 г.), в базилике 1932 г., — что несколько колеблет утверждение автора.

Далее показывается, что основными типами погребальных сооружений раннего средневековья являются склепы, используемые главным образом вторично и относительно немногочисленные [и тех и других всего 33 или 34 (?)], построенные в конце V, быть может, в VI в., а также вырубленные в скале гробницы. Для позднего времени (вторая половина IX—X в.) это, в основном, грунтовые могилы в насыпи (для индивидуальных захоронений) и те же склепы, но используемые уже в качестве братских могил-костниц.

Погребальный обряд описывается в общем виде, без попытки сделать из него выводы об этническом составе погребенных, хотя сам обряд уже дает в этом отношении некоторые данные, в частности формы и особенности гробовищ, в которых совершалось погребение, и тот инвентарь, который сопровождал погребения, в том числе керамика (последнюю А. Л. Якобсон обходит молчанием вовсе). Погребальные комплексы в склепах, к сожалению, описываются выборочно, только наиболее выразительные: из 33 склепов — лишь четыре; относительно четырех других указывается, что они примерно такие же. Между тем именно ввиду плохого состояния вещественного материала и его неизученности нужно было дать их максимально полно. В частности, непонятно, почему комплексы из раскопок Р. Х. Лепера, дневники которого, содержащие инвентарные номера, хранятся в Херсонесском музее, нельзя восстановить, на том будто бы основании, что «лучшие вещи отправлялись в Эрмитаж». Нужно, очевидно, было объединить и те и другие и именно потому, что дневники не опубликованы, полностью опубликовать комплексы, относящиеся к рассматриваемому периоду, в настоящей работе. Кстати, один из таких комплексов и приводится (вышеупомянутый склеп № 14).

Вещевой инвентарь от самих погребальных комплексов оторван. Последнее было бы оправдано, если бы все погребения были подробно описаны, т. е. был бы приведен весь сопровождающий захоронения инвентарь, а затем была бы дана характеристика его отдельных групп. Между тем этого нет. В последнем же разделе рассматриваются только предметы раннесредневекового личного убора, разбирается несколько неразобщенных комплексов (как уже говорилось, их могло быть, видимо, и больше).

Не имея возможности подробно остановиться на всех деталях данного раздела (это потребовало бы специального рассмотрения и аргументации возражений по каждой группе погребального инвентаря), ограничимся лишь несколькими замечаниями. Вызывают сомнения и возражения некоторые датировки. Так, среди приведенных на рис. 135 пряжек есть и безусловно более ранние (III—IV вв.), так же как на рис. 141 есть и значительно более поздние. Комплекс на рис. 134 вернее датировать V в., а не V—VI вв. Выводы, к которым приходит автор, в итоге своих наблюдений над погребальным инвентарем, безусловно, интересны, но требуют еще дальнейшего исследования и подтверждения. Сомнение вызывает утверждение насчет венгерского происхождения (правильнее было бы сказать, среднедунайского, так как Венгрия в это время еще не существовала) одного из типов пряжек, в чем автор следует за Г. Дэвидсон. Вряд ли стоит ссылаться на авторитет Хампеля — его датировки уже давно подверглись пересмотру. В главе много повторений, излишних общеисторических замечаний, что, впрочем, наблюдается и в других главах; часто они совершенно излишни.

Глава VI (Жилые комплексы). Несомненной и большой заслугой А. Л. Якобсона является то, что ему удалось, располагая крайне скудными, обрывочными материалами — ничтожными остатками жилищ, разрушенных в последующее время (камень брали и в IX—X вв., и в XI—XII вв.), расчленить строительство V—X вв. и выделить в нем следы раннесредневековых построек в прибрежной части города, в пределах небольшого квартала.

Рассмотрение этих остатков показывает значительные изменения в планировке города в конце V и в VI вв., частичную нивелировку с засыпкой некоторых колодцев, а также отчетливый перерыв в строительстве с середины VII до второй половины IX в. Восстановить планировку хотя бы одного раннесредневекового жилого комплекса не удалось. Иное положение для периода IX—X вв., в отношении которого автор смог с полной убедительностью установить преемственность в планировке кварталов, выявить тенденцию к уменьшению последних, связанную, очевидно, с большей заселенностью, выделить несколько жилых комплексов городских усадеб, определить их план, по существу близкий к античному (с двором и кладовыми), строительную технику и декоративные приемы (применение узорчатой выкладки, украшавшей стены).

Если для позднего периода в жизни Херсона (XII—XIII вв.) А. Л. Якобсон смог показать разницу во внешнем облике и социальном содержании двух районов города — северо-восточного и прибрежного (северного), то не только для раннесредневекового, но и для Херсона IX—X вв. этого сделать было невозможно. И в этом, разумеется, не вина автора — слишком обрывочен и даже ничтожен материал, чтобы можно было дать сколь-нибудь выразительную картину. То, что извлек автор из материала, уже очень много, и сделать он это мог только потому, что пользовался материалами раскопок последних лет, в которых сам принимал непосредственное участие. Досадным пропуском является лишь то, что обойдены вопросы

городского водоснабжения. Колодцы, сооружение которых относится к римскому, а иногда и к эллинистическому времени, частично продолжали действовать и использовались и в раннесредневековом городе, и даже в IX—X вв. Ничего не сказано и о водопроводе.

Глава VII (Ремесло), которая в отношении всякого средневекового города должна была бы быть центральной, в соответствии с ролью ремесла в жизни Херсона очень невелика и относительно бедна содержанием. Правда, она несколько обеднена еще и потому, что автор не полностью использовал материал. Так, рассматривая гончарное производство — наиболее массовый материал как для раннесредневекового периода, так и для IX—X вв., — автор почему-то ограничивается двумя группами раннего периода — амфорная тара и строительная черепица, — исследованиями которых А. Л. Якобсон занимается много лет и является признанным специалистом в этой области. Не затрагивает он и бытовой керамики V—начала VII в.; об отдельных ее образцах сам автор упоминал в своих отчетах о раскопках в Херсонесе (см., напр.: МИА, № 34, стр. 204). Не касается он и группы, правда, немногочисленной, краснолаковых блюд с рельефными крестами, технологически продолжающей старую позднеантичную традицию. Умалчивает А. Л. Якобсон и о ранних пифосах и светильниках.

Новым и существенным дополнением, особенно важным для решения вопроса о роли раннесредневекового импорта в глубинные районы лесостепи (если таковой был, в чем мы решительно сомневаемся, но что утверждается некоторыми исследователями), является мысль автора о том, что многообразие и неустойчивость форм раннесредневековых амфор, весьма малочисленных, говорит о том, что они не являются изделиями местных гончаров, но импортированы.

Что же касается гончарного производства IX—X вв., то в этом разделе А. Л. Якобсон на более развернутом материале повторяет в основном то, что развивалось им в его предыдущих работах, за исключением некоторых (но весьма существенных) деталей о гончарном производстве Херсона, его амфорной таре, бытовой керамике (кувшины с плоскими ручками, горшки) и черепице (с дополнениями в отношении последней).

Второй раздел главы — металлообрабатывающее ремесло IX—X вв. — чрезвычайно скромен. Это небольшой этюд, посвященный в основном производству свинцовых колец для рыболовных сетей и нескольким формочкам для отливки колец и крестиков, дополненный беглым перечнем находимых в Херсоне металлических изделий — предметов домашнего обихода, в который зачисляются и сельскохозяйственные орудия. Поскольку, как справедливо полагает автор, свинцовые кольца для сетей изготавливались самими рыбаками, то и эту отрасль металлообработки (как домашнее производство) вряд ли правомерно включать в раздел «ремесло». Но, думается, А. Л. Якобсон напрасно так ограничивает свой материал. В этом разделе должно было быть рассмотрено дополнительно монетное дело, игравшее немалую роль в жизни Херсона в определенные периоды: чеканка бронзовой монеты, при этом одного номинала, при Зиноне, Юстиниане I и Маврикии и литье бронзовой, а иногда и свинцовой монеты со второй половины IX в. (начиная с Михаила III и Василия I) и до начала XI в. (до 1025 г.)⁵. Выпало полностью и стеклоделие, хотя автор в одной из своих последних статей признает, что некоторые из стеклянных браслетов относятся (по условиям находки) еще к IX—X вв.⁶,

⁵ В тексте автор не всегда точен в определении материала, техники изготовления монет и времени выпуска (например стр. 301, 306).

⁶ А. Л. Якобсон. К изучению позднесредневекового Херсонеса. Херсонесский сборник, вып. V, 1959, стр. 243.

к тому же были произведены химические анализы некоторых из них⁷, что позволяет сделать некоторые выводы об их производстве. Возможно, они были привозными, но обо всем этом нужно было сказать. Отсутствуют и пряслица, глиняные и шиферные, также относящиеся к IX—X вв., что должно было весьма заинтересовать археологов, занимающихся Древней Русью, особенно если было бы установлено, откуда брался тот шифер, из которого выделялись херсонские пряслица. Нельзя было пройти и мимо вопроса о судостроении, хотя отчетливых данных, кроме находок железных и каменных якорей и кучи вара (или смолы) во дворе одного из домов в Херсоне, пока не найдено. Однако Г. Д. Белов считает возможным, что вар этот употреблялся для заливки швов судов. Если с таким предположением автор не согласен, он должен был возразить. Нельзя забывать, что Херсон нес судовую повинность, и предполагать здесь постройку судов вполне возможно; вопрос в том, кто же были судостроители.

Слишком обеднен и состав сельскохозяйственных орудий, а главное, не сказано, какова численность находок сошников, мотыг, серпов, цапок, жерновов. Не упомянуты вовсе находки подков для волов, которых, очевидно, использовали в качестве тягловой силы⁸. Не поставлен, наконец, и вопрос о сырье, из которого изготовлялась посуда и строительная керамика, — где добывалась необходимая глина, а также железная руда и медь. О шифере уже говорилось выше. Автор указывает источники сырья только относительно свинцовых изделий — его привозили из рудников Малой Азии.

Последнюю главу вряд ли правильно называть «Художественная культура»: название не отвечает ее содержанию. Напомним, что в ранее опубликованном труде «Позднесредневековый Херсонес» неоднократно говорилось о веками слагавшейся в Херсоне художественной культуре, о ее длительных местных традициях. Казалось бы, в настоящем томе и должны были быть раскрыты эти традиции, показано складывание местной художественной культуры. Но выступает только одно слагаемое — белоглиняная поливная керамика IX—X вв.⁹, к тому же, как показывает автор, привозная — продукция столичных керамических мастерских. Она в лучшем случае может свидетельствовать о тяготении населения к определенным видам и сюжетам художественных изделий, но никак не раскрывать облика местной художественной культуры и ее содержания. Но если отвлечься от заглавия и того содержания, которое хотел вложить в эту главу автор, то как специальное исследование о белоглиняной поливной керамике оно сделано мастерски и представляет большой интерес и ценность для специалиста. Собран весь материал (за исключением образцов, хранящихся в Одесском музее), проанализированы техника производства и происхождение керамики с рельефными украшениями, дана ее классификация, технологическая и сюжетная, и полная публикация в виде подробного каталога, притом комментированного, с привлечением аналогий и воспроизведением почти всех (кроме восьми) экземпляров.

В главу включено исследование двух каменных рельефов с изображением барсов (или пантер), в которых автор видит проявление народного искусства Херсона, с чем трудно согласиться, равно как и с тем, что образ антропоморфного грифона связан с массой городского населения Херсона.

⁷ М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956, стр. 208.

⁸ Отсутствуют сведения и о скотоводстве, хотя находки костей животных — крупного рогатого скота, овец, коз и свиней — многочисленны. Мясо занимало, видимо, заметное место в пище населения Херсона.

⁹ Остается опущенной и художественная резная кость, правда, также привозная.

Несколько дополнительных замечаний по работе в целом. В рассматриваемом труде А. Л. Якобсона не получила, к сожалению, отражения новая его точка зрения на время гибели Херсона как города, — не конец XIV в., как он утверждал это раньше, а конец XIII в. — время разгрома крупных поселений Юго-Западной Таврики полчищами Ногай¹⁰. Поэтому в ряде мест автор продолжает говорить о жизни Херсона в XIV в., в частности о его керамических комплексах, в том числе и тогда, когда он развивает свою аргументацию против предложенной О. И. Домбровским перестройки крестообразного храма (стр. 206—207).

В историческом очерке, помимо уже указанных выше, есть и еще ряд неточностей и погрешностей. Отметим из них лишь некоторые. Время вторжения «варваров» (готов, ворадов и др.) — не III в., а середина III в. (стр. 5). Гунны захватили Боспор не в IV в., а не ранее 70-х годов IV в. (там же). Так называемый полихромный стиль выработался в греко-сарматской среде не в IV—V вв., а раньше (там же). Нельзя говорить о складывании в середине IV в. в Западном Черноморье и на Балканском полуострове многоплеменного готского союза (стр. 19). Неверно также, что Ольвия и другие поселения Северного Причерноморья прекратили свое существование в конце IV—начале V в. Такое утверждение объясняется ссылкой на устарелую литературу (Гошкевич) (стр. 19—20, сноски). Непонятно, что хотел сказать автор, утверждая, что процесс заселения готами Юго-Западного нагорного Крыма начался задолго до Зинона, еще во второй половине III в., а к концу V в. он завершился. Остается неясным, почему, комментируя письмо папы Мартина, в котором идет речь о приобретении трех или четырех модиев хлеба (зерна), А. Л. Якобсон предполагает, что имеется в виду малый римско-италийский модий в 6,528 кг, а не большой модий-сатон в 9,792 кг, распространенный в Армении и Понте (стр. 31). На стр. 361 в заключении автор впадает в противоречие, допуская при этом явную ошибку. Сначала он говорит, что сельскохозяйственные продукты из соседних земледельческих районов, в том числе и продовольствие, «надо думать, вывозилось и за море», а несколькими абзацами ниже утверждает (правильно), что Херсон, как и раньше, ввозил продовольствие из северных областей Малой Азии. Вряд ли можно согласиться с тем, что автор истолковывает выпуск собственной херсонской медной монеты как показатель интенсивной торговли. Несколько ближе к истине он тогда, когда говорит, что «монета эта была рассчитана преимущественно на местный рынок и обслуживала торговый обмен Херсона и соседних земледельческих районов» (стр. 360 и 361). В действительности, надо думать, она была рассчитана исключительно на местный «рынок» и, вероятно, не случайно годы ее выпуска совпадают с годами интенсивнейшего строительства крепостных и культурных сооружений в раннесредневековом Херсоне¹¹.

В разделе о позднем периоде — русско-хазарско-печенежские отношения — если уже затрагивать сложный вопрос о Руси, происхождении названия Рос—Рус, Азовско-Черноморской Руси, острове Руссов и т. д., нужно было привлечь новейшую литературу, которую автор почему-то совершенно не затрагивает, ограничиваясь, в основном, работами не позже конца 40-х годов.

¹⁰ А. Л. Якобсон. К изучению позднесредневекового Херсонеса, стр. 232—233.

¹¹ Ср. близкую, хотя отнюдь не тождественную, чеканку медных монет во второй половине IV—V вв. в Сучидаве. D. Tudor. Sucidava, III. Dacia, t. XI—XII, 1945—1947, p. 145 sqq.

Есть в работе и мелкие ошибки, как, например, «Хазарский правитель в Сугдее с христианским именем Юрия» (География. — М. Т.) (стр. 36); укрепление Алушта (стр. 24); иерусалимский патриарх Ерман (Эрмон. — М. Т.) (стр. 27); даты правления Константина I—324—337 (вместо 306—337).

Резюмируя все изложенное, необходимо признать, что, несмотря на ряд недостатков, известную неполноту исследования и неравноценность отдельных его частей, книга А. Л. Якобсона «Раннесредневековый Херсонес» — результат большого и квалифицированного труда археолога-византиниста. Она явится ценным вкладом в советскую историческую науку и найдет широкий отклик и признание как в нашей стране, так и за ее рубежами.

М. А. Тиханова

**ДВЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ ХРОНИКИ X ВЕКА.
„ПСАМАФИЙСКАЯ ХРОНИКА“.
ИОАНН КАМЕНИАТА. ВЗЯТИЕ ФЕССАЛОНИКИ.**

Изд-во восточной литературы, М., 1959

Благодаря географическому положению и большим международным связям Византии, в трудах византийских историков и хронистов, как правило, содержатся сведения по истории не только самой Византии, но и многих соседних стран. Поэтому каждая новая книга серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы», содержащая переводы византийских писателей, доставляет весьма ценный материал не только византинистам, но и широкому кругу советских востоковедов, славистов и специалистов по средневековой истории стран Западной Европы. Это особенно относится к изданиям малоиспользованных в научной литературе текстов, не переводившихся ранее на новые языки. К числу таких изданий принадлежат «Две византийские хроники», выпущенные в 1959 г. Издательством восточной литературы. Переводы текстов анонимной «Псамафийской хроники» и «Взятия Фессалоники» Иоанна Камениаты сопровождаются вступительными статьями, обширными комментариями и небольшим исследованием, посвященным художественным особенностям произведения Камениаты.

Жизнеописание патриарха Евфимия, составленное неизвестным монахом Псамафийского монастыря, существенно дополняет наши сведения о событиях конца IX—начала X в.; своей подробностью и последовательностью изложения оно выгодно отличается от ряда других источников того времени (произведения Симеона Логофета, Арефы Кесарийского, Николая Мистика и др.). Автор жизнеописания хорошо знал Евфимия и был очевидцем многих из описанных им событий; в его распоряжении находились, по-видимому, и письменные источники. Характерна точность, с которой он употребляет термины, относящиеся к государственному управлению, имущественным отношениям. Многие его данные подтверждаются свидетельствами других источников, и это укрепляет доверие к тем сведениям, которые пока не находят себе таких параллелей. Следует, наконец, отметить и литературные достоинства этого памятника — его язык, стиль. Некоторыми своими особенностями жизнеописание Евфимия перекликается с образцами литературы той поры (например, с житием патриарха Игнатия), также не чуждавшейся историзма и бытовых тем. В то же время, как справедливо отмечалось исследователями (К. де Боор, Х. Лопарев,

А. П. Каждан), это не столько традиционное житие святого, сколько историческая биография, мемуары современника. Поэтому название, введенное К. де Боором, — *Vita Euthymii*, — разумеется, условно. Вместе с тем, не являясь житием святого, памятник этот по своей композиции существенно отличается от известных нам византийских исторических хроник. Вряд ли поэтому, как нам кажется, стоило менять еще с прошлого века укоренившееся в научной литературе название и вводить новое — также весьма условное (ср. стр. 10).

Значительный исторический и литературный интерес представляет собой и произведение Иоанна Камениаты, повествующее о взятии и разграблении Фессалоники арабами в 904 г. Читатель найдет здесь ценные сведения о ремесле, торговле, постройках этого города, уступавшего по своему значению в византийской жизни одному лишь Константинополю. Здесь содержатся важные данные о славянских племенах, населявших окрестности Фессалоники, — другувитах, сагудатах, стримонцах. Памятник этот сочетает достоверность сообщения с живостью, драматичностью изложения — автор его сам был очевидцем захвата и разграбления своего родного города и разделил тяжелую участь пленных фессалоникийцев.

Таким образом, состав очередного тома «Памятников средневековой истории» представляется весьма удачным. Перед нами во многом незамеченные источники по одному из интереснейших периодов в жизни византийского государства.

Статья А. П. Каждана, предпосланная его переводу (стр. 9—26), обрисовывает социально-политическую обстановку, о которой повествует «Псамафийская хроника» — рубеж IX—X вв. Автор хроники принадлежал, по его мнению, к столичной чиновничьей знати и выражал ее интересы (стр. 14—16). Здесь же дается характеристика источников, которыми он пользовался (стр. 19—22). А. П. Каждан отмечает и отдельные художественные особенности памятника (стр. 24—25). Статья эта представляется весьма удачной, и лишь отдельные ее положения (они, впрочем, не затрагивают существа вопроса и не являются предметом специального рассмотрения автора), на наш взгляд, недостаточно аргументированы. Так, на стр. 13 автор склонен объяснить поражение Византии в начале X в. распадом старого стратиотского ополчения, а победы ее в 60—70-х годах X в. — созданием нового типа войска — тяжеловооруженных всадников-катафрактов. Такое объяснение представляется несколько односторонним; оно не учитывает ряда факторов, определявших сложные перипетии византийско-арабских войн (в нашу задачу не входит специальное их рассмотрение). Следует отметить, что период, когда стратиотское ополчение отнюдь не переживало еще периода распада — конец VIII—первая половина IX в., ознаменован еще более тяжелыми поражениями Византии в войнах с арабами. С другой стороны, серьезный перелом в византийско-арабских войнах наступил еще до середины X в. (победы Иоанна Куркуаса в 20—40-х годах X в.). Да и во второй половине IX—начале X в. неудачи византийского оружия чередовались с крупными успехами (например, деятельность Петроны, Василия I, старшего Никифора Фоки, Андроника Дуки). При этом отдельные из приводимых автором примеров (захват Фессалоники в 904 г., победа русского флота в 907 г., поражение Имерия у Хиоса в 913 г.) свидетельствуют скорее о слабости византийского флота, чем о состоянии стратиотского ополчения.

Недостаточно убедительной представляется здесь и трактовка сцены смерти Дигениса Акрита в одноименной поэме. Слова врачей умирающему герою о том, что тот уже не поднимет своего оружия, что ушли его сила,

богатство, мужество, что скоро его скроет в себе могила (Трапезундская версия, ст. 3152 сл.), вряд ли следует безоговорочно противопоставлять традиционному церковному мировоззрению (стр. 17—18). Стихи эти говорят лишь о непрочности всего земного (ср. схожие по настроению и вполне «благочестивые» стихи Гротта-Ферратской версии — VIII, 249 сл.), о бренности плоти, но отнюдь не духа; напротив, душа бессмертна — об этом неоднократно говорится в поэме. Разумеется, «Дигенис Акрит» — произведение совершенно иного плана, чем, скажем, какое-либо житие; естественно, что смерть вызывает у героев поэмы иные эмоции, чем у христианского святого. Но хотя эмоции эти кое в чем сродни античному мироощущению, они отнюдь не выходят за рамки христианской догматики и вряд ли дают основание говорить в этом отношении о «свободомыслии» автора «Дигениса».

«Псамафийская хроника» впервые переводится на новый язык. Снабженное английским переводом издание П. Карлин-Хейтер было опубликовано, фактически, в 1958 г. и могло быть использовано переводчиком А. П. Кажданом только во время корректуры его издания. Естественно, что первый перевод такого сложного памятника, язык которого по словарному составу и грамматическому строю отличается от классических норм, потребовал немалых трудов.

Следует отметить, что в ряде случаев А. П. Каждану лучше и правильнее, чем П. Карлин-Хейтер, удалось передать текст подлинника. Это особенно относится к тем местам «Псамафийской хроники», перевод которых требовал хорошего знакомства с исторической обстановкой, точного знания реалий. А. П. Каждан не стремится дать буквального перевода, который нередко сохраняет значение каждого слова в ущерб смыслу целого. Русский текст «Псамафийской хроники» точно воспроизводит мысли автора и в то же время является почти безупречным в литературном отношении. Читателю хроники не надо в поисках смысла пробираться сквозь дебри запутанных синтаксических конструкций и косноязычных предложений, как это еще приходится иногда делать при чтении переводов с древних языков. А. П. Каждан не скрывает трудностей перевода и возможности нескольких толкований ряда мест подлинника: в комментариях приводятся варианты перевода, предлагаются конъектуры, которые делаются с достаточной филологической осторожностью. В этом смысле издание «Псамафийской хроники» выгодно отличается, например, от «слепого» перевода «Истории» Феофилакта Симокатты, опубликованного ранее в той же серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». Научно-филологический характер рецензируемого издания определяется и тем, что переводчик и комментатор в данном случае выступают в одном лице.

Критические замечания по переводу в своем большинстве касаются частностей. Приведем некоторые из них. Λέων ὁ γεγονὼς δρογγάριος, ὁ Καρακούλας (16, 16)¹ вряд ли следует переводить «бывший друнгарий Лев Катакил» (стр. 30). Причастие γεγονὼς в данном случае не относится к предпрошедшему времени. Более правильный перевод всей фразы: «Среди них был и друнгарий (или бывший друнгарием. — Я. Л., А. С.) Лев Катакил, приходившийся родственником тогдашнему патриарху Фотию». В IV главе, на наш взгляд, неверно переводится прощальная фраза письма Заутцы к Евфимию: ἔρρωσο, τίμῃς πατέρ, τὸ ἐπὶ τοῦτῳ

¹ Греческий текст всюду цитируется нами по изданию P. Karlin-Hayter. Vita S. Euthymii. Byz., t. XXV—XXVI—XXVII (1955—1956—1957), fasc. 1. Bruxelles, 1957.

σφάλμα σου διορθούμενος (28, 27—28). Перевод А. П. Каждана: «Прощай, почтенный отче. — Наставляющий тебя в этой твоей ошибке» (стр. 35). Однако причастие διορθούμενος следует, скорее, отнести к адресату Евфимию, нежели к автору письма Заутце, и, следовательно, переводить: «Прощай, почтенный отче, и исправляй эту свою ошибку». Заметим, что в другом случае, когда встречается аналогичная греческая конструкция, А. П. Каждан дает совершенно верный перевод: «Ты же будь здоров, пребывая в своем уединении и молись за меня» (стр. 51) (греческий текст: σὺ δὲ ἔρρωσο τῇ ἡσυχίᾳ σου καταπολαύων καὶ ὑπὲρ ἡμῶν εὐχόμενος — 70. 22—23).

В главе XVII в тексте ответа Евфимия на письмо Зои вместо «Мой ответ ясен из содержания *его*» (курсив наш. — Я. Л., А. С.) повелительного письма» следует читать «Мой ответ ясен из содержания *твоего повелительного письма*» (стр. 69).

Мы упоминали о том, что большим достоинством настоящего издания является наличие филологического комментария. Однако некоторые места текста, толкование которых допускает различные варианты, все-таки остались без объяснений, а в отдельных редких случаях переводчик выбирает, на наш взгляд, не лучшую возможность перевода. В начале II главы рассказывается о посещении Евфимия императором Львом в храме богоматери в Пиги. Согласно толкованию А. П. Каждана, император, поблагодарив Евфимия за молитвы и предсказания, заявил: «Ты внушал страх видящим и внемлющим» (стр. 29). (греч. θαμβοὺς καὶ ἐκπλήξεως τοῖς τε ὁρώσι καὶ ἀκούουσιν ἐπλήρου — 12. 17). Видимо, переводчик предпочитает чтение ἐπλήρου (II p. imp. med.) вместо ἐπλήρου (III p. imp. act.) и считает, таким образом, все предложение прямой речью. Естественней, однако, видеть в форме этого глагола третье лицо имперфекта действительного залога и отнести действия глагола к императору, читая всю фразу следующим образом: «Поблагодарив Евфимия за силу его святой молитвы, за утешение в тяжелую минуту отчаяния и за ясные предсказания его судьбы, он вызвал изумление у всех видящих и внемлющих».

В главе III Евфимий кончает свою обличительную речь против Заутцы следующими словами: «Ибо святой господь, который защищает императора, низвергнет и уничтожит и тебя, и весь твой род, как это было открыто мне, недостойному» (стр. 32) (τὸν θεὸν γὰρ τὸν ἅγιον ἀρωγὸν τοῦ αὐτοκράτορος κεκτῆμένου, καταβαλεῖ καὶ εἰς τέλος ὀλέσει καὶ σὲ καὶ πᾶσαν τὴν συγγενεῖάν σου, καθὼς ἐμοὶ τῷ ἐλαχίστῳ δεδῆλωται — 20.13—16). В приложении же к своему изданию П. Карлин-Хейтер приводит несколько примеров из текста «Псамафийской хроники», когда подлежащее родительного самостоятельного совпадает с подлежащим всего предложения², и считает, таким образом, субъектом в данной фразе не ὁ θεός, а ὁ αὐτοκράτωρ, т. е. должен уничтожить Заутцу и его род не бог, а с божьей помощью император. Мы согласны с тем, что русский перевод этого места дает лучший смысл, ибо «низвернуть и уничтожить и тебя, и весь твой род» — скорее должен бог, чем император. Думается, однако, что с точки зрения грамматики перевод П. Карлин-Хейтер в этом случае больше обоснован, и А. П. Каждану следовало бы в комментариях как-то объяснить свое толкование; ведь слово «бог» впервые в этой речи Евфимия упоминается в последней фразе, и переводчик делает его подлежащим предложения только потому, что оно является дополнением в genitivus absolutus.

² P. Karlin-Hayter. Op. cit., p. 162.

Как уже говорилось, перевод хроники сделан очень хорошим литературным языком. Вызывают некоторые возражение только допускающие двойственное толкование слова императора, обращенные к Заутце, отправляющемуся к Евфимию: «И если ты хочешь угодить мне, изволь принять участие в его (Евфимия. — Я. Л., А. С.) обращении к богу» (стр. 34) (греч. καὶ εἰ θεραπεύειν με βούλει, θέλῃσον καὶ σὺ τῶν αὐτοῦ πρὸς θεὸν ἐπιτυχάνειν ἐντεύξεων — 26.3—4).

Из этой русской фразы можно решить, что Заутца должен обратиться к богу. Для избежания двусмыслицы можно было бы употребить слово «обращение» во множественном числе.

Уже из характера самих замечаний видно, что они не носят категорического характера и в большинстве случаев являются не более как иными вариантами толкования текста.

Радует хорошо отредактированный и выверенный текст перевода. Нам удалось обнаружить только две незамеченные опечатки («тогд» вместо «тогда» — на стр. 69 и дважды повторенный союз «и» на стр. 80).

Превосходно выполнен А. П. Кажданом комментарий к переводу «Псамафийской хроники» (стр. 85—137) — сразу видно, что перед нами результат долгого и тщательного изучения византийской истории тех лет. Не ограничиваясь одним объяснением текста, комментатор вводит читателя в современное состояние ряда вопросов, приводит подробную библиографию. Отдельные комментарии перерастают уже в небольшие исследования — например, о дате смерти Феофано (стр. 98—99, 100—101), о примирении фотия и игнатия (стр. 106—107), о дате восстания Андроника Дуки (стр. 109—112), о Никите Пафлагонском (стр. 125—126), о посланиях Николая Мистика (стр. 129—131). Весьма полезны приложенные здесь план Константинополя (стр. 136—137) и хронологическая таблица (стр. 138—139).

Предисловие к переводу «Взятия Фессалоники» (стр. 143—158) написано Р. А. Наследовой, много занимавшейся исследованием этого источника. Р. А. Наследова вкратце излагает историю издания и изучения памятника (стр. 143—144), характеризует события, описанные Иоанном Камениатой. Остановившись на личности Иоанна и на содержании его произведения, Р. А. Наследова показывает то новое, что дает нам этот автор в сравнении с другими историками — сведения о славянских племенах Македонии (стр. 149—150), о ремесле и торговле Фессалоники (стр. 150—151) и т. д. Удачна характеристика мировоззрения Иоанна Камениаты (152—158). Замечаний к статье немного. Жаль, что Р. А. Наследова говорит лишь о предистории взятия Фессалоники и о событиях 904 г. — следовало бы уделить внимание и последствиям — экономическим, политическим, военным — этих событий. Вряд ли удачно следование латинской транскрипции (Lamus) в названии реки (ср. греч. Λάμος, араб. al-lamis, совр. Ламас) (стр. 146, 147).

Весьма квалифицированно сделан перевод «Взятия Фессалоники». Его авторы — С. В. Полякова и И. В. Феленковская, — так же как и переводчик «Псамафийской хроники», отказываются от буквального перевода, но всегда стремятся сохранить смысл и художественное своеобразие оригинала. В помещенной в «приложениях» статье С. В. Поляковой «О некоторых художественных особенностях „Взятия Фессалоники“ Иоанна Камениаты» говорится о двух стилях, явно прослеживаемых в произведении Камениаты: книжно-витиеватом стиле церковной прозы и простом, реалистическом стиле бытовой речи. Оба эти стиля умело сохранены в переводе. Даже не знакомый с наблюдениями С. В. Поляковой читатель русского текста хорошо чувствует стилистическую двойствен-

ность и своеобразие памятника. В тех местах, где слог Камениаты испытывает влияние церковного языка, русский текст изобилует архаизмами и церковно-славянизмами, его синтаксические конструкции нарочито витиеваты. Напротив, в описательных частях произведения, где Камениата безыскусно рассказывает о пережитых им несчастьях, переводчики смело вводят бытовую лексику, а в некоторых случаях идут даже на упрощение греческого текста.

Такой метод перевода представляется нам законным, поскольку русский текст правильно передает смысл и дух подлинника. Некоторое же упрощение оригинала вполне допустимо, ибо точный перевод с греческого языка, как правило, звучит тяжелее оригинала, из-за чего может исчезнуть в передаче на русский язык простота и легкость стиля подлинника. Особенно хорошо удалось переводчикам передать безыскусные и в то же время эмоционально насыщенные описания драматических событий падения города и скитания пленников.

Трудно рассчитывать на то, чтобы первый перевод на новый язык такого сложного памятника, как «Взятие Фессалоники», был вовсе лишен всяких погрешностей. Тем не менее их в переводе С. В. Поляковой и И. В. Феленковской очень мало, да и те в большинстве случаев относятся, скорее, к стилистическим оттенкам повествования, чем к его смыслу. Считаем, однако, необходимым привести некоторые из них. В «лирическом отступлении» 37-й главы Камениата говорит о том, как трудно ему описывать пережитые несчастья, и объясняет свое душевное смятение следующим образом: *ἡ γὰρ ἀνατύπωσις τῶν γεγονότων ὥσπερ πρᾶττομένων τῇ ψυχῇ διὰ τῆς μνήμης τὸν κίνδυνον εἰκονίζουσα καὶ διαμορφόσα τῇ φαντασίᾳ τὰ πράγματα, τὴν ὁρμὴν τοῦ λέγειν ἐπέχειν βιάζεται* (540. 16—19)³.

В переводе С. В. Поляковой и И. В. Феленковской: «Прошное, при помощи памяти как бы запечатлевая пережитую опасность и вверяя события разуму, убивает желание говорить» (стр. 183). Смысл этой фразы в таком виде плохо понятен из-за неудачного перевода *ἡ ἀνατύπωσις τῶν γεγονότων* как «прошное»; *ἡ ἀνατύπωσις τῶν γεγονότων* — не прошлое, а воспоминание, представление о нем. В другом месте переводчики совершенно верно переводят множественное число от *ἡ ἀνατύπωσις* как «возникающие в памяти картины» (стр. 163).

В главе 34-й, описывающей штурм Фессалоники, об одном воине-эфиопе говорится *ὁ δὲ τὴν μάχαιραν ἣν ἐτύγχανε ταῖς χερσὶ κατέχων ἀναρριπίζων, καὶ κατὰ τοῦ τείχους ἀλλόμενος, ἐπέμενε σκοπῶν. . .* (536. 15—18). В переводе С. В. Поляковой и И. В. Феленковской: «Размахивая мечом, он бросился наверх и стоял там, стараясь понять. . .» (стр. 181). На самом же деле эфиоп не «бросился наверх», а, наоборот, соскочил на стену сверху, (*κατὰ τοῦ τείχους ἀλλόμενος*), прыгая, по всей вероятности, с сооруженной на паре связанных между собой кораблей башни, по словам Камениаты, «намного превышавшей своей высотой уровень нашей стены».

В главе 42-й в заключенном в скобки предложении («у меня двое младших братьев, которые по сей день разделяли со мной и плен, и все остальные невзгоды» — стр. 186) стилистически правильное было бы употребить глагол «разделять» в настоящем времени (греч. *συγκοινωνοῦντες*). В 43-й главе отец Камениаты, обращаясь перед лицом грозящей беды к своим детям, следующим образом заканчивает свою речь: «. . . враги сначала познакомятся с вашим оружием, а потом уже я, помнящий много смертей,

³ Все ссылки на сочинение Камениаты даются по изданию: Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Bonnae, 1838, p. 487 sq.

сражаясь рукою каждого из вас, смешаю свою кровь с вашей» (перевод С. В. Поляковой и И. В. Феленковской — стр. 187). Слова «сражаясь рукою каждого из вас» — перевод греческого *καθ' ἑνα ὑμῶν ἀδλήσαντα* (p. 548.22). Думается, однако, что в них заключен более элементарный смысл, а именно: «сражаясь за каждого из вас». В начале той же речи отец Камениаты говорит: «В отличие от прочих, сраженных бедствиями, я даже не могу — так торопит меня время — подобающим образом оплакать свое несчастье» (перевод С. В. Поляковой и И. В. Феленковской — стр. 186). Из этой фразы может создаться впечатление, что отец Камениаты не имел времени оплакать свои несчастья, в то время как другие жители Фессалоники могли это сделать. Мысль же автора в данном случае другая: отец Камениаты не может, как это обычно делают сраженные бедствиями люди, оплакать свое несчастье (*μηδ' ὅπερ τοῖς ἀτυχούσιν ἐστὶ συγχεχωρημένον σχολὴν ἄγω ἄξιον τοῦ πάθους δδύρασθαι* — 547. 17—18). Заговорив уже о стилистических тонкостях, упомянем, что предложение *οὐκ εἶχον ᾧ τινὶ τοῦ λοιποῦ τρόπῳ τὸ ἀσφαλές αὐτοῖς συντηρήσονται* (534. 1—2) (речь идет о жителях Фессалоники, пришедших в ужас перед лицом наступающего врага) лучше перевести «люди не знали, как спастись», чем, как предлагают переводчики, «люди не знали, как оборониться» (стр. 180). Ведь речь идет здесь не об общей обороне, о которой, по словам самого Камениаты, никто более уже не помышлял, а об обеспечении личной безопасности, тем более, что такой перевод больше соответствует значению слова *τὸ ἀσφαλές*. Полагаем, также, что было бы уместным снабдить комментарием перевод конечной фразы 58-й главы *εἰ ποὺ δέ τι τοιοῦτον ἀγαγὼν ἔλαθέ τις, τῷ τῆς θαλάσσης δεδώκασιν ὕδατι, καὶ τοῦτῳ τοὺς διαδράντες τὸν κίνδυνον ἀμυχόμενοι, ἵνα καὶ αὐτοὶ τι μετέχωσι τοῦ κακοῦ, πολυσχιδῆ καὶ διάφορον τὴν τῶν ἐνυπαρχόντων ζημίαν ἐπαίσθανόμενοι* (569. 1—5).

Речь идет здесь о пощаженных завоевателями гражданах Фессалоники, осмелившихся принести в качестве выкупа медную и железную утварь и шерстяные ткани, которыми завоеватели пренебрегали. Предложенный С. В. Поляковой и И. В. Феленковской перевод этого места: «Если же кто тайно приносил что-нибудь подобное, они бросали в море, тем самым карая и тех, кто избежал опасности, чтобы и они, познав все возможные наказания, изведали вкус зла» (стр. 196) не совсем ясен — что бросили в море — людей или то, что они приносили? Кроме того, существует и другая возможность перевода: вместо «познав все возможные наказания» — «видя утрату разнообразного имущества». Наконец, последнее замечание, которое следует адресовать, скорее, редактору, чем переводчику: на стр. 181 (16-я строка снизу) скобка стоит на два слова левее, чем нужно, что несколько меняет смысл фразы.

Указанные здесь отдельные погрешности не могут поколебать высокой оценки перевода, сделанного в целом очень удачно и квалифицированно.

Комментарий Р. А. Наследовой к «Взятию Фессалоники» (стр. 213—241), как и предыдущий комментарий, также производит весьма благоприятное впечатление. И здесь мы встретим ряд объяснений, носящих исследовательский характер, — о другувитах и сагудатах (стр. 218—220), об отношениях между Фессалоникой и Болгарией (стр. 221—222) и др. Комментарий обращает внимание на отдельные неточности, допускаемые Камениатой (например, стр. 224, прим. 6; стр. 234, прим. 1 к гл. 41). Отмечено ошибочное толкование свидетельств памятника некоторыми современными учеными — Ф. Дворником (стр. 220), П. Лемерлем (стр. 230), А. А. Васильевым (стр. 237, 239, 240), А. Штруком (стр. 238, 239), А. Грегуаром (239, 240). К комментарию приложен план Фессалоники (стр. 240—241).

Статья С. В. Поляковой «О некоторых художественных особенностях „Взятия Фессалоники“ Иоанна Камениаты» (стр. 242—249) содержит интересные наблюдения над языком и стилем памятника. Автор показывает черты, выделяющие «Взятие» среди других образцов византийской литературы той поры, — психологизм, известная объективность автора в характеристике друзей и врагов, отход от шаблона в описании иноверцев-арабов, сочетание приподнятого церковного стиля с простым, разговорным. Публикация этой статьи в приложениях к переводу представляется весьма полезной. Благодаря ей читатель узнает не только об историко-ведческой ценности памятника, но и о ценности культурной, художественной. Вместе с тем наблюдения С. В. Поляковой свидетельствуют не об одном лишь своеобразии «Взятия Фессалоники». Они показывают и связь его с некоторыми характерными течениями в византийской литературе IX—X вв. — вниманием к быту, увлечением военной тематикой, все большей терпимостью к арабам, и, быть может, следовало сказать в статье о такой связи.

Рецензируемая книга — вторая в серии «Памятников средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». Сравнение ее с первой книгой — «Историей» Феофилакта Симокатты (Издательство АН СССР, М., 1957) — показывает, что качество публикаций этой серии заметно улучшилось. Прежде всего это относится к переводу. Как с научной, так и с художественной точки зрения перевод «Двух византийских хроник» стоит на более высоком уровне. Значительно расширен аппарат приложений. Если «Историю» Феофилакта сопровождают примечания (так они и названы в книге), то аппарат «Двух хроник» — это в полном смысле слова комментарий-исследование. Наконец, в отличие от первого выпуска, настоящее издание привлекает (правда, довольно робко) и иллюстративный материал — заимствуя его из мадридской рукописи Скилицы (стр. 89) и из греческой рукописи № 315 Государственного исторического музея (стр. 111).

Сейчас можно уже сопоставить нашу серию «Памятников» и с издаваемой Э. Иванкой в Австрии (Грац) серией (*Byzantinische Geschichtsschreiber*). В 1954—1958 гг. в этой серии вышло восемь выпусков. В отличие от нашей серии, переводы памятников часто публикуются здесь не целиком, а в тематически объединенных отрывках (I вып. — из Георгия Сфрандзи, II — из Лаоника Халкокондила, IV — из Приска и Менаандра Протектора, VI — из Феофана). Австрийская серия в большей мере носит характер популярного издания — большинство выпусков значительно уступает второму тому нашей серии по серьезности сопроводительных статей и объему комментария. С другой стороны, по сравнению с «*Byzantinische Geschichtsschreiber*», темпы издания «Памятников» оставляют желать лучшего.

Надо надеяться, что последующие тома нашей серии будут выходить без таких интервалов, как первые два. Хочется пожелать также, чтобы в большем объеме привлекался иллюстративный материал — здесь следовало бы подумать об использовании фондов наших библиотек и музеев. Желательно, чтобы получил развитие и пример «Двух византийских хроник» в отношении анализа художественных особенностей издаваемого текста. Все это способствовало бы большей популярности «Памятников» у наших читателей.

Я. Н. Любарский, А. Я. Сыркин

НЕКОТОРЫЕ УТОЧНЕНИЯ К ПЕРЕВОДУ СОЧИНЕНИЯ ИОАННА КАМЕНИАТЫ „ВЗЯТИЕ ФЕССАЛОНИКИ“

Сочинение Иоанна Камениаты «Взятие Фессалоники» посвящено захвату и ограблению города арабами в 904 г. Оно является трудом очевидца, что дает нам право относиться к нему с большим доверием. В своем сочинении Иоанн Камениата говорит не только о событиях, связанных с осадой и взятием Фессалоники. Там имеется подробное описание города, его укреплений, говорится о развитом сельском хозяйстве и оживленной торговле и ремесле. Оно дает ценный материал, проливающий свет на взаимоотношения фессалоникийцев с соседними славянскими племенами, говорит о занятиях последних.

Этот ценный византийский памятник до сих пор полностью был переведен лишь на латинский язык. На европейские языки он был переведен только незначительными отрывками. Полный перевод этого произведения на русский язык делает его более доступным для широких кругов историков-византистов, славистов, историков средневекового военного искусства и др.

Введение Р. А. Наследовой хорошо подводит читателя к памятнику. Самые подробные комментарии, составленные ею же, намного облегчают читателю понимание многих неясных мест сочинения. Большинство из них сами по себе являются ценными исследованиями, относящимися к разным вопросам, в той или иной мере затронутым Камениатой (например 6,8 и 10 примечания к десятой главе и 6 — к двадцатой относительно славянских племен и их взаимоотношений с Византией; многие примечания относительно города Фессалоники и др.).

Цель данной статьи ограничивается лишь некоторыми замечаниями о русском переводе сочинения Иоанна Камениаты «Взятие Фессалоники», изданного в серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»¹.

С самого начала нужно подчеркнуть, что перевод этого довольно сложного по своему языку памятника сделан переводчиками С. В. Поляковой и И. В. Феленковской отлично. К этому заключению привело нас самое тщательное сличение перевода с текстом оригинала. Некоторые замечания, которые мы пожелали бы сделать ниже, носят частный характер и ни в коем случае не умаляют достоинств сделанной переводчиками работы.

В 6-й главе своего сочинения Камениата описывает южную часть города Фессалоники и, между прочим, пишет (р. 495.21), что *ἄξυλον μὲν ὥς πολλὰ τῇ βλάστῃ ἔχον*. Это переведено (стр. 163): «становится безлесной; она покрыта травой». Подчеркнутыми нами в русском тексте словами переводчики, несомненно, передают *ὥς πολλὰ τῇ βλάστῃ ἔχον* оригинала. Это неправильно, так как эти слова не существуют отдельно; они связаны со словом *ἄξυλον*, и все предложение просто говорит о том, что там вообще не растут деревья; ни о какой «траве» там речи нет.

Камениата пишет, что арабами, до того как они достигли Фессалоники *πλείονας νήσους ὑπ' αὐτῶν προεκπορθήθησαν* (р. 511.20—21). Это переведено (стр. 170): «почти все острова были уже раньше разграблены ими». Во-первых, не «почти все», а многие, и, во-вторых, речь идет не об их разграблении, а об их взятии.

¹ «Две византийские хроники X века». Иоанн Камениата, Взятие Фессалоники. Предисловие Р. А. Наследовой, перевод С. В. Поляковой и И. В. Феленковской, комментарий Р. А. Наследовой. М., 1959, стр. 143—262.

Говоря о стратегии Стримона Никите, автор «Взятия» пишет, что он (р. 515.12—13) πρῶτον μὲν τοῦ θεῖου ἐπειτα δὲ τοῦ ἀνθρωπίνου φόβου ὑπερίδων. В переводе мы читаем (стр. 172): «стратиг этот презрел божий страх и повиновение». Должно было быть, что он сначала презрел божий, т. е. небесный страх, а затем и человеческий, т. е. земной страх.

В вооружении арабов было семь камнеметов, которые они διερχόμενοι τὴν Θάσον προπαράσχευασαν (р. 527.18—19), т. е. они подготовили эти машины заранее на Фасосе. Переводчики пишут (стр. 177), что арабы эти машины «забрали. . .», проходя мимо Фасоса».

По словам Камениаты (р. 528.6), фессалоникийцы πρὸς τοὺπίσω σὺν τῇ κλίμακι τούτους (т. е. арабов. — Р. Б.) ἐναπεκρίμνησαν, т. е. этих арабов, которые приставили лестницу к брустверам, низвергли вместе с лестницей. В переводе написано (стр. 178): «заставили отступить», что, разумеется, отходит от подлинника.

После того как арабам удалось поджечь несколько ворот фессалоникийцев, последние были вынуждены, чтобы избежать повторения подобного случая, между прочим, ὕδατά τε ταῖς ἐπάλξεσιν ἐν τισι προαποθέμενοι σκεύεσιν (р. 531.6—7). Это предложение переведено просто (стр. 179): «заготовили воду». Переводчики забыли, что эта вода хранилась в каких-то сосудах, что эти сосуды в свою очередь были поставлены на брустверах.

Арабы во время осады города на своих кораблях сложили башни из бревен. Поднявшись на эти башни, они стали выше крепостных стен города и, таким образом, πᾶσαν αὐτῶν κακόνειαν ὡς ἀπὸ μετεώρου χρειώδη συμβαίνειν (р. 533.17—18), т. е. Камениата образно пишет, что вся злоба арабов должна была обрушиться на фессалоникийцев сверху. В данном случае переводчики, по нашему мнению, поступили слишком свободно (стр. 180): «и их снаряды, обрушиваясь с высоты, попадали без промаха». Совершенно ясно, что из башен арабы должны были метать снаряды, а также стрелы, но в тексте подлинника в данном месте нет об этом упоминания, и не следовало бы так писать. Нам не известно также (так как об этом тоже у Камениаты не сказано), «попадали без промаха» эти не названные в тексте оригинала снаряды или нет.

В конце 33-й главы (р. 534.19) говорится о тех мерах, которые предпринимали фессалоникийцы для своей защиты, главным образом всего того, «что разжигает пламя», которое они собирались бросить в корабли противника, чтобы ἀπράκτους αὐτοὺς τῆσδε τῆς ἐπιχειρήσεως ἀποδείξωσιν. Переводчики (стр. 180) под мостоимением αὐτοὺς поняли корабли и поэтому перевели: «вывести их из строя» Это неправильно, так как, если речь шла о кораблях, должно быть не αὐτοὺς, а αὐτάς (τάς νῆας). Здесь явно речь идет об арабах; фессалоникийцы подготавливались провалить эту попытку или нападение арабов.

Все вышеупомянутые приготовления фессалоникийцев, по словам Камениаты, ἀνθρώπων τῇ ἀπορουμένων ἔργα καὶ διαβούλια (р. 534. 20—21), т. е. все это он считал «делом и помыслами потерявших голову людей». Переводчиками это передано так: «Пока эти несчастные приводили в исполнение свой план» (стр. 180).

Во время осады арабам удалось обратить в бегство защитников части стен города. Камениата, продолжая свой рассказ, говорит (р. 536.11—15): ἐπειδὴ δὲ τὸ τέλος εἶδον τῶν βεβουλευμένων (πάντες γὰρ καθάπερ ἐξ ἀνέμου φύλλα πρὸς τὴν γῆν κατεφέροντο, οὐδὲ κατὰ τῶν κλιμάκων, ἀλλ' ὡς ἂν αὐτοὺς ὁ φόβος κατήπειγεν) ἕνα τινὰ τολμηρὸν βάρβαρον. . . Αἰθίοπα τὴν χροιάν ταῖς ἐπάλξεσιν ἐπαφῆκαν. . . Этот абзац переводчиками переведен так (стр. 181): «Лишь только замысел варваров увенчался успехом (ведь горожане, подсте-

гиваемые страхом, словно листья при порыве ветра, попадали на землю), забыв о лестнице, они приказали какому-то деракому эфиопу. . . вскарабкаться на стену».

С самого начала нужно сказать, что о лестницах забыли не арабы, а фессалоникийцы (слова о лестницах, которые в подлиннике находятся в скобках и относятся к предыдущему предложению, переводчики напрасно перенесли к следующему, находящему вне скобок предложению). Камениата пишет, что фессалоникийцы находились в таком страхе, что, обращаясь в бегство, забыли даже воспользоваться лестницами, и каждый бежал как мог. Что касается «эфиопа», то его арабы «послали» (ἐπαφῆκαν) на брустверы. Переводчиками слово ἐπαφῆκαν передается совсем неправильно — «приказали вскарабкаться на стену». Вряд ли он смог без помощи лестницы или каких-нибудь других приспособлений «вскарабкаться» на стену. Эта ошибка связана с вышеупомянутой ошибкой насчет лестниц. Раз они предполагали, что о лестницах забыли арабы, то им следовало заставить «эфиопа» вскарабкаться на стену (вернее, на брустверы — ἐπάλλεις, как всюду переводчиками переведено правильно).

Теперь об «эфиопе». Только в данном случае Камениата уточняет и рядом со словом «эфиоп» добавляет τῇ χροιά, т. е. с цветом кожи эфиопа (здесь также переводчики поступили неправильно, переводя слова Αἰθίοπα τὴν χροιάν просто как «эфиоп»). Во всех остальных случаях Камениата пишет прямо «эфиопы» (р. 552.8, 13; 553.10, 20. 554.18; 556.10, 22; 560.14). По нашему мнению, во всех случаях под словом «эфиоп» он подразумевал τῇ χροιά, т. е. не человека из Эфиопии, а человека с черной кожей, чернокожего, чернотелого человека, какими именно и были арабы². В греческом языке (и в древнем, и в новом) Αἰθίοψ, как и ἀράβης: в новогреческом, означает не столько эфиопа или араба, сколько весьма смуглого человека (кстати, в русском языке слово «арап» имеет такое же значение).

Некоторые из защитников города (р. 537.16—18) τοῖς ῥηθείσι πτόμασι συχλασθέντες καὶ πρὸς τὴν φυγὴν ἀπελπίσαντας. В переводе мы читаем (стр. 182): «другие, отчаявшись найти спасение в бегстве, разбились, упав, как я рассказывал, со стены вниз». Совсем наоборот. Не потому, что часть защитников Фессалоники, отчаявшись найти спасение в бегстве, бросилась и разбилась, а так как они упали и разбились (а падающий с такой высоты несомненно сломал бы себе ноги), то больше не надеялись спастись бегством, ибо были не в состоянии бежать.

Подробно описывая состояние пленных фессалоникийцев, находящихся на вражеских кораблях, Камениата упоминает и о том, чем их кормили враги. Он говорит и о продовольствии варваров (р. 581.9—11). ἃ (т. е. τὰ τρόφιμα. — Р. Б.) γὰρ ἔτυχον λαβόντες οἰκοθεν πρὸ πολλῶν ἡμερῶν πρὸς χρεῖαν αὐτῶν οἱ πολέμοιοι, ταῦτα περιτεύσαντα καὶ πρὸς τελείαν σιτηδόνα χωρήσαντα. Перевод этого абзаца выглядит так (стр. 202): «Ведь большие запасы продовольствия, которые враги много дней назад захватили с собой, протухли». В греческом тексте ничего не написано о количе-

² Ср. И е р е м., гл. 13, § 23: «Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс — пятна свои?». Замечательно, что в армянском переводе Библии, сделанном в V в. с греческого, вместо «Ефиоплянина» (Αἰθίοψ) стоит слово «Индус», показывающее, что армянские переводчики V в. под «эфиопом» подразумевали именно чернотелого человека, а не человека, принадлежащего к определенному народу. В данном случае нас не должно смущать то, что Камениата среди варваров, осаждавших Фессалонику, упоминает καὶ τῶν ὁμορῶντων Αἰγυπτίους Αἰθίοπων (р. 512. 7).

стве этого продовольствия, было ли оно велико или нет; кроме того, протухло, (вернее, полностью протухло) не все продовольствие, которое они взяли с собой, а τὰ περιτεύσαντα, т. е. то, что осталось.

Когда вражеские корабли с варварами и пленными причалили к Криту, τότε δὴ τῶν βαρβάρων οἱ τὴν Κρήτην οἰκοῦντες οὐκ ὀλίγους ὠνοῦντο (p. 589—590), т. е. конкретно указывается на то, что покупателями пленнх были арабы, обитающие на Крите, а не греческое население острова Крита. Русский перевод этого предложения (стр. 202) — «критяне купили многих из них» — неправилен.

Камениата пишет, что купля и продажа пленнх на Крите длилась целых десять дней, что покупающие пленнх критские арабы αἰεὶ τῶν ἐδάδων νηῶν μετασκευάζουσιν τοὺς ὠνούμενους καὶ πρὸς τὴν ἰδίαν πόλιν μεταγοῦσιν (p. 590.14—15), т. е. ясно говорит о том, что покупающие пленнх арабов на своих кораблях отвозили их в свой город. Русский перевод этого предложения (стр. 206) — «корабли критян непрерывно отвозили купленных людей на берег» — неправильный. Во-первых, выходит, что торговля пленными происходила на море, что не соответствует действительности, так как все пленные и все ограбленное имущество уже до этого было вывезено с кораблей на берег для дележа между военачальниками, во-вторых, упущены те слова Камениаты, о которых мы упоминали выше, что пленнх покупало не греческое население Крита, а критские арабы.

Когда корабли ограбивших Фессалонику арабов причалили к острову Кипру и грабители стали выгружать свою добычу, она оказалась огромной (p. 596. 14—16): εἶτα ἐξεκομίζετο ἀφ' ἐκάστης αὐτῶν (т. е. νηῶν. — P. B.) τῶν τε χρημάτων τὸ πλῆθος καὶ τῶν λοιπῶν σκόλων ὥσπερ ἀπὸ τινῶν πόλεων. В русском переводе это предложение выглядит так (стр. 208): «с каждого из них стали выгружать столько золота и прочей добычи, словно это был целый город». Камениата говорит не, что «это был целый город», но что огромное количество добычи заставляло думать о том, что все это было награблено не в одном городе, а в нескольких городах. Смотрящим на эту добычу людям казалось неправдоподобным, чтобы один город Фессалоника мог дать варварам столь огромную добычу.

В русском переводе сочинения Камениаты имеются и другие, хотя и не очень важные, неточности, о которых, однако, следует сказать. Мы остановимся на некоторых из них.

Слова ἀπ' αὐτοῦ τοῦ τείχους τῆς Ἐκβολῆς ἀπαρχόμενον (p. 495.10) переведены (стр. 162) «начинающая от Эквола», т. е. опущены слова ἀπ' αὐτοῦ τοῦ τείχους — от самой стены Эквола. Неудачно переведены слова ἀναγνώστων συστήματα (p. 502.20) как «корпорации чтецов» (стр. 166): Вряд ли существовали такие корпорации; или (p. 512.5—6) слова ὄχλος ἀπονενοημένων καὶ μανιωδῶν — «сброд потерянных и на все готовых людей» (стр. 170), или же (p. 512.9—10) καὶ ταῖς ληστρικαῖς ἐπινοαῖαις τὰς σφαγὰς ἐμμελετηράντων — «имеющих на совести множество разбойничьих нападений» (стр. 170), где ни о совести, ни о каких-либо нападениях нет речи, а говорится просто о разбойничьих замыслах варваров, о том, что они думают о резне или убийстве.

Слова «ὀλακτικοὶ κύνες», встречающиеся у Камениаты дважды, один раз переведены «кидающиеся на человека псы» (стр. 175), а другой раз — «бешеная собака» (стр. 189). Ни то, ни другое неправильно. Должно быть «бредливые псы», которые, разумеется, не всегда бывают бешеными и не всегда кидаются на человека.

Слова ἐν τῷ τείχει γενόμενοι (p. 526.11—12) означают не «подняться на стену» (стр. 177), а оказаться внутри стен, т. е. проникнуть в город.

«Κατ' ἀρχὰς οὔσης τῆς νυκτός» (р. 532.9—10) означает не «еще ночью» (стр. 179), а еще в начале ночи.

«Περὶ πατὸς τοῦ τείχους» (р. 536.10—11) означает не просто «стена» (стр. 181), а, видимо, брустверы стены.

«Ὅδδ' ἐ βροντῆς» (р. 593.21) означает не «более громких звуков» (стр. 207), а «но даже грома».

В переводе «Взятия Фессалоники» имеется еще несколько подобных неточностей, на которых мы не останавливались. Но все сказанное имеет второстепенное значение и, как мы говорили в начале нашей статьи, никак не умаляет отлично, с умением дела и добросовестно сделанной работы переводчиков С. В. Поляковой и И. В. Феленковской.

Р. М. Бартикян

ОБЗОР РАБОТ ПРОФ. Д. С. АНГЕЛОВА И ПРОФ. М. Н. АНДРЕЕВА ПО ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Первый опыт марксистского пособия по истории политического строя и права средневекового Болгарского государства проф. Д. С. Ангелов опубликовал в 1951 г.¹

К этому времени историки-медиевисты народно-демократической Болгарии — в их числе и сам Ангелов — проделали уже значительную работу по критическому пересмотру ряда основных социально-экономических проблем болгарской истории и в первую очередь таких, как предпосылки и особенности возникновения Болгарского государства, характер общественного строя средневековой Болгарии, классовая борьба. Но по вопросам, связанным с административным устройством Болгарского государства, структурой государственного аппарата, сколько-нибудь обстоятельных новых работ в 1945—1950 гг. не появилось.

Еще меньше было сделано в области научного исследования болгарского средневекового права. Достаточно сказать, что еще в 1946—1947 гг. переиздавался учебник Вл. Алексиева-Младинова, в котором не только повторялись, но даже во многих случаях усугублялись методологические и политические пороки работ С. Бобчева, Н. Благоева и других буржуазных историков права.

В этих условиях естественно, что книга Ангелова не могла отличаться одинаковой полнотой и убедительностью во всех своих разделах.

Автор стремится рассматривать историю Болгарского государства и права на основе марксистско-ленинского учения о государстве и его классовом характере. Достаточно обстоятельно, с серьезной и глубокой критикой взглядов В. Златарского, П. Мутафчиева и Вл. Алексиева, обрисован процесс возникновения Болгарского государства в конце VII в. и, в частности, роль в этом процессе славян и протоболгар (10—19). В противовес утверждениям буржуазной историографии, что «государственность» была будто бы привнесена в среду славян протоболгарами, Д. Ан-

¹ Д. Ангелов. История на българската държава и право. София, 1951, 212 стр. (стеклография).

гелов показал, что предпосылки возникновения государства были созданы внутренним развитием самих славянских племен. Классовая характеристика Болгарского государства в первый период его истории была, однако, дана автором в соответствии с господствовавшими тогда среди болгарских историков воззрениями: Славяно-Болгарское государство в VII—IX вв., утверждал автор, «не было ни рабовладельческим, ни феодальным» (19), а «дофеодальным», причем термин «дофеодальное государство» толковался в духе концепции С. В. Юшкова, ныне отвергнутой марксистской историографией (19—24).

Наиболее подробно останавливался Д. Ангелов на характеристике общественного и политического строя феодальной Болгарии в X—XIV вв. (86—110). Он широко использовал не только собственно болгарские, но и сербские и византийские источники. Приходится, однако, отметить, что автору не удалось показать всей сложности процесса возникновения и развития различных форм феодальной зависимости непосредственных производителей. Говоря о положении свободных крестьян в X—XIV вв., которых он вслед за А. Бурмовым² называет еще «баштинниками», автор остановился главным образом на экономической стороне вопроса (95—96), не уделив достаточного внимания *неполноправности* крестьян, которая возникла вместе с образованием раннефеодального государства и, несомненно, во многом облегчила представителям господствующего класса эксплуатацию и закабаление «свободного крестьянства».

Хотя систематика отраслей права средневековой Болгарии у Д. Ангелова по существу еще остается старой, традиционной (вещное право, обязательственное право, личное и семейное право, наследственное право и т. д.) и автор не дает иного членения, обусловленного особенностями феодального строя и характерного только для системы феодального права³, все изложение во всех параграфах книги построено на совершенно иных принципах, чем в работах С. Бобчева, Н. Благоева и В. Алексиева. В то время как для последних главное заключалось в том, чтобы выяснить, в какой мере правовые нормы в средневековой Болгарии соответствовали «классическому» римскому праву, Д. Ангелов особо подчеркивал связь между теми или иными юридическими институтами и отношениями феодального строя, т. е. социальную обусловленность права. Историю права, как и историю Болгарского государства, проф. Д. Ангелов делил на два основных периода: VII—IX вв. и X—XIV вв. и пытался проследить — пусть даже не всегда бесспорно — изменения правовых норм, вызванное становлением и укреплением в Болгарии феодализма.

В ряде случаев автор ставил вопрос о соотношении обычаев и обычного права и о их месте в юридической надстройке феодального общества.

В 1951—1954 гг. Д. Ангелов продолжал исследование вопросов, связанных с историей средневекового Болгарского государства, уделяя особое внимание периоду с конца IX в. до турецкого завоевания. Им, в частности, был написан соответствующий раздел I тома «Истории Болгарии», подготовленного Институтом болгарской истории при БАН⁴. Раздел

² А. Б у р м о в. Зависимото население в България през XIII и XIV в. ИП, год. III (1946—1947), кн. 3, стр. 257 сл. В дальнейшем болгарские историки отказались от этого термина.

³ См по этому вопросу: Л. И. Д е м б о. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954, стр. 7 сл. Ср. выступления участников обсуждения этой книги («Советское государство и право», 1955, № 7, стр. 137—139).

⁴ «История на България», т. I. София, 1954, стр. 117—241.

этот получил высокую оценку со стороны как болгарских, так и советских ученых ⁵.

В эти же годы история болгарского права занимает все большее место в научной работе проф. М. Н. Андреева (заведующего сектором истории права Института права БАН), ранее специализировавшегося преимущественно в области римского права. Он исследовал неизученную еще рукопись Синтагмы Матвея Властаря из библиотеки Рильского монастыря и опубликовал о ней краткое предварительное сообщение ⁶. В Ежегоднике Софийского университета за 1954—1955 гг. напечатана его большая статья об обычном праве в Болгарии в период турецкого феодализма ⁷. В статье рассматриваются причины, в силу которых турки-завоеватели вынуждены были признать и санкционировать некоторые правовые обычаи, действовавшие в среде болгарского населения, превратив их тем самым в обычное право (стр. 55—66). Это обычное право вместе с каноническим правом православной церкви регламентировало семейные правоотношения болгар. Оно было действенным и в сфере гражданского обмена, за исключением тех случаев, когда болгарское население обращалось к турецким судам. Значительно более ограниченным было применение болгарских юридических обычаев в области уголовного права и уголовного процесса. По нормам обычного права наказывались лишь маловажные посягательства на собственность самих болгар (67—82). Особая глава статьи посвящена исследованию возникновения и развития обычного права, регламентировавшего отношения внутри так называемых «еснафов» — цеховых организаций болгарских ремесленников (83—95).

На основании этих работ, а так же используя в той или иной мере новые исследования других болгарских ученых ⁸, Д. Ангелов и М. Андреев подготовили большой труд «История болгарского государства и права», вышедший в свет в конце 1955 г. ⁹

Книга состоит из трех частей: 1) «Введение в историю болгарского государства и права» (стр. 5—43); 2) «Болгарское феодальное государство и право» (стр. 47—217) и 3) «Турецкий феодализм в болгарских землях» (221—335). Введение и разделы второй и третьей частей, посвященные общественному и политическому строю, написаны Д. Ангеловым, а разделы по истории права — М. Андреевым.

Во введении, кроме краткой формулировки общих задач этой отрасли историко-юридической науки, дан небольшой обзор работ болгарских буржуазных историков древнеболгарского права (5—18) и характеристика источников (19—43).

Значительно полнее, чем в упоминавшейся выше аналогичной работе 1951 г., Д. Ангелов показал теперь процесс образования Болгарского

⁵ В эти же годы Д. Ангелов совершенно переработал II часть «Истории Византии», в которой затронул ряд вопросов средневекового права («История на Византия», ч. II. София, 1952, стр. 57—64, 134 и др.).

⁶ См. «Известия на Правния институт при БАН», 1955, кн. 1—2, стр. 296 сл.

⁷ М. А н д р е е в. Към въпроса за обичайното право в България през времето на турския феодализъм. «Годишник на Софийския университет. Юрид. фак-т», т. XLVII, ч. I, 1955, стр. 53—100.

⁸ Следует отметить, что с начала 50-х годов наряду с интересными работами Ал. Бурмова, Ив. Дуйчева, Г. Цанковой-Петковой и других, посвященными VII—XIV вв., стали появляться обстоятельные исследования и ценные публикации по турецкому периоду болгарской истории В. Цветковой, В. Мутафчиевой, Н. Попова, П. Миятева и др. Турецкому периоду посвящено и больше половины первого тома «История на България» (БАН) (авторы Ал. Бурмов, Хр. Гандев и И. Снегаров). В 1954 г. вышел из печати подготовленный Институтом славяноведения АН СССР первый том «Истории Болгарии».

⁹ Д. А н г е л о в, М. А н д р е е в. История на българската държава и право. София, 1955, 340 стр.

государства (стр. 47—60). По иному — как «раннефеодальное», а не «дофеодальное» — определяет он и характер государства периода VII—IX вв. (64 сл.). Подробнее, чем в I томе «Истории Болгарии» (БАН), изложены параграфы, посвященные общественному и политическому строю Болгарии в IX—XIV вв. (82—135).

В разделе «История болгарского феодального права» после краткого введения (138—141) следуют главы «Феодальная собственность» (142—153), «Обязательственное право» (154—163), «Личное и семейное право» (164—178), «Наследственное право» (179—184), «Уголовное право» (185—199) и «Процесс» (200—215). Хотя в отношении общей структуры раздел еще сравнительно незначительно отличается от соответствующей части работы Д. Ангелова 1951 г., содержание глав уже значительно больше, чем во всех предшествующих работах, опирается непосредственно на болгарские средневековые источники. Это не значит, конечно, что М. Андреев не прибегает к сравнительно-историческому методу, но делает он это с большой осторожностью и только в действительно необходимых случаях. Изложение не перегружено излишним количеством терминов и дефиниций, заимствованных из «классического» римского права.

В первом отделе третьей части хорошо показано, каким тяжелым бедствием для турецкого народа было турецкое завоевание (222 сл.). Очень подробно, — быть может, даже излишне подробно для специальной историко-правовой работы — обрисовано культурно-просветительное и национально-освободительное движение болгар в период последних столет турецкого господства (252—267).

Второй раздел этой части — «Право в болгарских землях во время турецкого феодализма» (269—333) — в основном составлен по статье М. Андреева, о которой уже было сказано выше. Новым здесь является только первая глава «Турецкая феодальная собственность» (273—285).

Но наряду с несомненными достоинствами труд этот не лишен и недостатков, некоторые из них, правда, следует сразу же объяснить крайней скудостью источников, особенно по раннефеодальному периоду. Однако не все недостатки работы можно объяснить этой причиной.

Отметим прежде всего, что в книге нет четкой и единой периодизации истории Болгарского государства и права. Тот вариант периодизации, который мы можем прочесть на стр. 8, не учитывает *внутреннего* развития феодальной формации в Болгарии. В нем не нашли своего отражения ни период раннефеодальной монархии, ни период феодальной раздробленности. Не удивительно, что в дальнейших главах сам материал заставил авторов отойти в некоторых случаях от этой односторонней схемы, хотя полной четкости нет и здесь. Так, Д. Ангелов выделил характеристику государственного строя раннефеодальной Болгарии в отдельную главу (стр. 61—72), и это, конечно, очень хорошо, но правомерно ли закончить эту главу рубежом VIII—IX вв.? Разве X в. не относится к раннефеодальному периоду и разве государство после «реформ Крума» перестало быть раннефеодальным? Неясным остается для читателя и ответ на вопрос, когда же Болгария вступила в период феодальной раздробленности — то ли уже во второй половине X в. (см. 102), то ли только в конце XIII—XIV вв. (см. 130—131).

При вполне четкой *экономической* характеристике различных классов средневековой Болгарии не всегда обращается достаточно внимания на их *правовое* положение, хотя, как известно, при феодализме сословный момент играл весьма существенную роль. Так, например, в главе об общественно-политическом устройстве Болгарского государства в VII—VIII вв. (61—72) Д. Ангелов ничего не говорит о переменах в положении

свободного крестьянства после образования государства: еще не закрепощенное, оно, однако, стало неполноправным. Автор же ограничивается лишь тем, что несколько раз подчеркивает, что оно будто бы «не было полностью лишено участия в управлении» (65, ср. 68—69).

Неточным является и утверждение автора, что в раннефеодальный период «войско представляло собой вооруженный народ» (71).

Особенно много замечаний и вопросов вызывают главы, посвященные феодальной собственности в средневековом Болгарском государстве (142—153) и в период турецкого господства (273—285).

М. Андреев почему-то нигде не останавливается на соотношении понятий «собственность» и «право собственности» и почти всюду — во всяком случае до стр. 284 — пользуется только одним термином «собственность» — даже тогда, когда речь идет о *праве собственности*.

Неясно, далее, почему М. Андреев, признавая правомерным применение при анализе феодальных правоотношений таких понятий, как *dominium directum* и *dominium utile*, не счел возможным воспользоваться понятием *dominium eminens*, что, кажется, избавило бы автора от отождествления права верховной собственности болгарского царя как главы феодального государства на всю государственную территорию с правомочиями других болгарских феодалов на их вотчины (147—149).

Недостаточно ясно сказано и о юридической природе проиального землевладения: на одной и той же странице (150) напечатано, что «нельзя говорить о собственности проиара» на земли, а несколькими строками ниже проиия квалифицируется как одна из форм феодальной собственности. В книге признается концепция разделенной собственности и вместе с тем используется термин «полная феодальная собственность» (150).

В параграфе «Права крестьян на землю» (151—152) проф. М. Андреев утверждает, что «лично свободный крестьянин был собственником своей земли», хотя при этом характеризует его право собственности как *dominium utile* и тут же подчеркивает, что *dominium directum* на эти земли имело или государство, или феодал (152), не проводя, таким образом, строгого разграничения между категориями, отражающими правоотношения *внутри* класса феодалов (как это он сам же показал в предшествующем параграфе) и правоотношения *межклассовые*. Автор ссылается при этом на мнение; высказанное А. В. Венедиктовым в § 27 его известной работы «Государственная социалистическая собственность». Но, во-первых, А. В. Венедиктов очень настойчиво подчеркивал, что он имел в виду «лишь одну из категорий той пестрой массы вечнонаследственных держателей земли на чиншевом праве»¹⁰, а отнюдь не все так называемое свободное крестьянство; во-вторых, именно это мнение Венедиктова, несмотря на все его оговорки, вызвало наиболее обоснованные принципиальные возражения других советских ученых¹¹.

Кроме того, каковы у нас основания отождествлять болгарских крестьян, живущих на землях, верховым собственником которых считался глава государства, с той категорией чиншевиков, о которых говорил

¹⁰ А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. М.—Л., 1948, стр. 223.

¹¹ Л. И. Дембю. Указ. соч., стр. 86—87. Напомним, что акад. В. Д. Греков в 1-м издании своей известной работы «Крестьяне на Руси» (М., 1946), признававший, правда, с оговорками, возможность применения концепции «расчлененной» (по его терминологии) собственности к поземельным отношениям крестьян с помещиками, во 2-ом издании (М., 1959) от этого отказался.

А. В. Венедиктов? Разве не правильнее искать аналогию между ними и так называемыми «черносошными крестьянами» на Руси? ¹²

Почти такие же вопросы и замечания вызывает и глава «Турецкая феодальная собственность». И здесь читателю трудно составить отчетливое представление о том, какое же право имел глава турецкого государства на завоеванные турками земли. И здесь автор то отрицает применимость к турецким земельным правоотношениям концепции разделенной собственности (274) и утверждает, что спахия был «только управителем данного ему лена» (там же), то говорит о «спахийской феодальной собственности» (280). К недостаткам этой главы следует отнести также то, что в ней не показано, в чем же конкретно аграрный строй, установленный турками на Балканском полуострове, «испытал на себе влияние византийской пронии и болгарского феодального поземельного режима» (273). М. Андреев ограничился лишь этой весьма общей формулировкой, не используя даже тех наблюдений, которые уже давно имеются по этому вопросу, например о сходстве спахилука с пронией, о византийском происхождении вакуфов и т. д.

Некоторые главы книги не имеют достаточной композиционной стройности. Сошлемся в качестве примера на главу об уголовном праве средневековой Болгарии. Здесь часть вопроса о различных видах наказаний рассматривается почему-то во вступительном очерке (стр. 188—189), хотя дальше следует специальный параграф «Членовредительские и епитимийные наказания» (190—192), где этот вопрос снова рассматривается во всем объеме. Повторения нередки и при характеристике видов преступления, ибо этот вопрос тоже излагается в двух параграфах (192—199).

Значительных дополнений требовала последняя глава III части — об обычном праве в период турецкого господства (299—333). Например, в ней совершенно отсутствовала характеристика правоспособности по болгарскому обычному праву, не было показано изменение норм обычного права в связи с проникновением в болгарские земли капиталистических отношений. Теперь, спустя шесть лет после выхода этого издания, нетрудно заметить ряд его недостатков, но в то время эта книга была лучшим пособием как для студентов — юристов и историков, для которых, собственно, она непосредственно и предназначалась, так и для всех занимающихся историей болгарского народа в феодальный период.

Вскоре после издания «Истории» М. Андреев опубликовал еще две работы о болгарском обычном праве. В первой из них ¹³ внимание автора сосредоточено главным образом на тех изменениях, которые произошли (или наметились) в обычном праве, регламентировавшем договоры, в связи с развитием в болгарских землях капиталистических отношений. В статье убедительно показано, как проникновение капитализма, особенно в период после Крымской войны, меняло постепенно содержание договоров, а нередко и их форму (227—234). Удачно разработан вопрос о дееспособности по болгарскому обычному праву (стр. 220—223), т. е. как раз то, что было пропущено в 1-м издании «Истории». Вторая статья ¹⁴ носит более популярный характер, являясь в сущности как бы подроб-

¹² А. В. Венедиктов. Указ. соч., стр. 215—217.

¹³ М. Андреев. Договорното обичайно право в българските земи през последните десетилетия на турско то иго и особено след Кримската война 1853—1856 г. (ГСУ, юрид. фак-т, т. XLVII, ч. II. София, 1956, стр. 207—236).

¹⁴ М. Андреев. Българското обичайно право и неговото развитие през последните десетилетия на турско то иго. ИП, год. XII, 1956, кн. 5, стр. 59—74.

ным резюме всех предшествующих исследований автора, относящихся к этой теме.

В эти же годы М. Андреев работает и над исследованием вопросов, связанных с происхождением «Закона судного людем». Как известно, несмотря на обширную литературу, посвященную этому памятнику ¹⁵, общепринятого мнения о месте и времени его появления и о его характере — государственный ли это законодательный акт или частная компиляция — еще нет. Казалось, что наименее спорным является вопрос о месте создания «Закона судного людем»: до последнего времени большинство исследователей считало, что это памятник староболгарского права. Но с конца 40-х годов австрийский историк права А. Шмидт и чешский филолог И. Вашица пытаются доказать, что «Закон судный людем» составлен для западно-славянских стран (Паннонии или Великой Моравии).

В отличие от подавляющего большинства исследователей, интересовавшихся этим памятником, М. Андреев сосредоточивает свое внимание не на том, какие юридические источники были использованы составителями «Закона судного людем», а на выяснении вопроса о целях и задачах, ради которых он был создан. В двух своих статьях ¹⁶ автор показывает, что отбор круга правоотношений, нашедших свое отражение в «Законе», вполне объясняется теми условиями, которые создались в Болгарии во второй половине IX в. после связанного с развитием феодализма принятия христианства. Болгарское происхождение «Закона судного людем» М. Андреев подкрепляет сопоставлением содержания этого памятника с ответами папы Николая на вопросы князя Бориса. Эти исследования М. Андреева во многом достаточно убедительно опровергают аргументацию как А. Шмидта, так и И. Вашицы. Но по вопросу о времени составления «Закона» М. Андреев ограничился лишь общей формулировкой — «вскоре после крещения болгар» — и это тем более жаль, что в последние годы некоторые болгарские историки пытаются приурочить этот памятник ко времени византийского господства ¹⁷.

Проф. Д. Ангелов работал в эти годы главным образом над монографией «Аграрные отношения в Северной и Средней Македонии в XIV в.» (София, 1958). Некоторые из сделанных им при этом наблюдений имеют существенное значение для уточнения сословно-правового положения некоторых категорий зависимого населения в Болгарии в период развитого феодализма (в частности, отроков и технитариев), а также для характеристики правовых особенностей монастырского землевладения. Кроме того, Д. Ангелов принимал участие в подготовке издания «Болгарское военное искусство эпохи феодализма» (София, 1958), в котором наряду с историей отдельных войн, кампаний и сражений довольно подробно рассматривались принципы организации и комплектования вооруженных сил средневековой Болгарии и место военных органов в общей системе ее государственного аппарата.

Материал для дальнейшей разработки истории политического строя и правоотношений в болгарских землях в период феодализма давали и

¹⁵ Обширный, но далеко не полный список (с аннотациями) дан в труде В. Ганева «Законъ соудный людемъ» (София, 1959, стр. 144—157).

¹⁶ «Законъ соудный людемъ — старобългарски правен паметник» («Правна мисъл», 1958, кн. I, стр. 13—27) и «Към въпроса за произхода и същността на Законъ соудный людемъ» (ГСУ, юрид. фак-т, т. XLIX. София, 1957, стр. 111—167). Первая из этих статей с незначительными изменениями опубликована в русском переводе («Славянский архив». М., 1959, стр. 3—22).

¹⁷ См. рецензию Ал. Бурмова, Д. Косева и Хр. Христова на «Историю Болгарии» (Изд. АН СССР). ВИ, 1957, № 2, стр. 185—186.

многие новые работы других болгарских историков, опубликованные после 1955 г.

Все это дало возможность М. Андрееву и Д. Ангелову дополнить, а отчасти и переработать к 1959 г. свою «Историю болгарского государства и права»¹⁸.

Так, в главу, посвященную источникам, М. Андреев включил довольно подробный разбор «Закона судного людем» (24—30) и изложение Синтагмы Матвея Властаря (33—36). Отмечено открытие Дж. Ст. Радойичичем в архиве Хиландарского монастыря на Афоне нового списка Земледельческого закона (23—24). К сожалению, и теперь еще нет полного соответствия этой главы с текстом последующих. Например, нет анализа обширной редакции «Закона судного людем», хотя в дальнейшем авторы неоднократно на нее ссылаются (например, на стр. 184, 213, 218, 221 и др.), не сказано о причинах двойной нумерации некоторых статей «Законника Стефана Душана», хотя в тексте глав двойная нумерация встречается довольно часто (см., например, стр. 177, 247, 250 и др.). В тексте есть ссылка (например на стр. 346) на сборник Арменопула, в историко-экономической же главе о нем даже не упоминается. По-прежнему более чем кратко — всего на 2¼ страничках (50—52) — сказано об источниках периода турецкого господства.

В разделе, посвященном истории Болгарского государства, Д. Ангелов дополнил и уточнил главным образом те параграфы, в которых давалась характеристика классов и классовых отношений в XIII—XIV вв. Дополнения эти внесены из упоминавшегося уже выше исследования того же автора об аграрных отношениях в Македонии и очень полезны для характеристики феодальной аристократии (127—129) и некоторых категорий зависимого сельского населения (особенно отроков, см. стр. 130). Не понятно, однако, почему проф. Д. Ангелов и в этом издании при характеристике *сословно-правового* положения сельского населения продолжает выделять в особую категорию так называемых технитариев (131), хотя сам же в «Аграрных отношениях...» совершенно справедливо утверждал, что технитариями могли быть и парики, и отроки, что этот термин указывал не на социально-правовое положение крестьянина, а на его промысел, главное занятие¹⁹. Приходится пожалеть и о том, что Д. Ангелов не считал возможным в параграфах, посвященных военной организации Болгарского государства (112—114 и 147—149), использовать материалы труда «Болгарское военное искусство эпохи феодализма», одним из авторов которого, как уже упоминалось, был он сам. В параграфе, посвященном военной организации зрелого феодализма, есть лишь одна подстрочная ссылка на этот труд.

В разделе о социально-экономическом строе и политическом устройстве болгарских земель в период турецкого господства Д. Ангелов изменил — с учетом новых материалов — главным образом главу о национально-освободительной борьбе болгарского народа против турецкого ига (особенно стр. 305—308).

Наиболее значительной переработке подверглись разделы, непосредственно посвященные праву. Правда, и здесь не все еще главы пересмотрены с одинаковой тщательностью, и меньше всего, к сожалению, сделано это относительно глав о феодальной собственности (163—177 и 313—328).

¹⁸ М. Андреев, Д. Ангелов. История на българската държава и право. Второ переработено и допълнено издание. София, 1959, 416 стр.

¹⁹ Д. Ангелов. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV век. София, 1958, стр. 111—112.

Добавления М. Андреева носят главным образом иллюстративный характер. Уточнение формулировок осуществлено недостаточно последовательно. Например, и в этом издании автор продолжает пользоваться выражением «неполная собственность феодала на работника производства — крепостного» (166), вполне пригодным для популярной общесторической или историко-экономической книги, но не для историко-правового исследования²⁰. Нет ответа и на те вопросы, которые возникали у читателя в связи с трактовкой М. Андреевым в первом издании книги особенностей феодальной собственности. По-прежнему отсутствует и сколько-нибудь развернутое сопоставление аграрных правоотношений в период Второго Болгарского царства с правоотношениями после турецкого завоевания, хотя интересный новый материал, — правда, не слишком еще обширный — можно было бы найти в работах Б. Цветковой, В. Мутафчиевой и у других авторов, опубликовавших свои исследования после 1955 г.²¹

Очень существенно переработаны главы об уголовном праве средневековой Болгарии (217—239) и о процессе (240—257). Они значительно расширены; введены новые разделы, например «Субъект преступления» (221—224), «Вина» (224—226). Намного лучше, чем в первом издании, конкретнее и убедительнее показано развитие уголовно-правовых норм и процесса в период самостоятельного существования Болгарского феодального государства. Значительные добавления сделаны и в некоторых других главах этого раздела [см., например, главу «Договоры», § 4 главы пятой — «Отношения между родителями и детьми» — и др. Интересна «Схема порядка наследования по славянской Эклоге» (211), включенная в главу шестую].

Весьма примечательно, что автор изменил название почти всех глав этого раздела. Так, глава, ранее называвшаяся «Обязательственное право», теперь озаглавлена «Договоры», глава «Личное и семейное право» теперь разделена на две: «Правоспособность и дееспособность» и «Брак и семейно-правовые отношения» и т. д. В этом нельзя не увидеть стремления автора отказаться от распространенной, но неправильной традиции классифицировать нормы феодального права по той же самой схеме, которая характерна, в сущности, только для системы буржуазного права. Новые названия указывают лишь на то, какие *области* общественных отношений (например, брак, наследование и т. п.) регулировали нормы староболгар-

²⁰ Отметим, что у нас теперь это выражение уже не употребляется даже в экономической литературе, например в новых изданиях учебника «Политическая экономия». Непонятно, почему Ф. Морозов («Об одном опыте изложения политэкономии феодализма». «Вопросы экономики», 1958, № 11, стр. 147—152), совершенно правильно отмечая, что классики марксизма-ленинизма не пользовались термином «неполная собственность» (151), вместе с тем утверждает, что он характерен будто бы для «правовой концепции производственных отношений феодализма» (150).

²¹ См., в частности: Б. Цветкова. Принос към изучаването на турския феодализъм в българските земи през XV—XVI в. («Известия на института за българска история», кн. 5, 1954, стр. 71—153; кн. 6, 1956, стр. 115—184); е е ж е. Извънредни данъци и държавни повинности в българските земи под турска власт. София, 1958, стр. 226 (ср. рецензию на эту книгу Стр. Димитрова. ИИ, год. XV, 1959, кн. 2, стр. 94—103); е е ж е. О религиозно-национальной дискриминации в Болгарии во время турецкого владычества («Советское востоковедение», 1957, кн. 2, стр. 78—88); В. Мутафчиева. Феодалната рента, присвоявана от ленния държател в Османската империя с оглед на нашите земи през XV—XVI в. ИИБИ, кн. 7, 1957, стр. 163—200; е е ж е. К вопросу о феодальной ренте в Османской империи — принудительные выкупы в XVII—XVIII вв. КСИС, вып. 24, 1958, стр. 90—99; е е ж е. Към въпроса за чифлици в Османската империя през XIV—XVII вв. ИИ, год. XIV, 1958, 1, кн. 1, стр. 34—57. См. также: Дм. Косев. Към изясняване на някои проблеми от историята на България през XVIII и началото на XIX в. ИИ, год. XII, 1956, кн. 3, стр. 26—62.

ского права, но не утверждают, что и в средние века каждой из этих областей соответствовала самостоятельная отрасль права. «Классификация отраслей права в каждой системе права обусловлена не только наличием определенных областей общественных отношений, но также и основными принципами, заложенными в данной системе права, выражающими определяемую объективными экономическими законами структуру общественных отношений»²².

Перестроены, с очень большими добавлениями, последние главы второго раздела третьей части об обычном праве в болгарских землях в период турецкого господства (343—397). М. Андреев включил в них почти весь текст своей упоминавшейся уже выше статьи из второй части 47-го тома «Ежегодника юридического факультета Софийского университета».

Приходится пожалеть, что глава о еснафах (329—342) осталась почти слово в слово такой же, какой она была в первом издании. Ведь опубликованные после 1955 г. работы о болгарском ремесле в XVIII—XIX вв. дают возможность не только конкретизировать, но и уточнить некоторые утверждения автора. Особенно следовало бы учесть статью Н. Тодорова «О некоторых изменениях в характере цеховых организаций в первой половине XIX в.»²³, в которой, в частности, по-новому и, надо признать, интересно ставится вопрос о том, какое влияние на цеховые организации оказало развитие капиталистических отношений в болгарских землях (ср. хотя бы стр. 73 статьи Н. Тодорова и стр. 341 «Истории»).

Второе издание значительно лучше первого и в методическом отношении. Четче стали многие формулировки (ср., например, стр. 92 второго издания и стр. 79 первого или соответственно 158 и 139, 178 и 154, 180 и 155, 194 и 168, 204 и 183 и др.), более стройной структура некоторых глав (например, гл. III второго отдела второй части). Устранены отдельные повторения, и кое-где снят материал, не являющийся необходимым для данной работы (ср., например, стр. 300 второго издания и стр. 259 первого или соответственно 302 и 261—262, 308 и 266 и т. д.). Довольно широко использован петит. Но число опечаток и неточностей не уменьшилось — даже таких, которые никак не могут быть отнесены за счет типографии, вроде, например, того, что основная работа В. Златарского названа «История болгарского народа в средние века» (стр. 8, а в I издании — стр. 10).

Почти всюду, где это требуется, даны подстрочные ссылки на литературу (в первом издании был только общий список литературы). Во многих случаях в тексте указаны статьи цитируемых источников. Добавлен предметный указатель, который, понятно, значительно облегчает всякого рода справки, хотя он и недостаточно полон.

При подготовке нового издания — а оно, несомненно, потребуется — следовало бы несколько более подробно остановиться на *народных* воззрениях на государство, собственность, брак и другие институты²⁴, не превращая, конечно, книги в историю политических учений.

²² Л. И. Дембю. Указ. соч., стр. 8.

²³ ИП, год. XIV, 1958, кн. 4, стр. 44—76. Ср. Ст. Цонев. Към вопроса за разложението на еснафските организации у нас през периода на Възраждението. София, 1956.

²⁴ См. Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии. М., 1954 (особенно стр. 75—78, 92—95); Б. Примов. Към въпроса за общественно-политическите възгледи на богомилите (ИП, год. XI, 1955, кн. 1, стр. 32—48); е го ж е. Отношението на богомилите и на техни западни последователи към труда, частната собственост и държавата (ИП, год. XII, 1956, кн. 1, стр. 36—58); Ср. Н. П. Благоев. Правни и социални възгледи на богомилите. София, 1912.

Последняя из известных у нас (к концу 1959 г.) работ Д. Ангелова и М. Андреева — обширные примечания к упоминавшемуся уже выше исследованию В. Ганева о «Законе судном людем» (София, 1959 г.). Но сколько-нибудь подробный анализ этих примечаний возможен только в связи с разбором всего текста публикации, что, естественно, выходит за рамки данного обзора. Здесь достаточно сказать, что примечания по существу повторяют основные положения об общем характере и особенностях болгарского права IX в. из второго издания «Истории болгарского государства и права» и, несомненно, во многом помогают читателю правильно оценить работу В. Ганева.

Как видим, даже краткий обзор книг и статей Д. Ангелова и М. Андреева, опубликованных ими в 1951—1959 гг., убедительно свидетельствует о плодотворности исследований этих ученых в области истории политического строя и права в болгарских землях в период феодализма.

Н. Н. Леман

FREDDY THIRIET. LA ROMANIE VENICIENNE AU MOYEN ÂGE.

**La développement et l'exploitation du domaine
colonial vénitien
(XII—XV siècles). Paris, 1959, 471 p.**

Книга Фредди Тирье посвящена истории венецианских колониальных владений, но автор ограничил свою задачу и территориально, и хронологически. Его интересуют только венецианские владения в пределах Романии, под которой он понимает Пелопоннес, Аттику, Фессалию с Эпиром, Македонию и Фракию, а также островной мир, расположенный в морях, омывающих эти части Балканского полуострова. Венецианские владения в Истрии, Далмации, Албании, на Сирийском побережье лежат вне сферы его внимания, и даже Кипр и владения венецианцев на Черном море затрагиваются им лишь отчасти. Историю венецианских владений в Романии автор начинает с очень раннего времени, с XI в., но доводит ее только до конца XV в., лишь изредка, в связи с отдельными вопросами, заглядывая в XVI и XVIII столетия. Наиболее подробно характеризуется автором венецианская колониальная политика на Крите и сравнительно мало затрагиваются вопросы других колоний венецианской Романии, что объясняется как особой важностью Крита среди венецианских владений, так и состоянием источников, относительно богатых для истории Кандии и бедных для истории других венецианских колоний. Независимо от всего этого, избранная автором тема очень обширна и включает большое число разнообразных вопросов, некоторые из которых и доныне остаются глубоко дискуссионными. Работа Ф. Тирье является в исторической литературе третьим обобщающим трудом по истории венецианских колониальных владений после обстоятельных, но отчасти уже устаревших книг англичанина У. Миллера¹ и весьма тенденциозного сочинения итальянского историка Бруно Дудана².

Автор рецензируемой книги много работал в венецианских архивах, дважды совершил путешествие по районам средневекового греко-латинского мира, изучил опубликованные источники и обширную литературу

¹ W. Miller. The Latins in the Levant (1204—1566). London, 1908; idem. Essays on the Latin Orient. Cambridge, 1921.

² B. Duda. Il dominio veneziano di Levante. Bologna, 1938.

по истории Византии и Венеции, а также ряд монографий и статей по истории отдельных венецианских владений в Рومании. Плодом его занятий был ряд интересных и важных публикаций, относящихся к источникам по истории Венеции и ее колониальных владений: такова его статья о неизданных хрониках по истории Венеции, хранящихся в венецианских архивах³, регистры различных постановлений венецианского Сената, касающихся колониальных дел в пределах Рومании⁴. Изданию рецензируемой книги предшествовал ряд этюдов по рассматриваемым в ней и смежным вопросам⁵ и краткий очерк по истории Венеции, написанный для популярной серии «Que sais-je?»⁶ Эта большая подготовительная работа позволила автору дать хорошо документированное историческое сочинение, в котором читатель встретит ряд верных и интересных положений, живых описаний и впервые публикуемых текстов. Автор интересуется экономикой венецианских колоний, особенно их ролью в торговле Венеции, стремится проникнуть в глубь социальных отношений в венецианском колониальном мире. Это в особенности относится ко второй и третьей частям работы, где речь идет о венецианских колониальных владениях в XIII—XV вв.

Книга Ф. Тирье хорошо оформлена, снабжена несколькими картами, многочисленными картограммами, фотографическими снимками с тех мест, где происходили рассматриваемые в ней события. Это также относится к ее несомненным достоинствам.

Несмотря на все это, мы не можем согласиться с автором в области некоторых общих и многих частных вопросов, которые он затрагивает в своем труде. Остановимся сначала на вопросах общего характера.

* * *

Для историка-марксиста прежде всего неприемлемыми являются методологические позиции автора. Ф. Тирье, работа которого посвящена эпохе расцвета феодальных отношений в странах Восточного Средиземноморья, понимает феодализм как явление прежде всего политическое. На эту социально-экономическую формацию он смотрит глазами историка стран, которые отличала крайняя политическая раздробленность в X и последующих веках. По его мнению, феодальные отношения были связаны с разложением монархии Карла Великого (стр. 110), а не наоборот, как это было в действительности. Он берет под сомнение, правда, в довольно осторожной форме, существование феодальных отношений в Византийской империи, выводя их некоторые элементы (которые там, по его мнению, все-таки существовали) из волеизъявления государственной власти в лице василевсов (стр. 110, 111)⁷. Следуя за Дж. Луццатто, сочинения которого он высоко ценит и широко использует, Ф. Тирье отрицает наличие феодализма в Венеции (стр. 121)⁸. Это заблуждение

³ F. Thiriet. Les chroniques vénitiennes de la Marcienne et leur importance pour l'histoire de la Romanie gréco-vénitienne. Mélanges L'Ecole française de Rome, t. 66. Paris, 1954.

⁴ «Regestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie», vol. I, 1329—1399.

⁵ Sui dissidi sorti tra il Comune di Venezia e i suoi feudatari di Creta nel Trecento («Arch. Stor. Ital.», 1956) Les lettres commerciales des Bembo et le commerce vénitien dans l'Empire Ottoman à la fin du XV siècle. Mélanges offerts à A. Saponi, vol. II. Milano, 1957.

⁶ F. Thiriet. Histoire de Venise. Paris, 1952.

⁷ «En fait, cette féodalité, si féodalité il y a, procédait de l'Etat et du basileus et de lui seul» (p. 111).

⁸ «Toute forme de féodalité est-elle impensable à Venise, tant pour des raisons sociales, que pour des raisons politiques» (p. 121).

приводит его к некоторым весьма сомнительным или прямо неверным положениям. По его мнению, парики на землях государства, проиаров и вотчинников в Византии вообще и на Крите в частности не являлись тем, чем были сервы и вилланы на Западе (стр. 117). Термины венецианских источников *feudatarii* (владельцы феодалов), *cavallarie* (феодалы, обязывавшие их владельцев нести военную службу на коне), которыми в венецианских источниках характеризуются феодальные отношения на Крите, не должны, по мнению автора, «вводить нас в заблуждение»; «Коммуна не создает на острове феодальных баронов» (стр. 127). Ф. Тирье отрицает наследственные тенденции в истории венецианского проиарного землевладения и утверждает, что наследственной проиарией сделали французы и венецианцы, действовавшие по западным образцам (стр. 110, 111).

Автор склонен преувеличивать роль отдельных исторических личностей и преуменьшать роль социальных сил в истории. Он переоценивает, например, роль и значение Якопо Тьеполо, бывшего сначала дукой Крита, затем подеста в Константинополе и, наконец, дожем в Венеции. Он как будто не замечает того, что Тьеполо был лишь удачливым исполнителем требований того общественного класса, к которому принадлежал, и следовал политике венецианского патрициата, венецианских феодалов, арматоров и купцов (стр. 36, 88, 93, 98). Соглашения Венеции с отдельными феодалами трактуются автором как соглашения с местным населением, массы которого, конечно, не принимали в этих соглашениях никакого участия; таковы, например, соглашение с сеньерами Негропонта (стр. 210), переговоры с феодалами и патрициатом города Корфу (стр. 211), отношения, сложившиеся в XV в. на Крите (стр. 301).

Вызывает сомнения предложенное автором деление на фазы колониальной политики Венеции. Первый период — с конца XI столетия до 1204 г. — назван им этапом «экономического проникновения», второй период, охватывающий XIII и первую половину XIV в., — «фазой империалистической» и наконец, время с середины XIV в. и далее — «фазой федеративной» (стр. 443, 444). Можно вполне согласиться с названием первого из этих трех периодов⁹, но уже большие сомнения вызывает название второго. Дело не только в том, что термин «империалистический» не является подходящим для эпохи феодальных отношений, но и в самом существе дела: создав в первое десятилетие XIII в. удачным «империалистическим» наскоком обширные колониальные владения, Венеция в XIII и первой половине XIV в. лишь защищала их, а в «федеративный» период усиленно занималась новыми захватами — Аргос и Навплия в 1388 г., Лепанто в 1407 г., Кипр в 1489 г. и т. д. Если автор в понятие «империалистический» вкладывает тот смысл, что Венеция в этот период грубой силой подавляла всякое сопротивление ее колониальной политике, то от этих приемов она не отказалась и в следующий, «федеративный» период, как это показал разгром восстания на Крите под начальством Сиффи Властоса в 1453—1454 гг. (стр. 430, 431). Еще меньше оснований считать, что венецианская колониальная политика со второй половины XIV в. вступила в «федеративную фазу». Несомненно, жестокая борьба на Крите не могла не образумить венецианского правительства — оно довольно скоро поняло, что ему выгоднее раскалывать

⁹ Автор настоящей рецензии в одной из своих работ, опубликованной в 1950 г., назвал этот период временем «мирного проникновения в сферу жизненных экономических интересов Византийской империи» («Восточная политика венецианской плутократии в XII в.». Уч. зап. Горьковского гос. ун-та, вып. 18, 1950, стр. 127).

действовавшие против него враждебные силы, переманивая на свою сторону феодалов¹⁰. Оно вынуждено было также делать некоторые уступки и критским крепостным¹¹; однако «федерализм» венецианского колониального управления заключался лишь в том, что к управлению начали привлекаться некоторые из местных феодалов, действовавших под строгим контролем Венеции. Эвбея, Крит, Корфу и другие острова и земли отнюдь не были самоуправляющимися единицами и еще менее могли претендовать, хотя бы в принципе, на равноправное с Венецией положение, а без того и другого условия «федерация» превращается в слово, лишенное всякого содержания. Сам автор до конца своей книги справедливо называет Венецию по отношению к своим колониям выразительным словом «владычица» (*la Dominante*).

Несостоятельной является и попытка автора объявить контроль над венецианской колониальной администрацией хорошим (стр. 202). То обстоятельство, что в течение двух лет в Венеции было проведено четыре судебных процесса против колониальных администраторов, о чем сообщает нам автор (стр. 202), едва ли говорит в пользу его тезиса. На колониальную администрацию можно было жаловаться, но метрополия интересовалась лишь жалобами, шедшими из среды поселенных на Крите и в других местах венецианских феодалов, а не угнетаемых ими масс местного населения. «Венецианцы на Крите,— пишет автор,— к местному населению относились враждебно... И это отношение враждебности и презрения соответствовало желаниям метрополии, которая хотела выслушивать жалобы лишь собственных сынов» (стр. 209).

Все эти соображения не позволяют согласиться с предложенным автором делением на фазы венецианской колониальной политики. Нам кажется более простым и правильным деление ее на три следующих периода: период мирного проникновения Венеции в сферу хозяйственной жизни Романии (до начала XIII в.); период относительной стабилизации колониальной империи, созданной в начале XIII в. (от начала XIII до второй половины XV в.); период упадка и потери венецианских владений на Востоке (со второй половины XV по первые два десятилетия XVIII в.).

Используя большое количество разнообразных источников, частично неопубликованных, автор склонен переоценивать известия поздних венецианских историков и хронистов, особенно таких, произведения которых или вовсе неопубликованы, или опубликованы частично. Он без колебаний верит Даниеле Барбаро в том, что только большинством в один голос Большой совет республики в 1224 г. отклонил проект перенесения столицы венецианской колониальной империи из Венеции в Константинополь, хотя это известие ничем не может быть подтверждено и появилось в XVI в. (стр. 92, 93). Он склонен вообще высоко оценивать сочинение Д. Барбаро, писавшего по заказу Светлейшей Синьории, и ставит в упрек ему лишь то, что он много «списывал и к тому же неудачно» (стр. 16), тогда как Барбаро не только списывал, но и очень многое выдумывал. Он верит также Цанкаруоло, повествующему, между прочим, о том, что в 1202 г., в момент, когда крестоносное войнство начало собираться в Венеции, сюда явились послы Алексея III, убеждавшие венецианцев отказаться от помощи крестоносцам, хотя это известие не под-

¹⁰ Подробности см. в нашей статье «Народно-освободительное движение и классовая борьба на Крите в первые полтора столетия венецианского владычества» («Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 46, 1958, стр. 40).

¹¹ Там же, стр. 47.

тверждается никакими другими данными (стр. 19). Между тем Цанкаруоло (XV в.) жил на Крите и не мог располагать никакими документами, которыми не могли бы пользоваться А. Дандоло и Лоренцо да Моначи, писавшие — один в Венеции, другой на Крите — столетием ранее. Тирье без всякой критики принимает известие М. Санудо Младшего (писавшего в начале XVI в.), что разрыв между Венецией и Византией, происшедший в 1171 г., был ликвидирован еще при жизни императора Мануила, хотя это известие противоречит сообщению А. Дандоло и бесспорным документам, находившимся в руках нашего автора¹². Данные хроники Каллерджи, написанной для прославления рода Каллерджи в XVII в., автор ставит едва ли не выше сведений Дандоло и Моначи, называя Каллерджи «лучшим путеводителем» по истории критских восстаний, происходивших в XIII и первой половине XIV в. (стр. 152).

Излишнее доверие к известиям поздних венецианских историков и хронистов приводит Тирье в отдельных случаях к широким, но ошибочным обобщениям. Один из разделов его книги под заглавием «Полвека экономического преуспевания (1400—1450)» (стр. 410 и сл.) прямо навеян сообщением Ант. Моросини, цитатой из сочинения которого автор и начинает этот раздел. Моросини, живший в XV в., сообщает: «Наш остров Крит производит хорошую пшеницу, вино, мясо и сыр в огромном количестве (*Innumerabel quantitate*), равным образом хлопок, оливковое масло и в значительном количестве (*bonamentase*) сахар». Приняв эти слова за исходную позицию, автор, на наш взгляд, безуспешно, доказывает «экономическое преуспевание» острова в первой половине XV в.¹³

Ф. Тирье склонен также преувеличивать значение для историка далекого прошлого личного обозрения тех мест, где некогда происходили описываемые им события. Нет сомнения, что такое знакомство с географической средой исторических событий очень полезно и даже совершенно необходимо, когда историк занимается изучением местных археологических памятников, но нельзя согласиться с автором, будто бы «нельзя написать действительно серьезную историю греко-венецианской Романии, не прибегая к непосредственному знакомству с теми районами, которые ее составляли». И это — «несмотря на большое богатство сведений, которые можно почерпнуть при систематическом использовании венецианских архивов и изучении хроник» (стр. 19)! Нельзя забывать того, что социально-экономические и политические явления лишь отчасти (и далеко не всегда) обусловлены действием географического фактора; к тому же современная географическая среда мало похожа на ту, которая была несколько столетий назад, не говоря уже о том, что знакомство с хорошим географическим описанием в значительной степени заменяет непосредственное знакомство с изучаемой местностью. Насколько нам известно, В. Гейд не совершал путешествия по странам Восточного и Западного Средиземноморья, но написал такую историю средиземноморской торговли в средние века, которая остается классической и поныне.

Мы должны указать, наконец, и на некоторые изъяны в богатой картографии рецензируемой книги. Картограмма, например, на стр. 98, которая должна изображать «дипломатию» дожа Якопо Тьеполо (1229—1249), вызывает некоторые недоумения. Во-первых, на картограмму нанесены пункты, договорные отношения с которыми возникли до того,

¹² Подробно об этом ниже, стр. 339. 340.

¹³ Об этом см. ниже.

как Тьеполо стал дожем Венеции, что отчасти видно из самой картограммы — Никея (в 1219 г.), Бейрут (в 1221 г.), Кония (в 1211—1220 гг.). Во-вторых, к дипломатическим достижениям Тьеполо отнесены связи, возникшие гораздо ранее, чем это указано в картограмме: договорные отношения с Александрией существовали уже в 1217 г., с Дубровником (на картограмме — Рагуза) дипломатические отношения возникли еще в X в., а может быть, и ранее ¹⁴, кабальный же договор был навязан Венецией Дубровнику в первый раз не в 1236, а в 1232 г.¹⁵; наконец, совершенно непонятно, почему на картограмме фигурирует Задар (на картограмме — Зара); Задар в сфере влияния Венеции находился с перерывами с конца X в. и, кроме того, не входил в состав венецианской Романии, как ее понимает автор. Есть мелкие недочеты на отдельных исторических картах: такова, например, карта на стр. 83, где представлены венецианские владения в Романии после раздела империи. Здесь острова Лемнос, Тинос и некоторые другие показаны как владения вассалов Венеции, в то время как на стр. 82 совершенно правильно указано, что владелец первого из этих островов (Навигайозо) был вассалом императора Латинской империи, а владельцы Тиноса, Гизи — вассалами Марко Санудо, в свою очередь бывшего вассалом сначала того же императора, а позднее — князя Ахейского.

* * *

От замечаний общего характера перейдем к рассмотрению каждой из трех составных частей труда Ф. Тирье.

В первой части, как уже было указано, Ф. Тирье дает краткий обзор первых веков венецианской истории и достаточно подробно описывает взаимоотношения Венеции с Византийской империей. Мы не можем не отметить в этом содержательном и интересном очерке некоторых положений, которые, на наш взгляд, не могут быть приняты безоговорочно.

Когда автор говорит о бегстве на острова лагун представителей земельной знати, непонятно, какие «капиталы» он имеет в виду, благодаря которым будто бы оживилась венецианская экономика, находившаяся в период варварских вторжений на крайне низком уровне. Мысль эта брошена автором вскользь (стр. 33) и не получила дальнейшего развития, из-за чего она теряет, естественно, всякую убедительность.

Первая попытка венецианской плутократии овладеть далматинским побережьем при доже Пьетро II Орсеоло изображается автором как борьба с далматинскими пиратами, в результате которой «возникла» никогда не существовавшая в действительности «венето-далматинская федерация под венецианским председательством» (стр. 35). Автор заимствовал эту мысль из многочисленных сочинений по истории Венеции, авторы которых стремились исторически «обосновать» права Италии на далматинское побережье ¹⁶. В действительности со второй половины X в. Венеция начала настойчиво проводить политику подчинения романо-славянских

¹⁴ См. нашу статью «Возникновение Адриатического вопроса» («Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 43, 1957, стр. 103 и сл.).

¹⁵ См. нашу статью «К вопросу об установлении венецианской супрематии над Дубровником» («Научные труды Горьковского гос. пед. ин-та», вып. XIII, 1950, стр. 152).

¹⁶ Назовем некоторые из них: L. Galibert. Histoire de la république de Venise. Paris, 1847, p. 41; Eug. Musatti. Venezia e le sue conquisti nel medio evo. Verona-Padova, 1881, p. 94, 95; R. Cessi. Storia della repubblica di Venezia, vol. I—II. Milano—Messina, 1944—1946, p. 90.

городов сначала Истрии, а потом и Далмации. Некоторые из членов этой выдуманной «федерации», попав в когти крылатого льва св. Марка, отчаянно боролись против венецианского господства — достаточно вспомнить длинный ряд восстаний Задара. Поход венецианского дожа в последний год X в. явился наглядным осуществлением программы предстоящих территориальных захватов, за которые Венеция будет упорно бороться в XI в. с хорватскими королями, а в XII в. с венграми ¹⁷.

Автор полагает, что Венеция по хрисовулу императора Алексея Комнина не получила права беспощадной торговли на всем протяжении империи, а только в пунктах, специально перечисленных (стр. 39). Однако в хрисовуле 1082 г. отнюдь нет такого ограничения; здесь мы читаем: «Он (император) позволил им (венецианцам) торговать всеми товарами во всех частях империи», а перечисление отдельных географических пунктов заканчивается словами: «проще говоря, во всех землях под властью нашей благочестной милости» ¹⁸. Анна Комнина, со своей стороны, передавая общий смысл этого документа, говорит: «τὴν ἐμπορίαν αὐτῶν ἀζήμιον ἐποίησεν ἐν πάσαις ταῖς ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν Ῥωμαίων χώραις»... ¹⁹

Нам кажется, что автор преувеличивает значение одного из терминов императорских хрисовулов, где венецианцы называются *δούλοι*, в латинских текстах *recti et veri duli, dilectissimi duli*. Это — чистая формальность, условность канцелярской терминологии, за которой не кроется ничего реального (стр. 39, 49).

Торговые и иные привилегии в городах на сирийском побережье Венеции получила не в 1122 г., после морского сражения с египетским флотом, как думает автор (стр. 41), а в 1100 г., после взятия Кайфы, в период первого похода венецианского флота в воды Восточного Средиземноморья ²⁰.

Автор утверждает, что в борьбе между папой Александром III и Фридрихом Барбароссой Венеция оставалась нейтральной (стр. 50). В действительности политика Венеции была гораздо более сложной: сначала она была против Фридриха в союзе с Ломбардской лигой, а затем она вместе с архиепископом майнцским Христианом, командовавшим войсками Фридриха, осаждала Анкону, которую поддерживали лига и император Мануил ²¹.

Автор, несомненно, прав, когда он отвергает господствующее в исторической литературе мнение, что мир между Византией и Венецией, нарушенный в 1171 г., был восстановлен в 1175 г., но надо признать безусловно ошибочным его точку зрения, согласно которой восстановление мира последовало в 1179 г. — еще при жизни императора Мануила.

Для доказательства этого автор ссылается на хроники А. Дандоло и Марино Санудо Младшего (прим. на стр. 53), очевидно, не замечая, что их известия взаимно исключают друг друга. Сделаем сопоставление этих известий.

¹⁷ Н. Соколов. Возникновение Адриатического вопроса, стр. 106, 107, 108.

¹⁸ Urkunden zur älteren Handels- Staatsgeschichte der Republik Venedig..., hrsg. von G. L. Fr. Tafel und G. M. Thomas. Fontes rerum austriacarum. Diplomata et Acta (далее — FRA, DA), Bd. XII. Wien, 1856, p. 53: «et simpliciter in omnes partes sub potestate nostre pie mansuetudinis».

¹⁹ Ibid., p. 49.

²⁰ См. нашу работу «Восточная политика венецианской плутократии в XII в.», стр. 112, 113.

²¹ Там же, стр. 140.

А. Дандоло

Мар. Санудо

«Умирая, Мануил поручил опеку над наследником империи порфирородным Алексеем Андронику; но этот, презрев потом клятву, удушил Алексея и сам стал императором. Андроник, желая укрепить положение империи и расположить к себе венецианцев, по просьбе дожа освободил купцов, схваченных Мануилом, и обещал возместить убытки ежегодными взносами»²².

«В то время (речь идет о времени после интронизации дожа Орио Мастропьеро, т. е. после 1178 г.) Мануил константинопольский, к которому были направлены послы, заключил мир с венецианцами, освободил заключенных из тюрем, обещая возместить и убытки».

В высшей степени странно, что автор предпочитает известие, идущее от хрониста XVI в., данным такого первоклассного источника, как хроника А. Дандоло, писавшего двумя столетиями ранее, имевшего в своем распоряжении документальные материалы во всей возможной тогда их полноте, их тщательно изучавшего и систематизировавшего.

Желая во что бы то ни стало спасти известие М. Санудо Младшего, автор придумал такую версию: мир был заключен в 1179 г., но он-де плохо соблюдался. «Этот договор соблюдался плохо,— пишет он на стр. 53,— без сомнения, потому, что потерпевшим венецианцам надо было выплатить слишком много денег, и Мануил мало заботился о том, чтобы вернуть их в свои владения». Обосновывается этот домысел ссылкой на документ 316 из известного собрания документов по венецианской торговле в XII и XIII вв. А. Ломбардо и Мароцца делла Рокка²³. В этом документе будто бы говорится о том, что Леонардо Цорцани и Дж. Кайзоло были арестованы в Спарте в июне 1180 г. (прим. 3 на стр. 53). Автор не изучил латинский текст документа, ограничившись его итальянским заголовком, в противном случае он узнал бы, что в июне 1180 г. названные лица не были арестованы в Спарте, а давали клятвенные показания на Рияльто в пользу нескольких купцов, торговавших оливковым маслом, и что слышали они подтверждаемые ими слова в пользу этих купцов тогда, когда «тою зимой мы были арестованы в Спарте наместником константинопольского императора»²⁴. Значит, арест имел место зимой, которая названа «тою зимой» без указания года, но, очевидно, не зимой и тем более не летом 1180 г. Такой аргументацией обосновать вывод автора нельзя: Леонардо Цорцани и Дж. Кайзоло были жертвами арестов 1171 и последующих годов — это доказательство не в пользу мира 1179 г., который якобы плохо соблюдался, а, скорее, против него, так как неизвестно, когда и при каких обстоятельствах этим двум венецианцам удалось выбраться из Спарты.

Для решения вопроса о том, был ли заключен мир при Мануиле (в 1175 или 1179 г.), или при Андронике (в 1182 или 1183 гг.), т. е. прав ли М. Санудо или А. Дандоло, в руках нашего автора были бесспорные документы, но он не воспользовался ими надлежащим образом, а пред-

²² Автор неправильно указывает место из «Хроники» Дандоло; в действительно-сти это сообщение находится не в 260, а в 309 колонке «Хроники» по изданию Л. А. Муратори (L. A. Muratori. *Rerum italicarum scriptores*, t. XII). Сочинение М. Санудо — в том же издании, т. XX, кол. 521.

²³ «Documenti del commercio veneziano». Torino, 1940, vol. I—II.

²⁴ «Nos eramus in illo iberno a Lacedemonia quando retenti fuimus a bajuli imperatoris Constantinopolitani».

почел следовать по стопам Шаландона и Бесты, у которых этих документов не было. Документ 348 из того же собрания торговых документов прямо говорит о том, что мир с Византией не был заключен и в 1181 г., но была перспектива на предстоящее его заключение²⁵. Наш автор знает этот документ, даже ссылается на него (стр. 54), не изучив, по-видимому, как следует его содержания. Более того, он сам приводит еще один документ, который также опровергает версию о заключении мира с Мануилом в 1179 г. Это — договор с Пизой от октября 1180 г., который, как пишет автор, «запрещает пизанцам отправляться из Венеции в Романию до тех пор, пока будет существовать состояние войны между Коммуной и василевсом» (прим. 3 на стр. 53).

На странице 54 автор уже правильно говорит о заключении Венецией мира с Андроником в 1183 г. и о том, что Андроник не только обязался возместить причиненный венецианским купцам в 1171 г. ущерб, но и начал выполнять это обещание и что венецианские купцы не могли пострадать во время «латинского погрома» в 1182 г. Однако недостаточное внимание к источнику и здесь приводит автора к ошибочным замечаниям. Он утверждает, ссылаясь на документ 336 из упомянутого сборника, что и в 1183 г. греческие власти продолжали преследовать венецианских купцов. Тирье пишет: «В январе 1183 г. купеческий корабль, следовавший из Коринфа в Константинополь, был захвачен византийской галерой, а груз конфискован» (прим. на стр. 54). В действительности в 1183 г. ничего подобного не было. Текст документа 336 гласит: «Мы, Энрико Витале да Маццародо и Джакомо Бадзоэр, свидетельствуем, что некоторое время тому назад (*quondam retro tempore*), когда мы на корабле следовали из Коринфа в Константинополь, по распоряжению константинопольского императора подошла к нам галера и захватила нас со всеми нашими товарищами (*nostri socii*), которые были на названном выше корабле, и привели нас и весь наш груз в Родосто, где он и оставался в полном его (императора) распоряжении». Показание это названные выше лица дают в 1183 г. на Риальто, в Венеции. Таким образом, документ говорит все о том же разгроме венецианцев императором Мануилом в 1171 г., и освобожденные к 1183 г. купцы дают в Венеции различные показания по старым торговым делам. Совершенно такой же документ мы имеем от мая 1183 г. (см. № 338), где другой купец, Дж. Джусто, говорит еще яснее: «Удостоверяю. . . , что некоторое время назад (*quondam recto tempore*), после того как венецианцы по распоряжению императора Мануила были захвачены во всех землях Романии, я подвергся заключению в Спарте, и тогда же (*tunc temporis*) Вивiani Фальеро, который таким же образом был подвергнут заключению, обратился ко мне и Аркадию Барбо. . . , который находился там же (*Qui ibi similiter erat*). . . » (далее речь идет о старых операциях по торговле оливковым маслом).

Из всего этого можно сделать только один вывод: автору, в руках которого были все необходимые данные для того, чтобы похоронить легенду о восстановлении нормальных отношений между Византией и Венецией при Мануиле, следовало покончить с ней, а не пытаться подкрепить ее неправильно истолковываемыми данными документов.

Едва ли правильным является упрек Тирье в адрес венецианцев, не воспрепятствовавших английскому королю Ричарду захватить остров Кипр, как это, по мнению автора, следовало сделать на основании обязательств по договору с Исааком от 1187 г. (стр. 56). Венецианцы брали

²⁵ См. нашу работу «К вопросу о взаимоотношениях Венеции и Византии в последние годы правления Комнинов». ВВ, V, 1952, стр. 149, 150.

на себя по этому договору обязательство защищать лишь владения Исаака, которому Кипр уже не принадлежал, так как ещё при Андронике мятежный феодал Исаак Комнин захватил этот остров и провозгласил себя императором²⁶. Кроме того, Исаак Комнин, владея островом, находился в союзе с Саладином и, следовательно, являлся одновременно противником и Ричарда, и Венеции, флот которой принимал участие в Третьем крестовом походе²⁷. Тирье называет захват Кипра началом раздела империи (стр. 56) — скорее, это было началом ее феодального раздробления.

Автор проводит резкую грань между политикой Исаака Ангела и политикой его брата Алексея в отношении Венеции, считая политику первого благоприятной для республики св. Марка и приписывая второму «систематическое благоприятствование генуэзцам, пизанцам и дубровчанам за счет венецианцев» (стр. 56). Это неверно: договор Венеции с Алексеем III был не менее благоприятным для венецианцев, чем договор с его предшественником, а конкуренты Венеции по-прежнему не располагали теми привилегиями, которые она приобрела более ста лет назад.

Далее, он утверждает, что договор 1198 г. не способствовал «очищению отравленной атмосферы 1171 г.», и «венецианцы, подвергаясь постоянно дурному обращению, редко показывались в империи». Доказывается это ссылкой на незначительность числа документов, относящихся к венецианской торговле с Византией после 1198 г. Действительно, таких документов на время правления Алексея III приходится меньше, чем на предшествующее царствование, но доказательная сила таких сопоставлений очень невелика и требует дополнительной аргументации. Торговые документы XII и XIII вв. по разным причинам дошли до нас в малом количестве — об этом говорят издатели документов; это видно из того, что в среднем на один год правления Исаака приходится лишь восемь документов для торговых сделок всех видов, что, конечно, составляет лишь ничтожную долю действительно заключенных договоров и сделок. На время правления Алексея III в среднем на один год приходится пять документов. Значит ли это, что торговые обороты Венецианской республики за семь лет последнего десятилетия XII в. снизились по сравнению с предшествующим десятилетием на 37,5%, как это следует из такого сопоставления?

Другим доказательством является ссылка на активизацию военных действий Пизы против Венеции и появление ее в Адриатике. «Венецианцы, — пишет Тирье, — испытывали в Адриатике трудности, обязанные своим происхождением не только венгерскому давлению, но и наступательной политике пизанцев, призванных жителями восставшего Задара. Венецианцы полагали, что василевс не был чужд этой адриатической коалиции» (стр. 61). Здесь в немногих словах заключено очень много ошибочного: никакой адриатической коалиции в конце XII в. не существовало; Задар отразил нападение Венеции в 1187 г. при помощи венгров, но без участия Пизы, с которой он заключил договор в 1188 г. и которая тогда в водах Адриатики не показывалась; пизанские корабли появились здесь лишь в 1194 г. в связи с восстанием Пулы и были быстро отсюда изгнаны; в 1196 г. Венеция и Пиза заключили мирный договор; ареной новой вражды в 1201 г. были не владения Византии, а город Бари. Отсюда ясно, что у Венеции не было никаких оснований подозревать во всем этом Алексея III, тем

²⁶ L. de Mas-Latrie. Histoire de l'île de Chypre. Paris, 1861, vol. I, p. 4.

²⁷ W. Norden. Das Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903, S. 121.

более, что Венеция уже целое столетие время от времени воевала с Пизой²⁸.

Для доказательства плохих отношений Венеции с Алексеем III автор указывает еще на то, что переговоры 1196—1198 гг. протекали «трудно», и договор «потребовал трех лет тяжелых переговоров» (стр. 59). Эта «трудность», однако, была обусловлена не отрицательным отношением Алексея III к Венеции, а самим существом переговоров. В это время Генрих VI готовился к экспедиции на Восток. Алексей III, естественно, хотел заручиться помощью Венеции на случай нападения германского императора на византийские владения, а Венеция, столь же естественно, не хотела связывать себя подобным обязательством. Смерть Генриха VI в 1197 г. обеспечила быстрое заключение договора между сторонами в 1198 г.

У нас нет достаточных оснований говорить о каком-то особом ухудшении отношений между Венецией и Византией накануне IV крестового похода. Установить это очень важно, так как историки этого похода, используя известное замечание Никиты Хониата, нередко выдвигают мнимо враждебные отношения между Венецией и Алексеем III в качестве одной из причин, толкнувших Венецию организовать поход на Константинополь²⁹.

Едва ли правильно Тирье считает XII в. «золотым веком» венецианских экономических связей с Византией (стр. 40). Эти отношения в XII в. испытали немало превратностей: с 1118 по 1126 г. венецианцы лишены были Иоанном Комнином торговых привилегий, которые были дарованы им хрисовулом его отца; в 1171 г. венецианские колонии на территории Византийской империи были разгромлены императором Мануилом, византийские порты на целых десять лет сделались недоступными для византийских торговых кораблей; не без затруднений налаживались отношения при Исааке и Алексее Ангелах; Пиза с 1111 г. и Генуя с середины XII в. пользовались в Константинополе и других городах империи значительными льготами, беспокоившими венецианских политиков, и с одной из этих республик Венеция несколько раз в течение столетия должна была вести вооруженную борьбу за преобладание в торговле с Византией.

Наконец, еще одно замечание по первой части книги. Автор не раз высказывает мысль о том, что не только венецианским, но и другим западным купцам был полностью закрыт доступ в Черное море (стр. 39, 62). Это, конечно, неверно: в «Слове о полку Игореве», появившемся во второй половине XII в., отмечается присутствие в Киеве венецианских купцов (пусть это доказательство косвенное, но есть и прямое: хорошо известен хрисовул императора Мануила, относящийся к 70-м годам этого же столетия, где специально оговаривается право генуэзских купцов посещать все порты Черного моря, кроме России и Матрахи)³⁰.

* * *

Предыстория IV крестового похода отнесена автором к первой части его труда. Мы рассмотрим ее в связи со второй его частью.

²⁸ См. нашу работу «Борьба Венеции за преобладание на Востоке с западными итальянскими республиками в XII и XIII вв.» («Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 46, 1959, стр. 60, 61).

²⁹ Укажем для примера на книгу М. А. Заборова «Крестовые походы» (М., 1956, стр. 197).

³⁰ ММ, III, р. 35.

На наш взгляд, Ф. Тирье правильно лишает венецианских государственных деятелей начала XIII в. дара сверхчеловеческого предвидения, которым наделяют их сторонники составленного уже в 1201 г. (в Венеции или при ее участии) плана изменения направления Четвёртого крестового похода. Он пишет: «Мало вопросов возбудило столько дискуссий, как вопрос об изменении направления Четвёртого крестового похода, в котором некоторые историки усматривали задолго задуманную венецианскую махинацию» (стр. 64). Тирье отрицает это; по его мнению, венецианцы хотели лишь укрепить свои позиции в Константинополе, отнюдь не думая о его завоевании. «Завоевать Константинополь, — пишет он, — было непосильной задачей для небольшого купеческого города» (стр. 65).

Разделяя в целом этот взгляд, мы, тем не менее, должны возразить против некоторых положений автора.

Прежде всего, нельзя согласиться с таким его заявлением: «Крестовый поход возглавлялся представителями среднего слоя феодалов, которых толкал вперед на этот раз религиозный энтузиазм в гораздо большей степени, чем политические притязания или экономические выгоды» (стр. 67). Известно, однако, что участники Четвертого крестового похода настолько бесстыдно демонстрировали не религиозные, а именно политические и экономические цели, что некоторые буржуазные историки не считают возможным поместить этот поход рядом с другими крестовыми походами³¹.

Автор утверждает далее, что «договор о перевозке ничего не говорит о цели похода». Из этих слов видно, что он не изучил текста этого договора, в противном случае он прочел бы там следующее: «Мы, Энрико Дандоло, божией милостью дож венецианский, далматинский и хорватский, выслушав вас, послов, познакомившись с представленными вами грамотами... и вспомнив о наших предшественниках, которые в свое время с большим успехом (magnifice) помогали Иерусалимскому королевству, за что, с соизволения божия, восприняли честь и славу, . . . возрадовались в глубине сердца своего». Несколько выше: «Зрело обдумав (предложение крестоносцев) и видя, что нет лучшего средства оказать помощь св. земле и сокрушить врагов её, как действовать с вами (крестоносцами) заодно, мы (венецианцы), по воле божией, берем на себя эту службу (транспортировка войск крестоносцев)»³².

Правильно отмечая, что в договоре не было указано направление похода, автор рецензируемого труда объясняет это стремлением держать в тайне этот военный вопрос. Ссылаясь на Виллардуэна, который сообщает, что при переговорах в Венеции речь шла о походе в Египет, он пишет: «Это решение держалось в секрете» (стр. 68). С таким объяснением согласиться трудно: поход шумно готовился уже больше двух лет, сам папа и ряд проповедников похода не скрывали намерения сокрушить Египет, нанести удар в самое сердце мусульманского государства, державшего в своих руках Палестину. При таких условиях не имело ни малейшего смысла умалчивать о направлении похода из военных соображений в договоре, который опубликовывать не было никакой необходимости. Это умолчание, на наш взгляд, объясняется гораздо проще: крестоносцы и сами еще не знали, направятся они в Египет или в Сирию. Весной 1201 г. вопрос этот решен еще не был. Согласно Роберу де Клари, Бонифаций Монферратский обсуждает с баронами этот вопрос, причем во время позднейших споров, поднимавшихся в крестоносном войске о дальнейшем направлении похода, рядом с Каиром, Константинополем, Александрией

³¹ W. Stevenson. The crusaders in the East. Cambridge, 1907, p. 296.

³² FRA, DA, vol. XII, p. 365, 364.

упоминалась также и Сирия³³. Виллардуэн прямо указывает, что ряд французских баронов стоял за сирийское направление похода³⁴. Крестоносцы, не пожелавшие отправиться под Константинополь и не вернувшиеся обратно, направились в Сирию³⁵. Сам Иннокентий III, сторонник египетского направления похода, в одном из своих писем объявлял крестоносцам о том, что он не связывает их определенным направлением похода: «Мы позволяем вам вместе с ними (венецианцами) направиться морем или в землю сарацин, или в иерусалимскую провинцию»³⁶. Этот вопрос оставался нерешенным и для участников Пятого крестового похода, когда одна часть их направились в Сирию, а другая — в Египет. В свете этих фактов легко понять положение сторон, заключавших договор: послы баронов должны были просить венецианцев оставить этот вопрос открытым до того момента, когда крестоносное воинство соберется в Венеции. У венецианцев не было никаких оснований возражать против этого, так как их «служба» определялась не пространством, а временем. Их злокозненность и скрытые планы, которые в связи с этим вопросом приписывались венецианцам³⁷, равно как и соображения военной конспирации, здесь были, надо думать, ни при чем.

Трудный вопрос о разделе империи автор трактует в основном правильно: он хорошо различает «бумажные» права Венеции по разделу византийского наследства и действительно полученные ею территории, удачно иллюстрирует те и другие картами (стр. 77 и сл.), отличает собственные владения Венеции от захватов венецианских феодалов, ставших ленниками империи. Однако и здесь не все его положения могут быть приняты безоговорочно. Неправильно его заявление, что венецианцы не стремились к захватам больших территорий на континенте (стр. 106), что «народ лагун» будто бы «мог питать только отвращение к политике, которая влекла за собою территориальные завоевания с последующей их перманентной оккупацией» (стр. 105). Стремление Венеции к таким приобретениям бесспорно: она получила большой комплекс земель во Фракии, проектировала присвоить себе значительные территории в Эпире, получила по разделу империи почти весь Пелопоннес. Если же она не овладела всеми этими территориями, то по причинам, от нее не зависевшим: из Фракии венецианцы были выбиты восставшими греками и войсками болгарского царя с его союзниками-половцами, Эпир был захвачен основателем деспотата Михаилом Ангелом, а Пелопоннес попал в руки Жоффруа Виллардуэна, племянника историка Жоффруа Виллардуэна — маршала Шампанского. Этому заявлению нашего автора противоречат также и такие факты дальнейшей колониальной истории Венеции, как захват Кипра, Пелопоннеса, Крита, обширные приобретения на итальянском континенте.

Мы считаем, что автор рецензируемой книги совершенно напрасно доводит до крайних пределов ошибку, которую мы встречаем у некоторых историков³⁸. Мы имеем в виду утверждение, что венецианцы в захваченном

³³ Robert de Clari. La prise de Constantinople. — C. H o p f. Chroniques gréco-romanes inédites ou peu connues. Berlin, 1873, p. 5, 11.

³⁴ J. Villehardouin. La conquête de Constantinople, ed. A. Pauphilet. Historiens et chroniques du Moyen âge. Paris, 1952, p. 115.

³⁵ Ibid., p. 110, 113.

³⁶ PL, vol. 245, col. 107, 108.

³⁷ G. F. Herzberg. Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches. Berlin. 1883, S. 350; точно так же — следующий за Герцбергом М. А. Заборов (указ. соч., стр. 197, 198).

³⁸ E. Gerland. Geschichte des lateinischen Kaiserreiches von Konstantinopel. Hamburg, 1905, S. 58; C. M a n f r o n i. Storia della marina italiana. Livorno, 1899, p. 494.

Константинополе стремились стать во главе всех восточных приобретений Венеции и даже оторвать колонию от своей метрополии. Указав на различные опасности, которые угрожали наследникам Византии на Востоке, (восстания греков, нападения болгар), Тирье пишет: «Но не в этом была самая большая опасность для Венеции. Она заключалась в сепаратизме, который не замедлил обнаружиться среди венецианцев на Востоке. . . Венецианцы, утвердившись в качестве хозяев на Леванте, обнаружили тенденцию оторваться от своего отечества, в покровительстве которого они, казалось, не нуждались». И далее: «Венецианской коммуне понадобилось 15 лет, для того чтобы полностью сломить этот опасный сепаратизм» (стр. 74).

Возражая против этого тезиса автора, мы должны рассмотреть аргументы, которыми он пользуется для его обоснования. Они немногочисленны и крайне шатки.

Энрико Дандоло умер 1 июня 1205 г. Венецианское войско поспешило избрать вождем Марино Дзено, который и принял часть титула умершего дожа, именно титул константинопольского подеста, властителя четверти и полчетверти Романии. Автор усматривает в этом узурпацию и сепаратистские тенденции; однако в Венеции не видели в этом ничего предосудительного, и когда там был избран дожем Пьетро Цiani, он немедленно утвердил Марино Дзено в его звании, как об этом сообщает сам Тирье (стр. 79).

Марино Дзено был окружен советниками, сносился с императором и принимал участие в укреплении империей (стр. 80). Все это верно, но совершенно так же поступали и все константинопольские подеста и после 1219 г., когда, по мнению Тирье, с сепаратизмом было покончено.

Марино Дзено подтвердил ленные права некоторых венецианцев на пожалованные им ранее феодалы. Это произошло 29 июня 1205 г., когда дож еще не был избран, и подеста, естественно, считал себя в праве принимать такие решения.

Марино Дзено вместе с императором Генрихом инфеодировал Адриано-поль Феодору Вране. Причиной этого был разгром венецианцев и крестоносцев под этим городом летом 1205 г. и очевидная невозможность для венецианцев держать в повиновении местное греческое население. Автор видит в этом проявление самовластия со стороны подеста, стремление к независимости от Венеции (стр. 80). Но, во-первых, у Тирье нет доказательств того, что это не сделано по прямому указанию из Венеции; во-вторых, 25 фунтов золота, которые по условиям контракта «обязан был ежегодно платить венецианцам Феодор Врана», должны были поступать в Венецию, а не в Константинополь; наконец, не только сам Врана, но и «все капитаны, которые будут в дальнейшем», и весь «народ адриано-польский» должны были принести присягу на верность дожу, а не константинопольскому подеста³⁹.

Сообщая о том, что константинопольский подеста Якопо Тьеполо в 1218—1219 гг. заключил соглашения с никейским императором и иконийским султаном от собственного имени, Тирье еще раз указывает на «автономистские тенденции константинопольских венецианцев» (стр. 89—90). Однако в письме Тьеполо, направленном дожу Пьетро Цiani в том же 1219 г., тот сообщает ему, что он, подеста, действовал «в соответствии с теми указаниями, которые вы дали нам в вашем письме»⁴⁰.

³⁹ FRA. DA, vol. XIII, p. 18 sq.

⁴⁰ Ibid., p. 218.

Самым сильным аргументом в пользу тезиса Тирье надо считать грамоту от октября 1205 г., по которой Марино Дзено «уступает» Венеции из доставшегося ей византийского наследства все владения по берегам Ионического моря и остров Корфу. Грамота дает основание автору заявить следующее: «Акт освящает территориальный раздел венецианской Романии на западную часть, относимую к метрополии, и восточную, предназначенную для венецианцев Константинополя. Похоже было, что единство Венецианского государства было серьезно скомпрометировано» (стр. 81). Нам кажется, что если мы будем рассматривать грамоту не изолированно от всего хода событий и не с формальных позиций, то она не дает оснований для таких далеко идущих выводов. Грамота представляет собой заключительный этап раздела доставшихся Венеции «четверти и полчетверти» Романии. Восточные области были уже поделены — и, конечно, в первую очередь между участниками похода. Раздел был произведен не Марино Дзено, а дожем Энрико Дандоло, и продолжался он осенью и зимой 1204 г., весной и отчасти летом 1205 г., причем, как это видно из нашего документа, лены получили венецианцы и *homines, qui venerant in fidelitate et servitio domini Venetie ducis*, т. е. ленники, принесшие ленную присягу на имя дожа и послужившие ему, а не константинопольскому подеста ⁴¹. Удовлетворив феодальные претензии видных участников похода, подеста и его советники нашли нужным передать западную долю византийского наследства для раздела между венецианцами, не принимавшими участия в походе, или какими-нибудь другими претендентами на это наследство. Этот шаг подеста и его советников тем более понятен, что западные территории еще не были в руках Венеции, их еще надо было завоевать, и среди новоявленных феодалов Востока не было охотников взяться за это, как потом оказалось, безнадежное дело. При таком понимании этого документа, а оно нам кажется единственно правильным, не может быть и речи о каком-либо константинопольском сепаратизме.

Мы рассмотрели все аргументы автора в пользу его теории; теперь остановимся на тех аргументах, которые говорят против нее и которые автор при рассмотрении данного вопроса игнорирует.

В документе от февраля 1206 г. Марино Дзено именуется себя «подеста в Константинополе по поручению и воле господина нашего Пьетро Цини, божьей милостью славного дожа Венеции, Далмации, Хорватии и повелителя четверти и полчетверти империи Романии» ⁴². В документе от 1207 г. дож с тем же пышным титулом уступает рыбные ловли в Константинополе монастырю св. Георгия в Венеции ⁴³. От 1209 г. мы имеем три документа, в которых Равано де Карчери и другие феодалы на Эвбее и Жоффруа Виллардэун на Пелопоннесе признают себя ленниками дожа Пьетро Цини ⁴⁴. В 1211 г. дож от своего имени направляет венецианских феодалов на Крит. В 1216 г. делаются новые уступки земель на Негропонте от имени дожа ⁴⁵. В 1217 г. незадачливый «император» Пьер де Куртне подтверждает дожу все его права на владения в Романии и связанные с ними привилегии ⁴⁶. В 1218 г. заключен договор дожа с Генуей, которым Лигурийской республике были предоставлены определенные права на всей территории Романии ⁴⁷.

⁴¹ Ibid., vol. XII, p. 570.

⁴² Ibid., vol. XIII, p. 4.

⁴³ Ibid., p. 47—48.

⁴⁴ Ibid., p. 89 sq., p. 96 sq.

⁴⁵ Ibid., p. 129 sq., p. 175 sq.

⁴⁶ Ibid., p. 194—195.

⁴⁷ Ibid., p. 202, 203.

Совершенно невероятно, далее, чтобы в тот момент, когда шла борьба за удержание захваченной добычи, захватчики стали в оппозицию к Венеции, откуда они только и могли черпать силы и средства для отражения всяких покушений на отнятые у Византии земли. Мы имеем здесь в виду войну с болгарами до 1207 г., которая едва не привела к гибели только что основанную империю, борьбу против итальянских феодалов, сподвижников Бонифация Монферратского, после 1207 г., первые столкновения с империей Ласкарисов около этого времени, опасность со стороны Генуи, исчезнувшую лишь в 1218 г. Став на точку зрения автора, трудно понять, почему в тот момент, когда все эти трудности миновали (в 1219 г.), новый подеста, Якопо Тьеполо, которого автор также заподозривает в сепаратистских тенденциях, вдруг круто изменил свою прежнюю позицию.

Нам думается, что никаких сепаратистских тенденций в новых владениях Венеции не было. Было другое: Венеция еще не имела достаточного опыта по управлению колониями. В своих владениях в Истрии, на островах Кварнеро и Далмации она или полагалась на органы местного самоуправления (в городах Триест, Пула, Ровинь), или инфеодировала свои владения собственным нобилям (на островах Црес, Раб, Паг), или, наконец, объединяла оба этих метода, ставя над городским самоуправлением своих комитов и епископов (Задар). Обстановка на Востоке была такова, что ни один из этих методов не отвечал нуждам момента. Первый константинопольский подеста совмещал в своем лице и дожа республики и, естественно, занимал здесь в 1203—1205 гг. исключительное положение. После смерти Энрико Дандоло суровая военная обстановка не допускала медлительных сношений с республикой и выборов там нового подеста — он был в лице Марино Дзено избран войском на месте, в Константинополе, и у венецианского правительства не было оснований возражать против этого. Некоторое время он выступал в стиле своего предшественника — отсюда его титул «доминатора четверти и полчетверти империи Романии». В Венеции еще не была создана стройная система управления новыми колониями, которую мы видим позднее; не было определенного порядка назначения колониальных магистратов, твердых сроков их пребывания у власти, не были определены их полномочия, не был выработан стиль их канцелярий. Неурегулированность взаимоотношений новых колоний с метрополией и канцелярскую неразбериху нельзя принимать за проявление политического сепаратизма.

Вопреки ошибочному мнению некоторых историков Венеции, склонных считать венецианские колонии убыточными для метрополии⁴⁸, Ф. Тирье правильно считает их экономически выгодными (стр. 221). При всем этом отдельные его суждения, относящиеся к колониальной политике Венеции, нуждаются в существенных поправках или дополнениях.

Выясняя причины упорной борьбы населения Крита против венецианского владычества, автор придает исключительное значение политическим причинам этой борьбы: до 1204 г., рассуждает он, местная знать, стратиоты и парики подчинялись императорскому правительству, «были *добло* императора», теперь они оказались под властью венецианцев. «Именно здесь, — пишет он, — надо искать причину живого и глубокого сопротивления, оказанного греками победителям; нельзя указать никакой другой, действительно серьезной причины» (стр. 117). В связи с этим он придает большое значение интригам константинопольских императоров, особенно Михаила VIII и Андроника II (стр. 152, 153). Однако автор

⁴⁸ L. L u z z a t i. La rigolazione delle entrate e delle spese di Venezia (sec. XIII—XIV), 1936, p. X, XI.

в различных местах своей книги указывает и другие причины — «национальную» рознь, различия в быте и нравах, особенно религиозные различия (стр. 134, 139, 258, 259, 261, 296, 297). Единственное, чему он не уделяет должного внимания, — это классовые противоречия. Он склонен даже несколько идеализировать взаимоотношения между венецианскими феодалами и греческими крепостными: у него феодалы отстаивают интересы крепостных перед венецианским правительством (стр. 210). В действительности крестьянские массы видели в венецианских феодалах своих заклятых врагов, с которыми они были готовы бороться не на жизнь, а на смерть. Автор не ставит своей задачей изображать перипетии борьбы на Крите, иначе он должен был бы сообщить, например, такой факт: во время шестого восстания на Крите в районе Милипотамо была окружена большим венецианским отрядом группа восставших крестьян в 133 человека; только после того, как 120 из них были убиты, венецианцы смогли захватить остальных 13, а также 90 женщин и 40 детей; деревня, в которой началось восстание, была сожжена, и все захваченные в плен повстанцы перебиты⁴⁹. Этот и многие другие факты характеризуют классовую сторону битв на Крите⁵⁰. Вожди освободительного движения на Крите черпали свои силы в крестьянских массах, в их классовой ненависти к угнетателям — Венеции, выступившей в качестве коллективного сеньора, и тем более к отдельным венецианским феодалам.

В рассматриваемой части книги Ф. Тирье есть ряд неточностей. Остановимся на некоторых из них.

Автор утверждает, что в борьбе Фридриха II с папством Венеция держалась строгого нейтралитета (стр. 96). Этому противоречит, однако, договор между Венецией и Генуей от 1238 г., которым обе стороны обязались помогать друг другу и в течение девяти лет не входить ни в какие соглашения с германским императором без согласия на то его противника — папы⁵¹.

Тирье неправильно объясняет отказ венецианского правительства утвердить проект договора с Михаилом Палеологом от 1265 г. тем, что венецианские послы превысили свои полномочия (стр. 148). Действительная причина заключается в том, что в Венеции решили повременить с подписанием договора, так как появилась надежда на организацию похода для восстановления Латинской империи. Потребовалось почти три года для того, чтобы убедиться в ложности этой надежды, и тогда Венеция в 1268 г. подписала договор даже с несколько худшими условиями по сравнению с теми, которые ей предлагались в 1265 г.⁵²

* * *

В третьей части книги Ф. Тирье центральное место занимают проблемы венецианской колониальной политики. Для него вторая половина XIV и XV в. — время коренного перелома в этой политике; система управления приобретает «федеральный» характер, венецианцы и население колоний становятся на путь мирных отношений друг с другом (стр. 393, 394), бросается в глаза экономическое «преуспеяние» колоний, в частности Крита; один из заголовков этой части книги говорит о «полувеке экономического преуспеяния» (1400—1450 гг.).

⁴⁹ Fl. Cornelius. *Creta sacra. Venetiis*, 1755, vol. II, p. 310.

⁵⁰ Подробно об этом см. в нашей статье «Народно-освободительное движение и классовая борьба на Крите...», стр. 31 и сл.

⁵¹ FRA. DA, col. XIII, p. 342, 343.

⁵² Подробности — в нашей статье «Венеция и Византия при первых Палеологах» (ВВ, XII, 1957, стр. 80, 81).

О «федерализме» этого времени говорилось выше; у нас нет оснований согласиться с автором в этом вопросе.

Тезис о «мирном сожителстве» венецианцев и греков во второй половине XIV и в XV столетии можно принять, но с некоторыми оговорками. Более широкое привлечение на службу республике местных феодалов, некоторые уступки крепостному крестьянству, быстро нараставшая турецкая опасность — сначала со стороны турок сельджукских, а позднее турок османских — несомненно способствовали некоторому смягчению взаимных противоречий, особенно если сравнить это время с полутора столетиями предшествующего периода. Однако преувеличивать «мирного сожителства» не следует. Если венецианские феодалы и феодалы греческие чаще стали находить общий язык в своих взаимоотношениях, то этого нельзя сказать о порабощенном крестьянстве. Оно по-прежнему «всеми силами стремилось освободиться от оков серважа» (*Servitutis*)⁵³, и восстание под начальством Властоса в 1454 г., равно как и волнения, ему предшествовавшие, вовсе не было только результатом агитации «греческих священников», как об этом хотели думать в Венеции, а были выражением народно-освободительных тенденций и классовой вражды.

Гораздо больше сомнений вызывает вопрос об экономическом преуспевании венецианских колоний — хотя бы даже в первую половину XV в. Чтобы обосновать эти сомнения, необходимо рассмотреть ряд частных положений автора.

Тирье настаивает, прежде всего, на успешном развитии сельского хозяйства в венецианских восточных колониях и особенно на Крите (стр. 411 и сл.). Сельское хозяйство этой колонии стало, по мнению автора, давать не только большую, но и более разнообразную продукцию. Это могло произойти или за счет расширения площадей посевов, или за счет более совершенных методов обработки земли, или за счет того и другого вместе. Первое как будто действительно имело место: в сферу обработки была вовлечена обширная область Лассити в центральной части острова (стр. 413). Однако вопрос об этом был поднят, как сообщает сам автор, только в 1463 г., т. е. за пределами «полувека преуспеяния», а в 1471 г. феодалы острова ходатайствовали о том, чтобы этот план был оставлен и равнина Лассити по-прежнему оставалась необработанной⁵⁴, как это и было в течение целого столетия по специальному решению венецианского правительства, которое видело в этом районе очаг постоянных крестьянских восстаний⁵⁵. Автор ничего не говорит о применении более совершенных орудий и методов обработки земли, так как того и другого быть не могло: феодалы по-прежнему вели свое хозяйство трудом крепостных крестьян с их жалким инвентарем, причем сам крестьянин оставался голодным и нищим. В 1462 г. феодалы Крита доносили венецианскому правительству: «Вилланы вынуждены питаться лесными травами, отчего многие из них погибли»⁵⁶. Нищенское положение непосредственного производителя не могло способствовать хозяйственному преуспеванию острова.

Обосновывая свой тезис, Тирье указывает на увеличение числа рабочих рук на Крите, хозяйство которого действительно страдало от их недостатка, но мы очень сомневаемся, чтобы такое увеличение действительно имело место и могло сказаться на хозяйственном развитии острова (стр. 413, 418).

⁵³ H. Noiret. Documents inédits pour servir à l'histoire de la Crète sous la domination vénitienne, 1380—1485. Paris, 1892, p. 256.

⁵⁴ Ibid., p. 515, 516.

⁵⁵ Fl. Cornelius, Op. cit., vol. II, p. 349.

⁵⁶ H. Noiret. Op. cit., p. 474.

В пользу своего утверждения автор приводит лишь различные общие соображения, вроде ввоза рабов, иммиграции на Крит беженцев с других островов, теснимых турками (стр. 413); однако известия, которые шли с Крита, говорят о другом. В 1444 г. в Венецию поступило следующее сообщение: «На нашем острове Крите большая часть земель остается необработанной, и это по той причине, что нет людей, которым их можно было бы инвестировать, нет земледельцев, которые их могли бы обрабатывать; причина тому чума и разные другие обстоятельства»⁵⁷. Приведенное известие относится к заключительным годам «полувека преуспевания» на Крите. А вот известие, относящееся к его началу: «Наш остров Крит, слабо населен вследствие недостатка людей, и по этой причине некоторые поместья остаются необработанными»⁵⁸. Из этих справок следует, что, с рабочей силой было плохо к началу периода «преуспевания» и стало еще хуже к его концу.

Для доказательства успешного развития сельского хозяйства автор приводит цифры вывезенной с Крита продукции и прежде всего хлеба (стр. 414). Взятые сами по себе, они ничего не говорят, так как не могут быть сопоставлены с количеством произведенной или вывезенной продукции в годы до «преуспевания» первой половины XV в. Кроме того, автор игнорирует способы, какими этот хлеб добывался. В только что цитированном письме критских феодалов, где сообщается о вымирании от голода крепостных крестьян, авторы письма просят снизить нормы хлебных поставок, так как они, феодалы, при существующих нормах лишены возможности помогать умирающим с голоду крестьянам. В другом письме (от 1471 г.,) феодалы просят о том, чтобы размер хлебных поставок определялся не в $\frac{1}{3}$ от ожидаемого урожая, а в $\frac{1}{3}$ от того, что им удастся «выколотить из вилланов» (*excussimus a villanis*)⁵⁹.

Всё это дает основание думать, что венецианская колониальная политика так же мало способствовала сельскохозяйственному подъему острова в XV в., как и в предшествовавшие два столетия.

Нисколько не лучше положение было и в промышленности. Это до известной степени признает и сам автор: на стр. 322 и 325 он пишет: «Эра индустриального развития еще не наступила», «правительство мало заботилось о развитии промышленности»; но на стр. 417 и сл. он как бы забывает эти справедливые замечания и говорит о развитии производства сахара, квасцов, насаждениях масличного дерева. Однако его характеристика указанных видов производства не выходит за рамки данных, которые можно почерпнуть из решений венецианских учреждений о предоставлении монополий на производство этих товаров. Заметим прежде всего, что число соискателей на получение таких привилегий невелико — привилегии были предоставлены лишь трем лицам: одному — на производство сахара, другому — на добывание квасцов, третьему — на разведение масличного дерева. Кроме того предоставление монополий на производство еще на значит, что получившие их лица действительно развернули большую хозяйственную деятельность. У нас есть основание утверждать, что предприятия эти не имели перспектив для нормального развития — и прежде всего потому, что производство проектировалось организовать на основе подневольного труда. В ответ на ходатайство одного из предпринимателей (Марко Дзанано) обеспечить проектируемое им предприятие рабочей силой венецианские власти обещали наказывать вольнонаемных

⁵⁷ Ibid., p. 409.

⁵⁸ Ibid., p. 54.

⁵⁹ Ibid., p. 516.

рабочих Дзаноно, если те убегут от него, как беглецов с военных галер, и возвращать их снова на предприятие⁶⁰. Трудно при наличии таких данных согласиться с автором, когда он пишет: «Итак, капиталы с большой охотой и в широких масштабах обратились к сельскохозяйственной деятельности» (стр. 418).

Указав на значительное развитие сельского хозяйства и отчасти промышленности, Ф. Тирье подчеркивает развитие торговли с Романией, включая в это понятие и Константинополь с его все еще значительным торговым оборотом. Поскольку торговля Венеции с Романией носила преимущественно транзитный характер, играла посредническую роль в обмене между Западной Европой и Востоком, мы вправе ожидать значительного роста торговли этого вида, так как товарное производство Западной Европы быстро возрастало. Но именно потому, что эта торговля была преимущественно транзитной, ее развитие еще очень мало говорит о хозяйственном подъеме самой Романии, т. е. венецианских владений в ней. Конечно, торговля может способствовать развитию производства, но только в том случае, если это развитие тормозится трудностями сбыта; в венецианской же Романии дело обстоит как раз наоборот — она страдала от хронического недопроизводства, а в этом случае торговля не может оживить производства; путь к этому нужно искать в условиях самого производства.

Кроме этих общих соображений, нам кажется ошибочным самый метод, которым пользуется автор для доказательства развития торговли метрополии с ее колониями в Романии. Работа в венецианских архивах дала в его руки большое количество цифрового материала, относящегося к торгам в связи с арендой вооруженных государственных галер для транспортировки товаров в восточные порты. Это дало ему возможность составить обширные таблицы с указанием числа галер, отправляемых в те или иные порты или районы Востока, и сумм фрахта, установленного на торгах, с расположением всех этих данных по отдельным годам XIV и XV вв. (стр. 421 и сл.). Увеличение числа судов, отправляемых в те или другие пункты, рост фрахтовых сумм дают основание, по его мнению, для заключения о росте торговых оборотов; но это заключение было бы правильным лишь в том случае, если бы все прочие условия в отдельные годы были равны, а этого как раз и не было.

Условия торговли в водах Восточного Средиземноморья постоянно менялись — достаточно пересмотреть вторую часть второго тома известного «Дипломатария» Томаса, чтобы убедиться в этом⁶¹. В 1403 г. христианской лигой заключается договор с султаном османлисов Сулейманом, где центральное место занимает вопрос о свободе торгового судоходства в водах Восточного Средиземноморья (№ 159). В том же году дука Крита заключает договор о свободе торговли и мореплавания с одним из сельджукских эмиров Али-беем, чьи военные суда грабили венецианских купцов (№ 160). В 1411 г. заключается договор с султаном османских турок Мусой, который считал для себя необязательным договор, заключенный его братом (№ 164). После длительных враждебных действий в 1430 г. с Мурадом II заключается мир, которым венецианцы думают обеспечить свободу торговли (№ 182). В 1446 г., после нескольких лет враждебных действий, Венеция заключает мирный договор с Мухаммедом II, сыном Мурада (№ 198).

⁶⁰ См. нашу рецензию на книгу Дж. Луццатто «Очерки экономической истории Венеции» («Средние века», вып. X, 1957, стр. 252).

⁶¹ *Diplomatarium Veneto—Levanticum* (1351—1454). Pars II (ed. Thomas—Predelli). Venetiis, 1899. Далее (в скобках) будут называться номера документов.

Не были достаточно устойчивы и взаимоотношения Венеции с Египтом, Дамаском и Алеппо, как это показывают документы того же «Дипломатория» (№ 191, 193, 194, 195, 205 и др.). На эти отношения известное влияние оказывала и политика принципиальных противников «сарацин» — пап, стремившихся или вовсе запретить торговлю венецианцев с «сарацинами», или ограничить ее как определенными видами товаров, так и в отношении числа галер, направляемых в восточные порты (№ 113, 118, 125, 133 и др.). Время от времени пиратские набеги сельджуков, а позднее и османских турок превращались в настоящее бедствие, особенно в то время, когда между венецианцами и турками начинались враждебные действия.

Таблица нашего автора дают представление о судодвижении лишь одних государственных галер, в то время как в венецианской торговле большую, если не решающую, роль играло частное судоходство. Автору надо было показать, что частное судоходство в те же годы или также возрастало, или оставалось неизменным, чего он не делает и сделать не может, так как размеры частного судоходства прямо зависели от степени обеспеченности морских путей. В некоторые годы риск плавания таких судов был настолько велик, что купцы предпочитали платить высокие фрахты за государственные вооруженные галеры, чем подвергаться опасности пиратских ограблений. Из этого следует, что увеличение числа государственных торговых галер и рост фрахтов за них могут свидетельствовать не о росте морской торговли, а о ее сокращении, если учитывать при этом частное судоходство. Рост торгового судоходства за счет государственных галер в XV в. может отражать именно тот факт, что турецкая опасность в водах Средиземноморья быстро растет и частное судоходство на вооруженных или плохо вооруженных судах становится все более и более затруднительным.

Мы не хотим утверждать ни того, что роста морских торговых оборотов в первой половине XV в. не было, ни того, что такой рост был, а показываем только, что метод автора для доказательства тезиса о росте торговли Венеции в водах Восточного Средиземноморья не дает убедительных доводов. Для решения этого вопроса нужно более тщательное исследование, которое было бы построено на более широкой и разносторонней основе.

Наконец, автор пытается обосновать свой тезис об экономическом преуспевании венецианских колоний в XV в. финансовыми соображениями.

Для этой цели он использует данные о чрезвычайном налоге, введенном Венецией в своих колониях в 1439 г. На долю Крита приходилась сумма в 18 тыс. дукатов и, кроме того, на евреев этого острова — 12 тыс. «Эти цифры, — пишет автор, — сами по себе говорят в пользу экономического преуспевания романиотов в период с 1430 по 1450 г.» (стр. 412). Мы не можем согласиться с таким выводом. Эта сумма подлежала выплате в течение трех лет; следовательно, все феодалы Крита и их крепостные, равно как и все вилланы Коммуны, словом, все население Крита, кроме евреев, должно было платить ежегодно 6 тыс. дукатов. Наш автор называет эту сумму «кругленькой» (*la coquette somme*), но она не так уж велика, если сравнить ее с суммой ежегодных доходов венецианских нобилей. В известном завещании Томмазо Мочениго от 1423 г. речь идет о существовании в Венеции тысячи нобилей, получающих ежегодно от 700 до 4 тыс. дукатов чистого дохода⁶². В свете этого сообщения 6 тыс. критских дукатов представляются суммой, собранной с нищих по грошу.

⁶² Текст документа помещен полностью у Кречмайра (H. K r e t s c h m a y r. Geschichte von Venedig. Bd. II. Gotha, 1905—1934, S. 617—619).

Наш автор, впрочем, приводит данные о приходной части венецианского бюджета за 1432—1435 гг., которые, и по его мнению, не свидетельствуют о процветании венецианских колоний, или, как он выражается, «les chiffres, qui démentent apparement, l'impression de prospérité» (стр. 410). Это данные Цанкаруоло, которые автор считает основанными на официальных документах (стр. 411). Чтобы быть до конца объективным, ему следовало бы эти цифры сопоставить с данными от 1423 г., тоже официальными, все из того же «завещания» Мочениго. Мы сделаем такое сопоставление (см. таблицу). Из приведенных данных видно, что поступления от

Т а б л и ц а

Данные Мочениго от 1423 г.			Данные Цанкаруоло от 1432—1435 гг.		
источник поступления	дукаты (тыс.)	%	источник поступления	дукаты (тыс.)	%
Метрополия	774,0	48,0	Метрополия	613,7	55,8
Владения в Италии . .	464,0	28,8	Владения в Италии . .	306,1	27,8
Заморские колонии . .	376,0	23,2	Заморские колонии . .	180,0	16,4
Итого	1614	100	Итого	1099,8	100

заморских колоний за десятилетие «экономического преуспевания» упали в абсолютных цифрах более чем вдвое, а в относительных цифрах с 23,2 до 16,4%. Конечно, можно оспаривать цифры Мочениго, но Дж. Луццатто, работы которого Ф. Тирье ценит очень высоко, признает их отвечающими действительности ⁶³.

Наш общий вывод по этому вопросу сводится к следующему: у нас нет оснований согласиться с автором, заявляющим, что в первой половине XV в. «колонизальная экономика находилась в состоянии полного подъема» (*l'économie coloniale est en plein essor*), так же как и с другими похвалами в адрес Адриатической республики, которые он расточает на стр. 394.

* * *

Заканчивая рассмотрение книги Ф. Тирье, мы должны еще раз сказать, что работа эта представляет значительный шаг вперед по сравнению с названными выше общими сочинениями иностранных авторов по венецианской колониальной истории. Конечно, в книге есть и другие, преимущественно мелкие (кроме указанных здесь) недочеты, вроде, например, утверждения автора, что Тана важна была для Венеции главным образом как рынок по торговле рабами или что первая большая война между Венецией и Генуей началась в 1255 г. и т. п. Очень жаль также, что в книге нет полного списка использованных автором источников и литературы предмета — это затрудняет пользование его трудом в научных целях. По нашему мнению, однако, все это не помешает книге Ф. Тирье занять достойное место в историографии венецианского колониального мира

Н. П. Соколов

⁶³ G. L u z z a t t o. Studi di storia economica veneziana. Padova, 1954, p. 276.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ К СБОРНИКУ „ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК“

Предлагаемый указатель составлен к сборнику «Византийский временник» за 1947—1959 гг., а также к «Византийскому сборнику», изданному в 1945 г.

Указатель состоит из двух частей: 1) названия статей, рецензий, некрологов и т. п., расположенные по тематическому признаку; внутри каждого раздела выдерживается алфавитная последовательность авторов; 2) фамилии лиц, упомянутых в библиографическом отделе, хронике, а также авторов рецензируемых работ.

К указателю приложен общий алфавитный список авторов, в котором сделаны ссылки на порядковые номера библиографических описаний.

I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

1. Абрамсон, М. Л. Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX—XI вв.). — ВВ, VII, 1953, 161—193.
2. Ангелов, Д. Рост и структура крупного монастырского землевладения в Северной и Средней Македонии в XIV в. (перевод с болгарского В. П. Савиновой). — ВВ, XI, 1956, 135—162.
3. Банк, А. В. Рец. на: R. Janin. Constantinople byzantin. Développement urbain et répertoire topographique. — ВВ, VII, 1953, 314—317.
4. Бартиян, Р. М. К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII в. — ВВ, VIII, 1956, 127—131.
5. Бергер, А. Рец. на: Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. — ВВ, VII, 1953, 283—295.
6. Бромлей, Ю. В. Из истории аграрных отношений в Хорватии конца XV—XVI в. — ВВ, XI, 1956, 225—246; ВВ, XII, 1957, 117—133.
7. Вишнякова, А. Б. и Каждан, А. П. Рец. на: «Новые материалы по аграрной истории Византии в XIII—XIV вв.» — ВВ, IV, 1951, 207—210.
8. Голубцова, Н. И. Рец. на: F. Lot. Nouvelles recherches sur l'impôt foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire. — ВВ, XIV, 1958, 313—317.
9. Горянов, Б. Т. Поздневизантийский иммунитет. — ВВ, XI, 1956, 177—199; ВВ, XII, 1957, 97—116.
10. Горянов, Б. Т. Византийский город XIII—XV вв. — ВВ, XIII, 1958, 162—183.
11. Горянов, Б. Т. Византийское крестьянство при Палеологах. — ВВ, III, 1950, 19—50.
12. Горянов, Б. Т. Крупное феодальное землевладение в Византии в XIII—XV вв. — ВВ, X, 1956, 111—132.
13. Горянов, Б. Т. Рец. на: С. Лишев. За стоковото производство във феодална България. — ВВ, XV, 1959, 270—275.
14. Горянов, Б. Т. Рец. на: Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. — ВВ, III, 1950, 267—276.
15. Дилigenский, Г. Г. Аграрные отношения в Вандальском королевстве. — ВВ, XI, 1956, 1—28.
16. Дилigenский, Г. Г. Рец. на: W. H. C. Frend. North Africa and Europe in the early middle ages. — ВВ, XI, 1956, 327—330.

17. Ибрагимов, Г. И. Крестьянские восстания в Турции в XV—XVI вв. — ВВ, VII, 1953, 122—145.
18. Каждан, А. П. «Великое восстание» Василия Медной руки. — ВВ, IV, 1951, 73—83.
19. Каждан, А. П. Византийское сельское поселение. — ВВ, II (XXVII), 1949, 215—244.
20. Каждан, А. П. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. — ВВ, X, 1956, 48—65.
21. Каждан, А. П. Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров македонской династии. — ВВ, V, 1952, 73—98.
22. Каждан, А. П. Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв. — ВВ, VIII, 1956, 85—96.
23. Каждан, А. П. Формирование феодального поместья в Византии X в. — ВВ, XI, 1956, 98—122.
24. Каждан, А. П. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв. — ВВ, VI, 1953, 132—155.
25. Каждан, А. П. и Заборов, М. А. Рец. на: М. Я. Сюзюмов. Книга эпарха. — ВВ, V, 1952, 273—276.
26. Каждан, А. П. Рец. на: Д. Ангелов, Феодализм в Византии. — ВВ, III, 1950, 276—282.
27. Каждан, А. П. Рец. на: G. Ostrogorskij. Pour l'histoire de la féodalité Byzantine. — ВВ, X, 1956, 218—228.
28. Каждан, А. П. Рец. на: G. Ostrogorskij. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie Byzantine. — ВВ, XII, 1957, 330—340.
29. Каждан, А. П. Рец. на: Robert Sabatino Lopez. Silk Industry in the Byzantine Empire. — ВВ, III, 1950, 290—293.
30. Кондуракис, Э. О натуральном и денежном обмене в Римской империи IV—V вв. — ВВ, XIV, 1958, 27—37.
31. Корсунский, А. Р. О колонате в Восточной Римской империи V—VI веков. — ВВ, IX, 1956, 45—77.
32. Курбатов, Г. Л. Положение народных масс в Антиохии в IV в. — ВВ, VIII, 1956, 42—60.
33. Левченко, М. В. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. — ВВ, IX, 1956, 1—44.
34. Левченко, М. В. Пентаполь по письмам Синезия. — ВВ, IX, 1956, 1—44.
35. Левченко, М. В. Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-римской империи. — ВВ, II (XXVII), 1949, 11—59.
36. Левченко, М. В. Рец. на: А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. — ВВ, VII, 1953, 276—282.
37. Липшиц, Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным Земледельческого закона). — ВВ, IX, 1956, 96—143.
38. Липшиц, Е. Э. Вопросы павликианского движения в освещении современной буржуазной историографии. — ВВ, V, 1952, 235—243.
39. Липшиц, Е. Э. К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв. — ВВ, VI, 1953, 113—131.
40. Липшиц, Е. Э. К изучению экономики пригородов Константинополя в X в. — ВВ, XIV, 1958, 81—84.
41. Липшиц, Е. Э. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. — ВВ, XIII, 1958, 28—54.
42. Липшиц, Е. Э. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. — ВВ, V, 1952, 49—72.
43. Липшиц, Е. Э. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. — ВВ, I (XXVI), 1947, 144—163.
44. Литаврин, Г. Г. Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. — ВВ, XI, 1956, 123—134.
45. Литаврин, Г. Г. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. — ВВ, X, 1956, 81—110.
46. Манандян, Я. А. Римско-византийские хлебные меры и основные на них индексы хлебных цен. — ВВ, II (XXVII), 1949, 60—73.
47. Москаленко, А. Е. К вопросу о социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в. — ВВ, XIII, 1958, 136—161.
48. Наследова, Р. А. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX—начала X в. по данным Иоанна Камениаты. — ВВ, VIII, 1956, 61—84.
49. Осипова, К. А. Развитие феодальной собственности на землю и закрепощение крестьянства в Византии X в. — ВВ, X, 1956, 66—80.

50. Острогорский, Г. А. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958, 55—106.
51. Петрушевский, И. П. Виноградарство и виноделие в Иране в XIII—XV вв. (Из истории земледелия в Иране). — ВВ, XI, 1956, 163—176.
52. Петрушевский, И. П. Полевые и огородные культуры в Иране в XIII—XV веках (Из истории земледелия в Иране). — ВВ, IX, 1956, 128—153.
53. Пигулевская, Н. В. К вопросу о борьбе демонов в ранней Византии (критический обзор). — ВВ, V, 1952, 216—222.
54. Пигулевская, Н. В. К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии. — ВВ, IV, 1951, 84—90.
55. Пигулевская, Н. В. Производство шелка в Византии и Иране в IV в. — ВВ, X, 1956, 1—8.
56. Сергеев, М. Е. Итальянский плуг. — ВВ, IX, 1956, 117—127.
57. Соколов, Н. П. Венецианская доля в византийском «наследстве». — ВВ, VI, 1953, 156—185.
58. Соколов, Н. П. Рец. на: «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». — ВВ, VI, 1953, 269—279.
59. Сюзюмов, М. Я. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 году. — ВВ, XII, 1957, 58—74.
60. Сюзюмов, М. Я. О запрете накопления наличными деньгами в Византии. — ВВ, I (XXVI), 1947, 267—269.
61. Сюзюмов, М. Я. О социальной сущности законодательства «Василик». — ВВ, VI, 1953, 72—87.
62. Сюзюмов, М. Я. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. — ВВ, X, 1956, 27—47.
63. Сюзюмов, М. Я. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века. — ВВ, IV, 1951, 11—41.
64. Сюзюмов, М. Я. Роль городов-эмпориев в истории Византии. — ВВ, VIII, 1956, 26—41.
65. Сюзюмов, М. Я. Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, XI, 1956, 55—81.
66. Сюзюмов, М. Я. Экономические воззрения Льва VI. — ВВ, XV, 1959, 33—49.
67. Сюзюмов, М. Я. Рец. на: А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI веков. — ВВ, VI, 1953, 281—284.
68. Сюзюмов, М. Я. Рец. на: A. Hadjinikolaou-Marava. Recherches sur la vie des esclaves dans le monde Byzantin. — ВВ, V, 1952, 280—284.
69. Таубеншлаг, Р. Сельские общины в романизированных провинциях Востока времени Диоклетиана. — ВВ, XIII, 1958, 1—8.
70. Твиритинова, А. С. К вопросу об изучении первого антифеодального крестьянского восстания в средневековой Турции. — ВВ, XI, 1956, 200—224.
71. Удадьцова, З. В. К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне византийского завоевания. — ВВ, XI, 1956, 29—54.
72. Удадьцова, З. В. Классовая борьба в Италии накануне византийского завоевания. — ВВ, X, 1956, 9—26.
73. Удадьцова, З. В. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане. — ВВ, V, 1952, 15—48.
74. Удадьцова, З. В. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане. — ВВ, VI, 1953, 88—112.
75. Удадьцова, З. В. Социально-экономические преобразования в Италии в период правления Тотилы. — ВВ, XIII, 1958, 9—27.

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

76. Абрамсон, М. Л. Рец. на: Louis Bréhier. Le monde Byzantin. — ВВ, VI, 1953, 306—320.
77. Браунинг, Р. Рабство в Византийской империи (600—1200 гг.). — ВВ, XIV, 1958, 38—55.
78. Бороздин, И. Н. Т. Н. Грановский и вопросы истории Византии. — ВВ, XI, 1956, 271—278.
79. Бороздин, И. Н. Н. Г. Чернышевский об осаде и взятии Константинополя турками (историографические заметки). — ВВ, VII, 1953, 87—92.
80. Веселаго, Е. Б. Известия Лаоника Халкокондила об албанцах — ВВ, X, 1956, 133—160.
81. Веселаго, Е. Б. Рец. на: The Fall of Constantinople. «School of Oriental and African Studies». — ВВ, XI, 1956, 324—327.
82. Вишнякова, А. Ф. Рец. на: В. Николаев. Славянобългарският фактор в християнизация на Киевска Русия. — ВВ, V, 1952, 276—279.

83. Гор я н о в, Б. Т. К вопросу об общественно-политическом строе Латинской империи. — ВВ, XIV, 1958, 85—96.
84. Гор я н о в, Б. Т. Религиозно-полюемическая литература по вопросу об отношении к латинянам в Византии XIII—XV вв. — ВВ, VIII, 1956, 132—142.
85. Гор я н о в, Б. Т. Рец. на: Gyula Moravcsik. Die Byzantinische Kultur und das Mittelalterliche Ungarn. — ВВ, XII, 1957, 326—329.
86. Гор я н о в, Б. Т. Рец. на: A. Palmer. Throop Criticism of the Crusade. A Study of Public Opinion and Crusade Propaganda. — ВВ, III, 1950, 294—298.
87. Гор я н о в, Б. Т. Рец. на: E. Stein. Histoire du Bas-Empire, tome II. De la Disparition de L'Empire d'Occident à la mort de Justinian (487—565). — ВВ, VI, 1953, 295—306.
88. Грабский, А. Ф. По поводу польско-византийских отношений в начале XI в. — ВВ, XIV, 1958, 175—184.
89. Гуревич, А. Я. Фальсификация истории Латинской империи. — ВВ, V, 1952, 284—290.
90. Гуревич, А. Я. Рец. на: Germaine Rouillard. La vie rurale dans l'Empire Byzantin. — ВВ, X, 1956, 229—235.
91. Гуревич, А. Я. и Заборов, М. А. Новые явления в английском византиноведении (о книге Jack Lindsay. Byzantium into Europe. London, 1952, 485 p.). — ВВ, VIII, 1956, 366—373.
92. Дмитриев, А. Д. Движение скамаров. — ВВ, V, 1952, 1—14.
93. Дмитриев, А. Д. Народные движения в восточных провинциях в период дунайских войн III в. (236—278 гг.). — ВВ, VIII, 1956, 97—126.
94. Достян, И. С. Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV—XV вв. — ВВ, VII, 1953, 32—49.
95. Дьяконов, А. П. Византийские димы и факции (τὰ μέρη) в V—VII вв. — ВС, 1945, 144—227.
96. Заборов, М. А. К вопросу о предистории Четвертого крестового похода. — ВВ, VI, 1953, 223—235.
97. Заборов, М. А. Крестовые походы в русской буржуазной историографии. — ВВ, IV, 1951, 171—190.
98. Заборов, М. А. Новое в изучении крестовых походов в зарубежной историографии (рец. на: S. Runciman. A History of the Crusades, vol. I—III. Cambridge, 1951—1954). — ВВ, XIV, 1958, 298—313.
99. Заборов, М. А. Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в. (к вопросу о роли Иннокентия III в перемене направления Четвертого крестового похода). — ВВ, V, 1952, 152—177.
100. Заборов, М. А. Рец. на: М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. — ВВ, IV, 1951, 190—201.
101. Заборов, М. А. Рец. на: Günther von Pairis. Die Geschichte der Eroberung von Konstantinopel. — ВВ, XIII, 1958, 300—302.
102. Заборов, М. А. и Фрейденберг, М. М. Рец. на: К. Н. Юзбашян. Классовая борьба в Византии в 1180—1204 гг. и Четвертый крестовый поход. — ВВ, XV, 1959, 203—214.
103. Зимин, А. А. и Курбатов, Г. Л. Рец. на: М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. — ВВ, XII, 1957, 270—284.
104. Ивянская, Р. А. Рец. на: «Византийски извори за историју народа Југославије», т. I. Београд, 1955. — ВВ, XI, 1956, 307—308.
105. Каждан, А. П. Новые материалы по внутренней истории Византии X—XV вв. — ВВ, XIII, 1958, 302—313.
106. Каждан, А. П. «Последнее слово» современного буржуазного византиноведения. — ВВ, V, 1952, 222—235.
107. Карышковский, П. О. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе. — ВВ, VI, 1953, 36—71.
108. Карышковский, П. О. Восстание Ивайла (крестьянская война в средневековой Болгарии в 1277—1280 гг.). — ВВ, XIII, 1958, 107—135.
109. Карышковский, П. О. К истории Балканских войн Святослава. — ВВ, VII, 1953, 224—243.
110. Карышковский, П. О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе. — ВВ, V, 1952, 127—138.
111. Корсунский, А. Р. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI—VII вв. — ВВ, XII, 1957, 31—45.
112. Костин, Ю. Из истории китайско-византийских отношений. — ВВ, XIII, 1958, 292—297.
113. Курбатов, Г. Л. Восстание Прокопия (365—366 гг.). — ВВ, XIV, 1958, 1—26.
114. Курбатов, Г. Л. Рец. на: М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг арелиц в Восточноримской империи IV в. — ВВ, VII, 1953, 306—314.

115. К у с и к ъ я н, И. К. Рец. на: «Памятные записи армянских рукописей XIV века». Составил Л. С. Хачикян. — ВВ, VI, 1953, 284—288.
116. Л е в ч е н к о, М. В. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв. — ВВ, I (XXVI), 1947, 164—183.
117. Л е в ч е н к о, М. В. Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире. — ВВ, VII, 1953, 194—223.
118. Л е в ч е н к о, М. В. Завоевание турками Константинополя в 1453 г. и исторические последствия этого события. — ВВ, VII, 1953, 1—8.
119. Л е в ч е н к о, М. В. Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной, зарубежной и советской историографии. — ВВ, VIII, 1956, 7—25.
120. Л е в ч е н к о, М. В. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. — ВВ, V, 1952, 105—126.
121. Л е в ч е н к о, М. В. Фальсификация истории византино-русских отношений в трудах А. А. Васильева. — ВВ, IV, 1951, 149—159.
122. Л е в ч е н к о, М. В. Рец. на: G. Ostrogorsky. Geschichte des Byzantinischen Staates (Byzantinisches Handbuch im Rahmen des Handbuchs der Altertumswissenschaft, 1, 2) — ВВ, II (XXVII), 1949, 322—337.
123. М а н а н д я н, Я. А. Маршруты персидских походов императора Ираклия. — ВВ, III, 1950, 133—153.
124. Н а с л е д о в а, Р. А. Македонские славяне конца IX—начала X в. по данным Иоанна Камениаты. — ВВ, XI, 1956, 82—97.
125. П и г у л е в с к а я, Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в VI—VII вв. — ВВ, I (XXVI), 1947, 184—214.
126. П о л о в о й, Н. Я. О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа. — ВВ, XIV, 1958, 138—147.
127. Р о с с е й к и н, Ф. М. Буржуазная историография о византино-моравских отношениях в середине IX в. — ВВ, III, 1950, 245—257.
128. С к р ж и н с к а я, Е. Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. — ВВ, I (XXVI), 1947, 215—234.
129. С к р ж и н с к а я, Е. Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте. — ВВ, II (XXVII), 1949, 245—266.
130. С к р ж и н с к а я, Е. Ч. Рец. на: А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). — ВВ, VI, 1953, 252—269.
131. С о к о л о в, Н. П. Венеция и Византия при первых Палеологах (1263—1328). — ВВ, XII, 1957, 75—96.
132. С о к о л о в, Н. П. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171—1185) — ВВ, V, 1952, 139—151.
133. С о к о л о в, Н. Рец. на: W. Ohnsorge. Das Zweikaiserproblem im früheren Mittelalter. Die Bedeutung des byzantinischen Reiches für die Entwicklung der Staatsidee in Europa. — ВВ, VII, 1953, 337—342.
134. С о к о л о в а, Т. М. Рец. на: В. Ангелов. Богомилство в Болгарии. — ВВ, X, 1956, 195—202.
135. С о к о л о в а, Т. М. Рец. на: Б. Примов. Българи, гърци и латинци в Пловдив преа 1204—1205 гг. Ролята на богомилите. — ВВ, VIII, 1956, 385—387.
136. С о л о в ъ в, А. В. Византийское имя России. — ВВ, XII, 1957, 134—155.
137. С т о к л и ц к а я - Т е р е ш к о в и ч, В. В. Рецензия на: Мариан Маловист. Каффа-Генуэзская колония в Крыму и восточная проблема в 1453—1475 гг. — ВВ, IV, 1956, 201—206.
138. С ы р к и н, А. Я. Рец. на: «История и восхваление венценосцев». — ВВ, XIV, 1958, 259—262.
139. С ю з ъ м о в, М. Я. Рец. на: J. Vogt. Constantin der Grosse. — ВВ, VII, 1953, 330—337.
140. Т а л и с, Д. Л. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. — ВВ, XIV, 1958, 103—115.
141. Т в е р и т и н о в а, А. С. Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии. — ВВ, VII, 1953, 9—31.
142. У д а л ь ц о в а, З. В. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии. — ВВ, III, 1950, 106—132.
143. У д а л ь ц о в а, З. В. Борьба партий XV в. и деятельность Виссариона Никейского (автореферат). — ВВ, II (XXVII), 1949, 294—307.
144. У д а л ь ц о в а, З. В. Политический строй и политическая борьба в Италии в конце V—начале VI в. — ВВ, XV, 1959, 1—32.
145. У д а л ь ц о в а, З. В. Предательская политика феодальной знати Византии, в период турецкого завоевания. — ВВ, VII, 1953, 93—121.
146. У д а л ь ц о в а, З. В. Рец. на: Louis Bréhier. Viéetmort de Byzance. — ВВ, II (XXVII), 1949, 337—360.

147. Удалъцова, З. В. и Попова, А. А. Рец. на: «История Болгарии», т. I, М., 1954. — ВВ, XI, 1956, 295—302.
148. Успенский, Ф. И. Движение народов из Центральной Азии в Европу. I. Турки. II. Монголы. — ВВ, I (XXVI), 1948, 1—28.
149. Успенский, Ф. И. Морское и сухопутное движение из Центральной Азии в Европу и обратно в XIII—XIV вв. — ВВ, II (XXVII), 1949, 267—275.
150. Ферлуга, Я. Архонтат Далмации. — ВВ, XII, 1957, 46—52.
151. Фихман, И. Ф. Рец. на: E. Demougeot. De l'unité à la division de l'Empire romain. 395—410. Essai sur le Gouvernement Impérial. — ВВ, IX, 1956, 286—296.
152. Франчес, Э. Классовая позиция византийских феодалов в период турецкого завоевания. — ВВ, XV, 1959, 71—99.
153. Фрейденберг, М. М. Рец. на: «История на България». Том първи. — ВВ, X, 1956, 208—218.
154. Хвостова, К. В. История южных славян в VI—XV вв. в советской исторической литературе 1950—1957 гг. — ВВ, XV, 1959, 185—195.
155. Цветкова, Б. А. Новые данные о христианах-спасихах на Балканском полуострове в период турецкого господства. — ВВ, XIII, 1958, 184—197.
156. Цветкова, Б. А. Проблема падения Константинополя. (Обзор статей, опубликованных в периодических изданиях СССР и стран народной демократии в связи с 500-летием завоевания Константинополя турками). — ВВ, XIV, 1958, 247—259.
157. Чайковская, О. Г. Рец. на: М. А. Заборов. Крестовые походы. — ВВ, XIV, 1958, 262—271.
158. Штаерман, Е. М. Рец. на: M. Pallasse. Orient et Occident. A propos du colonat romain au Bas-Empire. — ВВ, VII, 1953, 318—330.
159. Якобсон, А. Л. К истории русско-корсунских связей (XI—XIV вв.). — ВВ, XIV, 1958, 116—128.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ПУБЛИКАЦИИ

160. Абрамидзе, Ш. В. Рец. на: «Сведения византийских писателей о Грузии», т. IV, вып. II. (Греческий текст с грузинским переводом издал и снабдил примечаниями С. Г. Каухчишвили). — ВВ, VIII, 1956, 373—374.
161. Анасян, А. С. Армянские хроники о падении Константинополя. — ВВ, VII, 1953, 444—466.
162. Велков, В. Археологические находки в Болгарии, относящиеся к истории Византии (публикации 1946—1956 гг.). — ВВ, XV, 1959, 237—255.
163. Веселаго, Е. Б. Еще раз о Лаонике Халкокондиле и его историческом труде. — ВВ, XIV, 1958, 190—199.
164. Веселаго, Е. Б. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила (опыт литературной характеристики). — ВВ, XII, 1957, 203—217.
165. Византийские истории Дука и Франдзи о падении Константинополя. Перевод и предисловие А. С. Степанова. — ВВ, VII, 1953, 384—430.
166. Горянов, Б. Т. Неизданный Анонимный византийский хронограф XIV века. — ВВ, II (XXVII), 1949, 276—293.
167. Горянов, Б. Т. Первая гомилия Григория Паламы как источник к истории восстания зилотов. — ВВ, I (XXVI), 1947, 261—266.
168. Гранстрем, Е. Э. Греческие средневековые рукописи в Ленинграде. — ВВ, VIII, 1956, 192—207.
169. Греку, В. К вопросу о биографии и историческом труде Лаоника Халкокондила. — ВВ, XIII, 1958, 198—210.
170. Дanelia, С. И. К вопросу о личности Псевдо-Дионисия Ареопагита. — ВВ, VIII, 1956, 377—384.
171. Дуйчев, Ив. Одна из особенностей ранневизантийских мирных договоров. — ВВ, XV, 1959, 64—70.
172. Каждан, А. П. Василики как исторический источник. — ВВ, XIV, 1958, 56—66.
173. Каждан, А. П. Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Севастьянова. — ВВ, II (XXVII), 1949, 313—321.
174. Каждан, А. П. Локальные формуляры поздневизантийских грамот. — ВВ, III, 1950, 387—393.
175. Каждан, А. П. Хроника Симеона Логофета. — ВВ, XV, 1959, 125—143.
176. Капанадзе, Д. Г. Так называемые «Грузинские подражания трапезундским аспрам». — ВВ, III, 1950, 201—210.
177. Кусикьян, И. К. О русском переводе «Истории Армении» Фауста Византийского. — ВВ, X, 1956, 203—207.

178. Кусикьян, И. К. Рец. на: А. С. Анасян. Армянские источники о падении Византии. — ВВ, XV, 1959, 215—216.
179. Кусикьян, И. К. Рец. на: «Армянские судебник Мхитара Гоша». — ВВ, XIV, 1958, 243—245.
180. Кэпштейн, Г. Рец. на: Basilicorum Libri LX, Series B, vol. I: Scholia in Libr. I—XI, edidit H. I. Scheltema; Series B, vol. II: Scholia in Libr. XII—XIV; ediderunt H. J. Scheltema et d. Holwerda. — ВВ, XV, 1959, 262—270.
181. Левченко, М. В. Византийский историк Агафий Миринейский и его мировоззрение. — ВВ, III, 1950, 62—84.
182. Левченко, М. В. (перевод). Избранные отрывки из «Истории» Агафия Миринейского. Известия Агафия Миринейского о Лазике и Кавказе. — ВВ, III, 1950, 305—349.
183. Левченко, М. В. Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в первой половине X в. — ВВ, VI, 1953, 11—35.
184. Левченко, М. В. Ценный источник по вопросу русско-византийских отношений в X веке («Записка греческого топарха»). — ВВ, IV, 1951, 42—72.
185. Липшиц, Е. Э. Несколько замечаний о Василиках как источнике. — ВВ, XIV, 1958, 76—80.
186. Липшиц, Е. Э. Никифор и его исторический труд. — ВВ, III, 1950, 85—105.
187. Липшиц, Е. Э. (перевод). Никифора, патриарха Константинопольского, краткая история со времени после царствования Маврикия. — ВВ, III, 1950, 349—387.
188. Малхасянц, С. С. Историк Себеос (Аноним и Марабас Мцурнийский). — ВВ, II (XXVII), 1949, 94—105.
189. Манандян, Я. А. Когда и кем была составлена «Армянская география», приписываемая Моисею Хоренскому. — ВВ, I (XXVI), 1947, 127—143.
190. Меликсет-Бек, Л. М. К вопросу о датировке псевдоисааковых памфлетов в греко-византийской литературе. — ВВ, VIII, 1956, 208—222.
191. Меликсет-Бек, Л. М. Граeco-Byzantina в древнеармянском Liber Epistolarum. — ВВ, XII, 1957, 263—269.
192. Мещерский, Н. А. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. — ВВ, XI, 1956, 279—284.
193. Мещерский, Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии. — ВВ, IX, 1956, 170—185.
194. Мещерский, Н. А. «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод. — ВВ, VII, 1953, 72—86.
195. Пигулевская, Н. В. Законы химьяритов. — ВВ, III, 1950, 51—61.
196. Пигулевская, Н. В. Первоисточники истории купито-химьяритских войн. (К истории торговли и дипломатии Византии на Востоке). — ВВ, II (XXVII), 1949, 74—93.
197. Георгий Гемист Плифон. Речи о реформах. Перевод и предисловие Б. Т. Горянова. — ВВ, VI, 1953, 386—414.
198. Полякова, С. В. и Феленковская, И. В. Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов» (перевод). — ВВ, VIII, 1956, 277—305.
199. Полякова, С. В. Рец. на: E. A. Thompson. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. — ВВ, IX, 1956, 296—300.
200. Полякова, С. В. 'Εὐὰ διὰ τὸν χριστὸν τοὺς τοίκοις τερψ. (О некоторых особенностях раннемонашеской идеологии и быта, согласно «Лавсаику» Палладия и сочинениям Василия Великого.) — ВВ, XIV, 1958, 185—189.
201. Рубанов, А. А. и Богуславский, М. М. Рец. на: И. С. Перетерский. Дигесты Юстиниана. — ВВ, XIII, 1958, 286—290.
202. Синезий Киренский. О царстве. Перевод и предисловие М. В. Левченко. — ВВ, VI, 1953, 327—357.
203. Скржинская, Е. Ч. «История» Олимпиодора (в записках и выборках Фотия) (перевод). — ВВ, VIII, 1956, 223—276.
204. Скржинская, Е. Ч. О славах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне (из комментария к Иордану). — ВВ, XII, 1957, 1—30.
205. Смирнов, Н. А. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. — ВВ, VII, 1953, 50—71.
206. Степанов, А. С. Труд Дуки как источник по истории восстания Берклиджи Мустафы начала XV в. — ВВ, V, 1952, 99—104.
207. Сюзюмов, М. Я. Василики как источник для внутренней истории Византии. — ВВ, XIV, 1958, 67—75.
208. Сюзюмов, М. Я. Рец. на: Агафий. О царствовании Юстиниана. Перевод, статья и примечания доктора исторических наук М. В. Левченко. — ВВ, IX, 1956, 250—254.
209. Сюзюмов, М. Я. Рец. на: М. В. Левченко. Синезий в Константинополе и его речь «О царстве». — ВВ, VI, 1959, 279—281.

210. С ю з ь м о в, М. Я. Рец. на: F. Pringsheim. Zum Plan einer neuen Ausgabe de Basiliken. — ВВ, XV, 1959, 255—262.
211. У д а л ь ц о в а, З. В. Византийский историк Критовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV веке. — ВВ, IV, 1951, 91—121.
212. У д а л ь ц о в а, З. В. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критовула. — ВВ, XII, 1957, 172—197.
213. У д а л ь ц о в а, З. В. Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в. — ВВ, IX, 1956, 78—116.
214. У с п е н с к и й, К. Н. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII—IX вв. Феофан и его хронография. — ВВ, III, 1950, 393—439; IV, 1951, 241—262.
215. Ф и х м а н, И. Ф. О главах по источниковедению истории Византии в труде проф. А. Д. Люблинской «Источниковедение истории средних веков». — ВВ, XII, 1957, 284—289.
216. Ф р а н ч е с, Э. Рец. на: P. Lemerle. L'Emirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur «La geste d'Umu Pacha». — ВВ, XV, 1959, 275—278.
217. Ф р е й д е н б е р г, М. М. Рец. на: «Подбрани извори за историята на Византия». — ВВ, XIV, 1958, 272—276.
218. Л а о н и к Х а л к о к о н д и л. История (из книги VIII). Перевод и предисловие Е. Б. Веселаго. — ВВ, VII, 1953, 431—444.
219. Ш а н г и н, М. А. Византийские политические деятели первой половины X в. — ВС, 1945, 228—248.
220. Ш а н г и н, М. А. Письма Арефы — новый источник о политических событиях в Византии 931—934 гг. — ВВ, I (XXVI), 1947, 235—260.
221. Ш а н г и н, М. А. и В и ш н я к о в а, А. Ф. Из комментария к «Записке греческого топарха». — ВВ, XIV, 1958, 99—102.
222. Ш а н г и н, М. А. и В и ш н я к о в а, А. Ф. Существовала ли «Внешняя Русь»? — ВВ, XIV, 1958, 97—98.

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИТЕРАТУРА, НАУКА

223. А ч а р я н, Р. Греческие заимствования в армянском языке. — ВВ, II (XXVII), 1949, 308—312.
224. В а л ь д е н б е р г, В. Философские взгляды Михаила Пселла. — ВС, 1945, 249—255.
225. Византийская сатира «Тимарион». Перевод С. В. Поляковой и И. В. Феленковской, предисловие Е. Э. Липшиц. — ВВ, VI, 1953, 357—386.
226. Г р а н с т р е м, Е. Э. Отрывок медицинского трактата Аэция из Амиды в списке X—XI века. — ВВ, IX, 1956, 159—169.
227. Д у й ч е в, И. О древнерусском переводе «Рыдания» Иоанна Евгеника: — ВВ, XII, 1957, 198—202.
228. Е р н ш т е д т, П. В. К коптскому тексту романа об Александре. — ВВ, X, 1956, 178—180.
229. Е р н ш т е д т, П. В. Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах. — ВВ, XII, 1957, 218—231.
230. Е р н ш т е д т, П. В. Южноегипетский коптизм в среднегреческом словарном составе (слово *pázouw* коптского происхождения). — ВВ, IX, 1956, 154—158.
231. И р м ш е р, И. Паллад. Перевод с немецкого И. Черновой. — ВВ, XI, 1956, 247—270.
232. К а ш т а н о в, С. М. Рец. на: «Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографиях». — ВВ, XIV, 1958, 284—295.
233. К л и б а н о в, А. И. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека. — ВВ, XIV, 1958, 148—174.
234. К о п ы л е н к о, М. М. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола. — ВВ, XII, 1957, 232—241.
235. К у с и к ь я н, И. К. Рец. на: И. А. Орбели. Басни средневековой Армении. — ВВ, XIV, 1958, 245—247.
236. Л и п ш и ц, Е. Э. Византийский ученый Лев Математик. (Из истории византийской культуры в IX в.). — ВВ, II (XXVII), 1949, 106—149.
237. Л и п ш и ц, Е. Э. К вопросу о светских течениях в византийской культуре IX в. (Касия). — ВВ, IV, 1951, 132—148.
238. М е л и к с е т - Б е к, Л. Рец. на: Ш. И. Нупубидзе «Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита». — ВВ, II (XXVII), 1949, 373—375.
239. М е щ е р с к и й, Н. А. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка (по материалам переводных произведений Киевского периода). — ВВ, XIII, 1958, 246—261.

240. Полякова, С. Рец. на: F. Dölger. Die byzantinische Dichtung in der Reinsprache. — ВВ, VII, 1959, 342—353.
241. Соколова, Т. М. Пребывание Мазариса в подземном царстве. Перевод С. П. Кондратьева. — ВВ, XIV, 1958, 318—357.
242. Сыркин, А. Я. Рец. на: Digenes Akritas. Ed. with an Introduction, Translation and Commentary by J. Mavrogordato. — ВВ, XII, 1957, 340—347.
243. Сыркин, А. Я. Рец. на: 'Ιάκωβος Τριβώλης. Ποιήματα. — ВВ, XIII, 1958, 297—300.
244. Сюзюмов, М. Я. и Чернова, И. С. Рец. на: Klaus Hermann. Der Brand von Byzanz. — ВВ, XIII, 1958, 290—292.
245. Феленковская, И. В. Рец. на: R. Cantarella. Poeti byzantini, vol. I—II. — ВВ, VII, 1953, 353—359.
246. Хартман, Г. М. Значение греческой культуры для развития итальянского гуманизма. — ВВ, XV, 1959, 100—124.
247. Чалоян, В. К. Естественнаучные воззрения Анании Ширакаци. — ВВ, XII, 1957, 156—171.
248. Шандровская, В. С. Византийская басня «рассказ о четвероногих» (XIV в.). — ВВ, IX, 1956, 211—249; X, 1956, 181—194.

ИСКУССТВО

249. Афанасьев, К. Н. Геометрический анализ храма св. Софии в Константинополе. — ВВ, V, 1952, 207—215.
250. Банк, А. В. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собраниях Эрмитажа. — ВВ, XIII, 1958, 211—221; XIV, 1958, 234—242.
251. Банк, А. В. Восточный сосуд с греческой надписью (к истории культурных взаимоотношений Византии и Египта в XIII—XIV вв.). — ВВ, V, 1952, 191—202.
252. Банк, А. В. Гемма с изображением Соломона. — ВВ, VIII, 1956, 331—337.
253. Банк, А. В. Некоторые спорные вопросы в истории византийского искусства. — ВВ, VII, 1953, 259—263.
254. Банк, А. В. Старые находки из Херсонеса в свете некоторых новых данных. ВВ, IX, 1956, 186—192.
255. Банк, А. В. Письмо в редакцию. — ВВ, VII, 1953, 317—318.
256. Банк, А. В. Рец. на: В. Н. Лазарев. История византийской живописи. — ВВ, V, 1952, 257—272.
257. Банк, А. В. Рец. на: В. Н. Лазарев. К вопросу о «греческой манере», в итало-греческой и итало-критской школах живописи (против фальсификации истории поздней византийской живописи). — ВВ, VIII, 1956, 374—377.
258. Банк, А. В. Рец. на: М. Матье и К. Ляпунова. Художественные ткани коптского Египта. — ВВ, VI, 1953, 288—294.
259. Бошковиц, Дж. Еще несколько слов о раннехристианской стенной живописи в нишском склепе. — ВВ, XV, 1959, 144—147.
260. Брунов, Н. И. Архитектура Константинополя IX—XII вв. — ВВ, II (XXVII), 1949, 150—214.
261. Брунов, Н. И. Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры. — ВВ, III, 1950, 154—200.
262. Брунов, Н. И. Рец. на: М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938—1947 гг.). — ВВ, VII, 1953, 296—306.
263. Брунов, Н. И. Рец. на: M. Rimpler-Schlachter. Le triomphede la couple dans l'architecture byzantine. — ВВ, VII, 1953, 378—384.
264. Гюзальян, Л. Т. Приложение к статье А. В. Банка. «Восточный сосуд с греческой надписью». — ВВ, V, 1952, 202—206.
265. Измайлова, Т. А. Рец. на: Л. А. Дурново. Древнеармянская миниатюра. — ВВ, IX, 1956, 255—259.
266. Кацнельсон, Р. А. К вопросу о взаимоотношениях архитектуры восточных и южных славян и Византии. — ВВ, XII, 1957, 242—262.
267. Кацнельсон, Р. А. Рец. на: Н. Мавродинов. Византийската архитектура. — ВВ, XIV, 1958, 277—283.
268. Кауфман, С. А. Из истории Софии Константинопольской. — ВВ, XIV, 1958, 200—233.
269. Кауфман, С. А. Миланский комплекс центрических зданий. (По поводу А. Calderini, G. Chierici, C. Cecchelli. La basilica di San Lorenzo Maggiore in Milano.) — ВВ, XV, 1959, 278—294.
270. Корзухина, Г. Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья). — ВВ, XIV, 1958, 129—137.

271. Лазарев, В. Н. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. — ВВ, X, 1956, 161—177.
272. Лазарев, В. Н. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. Групповой портрет семейства Ярославла. — ВВ, XV, 1959, 148—169.
273. Лазарев, В. Н. Новые памятники византийской живописи XIV века. — ВВ, IV, 1951, 122—131.
274. Лазарев, В. Н. Новый памятник константинопольской миниатюры XIII в. — ВВ, V, 1952, 178—190.
275. Лазарев, В. Н. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. — ВВ, VI, 1953, 186—222.
276. Лазарев, В. Н. Фрески Кастельсеприо. (К критике теории Вейцмана о «Македонском Ренессансе».) — ВВ, VII, 1953, 359—378.
277. Лазарев, В. Н. Царьградская лицевая псалтирь XI в. — ВВ, III, 1950, 211—217.
278. Лазарев, В. Н. Этюды о Феофане Греке, ч. I. Биография Феофана Грека. — ВВ, VII, 1953, 244—258.
279. Лазарев, В. Н. Этюды о Феофане Греке, ч. II. Феофан Грек и московская школа миниатюры 90-х годов XIV в. — ВВ, VIII, 1956, 143—165.
280. Лазарев, В. Н. Этюды о Феофане Греке, ч. III. Иконостас Благовещенского собора. — ВВ, IX, 1956, 193—210.
281. Лазарев, В. Н. Рец. на: Н. Buchthal — O. Kurz. A Hand List of Illuminated Oriental Christian Manuscripts the Warburg Institute. — ВВ, II (XXVII), 1949, 364—367.
282. Лазарев, В. Н. Рец. на: Gabriel Millet and D. Talbot Rice. Byzantine Painting at Trebizond. — ВВ, II (XXVII), 1949, 360—364.
283. Лазарев, В. Н. Рец. на: Ernest T. de Wald. The Illustrations in the Manuscripts of the septuagint vol. III. Psalms and Odes. Part I: Vaticanus graecus 1927. Part II: Vaticanus graecus 752. Princeton — Princeton University Press. — ВВ, III, 1950, 302—304.
284. Лазарев, В. Н. Рец. на: K. Weitzmann. Constantinopolitan Book Illumination in the Period of the Latin Conquest. — ВВ, II (XXVII), 1949, 367—373.
285. Левицкая, В. И. О некоторых вопросах производства набора мозаик Софии Киевской. — ВВ, XV, 1959, 170—184.
286. Левицкая, В. И. По поводу главы VIII книги А. В. Виннера «Материалы и техника мозаичной живописи». — ВВ, IX, 1956, 259—264.
287. Николас, А. Н. Современное состояние памятников византийского зодчества в Стамбуле. — ВВ, VII, 1953, 146—160.
288. Сопочинский, О. И. Рец.: Р. Н. Schweinfurth. Die Wandbilder der Kirche von Bojana. — ВВ, III, 1950, 298—302.
289. Якобсон, А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму. — ВВ, VIII, 1956, 166—191.
290. Якобсон, А. Л. Рец. на: Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. — ВВ, III, 1950, 257—267.

ЭПИГРАФИКА, ПАЛЕОГРАФИЯ, СИГЛЛОГРАФИЯ, НУМИЗМАТИКА

291. Абрамшвили, Т. Я. Находка византийских золотых монет в Гурджаани. — ВВ, XIII, 1958, 282—285.
292. Вишняков, А. Ф. К вопросу о культуре и просвещении болгар в XIV в. — ВВ, 1945, 256—259.
293. Голенко, К. В. Имитация солида VII в. из Поднепровья. — ВВ, XI, 1956, 292—294.
294. Голенко, К. В. Подражания византийским монетам X—XI вв., найденные на Таманском полуострове. — ВВ, VII, 1953, 269—275.
295. Гранстрем, Е. Э. Греческие рукописи в Собраниях Советского Союза (дополнительные сведения). — ВВ, XI, 1956, 285—291.
296. Гранстрем, Е. Э. К вопросу о византийском минускуле. — ВВ, XIII, 1958, 222—245.
297. Гранстрем, Е. Э. О связи кирилловского устава с византийским унциалом. — ВВ, III, 1950, 218—229.
298. Гюзальян, Л. Т. Неизданные надписи Байбуртской цитадели. — ВВ, VIII, 1956, 306—330.
299. Кадан, А. П. Рец. на: The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens, vol. II. Coins from the Roman through the Venetian Period by M. Thompson. — ВВ, XIV, 1958, 296—298.
300. Капанадзе, Д. Г. Новый тип монеты Давида Строителя. — ВВ, VIII, 1956, 338—343.

301. Каргер, М. К. К истории византийской сфрагистики. — ВС, 1945, 260—264.
302. Кусикьян, И. Р. Ред. на: «Памятные записи армянских рукописей XV века. Часть первая (1401—1450 гг.). Составил Л. С. Хачикян». — ВВ, XII, 1957, 289—291.
303. Моджеевский, Ю. Работы польских ученых в области византийской палеологии (1945—1955). — ВВ, XII, 1957, 304—311.
304. Соколова, И. В. Древнеболгарские монеты в музеях СССР. — ВВ, XIII, 1958, 262—281.
305. Соколова, И. В. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—XI вв. — ВВ, XV, 1959, 50—63.

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ И ПЕРСОНАЛИЯ

306. Бергер, А. К. Новая серия журнала «Byzantion». — ВВ, I (XXVI), 1947, 345—369.
307. Бошковиц, Дж. Византийская археология в Югославии перед новыми проблемами. — ВВ, XII, 1957, 53—57.
308. Византиноведение в СССР за 40 лет. — ВВ, XIII, 1958, I—XV.
309. Горянов, Б. Т. Византиноведение в СССР в 1945 и 1946 гг. — ВВ, II (XXVII), 1949, 376—380.
310. Горянов, Б. Т. Критический обзор актов международных византиноведческих конгрессов. — ВВ, V, 1952, 244—256.
311. Горянов, Б. Т. Критический обзор журнала «Etudes Byzantines» и «Revue des études Byzantines» за 1943—1948 гг. — ВВ, IV, 1951, 159—171.
312. Горянов, Б. Т. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении (к столетию со дня рождения: 1845—7 февраля 1945). — ВВ, I (XXVI), 1947, 29—108.
313. Горянов, Б. Т. М. А. Шангин. Некролог. — ВВ, I (XXVI), 1947, 381—383.
314. Горянов, Б. Т. Ф. М. Россейкин (1879—1951). — ВВ, V, 1952, 301—302.
315. Готалов-Готлиб, А. Г. Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель. — ВВ, I (XXVI), 1947, 114—126.
316. Гуревич, А. Я. и Заборов, М. А. Критический обзор журнала «Byzantion» за 1944—1950 гг. — ВВ, VI, 1953, 236—252.
317. К. Г. Юбилей Л. А. Мацулевича. — ВВ, XII, 1957, 353—354.
318. Елеонская, Е. Н. и Каптерев, С. Н. Обзор советской литературы по византиноведению за 1945—1954 гг. — ВВ, IX, 1956, 264—286.
319. М. З. Группа по истории Византии при институте истории АН СССР в 1948—1949 гг. — ВВ, IV, 1951, 263—274.
320. Иванова, О. Е. и Якубовский, В. А. Изучение истории Византии и Причерноморья в Польской Народной Республике (обзор литературы). — ВВ, XI, 1956, 302—307.
321. Ирмшер, И. Византиноведение в Германской Демократической Республике. — ВВ, XIII, 1958, 313—327.
322. Каждан, А. П. Byzantinoslavica — международный византиноведческий журнал (1947—1956). — ВВ, XV, 1959, 216—237.
323. Капсесова, Г. Исследования по византиноведению в Польше. — ВВ, XIII, 1958, 327—336.
324. Каштанов, С. М. Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии. — ВВ, XI, 1956, 308—324.
325. Кечакмадзе, Н. Н. Византиноведение в советской Грузии. — ВВ, XV, 1959, 195—203.
326. Крекич, Б. Византиноведение в Югославии в 1948—1956 гг. Работа в области истории. — ВВ, XII, 1957, 311—319.
327. Кривошеева, В. М. Работы по истории Византии в научном студенческом обществе при Свердловском педагогическом институте. — ВВ, VIII, 1956, 391.
328. Курбатов, Г. Л. Византиноведение в Ленинграде в 1950—1956 гг. — ВВ, XII, 1957, 348—353.
329. Лебедев, Н. С. Список трудов М. В. Левченко. — ВВ, VIII, 1956, 388—390.
330. Левченко, М. В. А. Грегуар и его работы по византиноведению. — ВВ, III, 1950, 230—245.
331. Левченко, М. В. В Византийской группе Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. — ВВ, I (XXVI), 1947, 378—380.
332. Левченко, М. В. В. Е. Вальденберг. — ВВ, II (XXVII), 1949, 417—423.
333. Левченко, М. В. Задачи современного византиноведения. — ВС, 1945, 1—11.

334. Лебедев, Н. С. Научное рукописное наследство академика Ф. И. Успенского. — ВВ, I (XXVI), 1947, 109—113.
335. Липшиц, Е. Э. Византиноведение в Ленинграде в 1946 и 1947 гг. — ВВ, II (XXVII), 1949, 387—389.
336. Е. Л. Византиноведение в Ленинграде в 1948—1949 гг. — ВВ, IV, 1951, 274—277.
337. Е. Л. Византиноведение в Ленинградском государственном университете. — ВВ, I (XXVI), 1947, 380—381.
338. Матье, М. Э. Выставка византийских материалов в Государственном Эрмитаже. — ВВ, XI, 1956, 340—351.
339. Моджеевский, Ю. Памяти Рафаэля Таубеншлага. — ВВ, XV, 1959, 301—304.
340. Наследова, Р. А. и Заборов, М. А. Византия и Запад в «Трудах X Международного конгресса историков в Риме». — ВВ, XI, 1956, 330—339.
341. Николаевич-Стойкович, И. В. Византиноведение в Югославии в 1948—1956 гг. Работа в области археологии и истории искусств. — ВВ, XII, 1957, 319—326.
342. Осипова, К. А. Защита диссертаций по византиноведению в Москве в 1951—1957 гг. — ВВ, XIV, 1958, 358—370.
343. Памяти М. В. Левченко. — ВВ, VIII, 1956, 1—6.
344. Паулова, М. Византиноведение в Чехословацкой республике за последние годы. — ВВ, XII, 1957, 291—304.
345. Пятая византиноведческая сессия Отделения истории и философии АН СССР. — ВВ, V, 1952, 291—300.
346. Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР, посвященная памяти Ф. И. Успенского. — ВВ, I (XXVI), 1947, 370—371.
347. Татарина, К. Н. Византийские сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР. — ВВ, II (XXVII), 1949, 380—416.
348. Удальцова, З. В. и Шандровская, В. С. Берлинская конференция по вопросам византийской и новогреческой литературы. — ВВ, XIV, 1958, 370—378.
349. Удальцова, З. В. Византийская группа Института истории АН СССР. — ВВ, I (XXVI), 1947, 373—377.
350. Удальцова, З. В. Византиноведение в народно-демократической Болгарии (1944—1953). — ВВ, VIII, 1956, 344—366.
351. Удальцова, З. В. Группа по истории Византии при Институте истории АН СССР в конце 1946 и в 1947 г. — ВВ, II (XXVII), 1947, 380—387.
352. Удальцова, З. В. X международный конгресс византистов в Истамбуле. — ВВ, X, 1956, 236—253.
353. Удальцова, З. В. Конференция византистов в Праге. — ВВ, XV, 1959, 295—300.
354. Хассей, Д. М. и Френд, В. Г. К. Византиноведение в Великобритании в 1947—1956 гг. — ВВ, XIII, 1958, 336—367.
355. Чествование памяти Ф. И. Успенского в Одесском государственном университете им. И. И. Мечникова. — ВВ, I (XXVI), 1947, 372—373.
356. Якубовский, В. А. Защита докторской диссертации Н. П. Соколовым «Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы» в Ленинградском университете. — ВВ, VIII, 1956, 391—393.

БИБЛИОГРАФИЯ

357. Леонская, Е. Иностранная библиография по истории Византии (книги 1928—1941 гг.). — ВВ, I (XXVI), 1947, 316—345.
358. Каптерев, С. Н. Библиография. Bibliographia Uspenskiana. I. Хронологический указатель трудов. II. Литература о Ф. И. Успенском. — ВВ, I (XXVI), 1947, 270—314.
359. Лебедев, Н. С. и Россейкин, Ф. М. Издания византийских текстов в западно-европейской литературе. — ВВ, 1945, 265—269.
360. Россейкин, Ф. М. Византия и славяне (библиографический обзор за 1922—1938 гг.). — ВВ, 1945, 270—273.
361. Симон, К. Р. Библиографические работы в области византиноведения. — ВВ, I (XXVI), 1947, 314—316.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

362. Россейкин, Ф. Рец. на: Robert Derveesse. Le Patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe. — ВВ, III, 1950, 282—290.
363. Фрейденберг, М. М. Рец. на: F. Dvornik. The Photian Schism, ВВ, VI, 1953, 320—326.

II

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ, УПОМЯНУТЫХ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ОТДЕЛАХ ЖУРНАЛОВ

- Анасян, А. С. — ВВ, XV, 1959, 215.
 Ангелов, Д. — ВВ, III, 1950, 276; X, 1956, 195.
 Вальденберг, В. Е. — ВВ, II (XXVII), 1949, 417.
 Виннер, А. В. — ВВ, IX, 1956, 259.
 Гопш, М. — ВВ, XIV, 1958, 243.
 Денисов, И. — ВВ, XIV, 1958, 284.
 Дурново, Л. А. — ВВ, IX, 1956, 255.
 Заборов, М. А. — ВВ, XIV, 1958, 262.
 Каждан, А. П. — ВВ, VI, 1953, VII, 1953, 276.
 Каргер, М. К. — ВВ, VII, 1953, 296.
 Каухчишвили, С. Г. — ВВ, VIII, 1956, 373.
 Лазарев, В. Н. — ВВ, V, 1952, 257; VIII, 1956, 374.
 Левченко, М. В. — ВВ, VI, 1953, 279; XII, 1957, 270; XIII, 1958, 388.
 Лишев, С. — ВВ, XV, 1959, 270.
 Люблинская, А. Д. — ВВ, XII, 1957, 284.
 Мавродинов, Н. — ВВ, XIV, 1958, 277.
 Маловист, М. — ВВ, IV, 1951, 201.
 Николаев, В. — ВВ, V, 1952, 276.
 Нупубидзе, Ш. И. — ВВ, II (XXVII), 1949, 374.
 Острогорский, Г. — ВВ, III, 1950, 267.
 Перетерский, И. С. — ВВ, XIII, 1958, 286.
 Пигулевская, Н. В. — ВВ, VII, 1953, 283.
 Примов, Б. — ВВ, VIII, 1956, 385.
 Орбели, И. А. — ВВ, XIV, 1958, 245.
 Сюзюмов, М. Я. — ВВ, IV, 1951; 190; X, 1952, 273; VII, 1953, 306.
 Токарский, Н. М. — ВВ, III, 1950, 257.
 Успенский, Ф. И. — ВВ, I (XXVI), 1947, 29, 109, 114, 270, 308, 370, 372.
 Хачикян, Л. С. — ВВ, VI, 1953; 284; XII, 1957, 289.
 Шангин, М. А. — ВВ, I (XXVI), 1947, 381.
 Юзбашян, К. Н. — ВВ, XV, 1959, 203.
 Якобсон, А. Л. — ВВ, VI, 1953, 252.
 Brehier, Louis — ВВ, II (XXVII), 1949, 337; VI, 1953, 306.
 Buchthal, H. — ВВ, II (XXVII), 1949, 364.
 Calderini, A. — ВВ, XV, 1959, 278.
 Cantarella, R. — ВВ, VII, 1953, 353.
 Cecchelli, C. — ВВ, XV, 1959, 278.
 Chweinfurth, P. H. — ВВ, III, 1950, 298.
 Chierici, G. — ВВ, XV, 1959, 278.
 Démougeot, E. — ВВ, IX, 1956, 286.
 Devreesse, R. — ВВ, III, 1950, 282.
 Dölger, F. — ВВ, VII, 1953, 342.
 Dvornik, F. — ВВ, VI, 1953, 320.
 Frend, W. — ВВ, XI, 1956, 327.
 Hadjinikolaou-Marava, A. — ВВ, V, 1952, 280.
 Hermann, K. — ВВ, XIII, 1958, 290.
 Janin, R. — ВВ, VII, 1953, 314.
 Kurz, O. — ВВ, II (XXVII), 1949, 364.
 Lemerle, P. — ВВ, XV, 1959, 275.
 Lindsay, J. — ВВ, XIII, 1956, 366.
 Lopez, R. S. — ВВ, III, 1950, 290.
 Lot, F. — ВВ, XIV, 1958, 313.
 Mavrogordato, I. — ВВ, XII, 1957, 340.
 Millet, — ВВ, II (XXVII), 1949, 360.
 Moravcsik, G. — ВВ, XII, 1957, 326.
 Ohnsorge, W. — ВВ, VII, 1953, 337.
 Ostrogorsky, G. — ВВ, II (XXVII), 1949, 322; X, 1956, 218; XII, 1957, 330.
 Pairis, G. — ВВ, XIII, 1958, 300.
 Pallasse, M. — ВВ, VII, 1953, 318.
 Palmer, A. Thropp. — ВВ, III, 1950, 294.
 Pringsheim, F. — ВВ, XV, 1959, 255.
 Rice Talbot. — ВВ, II (XXVII), 1949, 360.
 Rouillard, G. — ВВ, X, 1956, 229.
 Rumpler-Schlachter, M. — ВВ, VII, 1953, 378.
 Runciman, S. — ВВ, XIV, 1958, 298.
 Scheltema, H. — ВВ, XV, 1959, 262.
 Stein, E. — ВВ, VI, 1953, 295.
 Thompson, E. A. — ВВ, IX, 1956, 296.
 Thompson, M. — ВВ, XIV, 1958, 296.
 Vogt, J. — ВВ, VII, 1953, 330.
 de Wald Ern. — ВВ, III, 1950, 302.
 Weitzmann, K. — ВВ, II (XXVII), 1949, 367.

ОБЩИЙ АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК АВТОРОВ

- Абрамидзе, Ш. В. — 160
 Абрамишвили, Г. Я. — 291
 Абрамсон, М. Л. — 76
 Анасян, А. С. — 161
 Ангелов, Д. — 2
 Афанасьев, К. Н. — 249
 Ачарян, Р. — 223
 Банк, А. В. — 3, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258
 Бартикян, Р. М. — 4
 Бергер, А. К. — 5, 306
 Богуславский, М. М. — 201
 Бороздин, И. Н. — 77, 78
 Бошкович, Дж. — 259, 307
 Браунинг, Р. — 79
 Бромлей, Ю. В. — 6
 Брунов, Н. И. — 260, 261, 262, 263
 Вальденберг, В. — 224
 Велков, В. — 162
 Веселаго, Е. Б. — 80, 81, 163, 164
 Вишнякова, А. Ф. — 7, 82, 221, 222, 292
 Голенко, К. В. — 293, 294
 Голубцова, Н. И. — 9
 Горянов, Б. Т. — 8, 10, 11, 12, 13, 14, 83, 84, 85, 86, 87, 166, 167, 309, 310, 311, 312, 313, 314
 Готалов-Готлиб, А. Г. — 315
 Грабский, А. Ф. — 88

- Гранстрем, Е. Э. — 168, 226, 295, 296, 297
 Греку, В. — 169
 Гуревич, А. Я. — 89, 90, 91, 316
 Гузальянц, Л. Т. — 264, 298
 Данелиа, С. И. — 170
 Дилигенский, Г. Г. — 15, 16
 Дмитриев, А. Д. — 92, 93
 Достян, И. С. — 94
 Дуйчев, Ив. — 171, 227
 Дьяконов, А. П. — 95
 Елеонская, Е. Н. — 318, 357
 Ернштедт, П. В. — 228, 229, 230.
 Заборов, М. А. — 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 316, 340
 Зимин, А. А. — 103
 Ибрагимов, Г. И. — 17
 Иванова, О. Е. — 320
 Ивянская, Р. А. — 104
 Измайлова, Т. А. — 265
 Ирмшер, И. — 231, 321
 Каждан, А. П. — 7, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 105, 106, 172, 173, 174, 175, 299, 322
 Капанадзе, Д. Г. — 176, 300
 Капесова, Т. — 323
 Каптерев, С. Н. — 318, 358
 Каргер, М. К. — 301
 Карышковский, П. О. — 107, 108, 109, 110
 Кацнельсон, Р. А. — 266, 267
 Каштанов, С. М. — 232, 324
 Кауфман, С. А. — 268, 269
 Кечакмадзе, Н. Н. — 325
 Клибанов, А. И. — 283
 Кондураки, Э. — 30
 Копыленко, М. М. — 234
 Корзухина, Г. Ф. — 270
 Корсуинский, А. Р. — 31, 111
 Костин, Ю. — 112
 Крекич, Б. — 326
 Кривошеева, В. М. — 327
 Курбатов, Г. Л. — 32, 103, 113, 114, 328
 Кусикьян, И. К. — 115, 177, 178, 179, 235, 302
 Кэпштейн, Г. — 180
 Лазарев, В. Н. — 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284
 Лебедев, Н. С. — 329, 334, 359
 Левицкая, В. И. — 285, 286
 Левченко, М. В. — 33, 34, 35, 36, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 181, 183, 184, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336
 Лишиц, Е. Э. — 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 185, 186, 187, 236, 237, 335, 338, 339
 Литаврин, Г. Г. — 44, 45
 Малхасянц, С. С. — 188
 Матье, М. Э. — 338
 Манавдян, Я. А. — 46, 123, 189
 Меликсет-Бек, Л. М. — 190, 191, 238
 Мещерский, Ю. — 303, 342
 Моджеевский, Ю. — 339
 Москаленко, А. Е. — 47
 Наследова, Р. А. — 48, 124, 340
 Николаев, А. Н. — 287
 Николаевич-Стойкович, Ив. — 341
 Осипова, К. А. — 49, 342
 Острогорский, Г. А. — 50
 Паулова, М. — 344
 Петрушевский, И. П. — 51, 52
 Пигулевская, Н. В. — 53, 54, 55, 126, 195, 196
 Половой, Н. Я. — 125
 Полякова, С. В. — 198, 199, 200, 240
 Россейкин, Ф. М. — 127, 314, 359, 360, 362
 Рубанов, А. А. — 201
 Сергеев, М. Е. — 56
 Симон, К. Р. — 361
 Скржинская, Е. Ч. — 128, 129, 130, 203, 204
 Смирнов, Н. А. — 205
 Соколов, Н. П. — 57, 58, 131, 132, 133, 134
 Соколова, Г. М. — 135, 241
 Соколова, И. В. — 304, 305
 Соловьев, А. В. — 136
 Сопонинский, О. И. — 288
 Степанов, А. С. — 206
 Стоклицкая-Терешкович, В. В. — 137
 Сыркин, А. Я. — 138, 242, 243
 Сюзюмов, М. Я. — 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 139, 207, 208, 209, 210, 244
 Талис, Д. Л. — 140
 Татарина К. Н. — 347
 Таубеншлаг, Р. — 69
 Тверитинова, А. С. — 70, 141
 Удальцова, З. В. — 71, 72, 73, 74, 75, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 211, 212, 213, 348, 349, 350, 351, 352, 353
 Успенский, К. Н. — 214
 Успенский, Ф. И. — 148, 149, 312, 315
 Феленковская, И. В. — 245
 Ферлуга, Я. — 150
 Фихман, И. Ф. — 151, 215
 Франчес, Э. — 152, 216
 Фрейденберг, М. М. — 102, 153, 217, 363
 Френд, В. Г. К. — 354
 Хартман, Г. М. — 246
 Хассей, Д. М. — 354
 Хвостова, К. В. — 154
 Цветкова, Б. А. — 155, 156
 Чайковская, О. Г. — 157
 Чалоян, В. К. — 247
 Шангин, М. А. — 219, 220, 221, 222, 313
 Шандровская, В. С. — 248, 348
 Штаерман, Е. М. — 158
 Якобсон, А. Л. — 159, 289, 290
 Якубовский, В. А. — 320, 356

Составитель Э. Д. Титова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский временник
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВИ — Вопросы истории
 ВС — Византийский сборник
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИАН — Известия Академии наук
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 ИОИАЭ — Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 Мон. Азерб. — Е. А. Пахомов. Монеты Азербайджана, вып. I, Баку, 1959
 Мон. Мингеч. — Е. А. Пахомов. Монеты Мингечаура. — Сб. «Материальная культура Азербайджана», II. Баку, 1951, стр. 141—146
 МП — Македонски преглед
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии
 ППС — Православный Палестинский сборник
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 СА — Советская археология
 Сборник ГН — В. Л а т ы ш е в. «Сборник греческих надписей»
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
 Толстой — И. И. Толстой. Византийские монеты, СПб., 1912—1914
 AASS Acta Sanctorum Bollandiana
 AJA — American Journal of Archaeology
 BNJ — Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher
 BS — Byzantinoslavica
 Byz. — Byzantion
 BZ — Byzantinische Zeitschrift
 DOP — Dumbarton Oaks Papers
 Jus — Jus Graeco-Romanum, ed. C. Zachariae a Lingenthal, v. I—III. Lipsiae, 1856—1881
 Λ — Λαογραφία
 MGH — Monumenta Germaniae Historica
 MM — Acta et diplomata Graeca medii aevi, ed. F. Miklosich et J. Müller
 Mordtmann — A. D. Mordtmann. Erklärung der Münzen mit Pehlewi-Legenden. Leipzig, 1854
 NC — Numismatic Chronicle
 Paruck — F. D. J. Paruck. Sāsānian Coins. Bombay, 1924
 PG — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca
 RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
 REB — Revue des Études Byzantines
 Wroth — W. Wroth. Catalogue of Imperial Byzantine Coins in the British Museum, vol. II. London, 1908

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Г. Цанкова-Петкова (София—Болгария). Феодальная рента в болгарских землях под византийским владычеством	3
Р. М. Бартиян (Ереван). Критические заметки о завещании Евстафия Воилы (1059 г.)	26
Н. В. Хвостова (Москва). Некоторые вопросы истории иммунитетных грамот македонских монастырей в XIV в.	38
Ю. Л. Щапова (Москва). Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений в XI—XII вв. . . .	60
А. П. Каждан (Москва). Из истории византийской хронографии X в. 1. О составе так называемой «Хроники Продолжателя Феофана» . .	76
А. Я. Сыркин (Москва). Некоторые проблемы византийского эпоса	97
М. Ю. Брайчевский (Киев). К истории расселения славян на византийских землях	120
<u>Л. А. Мацулевич</u> . Мозаики Бир-аль-Кута и Пицунды	138
В. Д. Лихачева (Ленинград). Четвероевангелие XI в. в собрании Ленинградской публичной библиотеки	144
А. Л. Якобсон (Ленинград). О численности населения средневекового Херсонеса.	154
Р. М. Джанполадян (Ленинград). Два стеклянных сосуда из Новогрудка	166
М. И. Камера, К. В. Голенко (Москва). Ленинкавский клад сасанидских и византийских монет (1956 г.)	172
Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Выпуск 3. Рукописи XI в.	194
Д. Л. Талис (Москва). Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет	240
М. М. Трапш (Сухуми). Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг.	260

Критика и библиография

М. Я. Сюзюмов (Свердловск). З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI веке. М., 1959	283
М. А. Тиханова (Ленинград). А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. МИА, № 63. М.—Л., 1959	294
Я. Н. Любарский (Великие Луки), А. Я. Сыркин (Москва). Две византийские хроники X в. «Псамафийская хроника». Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники. М., 1959	307

Р. М. Бартикян (Ереван). Некоторые уточнения к переводу сочинения Иоанна Камениаты «Взятие Фессалоники»	315
Н. Н. Леман (Ленинград). Обзор работ проф. Д. С. Ангелова и проф. М. Н. Андреева по истории болгарского государства и права феодалного периода	319
Н. П. Соколов (Горький). Freddy Thiriet. La Romanie Vénicienne au Moyen âge. La développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XII—XV siècles). Paris. 1959	329
З. Д. Титова (Ленинград). Указатель статей к сборнику «Византийский временник».	351
Список сокращений	365

Византийский временник,

т. XIX

*Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР*

•

Технический редактор Т. В. Полякова

•

РИСО АН СССР № 16-80В. Сдано в набор 19/XII/1960 г.
Подписано к печати 17/VIII 1961 г. Формат 70×108^{1/16}.
Печ. л. 23:—31,51+8 вкл. Уч.-издат. л. 32,4 (31,5 +
8 вкл.). Тираж 1600 экз. Т-08607. Изд. № 5174. Тип.
зак. № 948.

Цена 2 р.

•

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12